

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929243 7

Cellar

32 I 7

* 25

ВЛАДОТЪВА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

и зъ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Вратыискаго. Барона Брамбеуса. Ф. В. Булгарина. А. Ф. Воейкова. Ф. Н. Глинка. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Зегоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирзевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. М. А. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погоральскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свиньина. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И. М. Сянгирева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. В. М. Федорова. Гр. Д. И. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастнаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястрбцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

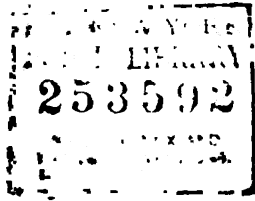
ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1834 года Іюля 31 дня.

Ценсоръ *В. Семеновъ.*

ВРОУ WAM
31804
1834

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Жизнь и смерть, Мистерія. <i>Тимофеева</i>	1.
Подражаніе древнимъ. <i>А. С. Пушкина</i>	20.
Битва при Тиверіядѣ. Отрывокъ изъ Трагедіи автора «Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ».....	206.
Судъ надъ XVIII вѣкомъ. Изъ Виктора Гюгѣ. <i>С. Гедеонова</i>	215.
Молитва. <i>Г. Мызникова</i>	218.
Пахомъ Степановъ. Сказка въ стихахъ. <i>В. Гарненкова</i>	221.

ПРОЗА.

Зимнее Зимовье. <i>Я. Оз-го</i>	21.
Воспоминанія о Сиріи. I. Затмѣніе солнца. <i>О. А. Морозови</i>	27.
— — — II. Преступные любовники.....	151.
Пещера за кладбищемъ. Повесть. <i>Я. Озерецкаго</i> .	42.
Последній консулъ въ Кафѣ. Повесть <i>А. Б. Шидловскаго</i>	59.
Жертва порока. Сцены изъ городской жизни. <i>Г. Алексѣя Шлихтера</i>	161.
Сказка о ворѣ и бурой коровѣ. <i>Казака Луганскаго</i> ..	195.
Предзнаменованіе смерти Екатерины Великой. <i>Графа Д. И. Хвостова</i>	204.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Какъ пишутся Путешествія. Изъ <i>Metropolitain</i>	1.
Латинскіе Литераторы въ I вѣкѣ по Р. Х. Изъ <i>Etudes de M. Nisard</i> и <i>Revue de Paris</i>	17.

Что такое свобода? Изъ <i>New Monthly Magazine</i>	94.
Эпохи упадка Словесностей. Разборъ критическихъ мнѣній Гг. Низара и Вилламена. <i>О Сенковского</i>	70.
Англійскіе Романы-путешествія.....	109.
— I. Матросскій наборъ въ Англию. Изъ <i>Tom Cringle's Log</i>	110.
— II. Балъ на островѣ Барбадосѣ. Изъ <i>Peter Simple</i>	122.
Дивы дивныя. Изъ <i>Quarterly Review</i> и <i>New Monthly Magazine</i>	139.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Графъ Панинъ. <i>Бантиша-Каменскаго</i>	1.
Чахотка и новый способъ ея леченія. Изъ <i>Athenæum</i>	15.
Свободная торговля хлѣбомъ. Изъ <i>Edinburgh Quarterly Review</i> etc.....	35.
Чувства опособности и страсти рыбъ. Изъ <i>Foreign Quarterly Review</i> . и <i>Monthly Review</i>	65.
Теплота Земнаго Шара. Изъ <i>Annuaire du Bureau des Longitudes</i>	81.
Путевыя Записки. Ямбургъ. Нарва. Гдовъ. Псковъ. Изборскъ. Печоры. Псковской губерніи. Рига. Ливонія. <i>К.И. Арсеньева</i>	95.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О громовыхъ и градовыхъ отводахъ и устройствѣ соломённыхъ градоотводоу. <i>Н. П. Филипова</i>	1.
Составъ для истребленія таракановъ.....	19.
Объ улучшеніи породъ домашняго скота. <i>Н. П. Филипова</i>	21.
Скорое средство откармливать лошадей.....	38.
Составъ для склеиванія стекла, фарфора и фаянса.....	39.
Способъ сохранить яйца долгое время.....	40.

V.

КРИТИКА.

Душевные болѣзни, соч. Г. Бутковскаго.....	1.
Регентство Бирона, Г. Массальскаго. — Ермакъ, Г. Свиньина. — Лунатикъ, Г. Вельтмана.....	17.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги. <i>Юль</i> , 1834.....	1.
— <i>Августъ</i> , 1834.....	21.
Разныя извѣстія. <i>Юль</i> , 1834.....	15.
Русскій театръ въ С-Петербургѣ. <i>Юль</i> 1834. Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ.....	17.
— <i>Августъ</i> , 1834. Даммермурская пѣснь.....	27.

VII.

СМѢСЬ.

Королевскій Институтъ въ Парижѣ. Академія Наукъ. — 1. Астрономическія разысканія Г. Біо о Хронологіи Египтянъ. 2. Открытіе зубовъ въ желудкѣ. 3. Угольная кислота въ капельномъ видѣ. 4. Коршія Г. Ганшала.....	1.
— 1. Разысканіе о древности компаса. 2. Постепенность усиленія внутренней температуры Земнаго Шара. 3. Новое открытіе въ электричествѣ. 4. Новое разложеніе мозга.....	65.
Цвѣта въ метеорологическомъ отношеніи.....	8.
Пирмонтская пещера.....	9.
Тяжеловѣсный чай.....	11.
Русскіе подьячіе XVII вѣка.....	11.
О томъ, какъ Англичане учили Африканскій народъ Буламовъ брать взятки.....	15.
Торговля въ Сіерра-Леоне.....	21.
Англійская Восточная Индія.....	25.
Африканскіе поселенцы.....	26.
Сраженіе тигра съ крокодиломъ.....	35.
Новый Вильгельмъ Телль.....	37.
Охота за гіеною.....	58.
Кулачные бои въ Англіи.....	41.
Воздушное путешествіе.....	43.
Германскіе студенты.....	47.
Книголюбіе въ Германіи.....	52.
Торнвальдсенъ.....	53.
Различное дѣйствіе горъ на легкія.....	69.
Кровообращеніе въ полипахъ.....	72.
Лекарство противъ бѣлаго мышьяку.....	74.

Смертность въ С.-Петербургъ.....	74.
Умъ Норвежскихъ орловъ.....	76.
Смышленость устрицъ.....	77.
Промышленость перистоковъ и улитокъ.....	78.
Потребленіе нѣкоторыхъ товаровъ въ Россіи.....	80.
Вывозная торговля Англіи.....	81.
Торговые балансы.....	81.
Историческое изслѣдованіе объ игорныхъ картахъ.....	85.
Экспедиція капитана Росса.....	89.
Хитрости контрабандистовъ.....	92.
Верховая ѣзда на птицахъ.....	94.
Новая ясновидящая.....	96.
Психологическое изслѣдованіе сновъ.....	97.
Ренджитъ-Синъ, царь Лагорскій и Кашмирскій.....	105.
Наполеонъ и Англійская капитанша.....	108.
Аише, Карсская дѣвица. 1. Аудиенція Европейскаго путешественника у Азіятскаго паши. 2. Сраженіе верблюдовъ.....	110.
Знаменитыя живописцы.....	114.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
— <i>Іюль</i> , 1834. Новый Водевиль Г. Ансело.....	54.
— <i>Августъ</i> , 1834. Счастливая какъ царица, новая комедія Г. Ансело. Женская прихоть, новая Опера Пера. Корабельный капитанъ. Семь смертныхъ грѣховъ. Дайте мнѣ взаймы пять франковъ. Неумирающій жидъ.....	116.
Словесность во Франціи:	
— <i>Іюль</i> 1834. Литературные Журналы. Сепгъ-Бевъ Альфредъ Мюссе. Ипполитъ Реналь. Викторъ Гюго. Бальзакъ.....	55.
— <i>Августъ</i> , 1834.....	121.
Словесность въ Англіи:	
— <i>Іюль</i> 1834. Томасъ Муръ. Бекфордъ. Гакинсъ и пр. 60.	
— <i>Августъ</i> , 1844.....	128.
Новыя книги, Французскія, Англійскія, Нѣмецкія:	
— <i>Іюль</i> , 1834.....	61.
— <i>Августъ</i> 1834.....	129.
Моды. <i>Іюль</i> 1834.....	64.
— <i>Августъ</i> 1834.....	133.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗИЯ.

=

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

=

МИСТЕРІЯ.

=

«Придите вси труждающіеся и
обремененни, и азъ упокою вы!»

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Скала. Внизу море. Кругомъ все цвѣтеть и благоухаетъ. Вдали без-
конечная перспектива ландшафтовъ. Небо ясно. Солнце горитъ во всемъ
своемъ блескѣ. На скалѣ юноша. Передъ нимъ толпа призраковъ, между
которыми время-отъ-времени мелькаетъ призракъ величественной же-
нщины подъ покрываломъ.

ПЕРВЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Ко мнѣ, ко мнѣ, мой юноша прелестный!

ВТОРОЙ ПРИЗРАКЪ.

Ко мнѣ!

Т. V. — Стл. I.

ТРЕТИЙ ПРИЗРАКЪ.

Не слушай ихъ!.... сюда! ко мнѣ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Я подарю тебѣ свободу!

ВТОРОЙ ПРИЗРАКЪ.

Я дамъ тебѣ другое Я!

ТРЕТИЙ ПРИЗРАКЪ.

Я больше дамъ, — я дамъ безсмертье!

ВТОРОЙ ПРИЗРАКЪ.

Я дамъ блаженство на земли!

ТРЕТИЙ ПРИЗРАКЪ.

Не вѣрь измѣнницѣ! обманеть!....
 Ко мнѣ иди! я вознесу
 Тебя надъ гордою толпою
 Твоихъ собратій, честолюбцевъ,
 И имя въ вѣки передамъ!....

ПЯТЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Пустое! жеть!.... съ сумою пустить
 Шататься по свѣту, и хлѣбъ
 Вымалывать у состраданья.
 Иди ко мнѣ, подъ мирну сънь
 Родительскаго крова! тихо
 И безмятежно протекутъ
 Со мной твои молодые годы....

ШЕСТОЙ ПРИЗРАКЪ.

Не отдавайся никому!
 Держись во всемъ святой срединѣ!
 Ищи не славу, а чины,
 Святой ээирь, а не свободу,
 И не любовницу, — жену!

СЕДЬМОЙ ПРИЗРАКЪ.

Не гърь, не слушай этой нищей!
 Ея душа — могильной хладъ,
 Съкира славы и величья!

Въ тебѣ горитъ святой огонь,
 Затженный самою Природой.
 Да не коснется до него
 Ни чье дыханіе! огъ твой!
 Онъ неприступная святыня....
 Питай его, лелѣй, храни!

юноша (въ раздумьѣ).

Ты права? О, не обмани!

Призракъ женщины подь покрываломъ начинаетъ манить его къ себѣ;
 но онъ того не замѣчаетъ.

ВТОРОЙ ПРИЗРАКЪ.

Мнѣ вѣрся, мнѣ! Иди за мною!
 Тяжелъ путь жизни безъ меня.
 Лишь за одну мою улыбку
 Годами счастья платятъ мнѣ.
 Сбери вокругъ себя все злато,
 Будь богомъ ангела молвы,
 Купайся въ морѣ наслажденій,
 Достигни трона.... безъ меня
 Ты все лишь нищій въ этомъ свѣтѣ,
 Рабъ жизни.... Да! одна лишь я
 Могу наполнить эту бездну
 Глухой, беззвучной пустоты.
 Одна лишь я владѣю силой
 Творить безъ Бога чудеса....
 Теперь смотри, какъ всѣ умолкли,
 Какъ все покорствуешь здѣсь мнѣ!
 Когда еще на этомъ небѣ
 Ни солнца не было, ни звѣздъ,
 Когда земля еще дремала
 Въ своемъ глубокомъ, мертвомъ снѣ,
 Я ужъ была; я ужъ взирала
 На этотъ спящій, мертвый свѣтъ,
 И вмѣстѣ съ Богомъ созидала
 Его грядущую судьбу!
 Иди за мной! я поведу

Путемъ, усыпаннымъ цвѣтами,
 И новой жизнью обновлю;
 И звѣзды сдѣлаю ярче,
 И солнце краше, и весь міръ
 Наполню райскими мечтами....
 Все оживеть передъ тобой!
 И шелестъ листьевъ темной рощи
 Вдругъ залепечетъ языкомъ
 Давно роднымъ душѣ и сердцу;
 И ручеекъ вдругъ зажурчитъ
 Давно знакомыми словами;
 И говоръ горлинокъ въ лѣсу
 Въ твоей душѣ какимъ-то чуднымъ,
 Небеснымъ звукомъ западетъ....
 И ты поймешь! безъ вдохновенья
 Ты будешь мною лишь поэтъ.
 Я оболю тебя восторгомъ;
 Въ одно звено совокуплю
 Всѣ наслажденья, все блаженство
 Земли и неба; новый міръ
 Создамъ тебѣ подъ этимъ небомъ,
 И въ этомъ мірѣ поселю....

ТРЕТІЙ ПРИЗРАКЪ.

Не вѣрь коварной лепетунь!
 Бѣги, бѣги златыхъ цѣпей!
 Ея слова — змѣя подъ розой,
 Ея восторги — адскій огонь,
 Ея блаженство — опьянѣнье,
 Безсмысленный, бездушный сонъ....
 Одна небесная улыбка,
 И — миллионъ кинжаловъ въ грудь!
 Забудь коварную! будь мужемъ.
 Я поведу тебя въ свой храмъ.
 Проснись! страхни съ себя дремоту!
 Иди за мной! тяжелъ мой путь,
 И пусть, и глухъ, и не цвѣтами,

Колючимъ тернiемъ покрытъ;
 Но каждый шагъ по немъ — шагъ къ храму,
 Блестящiй, мощный, славный шагъ.
 Идемъ!.... Высоко надъ землею
 Мой храмъ раскинулъ свой шатеръ
 И колоннадой золотою
 Сводъ неба яснаго подперъ.
 Идемъ, идемъ, мой спутникъ вѣрный!
 Тамъ лавры вьются по стѣнамъ,
 Полы порфирами покрыты,
 Въ подножь троны и вѣнцы;
 Повсюду мещутъ водометы
 Живой воды, и каждый столбъ
 Тамъ цѣлое столѣтье. Время,
 Склонивъ главу, въ дверяхъ стоитъ
 И съ легкокрылою молвою
 Входитъ въ храмъ завѣтный сторожить.
 Тамъ вѣчно день и вѣчно лѣто,
 На зло Природѣ и вѣкамъ,
 И все огнемъ святымъ согрѣто,
 И солнце не заходитъ тамъ.
 Тамъ есть скрижаль изъ адаманта:
 Ее сонмъ ангеловъ хранить,
 И самый рокъ ее щадить.
 Достигни храма моего,
 И имя звучное твое
 На той скрижали отразится
 Въ чистѣйшихъ, пламенныхъ лучахъ;
 И обовѣтся безконечнымъ,
 Безсмертнымъ, огненнымъ кольцомъ....

осьмой призракъ.

Къ чему съ опасностью сражаться
 И жизнью дерзостно играть;
 За дживымъ будущимъ гоняться
 И настоящимъ торговать!
 Жизнь коротка. Не запасайся

Ничѣмъ излишнимъ въ этотъ путь;
 Бери лишь нужное въ дорогѣ,
 А всѣ заботы, суеты
 Изъ сумки страннической выбрось.
 Жизнь тяжела и безъ того;
 И безъ того въ ней много сора:
 Зачѣмъ еще обременять
 Свои плеча излишнимъ хламомъ?
 Пойдемъ со мной! Я облегчу
 Тебя отъ этой тяжелой ноши.
 Я не имѣю на землѣ
 Ни пышныхъ храмовъ, ни молельсь,
 Ни силы божеской творить
 Межъ вами новыя вселенны;
 Но всякой... всякой человѣкъ,
 И шутъ, и рабъ, и царь, и нищій,
 Мнѣ данъ обычную несутъ.
 Мой путь не труденъ, не опасенъ,
 И не грозитъ нигдѣ бѣдой;
 Мой путь покоенъ и пріятенъ,
 И путникъ мой всегда со мной.
 Напѣнимъ чашу наслажденья;
 Пусть пѣна бьетъ черезъ края.
 Со мной не бойся пресыщенья.
 Увидишь самъ! Вся жизнь моя
 Лишь цѣпь утѣхъ, разнообразья,
 Веселья, пѣсень и забавъ...

ДЕВЯТЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Отринь безумное желанье!
 Сначала льстить оно, сулить
 Моря блаженства, миллионы,
 Заманчивыхъ утѣхъ; а тамъ
 Тебя же послѣ обанкрутить,
 И нищимъ, тѣломъ и душой,
 Шататься по свѣту отнустить.
 Сдружиись, мой юноша, со мной;

Ищи существеннаго въ жизни.
 На свѣтъ все здѣсь мишура;
 Одно лишь золото — богатство.
 На деньги можно все купить,
 Когда все въ свѣтъ продается!
 Иди ко мнѣ! Я оболью
 Тебя всего дождемъ богатства,
 Дамъ горы камней дорогихъ
 И въ морѣ злата искупаю....

Призракъ женщины подъ покрываломъ начинаетъ снова манить къ себѣ юношу; но онъ не обращаетъ на нее вниманія.

ДЕСЯТЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Къ чему, другъ, золото тебѣ?
 Умрешь, останется же послѣ.
 Къ чему и слава, и любовь,
 Къ чему пустыя наслажденья?
 Измѣнить все! лишь только ты
 Напрасно жизнь свою истратишь
 На эти мелочи. Иди
 Ко мнѣ! Я вдругъ не обещаю
 Большихъ, значительныхъ даровъ,
 Надеждой сладкой не прельщаю,
 И всѣмъ на свѣтъ говорю,
 Что даромъ рѣдко я даю....
 Но ты узнаешь, какъ пріятно,
 И какъ полезно, хорошо,
 И какъ на случай пригодится
 Меня подругою имѣть.
 Я не существенность, я призракъ,
 Я просто глупый идеаль;
 Но люди только для меня
 И вѣсть садятся; только мною
 И спать, и грѣзять, и живутъ!
 Сдружись со мной, и ты получишь
 Все, что захочешь на землѣ.

Я идолъ свѣта. Свѣтъ помѣшанъ
 На мнѣ. И я не только здѣсь,
 Во время этой скучной жизни,
 Тебя довольствомъ окружу
 И сдѣлаю святымъ предметомъ
 Почтенья, лести и похвалъ;
 Но и за гробомъ, на могилѣ
 Воздвигну памятникъ тебѣ!....

ТРЕТІЙ ПРИЗРАКЪ.

Бездушный! Прочь отъ этой низкой,
 Пустой, бессмысленной ханжи!
 Иди за мной! Иди! Насильно
 Я за собою повлеку....

ВТОРОЙ ПРИЗРАКЪ.

Иди за ней! Я отрекаюсь
 Отъ правъ моихъ. Хоть уголокъ
 Оставь въ своемъ мнѣ сердцѣ!
 Любовь и слава издавна
 Сльвуть подругами на свѣтѣ....

ТРЕТІЙ ПРИЗРАКЪ.

Ни чьей я дружбы не хочу!
 Оставь весь свѣтъ, отца и мать;
 Все, все оставь, и мной живи.
 Я выше всѣхъ своихъ соперницъ.
 Иль прочь, или весь мой.... Смотри!

Въ воздухъ образуется храмъ славы.

юноша (въ восторгѣ).

Я твой!

ТРЕТІЙ ПРИЗРАКЪ.

Лети!

ВТОРОЙ ПРИЗРАКЪ.

Постой! постой!

Въ облакахъ является идеалъ женщины.

юноша (простирая къ ней свои руки).

Она! Она!.... Я твой! Я твой!

ДЕВЯТЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Сюда! (Утесъ покрывается горами золота.)

Ко мнѣ!

ЮНОША (пожираетъ золото глазами).

ПЯТЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Ко мнѣ!

Вдали является родительскій его домъ. Юноша хочетъ кинуться къ нему.

ТРЕТИЙ ПРИЗРАКЪ.

Смотри!

Храмъ славы освѣщается необыкновеннымъ сіяніемъ.

ЮНОША, въ ужасномъ волненіи обращается къ призраку женщины въ покрывалѣ.

О, помоги мнѣ!.... Помоги!....

ПРИЗРАКЪ ЖЕНЩИНЫ.

Оставь земное мертвецамъ,
И слѣдуй съ вѣрою за мною!
Легко мое святое бремя
И нго благо....

ТОЛПА ПРИЗРАКОВЪ.

Лжетъ! — Не вѣрь! —
Сюда! — Ко мнѣ! — Иди за мною! —
Ко мнѣ! — Ко мнѣ! — Сюда! — Сюда!....

ЮНОША.

О случай, будь моимъ вожатымъ!

Кидается, зажмуривъ глаза, въ средину толпы призраковъ, и погружается съ ними въ море. Небо начинаетъ покрываться тучами. Призракъ женщины подъ покрываломъ слѣдуетъ за юношей.

==

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Берегъ моря. Темная, тихая ночь. На небѣ ни одной звѣздочки. На самомъ берегу лежитъ спящій старикъ. Въ ногахъ его обломки разрушеннаго корабля и гробъ. Вдали, въ туманѣ, призракъ женщины подь покрываломъ. Кругомъ глухая пустота.

СТАРИКЪ (вздрагиваетъ, мгновенно пробуждается и съ ужасомъ осматривается вокругъ).

Ужель все это былъ лишь сонъ!....

(Увидѣвъ гробъ.)

О, пощади меня надежда!....

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Все идетъ своей чредою,
Все имѣетъ свой конецъ;
Жизнь коварна подь луною:
Такъ назначилъ самъ Творецъ!

Все получить воздаянъе;
Упадетъ земной кумиръ!
Злобъ — вѣчное страданъе,
Чистой правдѣ — вѣчный миръ!

Смертный! съ мощною судьбою
Слабой волей не борись,
И покорною душою
Предъ Создателемъ смирись!

СТАРИКЪ (вскакиваетъ).

Нѣтъ! Нѣтъ!.... Я жить хочу! Жить! Жить!....

ПРИВИДѢНІЕ.

А что ты сдѣлалъ въ этой жизни?
Какою краскою покрылъ
Ея безцвѣтныя страницы?
Какою мыслью отгвнилъ
Ея глухое пустословье?
Какой отвѣтъ нессшь на судъ

Неумолимаго Владыки?
 Какой отвѣтъ?... Когда и чѣмъ
 Ты доказалъ, что въ цѣпи жизни
 Ты былъ не связію пустой,
 Пустымъ пулемъ, а единицей,
 Самостоятельнымъ звеномъ?
 Взгляни теперь, взгляни кругомъ
 На эту голую равнину, —
 Пустой, ободранный скелетъ,
 Погрязшій въ тишѣ пресыщенья!
 Взгляни на эту пустоту
 Съ ея ужасной укоризной;
 На этотъ черный сводъ небесъ
 Съ его померкшими звездами
 И обезславленной луной!
 Вотъ жизнь твоя.... Твое проклятье,
 Твой вѣчный, вѣчный, вѣчный.... адъ! (Исчезаетъ.)

старикъ (на колыбеляхъ).

О, сжался, сжался!.... Пошади!....
 (Со всѣхъ сторонъ дикій хохотъ.)

огненный духъ.

Пошады нѣтъ! Не унижайся!
 Неумолимъ твой судія.
 Погибло все. Теперь терзайся.
 Теперь ты мой.... до гроба мой!
 Скорѣй! скорѣй въ мои объятія,
 Сынъ отверженья и проклятья.
 Проснулся поздно ты, старикъ!
 Погибло все; звезда померкла,
 И стебель жизни подъ косою:
 Одинъ ударъ, и — все свершится.
 Твой часъ приходитъ: упреди
 Его! За гробомъ нѣтъ страданья.
 (Бросаетъ ему кипжаль.)

Рѣшайся! Смерть иль жизнь и адъ!....

ГОЛОСЪ ИЗЪ ГРОБА.

Мрачно и душно
 Въ холодной землѣ!
 Алчныя змѣи
 Гнѣзды тамъ вьютъ;
 Хищные черви
 Въ гробъ живутъ....

ОГНЕННЫЙ ДУХЪ.

Скорѣй! Не слушай этой пѣсни!
 Въ могилѣ сонъ и вѣчный миръ.

.....
 Твой факель жизни догорѣлъ,
 Осталась смрадная свѣтильня.
 Гаси ее, гаси скорѣй,
 Иль задохнешься этимъ смрадомъ!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ГРОБА.

Чудной печатью
 Гробъ заклеимъ:
 Горе, печать ту
 Самъ кто сорветъ!
 Страшная тайна
 Въ гробъ всѣхъ ждетъ!

ОГНЕННЫЙ ДУХЪ.

Колемблешься, старикъ? Терзайся жъ
 Въ глухомъ ничтожествѣ твоемъ!
 Пусть каждый мигъ напоминаетъ
 Тебѣ твой грѣхъ и твой позоръ!
 Пусть каждый отблескъ новой мысли
 Тебя жжетъ гибельнымъ огнемъ
 И умъ послѣдній затемняетъ!
 Жизнь начинается твоя
 Лишь только съ этого мгновенья;
 Но жизнь — ужаснѣй всѣхъ смертей, —
 Жизнь Прометея! Ни улыбка,

Ни вздохъ отрады, ни слеза,
 Ни безотчетный трепеть сердца
 Не освѣжать твоей груди.
 Какъ смрадный трупъ въ глухой могилѣ
 Ты будешь тлѣть въ самомъ себѣ
 И постепенно разрушаться;
 И ночь тебя не приютить,
 И день безжалостно отвергнетъ.
 Твой день — день страшнаго суда,
 Твой сонъ — кипящая горячка,
 Твой идеаль — позорный столбъ!
 Терзайся, рвись, страдай.... Будь проклятъ!

(Разсыпается въ рой огненныхъ духовъ.)

ХОРЪ ОГНЕННЫХЪ ДУХОВЪ.

За руки взявшись,
 Огненной цѣпью
 Все обовьемъ;
 Кликомъ побѣднымъ,
 Адскою пѣснью
 Душу зажжемъ!

Съ сладостной грѣзы
 Пестру завѣсу
 Опытъ сорвалъ:
 Грѣза исчезла,
 Грѣза умчалась....
 Часъ твой насталь!

Вихрь, буря, громъ и молнія.

СТАРИКЪ.

О, поглоти меня земля!

Онъ падаетъ въ изнеможеніи на
 землю. Духи устремляются на него.
 Является таинственный призракъ
 женщины подъ покрываломъ; души
 исчезаютъ; повсюду прежняя ти-
 шина.

ПРИЗРАКЪ (приподнимая старика).

Утѣшься, бѣдный! Успокойся!

СТАРИКЪ.

Прочь! прочь!

ПРИЗРАКЪ.

Старикъ, всмотрись въ меня!

СТАРИКЪ.

Исчезни! Я тебя не знаю.

ПРИЗРАКЪ.

Кто съ теплой вѣрою въ груди
За мною слѣдуетъ смиренно;
Меня тотъ знаетъ, и того
Я знаю.

СТАРИКЪ.

Мнѣ всѣ мечты такъ говорили!

ПРИЗРАКЪ.

И всѣ оставили тебя!
А я съ тобою и въ изгнаньѣ....
Ты не внималъ моимъ словамъ,
Ты убѣгалъ меня, смѣялся
Надъ милосердіемъ моимъ;
А я, смотри, я все съ тобою!
Я не оставила тебя!
Сама зову на примиренье
И предлагаю жизнь и свѣтъ.

СТАРИКЪ.

Мнѣ всѣ мечты то жъ предлагали!

ПРИЗРАКЪ.

И обманули всѣ тебя.
Дары ихъ — быліе земное,
Весенній цвѣтъ и суета,
Добыча случая и смерти.
Я не сулю здѣсь ничего,
Я ничего здѣсь не имѣю;

Я здѣсь изгнанница сама.
 Кто хочетъ слѣдовать за мною;
 Тотъ предъ Создателемъ смиришь,
 И тяжкій крестъ носи съ терпѣньемъ,
 И отъ земнаго отрекись.
 Гдѣ слезы, горестъ и смиренье
 Съ святою вѣрой, — тамъ и я!

СТАРИКЪ.

Откройся мнѣ! Сорви покровъ!

ПРИЗРАКЪ.

Я открываюсь лишь младенцамъ
 Душой. Иди ко мнѣ, иди
 Въ мои горячія объятія!
 И въ душу бальзамъ я волюю,
 И язвы сердца изврачую.
 Иди! Я истина, любовь,
 Глазь вопіющаго въ пустынь.
 Оставь, забудь весь этотъ свѣтъ!
 Одна лишь мерзость въ этомъ свѣтъ
 И запусьніе. Склонись
 Ко мнѣ на грудь. Я успокою
 Твой возмущенный, падшій духъ.
 Ты изнемогъ, ты боленъ, жаждешь,
 Ты весь въ огнѣ, ты весь горишь:
 Иди ко мнѣ! Во мнѣ источникъ
 Живой, питательной воды;
 Кто разъ одинъ меня напьется,
 Тотъ не возжадетъ никогда.
 Я древо жизни. Путь къ блаженству,
 Блаженству вѣчному во мнѣ.
 Иди ко мнѣ, заблудшій странникъ!
 Иди, возлюбленный мой сынъ!
 Съ тобою вмѣстѣ я оплачу
 Твои страданья и грѣхи;
 Согрѣю матернимъ лобзаньемъ:
 Я солнце истины. Иди!

Въ моихъ объятяхъ утѣшенъе,
Святой приютъ и благодать.

СТАРИКЪ.

О, милосердая, я твой!

ПРИЗРАКЪ.

Повергнись дому предъ Всевышнимъ!

СТАРИКЪ.

Могу ли я, ничтожный червь,
Къ Нему молитвой возноситься!....

ПРИЗРАКЪ.

Надѣйся, вѣруй и молись.
Онъ никого не отвергаетъ.

Старикъ падаетъ на колѣни и начи-
наетъ молиться.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Тихо, спокойно
Въ недрахъ Природы
Послѣ непастья;
Тихо, спокойно
Послѣ молитвы
Въ сердце страдальца.

Кто въ поднебесной
Можетъ измѣрить
Свѣтъ и сіянье?
Что съ милосердьемъ
Бога живаго
Можетъ сравняться?

Какъ обновляетъ
Мертвую землю
Солнце весною;
Такъ обновляетъ
Грѣшную душу
Свѣтъ покаянья.

СТАРИКЪ (съ слезами на глазахъ).

О, не отвергни, Благодатный,
Молитву грѣшную раба!

ТИХІЙ, ПРИЯТНЫЙ ГОЛОСЪ.

Твоя молитва принята!

Призракъ поднимаетъ старика и
заключаетъ въ свои объятія.

ПРИЗРАКЪ.

Свершилося! Господь сподобилъ....
Привѣтствую тебя, мой сынъ!

СТАРИКЪ.

О, какъ легко мнѣ! Оживаю!
Но какъ предстану предъ Него,
И съ чѣмъ явлюся?....

ПРИЗРАКЪ.

Съ покаяньемъ.

СТАРИКЪ.

Смотри, Великая, смотри:
Давно ужъ гробъ передо мною!

ПРИЗРАКЪ.

Разбойникъ взять и со креста.
Идемъ, мой сынъ! Не бойся гроба!
Одно лишь слово *смерть* страшно.
Сдружися съ этой мыслью. Крестъ
Твоей тяжелой, смутной жизни
Ужъ на Голгоѣ. Близокъ часъ!
Свершится чудное! Изъ мрака
Воспрянетъ чистый, ясный свѣтъ;
Изъ брэнной, горькой чаши жизни
Прольется свѣтлый, мощный духъ.

Подводитъ старика къ гробу.

Ложись спокойно. Я съ тобою,
Никто на насъ!

СТАРИКЪ (отворачиваясь отъ гроба).

О, страшно, страшно,
Темно и холодно въ душѣ!

ПРИЗРАКЪ.

Что оставляешь ты на свѣтѣ?
О чемъ жалѣть тебѣ? Смотри,
Какъ все здѣсь скучно, какъ уныло,
Какъ все здѣсь дышитъ пустотой!
Не та же ль душная могила;
Не тотъ же ль гробъ?... Утѣшься, другъ:
На свѣтѣ все живетъ для смерти,
И рано ль, поздно ль, все умретъ.
И чѣмъ скорѣй, тѣмъ будетъ лучше,
Тѣмъ меньше горя и грѣховъ.
Готовься жъ, другъ! Близка минута!....

СТАРИКЪ (занося ногу въ гробъ).

Еще одинъ, одинъ хоть часъ!

ПРИЗРАКЪ.

О чемъ ты молишь, безразсудный?
Въ тебѣ лишь тѣло говорить.
Воспрянь, воспрянь своей душою;
Встань выше суетной земли.
Вотъ просыпается Природа!
Вотъ заяснѣлся небосклонъ!
Разсвѣтъ твой близокъ, — близко утро!
И солнце вѣчности ужъ ждетъ
Святой, таинственной минуты....

СТАРИКЪ.

Дыханье рвется изъ груди...
Я холодю!.... холодю!....
Спаси, спаси.... меня, Творецъ!

Опускается на руки призрака.
Призракъ кладетъ его въ гробъ.

ПРИЗРАКЪ.

Спокойся, другъ! За гробомъ миръ,
 Жизнь безмятежная, святая,
 Безъ воздыханій, безъ болѣзней;
 Жизнь вѣчная.... Пречистый ликъ
 Небесныхъ ангеловъ причислитъ
 Тебя въ свой свѣтлый, мощный сонмъ;
 Твое безжизненное имя
 Внесется въ книгу живота;
 Ты узришь Бога, и въ величьи
 Его святомъ сольешься весь
 Въ одинъ восторгъ, въ одно блаженство....

Призракъ сбрасываетъ съ себя покрывало, и является во всемъ своемъ величьи. Небо разверзается. Все пространство между небомъ и землею наполняется ангелами. На лицѣ умирающаго вспыхиваетъ огненный румянецъ; глаза его начинаютъ блистать.

ГОЛОСЪ СЪ НЕБА.

«Придите, вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы!»

Умирающій простираетъ къ небу свои руки; взоры его обращаются на стоящее возлѣ него видѣніе; на устахъ является улыбка самодовольствія. Въ эту минуту вылетаетъ послѣдній его вздохъ. Религія закрываетъ ему глаза.

ТИМОФЕЕВЪ.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

=

1.

Чистый лоснится полъ; стекляныя чаши блистають;
 Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняеть, зажмурясь,
 Ладоны сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
 Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
 Светлой, студеной воды, золотистыя хлѣбы, янтарный
 Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранный цвѣтами
 Жертвенникъ. Хоры поють. Но въ началѣ трапезы, о други,
 Должно творить возліанья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
 Должно Безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой
 душою

Правду блюсти: вѣдь оно-жъ и легче. Теперь мы при-
 ступимъ:

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
 Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
 Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

(Изъ Ксенофана Колофонскаго.)

=

2.

Славная флейта, Феонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
 Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпаль родилъ
 И вдохновенный, нарекъ младенца Феономъ. За чашей
 Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Феонъ.
 Славилъ и Ватала онъ, молодаго красавца: прохожій!
 Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Феонъ!

(Изъ Аевска.)

ЗМѢИЩЕ ЗИМОВЬЕ.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ШОЕЙ БАБУШКИ.

=

Сколько встарину бывало чудесъ! Русскій народъ вѣрилъ, что нечистая сила ворочаетъ всѣмъ, какъ ей вздумается. Лѣшіе, вѣдьмы и домовые не давали житья честнымъ людямъ. Много ли мнѣ лѣтъ, а я своими ушами слышалъ отъ покойницы бабушки, какъ она проходила цѣлый день у монумента Петра Великаго, и не могла попасть на Исакіевской мостъ: обошелъ нечистый! Нянька, горничная, я и старая дѣвица тетушка, Катерина Ипполитовна, слушали бабушкины рассказы съ величайшимъ вниманіемъ, и безпрестанно оглядывались назадъ, — не схватилъ бы какой нибудь чортъ. Ужась!

— Да, мои голубушки! говорила бабушка: повѣрили бы вы всѣмъ чудесамъ, если бъ увидали, что я однажды своими глазами видѣла! У насъ въ деревнѣ, на Махновкѣ, мужикъ пошелъ охотиться, да и пропалъ. Искали, искали; вся деревня разбрелась по лѣсу; нѣтъ, какъ нѣтъ мужика, — слѣдъ простылъ! Что же? На третій день нашли его въ лѣсу съ версту отъ деревни. Да какъ бы вы думали, — гдѣ нашли его? Въ лѣсу была сосна, высокая — превысокая. Самую-то верхушку, стало-быть, лѣшій, съ нами крестная сила! — разщемилъ да и втиснулъ туда мужика. Вѣдь едва живаго вынули его оттуда! Что же бѣдняжка: пожилъ годокъ, все тосковалъ да хирѣлъ; да въ тотъ

самый день, на другой годъ, и скончался. Спаси Господи его грѣшную душу!

Бабушка моя, Маремьяна Васильевна, была когда-то замужемъ за сенатскимъ, жила у Смольнаго Монастыря, и наканунѣ каждаго праздника обыкновенно приходила къ намъ пѣшкомъ на Васильевскій Островъ, гостить на цѣлыя сутки. Я очень любилъ бывало рыться въ ея мѣшкѣ, который носила она вмѣсто ридикюля. Какъ прежніе карманы и мѣшки, такъ и нынѣшніе ридикюли имѣютъ въ мѣрѣ свое нравственное значеніе: сокровенная ихъ внутренность всегда изобразяетъ въ точности вѣкъ, сословіе, страсти и характеръ женщины. Конечно, заглядывать въ нихъ большая дерзость: это почти хуже, нежели распечатать чужое письмо. Но кто хочетъ узнать женщину, тотъ прежде всего долженъ обыскать ея ридикюль. Если, несмотря на тысячи писанныхъ и печатныхъ томовъ, сердце женское по сіе время остается загадкою, то причиною этому, что Философы никогда не заглядываютъ въ ридикюли, — даже своихъ супругъ!

Батистовый платочекъ, тонкій и пахучій какъ благовонный паръ о-де-колоня, покрываетъ множество бездѣлокъ, имѣющихъ каждая свою цѣну, известныхъ только обладательницѣ ридикюля, тѣсно связанныхъ съ ея мыслями, чувствами и воспоминаніями. Вотъ записочка безъ адреса и безъ подписи; вотъ переломленная конфетка, вотъ свернутый въ трубочку конфетный билетикъ, котораго содержаніе нерѣдко заключаетъ въ простой, дурно рѣмованной нѣжности или полускромномъ каламбурѣ, цѣлую исторію жизни или ключъ къ ужасной тайнѣ; смятая пятидесятирублевая ассигнація, ожидающая первой прихоти; обращикъ матеріи, изъ которой надобно непременно сшить себѣ платье, и прочая, и прочая. Что, если

въ числѣ этого «прочаго» какъ-нибудь откроете вы еще цвѣтную бумажку мастерски сложенную, тщательно завернутою, съ надписью — Color. Fina. Madrid?.. Какой лучъ свѣта!...

Другіе ридикюли вовсе не походятъ наэти, и обнаруживаютъ совершенно другой рядъ помышленій и привычекъ. Въ нихъ найдете вы начатую работу, какой-нибудь новый родъ вышиванья, адресъ гдѣ живетъ дешевая портниха, рецептъ какъ выводить пятна, билетъ отданнаго въ краску платья, и тому подобное. Всего не перечтешь, всѣхъ ридикюлей не пересмотришь въ тѣсныхъ предѣлахъ журнальной статьи: надо скорѣе возвратиться къ мѣшку моей бабушки, потому что моей бабушки безъ этого мѣшка понять не возможно.

Мѣшокъ моей бабушки былъ несравненно богаче предметами и важнѣе для нравственной Философіи. Изъ него высовывались длинныя вязальныя иглы, воткнутыя въ свернутый чулокъ и въ огромный клубокъ нитокъ. Въ бумажку былъ завернутъ переписанный съ разными ошибками «Сонъ Пресвятыя Богородицы», охраняющій отъ огня и отъ воды. Подлѣ него очки, круглая бумажная табакерка съ серебрянымъ сердечкомъ, игольники изъ слоновой кости, наперстокъ, нѣсколько грошей, какія-то пуговицы стальные и мѣдныя, восковой огарокъ испиленный нитками, два или три куска сахара, спрятанные изъ экономіи при питьѣ кофе у пріятельницъ, половинка мускатнаго орѣха, адресъ колдуньи, ключи, ключики и еще множество мелочей, которыхъ не припомню. Въ углахъ мѣшка хранилось не малое количество сору и сухарныхъ крошекъ, смѣцанныхъ съ согнутыми булавками, кофейными зернами, маленькими пробками и гвоздиками. Вотъ моя бабушка!

Бабушка обыкновенно была въ черномъ тафтяномъ капотѣ и въ бѣломъ, крѣпко накрахмаленномъ чепцѣ съ широкими оборками. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ ея по субботамъ, чтобы послушать разсказовъ о чудесахъ и домовыхъ! Въ ея памяти, въ ея мѣшкѣ, хранилось столько волшебныхъ происшествій и суевѣрія, что на каждый день въ году могла она прибрать цѣлую исторію, которую всегда выдавала за настоящую правду.

— Завтра большой праздникъ, говорила она: завтра Воздвиженье! Завтра змѣи собираются въ пещеру на зиму. Упаси Господи, войти въ лѣсъ: забѣдятъ до смерти.

Нянька, горничная, я и старая дѣвица тетушка, Катерина Ипполитовна, тотчасъ окружали бабушку, чтобы слушать ея чтеніе Русской Естественной Исторіи; развѣшивали восемь внимательныхъ ушей, открывали четыре любопытные рта. Бабушка вынимала изъ мѣшка чулокъ, принималась за работу, и продолжала:

— Да, голубушки! Мнѣ старинные люди рассказывали какъ одна, стало-быть глупая, деревенская баба не послушалась умнаго совѣта, и пошла въ лѣсъ за брусникой въ самое Воздвиженье. Бродила, бродила по лѣсу; зашла и Богъ-вѣсть куда! Сдѣлалась ночь; темнота хоть глазъ выколи. Все думала выбраться изъ лѣсу, да вдругъ и оступилась въ глубокую яму. Богъ спасъ, какъ не разшиблась! Тамъ были два пребольшеушіе змѣя. Одинъ такъ и бросился на нее: тутъ бы и конецъ ей, да змѣиха защитила, загородила бабу собою и прижала въ уголь. Въ самой серединѣ ямы лежалъ бѣлый камень; отъ него свѣтъ свѣтилъ такъ, что всю яму освѣщало. Баба сидѣла въ углу, да молитвы

творила. Къ ночи, собрались всѣ змѣи изъ лѣсу и сползли въ яму. На другой день змѣиха подползла къ камню и стала лизать его; потомъ взяла бабу за сарафанъ, притащила къ камню, и тоже заставила лизать. Что же вы думаете? Вдругъ баба стала сыта! Всѣ змѣи только этимъ и питаются. Такъ-то баба прожила въ ямѣ до Св. Егорья: что бываетъ весною, 23 Апрѣля: легко ли дѣло — вѣдь съ Сентября-то слишкомъ семь мѣсяцевъ. Въ день Св. Егорья, большой змѣй сталъ хвостомъ вверхъ, и по немъ всѣ змѣи выбрались изъ ямы и разбрелись по лѣсу. Змѣиха помогла бабѣ вылезти, и велѣла большому змѣю проводить ее до дороги. Онъ ползъ впереди, а баба шла сзади, да все заламывала сучья, чтобы найти послѣ змѣиное зимовье. Какъ подошли къ дорогѣ, змѣй остановился, посмотрѣлъ на нее, свернулся въ клубокъ, — да какъ треснетъ ее хвостомъ, такъ что память отбило! Мужики нашли бабу чуть живую, привели домой въ деревню, спросили обо всемъ, и, собравшись, пошли въ лѣсъ.

По заломаннымъ сучьямъ отыскивали змѣиное зимовье, взяли да завалили хворостомъ, налили смолы и зажгли. Двѣнадцать дней, голубушки мои, земля стонала и было землетрясеніе! Большіе два змѣя тамъ и сгорѣли! Бабу-то съ того самаго дня стало трясти такъ, что черезъ нѣсколько дней она и Богу душу отдала. Вотъ каково неслушаться старинныхъ людей!

— Вѣстимо, надобно слушаться! говорила въ полголоса моя нянюшка, болѣе всѣхъ удивленная бабушкинымъ разсказомъ.

Много прошло лѣтъ послѣ кончины моей почтенной бабушки. Ея чудесныя повѣствованія совсѣмъ истребились бы изъ моей памяти, и тѣмъ легче, что

въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ, казалось, люди, перестали вѣрить нелѣпымъ бреднямъ старины. Никогда бѣ не вспомнить мнѣ разказовъ доброй старушки, если бѣ недавній случай не возобновилъ ихъ въ моемъ умѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1833 года, поѣхалъ я навѣстить одного изъ бывшихъ моихъ однополчанъ, стоявшаго съ баталіономъ въ деревнѣ за тридцать верстъ отъ Петербурга. Вообразите, я снова услышалъ исторію о змѣиномъ зимовьѣ отъ хозяйки его квартиры. Она побожилась, что все это правда, увѣряя, будто похождение бабы случилось въ ихъ деревнѣ, и не далѣе какъ въ прошломъ году. Мѣстный староста офиціально подтвердилъ этотъ любопытный фактъ Естественной Исторіи.

Вздвиженіе, я никогда не пойду въ лѣсъ за брусникою!

Я. Оз — Іѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СІРІИ.

=

I.

ЗАТМѢНІЕ СОЛНЦА.

=

Прошедши цвѣтущую молодость скорыми шагами, оборотитесь назадъ, и окиньте взоромъ длинную полосу жизни, которую оставили вы за собою: увидите ее, подобно посьву, по которому проскакалъ грозный непріятельскій отрядъ, избитою, устланною изломанными, засохшими стеблями впечатлѣній. Нѣкоторыя изъ нихъ, осиротѣвшія соломинки, еще торчатъ на этомъ разоренномъ полѣ, кажутся покрыты листьями, и полуразрушившійся цвѣтокъ тамъ-и-сямъ колеблется на одинокомъ стебелькѣ, незатоптаннымъ въ песокъ прошедшаго. Вы нѣкогда промчались мимо ихъ и почти ихъ и не примѣтили. Случай сохранилъ ихъ на корнѣ, но тотъ же вѣтеръ, знойный и порывистый, который гналъ васъ передъ собою, раздувая ваше сердце, изсушилъ ихъ, лишилъ сока и цвѣта. Вы хотѣли бѣ вознаградить прежнюю невнимательность и насладиться теперь тѣмъ, чего не успѣли и разглядѣть тогда: вы коснулись ихъ мыслію, — и они мгновенно рассыпались въ прахъ. Въ эгомъ хаосѣ измятыхъ и истлѣвшихъ впечатлѣній и чувствъ, въ этомъ обширномъ кладбищѣ надеждъ, погребенныхъ безъ надписи, безъ воспоминанія, быть-можетъ, лежитъ и ваша первая любовь, и важное благодѣяніе друга!... Но если посреди его возвышается какой-нибудь памятникъ, твердый и великолѣпный, котораго еще не разрушилъ, не обезобразилъ ѣдкій воздухъ страстей, — этотъ памятникъ безъ-сомнѣнія долженъ быть воз-

двигнуть въ честь какого-нибудь необыкновеннаго зрѣлища въ Природѣ, поразившаго васъ въ юныя лѣта. Сильныя впечатлѣнія мертвой Природы врѣзываются въ душу нашу гораздо глубже и остаются въ ней долѣе всѣхъ другихъ ощущеній жизни, — что бы ни говорили историки нашего несчастнаго сердца. Я не думаю, чтобы житель равнины, перенесенный на высокія горы, могъ когда-нибудь забыть ихъ образъ: десять образовъ обожаемыхъ лицъ пройдетъ черезъ душу, пожирая, изглаживая другъ друга, но картина великолѣпныхъ горъ, теряющихся въ облакахъ и убѣленныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, не изотрется въ ней никогда. И чѣмъ большій промежутокъ времени будетъ отдѣлять мысль отъ впечатлѣній, вселенныхъ ихъ видомъ, тѣмъ красивѣйшими формами станетъ воспоминаніе убирать ихъ въ вашемъ умѣ. Неудобства, трудности, лишенія, неизбѣжныя въ путешествіяхъ этого рода, быстро исчезаютъ изъ памяти, какъ скоро вы возвращаетесь къ наслажденіямъ привычной жизни: въ васъ остается только очарованіе необыкновеннаго положенія, въ которомъ находились вы на поверхности обитаемой вами планеты.

Я и теперь вижу передъ собою колоссальныя очерки пышныхъ громадъ, распространяющихся тройною каменною цѣпью вдоль обожженной Сири, гдѣ протекъ одинъ изъ мучительнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ годовъ моего бытія. Съ тою жадностью къ Наукѣ, съ тою довѣренностью къ своимъ силамъ, съ тѣмъ презрѣніемъ здоровья и упрямствомъ въ достиженіи возмечтанной цѣли, которыя легко себѣ представить въ неопытномъ челоуѣкѣ лѣтъ двадцати, я нѣкогда бросился, безъ проводника и пособія, въ этотъ неизмѣримый чертогъ Природы, — одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ чертоговъ, воздвигнутыхъ ею на землѣ въ ознаменованіе своего могущества, — не разсуждая объ опасности не выйти изъ страшнаго лабиринта за-

облачныхъ вершинъ, на которыхъ можно замерзнуть среди лѣта, и раскаленныхъ пропастей, гдѣ органическая жизнь жарится въ самой страшной духотѣ, какую только солнце производитъ. Ограниченныя средства повелѣвали мнѣ узнавать скоро все, что я могъ узнать въ томъ краю, и не забывать ничего, однажды пріобрѣтеннаго памятью. Съ пѣтомъ чела перетаскивалъ я свои книги съ одной горы на другую, — книги были все мое имущество, — и рвалъ свое горло въ глуши, силясь достигнуть чистаго произношенія Арабскаго языка, котораго звучность въ устахъ Друза или Бедуина; похожая на серебряный голось колокольчика, заключеннаго въ человѣческой груди, плѣняла мое ухо новостью и приводила въ отчаяніе своею неподражаемостью. Уединенныя ущелія Кесревана, окружая меня колоннадою черныхъ утесовъ, вторили мнѣ усиліямъ: я нерѣдко самъ принужденъ былъ улыбнуться надъ своимъ тщеславіемъ лингвиста, при видѣ, какъ хамалеоны, весело пробѣгавшіе по скаламъ, останавливались подлѣ меня, раскрывали ротъ, и дивились пронзительности гортанныхъ звуковъ, которые съ такимъ напряженіемъ добывалъ я изъ глубины легкихъ. Возвратясь въ конурку, занимаемую въ какомъ-нибудь Маронитскомъ монастырѣ, я такъ же отчаянно терзалъ свои силы надъ Сирскими и Арабскими рукописями, отысканными въ скудной библіотекѣ грамотнаго монаха: поспѣшно списывалъ любопытнѣйшія изъ нихъ, читалъ наскоро тѣ, которыхъ не успѣвалъ списать, дѣлалъ извлеченія, отмѣчалъ найденныя въ нихъ живописнѣйшія фразы или засыпанные идиотизмы разговорнаго языка, и твердилъ ихъ наизусть всю ночь. Два, много три часа отдыха на голой плитѣ, съ словаремъ вмѣсто подушки, были достаточны для возобновленія бодрости къ новымъ, столь же насильственнымъ занятіямъ, которыя прерывались только охотою за бѣгающимъ

по сырымъ стѣнамъ келии скорпіономъ или *абу-борейсомъ*, ящерицею невинною, даже красивою, но поселяшею во мнѣ непреодолимое отвращеніе. Исчерпавъ въ нѣсколько дней мудрость бѣдной Обители, я отправлялся далѣе искать новыхъ упражненій и раздѣлять съ другими отшельниками блюдо вареной въ деревянномъ маслѣ чечевицы. Такъ провелъ я шесть или семь мѣсяцевъ, пока неумѣренное напряженіе умственныхъ и тѣлесныхъ силъ, грубая и нездоровая пища, усталость и лишенія всякаго рода не установили моей пылкости опасною болѣзнію, которая заронила въ мою грудь зародышъ постоянного страданія, — быть-можетъ, преждевременной смерти. Этотъ урокъ еще не уразумилъ юнаго образа мыслей. Едва оправившись отъ горной лихорадки, я снова бросился на Арабскій языкъ съ прежнимъ ожесточеніемъ, и, спустя четыре мѣсяца, опять повергся въ болѣзнь, страшнѣйшую первой, и которая несомнѣнно выдала бы мои кости Шуфскимъ гіенамъ, если бъ добрый и нѣжный пріятель, падшій потомъ на островъ Явъ жертвою той же страсти къ путешествіямъ, не вырвалъ меня изъ нѣдръ Ливанскихъ горъ, погруженныхъ въ убійственный зимній туманъ и холодные дожди, и не принудилъ отправиться въ Африку. Кажется, нельзя болѣе страдать добровольно: за всѣмъ тѣмъ, могучій Сирскій хребетъ является мнѣ по-сюпору облеченнымъ блестящею одеждою любимой мечты. Мученія забыты, и память съ трудомъ добываетъ ихъ изъ пыли ветхихъ воспоминаній: одно величіе Ливана всегда живо рисуется въ воображеніи, уже охлажденномъ опытностью, уже опустошенномъ проходами столькихъ привидѣній, столькихъ думъ, столькихъ безплодныхъ надеждъ! Я люблю и теперь взбираться мыслію по этимъ отвѣснымъ утесамъ Восточной Швейцаріи, на которыхъ рука трудолюбиваго Сирійца изсѣкла безчисленные уступы, сдѣлавъ изъ нихъ

льстницу, ведущую на небо, и куда изъ пропастей принесла она землю, питающую ряды стройныхъ шелковичныхъ деревъ и виноградныхъ лозъ, обвѣшанныхъ огромными гроздами, или скромный ячмень. Люблю переноситься на этотъ нагой и съезженный гранитъ, какъ-бы преграждающій вселенную черною грудью своею, вспаханный человекомъ отъ подошвы до самыхъ облаковъ, изъ любви къ независимости, изъ ненависти къ кровавому притѣснителю. Вижу еще подъ моими ногами эти глубокія долины съ зеленымъ дномъ, съ голубымъ, шумящимъ потокомъ, съ розовою полосою цвѣтущаго подлѣ воды рододендрона, съ желтыми домами веселаго посада, — и надъ моею головою, эти острыя вершины, здѣсь окруженные вѣнцемъ изъ облаковъ, съ монастыремъ и церковью за облаками, тамъ чистыя и блестящія ослѣпительною близкою снѣга, освѣщеннаго солнцемъ, далье убранныя благородными сосновыми рощами и библейскимъ кедромъ. Слышу этотъ умильный звукъ Христіанскаго колокола, струящійся длиннымъ серебрянымъ эхомъ въ каменномъ лѣсу вершинъ, уже почти подъ самымъ небеснымъ сводомъ, и со всею святостью Вѣры господствующій на высотѣ, въ эфирныхъ слояхъ атмосферы, тогда какъ на мутномъ днѣ ея, на приморской равнинѣ, нечистый мусульманинъ извергаетъ свои безсильныя богохуленія; слышу даже этотъ звонкій голосъ Аравитянина, поющаго цѣлымъ объемомъ благозвучной груди пѣснь въ честь Пречистой Дѣвы, слѣдуя по крутому скату за навьюченными землею ослиами, и заставляющаго горы, среди мусульманской Державы, громко повторять за нимъ его благочестивые гимны. Взойдите пять или шесть тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и вы подлинно очутились въ другомъ мѣрѣ: вы принимаете въ вашу грудь тонкую жидкость, совершенно различную отъ грубаго воздуха, которымъ дышали на равнинѣ; кровь течетъ въ васъ

иначе, иначе бьется сердце, новый рядъ чувствований и мыслей развертывается передъ вами, и окружаетъ васъ новыми понятіями, и душа по-истинѣ столько же облагороживается на вершинахъ земли, сколько и на первыхъ высотахъ общества. Вы, кажется, не принадлежите къ вашей планетѣ, превращаетесь въ безплотный разумъ, повѣшенный подобно звѣздѣ въ безконечномъ пространствѣ, мерцающій гдѣ-то высоко слабымъ, но собственнымъ блескомъ, и едва примѣчающій эту отдаленную, мрачную пещеру пощыхъ страстей и ничтожной гордости вашего племени. Человѣкъ исчезъ въ безднѣ; его дороги, сады, украшенія попираемой имъ почвы, слились съ сѣрымъ туманомъ, образующимъ тину воздушнаго океана; его огромные памятники являются вамъ черною, почти непримѣтною точкою; его пышные, многолюдные города принимаютъ видъ ничтожныхъ муравейниковъ: вамъ хочется поставить ихъ подъ микроскопъ, чтобъ открытъ смышленость, нравы и работы обитающаго на немъ насѣкомаго, и обогатить Энтомологію новою главою о муравьѣ-человѣкѣ. Вы не въ силахъ повѣрить, чтобы въ этихъ кучкахъ склееннаго песку, утопшихъ въ слоѣ грязной мглы, могли обитать величіе, надменность, слава, и готовы воскликнуть: нѣтъ! тамъ ихъ и быть не можетъ!... Не то слава и величіе должны быть также извѣстны въ ульѣ и въ муравейникѣ, а въ обширныхъ чертогахъ Африканскаго муравья, ведущаго войны, грабящаго собственность другихъ червей и порабощающаго побѣжденныхъ, и по-давно! Или то, что я видѣлъ на равнинѣ, сонъ, или все въ мѣрѣ зависитъ отъ физической высоты, съ которой смотришь, и отъ устройства глаза!

Усилія мои въ изученіи мѣстнаго Арабскаго нарѣчія вѣнчались успѣхомъ, который льстилъ моему самолюбію: я сознаюсь въ этомъ безъ ложной скромности, такъ смѣло, какъ бы сказалъ, что выучился чи-

сто работать скоблемъ, если бь когда-нибудь занимался столярнымъ дѣломъ. Между этимъ упражненіемъ и наукою языковъ я усматриваю большое сходство: первое — механическое дѣло руки, вторая — механическое дѣло органовъ памяти, жеваніи и глотаніи. Преодолевшая трудность всегда дѣлается для насъ, даже и въ столярномъ ремеслѣ, источникомъ самодовольства и гордости: я считалъ себя почти равнымъ Аристотелю, когда Аравитяне, — которые къ своему языку проникнуты настоящимъ обожаніемъ любовниковъ, и цовые каламбуры, быть-можетъ весьма основательно, — цѣяютъ такъ же высоко, какъ мы новыя мысли, — называли меня *фейлусуфъ*, философомъ, зато, что я хорошо произносилъ ихъ гортанныя буквы, или спорили со мною, что я не Франкъ, а долженъ быть *иѳъ-эль-Арабъ*, Арабскій сынъ. Мнѣ удалось состряпать десятокъ дурныхъ Арабскихъ стиховъ, которые имѣли большой успѣхъ въ околоткѣ, и слава моя распространилась на нѣсколько смежныхъ горъ. Шейхи (дворяне) Маронитовъ и Друзовъ часто заѣзжали ко мнѣ выкурить трубку *джебел* съ любопытнымъ Франкомъ, который «знаетъ толкъ», и освѣдомился о политическихъ новостяхъ Европы — здоровъ ли Папа? что дѣлаетъ *Фагфуръ*, Китайскій Императоръ? и проч. Отвѣты, которые предоставлялъ я придумывать для нихъ своему воображенію, стараясь только, чтобы занимательность извѣстія не превосходила добродушной ихъ легковѣрности, доставляли обильную пищу политическимъ соображеніямъ шейховъ, игуменовъ, протоіереевъ и епископовъ Шуфа. Шейхи и значительнѣйшіе жители изъ средняго сословія находили меня очень знающимъ въ искусствѣ «шить и пороть», то есть, государственнаго управленія; монахи ордена Св. Терезіи, съ которыми почтенный епископъ Сукъ-эль-кебира, старый весельчакъ, воспитанный въ Римской Пропагандѣ, ме-

ня познакомилъ и благословилъ на ежедневную бесѣду, даже на каламбуры, были крайне довольны моими свидѣніями о туалетѣ Европейскихъ женщинъ; но монахи скоро возымѣли обо мнѣ весьма дурное мнѣніе по случаю одного разсужденія въ обществѣ, одушевленномъ золотистою влагою винъ-д'оро, гдѣ я сталъ доказывать, что земля обращается около солнца. Несмотря на покровительство моего пріятеля, епископа, который защищалъ меня всеми силами, и на громкое одобреніе знаменитаго шейха Бешары, толстаго и веселаго пьяницы, представлявшагося вольнодумцемъ и находившаго забавнымъ, по духу противорѣчія, вѣрить, что солнце не обращается вокругъ земли, когда оно очевидно обращается, я приѣхалъ, что нѣкоторые монахи, особенно одинъ, подозрительной нравственности и выдававшій себя за астролога, стараются провозгласить меня еретикомъ. Слово *фармазунъ* нѣсколько разъ раздалось въ моихъ ушахъ, и чрезвычайно меня встревожило: конечно, званіе Русскаго, весьма уважаемое въ тѣхъ горахъ, обезпечивало меня отъ личной обиды, но первое и самое ошутительное слѣдствіе подобной репутаціи могло быть то, что никто изъ поселянъ не продалъ бы мнѣ ни глотка живности и ни одинъ погонщикъ не отдалъ бы подъ меня своей скотины, боясь, чтобъ оселъ, на которомъ вѣхалъ *фармазунъ*, не издохъ немедленно. Хотя моя теорія о солнцѣ возбуждала большее любопытство въ цѣломъ околоткѣ, и даже въ монахиняхъ, но я рѣшился изъ благоразумія не доказывать, что земля обращается около этого свѣтила. Мы только разсуждали объ ней наединѣ съ префектомъ монастыря Дейръ-Маръ-Якубъ, гдѣ я жилъ въ то время, — добрымъ моимъ пріателемъ, взявшимся, по видимому, убѣдить меня въ неосновательности моего мнѣнія изъ ревности къ моему блаженству въ будущей жизни: онъ былъ крайне доволенъ собою, когда

я пересталъ думать ему возраженія, я увѣренъ, что съ одной стороны спасъ солнце, а съ другой мою душу, заставивъ меня обнаруживать изъ учтивости притворное согласіе съ его ученіемъ, которое основывалъ онъ на свидѣтельствѣ самого *Аристу-эль-кебиръ*, — самого Великаго Аристотеля!

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ Іюльскихъ дней, — изъ тѣхъ дней, какіе можно только видѣть подь Сирскимъ небомъ, — я гулялъ съ книгою въ рукѣ, по плоской крышѣ славнаго монастыря въ Айнъ-Тура, занимающаго одно изъ величественнѣйшихъ мѣстоположеній въ мірѣ съ безконечными видами на горы, ущелія, роскошныя долины, богатыя рощи, виноградныя и туовыя сады и Средиземное Море, разстилающееся въ пространствѣ, какое только можно объять взоромъ съ высоты двухъ тысячъ футовъ. Было около четырехъ часовъ по-полудни. Солнце сіяло полнымъ южнымъ блескомъ, и лазуревый сводъ горъ былъ настоящимъ пожаромъ свѣта, разливавшася ослѣпительными потоками, которые, казалось, превращались въ бѣлую пѣну, ударяясь объ известковый цвѣтъ мѣстной почвы. Внизу, расплавленный воздухъ кипѣлъ въ точномъ смыслѣ слова: *левами*; «блестки», родъ огненныхъ иголокъ, плясали въ немъ съ необыкновенною быстротою, представляя видъ движущейся каши изъ мелко-рубленыхъ лучей солнца. Вверху, на высотѣ монастыря, атмосфера была довольно прохладна, и легкій вѣтеръ съ моря, насыщенный благоуханіемъ ароматическихъ травъ, растущихъ въ нижней части горъ, придавалъ ей упонтельную свѣжесть. Ни одно пятно нигдѣ ея не помрачало: даже монастырь Дейръ-Маръ-Якубъ, занимающій глубину картины, скинулъ съ себя на это время сѣрый свой плащъ изъ облаковъ. Занятый чтеніемъ, я долго не примѣчалъ ни какой переменны въ солнечномъ свѣтѣ, какъ наконецъ тусклый желтый цвѣтъ, внезапно раз-

лившейся по страницамъ моей книги, возбудилъ во мнѣ любопытство. Я хотѣлъ отыскать вокругъ себя причину этого явленія. Прежде всего, поразили меня толпы Аравитянъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, накопляющіяся на ближайшихъ возвышеніяхъ: люди выбѣгали изъ домовъ на крыши и на уступы горъ; безпокойство отражалось въ ихъ движеніяхъ и шумѣ. Они смотрѣли на солнце. Я устремилъ глаза туда же, и увидѣлъ прекраснѣйшее, какъ только можно себя представить, затмѣніе. Лучше и чище не возможно было бы видѣть его и съ помощію телескопа. Дискъ луны, темнаго, почти коричневаго цвѣта, превосходно рисовался на солнечномъ щитѣ, огромномъ, желтомъ, безъ лучей, безъ блеска.

Уже большая половина солнца была закрыта спутникомъ Земли и затмѣніе стоялослишкомъ полтора часа, какъ никто еще въ монастырѣ не зналъ объ этомъ. Я первый извѣстилъ его жителей о важномъ происшествіи на небѣ. Всѣ собрались на крышѣ, и мы провели тутъ еще полтора часа, съ восхищеніемъ наблюдая движеніе двухъ огромныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя, пресѣкаясь, хотѣли, такъ сказать, превзойти другъ друга своей огромностью. Затмѣніе было полное: великое драматическое представленіе вселенной вѣнчалось во всѣхъ своихъ частяхъ успѣхомъ, необыкновенно блистательнымъ.

Мы мало обращали вниманія на народъ, ходившій около монастыря: онъ часто окружалъ монаховъ, которые, стоя у воротъ, важно толковали ему свойство дивнаго явленія. Но вдругъ раздался за стѣнами топотъ ковей, и я услышалъ знакомые голоса: — *Френджи фи-ль бейтъ?* — *Хаваджа Юсуфъ зинъ-у?* «*Домашн Франкъ? Гдѣ Хаваджа Юсуфъ?*»

Я былъ извѣстенъ въ горахъ подъ этимъ именемъ.

Скоро взвалился на крышу огромный шейхъ Бешара, съ трудомъ протиснувъ свой желудокъ въ узкую, крутую лѣстницу, служившую сообщеніемъ съ нижнимъ ярусомъ дома. Съ нимъ пришло нѣсколько человѣкъ именитѣйшихъ Маронитовъ изъ Сукъ-элькебира и множество служителей. Настоятель монастыря, мой незабвенный наставникъ, авторъ известной Арабской Грамматики, Антонъ Арыда, былъ опасно боленъ, и прислалъ просить меня, чтобы я заступилъ его мѣсто и принялъ благороднаго шейха, передъ которымъ, какъ передъ правителемъ округа, богачемъ и владѣльцемъ славныхъ виноградныхъ садовъ, производящихъ «золотое вино», всѣ работѣствовали. Принесли ковры и подушки. Шейхъ усялся, поджалъ подъ себя ноги, и закурилъ трубку. Я сѣлъ противъ него. Прочіе Аравитяне расположились по краямъ ковра. Въ ту самую минуту явился и мой пріятель, префектъ монастыря Дейръ-Маръ-Якубъ: по его разстроенному и запыханному лицу, я тотчасъ смекнулъ, что онъ прибѣжалъ объясниться со мною рѣшительно на счетъ солнца. Толстый шейхъ тоже обнаруживалъ беспокойство, и очевидно хотѣлъ разспросить меня о чемъ-то; но, какъ человѣкъ высшаго тона и хорошо «знающій толкъ», не приступалъ къ дѣлу, пока меня не увѣрилъ, что онъ совершенно «изсохъ» изъ усердія ко мнѣ, и не освѣдомился о состояніи моего здоровья сегодня, вчера, третьяго дня, въ прошлую субботу, въ прошлый понедѣльникъ и десять дней тому назадъ. Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, онъ запилъ ихъ крѣпкимъ горячимъ кофеемъ, помолчалъ изъ приличія, взглянулъ на солнце и на меня, и сказалъ:

— Свѣтъ глазъ моихъ, другъ мой, Хаваджа Юсуфъ! ради твоего отца, скажи, что это значить!

— Да благословить тебя Богъ, о шейхъ! это загниніе.

— Будто я не вижу, что это затмѣніе! Но что такое это значить?

— Это значить, что луна заслонила солнце.

— Луна или чортъ, для меня все равно. Я хочу знать, что это значить? Какое это предвѣщаетъ бѣдствіе?

Я засмѣялся. Шейхъ, нѣсколько смущенный моею веселостью въ такое опасное время, быстро отнялъ отъ своихъ устъ трубку, и, вбивая мнѣ ее въ ротъ съ неизъяснимою нѣжностью, примолвилъ:

— Хаваджа Юсуфъ! да продлится твой вѣкъ!.... центръ ты моего сердца!... ты философъ; посмотри въ свои книги, и скажи мнѣ, чего должны мы ожидать отъ этого. Говорятъ, будетъ большое несчастье съ нашими святыми горами.

— О шейхъ! отвѣчалъ я: вы человекъ совершенный, владѣтель ума, отецъ смысла: какъ можете вы вѣрить подобному вздору? Затмѣніе вещь самая простая и самая естественная въ мірѣ. Я покажу вамъ книгу, напечатанную въ Константинополь, въ которой это явленіе объяснено весьма удовлетворительнымъ образомъ, и вы сами убѣдитесь, что затмѣніе солнца значить только то, что солнце затмилось, а до насъ, рабовъ Божіихъ, отнюдь не касается.....

Я побѣжалъ въ свою комнату, и принесть ему Турецкую Географію Хаджи-Калфы. Помощію фигуръ, въ ней находящихся, и тѣхъ, которыя самъ я начертилъ на бумагѣ, я старался растолковать ему, какъ только могъ понятнѣе, положеніе солнца въ центрѣ системы и движеніе вокругъ него планетъ и ихъ спутниковъ. Шейхъ былъ не глупъ, и очень хорошо понималъ мое изложеніе. Онъ взялъ изъ моихъ рукъ книгу, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, и удостовѣрившись, что она дѣйствительно издана въ Царьградѣ, изъявилъ сожалѣніе, что не знаетъ по-Турецки. Мой при-

атель префектъ , который все это время равнодушно курилъ трубку, — онъ выдавалъ себя за знающаго въ Турецкомъ языкѣ, особенно когда, завравшись, ссылался на Аристотеля или говорилъ о собакахъ-Вольтеръ, *Бульваръ-эль-кельбъ*, — принужденъ былъ, по просьбѣ шейха, дать тоже свое мнѣніе объ этой удивительной книгѣ; но, по-несчастію, не понялъ въ ней ни слова, и, возвращая мнѣ сочиненіе, сказалъ только, что «это *Джаграфія*, наука о чудесахъ и рѣдкостяхъ вселенной».

Благородный шейхъ, который и о затмѣніи никогда не рассуждалъ безъ бутылки, раскуривая десятую трубку, далъ уразумѣть, что у него горло совсѣмъ засохло отъ пыли и зноя, и управитель монастыря тотчасъ поклонился ему чернымъ, обмытымъ смолою, кувшиномъ стараго *шаръбъ-эдъ-дегебъ*, или *vin d'ого*. Разговоръ принялъ другой оборотъ: шейхъ пустился въ Европейскую политику, и тутъ пошли распросы о Папѣ, — о Китайскомъ Императорѣ, — о *Енги-дуня*, или Новомъ Свѣтѣ, и такъ далѣе. Само собою разумѣется, что политика шейха не обошлась безъ обстоятельнаго разсужденія объ Европейскихъ женщинахъ: онъ распространился объ нихъ очень живописно, и побранилъ одного молодаго монаха, который отплеывался во все время этого разговора, и утверждалъ, что онъ «змѣи». Въ заключеніе, онъ приказалъ одному изъ своихъ придворныхъ, веселому и остроумному юношѣ, отличавшемуся особенною свѣжестью и бѣлизною лица, спѣть такъ, какъ поетъ Французская «консулиха» въ Сайдѣ. Все собраніе хотело при этомъ карикатурномъ представленіи нашихъ трелей и большихъ выстрѣловъ голоса, и я самъ долженъ былъ сознаться, что шутливый Аравитянинъ весьма удачно схватилъ смѣшную сторону Европейской музыки.

Шейхъ Бешара удалился съ цѣлою компанією,

очень довольный своимъ шуткомъ и затмѣніемъ солнца. Я проводилъ ихъ за ворота, и опять воротился на крышу.

Я думалъ, что они давно уже уѣхали, какъ вдругъ услышалъ говоръ у подошвы зданія, и даже различилъ свое имя. Я заглянулъ черезъ край стѣны. То былъ шейхъ Бешара, — опять съ трубкою въ зубахъ и уже передъ вторымъ кувшиномъ! Онъ и его собесѣдники расположившись на землѣ подлѣ самаго монастыря разсуждали о затмѣніи. Я наклонилъ ухо.

— Конечно! съ важностью говорилъ префектъ собранію, которое слушало его какъ пророка: этотъ молодой Франкъ не дуракъ: онъ «знаетъ толкъ», видалъ свѣтъ, и о разныхъ вещахъ разсуждаетъ очень правильно. Только не надо упоминать передъ нимъ о солнцѣ. Видно, бѣдняжка, помѣшанъ на этой точкѣ. Какъ скоро скажешь — солнце, такъ и пошелъ нести вздоръ, да такой вздоръ, что Боже упаси!

Я не могъ удержаться отъ громкаго смѣха, и чуть не свалился съ крыши, услышавъ эти слова, которыя такъ впились мнѣ въ память, вмѣстѣ съ уморительнымъ лицомъ и чистосердечіемъ ихъ виновника, что, послѣ четырнадцати лѣтъ, кажется, я не потерялъ изъ нихъ ни одной буквы. Вся моя теорія была опрокинута, и я увидѣлъ, что только напрасно трудился, объясняя ее шейху. Онъ теперь былъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ префекта и монаха астролога, что это затмѣніе предвѣщаетъ ужасный переворотъ въ Оттоманской Имперіи: Христіане возстанутъ на Невѣрныхъ; возгорится война по всему Востоку; Богъ пошлетъ на Ливанъ неслыханныя и невиданныя испытанія, и кровь будетъ течь такъ страшно, говорилъ восторженный префектъ, «что только вершины горъ останутся видными изъ ея потоковъ.» Каждый изъ собесѣдниковъ подбавлялъ новую черту къ этому мрачному предсказанію, и его неизбежность исторга-

ла у нихъ жалостныя восклицанія, тяжкіе и раздрающіе вздохи. Оиуроживъ кувшинъ, они удалились, совершенно напуганные другъ другомъ и своими воображеніями.

Я забавлялся отъ всей души надъ ихъ безразсудствомъ, и впослѣдствіи времени тщетно пытался разувѣрить ихъ въ призракъ, который они себѣ составили. Это убѣжденіе скоро укоренилось въ горахъ.

Къ несчастію — не здраваго разсудка, но этихъ бѣдныхъ людей, — въ концѣ того же года вспыхнула Греческая революція, а въ началъ слѣдующаго, свирѣпыя мѣры, принятыя Турецкимъ правительствомъ противъ Христіанскихъ подданныхъ, со всею тяжестью фанатизма и народнаго мщенія упали на область Маронитовъ. Ужасный Акрскій паша наводнилъ ихъ горы кровью и слезами невинныхъ.

Я встрѣтился въ Египтѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ Дейръ-эль-кебирскихъ знакомцевъ, бѣжавшихъ отъ меча страшнаго Абдаллаха:

— Ну, что, Хаваджа-Юсуфъ! говорили они. Каково затмѣніе! Помните, какъ вы спорили?

Въ отвѣтъ я клалъ руку въ карманъ, и вынималъ скромное подаліе на хлѣбъ тѣмъ, которые недавно угощали меня роскошно въ своихъ домахъ. Они хотѣли цѣловать край моего платья.

Кажется, какъ-будто сама Природа за одно съ судьбами нашего рода старается утвердить челоуѣка въ суевѣрїи! Я, для своей опытности, извлекъ только ту пользу изъ совершившагося передо мною событія, что былъ очнымъ свидѣтелемъ процесса, по которому Природа и судьба составляютъ для насъ заблужденія и удерживаютъ племена въ невѣжествѣ.

ОСНГЪ МОРОЗОВЪ.

ПЕЩЕРА ЗА КЛАДБИЩЕМЪ.

ДАГЕСТАНСКОЕ СОВЫТІЕ.

Дербентъ лучшій городъ въ Дагестанѣ.

Женщины тамъ прелестны и свободны; мужчины славятся безстрашіемъ.

Верстахъ въ пяти отъ города, въ скаль, обращенной на сѣверъ и полуразгромленной ударами молніи, есть обширная, мрачная пещера. По скаль ползають ящерицы и змѣи; кругомъ скалы, земля, лишенная растительной силы, песчаная, бесплодная. Тамъ, гдѣ оканчивается этотъ безжизненный участокъ, начинается Татарское кладбище, уставленное длинными гранитными камнями, — памятниками усопшихъ. Пещера страшна преданіями: говорятъ, что никогда нога храбраго Дагестанца не вступала подъ ея нависшіе своды.

Мугаммедъ-Гусейнъ-Ханъ, богатый владѣлецъ Дербентскій, оставилъ по своей смерти много деревень и виноградниковъ въ наслѣдство двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ, — сыну Али-Махмѣдъ Мирзѣ и дочери Сальвенассѣ.

Они были сироты, и выросли вмѣстѣ, подъ надзоромъ вѣрныхъ слугъ Хана. Когда Али достигъ осьмнадцати-лѣтняго возраста, въ Дербентѣ не было юноши, могущаго поспорить съ нимъ въ храбрости, наездничествѣ и силѣ. Когда свершилось шестнадцать лѣтъ Сальвенассѣ, она слыла красавицею, какой еще не бывало въ Дагестанѣ.

Всякой разъ, какъ Али садился на коня и выказывалъ свое искусство владѣть оружіемъ на скачкѣ,

всѣ имъ любовались, и невольно говорили: Молодецъ! Онъ, слушая похвалы, гордо поправлялъ свою Персидскую шапку, изъ-подъ которой вились какъ смоль черныя кудри.

Каждый разъ какъ Сальвенасса, въ кругу подругъ своихъ, плясала подъ громкій звукъ бубновъ, восхищенное собраніе признавало ее своею царицею. Прекраснѣйшія женщины смотрѣли на нее не безъ зависти, молодые беки охорашивались передъ ея мимолетными взглядами, и старыя Татары, уже воспользовашіяся на своемъ вѣку дозволеніемъ Пророка, при видѣ ея воздѣвали руки къ небу, и, чмокая, говорили со вздохомъ: *Валлахъ, биллахъ! чокъ якшы кызъ!*

— Душа моя! сказалъ Али, входя въ дарбазъ Сальвенассы. Сегодня мы оба будемъ на праздникахъ: я созвалъ къ себѣ нѣсколько добрыхъ пріятелей, съ которыми давно хотѣлъ попить вечеромъ, какъ слѣдуетъ, а ты, кажется, собиралась ѣхать въ Т***? Тамъ будетъ весело.

— Не знаю, Али! Мнѣ что-то не хочется сегодня выходить изъ дому. Я не больна, но какъ-то скучно.

— Сальвенасса, что за новость! Тебѣ скучно? Въ первый разъ слышу отъ тебя это слово. Перестань, душа моя; поѣзжай на праздникъ. Посмотри, какое ясное небо! Вечеръ прекрасный, не жарко: тамъ ты развеселишься. Ты поѣдешь.

— Вотъ еще причина не ѣхать: нукеры наши вѣрно всѣ заняты теперь приготовленіемъ твоего праздника. Они здѣсь будутъ нужны: я не хочу затруднять тебя, лишая прислуги.

— И этому легко помочь! Вели вести свою лошадь Заману. Этотъ чортъ замѣнитъ тебѣ двадцать тѣлохранителей. Я легко могу безъ него обойтись: притомъ онъ знаетъ деревню Т***. Да и далеко ли это! Едва пом-агача. Поѣзжай, сестра!

— Пожалуй, я повѣду — насильно веселиться!

И она взглянула на брата съ улыбкой, въ которой отразился добродушный упрекъ.

— Прикажи осѣдлать лошадь.

— Вотъ это умно, мой другъ! воскликнулъ Али.

Онъ вышелъ на широкій дворъ, и звонкимъ голо-
сомъ кликнулъ Замана. Въ то же мгновеніе отозвался
голосъ — *Бели, Ханъ!* — и предсталъ широкоплечій,
смуглый Татаринъ, усерднѣйшій изъ нукеровъ Алія.

— Осѣдай новую бачу, Заманъ. Госпожа ѣдетъ въ
Т*** на праздникъ. Ты поведешь лошадь подъ уз-
дцы.

— Я!... Одинъ?

— Одинъ. Мнѣ нужны люди.

— *Башъ устюнъ!* пробормоталъ сквозь зубы Заманъ,
и, наклонивъ голову, приложилъ лѣвую руку ко лбу.

Черезъ нѣсколько минутъ, подвели къ подъѣзду
бачу, изукрашенную блестящею сбруею и узорнымъ,
вышитымъ шелками чепракомъ. Сальвенасса вышла
въ праздничномъ нарядѣ, обшитомъ золотыми галуна-
ми; на ея поясѣ красовался осыпанный алмазами кин-
жалъ. Она сѣла на лошадь. Али въ это время подни-
малъ разноцвѣтную оконницу своей комнаты.

— До свиданья, милая сестра!

— Прощай, братецъ! Прощай, Али!

Заманъ безмолвно повелъ подъ уздцы бачу, и скоро
вышли они изъ Дербента, мимо загородныхъ садовъ,
на дорогу къ Т***.

Уже стало вечереть, когда собрался къ молодому
Али ханы, беки и князья Дагестанскіе.

На полу просторной комнаты разстилались Персид-
скіе ковры, обложенные вокругъ бархатными подуш-
ками; середина была покрыта скатертью, на которую
поставили множество серебряныхъ подносовъ съ пло-

дами, кувшиновъ съ длинными горлышками, наполненныхъ бѣлымъ и краснымъ виномъ, и чашекъ съ шерbetaми. Гости, поджавши ноги, усѣлись и улеглись кругомъ. Стоявшій у стѣны Татаринъ съ бородою въ пол-аршина, по знаку Алія, настроилъ шестиструнный копузъ, и приготовился затянуть пѣсню. Нукеры, одинъ за другимъ приносили кушанья. Наконецъ они устали и ими всю скатерть, и брадатый виртуозъ заплъ во все горло. *Азарнешъ* начала переходить изъ рукъ въ руки. Веселость скоро одушевила пирующихъ. Въ общемъ шумъ голосъ пѣвца уже не казался слишкомъ громкимъ, и наконецъ потерялся въ хохотъ и крикахъ гостей, которые вызывали другъ друга осушать радостный ковшъ до дна, безпрестанно восклицая — *Аллахъ верди!* — и получая въ отвѣтъ — *Якшиюль!*

Одинъ изъ молодыхъ бековъ предложилъ пропѣть веселую пѣсню воспоминаній о славныхъ подвигахъ Дагестанцевъ и всѣхъ пирующихъ, и самъ началъ ее припѣвомъ — *Ле, ле, лекуръ каба!* Тотчасъ всѣ хоромъ подхватили припѣвъ, и вдругъ умолкли. Тутъ онъ пропѣлъ скорый, короткій куплетъ, и снова раздалось, съ хлопаньемъ въ ладоши, — *Ле, ле, лекуръ каба!* Эта пѣсня безконечна: ее импровизируетъ запѣвало, приводя на память все, что вздумается, и что можетъ льстить товарищамъ.

Праздникъ продолжался, пѣсни были оставлены, и начались разговоры, почти столь же шумные, какъ и самыя пѣсни. Али одушевлялъ гостей.

Три или четыре челоуѣка, сидѣвшіе рядомъ, говорили между собою уже довольно долго. Они кричали, доказывали, опровергали, но никто не обращалъ на нихъ вниманія. Споръ ихъ сдѣлался наконецъ замѣтнымъ, когда къ ихъ разсужденію присоединились другіе гости, и вдругъ одинъ изъ нихъ громко и утвер-

дительно воскликнулъ: «Нѣтъ, друзья! не совѣтую никому храбриться въ этомъ случаѣ. Ручаюсь, что самъ Али не рѣшится на подобный опытъ.»

— На что не рѣшусь я? спросилъ Али, услышавъ послѣднія слова оратора.

— Я говорю, продолжалъ бекъ, что и ты самъ не рѣшишься ночью итти въ пещеру, которая за кладбищемъ.

Шумъ примѣтно затихъ при этомъ вызовѣ. Одни взглянули на молодаго Али съ испытующимъ любопытствомъ; другимъ не понравился предметъ разговора, а нѣсколько весельчаковъ, уже воспламененныхъ парами вина, закричали: «Экой вздоръ! Али не пойдетъ! Али пойдетъ хоть къ самому чорту во всякое время. За него можно ручаться.»

— Да! сказалъ твердымъ голосомъ Али, подстрекнутый столь лестнымъ мнѣніемъ объ его храбрости. Пойду!... Хоть сейчасъ!

— Перестань, любезный, возразилъ бекъ, черезчуръ хвастаться своимъ безстрашіемъ! Ты пойдешь, да не дойдешь, воротись, и скажешь, что былъ въ пещерѣ. Видали мы и похрабрѣ тебя, да и тѣ молчали въ этомъ случаѣ. Ты, братъ, еще молодъ.

Али задрожалъ отъ гнѣва. Онъ сжалъ рукоять кинжала, и готовъ былъ сто разъ пронзить имъ дерзкаго бека. Гости вскочили съ ковровъ, и начали, одни усмирять вспылчивость юнаго Дагестанца, опасаясь обиды для бека, уже едва державшагося на ногахъ отъ опорожненныхъ кувшиновъ; другіе утѣшать его, говоря, что вѣрятъ его храбрости.

— Да! вскричалъ Али, котораго самолюбіе сильно было взволновано: я пойду, и пойду теперь же! Смотрите: вотъ мой кинжалъ. Я оставляю его въ пещерѣ. Завтра идите всѣ: найдете его тамъ. Прощайте!

— Ты точно рѣшился? спросили многіе.

— Что за вопрос! Ждите меня здѣсь: я скоро возвращусь.

— Да вѣдь пять верстъ! Пѣшкомъ ты пройдешь долго, сказалъ одинъ изъ князей: возьми мою лошадь, доѣзжай до кладбища.

— Хорошо! отвѣчалъ Али, уже сходя съ лѣстницы. Онъ сѣлъ на коня, и полною рысью выѣхалъ за городъ. Небо было мрачно, уже приближалась полночь. Чуткій, привычный конь, выставя уши, твердо становился на землю. Вперивъ глаза, онъ какъ-бы отыскивалъ путь сквозь густой мракъ ночи, и быстро несъ на себѣ молодаго всадника.

Али выѣхалъ въ поле, остановился, наклонилъ голову почти до земли, чтобы разсмотрѣть тропинку, ведущую на кладбище. Кругомъ мертвое молчаніе. Вдали раздаются стоны: это голодные чакалки, рыскающія по ночамъ за добычею!

Али тронулъ поводья, и помчался далѣе. Вдругъ, испуганный конь отпрянулъ въ сторону, захрапѣлъ, и остановился, повинаясь сильной рукѣ всадника. Али смотритъ влѣво: это надгробный камень! Я на кладбищѣ!

Онъ слѣзаетъ съ коня, отвязываетъ чумбуръ, и идетъ къ торчащему изъ земли памятнику. Конь упирается, едва переставляетъ ноги, фыркаетъ, и откинувъ хвостъ, съѣживъ гриву, глядитъ на испугавшій его камень. Али его поглаживаетъ, даетъ ему время осмотрѣть предметъ, и наконецъ привязываетъ успокоенное животное.

Откуда происходитъ непонятное чувство страха, невольно обнимающее насъ на кладбищахъ въ ночное время? Неужели разсудокъ чловѣка никогда не будетъ имѣть силы превозмочь ложную, напрасную мысль о сношеніяхъ гроба съ жизнью? Мы не вѣримъ, чтобъ могила могла отвориться для того, кто

однажды переступилъ ея порогъ, — и за всѣмъ тѣмъ боимся! Слово «мертвецъ» насъ пугаетъ. Чего жъ страшимся мы? Подобнаго себѣ существа, лишеннаго способности двигаться и мыслить?.....

Я не знаю, что ощущалъ въ сердцѣ Али, съ трудомъ пробираясь между надгробныхъ памятниковъ; но онъ благополучно нашелъ конецъ кладбища, прилегающей къ скалѣ, въ которой, неизвѣстно въ какомъ вѣкѣ, какъ-бы для ночныхъ свиданій мертвецовъ, изсѣчена эта глубокая пещера.

Зная, что уже не большое пространство разделяетъ его отъ страшнаго вертепа, онъ остановился, не отъ робости, но чтобъ разглядѣть его отверстіе. За нимъ послышался шорохъ. Онъ невольно оборотился: это никакъ ящерица переползла черезъ сухіе листья! Не далеко что-то хрустнуло, и потомъ слышенъ былъ удаляющійся шелестъ въ травѣ. Вѣрно заяцъ пробѣжалъ по хворосту, испуганный приближеніемъ чловѣка! Вдругъ, кто-то частыми шагами идетъ прямо къ нему. Али вздрогнулъ, обратился къ той сторонѣ, откуда послышались шаги, и крѣпко ударивъ рукою по шашкѣ, готовъ былъ обнажить лезвие противъ невѣдомаго пришлеца, какъ привидѣніе съ шумомъ бросилось назадъ и огласило безмолвіе гробовъ отвратительнымъ воемъ. — Проклятая чакалка! подумалъ Али: ты чуть было не испугала меня. Но время идти: я, кажется, противъ входа въ пещеру.

Твердымъ шагомъ приближался храбрый юноша къ роковому отверстию, которое уже видно было, чернѣе самой ночи.

Онъ уже сбился вынуть кинжалъ, чтобы оставить въ пещерѣ условленный знакъ своего безстрашія, но вдругъ внятно раздалось въ пещерѣ нѣсколько ударовъ. Онъ остановился. Прислушивается: все тихо!.... Устремляетъ взоры на входъ: все мрачно!....

— Мнѣ почудилось! Или, можетъ-быть, древніе своды разрушаются?... Вѣрно съ нихъ падаютъ камни.

Еще шагъ, — но въ тоже мгновеніе что-то сильно брошенное изъ пещеры ударяетъ его въ грудь. Али, ставъ на мѣсть, наклоняется, чтобъ отыскать вѣстника пещеры мертвыхъ, и неожиданно поднимаетъ еще неостывшую человѣческую руку, отсѣченную по локоть. Съ ужасомъ и отвращеніемъ бросилъ онъ въ сторону кровавый членъ, и, въ забытіи, безъ мысли, подался впередъ.

Снова удары раздались въ пещерѣ, и Али снова пораженъ въ плечо. Это опять человѣческая рука!... Онъ оттолкнулъ ее ногою и подошелъ еще къ пещерѣ. Третій брошенный предметъ падаетъ передъ нимъ: онъ ищетъ его на земли, и рука юноши касается мертвой головы, сейчасъ отдѣленной отъ трупа.... Али остановился: морозъ пробѣжалъ по щекамъ его и мелкими иглами разсыпался по всѣмъ членамъ. Онъ почувствовалъ на челѣ холодный потъ; мужество его исчезло.

Какъ мраморный памятникъ могилы, Али стоялъ неподвижно передъ страшнымъ сводомъ. Мысли его путались; въ глазахъ являлись свѣтлыя пятна, безпрестанно мелькавшія на черномъ покровѣ ночи. Нѣсколько секундъ онъ былъ въ онѣмѣніи.

— Не возвратится ли домой?... Но неужели я покажусь въ Дербентъ, чтобы сознаться въ своей робости? Мнѣ ли унизиться передъ всѣми! мнѣ, храбрѣйшему изъ Дагестанцевъ!... Разверзлись предомною все царство ада, я долженъ войти въ пещеру!

Али ощутилъ въ себѣ прежнее мужество.

— Кто бы ты ни былъ, воскликнулъ онъ твердымъ голосомъ: духъ, чортъ или мертвецъ, не заграждай мнѣ входа въ твою обитель! Одною минутою присут-

ствія я не нарушу вѣчнаго твоего покоя; не ослабѣетъ твое могущество, если скажутъ, что Дагестанецъ Али-Махмедъ осмѣлился разъ вступить подъ своды твоей пещеры!....

Съ пронзительнымъ, невнятнымъ воплемъ, изъ мрачнаго вертепа быстро выбѣгаетъ къ нему привидѣніе. Али съ ужасомъ отступилъ назадъ. Онъ извлекаетъ широкой свой кинжалъ, и убійственное желѣзо дрожитъ въ рукъ его....

Но что сдѣлалось съ Сальвенассою, отправившеюся на праздникъ въ F***?

Она благополучно пріѣхала туда въ сопровожденіи Замана, и была встрѣчена съ радостью молодыми подругами, уже начавшими пѣніе и пляски въ комнатѣ, разрисованной мелкими цвѣтками отъ пола до потолка.

Стѣна, составлявшая фасадъ однояруснаго дома, обращенная на дворъ состояла вся изъ узорчатыхъ, разноцвѣтныхъ оконницъ; для прохлады, ихъ подняли вверхъ, и при свѣтѣ разведенныхъ огней блестялъ шумный фонтанъ, бьющій по срединѣ двора въ квадратномъ бассейнѣ, обдѣланномъ гранитомъ. Дворъ былъ не великъ и съ трехъ сторонъ обнесенъ стѣнами, по которымъ вились виноградныя лозы, согнутыя отъ тяжести огромныхъ кистей. Вокругъ бассейна сидѣли нукеры, съ любопытствомъ поглядывая на танцующихъ госпожъ.

Пляски ихъ большею частію были солнечскія, и стройныя дѣвицы одна передъ другою выказывали въ нихъ свою ловкость. На серебряныхъ блюдахъ подносили имъ сласти, шербетъ и плоды.

— Мужъ мой хотѣлъ захватъ сегодня къ твоему брату, сказала хозяйка дома: онъ любитъ его какъ роднаго. Вѣрно они пируютъ теперь не сучиѣе нашего.

— Али радъ будетъ его видѣть, отвѣчала Сальвенасса.

— Ты, кажется, не весела сегодня?

— О, напротивъ! Гдѣ же мнѣ и веселиться, какъ не здѣсь?

— Такъ возьми бубны; пройди хоть разъ.

Она повиновалась изъ угожденія: встала съ ковра, ловко вернула легкіе, звонкіе бубны, и, слегка ударяя въ нихъ бѣлою ручкою, пошла лезгинку. Каждое ея движеніе исполнено было прелести: когда она склоняла голову къ плечу, каштановыя кудри роскошно разсыпались по юному челу и вились вокругъ шеи; когда водила руками, всякому повороту кисти отвѣтствовалъ новый плѣнительный изгибъ тонкаго стана; когда выставляла ножку, сжатую краснымъ ичигомъ, можно было заглядѣться, даже не будучи Татариниомъ. Громкія рукоплесканія подругъ увѣнчали волшебное ея представленіе. Скромная Дагестанка, зарумянившись, поклонилась гостямъ, передала бубны, и сѣла на прежнее мѣсто.

Охотно плясали ея подруги, и сообщили ей свою радость. Сальвенасса развеселилась, вступала иногда въ кругъ танцующихъ, и всегда выходила съ новыми похвалами.

Нѣсколько уже разъ разводили новыя огни вокругъ бассейна. Было поздно. Она не замѣчала времени, тѣмъ болѣе, что всѣ гости приглашены были переночевать тамъ послѣ праздника.

— Госпожа! произнесъ кто-то шопотомъ позади Сальвенассы, сидѣвшей у окна.

Она обернулась и увидѣла на дворѣ подошедшаго къ ней Замана.

— Что, добрый Заманъ? спросила она.

— Ты хочешь сказать мнѣ что-то? Говори.

— Тише, госпожа! отвѣчалъ нукеръ. Я хотѣлъ сказать тебѣ, что пора ѣхать домой.

— Нѣтъ, я не поѣду: я здѣсь ночую. Ступай, ложись спать.

— Нельзя остаться здѣсь! Надобно ѣхать. Говори тише!

— Что это значить? Отъ чего нельзя остаться?

— Я скажу тебѣ все, но не бойся: мы, кажется, успѣемъ домой еще во-время.

— Братъ мой, Али?...

— Да, Али поссорился съ хозяиномъ здѣшняго дома у себя за ужиномъ, и говорятъ, что ночью же хотятъ они раздѣлаться.

— Кто тебѣ сказалъ это, Заманъ? спросила съ трепетомъ Сальвенасса.

— Мимоѣзжій Татаринъ, свидѣтель ихъ ссоры.

— Готова ли моя лошадь?

— Готова.

— Ёдемъ! Я сейчасъ выйду тихонько, за заборъ на-тѣво.

Сальвенасса, блѣднѣя и едва держась на ногахъ, воспользовалась развлеченіемъ гостей, скрытно вышла изъ дома, сѣла на лошадь, Заманъ взялъ поводья, и они поспѣшно удалились отъ деревни. Ночь была черная, но Заманъ зналъ всѣ тропинки и всѣ малѣйшія примѣты въ поляхъ.

— Заманъ, правда ли это? Не ошибся ли Татаринъ? Кто онъ? гдѣ?... Что онъ еще сказалъ тебѣ? Ради Пророка, скажи мнѣ правду; скажи, живъ ли братъ мой?

Сальвенасса залилась слезами; нукеръ шелъ ровнымъ шагомъ, и коротко отвѣчалъ ей: — Али живъ; мы успѣемъ.

— Заманъ! мнѣ кажется, что мы уже близко. Мы давно въ дорогѣ, очень давно...

— Теперь не далеко, въ полголоса сказалъ нукеръ, и будто-бы пошелъ тише.

— Иди скорѣе, Заманъ! Вотъ здѣсь долженъ быть уже нашъ садъ. Не знаю... но дорога очень длинна... По той ли дорогѣ идешь ты?

— Теперь скоро... Вотъ тамъ! отвѣчалъ служитель. Сальвенасса вглядывается; видитъ, кажется, садъ передъ нею.

Заманъ остановился.

— Мы пріѣхали! сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Какъ? Что ты говоришь? спросила изумленная дѣвушка.

— Да! Мы пріѣхали, продолжалъ Татаринъ, приближаясь къ ней, и правую рукою дружески касаясь ея стана.

— Заманъ! вскричала пронзительнымъ голосомъ Сальвенесса: ты смѣешь?...

— Успокойся, Сальвенасса! Не сердись на меня! Я вѣрный рабъ твой. Али живъ; онъ пируетъ теперь съ друзьями; никогда не ссорился онъ ни съ кѣмъ, — да и кто осмѣлится! Все, что сказалъ я тебѣ, все это ложь...

— Ложь? Ты солгалъ мнѣ?

— Да! солгалъ. Но время дорого: выслушай меня, Сальвенасса... со вниманіемъ... Я расскажу тебѣ все.

Тысяча различныхъ ощущеній взволновали несчастную: она пристально и со страхомъ смотрѣла на Замана, который не выпускалъ поводьевъ изъ руки.

— Отецъ твой, Сальвенасса, былъ прежде бѣдень какъ я. Храбрость доставила ему званіе хана и богатства, которыя перешли къ тебѣ и къ твоему брату. Съ отчаянной шайкой Дербентцевъ онъ разорилъ множество Лезгинскихъ ауловъ, собралъ сокровища и обратилъ ихъ потомъ въ богатяя ваши владѣнія.

Въ одномъ изъ своихъ набѣговъ онъ взялъ меня въ плѣнь, израненнаго, едва живаго. Не знаю, было ли мнѣ тогда двадцать лѣтъ. Моя отчаянная храбрость ему понравилась. Онъ излечилъ меня отъ ранъ, осыпалъ ласками, предложилъ даже свою дружбу. Я былъ тронутъ его вниманіемъ, и скоро предался ему безусловно. Онъ замѣнилъ мнѣ отца и братьевъ, которыхъ былъ убійцею. Съ нимъ былъ я во многихъ набѣгахъ, но наконецъ число нашихъ товарищей весьма уменьшилось, и Мугаммедъ-Ханъ принялъ намѣреніе возвратиться домой, съ несметными сокровищами. Однажды ночью, когда всѣ спали, онъ позвалъ меня къ себѣ, отвелъ въ сторону и сказалъ: «Храбрый, вѣрный мой Заманъ! могу ли я ввѣрить тебѣ важную тайну? — Станешь ли сомнѣваться во мнѣ? сказалъ я. — «Ты клянешься сохранить ее?» — Клянусь! — «Заманъ, сказалъ тогда Мугаммедъ-Ханъ: я вѣрю тебѣ. Слушай! Счастіе доставляетъ мнѣ случай обогатиться. Наши выюки наполнены золотомъ и драгоценностями: я одинъ знаю, до какой суммы простираются пріобрѣтенныя нами богатства. Въ Дербентъ былъ я бѣденъ; друзей у меня не было. Теперь; возвращаясь туда, безпрестанно долженъ я опасаться зависти и алчности князей: притомъ же сподвижники мои требуютъ раздѣла пріобрѣтенныхъ сокровищъ. Заманъ, я хочу скрыть большую часть нашей добычи, а остальную раздѣлить поровну, чтобы показать свое великодушіе!» — Знаешь ли Сальвенасса, продолжалъ Заманъ, страшную пещеру въ скалы?... вотъ тамъ! по ту сторону Дербента!... Въ ней ночью зарыли мы похищенное богатство... Теперь его уже тамъ нѣтъ: мы все вырыли въ продолженіе многихъ лѣтъ. Ты родилась въ первый годъ моего пріѣзда въ Дербентъ. Я носилъ тебя на рукахъ. Хранитель тайны отца твоего, я былъ болѣе его другомъ, нежели нукеромъ. Онъ умеръ на рукахъ моихъ. Ты осталась мнѣ драгоцен-

вымъ залогомъ его дружбы, — и съ тѣхъ поръ тебѣ известно мое усердіе. Передъ глазами моими ты росла и разцвѣтала, какъ роза. Я видѣлъ тебя каждый день; смотрѣлъ на тебя, не думая, что съ каждымъ днемъ ты приближаешься къ возрасту, который отдалитъ меня отъ тебя, отниметь у меня рабство составляющее мое единственное благо. Ужасная мысль потрясла мой умъ, прожгла мнѣ мозгъ, — лишиться тебя, видѣть тебя, Сальвенасса, тебя въ объятіяхъ другаго!... Нѣтъ, теперь земля и небо безсильны передо мною! Я люблю тебя. Да! я люблю тебя страстно.....

Какъ громомъ пораженная, Сальвенасса съ судорожнымъ движеніемъ отклонилась на сѣдлѣ отъ страшнаго Татарина. Понятія ея смѣшались въ страшный хаосъ; она онемѣла, и какъ безумная глядѣла на ужаснаго нукера.

— Сальвенасса! продолжалъ онъ: я обдумалъ все, ты должна принадлежать мнѣ! Еще я не старъ; хотя время и труды оставили глубокую печать на моемъ челѣ, но въ груди горитъ прежній огонь молодечества, рука сохранила прежнюю силу. Я приобрѣту все! Съ тобою, кто осмѣлится думать одолѣть меня? Богатство, ханство, княжество, — все возьму я кинжаломъ, и повергну къ ногамъ твоимъ. Милое созданіе Аллаха, роза души моей, склонись на мои моленія, отдайся мнѣ. Оставимъ Дербентъ, найдемъ радостную жизнь въ Кавказскихъ Горахъ, и тамъ, малѣйшая прихоть твоихъ желаній будетъ для меня то же, что законъ Пророка....

Сальвенасса, въ первый разъ слышавшая языкъ страсти, съ трепетомъ внимала словамъ нукера. Наконецъ, какъ-будто воскресши изъ гроба или внезапное получивъ вдохновеніе твердости, —

— Замань! вскричала она повелительнымъ голосомъ, исполненнымъ силы и гнѣва. Презрѣнный, коварный

рабъ! Передъ кѣмъ осмѣливаешься ты забыть свое ничтожество? Казнь твоя близка: веди меня къ брату, или завтра же мерзкая голова твоя отпадетъ отъ тѣла! Веди меня въ Дербентъ: я тебѣ приказываю!

— Страшный гнѣвъ! воскликнулъ съ усмѣшкою Заманъ. Напрасно думаешь ты угрозами отвратить меня отъ намѣренія. Ты въ моей власти: я хочу обладать тобою, и совѣтую подумать, кто изъ насъ властнѣе въ своихъ поступкахъ...

— Извергъ! знай, что завтра же кровью твоею разольется по каменьямъ площади; завтра же...

— Нѣтъ, не бывать этому! прервалъ ее Татаринъ звѣрскимъ голосомъ. Твое презрѣнiе даетъ мнѣ всѣ права надъ тобою. Ты должна быть моею, или не будешь принадлежать никому другому.

Съ этимъ словомъ, Заманъ схватилъ бѣдную Сальвенассу и мощными руками сорвалъ ее съ сѣдла.

Испуганная лошадь исчезла въ темнотѣ.

О, если бъ храбрый Али зналъ тогда положенiе сестры своей! Онъ бы въ одно мгновенiе ока исторгъ ее изъ объятiй злодѣя; онъ бы заставилъ его испытать всѣ ужаснѣйшія мученія смерти. Но Али не думалъ о Сальвенассѣ. Исполненный безполезнаго тщеславія, онъ горѣлъ лишь нетерпѣнiемъ доказать свою отвагу, удивить Дербентцевъ.

Напрасно злополучная Сальвенасса оглашала отчаяннымъ воплемъ тишину, напрягая всѣ силы, чтобъ вырваться изъ рукъ Татарина: голосъ ея умиралъ въ безлюдной окрестности, рабъ безъ труда влекъ ее быстрымъ шагомъ, — и она вдругъ почувствовала себя въ холодномъ, почти зимнемъ воздухѣ. Она увидѣла надъ собою страшные своды пещеры.

— Злодѣй! закричала она, измѣнившимся голосомъ. Смерть!...

И быстро извлекла она свой кинжалъ, дрожа отъ изступленія, она взмахиваетъ смертельное оружіе, и

изо всей силы вонзаетъ его въ бокъ Татарина. Жельзо закрипѣло между ребрами ; кровь хищника хлынула изъ раздвоеннаго сердца; онъ зашатался... Руки его распались, и онъ грянулся мертвый къ ногамъ Сальвенассы, тогда, какъ своды пещеры оглашались страшнымъ его стономъ.

Въ ея рукъ, сжатой сильною судорогою, остался окровавленный кинжалъ. Члены ея трепетали, холодный потъ крупными каплями падалъ съ чела, и вдругъ смѣнялся огненнымъ жаромъ ламитъ; ротъ раскрылся и высохъ; въ ухахъ раздавался гулъ. Вдругъ лежавшій у ногъ ея трупъ вздрогнулъ съ послѣднимъ хрипѣниемъ смерти. Она съ визгомъ кинулась въ сторону. Мертвецъ затихъ. Она все еще стояла безъ чувствъ, прислонясь спиною къ огромному камню. Голова ея горѣла; можно было издали слышать бѣненіе сердца.

Едва пришла она въ полусвѣтлое состояніе души, вдругъ слышитъ, что кто-то приближается къ ея ужасному убѣжищу. Забывъ страхъ, который за минуту передъ тѣмъ повергъ ее въ высочайшую степень безпамятства, она, какъ безумная, спѣшитъ отыскать кинжалъ, выпавшій изъ ея рукъ; подбѣгаетъ къ распростертому Татарину, съ яростью отсѣкаетъ ему члены, и сильными размахами мечеть ими въ грознаго пришлеца съ кладбища. Несчастливая, думала спасти себя отъ новой гибели! Но безстрашнаго гостя не останавливаютъ кровавыя ядра изъ пещеры!... Силы уже оставляли Сальвенассу, голова ея кружилась, руки опускались, смертное томленіе разливалось по цѣлому тѣлу; она уже готова была упасть мертвою у входа въ вертепъ, когда раздался голосъ... Она вслушивается, она еще не вѣритъ... Огонь неизяснимаго чувства, быстрого какъ молнія, пробѣжалъ по ея жиламъ; она бросается изъ пещеры, и сжимаетъ въ

объятіяхъ своихъ брата. Изумленный, испуганный Али, уже взмахнулъ - было кинжалъ надъ головою привидѣнія.

— Стой, Али! ударъ преступный! ударъ братоубійцы! Я твоя Сальвенасса!...

Присутствіе духа удержало его руку. Али чувствуетъ на груди своей юную сестру, и кинжалъ его падаетъ на землю.

Неимоверныя усилія души утомили бѣдную дѣвушку: она лишилась чувствъ. Какъ увядающая роза склонилась она головою къ сердцу брата, и долго лежала на его рукъ. Только слабое біеніе сердца доказывало ему, что жизнь въ ней еще не погасла.

Открывъ глаза Сальвенасса, затрепетала: страшное событіе, какъ близкій сонъ, еще не отдѣлилось въ мысляхъ ея отъ настоящаго. Али старался успокоить сестру, поднялъ ее на руки, и, отыскавъ лошадь на кладбищѣ, привезъ Сальвенассу въ Дербентъ. Тамъ рассказала она ему предательство и смерть Замана. Гостей уже не было въ домъ.

Драгоценный кинжалъ Сальвенассы остался въ пещерѣ: кинжалъ, принадлежавшій Алію, лежитъ при входѣ. Хищныя чакалки растащили четвертованное тѣло Татарина: сказываютъ, что тѣнь его каждую ночь приходитъ собирать свой трупъ, стонетъ и удаляется съ воплемъ при видѣ блестящаго кинжала.

Съ тѣхъ поръ пещера стала еще страшнѣе.

Сальвенасса скоро забыла свое приключеніе. Но по сіе время всѣ говорятъ въ Дербентъ: Не было прекраснѣе Сальвенассы въ цѣломъ Дагестанѣ! Не было и не будетъ храбрѣе Алія!

ПОСЛѢДНІЙ КОНСУЛЬ

ВЪ КАФѢ.

=

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ТАТАРСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

I.

И скоро ль? долго ль?... Какъ узнать!
Не растворяется Эдемъ.....

Жуковскій.

Насталъ пріемный день. Неугомонные просители, еще до разсвѣта, осадили дверь консульскаго дворца. Два дюжіе воина, длинными и тяжелыми копьями заграждавшіе входъ, молча и равнодушно смотрѣли на возраставшую толпу. Говоръ нетерпѣнія переливался въ глухой, невнятный шумъ: толпа волновалась и кипѣла, какъ бурный отплескъ океана у подножія Столповъ Геркулесовыхъ. Въ ней смѣшались представители половъ и классовъ, низшаго состоянія, жителей Кафы. Надежда и страхъ были первенствующія страсти, одушевлявшія эту разнородную картину; но оттѣнки, переливы и тѣни были неисчислимы. Старики, удрученные лѣтами и охлажденные опытомъ, безмолвно сидѣли на ступеняхъ мраморнаго крыльца, и, покоряясь необходимости, терпѣливо обдумывали свои предпріятія; женщины смиренно прижимались къ стѣнѣ, потупляли взоры и изрѣдка взглядывали одна на другую. Молодые люди, преи-

мущественно Генуэзцы, громко роптали на сонливость своего консула, и нагло всматривались въ лица смиренныхъ просительницъ, заставляя ихъ краснѣть и отъ неудовольствія кусать губки. Татары, безъ чиновъ, усѣлись на землѣ въ кружокъ, и важно завели свои дипломатическія рѣчи, то есть, перекликались односложными гортанными звуками, какъ филины предъ восходомъ солнца...

— Чортъ возьми! Спать до сихъ поръ! досадуя и потирая руки, воскликнулъ одинъ молодой Генуэзецъ.

— Да! отвѣчалъ другой: и я уже начинаю терять терпѣніе... Нашъ консулъ...

— Гмъ! понимаю! таинственно подхватилъ третій: этотъ Бокка-Неро...

— Не такъ водилось въ Кафѣ при старинныхъ консулахъ! Правда, они, бѣльшею частію, были новички, а оттого и не крѣпко вѣрвали въ свою прочность. Взгромоздась на консульскія кресла, они сидѣли съ оглядкою... А Бокка-Неро — Графъ... да еще какой! Чуть-ли родомъ не старѣе самого Дожа? Да онъ и въ усъ не дуетъ! Богатъ, силенъ, самъ себѣ законъ... Только не сдобровать ему съ такимъ закономъ: не тѣ времена пришли! Слышали ли вы Цареградскія новости?

— Нѣтъ! что такое?

— Такъ! Поговариваютъ... (пониживъ голосъ) Султанъ что-то недоброе затѣваетъ!

— Право?

Подъѣхавшій Армянинъ, обративъ на себя вниманіе, прервалъ ихъ разговоръ. Гнѣдой, статный конь, богатая сбруя, великолѣпная одежда пріѣхавшаго Армянина заняли и развлекли на время нетерпливую толпу.

— А! это молодой Капрель Астіанджи, сынъ того старика, что торгуетъ на большой пристани... Бѣд-

ный, что съ нимъ случилось? Смотрите, какъ онъ печаленъ!

— А ты развѣ ничего не слыхалъ?

— Нѣтъ! А что такое?

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, братъ, презабавная исторія! Онъ недавно ѣздилъ въ Старый Крымъ къ дядѣ на свадьбу, — и проѣздилъ жену!

— Какъ это?

— Очень просто: она въ отсутствіе его бѣжала!

— Возможно ли? Эта смиренница, эта скромница, Сусанна?

— Бѣсъ хоть кого опутаетъ: только поддайся немного!

— Куда же она бѣжала?

— Тутъ - то и точка съ запятой: какъ на дно моря канула!

— Ахъ, бѣдненькая...

— Что ея жалѣть? Пожалѣй лучше самого Капрела: онъ, бѣдный, съ тоски извелся...

Между-тѣмъ молодой Астіанджи слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ периламъ крыльца, и, въ глубокой задумчивости, оперся на колонну. Татары обступили его.

— Доброга утра, Капрель-агà, доброга утра! единодушно привѣтствовали его Татары.

Капрель, молча, наклоненіемъ головы отвѣчалъ на равнодушныя привѣтствія, и снова задумался.

— Плохое дѣло! шептались Татары, пожимая плечами.

Капрель вздохнулъ.

Конскій топотъ послышался вдалекѣ. Толпа разступилась, и къ крыльцу подѣхалъ префектъ Кафскаго округа, Эминекъ, сопровождаемый конными, вооруженными Татарами.

Услужливые единовѣрцы бросились къ нему на встрѣчу, и, съ громогласнымъ *селямъ-алей-кумъ*, засуе-

тились вокругъ него. Двое или трое взяли за поводья и держали лошадь, гнувшуюся подъ дороднымъ префектомъ; другіе держали стремя; третьи на рукахъ снимали его съ лошади. Молодые Генуэзцы исподтишка смѣялись надъ префектомъ, и любовались картиною Восточнаго раболѣпства Татаръ.

Поблагодаривъ усердныхъ единовѣрцевъ своихъ, Эминекъ дружески поздоровался съ Капреломъ, пожалъ ему руку, и запыхавшись взобрался на крыльцо. Воины почтительно раздвинули копыя, и отворили одну половину двери: не безъ труда пролѣзъ въ нее префектъ.

Снова затворилась дверь, снова сомкнулись копыя. Эминекова свита присоединилась къ своимъ землякамъ, и стѣснила кружокъ около Капрела. Между ними завязался разговоръ, по обыкновенію, сперва тихій, потомъ жаркій и довольно громкій.

— Чудныя дѣла! воскликнулъ степенный Хаджи-Ибраимъ: чудныя дѣла!

— Неужели и слѣдовъ не открыли? подхватилъ молодой вершникъ.

— Ищи вѣтеръ въ степи!

— Плохое дѣло! какъ бы въ размышленіи произнесъ Хаджи-Ибраимъ. Однако же не всѣ надежды лопнули! Попытаться не трудно... Авось!

— Что ты хочешь сказать? съ живостью подхватилъ Капрель.

— Такъ! Мнѣ кажется, что твое дѣло еще не совсѣмъ пропало: напримѣръ, Капрель-ага, знакомъ ли ты съ Панаіотомъ?

— Съ которымъ?

— Ну, съ тѣмъ старичишкою, что вѣчно сидитъ въ хану, у Сейтара-Челеби, на новомъ базарѣ.

— Знакомиться съ нимъ, не знакомился; а такъ знаю его. Да что въ немъ?

— Такъ! Мнѣ пришла въ голову охота поколдовать

у него. Въдь онъ чернокнижникъ, и, какъ говорятъ. дока. Я, признаться, мало чему вѣрю... однако же попытка не бѣда.

Въ это мгновеніе, двери съ шумомъ растворились, копы раздвинулись, и толпа хлынула во дворець, какъ вода въ прорванную плотину. Не успѣвъ снять шапки, Капрель очутился въ приѣмной залѣ. Къ счастью, консуль еще не выходилъ. Капрель тотчасъ оправился, снялъ шапку, и, отошедъ въ сторону, безмолвно сѣлъ у окна.

II.

Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ.

Гривоздовъ.

Въ обширной полукруглой залѣ, ярко расписанной Италіянскими Художниками, собрались просители. Вправо была таинственная дверь, куда устремлялись ихъ нетерпѣливые взоры; два воина, въ полномъ вооруженіи, охраняли ее.

Консульскіе чиновники, гражданскіе и военные, спѣсиво расхаживали по залѣ; просители, какъ бы приросшіе къ полу, боязливо глядѣли на нихъ; одинокій Капрель, блѣдный и неподвижный, сидѣлъ у окна въ глубокой задумчивости.

— Полно горевать, Капрель! сказалъ Хаджи-Ибрагимъ, подошедъ къ нему; твоя бѣда — не совсѣмъ еще бѣда.

— Нѣтъ! я уже начинаю терять надежду, внятнѣмъ шопотомъ отвѣчалъ Капрель: темныя сомнѣнія вкрались въ мое сердце... Горе, если они оправдаются!

Капрель остановился. На лицѣ его, дотоль блѣдномъ и уныломъ, вспыхнулъ румянецъ; онъ съ жаромъ схватилъ руку своего утѣшителя.

— О, я умъю, я найдусь отмстить моему злодю! отрывисто произнесъ онъ.

— Върю! прервалъ Хаджи-Ибраимъ, върю; но прежде не худо бы удостовѣриться въ истинъ своихъ подозрній... Скажи лучше: пойдешь ли ты къ Панаюту!

— Согласенъ; пойду.

— Такъ, до вечера! Не отпуская никуда Бедроса; онъ намъ будетъ необходимъ.

Съ этими словами Хаджи вышелъ.

Нѣсколько разсѣянный и отчасти ободренный надеждой, Капрель пасмурнымъ взоромъ окинулъ собраніе. Между консульскими чиновниками онъ замѣтилъ Сейтака. Неодолимое чувство, непріятное и тяжелое, взволновало его душу. Подавляя свои ощущенія, преодолевая самого себя, внимательно разсматривалъ онъ неуклюжаго Сейтака. Казалось, что послѣдній замѣтилъ его взоры, нѣсколько смѣшался, и тщетно старался ихъ избѣжать.

Сейтакъ, сынъ умершаго префекта Мамая — предшественника Эминекова, былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, не подавъ съ своей стороны ни какого повода, запечатлѣваются народною ненавистью. Кафа не терпѣла Сейтака. При выборѣ префекта онъ былъ единодушно отвергнутъ. Тщетны были всѣ усилія, всѣ происки вкрадчивой Фадимѣ, его матери: два благомыслящіе консула, предшествовавшіе Графу Бокка-Неро, согласуясь съ волею Хана и желаніемъ Кафскихъ обывателей, отвергли всѣ ея предложенія, уничтожали всѣ ея надежды. Она уже начинала отчаяваться въ успѣхъ своихъ исканій въ пользу сына, какъ назначеніе и прибытіе новаго, болѣе стоворчиваго консула, Графа Бокка-Неро, воскресило всѣ ея покушенія. Дѣла пошли другимъ порядкомъ: Сейтаку, какъ бы въ упрекъ городу и округу, данъ свободный входъ во дворецъ консуль-

скій. Кафа негодовала, округъ ропталъ, консулъ потерялъ довѣріе жителей.

Что же было ненавистнаго, нетерпимаго въ Сейтакѣ? Что именно хотѣли подавить въ немъ? Какая неизгладимая черта раздѣляла его съ жителями? Этого никто не рѣшилъ. Тайна этой антипатіи не разгадана, и она, какъ дѣйствіе безъ причины, какъ неизъяснимый феноменъ, какъ прихоть женщины, осталась на страницахъ Исторіи Кафской неистолкуемымъ событіемъ, предшествовавшимъ или даже произведшимъ конечное сокрушеніе могущества и славы Генуи на Черномъ Морѣ.

Правда, въ лицѣ Сейтака, правильномъ и довольно пріятномъ для Татарина, было что-то неопредѣленное, безстрастное, иногда жестокое; но жестокость его не оправдана ни какимъ случаемъ. Однимъ словомъ, отвращеніе къ нему было прихотью Хана, прихотью народа, антипатією безо всякаго основанія, за всѣмъ тѣмъ сильною и неодолимою. Ее нельзя было презирать. Но Графъ Бокка-Неро былъ выше воли Ханской, выше голоса народнаго: онъ презрѣлъ все, и торжественно подаль руку отверженному всѣми. Эта связь, противная общему мнѣнію, произошла также безъ всякой видимой причины, по странной прихоти могущественнаго консула. «Онъ такъ хотѣлъ; ему такъ угодно было», говорили приближенные, и никто не осмѣливался возражать. Косились, морщились, и, качая головами, молчали до времени.

† Но оставимъ Сейтака.

Дверь изъ консульскаго кабинета отворилась: Эминокъ, сопровождаемый совѣтникомъ Скварчіафико, показался въ пріемной. Онъ былъ недоволенъ, и, казалось, даже огорченъ; сухо поздоровался съ чиновниками, и, молча, уклонился въ сторону. Совѣтникъ, напротивъ, былъ въ веселомъ расположеніи духа,

прямо подошелъ къ Сейтаку, съ торжествующимъ лицомъ подалъ ему руку, и въ полголоса поздравилъ его, — но съ чѣмъ? — Это между нами.

Обрадованный Сейтакъ не утаилъ своихъ восторговъ: онъ насмѣшливо взглянулъ на префекта, гордо и надменно на удивленную толпу просителей.

— Скоро ли выйдетъ консуль?

— Сію секунду! съ видомъ снисхожденія и покровительства каждому отвѣчалъ совѣтникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь съ шумомъ растворилась настежь, и въ залу впорхнулъ мужчина лѣтъ пятидесяти, стройный, ловкій, въ щегольскомъ изысканномъ нарядѣ.

III.

Кудъ програвъ, чи выгравъ справу, —
Ще якъ доведетца!

Артамовскій.

То былъ консуль.

Ловко, непринужденно и пріятно, какъ испытанный актеръ раскланялся онъ совсѣми. Съ легкостью, даже несвойственною его лѣтамъ и сану, онъ объжалъ всѣхъ просителей. Быстрые, но малоудовлетворительные, отвѣты бѣглымъ огнемъ сыпались изъ его усть. Онъ суетился; показывалъ видъ озабоченнаго дѣлами, и многіе изъ просителей, не предвидя желаннаго успѣха, безъ околичностей и напрасныхъ объясненій, выходили вонъ, проклиная несбывшіяся надежды. Консуль не обращалъ вниманія на уходившихъ: онъ шутилъ съ просителями, передразнивалъ ихъ, подсмѣивался надъ ихъ простотою, и такимъ образомъ подавлялъ, умерщвлялъ въ нихъ охоту впредь отваживаться на подобныя доуки. Приемная видимо пустела. Однѣ женщины, неизвѣстно почему, болѣе увѣренныя въ удачу, настойчиво дожидались своей очереди. Правда, онъ и не ошиблись.

Консулъ осчастливилъ ихъ особеннымъ вниманіемъ; но оно обращалось прямо, лично къ нимъ, а не къ дѣламъ, не къ нуждамъ ихъ.

— Идите въ консульское правленіе! Ступайте въ консульское правленіе! Вамъ нельзя отказать, вы очень милы..... Господинъ совѣтникъ! предоставляю вамъ удовлетворить эту госпожу. Вы молоды, прекрасны; вы во всемъ успѣете.....

Такъ забавлялся съ своими просительницами вѣжливый консулъ. Онъ слушали, улыбались и, кусая губки, покраснѣвшись, выходили вонъ. Мадригалы съ эпиграммами напутствовали ихъ. Приемная опустѣла. Последній проситель, угрюмый и невнимательный, былъ молодой Астіанджи: его очередь.

Какъ быстры переходы ощущеній, а съ ними вмѣстѣ и измѣненія лица! Въ то самое мгновеніе, когда консулъ еще только вздумалъ обратиться къ печальному Капрелу, лице его приняло совершенно другое выраженіе. Мѣсто пріятной, утонченной привѣтливой улыбки, заступила строгая, даже суровая холодность; осанка его сдѣлалась тяжелою, величественною; тѣлодвиженія горделивыми, благопристойными и важными; взоры внимательными, испытующими, — но спокойными.

— Что скажете мнѣ, синьоръ Астіанджи? Какъ ваше дѣло? спросилъ онъ, съ видомъ снисходительнаго участія.

— Все погбло, благородный консулъ! отвѣчалъ Капрель, почтительно поклонившись.

— И нѣтъ ни какой надежды? заботливо подхватилъ Графъ. — Почти ни какой! съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ Капрель.

Быстрое; но сильное внутреннее движеніе промелькнуло на лицѣ консула: онъ подавилъ его. Капрель стоялъ, потупивъ взоры, и ничего не замѣтилъ.

— Вотъ, господинъ префектъ, какъ вы печетесь о благосостояніи ввѣреннаго вамъ округа! строго произнесъ Графъ, обращаясь къ Эминеку. Слыханное ли дѣло, допустить до того, что начали расторгать семейныя узы, похищать женъ у первѣйшихъ гражданъ?... Это не дѣлаетъ чести вашему управленію, господинъ префектъ! Ни Генуа, ни Кафа не одобрятъ вашей слабости.

Эминекъ вспыхнулъ. Трещеца отъ гнѣва, онъ бросилъ презрительный взоръ на консула, и отвѣчалъ отрывисто:

— Господинъ консуль, кажется, долженъ знать, что префекты не мѣшаются во внутреннія дѣла Кафы, что они избираются для округа.... Потому, я прошу васъ уволить меня отъ подобныхъ упрековъ... Я возвращаю ихъ вамъ, господинъ консуль; они къ вамъ собственно относятся.

— Ба! Въ самомъ дѣлѣ? съ язвительною улыбкою воскликнулъ изумленный консуль, преодолая закипѣвшій гнѣвъ. Это ново! Это очень забавно!.... Господа! продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ чиновникамъ: не правда ли, что въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе сдѣлало огромныя успѣхи? Слышите ли вы, какъ нынѣ умничаютъ и острятъ господа Ордынцы? Ха, ха, ха! Это забавно!.... Продолжайте, signor prefetto; вы очень милы въ роли оскорбленнаго паяцца!

Графъ совершенно забылся, измѣнилъ самому себѣ, своему достоинству, предаваясь порывамъ необузданнаго самолюбія. Колкія насмѣшки, ѣдкіе сарказмы посыпались на огорченнаго Эминека. Услужливые чиновники подтакивали Графу, и растравляли его желчь: она забавляла ихъ своею новостью. Они, по обыкновенію, хохотали; но Графъ, вышедъ изъ себя, и не думалъ оскорбляться ихъ двусмысленнымъ хохотомъ.

Эминекъ не выдержалъ; кровь закипѣла во всѣхъ

его жилахъ, всѣ суставы пришли въ движеніе, — онъ дрожалъ и блѣднѣлъ.

— Окончите эти подлые выходки, эти недостойныя личности, господинъ консулъ! Прошу васъ, перестаньте! Я не отвѣчаю за себя! возопилъ онъ дикимъ голосомъ.

— Что вы хотите сказать, господинъ префектъ? надменно воскликнулъ консулъ, устремивъ на него прощательные, но покойные взоры.

— Я прошу васъ, Графъ, оставьте личности! не доводите меня до крайности вразумить васъ, что я....

Иступленіе гнѣва пресѣкло рѣчь; но блестящіе глаза его досказали остальное.

— Какъ! воскликнулъ раздраженный консулъ: вы посягаете на мое достоинство?... Вы осмѣливаетесь грозить мнѣ? Господа! обезоружьте его.

Картина мгновенно измѣнилась при неожиданномъ повелѣніи консула. Ревностнѣйшіе изъ чиновниковъ бросились-было къ Эминеку, но онъ предупредилъ ихъ. Быстро бросился онъ къ Графу, схватилъ его за грудь, обнажилъ свою саблю, и, трепеща, задыхаясь отъ бышенства, приставилъ ее къ сердцу испуганнаго консула.

— Ты погибнешь, наглый измѣнникъ, если чья-либо рука дотронется до моей одежды! Клянусь Богомъ и пророкомъ ты погибнешь! Гей, Оланы! ко мнѣ! отчаянно вскричалъ онъ, не выпуская изъ рукъ консула, потерявшагося и поблѣднѣвшаго какъ полотно отъ страха и безсильной ярости.

Чиновники стояли неподвижно; смятеніе было общее. Одинъ Капрель, забывъ свое горе, стоялъ въ отдаленіи, почти равнодушно любуясь на это необыкновенное представленіе.

— Оланы! еще сильнѣе возопилъ Эминекъ громовымъ, оглушающимъ голосомъ: ко мнѣ, ребята!

Оланы заслышали гомось своего повелителя: придверники сбиты, двери съ трескомъ разступились.

— Мы здѣсь, благородный агà! воскликнули они въ одинъ гомось.

Сабли обнажены. Консульскіе чиновники, оторопѣвшіе и безоружные, разступились. Оланы окружили префекта.

— Мы здѣсь! повторили они, поднявъ надъ собою отпущенныя сабли.

Эминекъ опомнился: выпустилъ изъ рукъ помертвѣвшаго консула, и, отступивъ шага на два, гордо произнесъ:

— Дарю тебѣ ничтожную жизнь, бездушный наглець! Надѣюсь, что ты впередъ не осмѣлишься издѣваться надъ Эминекомъ.... Синьоръ консуль, кланяюсь вамъ! насмѣшливо присовокупилъ онъ, выходя изъ пріемной.

Онъ удалился: топоть коня его раздался передъ дворцемъ и потерялся вдали, а Графъ, какъ пораженный громомъ, блѣдный и неподвижный, стоялъ на одномъ мѣстѣ. Всклоченные волосы, блѣдныя дрожащія губы, оцѣпѣнѣлые взоры и измятые кружевные маншеты, рѣзко напоминали его уничиженіе. Наконецъ онъ почувствовался. Мутнымъ, исполненнымъ презрѣнія взоромъ окинулъ онъ предстоявшихъ, силился улыбнуться и, не произнеся ни одного слова, ушелъ въ свой кабинетъ.

Мертвое молчаніе царствовало въ пріемной; чиновники робко и недоувѣрчиво поглядывали другъ на друга. Одианъ Капрель, случайный и сторонній свидѣтель страннаго событія, былъ покоенъ, — сколько могъ. Видя конецъ аудіенціи, онъ вышелъ изъ пріемной, въ раздумьѣ сѣлъ на коня, и медленно потянулся домой.

Черезъ часъ вся Кафа уже знала о приключеніи съ

консуломъ. Умы, по обыкновенію, взволновались и раздѣлились: роптали на Графа, обвиняли Эминска.

IV.

..... Будь веселье;
Твой гость пришелъ — твой другъ и братъ!...

Полежаевъ.

Постоянно занятый своимъ горемъ, въ глубокой задумчивости лежалъ Капрель на своемъ осиротѣвшемъ ложѣ; передъ нимъ, на низенькомъ столикѣ, горѣла лампада; противъ него, на диванѣ, безпечный Бедросъ спалъ богатырскимъ сномъ. Старика Астіанджи не было дома: онъ ночевалъ въ своей лавкѣ.

Около третьяго ночнаго часа, кто-то легонько постучался въ окно, потомъ въ дверь. Капрель тотчасъ всталъ, отперъ дверь и впустилъ запоздалаго гостя. То былъ Хаджи-Ибраимъ.

— Ну, теперь нечего печалиться, Капрель! Я все дѣло уладилъ... Насилу уломалъ Грека. Упрямый старикъ только изъ угожденія тебѣ согласился вызвать *черныхъ*, сказалъ Хаджи-Ибраимъ, отирая потъ съ лица.

Онъ, безъ околичностей, усѣлся на постели; онъ задыхался отъ усталости.

— Благодарю тебя! Такъ, для чего медлить напрасно? Пойдемъ!

— Не спиши; до закрытія кофейни Сейтара-Челеби, ты ни какими благами въ міръ не выгатиши оттуда стараго чернокнижника: хоть убей, не пойдетъ!

— А когда запирають кофейню?

— Обыкновенно расходятся въ пятомъ ночномъ часу. Тогда старикъ, допивъ послѣднюю чашку кофе, удаляется въ свой чуланъ.

— Досадно!

— Слышалъ ли ты городскія новости? Знаешь, что

происходило сегодня передъ объдомъ, у консула съ префектомъ?

— Я былъ свидѣтелемъ.... и въ другую пору отъ души посмѣялся бы.

— Право? Такъ ты былъ еще тамъ?

— Былъ, и все видѣлъ!

— Поздравляю! А знаешь, чѣмъ это все кончилось?

— Я послѣ того никуда не выходилъ и никого не видалъ.

— Ну, такъ дѣло пошло не на шутку! Оскорбленный консуль, опомнившись съ перепуга, послалъ-было схватить Эминека: да не тутъ-то было! Во всемъ домѣ ни души не нашли. Консуль еще болѣе расхотѣлся, тотчасъ собралъ Городовой Совѣтъ, заочно отрѣшилъ Эминека; назначилъ.... Кого бы ты думалъ?

— Кого, кромѣ Сейтака? Они не путемъ стакнулись.

— Угадай! Эминекъ провозглашенъ измѣнникомъ, бунтовщикомъ, а Сейтакъ — надеждою Кафы. Знай нашихъ! Тотчасъ послали извѣстіе объ этомъ къ Хану. Весь городъ трубитъ, что Кафа продана за двѣ тысячи червонцевъ.... Да не о томъ дѣло! Надобно же и консуламъ чѣмъ-нибудь промышлять.

— Какъ, за двѣ тысячи? воскликнулъ изумленный Капрель. Возможно ли?

— Вѣрно возможно. Послушай, что говорятъ на базарахъ, въ трубу трубятъ, какъ чадолюбивая Фадимѣ гнулась подъ драгоценною ношею, идучи во дворецъ; какъ она нечаянно уронила свое сокровище; какъ была допущена въ кабинетъ консула, и прочее тому подобное. Дѣло, видно, доказанное! Поздравляю съ новымъ префектомъ.

Молодой Астіанджи былъ сильно пораженъ Кафскими новостями. Устремивъ неподвижные взоры на разговорившагося разскащика, онъ вслушивался въ каждое слово. Волненіе отражалось на лицѣ его, и онъ часто хмурилъ брови.

— Что жъ Кафа? Что Италіяны? спросилъ онъ послѣ глубокаго молчанія.

— Кафа стоитъ, какъ и прежде стояла, равнодушно отвѣчалъ Хаджи: и будетъ стоять до тѣхъ поръ, пока не упадетъ! Генуезцы морщатся, и поддерживаютъ консула.

— А народъ, жители?

— О, это словесное стадо! Шумить, бурлить, мечется, — и только. Консулъ слышитъ его пересуды, даже угрозы, и дѣлаетъ свое. О, этотъ консулъ не простъ, какъ я прежде полагалъ; онъ умѣетъ повернуть дѣломъ!

— Тѣмъ хуже для него! Тѣмъ еще хуже для Респубблики!

Хозяинъ и гость задумались. Намекъ Капрела былъ справедливъ. Хаджи насупился и въ раздумь поправилъ шапку.

— Чему быть, того не минуешь! Богъ лучше знаетъ, какъ, что и для чего что будетъ.

Хаджи-Ибраимъ былъ замѣчательное лице при последнемъ издыханіи Генуэзскаго владычества на Черномъ Морѣ. Твердость и сила воли, соединенныя съ основательнымъ умомъ и нѣкоторымъ образованіемъ, почерпнутымъ въ обращеніи съ дѣтства съ Европейцами XV вѣка, обратили на него вниманіе и Респубблики и Хана.

Онъ былъ мужчина плотный и стройный; роста средняго, не старѣе тридцати лѣтъ. Горделивая походка, важность въ рѣчахъ и движеніяхъ, правильный окладъ лица, неукоризненная жизнь и благородный образъ мыслей дѣлали его, въ глазахъ Кафскихъ обывателей, необыкновеннымъ Татаринномъ. Одна только гордость Европейцевъ втайнѣ осмѣливалась отрицать высокія достоинства. Благоразумный Хаджи презиралъ мнѣшія самолюбивыхъ Италіянскихъ торгашей: онъ понималъ самого себя.

Еще въ младенчествѣ своемъ поселился онъ въ Кафѣ. Рожденный на степяхъ Азовскихъ, онъ во время войны былъ отторгнутъ отъ трупа своего отца окровавленной рукою побѣдителя. То былъ Юванесь Астіанджи, отецъ Капрела, нѣкогда могучій воинъ, въ послѣдствіи миролюбивый купецъ.

Неизвѣстно почему, — думаютъ изъ уваженія къ Ибраимовой матери, Армянкѣ, — сострадательный Юванесь, изъ господина сдѣлался благодѣтелемъ и вторымъ отцемъ своего невиннаго плѣнника. Онъ не смѣлъ обращать его въ Христіанскую Вѣру, чтобъ не разстроить связей своихъ съ Татарами, но просвѣтилъ его сердце, озарилъ умъ, и, вливая въ него нѣкоторыя познанія, научилъ честности и праводушію, сколько честность и праводушіе были извѣстны въ томъ развратномъ вѣкѣ. Трудъ Юванеса увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Обученный Татарскій мальчикъ выросъ и сталъ достойнымъ гражданиномъ своего новаго отечества, и благороднымъ членомъ семейства, которое его усвоило. Добрый Юванесь не ограничился однимъ воспитаніемъ, какъ это почти обыкновенно случается: онъ далъ воспитаннику своему имя въ обществѣ, принялъ его въ часть. Ибраимъ воспользовался случаемъ и обогатился.

Незадолго до эпохи, которую мы описываемъ, движимый болѣе любознаніемъ, нежели пламенемъ Вѣры, онъ совершилъ трудное въ тѣ времена путешествіе въ Мекку, и, пространствовавъ болѣе пяти лѣтъ по свѣту, возвратился съ двумя важными пріобрѣтеніями, — повязкою хаджія и опытностью въ трудномъ искусствѣ знать людей. Одно для невѣждъ, другое для ума.

Дружба, самая естественная, привязывала его къ дому Астіанджи. Онъ любилъ быть признательнымъ.

Несмотря на все это, характеръ его имѣлъ свои, ро-

довью, Монгольскіе отливы цвѣта, хотя очень легкіе, однако жъ довольно замѣтныя. Падавивъ низкія страсти, свойственныя его единоплеменникамъ, онъ сохранилъ степную запальчивость, угрюмость и Восточную склонность къ нѣгѣ.

Капрель былъ пятью годами моложе его, былъ рослѣе и виднѣе лицомъ. Онъ уже умѣлъ снискать себѣ уваженіе въ общественномъ мнѣніи щедростью и благородствомъ поступковъ. Кафа не безъ причины полагала на него большія надежды. Сбылись ли онъ? Увидите послѣ.

Быстро летитъ золотое время въ дружеской бесѣдѣ. Непримѣтно приблизился часъ свиданія съ кудесникомъ Панаіотомъ: Капрель не пропустилъ его. Не безъ внутренняго движенія напомнилъ онъ Ибраиму, и дрожащею рукою разбудилъ своего брата, Бедроса, спавшаго крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ невинности. Зѣвая и потягиваясь, мальчикъ неохотно разставался съ нагрѣтою постелью, съ сладостнымъ покоемъ и пестрыми сновидѣніями.

Есть вещи, которыя встрѣчаешь и съ желаніемъ и съ боязнью: таково было и положеніе Капрела; грудь его стѣснилась, когда онъ надѣлъ шапку и переступилъ черезъ порогъ своей комнаты. Неизъяснимое чувство пробудилось во глубинѣ его сердца и было очень тягостно; но онъ превозмогъ себя, перекрестился, и пошелъ.

Юный Бедрось слѣдовалъ за нимъ, и, казалось, въ дѣтской задумчивости, силился мысленно досмотрѣть волшебную картину, рисовавшуюся ему въ обольстительномъ сновидѣніи. Хаджи-Ибраимъ, ничѣмъ незабоченный, въ молчаніи слѣдовалъ за братьями мечтателями.

Проходя мимо консульскаго дворца, Капрель опомнился, и невольно приостановился на минуту. Во дворцѣ былъ съездъ; окна были ярко освѣщены.

Не говоря другъ другу ни слова, они миновали дворець; но, при слабомъ лучѣ свѣта, упавшемъ сквозь цвѣтныя стекла на лице Хаджи-Ибраима, вы бы могли замѣтить непріязненное ощущеніе: онъ нахмурился, посмотрѣлъ на окна.

Въ тѣ блаженныя времена тмы гражданской и нравственной, и первѣйшіе города не освѣщались ночью: позднія прогулки были весьма непріятны.

V.

Вдругъ взорамъ далекій представился залъ...
Тепляковъ.

— Прошу покорно, войдите сюда! говорилъ старый Панаіотъ своимъ гостямъ, вводя ихъ въ свой холодный чуланъ. Я сейчасъ зажгу свѣчу.

При каждомъ ударѣ огнива съ кремнемъ, искры сыпались градомъ, и мгновенно освѣщали комнату и хозяина яркимъ, кровавымъ блескомъ. При каждомъ ударѣ огнива съ кремнемъ, изъ глубокой тмы бѣгло выказывалось желтоватое, тощее, сморщенное лице хозяина, страшное какъ уродливый образъ зловѣщаго сна.

Огонь добытъ; свѣча зажжена.

— Прошу садиться! сказалъ старикъ своимъ гостямъ, одною рукою указывая на длинную голую скамью, заступавшую мѣсто дивана, а другою ставя на маленькій, засаленный столъ, тускло горѣвшую свѣчу.

Я избавляю читателей отъ описанія жилища таинственнаго Грека. Но самъ Панаіотъ заслуживаетъ нѣсколько словъ: старичекъ низенькій, сухощавый, блѣдный, даже нѣсколько желтый, — волосы рѣдкіе, сѣдые, лобъ высокій, покрытый глубокими морщинами, глаза большіе, впалые, лукавые, носъ ястребинный, усы грязные, щетинистые, губы синія, борода небритая, — онъ имѣлъ на головѣ фесикъ, нѣкогда

красный, и на спинѣ одежду широкую, Греческую, которой удивлялись всѣ Кафскіе археологи, будучи не въ состояніи рѣшить, когда именно, при которомъ изъ Византійскихъ Императоровъ и изъ какой матеріи была она сшита; о первоначальномъ ея цвѣтѣ и говорить нечего: на ней были всѣ цвѣта и собственно не было ни какого.

— Душа моя, Панаіотъ! сказалъ Хаджи-Ибраимъ чернокнижнику: ты знаешь причину нашего посѣщенія; такъ, не теряй напрасно времени, и принимайся за дѣло.

— Эфендимъ! почтительно возразилъ старикъ: вы не знаете, какъ трудна эта работа. Признаюсь.....

Капрель, чтобъ сократить бесполезную проволочку, подѣйствовалъ на старика убѣдительноѣйшимъ доводомъ: онъ, молча, положилъ на столъ два полновѣсные червонца.

Золотая магія тотчасъ придала и силы и смѣлость робкому Греку. Съ непостижимой быстротою червонцы нырнули на дно его кармана. Онъ взялъ свой стаканъ, единственную движимость въ его обители; налилъ въ него воды, и поставилъ на столъ; потомъ придвинулъ свѣчу, и велѣлъ Бедросу подойти и глядѣть въ стаканъ. Самъ онъ, отступивъ шага на три отъ стола, и приказавъ Капрелу съ Ибраимомъ не прикасаться къ Бедросу, — сталъ читать заклинанія на неизвѣстномъ языкѣ.

Грекъ (*по-Турецки*). Что ты видишь, оланъ?

Бедрось (*также по-Турецки*). Вода помутилась; ничего не видно.

Грекъ. Я велю водѣ проясниться!

Бедрось. Вода очистилась...

Грекъ. Что ты видишь, оланъ?

Бедрось. Большую, чрезвычайно большую четверугольную комнату, совершенно пустую..... Четыре двери, съ четырехъ сторонъ.....

Грекъ. Я зову туда трехъ царей.

Бедросъ (*примѣтно испугавшись*). Трое черныхъ вошли въ комнату; желѣзныя короны у нихъ на головахъ.....

Грекъ. Я приказываю подать стулья царямъ!

Бедросъ. Еще трое черныхъ пришли безъ коронъ, и поставили три стула..... Они ушли.

Грекъ. Я прошу царей садиться!

Бедросъ. Они съли всѣмъ лицомъ ко мнѣ.....

Панаіотъ сталъ снова читать заклятія; на лицѣ его видны были признаки усилія и отвращенія.

Бедросъ (*съ возрастающимъ страхомъ*). Они стали сердиться, дѣдушка! Топаютъ ногами..... Чего ты хочешь? спрашиваютъ они.....

Грекъ (*усильно*). Капрель Астіанджи имъ золотомъ поклонился!....

Бедросъ. Поклонился золотомъ, поклонится и душою! говорятъ они.

Капрель содрогнулся; онъ почувствовалъ дрожь по всему тѣлу, явственно слышалъ, какъ поднялись его волосы, но онъ скрѣпился и слушалъ далѣе.

Грекъ. Знаютъ ли цари про его несчастье?

Бедросъ. Знаемъ! говорятъ они, и опять начинаютъ сердиться и топтать.....

Грекъ (*смутясь*). Я не наскучу царямъ; прошу ихъ сказать и указать, гдѣ находится жена Капрела.

Бедросъ. Въ Кафѣ, въ объятіяхъ любовника! отвѣчаютъ цари.

Грекъ. Но кто.....?

Въ это самое мгновеніе Капрель вскочилъ со скамьи, бросился къ столу, и, накрывъ рукою стаканъ, оттолкнулъ своего брата.

Слова замерли на языкѣ чернокнижника. Въ сильномъ замѣшательствѣ глядѣлъ онъ на изступленнаго Капрела, и умоляющимъ взоромъ, казалось, вопрошалъ

Хаджи-Ибраима о причинѣ такого насилія. Испуганный Бедрось прижался въ уголь, и, робко, сквозь слезы, поглядывалъ на брата. Одинъ Хаджи-Ибраимъ сохранилъ невозмутимое спокойствіе.

Первое, неукротимое движеніе прошло. Капрель медленно приблизился къ Греку, еще не пришедшему въ себя отъ удивленія и страха. Онъ взялъ его руку.

— Старикъ! сказалъ онъ черно книжнику замирающимъ голосомъ: вижу твою силу. Велика твоя наука!.... Но я требую отъ тебя еще болѣе. Мнѣ, самому мнѣ покажи мою Сусанну!....

Онъ съ трудомъ выговорилъ послѣднее слово; лице его, блѣдное и встревоженное, было ужасно.

Черно книжникъ остолбенѣлъ, услышавъ требованіе Капрела; онъ невольно подвинулся назадъ и бросилъ испытующій взоръ на Капрела.

— Обдумалъ ли ты всю важность своего желанія? воскликнулъ онъ наконецъ глухимъ, отрывистымъ голосомъ.

Капрель улыбнулся съ отчаяніемъ.

— Что мнѣ до того? Я хочу, я требую — во что бы то ни стало, возразилъ онъ, трепеща и блѣднѣя.

— Не могу! рѣшительно произнесъ Грекъ.

— Можешь и долженъ! подхватилъ Капрель, выгнанный изъ кармана горсть червонцевъ, и показавъ Греку.

Блескъ золота соблазнилъ черно книжника; рассудокъ уступилъ страстямъ.

— Бѣсъ-обольститель! въ сильномъ волненіи воскликнулъ Грекъ, принимая золото.

Старикъ, казалось, помѣшался, глядя на несмѣтное для него сокровище.

— Съшь, еще съшь червонцевъ! говорилъ онъ, скрежеща и задыхаяся, и опять протянулъ трепетавшую,

костливую свою руку. Лице его было страшно и отвратительно, какъ лице умирающаго въ корчахъ.

Капрель безъ счету высыпалъ ему на руку изъ кармана свои деньги. Глаза Грека разгорѣлись и засвѣтили въ полумракѣ фосфорическимъ огнемъ. Онъ пришелъ въ восторгъ; дыханіе его было быстро и неполно.

— Каждый червонецъ нѣкогда будетъ свидѣтельствомъ и на искусителя, и на искушеннаго. Но, пусть такъ! Посмотримъ, сколько ихъ!

Чернокнижникъ произнесъ эти слова, не владея самимъ собою, и съ жадностью началъ считать деньги.

— Сто девять свидѣтелей на насъ! возопилъ онъ, пересчитавъ деньги. Сто девять!... Мало! О, нѣтъ! довольно, очень довольно!..... Зачѣмъ мнѣ дана была сума нищаго? Поздо пришли вы,..... но я благословляю васъ. Пора отдохнуть старымъ костямъ!

Старикъ спряталъ деньги.

— Ты увидишь все! рѣзко сказалъ онъ: смотри въ воду.

Капрель, со страхомъ, наклонился надъ стаканомъ. Тихо и долго шепталъ роковыя заклинанія все еще колеблющійся Грекъ. Каждое слово его запечатлѣвалось либо судорожнымъ движеніемъ лица, либо содроганіемъ всего тѣла; взоры его были дики, глаза пылали какъ у изступленнаго.

Едва кончилъ онъ, Капрель, глядѣвшій въ воду, вдругъ затрясся, поблѣднѣлъ и безъ чувствъ ринулся на землю.

— Я это предвидѣлъ! произнесъ старикъ подземнымъ голосомъ.

Хаджи-Ибраимъ, досель покойный зритель, бросился на помощь Капрелю. Его подняли какъ мертваго, положили на скамью и, обливая холодною водою, силились привести въ чувство. Черезъ четверть часа Капрель очнулся, открылъ глаза. Медленно возвра-

щалось къ нему самосвѣдѣніе. Оправившись немного, блѣдный и разслабленный, онъ взялъ за руку своего брата, и безмолвно указалъ на дверь.

Хаджи-Ибраимъ понялъ знакъ, поднялъ Капрела и вывелъ его изъ комнаты.

Что видѣлъ Капрель въ волшебномъ стаканѣ? что такъ сильно поразило его?... Это никому неизвѣстно; онъ тщательно скрылъ свою тайну; она умерла съ нимъ. Только, по ихъ выходѣ, старій колдунъ быстро схватилъ свой стаканъ, и, съ ужасомъ бросая его въ уголь, воскликнулъ: — Ты мнѣ болѣе не нуженъ! Пора и тебѣ успокоиться!.....

VI.

.....Къ лицу приткнувши лицомъ,
Я надъ дышавшимъ мертвецомъ —
Сидѣлъ безъ думы, безъ движенья...

Много труда стоило Ибраиму довести Капрела до дома. Изнеможенный, трепещущій Астіанджи едва передвигалъ ноги. Разслабленная голова его опустилась на грудь. Онъ видимо страдалъ, но ни одного звука, ни одного стона не вырвалось изъ его груди. Тщетно Хаджи заводилъ съ нимъ разговоръ: мертвое молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ.

Поздо возвратились они домой. Капрель какъ трупъ простерся на своей постели. Казалось, міръ для него не существовалъ. Дикіе, мутные взоры его бродили безъ всякаго вниманія съ предмета на предметъ; лице было блѣдно, — въ немъ отражалось внутреннее страданіе, безъ опредѣлительной страсти, и всѣ движенія души сливались въ равнодушіе, холодное и мрачное. Изрѣдка румянецъ вспыхивалъ то на той, то на другой щекѣ; изрѣдка огонь жизни воспламенялся въ зрачкахъ, и то не надолго: румянецъ исчезалъ, взоры потухали, и обманчивые призраки смѣнялись сардоническою улыбкою и холоднымъ потомъ

на лбу. Онъ дышалъ трудно; медленно и продолжительно воздымалась грудь его и опускалась быстро, какъ-будто подавляемая невидимо падающею тяжестью.

Онъ, было, сталъ забываться; легкая дремота постепенно смыкала его вѣки; но вдругъ онъ открылъ глаза, и взоры его заскользили по всемъ окружавшимъ предметамъ.

Съ болезненнымъ участіемъ смотрѣлъ на него Хаджи-Ибраимъ. Усталый Бедрось, не понимая страданій брата, давно заснулъ на свосмъ мѣстѣ. Хаджи-Ибраимъ всю ночь просидѣлъ надъ больнымъ.

Рано всталъ у себя Юванесь. Помолившись Богу, онъ отперъ свою лавку, обмахнулъ павлиньими перьями златотканые товары, и, въ ожиданіи покупателей, усѣлся на прародительскомъ стулѣ, обитомъ красною кожею. Старикъ было грустно.

Сиротка, мальчикъ лѣтъ десяти, подалъ ему кофе. Взявъ чашку, онъ немного прикушалъ и поставилъ на прилавокъ. Озабоченный тайною, непонятною грустью, онъ смотрѣлъ на улицу, на проходящихъ. Народъ только-еще началъ стекаться; площадь была почти пуста.

Старикъ уже долго глядѣлъ на одинъ пунктъ площади: внутреннее безпокойство отразилось въ его взорахъ, — онъ удвоилъ вниманіе.

— *Рекме!* сказалъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ, не отводя глазъ: подойди сюда!

Мальчикъ повиновался.

— Посмотри: не обманываюсь ли я? Кажется, это мой Бедрось!

Онъ трепещущею рукою указалъ на площадь.

— Нѣтъ, дѣдушка, ты не ошибся! говорилъ мальчикъ, пристально всмотрѣвшись. Это точно Бедрось. Онъ вѣрно идетъ за гостинцемъ!

— Странно! Онъ никогда такъ рано не приходилъ

ко мнѣ.... И какъ онъ торопится! Ужъ не случилось ли еще чего дома?

Полусонный Бедрось, запыхавшись, вошелъ въ лавку.

— Баба! (отецъ!) сказалъ онъ, протирая заспанные глаза: братъ крѣпко заболѣлъ. Хаджи-Ибраимъ всю ночь съ нимъ не спалъ, и прислалъ меня за тобою.

Старикъ перемѣнился въ лицѣ.

— Бѣдный Капрель! что съ нимъ случилось?

— Ничего особеннаго. Мы вчера вечеромъ ходили въ гости, къ какому-то старику. Тамъ намъ дали смотрѣть въ стакапъ съ водою. Сперва смотрѣлъ я, потомъ братъ. Тутъ съ нимъ что-то случилось: онъ упалъ и ужъ насилу дошелъ домой....

— Рекме! я уйду, вы затворите лавку и поиграйте здѣсь, пока я ворочусь.... Вотъ вамъ на гостинцы.

Онъ далъ имъ серебряную монету; дѣти запрыгали отъ радости.

Юванесь, опираясь на дубовую палку, торопливо вышелъ изъ лавки. Отеческое сердце забилося въ немъ, и бѣненіе усиливалось съ каждымъ шагомъ. Капрель былъ для него все, — радость, любовь и надежда.

Медленно и съ жестокииъ предчувствіемъ отворилъ онъ дверь въ комнату сына.

Капрель, блѣдный, безчувственный, лежалъ на постели. Подлѣ него сидѣлъ угрюмый, полусонный Хаджи-Ибраимъ. Оплывшая свѣча догарала на столѣ. У очага, обложеннаго мраморными плитами наподобіе каминна, стояла дряхлая старуха: она тряслась и дрожала всѣми членами, какъ-будто въ лихорадочномъ ознобѣ. На маломъ огнѣ варила она какое-то зелье, изрѣдка помѣшивая его деревянною лопаткою, и что-то про себя тихо бормотала, какъ засыпающая кошка.

— Капрель! сынъ мой! что съ тобою? воскликнулъ оторопѣвшій старикъ.

Капрель не отвѣчалъ; взоры его, какъ-бы случайно остановились на плачущемъ отцѣ, но ни одно чувство не промелькнуло въ его оцѣпенѣлыхъ взорахъ. Онъ лежалъ какъ разбитый параличемъ.

— Такъ пролежалъ онъ всю ночь. Ни одного слова, ни даже вздоха, не слыхалъ я отъ него! сказалъ Хаджи-Ибраимъ.

Старикъ заплакалъ какъ дитя.

Стоявшая у очага старуха въ свою очередь посмотрѣла на больного. Хаджи-Ибраимъ нечаянно взглянулъ на нее, и невольно вздрогнулъ. Онъ видѣлъ, или лучше, ему привидѣлся отвратительный образъ, имѣвшій подобіе и человѣка и обезьяны.

Изъ-подъ желтаго, морщиноватаго лба, впалые, сѣрые глаза дико выглядывали какъ два василиска изъ-подъ огромнаго мухомора: у ней не было ни бровей, ни рѣсницъ; сплюснутый носъ ея, казалось, сросся съ одутою, верхнею губою; нижняя челюсть выдалась, и дрожащая нижняя губа всячески уклонялась отъ соединенія съ верхнею. Она была въ татарской, стеганой на ватъ, одеждѣ, которая дѣлала ее еще безобразнѣйшею.

— Не опасайтесь ничего! Не будь я Джегеннемъ, если не вылечу этого молодца, сказала она сиповатымъ голосомъ по-Ногайски. Языкъ, исполненный гортанными звуками, и голосъ старухи болѣе приличествовали предвѣстницѣ смерти.

VII.

Оселъ, какъ скоть простой,
Глядѣть на истуканъ пустой,
И лжеть позолоту;
А хитрая лиса.....

ДМИТРИЕВЪ.

Небрежно развалившись въ креслахъ, обитыхъ голубымъ рытымъ бархатомъ, сидѣлъ консулъ, передъ

угасавшимъ каминомъ, въ своемъ кабинетѣ. Одинокая свѣча, стоявшая на рабочемъ столѣ посреди комнаты, трепетнымъ своимъ мерцаніемъ едва освѣщала обширную комнату.

За столомъ сидѣлъ совѣтникъ Консульскаго Правленія, Арнольди Скварчіафико. Придвинувъ къ себѣ, почти къ самому носу, свѣчу, онъ тщательно пересматривалъ лежавшія передъ нимъ бумаги и, на особомъ листѣ, бѣгло набрасывалъ замѣчанія.

За креслами консула, съ видомъ уничиженнымъ и вѣсть беззаботнымъ, неподвижно и молча стоялъ Сейтакъ. Онъ пристально глядѣлъ на угасавшіе въ каминѣ угли, и украдкой бросалъ испытующіе взоры на своего патрона.

Графъ былъ въ халатъ, подбитомъ горностаевымъ мехомъ. Маленькая бархатная шапочка, наподобіе конфедератки, была надвинута почти на самыя брови. Лѣвою рукою, опершись на ручку кресель, поддерживалъ онъ голову. Въ глазахъ и лицѣ его, освѣщенномъ пурпуровымъ блескомъ угасавшаго жара, отражалась нерадостная дума. Казалось, онъ чѣмъ-то былъ крѣпко озабоченъ. Изрѣдка, вѣроятно по привычкѣ, летучая улыбка прорывалась на его устахъ; но она либо замирала при самомъ появленіи, либо нечувствительно переливалась въ усмѣшку, обличавшую горечь скрываемаго чувства. Графъ видимо былъ, что называется, не въ духъ: искалъ развлеченія, хотѣлъ говорить, но терялся въ думахъ и не зналъ, съ чего начать.

Непроницательный Сейтакъ не понималъ, не угадывалъ его желаній, такъ ясно, такъ краснорѣчиво говорившихъ. Онъ стоялъ какъ автоматъ, машинально водилъ глазами съ предмета на предметъ, любовался потолкомъ и громогласною зѣвотою силился подавить въ себѣ сонъ и скуку, угнетавшіе его въ пустынномъ кабинетѣ консула.

Консуль видѣлъ неучтивость тѣлодвиженій своего кліента; негодованіе закипало уже въ его сердца, и готово было вспыхнуть, разразиться надъ бессмысленною головою Сейтака, но неизъяснимая любовь творца къ своей твари разсвѣяла тучу. Консуль какъ-будто ничего не замѣчалъ, потому что былъ свидѣтель въ кабинетѣ, былъ человекъ посторонній, передъ которымъ не слѣдовало оправдывать собственнымъ гнѣвомъ общее мнѣніе о твари, вызванной имъ изъ ничтожества, для показанія своего могущества. Какъ сознаться въ своей ошибкѣ?...

Сидѣвшій за столомъ отнюдь не походилъ на стоящаго за креслами. Сколь ни занятъ былъ онъ своими бумагами, но не проходило минуты, чтобы впалые, пронизательные глаза его, подслащенные вкрадчивою улыбкой, нежно и заботливо не устремлялись на Графа. Какъ ни углублена была мысль его въ разнородныя содержанія пробѣгаемыхъ ею бумагъ, но она, какъ комета, обтекающая безпредѣльность, путающаяся въ міриадахъ міровъ, постоянно вращалась около своего солнца, и на лету стремилась упиться его теплотою, озариться его свѣтомъ.

Опытнымъ глазомъ знатока, пронизательный Скварчіафико преслѣдовалъ и взвѣшивалъ не только взгляды и движенія, но и самыя помышленія задумчиваго консула. Ничто не было упущено; ничто не укрылось отъ его бдительности; ни одно движеніе не промелькнуло, не бывъ замѣченнымъ, проникнутымъ и разгаданнымъ.

Какъ Италіявецъ, Скварчіафико родился музыкантомъ; но геній его не удовольствовался этою обыкновенною забавою, иногда весьма утомительною. Онъ нашель, или лучше, создалъ себѣ другую, болѣе возвышенную, болѣе идеальную, болѣе удовлетворительную для его тонкой души. Страсти стали для него му-

ыкою; ихъ изученіе забавою и наслажденіемъ. Искусно игралъ онъ ими, и рѣдко, почти никогда, не ошибался. Прикасаясь съ удивительнымъ проворствомъ къ каждой струнѣ человѣческаго сердца, онъ исторгалъ желанные звуки изъ раздражительнаго органа, и произвольно правилъ ими. Правда, онъ, какъ самоучка, всегда разыгрывалъ однѣ мелочи, но разыгрывалъ ихъ превосходно.

Смѣтливый совѣтникъ, съ математическою точностью, рассчиталъ положеніе консула, и когда Графъ, утомленный думою, въ нерѣшимости, взорами вокругъ себя искалъ развлеченія, Скварчіафико рѣшился начать разговоръ.

— Эта бумага..... сказалъ онъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ, почтительно приподнимаясь со стула и держа въ рукахъ бумагу: эта бумага не относится къ дѣламъ Правленія; она писана лично къ вашей особѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? милостиво отозвался консулъ, какъ-будто обрадованный случаемъ, выводящимъ его изъ крайняго затрудненія. Покажите мнѣ ее, любезный Скварчіафико. Это забавно, какъ она проскользнула! Скварчіафико осторожно всталъ, еще осторожнѣе подошелъ къ Графу, отвѣсилъ поклонъ, подалъ бумагу, еще разъ поклонился, и вытянулся передъ начальникомъ.

— Да! разсѣянно сказалъ Графъ, возвращая бумагу. Это отъ Каймакана..... Онъ пишетъ объ Эминекъ..... Но напрасно трудится; я нарочно передаю эту бумагу въ Правленіе... Оно должно извѣстить Каймакана, что Эминекъ вполне оправдалъ его довѣріе, и въ Стамбулѣ хлопочетъ въ пользу всего полуострова....

Графъ остановился, нахмурилъ брови и сталъ гладить горностаевый мѣхъ своего халата.

— Теперь Ханъ поневолѣ сознается въ своей ошиб-

къ, касательно измѣнника, почти шопотомъ произнесъ Скварчіафико, принявъ бумагу.

— О, что касается до Бахчисарая, то я объ немъ вовсе и не думаю! Я знаю только Генуэзскій Сенатъ, пославшій меня въ Кафу, вопреки моимъ желаніямъ...

— И Республика никогда не раскается въ довѣріи къ вашей особѣ: благоденствіе Кафы свидѣтельствуеть въ вашу пользу... Вы дали новую жизнь, новый свѣтъ явно упавшей торговлѣ.

Мелкою, но упительно сладкою дробью похвалъ и лести разсыпался передъ Графомъ смѣтливый совѣтникъ. Графъ, взорами благоволенія и снисходительною улыбкою, подтверждалъ слова его, ободрялъ и поощрялъ на дальнѣйшіе подвиги. Скварчіафико, какъ истинный геній въ своемъ родѣ, былъ неистощимъ.

Бъсь-искуситель, говорившій устами совѣтника, соблазнилъ и префекта.

— Я всегда удивлялся... замѣняясь подхватилъ послѣдній: я всегда удивлялся мудрости и великодушію благороднаго Графа. Съ какою мудростью выдержалъ онъ безумное нападеніе Эминекъ..... когда Эминекъ безумно хотѣлъ его ударить въ.....

Негодование, блеснувшее въ очахъ консула, оковало языкъ бессмысленнаго панегириста. Графъ съ презрѣніемъ взглянулъ на него. Сейтакъ покраснѣлъ по уши, какъ школьникъ, незнающій урока.

— По истинѣ, продолжалъ Скварчіафико, какъ-бы ничего незамѣтившій: по истинѣ, полудикая, непросвѣщенная Кафа не можетъ достойно оцѣнить труды и пожертвованія благороднѣйшаго изъ консуловъ. Но Генуа, по потомство!... Имъ принадлежитъ имя Графа ди Бокка-Неро.

Графъ разнѣжился. Возьмите стулъ, Г. Скварчіафи-

ко, и сядьте возлѣ меня: я хочу о многомъ и весьма важномъ переговорить съ вами.

Скварчіафико, тронутый милостію Графа, по его словамъ вовсе незаслуженною, изъ благоговѣнія никакъ неосмѣливался исполнить великодушное предложеніе Графа. Онъ всячески уклонялся, приносилъ тысячи извиненій, одно другаго лестнѣйшихъ для Графа, и сопровождаемыхъ полужемными поклонами.

Генуэзская гордость вельможи, наэлектризованная лестью, растаяла совершенно. Сердце консула раскрылось, какъ цвѣтъ отъ лучей солнца.

— Говорю вамъ, садитесь! сказалъ онъ настойчиво.

Скварчіафико повиновался. Безъ малѣйшаго шороха поставилъ онъ стулъ; еще разъ извинился, еще разъ поклонился и сѣлъ такъ передъ Графомъ.

Позабытый префектъ, изумленный внезапнымъ торжествомъ совѣтника, завистливо посматривалъ на счастливецъ, и безпрестанно мѣнялся въ лицѣ. Зависть свойственна даже четвероногимъ, особенно собакамъ: лаская одну, замѣчали ли вы, какъ глядитъ на это другая?

Не знаете ли какихъ новостей, любезный Скварчіафико?

— Какихъ прикажете? Въ городѣ ихъ очень много. Но онъ всѣ такъ мелки и ничтожны, что не заслуживаютъ вашего вниманія.

О, я этому охотно повѣрю! Кафа не то, что Генуа. Однакоже, такъ, отъ скуки, нехудо иногда прислушаться къ слухамъ и новостямъ плебеянь..... Напримеръ, что слышно о томъ Армянинѣ, который такъ докучалъ мнѣ про свою бѣжавшую жену? Нашелъ ли онъ ее?..»

— О Капрелъ Астіанджи угодно вамъ знать? Имѣю счастье донести, что онъ былъ отчаянно боленъ, чуть было не умеръ. Но теперь началъ оправляться.

— Бѣдненькій! вѣрно съ горя такъ заболѣлъ, сказалъ

равнодушно консулъ. Что вы думаете, господинъ совѣтникъ? присовокупилъ онъ, нѣсколько помолчавъ: я имѣю сильныя подозрѣнія на участіе Эминька въ его дѣлъ. Кажется, что Армянка не ушла его рукъ.....

— Отъ всей души и я готовъ раздѣлить съ вами это подозрѣніе. Мнѣніе ваше мудро и основательно..... Я даже готовъ допустить, что кромѣ его и еще кто-нибудь изъ первенствующихъ въ Кафѣ участвовалъ въ похищеніи Армянки.

Консулъ пристально взглянулъ на совѣтника, и значительнымъ взоромъ потребовалъ объясненія.

— Однако жъ, какъ бы въ размышленіи продолжалъ совѣтникъ, предположенія мои могутъ быть и несомнѣнно справедливы; но тайный голосъ говоритъ во мнѣ, что Эминекъ, ни по характеру, ни по сложенію своему, не могъ имѣть охоты къ подобной шалости..... и если въ ней участвовалъ, то какъ лице посредственное. Это очевидно, что онъ не для себя старался.

— Для кого же? нетерпѣливо спросилъ консулъ.

— Есть люди, коихъ лицемѣріе постигать и знать можетъ одинъ только Богъ! Набожные, согбенные притворною старостью, они, удаляя отъ себя всякое подозрѣніе, тѣмъ удобнѣе предаются своимъ склонностямъ...

— Понимаю! Вы намѣкаете на старую лисицу, издавна свившую себѣ гнѣздо въ Консульскомъ Правленіи. Признаюсь, я и самъ, отчасти, вашего мнѣнія. Поведеніе старшаго совѣтника что-то ужъ черезъ чуръ двусмысленно: молится Богу, проповѣдуетъ христіанское смиреніе, и всякой день поднимаетъ споры въ Правленіи... противорѣчить высшимъ себя..... Это не слишкомъ чисто. Я даже опасаюсь за благосостояніе Кафы. Ріалетто очень скрытенъ и заносчивъ. Вчера, на примѣръ.....

Графъ внезапно остановился: кровь заиграла въ лицѣ его; онъ задумался. Лукавый Скварчіафико не по-

чель за нужное прерывать его думы. Онъ рѣшалъ задачу, имъ самимъ заданную.

Вдругъ раздались, въ сосѣдней комнатѣ, трогательные звуки вѣжнаго, звонкаго, но вмѣстѣ томнаго женскаго голоса.

Графъ, казалось, вздрогнулъ; легкое смущеніе отразилось на лицѣ его; онъ наморщилъ лобъ и нахмурилъ брови.

— Ничего! быстро примолвилъ онъ, стараясь скрыть досаду. Это моя воспитанница!..... бѣдная сирота!... Умирающая мать поручила ее мнѣ... Мнѣ хочется ее воспитать и пристроить.

— Хотѣіе и поступокъ равно достойны вашего благороднаго сердца.

Графъ ласково улыбнулся и призадумался. Безмолвіе водворилось между собесѣдниками.

VIII.

Я мучусь на яву, я мучусь и во снѣ.

А. Ржевской.

По кровлѣ, вижу, кошка

Ползеть за воробьемъ.

М. Херасковъ.

Между-тѣмъ голосъ невидимой пѣвицы свободно раздавался въ консульскомъ кабинетѣ. Погруженный въ самого себя, Графъ разстѣянно прислушивался къ пѣнію. Совѣтникъ и префектъ внимательно слушали: невидимка пѣла по-Турецки:

О, напрасно,

Такъ ужасно

Вы глядите на меня!

Я стою,

Увядая

Въ мукахъ тайнаго огня.

Сердце бьется,
Сердце рвется, —
Все погнбло для него!
И хладъветъ,
И темнъветъ
Мнгъ блаженства моего.

Другъ несчастный,
Другъ прекрасный,
Отзовись издалека!
Какъ глубоко,
Какъ жестоко
Въ сердце врзалась тоска!

Глухія, едва слышныя рыданія прервали пѣнне, Консулъ былъ растроганъ. Советникъ потупилъ взоры, и, казалось, не обращалъ вниманія на пѣвицу. Сейтакъ машинально вздыхалъ и переминался съ ноги на ногу. Графъ хотѣлъ что-то сказать, но снова слышалось пѣнье, и рѣчь замерла на языкѣ.

Сердце стонетъ,
Сердце тонетъ
Въ лютомъ горѣ и слезахъ.
И печально
Вздохъ прощальный
Замираетъ на устахъ...

Новыя болѣе внятныя рыданія пресѣкли заунывное пѣнье. Графъ угрюмо взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ; взоръ его былъ пасмуренъ и озабоченъ.

— Бѣдная малютка! она не привыкла еще къ своему горю, сказалъ онъ.

Скварчіафико хотѣлъ было что-то сказать, но Графъ перебилъ его.

— Господа, уже поздно. Покойной ночи! сказалъ онъ, приподнимаясь.

Нетерпѣнне отражалось въ его взорѣ.

Скварчіафико мигомъ замѣтилъ внутреннее движеніе Графа. Онъ вскочилъ, раскланялся, наговорилъ тысячи самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ несбыточныхъ желаній, и вышелъ вмѣстѣ съ Сейтакомъ, въ то самое мгновеніе, когда консулъ также выходилъ въ противоположныя двери. Соображенія, выкладки тотчасъ возродились въ смѣтливой головѣ совѣтника. Онъ предался имъ на просторѣ.

Префектъ, въ продолженіе пяти часовъ игравшій непріятную роль статуи въ новомъ Донъ-Жуанѣ, наконецъ очнулся; вздохнулъ изъ глубины сердца громко и протяжно, и для точнѣйшаго изъясненія своей радости почесалъ затылокъ, съ выразительнымъ восклицаніемъ: Уфъ! Онъ совершенно пришелъ въ себя уже на улицѣ.

— Уфъ! вторично воскликнулъ онъ, посреди улицы, еще громогласнѣе перваго, и по привычкѣ полою своего чекменя отеръ съ лица потъ, выступившій крупными каплями.

Ночь была свѣтлая, лунная. Скварчіафико внимательно поглядывалъ на своего спутника, и безъ затрудненія прочелъ въ его лицѣ признаки неудовольствія. Того и желалъ онъ. И, не давая ему опомниться, какъ шивка впился въ свѣжую рану.

— Что съ вами, господинъ префектъ? спросилъ онъ съ видомъ живаго участія.

Сейтакъ, недовѣрчиво взглянувъ на него, не отвѣчалъ ни слова.

— А! понимаю! продолжалъ совѣтникъ, лукаво улыбнувшись: вѣрно райская птичка поетъ еще въ вашемъ сердцѣ.

— Райская птичка? Что это за чертовщина? Вы шутите, г. совѣтникъ?

— Признаюсь, господинъ префектъ, я никогда не предполагалъ въ васъ такой скрытности. Ноне даромъ же говорятъ, что любовь чуда строитъ!

— Любовь? сухо подхватил Сейтакъ. Вы конечно шутите или издѣваетесь надо мною. Какая любовь? До любви ли мнѣ? Я женатъ, у меня дѣти... Мнѣ сорокъ пятый годъ!

— Полно притворяться! Будьте откровеннѣе съ друзьями. Пѣвица землячка имѣетъ свою прелесть для каждаго возраста. Не правда ли, что она поетъ какъ ангелъ?...

— Какъ ангелъ? Извините, ага: я никогда не слыхивалъ ангельскаго пѣнія, и не въ состояніи отвѣчать вамъ на вопросъ... Къ тому жъ, я почти и не слушалъ ея: у меня ноги ныли отъ усталости. Мнѣ не до пѣсни было.

— О, этому я ужъ не повѣрю! Вы не слушали ея? Вы?... Да это совершенно невозможное дѣло: вы не слушали вашей единоплемянницы, вашей землячки?

— Какой землячки? Отвяжитесь, ради Бога! Какая она мнѣ землячка?

— Да не по-Турецки ли она пѣла?

Сейтакъ захохоталъ во все горло.

— Прекрасное заключеніе! Какъ будто однѣ Татарки въ Кафѣ поютъ по-Турецки.

— Но эта пѣвица — Татарка! Я готовъ объ закладъ биться, и увѣрею, что выиграю, возразилъ совѣтникъ съ притворною горячностію.

— И проиграешь, пріятель! подхватилъ Сейтакъ, фамиліярно ударивъ его по плечу.

— Быть не можетъ! готовъ прозакладовать мою голову, что она Татарка.

— Экой упрямецъ! говорятъ тебѣ, проиграешь. Я твердо знаю, что она не Татарка.

— Такъ вы твердо ее знаете! Кто же она?

Сейтакъ смутился и пристально поглядѣлъ на совѣтника.

— Какое вамъ дѣло? Достаточно для васъ того, что вы уже знаете.

— Извините меня, синьоръ префетто: я отнюдь не хочу вывѣдывать вашихъ тайнъ... Но, позвольте вамъ замѣтить, что консулъ не имѣетъ ни какой надобности скрывать происхожденіе своей воспитанницы. А это даетъ мнѣ право думать и вѣрить двойко: или вы все не знаете, кто она, или же надъ вами жестоко подшутили. Въ послѣднемъ случаѣ ваше легковѣріе не дѣлаетъ вамъ чести.

Сейтакъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ! Валлахъ, билляхъ, клянусь вамъ Богомъ, я ее знаю! Пророкомъ съ его товарищи клянусь вамъ, меня никто не обманывалъ!

— Такъ говорите, кто же она? Иначе я вамъ не вѣрю.

Сейтакъ колебался.

— Такъ вы соглашаетесь со мною, ежели молчите! Къ сожалѣнію, я долженъ сказать вамъ, что вы...

— Ни слова болѣе! воскликнулъ выведенный изъ терпѣнія префектъ; ей, ей, она Армянка!

— Въ самомъ дѣлѣ, Армянка? и вы не шутите, ага?

— Вовсе не шучу. Что же вы такъ пристально на меня смотрите?

— Признаюсь, я все еще сомнѣваюсь! Но, если вы точно знаете, кто она, то должны знать и ея имя.

— Начто вамъ имя? Споръ былъ не о мени. Пожалуйте, оставьте этотъ разговоръ! Скажите...

— А! прервалъ Скварчіафико: вы не знаете ея имени! Такъ, поэтому, любезный господинъ префектъ, позвольте вамъ сказать...

— Боже мой, все то же да то же! Ну, когда ужъ вы такъ недоувѣрчивы, такъ любопытны, я скажу вамъ: ее зовутъ Сусанной. Что жъ вамъ прибыли отъ этого?

— Прелестное имя!.. Покойной ночи, синьоръ префетто!

Скварчіафико кивнулъ головою и безъ дальнѣйшихъ околичностей поворотилъ налѣво къ морю. Сейтакъ изумился. Онъ недоувѣрчиво поглядѣлъ на уда-

лявшася совѣтника. Не долго колебался онъ; бросилъся, догнавъ его и крѣпко схватилъ за руку...

— Я очень глупъ... началъ онъ, заминаясь.

— Искренно сожалью, если вы говорите правду! подхватилъ насмѣшливый совѣтникъ.

— Я открылъ вамъ чужую тайну... Ради Бога, не говорите никому ни слова.

— Не скажу, если вы чистосердечно будете отвѣчать на послѣдній вопросъ.

— Что вамъ угодно? Я на все готовъ: только дайте мнѣ слово...

— Съ удовольствіемъ: слово и рука! Но напередъ скажите: давно ли заметъла эта птичка въ консульскій дворецъ?

— Не будетъ и мѣсяца!

— Гмъ! Очень благодаренъ вамъ, Сейтакъ-ага. Положитесь на мою скромность, и будьте совершенно покойны. Ваша тайна умретъ со мною.... Покойной ночи!

Худо успокоенный префектъ еще разъ пожалъ костливую руку совѣтника, раскланялся въжливо, какъ умѣлъ, и пошелъ своей дорогою.

Скварчіафико, завернувшись въ свой черный плащъ, минуты двѣ простоялъ на одномъ мѣстѣ и не прежде тронулся съ мѣста, какъ префектъ совершенно потерялся изъ виду.

Дѣло прояснилось, предположенія его оправдались, онъ разгадалъ тайну. Въ глубокомъ размышленіи, онъ по временамъ улыбался отъ радости. Нахлобучивъ свою шапку, и закутавшись въ плащъ, онъ повернулъ вслѣдъ за префектомъ, и вышелъ на большую набережную. Проходя мимо лавки Юванесовой, онъ немного прислушался: тамъ было тихо. Онъ пошелъ далѣе, и, какъ зловѣщій, одинокій призракъ, медленно потонулъ въ тѣни зданій.

IX.

Онъ ожилъ, — дышитъ, зрѣтъ, внимасть.

Козловъ.

.....Прочь!

Гриводовъ.

Старая Джегеннемъ сдержала свое слово. Молодой Астіанджи, послѣ трехнедѣльной, жестокой горячки, началъ оправляться, началъ приходить въ себя. Вовсе время его болѣзни, ни однажды не открывалась Юванесова лавка; кромѣ ближайшихъ родственниковъ и Хаджи-Ибраима, никто не посѣщалъ больного. Всѣ неприятныя внѣшнія впечатлѣнія были устранены: это не мало помогло Капрелу. Онъ не слышалъ ни вздоховъ, ни соболезнованій равнодушныхъ посѣтителей, ни отяготительныхъ изъявленій холоднаго состраданія; онъ не видалъ тѣхъ выразительныхъ улыбокъ, тѣхъ двусмысленныхъ покачиваній головами, которыя отравляютъ надежды больного. Предоставленный попеченію ближнихъ, родныхъ и Татарской вѣдьмѣ, а болѣе силамъ Природы, Капрель перенесъ горячку, и началъ укрѣпляться.

Съ обновленіемъ силъ тѣлесныхъ, онъ обновился и въ силахъ душевныхъ. Характеръ его сдѣлался тверже, самостоятельнѣе и менѣе раздражительнымъ. Кипучія страсти, перекипѣвъ, охолодѣли, сердце жалось, окрѣпло какъ желѣзо въ закалкѣ. Все пришло въ равновѣсіе, въ тягостную, ледяную соотвѣтственность. Пыкіе восторги, безконечныя надежды, неограниченныя желанія уступили мѣсто уму, соображеніямъ, существенности. Недовѣрчиво-испытующій взглядъ на вещи смѣнилъ пристрастные порывы юношескаго легковѣрія. Міръ, доселѣ чудесный, ярко развѣщенный прихотливымъ воображеніемъ, обнажился; фантазмагорія разсѣялась, живые свѣтильники угасли, и, въ таинственномъ просвѣтѣ ума, явился

міръ для него новый, міръ дѣйствительный, менте заманчивый, но болѣе прочный, болѣе самостоятельный. Два, три вздоха; два, три прискорбные взгляда — были единственная жалкая дань мятежному прошедшему, и усталая душа радостно погружается въ тихое настоящее. Она уже не силилась опередить, ускорить будущее; она дорожила своимъ покоемъ, и осторожно взвѣшивала каждый шагъ, каждое стремленіе.

Но есть вещи неизмѣнныя. Есть страсти, общія всѣмъ возрастамъ, развивающіяся съ физическимъ и нравственнымъ развитіемъ челоуѣка; и эти-то страсти, по-видимому навсегда умерщвленные, подавленные, воскресаютъ при первомъ кличѣ, при первомъ поводѣ. Любовь и ненависть первенствуютъ въ этомъ отношеніи. Онѣ противоположны въ своихъ значеніяхъ, но ихъ дѣйствія, ихъ проявленія одинаково неистовы. Горе челоуѣку, если эти двѣ страсти случайно столкнутся въ его сердцѣ: бореніе ихъ ужасно! И прежде нежели онѣ взаимно уничтожатся, борьба ихъ запечатлѣется неминуемымъ злодѣяніемъ.

— Батюшка, не напоминайте мнѣ моего стыда, моея Сусанны! часто говаривалъ Капрель своему отцу, когда рѣчь ихъ доходила до семейнаго разстройства.

Произнося это, онъ былъ равнодушенъ; голосъ его твердъ и покоенъ. Старикъ внимательно всматривался въ его лице, и легкое, невольное содроганіе потрясало его дряхлыя кости.

Опытность — удѣлъ старости; любопытство — ея слабость.

— Что же будетъ съ тобою, сынъ мой? Ты молодъ!...

Капрель хорошо понималъ эти слова, и, не давая старику договаривать, искусно отводилъ непріятный для него предметъ. Дальнѣйшія объясненія откладывались до слѣдующаго, болѣе удобнаго случая. Случай не представлялся, и старикъ наконецъ вовсе за-

былъ о своихъ предположеніяхъ. Равнодушіе Капрела пугало его; онъ прискорбно и недовѣрчиво смотрѣлъ на своего сына. Предчувствія темныя и неопредѣленныя закрадывались въ старческую душу, чуждую всякой мечтательности. Юванесь большею частію молчалъ, но нерѣдко слеза отеческой любви невзначай выкатывалась изъ тускнѣвшихъ глазъ его. Капрель умилялся, утѣшалъ старика, но его утѣшенія были отрывисты, принужденны и часто совсѣмъ холодны.

Хаджи-Ибраимъ каждый день, по вечерамъ, навѣщалъ больного, и просиживалъ съ ними до поздней ночи. Какъ другъ благодѣтельствовавшего ему дома, онъ былъ посвященъ во всѣ его тайнства. Капрель обыкновенно бывалъ съ нимъ разговорчивѣе, нежели съ другими, довѣрчивѣе; но откровенность его къ Ибраиму ограничивалась однѣми житейскими мелочами: тайна сердца оставалась недоступною.

Хаджи-Ибраимъ, слѣдуя привычкамъ своихъ соотечей, иногда цѣлые дни проводилъ въ сладостномъ бездѣйствіи, въ ханахъ, кофейняхъ и на базарахъ, гдѣ легко запасался городскими новостями, которыя потомъ сообщалъ Капрелу.

Однажды пришелъ онъ позже обыкновеннаго; задумчивость тихо текла по неподвижнымъ чертамъ его, — истинная рѣдкость на лицѣ беззаботнаго Хаджи-Ибраима. Она не утаилась отъ Капрела.

— Что новаго слышно въ городѣ? спросилъ онъ съ любопытствомъ.

Значительный взглядъ, выразительныя пожатія плечами предшествовали важной рѣчи Ибраима, и произвели то же дѣйствіе, какъ умное предисловіе къ скучному и длинному Роману.

— Новостей много, очень много! Во-первыхъ, мертвые воскресаютъ....

— Шутить?

— Нѣтъ, ужъ не до шутокъ! Сегодня пришла гале-

ра изъ Царя-града съ нарочнымъ. Тотчасъ собрали у насъ Совѣтъ Правленія, потребовали отъ нарочнаго бумагъ, а онъ, указавъ на голову свою, отвѣчалъ: «Вы должны скорѣе спросить, какимъ чудомъ она еще осталась на своихъ родныхъ плечахъ. Султанъ изволялъ прогнѣваться на Республику, ограбилъ Генуэзскихъ купцовъ, сжегъ ихъ дома, магазины, и, въ заключеніе, объявилъ Республикѣ войну, и поклялся истребить всѣхъ Генуэзцевъ на Черномъ Морѣ: вотъ все, что я могу вамъ передать. Изгнанный вами префектъ Эминекъ сильно хлопочетъ у Султана въ пользу Кафы.» Нарочнаго сочли за полоумнаго, и не хотѣли вѣрить, но скоро убѣдились въ печальной истинѣ его разсказа. Въ ту минуту, когда Совѣтъ бранилъ его за глупыя вѣсти, явился новый бѣглець изъ Константинополя, и обстоятельно подтвердилъ показанія перваго. Онъ присовокупилъ, что Турецкій флотъ, предназначенный итти противъ Іерусалимскихъ Рыцарей на островъ Кипръ съ двадцатью тысячами войска, по повелѣнію Султана Мухаммеда, идетъ въ Кафу; что флотомъ начальствуетъ знаменитый Ахмедъ-Паша, и что ему данъ проводникомъ Эминекъ....

— Эминекъ? живо повторилъ Капрель, и прошедшее какъ-будто обновилось въ его памяти, и взоры его вспыхнули, — но не надолго.

— Да, Эминекъ! Признаюсь, меня самого бросило въ ознобъ при этомъ извѣстїи. А что было въ Совѣтъ! Ни лица не было живаго: всѣ какъ мертвецы сидѣли. Ужъ было тѣмъ полюбоваться! Насилу, кое-какъ образумились, и единодушно положили — быть поголовному вооруженію. Положили, подписали, скрѣпили, — и съ тѣмъ разошлись. Тутъ пошла суматоха по городу. Мои земляки призадумались не на шутку, узнавъ, что Эминекъ, ихъ тучное солнце, идетъ съ Турками. Они того не постигаютъ, что его поступокъ неприличенъ и низокъ, почитаютъ его праведнымъ мще-

нѣмъ и, по-видимому, готовы по первому слову принять его сторону....

При словѣ, — ищеніе, Капрель слегка зашевелился, какъ-будто что его укололо. Онъ все-еще молчалъ.

— Прочіе исподоволь вооружаются, продолжалъ Хаджи-Ибраимъ. Посмотримъ, чѣмъ все это кончится.

— Кончится истребленіемъ Генуэзцевъ и запустѣніемъ Кафы! примолвилъ наконецъ Капрель, съ глубокимъ вздохомъ.

Ибраимъ остолбенѣлъ, Іованесь всплеснулъ руками; — оба ни слова. Капрель опять погрузился въ молчаніе, но взволнованная душа вполне отражалась въ его пламеняющихъ взорахъ. Черты лица его были рѣзки, движенія почти судорожны. Это пробужденіе страстей его было первое, послѣ болѣзни.

Сильные порывы не долговременны. Оставляя глубокое впечатлѣніе на душѣ и сердцѣ, сами они тотчасъ исчезаютъ. Они подобны выстрѣлу, котораго звукъ еще движется, еще живетъ въ длинныхъ перебивахъ встревоженнаго эха, — но огонь, но свѣтъ, но дымъ давно уже угасли и разнесены вѣтромъ. Ихъ жизнь—мгновеніе, но мгновеніе, переходящее въ вѣчность.

Хаджи-Ибраимъ отъ природы не пылкій, скорѣе всѣхъ пришелъ въ себя. Внимательно посмотрѣлъ онъ на Капрела, и взялъ его трепещущую руку. Капрель не противился и не обращалъ вниманія на его испытующій взглядъ.

— Судя по твоей рукѣ, дрожащей и горячей, дружески сказалъ онъ: судя по твоимъ глазамъ, яркимъ и неуловимымъ, по твоему лицу, голосу, я долженъ полагать, что ты еще не совсѣмъ раздѣлался съ горячкою. Ужъ не получилъ ли ты дара пророчества во время болѣзни? присовокупилъ онъ, улыбаясь.

Капрель, несмотря на кроткій тонъ Ибраима, оскорбился его шуткою. Онъ недовѣрчиво взглянулъ на друга.

— Всѣмъ царствамъ и народамъ, сказалъ онъ, жребій начертанъ въ нашихъ пророческихъ книгахъ. Событія пятнадцати вѣковъ, запечатлѣвъ правду писанія, даютъ намъ возможность проникать въ будущее, тѣмъ болѣе, что будущее Кафы сливается уже въ настоящее....

А развѣ въ вашихъ книгахъ писано что-нибудь о Кафѣ! съ любопытствомъ прервалъ Хаджи.

— Нѣтъ, но по сравненію....

— Только то! подхватилъ Ибраимъ. Одни предположенія! Это еще пустыя тучи, легко могуція миновать Кафу... Признаться, я было началъ опасаться за участь Кафы, слушая твое разсужденіе.

— Не ты одинъ, не одни жители, но даже и самыя ствны вострепещутъ предъ лицомъ гнѣва Божіяго, идущаго на Кафу! вдохновенно воскликнулъ Капрель, оскорбившійся послѣднимъ замѣчаніемъ.

Онъ замолчалъ, потупилъ взоры. Хаджи-Ибраимъ, теряющійся между вѣрою и невѣріемъ, смутился. Старый Юванесь машинально поднялъ руку, перекрестился, мысленно произнося: Господи помилуй!

Въ это мгновеніе отворилась дверь, и изъ за нея выставилась блѣдная, отвратительно улыбающаяся рожа....

Х.

Но кто съ чѣмъ въ колыбель, съ тѣмъ
сидеть и въ могилу.

А. Каривъ.

Хаджи-Ибраимъ, еще непришедшій въ себя отъ смущенія, возбужденнаго пророчествами Капрела, невольно вздрогнулъ, увидѣвъ это темное подобіе челоуѣческаго лица.

Капрель, напротивъ, ни мало не изумился, взглянувъ на привидѣніе: оно ему было знакомо. Онъ узналъ его по лысой, конусообразной головѣ, по лукавымъ, быстрымъ глазамъ, по щетинистой бородѣ, красной какъ пламя, сходявшей клиномъ отъ увядшаго, беззубаго рта, а болѣе по той гадкой, приторной улыбкѣ, которая, не имѣя ни на какомъ языкѣ словъ для своего выраженія, явственно высказываетъ свое назначеніе, обидное достоинству человѣка.

— Милости просимъ, господинъ совѣтникъ! громко воскликнулъ Капрель, приподнимаясь съ постели.

Скварчіафико, на цыпочкахъ, выползъ изъ-за двери.

— Buona sera! buona sera! Добраго веч. ра, Г. Астіанджи; добраго вечера! сказалъ онъ вполголоса, кланаясь во всѣ стороны. Какъ давно не имѣлъ чести васъ видѣть, Г. Астіанджи!

Капрель съ трудомъ рѣшился исполнить тягостный долгъ общежитія, — отвѣчать на вѣжливость вѣжливостью безъ лицепріятія. Онъ медленно подалъ руку совѣтнику, и принудилъ себя улыбнуться.

Обвивъ длинными, сухими пальцами руку больного, совѣтникъ не удовольствовался ея пожатіемъ. Онъ еще наклонился, заключилъ его въ свои костливыя объятія, и лобзаніемъ запечатлѣлъ свою дружелюбную радость. Поцѣлуй его отнюдь не походилъ на привѣтствіе Іуды, робкое и торопливое: онъ, напротивъ, крѣпко прильнулъ къ лицу Капрела, тогда какъ нечаянный посѣтитель еще крѣпче прижималъ его къ своей груди, выражая однимъ дѣйствіемъ, въ одно и то же время, двѣ ужасныя идеи Природы: удава задушающаго свою жертву, и вампира сосущаго кровь.

Іованесь и Ибраимъ не безъ содроганія смотрѣли на эту сцену, особенно, когда она заключилась громкимъ поцѣлуемъ, походившимъ на внезапный, предательскій выстрѣлъ изъ воздушнаго ружья.

— Я весьма вамъ благодаренъ, господинъ совѣтникъ,

принужденно выговорилъ Капрельъ: и за дружбу, и за память.... Просишь садиться.

Но догадливый Скварчіафико уже сидѣлъ на постели.

— Знаете ли, почтенный Капрельъ, что привело меня къ вамъ? сказалъ онъ, посматривая въ глаза Капрелю.

— Надѣюсь, дружелюбное участіе....

— О, это само собою.... безъ всякаго сомнѣнія! Но....

Совѣтникъ остановился: онъ заботливо оглядѣлся кругомъ, и взоръ его остановился на Іованесь и Хаджи-Ибраимъ.

— Я бы желалъ поговорить съ вами безъ свидѣтелей.

— Не опасайтесь ничего; говорите смѣло. Здѣсь нѣтъ стороннихъ. Это мой батюшка, а это....

— Какъ? почтенный Іованесь! Боже мой, я такъ обрадовался.... такъ растерялся въ мысляхъ... Ради Бога, извините, Г. Іованесь!

Скварчіафико вскочилъ съ мѣста, опять распростеръ свои длинныя руки, и обвилъ ими другую жертву.

— А это кто? кого имѣю честь видѣть? присовокупилъ онъ, глядя на Хаджи-Ибраима, и держа наготовѣ распростертыя объятія.

— Это другъ нашего дома, Хаджи-Ибраимъ.

— Ахъ, почтеннѣйшій Хаджи-Ибраимъ! Я давно искалъ чести познакомиться съ вами. Какой счастливый случай!....

Онъ уже хотѣлъ захлопнуть чувствительныя свои руки на спинѣ третьяго пріятеля, какъ несговорчивый Хаджи, угрюмо посмотрѣвъ на него, отступилъ назадъ и проворчалъ по-Турецки: — Что вамъ угодно?

Совѣтникъ нѣсколько смутился. Капрельъ едва могъ удержаться отъ смѣха при видѣ, какъ лишенные добычи клещи его, тихо опускались и сходились.

— Оставьте его, господинъ совѣтникъ! Онъ не подчиняется законамъ нашей вѣжливости.

Совѣтникъ сѣлъ на прежнее мѣсто, скорчивъ кислую рожу.

— Теперь позвольте узнать, какъ ваше здоровье?

— Какъ видите, господинъ совѣтникъ! Слава Богу!

— Радуюсь, отъ всей души радуюсь. Угадайте-жъ, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ?

— Не знаю! Сдѣлайте милость потрудитесь объяснить.

— Съ охотою. Я пришелъ къ вамъ отъ консула, таинственно сказалъ совѣтникъ.

— Отъ консула? Могу ли знать, что ему угодно?

— Впервыхъ, онъ хочетъ знать о состояніи вашего здоровья!

— Благодарю за милостивое вниманіе.

— Потомъ онъ просилъ, если вамъ ничто не воспрепятствуетъ, пожаловать къ нему. Двери вамъ открыты во всякое время.

— Охотно готовъ исполнить приказаніе консула. Завтра же, вечеромъ, надѣюсь имѣть честь его увидѣть.

Совѣтникъ, казалось, былъ удивленъ. Долго и недоувѣрчиво всматривался онъ въ лице Капрела, и не открывъ въ немъ ничего особеннаго. Онъ заключилъ, что вѣрно у него нѣтъ вовсе чутья, и попытался объяснить.

— Вы прекрасно сдѣлаете, сказалъ онъ Капрелу, значительно взглянувъ на него: вы прекрасно сдѣлаете, если вечеромъ пожелаете къ консулу. Ручаюсь вамъ, что не будете раскаяваться. Вы тамъ услышите райскія пѣсни.

— Я не охотникъ до пѣсень! уныло отвѣчалъ Капрель.

— О, въ такомъ случаѣ беру назадъ мое ручательство! Признаться, я не думалъ, чтобы тоненькій

голосокъ консульской воспитанницы не развѣжилъ васъ, какъ и меня. Надобно отдать честь, — мастерица своего дѣла! Жаль только, что я не понялъ словъ пѣсни, а должна быть очень жалостная. Бѣдняжка навзрыдъ рыдала!

Капрель слушалъ, — и нѣтъ!.... Ни одно чувство не обнаружилось въ немъ.

— Бѣдная сиротка, продолжалъ совѣтникъ: говорить Армянка. Благородный консулъ нашъ хочетъ ее осчастливить: дѣло достойное Графа!

Совѣтникъ приостановился. Показывая задумчивый видъ, онъ исподтишка изслѣдывалъ движенія Капрела, и снова ничего особеннаго въ нихъ не примѣтилъ. Это крайне озадачило опытнаго лукавца. Онъ терялся въ недоумѣннн. Но какъ не всѣ запасы были истощены, то онъ продолжалъ канонаду.

— Она очень молода, очень хороша собою: по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ сказывали. По чести, я не видалъ ее! Графъ, кромѣ приближеннѣйшихъ особъ, никому ея не показываетъ. Это нѣсколько странно. Прихоть, и только! Но миленькн ея голосъ часто слышится въ кабинетъ. Увлекаемый любопытствомъ, я отчасти проникъ въ тайну консула: ее зовутъ Су-санной.

Капрель немного смутился, но тотчасъ же пришелъ въ себя.

— Это имя по-настоящему не должно быть произносимо въ моемъ домѣ, господинъ совѣтникъ. Вы понимаете, почему! Если дорожите моею дружбою, не повторяйте мнѣ его!

И снова равнодушный, снова также холодный, Капрель готовъ былъ слушать далѣе.

При такомъ неожиданномъ оборотѣ, Скварчіафико совершенно потерялся: всѣ уловки его, всѣ ковы лопнули. Онъ убѣдился въ невозможности успѣха. Разочарованный артистъ былъ огорченъ, самолюбн

его страдало. Онъ кой-какъ извинился въ неумышленномъ оскорбленіи, и замолчалъ.

Сухой, мало занимательный разговоръ о городскихъ сплетняхъ, слухахъ и новостяхъ еще на четверть часа продлилъ посѣщеніе совѣтника. Хаджи-Ибраимъ вовсе не вышивался въ разговоръ. Приклонясь на одну сторону, онъ закрылъ глаза, и казался дремлющимъ. Иованесь съ любопытствомъ разсматривалъ своего новаго друга, и слушалъ его сладкія рѣчи. Нетерпѣніе Капрела возрастало съ каждою минутою: онъ либо вовсе молчалъ, либо отдѣльвался одними односложными отвѣтами. Наконецъ совѣтникъ, замѣтивъ нерадушіе хозяевъ, всталъ, распрощался такъ же нѣжно, какъ и здоровался, еще разъ посмотрѣлъ на Капрела, и на цыпочкахъ выползъ изъ комнаты.

— Ну, молодецъ хоть куда! сказалъ Хаджи-Ибраимъ, открывая глаза.

Капрель пожалъ плечами, и не сказалъ ни слова.

ХІ.

— Девять часовъ, господинъ совѣтникъ, девять часовъ! говорилъ Консулъ, сидя у камина, и съ досадою посматривая на готическіе стѣнные часы. Съ каждымъ размахомъ маятника, возрастало нетерпѣніе и досада взыскательнаго Графа. Часто и значительно взглядывалъ онъ на измѣнявшагося въ лицѣ совѣтника, стоявшаго въ почтительномъ отдаленіи. Графъ, какъ и прежде, былъ въ горностаевомъ халатѣ и бархатной шаночкѣ; какъ и прежде, сидѣлъ развалившись въ креслахъ.

— Что жъ это значить, господинъ Скварчіафиго? изрѣдка восклицалъ онъ. Что жъ это значить?

— Я теряюсь въ догадкахъ, что бы могло задержать его! Онъ далъ слово....

— Да, это очевидно обманъ! Вы меня обманули! Вы заставили меня дожидаться!.... За кого вы меня считаете, господинъ совѣтникъ?!... Вы, сударь....

— Но, благородный Графъ! — въ полголоса, уничиженно отвѣчалъ совѣтникъ.

— Ни слова! молчать! запальчиво прервалъ консуль. Какая дерзость! Какъ вы смѣете оправдываться?

— Позвольте, выслушайте великодушно....

— Молчать, вамъ сказано! Меня обманывать? Меня водить за носъ? Что вы это, милостивый государь? Подите, сударь, вонъ! Я не хочу васъ видѣть.

— Извините! Выслушайте меня!..

— Вонъ, сударь, вонъ; съ глазъ долой! топая ногами, кричалъ разгнѣванный консуль. Лице его побавровѣло, глаза разгорѣлись и сверкали.

Совѣтникъ оцѣпѣнѣлъ; колѣни его подламывались.

— Что же вы стоите? Чего дожидаетесь? Вонъ!

Видъ совѣтника, уничиженный и молящій, не тронулъ Графа. Въ пылу гнѣва онъ указалъ на дверь, топнулъ ногою и обернулся къ нему спиною. Скварчіафико все-еще не уходилъ, надѣясь оправдаться.

— Вы медлите? Подите же вонъ. союпе! велю васъ вытолкать!

— Вытолкать? шопотомъ повторилъ испуганный Скварчіафико.

Кровь въ немъ закипѣла, и тяжесть обиды подавила природную подлость. Онъ съ трепетомъ поклонился, отступилъ шага на два, и еще поклонился. У дверей онъ поклонился въ третій и послѣдній разъ своему гордому начальнику, необратившему даже и взора на его поклоны. Скварчіафико оскорбился не на шутку. Съ сокрушеннымъ сердцемъ, потупя взоры, онъ вышелъ изъ кабинета.

— Мщеніе, мщеніе! закричалъ ему тайный голосъ изъ глубины растерзанной души. Мщеніе объяло всѣ

помышленія изгнаннаго совѣтника. — Я же проучу васъ, *signor conte!* сказалъ онъ про себя, и тотчасъ нашелся.

— Графъ приказалъ, когда пріѣдетъ Капрель Астанджи, впустить его въ кабинетъ, безъ всякаго доклада и замедленія, твердымъ и покойнымъ голосомъ сказалъ онъ начальнику стражи, бывшему въ передней.

— Слушаю! отвѣчалъ офицеръ, привыкшій къ подобнымъ приказаніямъ.

Совѣтникъ ушелъ, предугадывая событія.

ХІІ.

Выпроводивъ дерзкаго обманщика, благородный консулъ, въ сильномъ волненіи, прошелся по кабинету, и, успокоившись нѣсколько, сѣлъ опять противъ камина. Онъ крѣпко задумался, но постоянная, глубокая дума была не во вкусъ Графа. Онъ безпокойно окинулъ взоромъ комнату, посмотрѣлся въ зеркало, вдѣланное въ каминъ, поправилъ шапочку, пригладилъ брови, усы и Испанскую бородку, звянулъ и опять былъ неподвиженъ.

Быстрая, пріятная мысль какъ лучъ свѣта мелькнула въ его отяжелѣвшей головѣ. Взоръ его вдругъ прояснился. Улыбка появилась на его поблекшихъ устахъ. Онъ горделиво посмотрѣлся въ зеркало, поправился, пріосанился, и три раза мѣрно ударилъ въ ладоши.

Звукъ рукоплесканья не тщетно огласилъ высокія стѣны консульскаго кабинета, и прокатился по сосѣднимъ покоямъ. Еще не замеръ послѣдній отголосокъ встревоженнаго свода, какъ дверь изъ ближайшей внутренней комнаты слегка скрипнула, отворилась.

Раскинувшись въ креслахъ, въ положеніи самомъ нзысканномъ, Графъ ожидалъ разсѣянно.

Молодая, очень молодая, не старѣе семнадцати лѣтъ, прекрасная жеищина, легкая какъ воздушное явленье, стройная какъ пальма, бѣлая и нѣжная — какъ весенняя лилія, появилась въ безмолвномъ кабинетѣ. Облако грусти, томной и тихой, отгѣнивалось на ея алебастровомъ, возвышенномъ челѣ, въ ея потупленныхъ взорахъ. Одежда ея была очаровательная смѣсь Италіанской съ Азіятскою.

Выступивъ шага на два изъ-за двери, она пріостановилась; большіе, черные глаза ея, исполненные страсти и жизни, устремились на Графа.

— Ты звалъ меня, Ипполитъ? спросила она тихимъ, мелодическимъ голосомъ, и легкій румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ: она потупила взоры.

— Кого же кромѣ тебя, моя малютка! отвѣчалъ пробужденный консулъ нетвердымъ голосомъ: подойди ко мнѣ, моя милая! мнѣ грустно; разсѣй мои мысли, продолжалъ онъ, простирая къ ней руку.

— А онъ? Развѣ онъ уже былъ у тебя, Ипполитъ? спросила она.

— Былъ? Нѣтъ, моя малютка, онъ не будетъ. Уже поздно.

— Не будетъ! со вздохомъ прошептала она.

Она подошла къ нему. Величавая походка ея чуть слышна была; легкій шумъ ея пышной одежды, шумъ таинственный и упоительный, обольщая слухъ, подѣйствовалъ бы на самыя холодныя страсти. Графъ воспламенился. Онъ ловитъ ея полную и нѣжную руку, онъ цѣлуетъ ее, пристально, продолжительно. Сладостный, восхитительный поцѣлуй посѣтительницы запечатлѣвается въ то же время на его челѣ. Графъ очарованъ, Графъ внѣ себя. Уста ихъ слились и, казалось замерли.....

— Ты плачешь, моя малютка? заботливо спросилъ Графъ, выходя изъ мгновеннаго очарованія.

Въ самомъ дѣлѣ, крупная, свѣтлая и горячая слеза скатилась на лице Графа съ черныхъ рѣсницъ красавицы. Она опустила голову, вздохнула медленно и глубоко, и не сказала ни слова.

— Что съ тобою, дитя мое! О чемъ ты плачешь? вторично спросилъ Графъ.

— Ипполитъ! прошептала красавица, и обвивъ руками его шею, припала къ нему на грудь.

Горько рыдала она. Грудь ея, какъ живая прибрежная волна, упирающаяся на холодную скалу, то воздымалась, то упадала. Изнеможенный первымъ восторгомъ, Графъ смотрѣлъ на нее угрюмо. Онъ слышалъ частое бѣненіе ея сердца, видѣлъ ея щеки, разгоравшіяся пурпуровымъ румянцемъ, видѣлъ томное желаніе въ ея потупленномъ взорѣ, видѣлъ трепеть ея губъ, алыхъ и прекрасныхъ, какъ распускающаяся роза, пилъ ея горячее дыханіе, и терялся въ нерадостной думѣ! Тщетно усиленными, продолжительными лобзаніями вызывалъ онъ восторги изъ глубины истощеннаго сердца; тщетно разжигалъ онъ свое притушенное воображеніе: оно мгновенно раскаливалось, и, не давая пламени, тотчасъ угасало, какъ перетлѣвшая зола. Онъ нахмурилъ брови и безмолвно смотрѣлъ на красавицу, рыдавшую въ его объятіяхъ. Взоры ихъ встрѣтились, и глаза ея рѣзко высказали свои тайны, свое крайнее горе.

Опустивъ голову на грудь, красавица опять зарыдала. Графъ печально смотрѣлъ на нее, — и страдалъ мукою Тантала.

— Ипполитъ, ты погубилъ меня! съ видомъ отчаянія прошептала она.

Графъ молчалъ; Графъ таялъ въ мукахъ.

— Да! я погибла!.. погибла безъ возврата!.. И черезъ кого?....

Плачь пресѣкъ ея голосъ ; она изнемогла и крѣпче прижалась къ груди консула , — мятежной , но холодной .

— Чего ты хочешь отъ меня , дитя мое ? съ болѣзненнымъ напряженіемъ возразилъ Графъ .

Она вздрогнула , быстро подняла голову , взглянула ему въ лице , и снова потупила безнадежные взоры .

— Ты погубилъ меня , Ипполитъ ! произнесла она голосомъ раздирающимъ душу , почти со стономъ , и залилась слезами .

Въ пріемной залѣ послышался легкій стукъ : кто-то подходитъ къ двери , кто-то отворяетъ ее..... Но , ни растерзанный душою Графъ , ни утопающая въ слезахъ красавица ничего не слышали . Скрыпучія петли двери и стукъ замка измѣнили входившему въ кабинетъ . Графъ вздрогнулъ , красавица встрепенулась . Пораженные , изумленные , испуганные , они не тронулись съ мѣста ; уста ихъ были окованы ; взоры ярки , быстры , какъ молнія , предвѣстница урагана .

Вошедшій былъ Капрель Астіанджи . Онъ только одною ногою переступилъ черезъ порогъ , и приросъ къ нему . Блѣдный , неподвижный , оцѣпѣтый , онъ стоялъ , положивъ руку на саблю . Теряясь отъ недоумія , онъ дико смотрѣлъ на Графа и на красавицу . Лице консула багровѣло , губы его дрожали ; онъ почти задышался . Передъ нимъ , на его груди , была прекрасная , таинственная затворница . Она однимъ коленомъ стояла на полу , одной рукой опиралась на колено Графа ; лице ея было блѣдно , въ очахъ отражался испугъ . Она еще разъ взглянула на Капрела , вскрикнула , и безъ чувствъ упала къ ногамъ Графа .

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

XIII.

Астѣанджи разсматривалъ со вниманіемъ красавицу, лежащую подлѣ кресель, въ которыхъ сидѣлъ грозный консулъ; глазъ его былъ холоденъ и какъ-бы погруженъ въ туманъ. Не давая времени опомниться Графу, онъ поклонился и поспѣшно вышелъ. Графъ даже не замѣтилъ этого: онъ въ то время поднималъ Сусанну съ земли, чтобъ положить ее въ кресла. Призванные имъ двѣ старухи засуетились около нея, а между-тѣмъ и самъ консулъ пришелъ въ себя мало-по-малу. Гнѣвъ смѣнилъ въ немъ прежнее остолбенѣніе: несмотря ни на какія оправданія, онъ приказалъ обезоружить караульнаго офицера, и отвести его въ замокъ. Когда Сусанна открыла глаза, передъ нею стоялъ только одинъ Графъ, съ лицомъ блѣднымъ и разстроеннымъ. Она отворотилась, и, закрывъ чело руками какъ испуганное дитя, горько зарыдала.

Было поздно. Въ городѣ лавки запирались, улицы примѣтно пусты. Одна лавка, на большой пристани, была еще открыта. Старый Іованесь, противъ обыкновенія, засидѣлся разбирая по складамъ какую-то ветхую рукопись. Опершись на прилавокъ, усталый рекме дремалъ въ переднемъ углу. Наконецъ старикъ вспомнилъ, что время запирать лавку; взялъ ключи, разбудилъ мальчика, и уже подходилъ къ двери: — въ это мгновеніе вошелъ Капрель.

— Батюшка! я слышалъ, что у тебя покупаютъ лавку: правда ли это?

Старикъ подозрительно взглянулъ на своего сына: его удивилъ неожиданный вопросъ. Капрель ни во что не входилъ по торговымъ дѣламъ своего отца: они составляли забаву старика. Приобрѣтенныя роди-

телемъ богатства охраняли его отъ всѣхъ хлопотъ и занятій; словомъ, онъ ни во что не мѣшался.

— Да! отвѣчалъ Іованесь: сосѣду приглянулась она.. Только онъ очень дешево даетъ.

— А что онъ даетъ?

— Ровно свою цѣну, безъ всякой пользы.

— Отдавай, отдавай! Не медли, батюшка; отдавай!..

Все кончено! Я видѣлъ ее!...

— ~~Каго~~ ты видѣлъ, сынъ мой?

— Ее! воскликнулъ Капрель въ порывѣ ярости и отчаянія. Я видѣлъ неблагодарную, вѣроломную, преступницу на груди... обольстителя!...

Онъ выговорилъ это, запинаясь на каждомъ словѣ и въ изнеможеніи упалъ на стулъ.

Старикъ остолбенѣлъ.

— Какъ! ты нашелъ?.. воскликнулъ онъ, уставя на Капрела неподвижные глаза.

— Да! я видѣлъ мой позоръ... Для меня все погибло!

— Сынъ мой!

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Капрель, вскочивъ со стула и ударивъ рукою по прилавку: нѣтъ! для меня еще не все погибло. Они еще живутъ, еще кровь течетъ въ ихъ жилахъ, еще могу я насладиться... Да! мщеніе, мщеніе осталось мнѣ... Черные зловѣщіе духи помогутъ мнѣ вторично...

Лице его было ужасно, взоры горѣли огнемъ неистовства.

— Сынъ мой! болѣзненно повторилъ старикъ.

— Ни слова, батюшка! Ни слова!.. Я долженъ! Кровь на кровь, и мука на муку моимъ злодѣямъ!

— Но кому ты хочешь мстить?

— Кто меня спрашиваетъ? неистово возразилъ Капрель, и устремилъ бродящій, яркій взоръ на оторопѣвшаго Іованеса. Молчи, батюшка, молчи! Я скоро кончу мои счеты. О, итогъ подпишется кровью и вѣчною мукой! Какое мнѣ дѣло?... Пусть запечатлѣтся

мое имя проклятіемъ и вѣчнымъ клеймомъ позора: я отомщу!... и я порадуюсь въ свою очередь.

Сильное волненіе пресвкло его рѣчь, голосъ замеръ, но взоры договаривали угрозы.

— Опомнись, сынъ мой! Кто оскорбилъ тебя?

— Это моя тайна! Ты, батюшка, ты спасайся и оставь меня на произволь моей судьбы.

— Оставить тебя? Нѣтъ, сынъ мой; я не могу тебя оставить.

Слезы навернулись на глазахъ старика.

— О, плачь, плачь! батюшка! И она плакала. Да! я самъ видѣлъ ея слезы. Но еще не плакала кровавыми слезами! Батюшка, не измѣни мнѣ. Оставь меня и бѣги; бѣги далеко отъ Кафы... Да не застигнетъ и тебя мое ищеніе!

— Что ты говоришь, сынъ мой? Мнѣ бѣжать изъ Кафы?

— Да, батюшка, бѣжать. И бѣжать тебѣ какъ Лоту изъ Содома. Гнѣвъ Божій тяготѣетъ надъ Кафой, и казнь близка.

— Капрель! робко произнесъ Юванесь, прислушиваясь къ шелесту вѣтра: пойдѣмъ домой; насъ могутъ здѣсь подслушать.

— Подслушать? воскликнулъ какъ-бы удивленный Капрель. Кто дерзнетъ, кто отважится подслушивать меня? Но, пусть подслушиваютъ! Рука мщенія неотразима. Приговоръ Кафы мучительнымъ огнемъ выжженъ на моемъ сердцѣ!... Пусть подслушиваютъ!...

Положивъ руку на саблю, Капрель остановился и значительно взглянулъ на отца.

— О, уйдѣмъ, уйдѣмъ отсюда! сквозь слезы произнесъ волнуемый старикъ.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Я не пойду съ тобой. Для меня все кончено. Спасай себя, свое имущество, для своего Бедроса. Кромъ кинжала и крови, мнѣ болѣе ничего не нужно... Но пойдѣмъ.

Старикъ снова взялъ свѣчу; снова подошелъ къ двери. Капрелъ слѣдовалъ за нимъ. При самомъ выходѣ они столкнулись съ приземистымъ человѣкомъ, тщательно завернутымъ въ черный плащъ.

Никто не звалъ Иуды-Предателя на совѣтъ злоумышленный: онъ самъ явился. Никто не предлагалъ ему ничего за предательство: онъ самъ вызвался. Такъ и совѣтникъ Скварчіафико незваный явился въ лавкѣ Юванеса. Но онъ пришелъ рано: часъ Кафы еще не ударилъ. Появленіе совѣтника привело въ смущеніе хозяина.

— Добрый вечеръ, Г. Юванесь! сказалъ гость. Я шелъ мимо, видѣлъ огонь въ вашей лавкѣ, и никогда бы не простилъ себѣ, если бы пропустилъ случай засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и безконечную преданность.

— Весьма вамъ благодаренъ, Г. совѣтникъ! сухо произнесъ старикъ, какъ бы невзначай брякнувъ ключами.

— Я не задержу васъ, Г. Юванесь: любопытство знать, какъ принялъ васъ консулъ, сказалъ совѣтникъ, обращаясь къ Капрелу, было также въ числѣ причинъ моего поздняго посѣщенія.

— Мы почти съ нимъ не видались! угрюмо отвѣчалъ Капрелъ. Графъ сидѣлъ съ какою-то женщиной. Я почелъ за неприличное прерывать ихъ бесѣду.

— А кто была эта красавица? Вы вѣрно видѣли ее въ лицѣ?...

— Лице ея мнѣ вовсе не знакомо; я не въ состояніи удовлетворить васъ, Г. совѣтникъ! Извините!...

Скварчіафико сталъ въпень при такомъ мало ожидаемомъ отвѣтѣ, и растерялся въ безуспѣшныхъ догадкахъ.

— Такъ вы ея рѣшительно не знаете?

— Я вамъ, кажется, все сказалъ, нетерпѣливо возразилъ Капрелъ.

— Извините меня великодушно! Откровенно признаюсь... пѣвица вскружила мнѣ голову. О, какой же я далъ промахъ!..

Советникъ сдѣлалъ гримасу и призадумался. Неумышленное побрякиваніе ключами заставило его очнуться.

— Еще одно слово, Г. Юванесь; консулъ приглашаетъ всѣхъ почетнѣйшихъ гражданъ, и во-первыхъ васъ, на чрезвычайный Советъ завтра поутру. Надѣюсь, что вы не откажетесь присутствовать.

— Постараюсь быть отвѣчалъ Юванесь.

— А вы, Г. Капрель?

— И я, къ услугамъ консула.

— Такъ, господа, покойной ночи! сказалъ советникъ, кланяясь и озираясь на всѣ стороны.

— Прощайте, Г. советникъ!

— Просимъ не забывать насъ, Г. советникъ, принужденно примолвилъ старый Астіанджи.

— О, будьте увѣрены, что я...

Капрель, протягивая руку, перебилъ его:

— Я никогда не сомнѣвался въ добромъ расположеніи вашемъ ко мнѣ... Покойной ночи, Г. советникъ!

XIV.

Дѣло приближается къ развязкѣ. Для большей ясности, необходимо бросить бѣглый взоръ на современныя отношенія Кафы, нѣкогда могучей, богатой и знаменитой въ той странѣ Европы.

Въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка, стали появляться на берегахъ Тавриды предприимчивые купцы Генуэзскіе, первенствовавшіе въ тѣ времена на моряхъ. Какъ торговля съ дикими племенами, обитавшими между Днѣпромъ и Каспійскимъ моремъ, и съ отдаленною Русскою Землею, обѣщала имъ значительныя выгоды, то они, подобно древнимъ Грекамъ, завели свои поселенія по пристанямъ Чернаго и Азовскаго

Моря, удаляясь болѣе къ Востоку. Первенствующее поселеніе Генуэзцевъ была Кафа. Она быстро вознеслась и распространилась.

Монголы, бурнымъ и сокрушительнымъ ураганомъ разлившись по Европѣ и Азіи, усугубили народонаселеніе возникавшей Кафы, не собою, но Азіятцами, побѣжденными ихъ оружіемъ, изгнанными изъ отечества ихъ свирѣпостью, которые стекались туда со всѣхъ сторонъ. Около половины XIV вѣка, Армяне тысячами семействъ, переселились въ Кафу.

Почти вслѣдъ за прибытіемъ Генуэзцевъ, и Монголы вторглись въ Крымъ, находившійся тогда отчасти во владѣніи Византійскихъ Императоровъ. Около половины XIV столѣтія Ханство Крымское сдѣлалось самобытнымъ. Генуэзцы мало-по-малу завладѣли-было всѣмъ южнымъ берегомъ: Греки были почти стерты, и колоніи ихъ разрушены Монголами; болѣе дѣятельные, болѣе отважные Италіянцы удержали свои права надъ юговосточнымъ краемъ Таврическаго полу-острова. Однако вліяніе Бахчи-Сарайскаго Двора на дѣла и внутреннее управленіе Кафы исподволь пускало свои корни, укрѣплялось и возрастало. Ханы цѣнили торговлю Кафы, ихъ обогащавшую; они изрѣдка вмѣшивались въ ея управленіе, и ссоры ихъ съ Генуэзцами были недолговременны, незначительны.

Избалованные счастіемъ, обогащенные торговлею Кафскіе поселенцы, подобно другимъ, вдались въ роскошь, развратъ, въ буйныя распри съ сосѣдями. Кафа ругалась народными правами послѣднихъ, попирала ихъ при малѣйшемъ поводѣ, презирала полудикихъ обладателей Тавриды, упрекала ихъ въ грубости и бѣдности, и, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, собирала надъ собою тучу, сокрушившую ее впоследствии.

Кафа находилась въ непосредственной зависимости

отъ Генуи, какъ ея колонія. Оттуда были ей присылаемы консулы и два совѣтника Правленія, ежегодносѣняемые. Эти люди, большею частію чуждые Кафѣ, мало заботились о благосостояніи города, и думали только о средствахъ нажитья. Краткій срокъ ихъ воеводства вознаграждался чрезвычайными усиліями и натяжками. Правосудіе соблюдалось только въ формѣ судовъ, а дѣла шли по волѣ корыстолюбивыхъ правителей.

Префектъ, второе лице Кафскаго управленія, избираемый Ханомъ, и утверждаемый консуломъ, почти всегда былъ изъ Татаръ. Ему предоставлялась власть надъ округомъ. Вообще, онъ былъ блюститель нерушимости правъ туземцевъ. Но такъ какъ и понынѣ дальновидные умы рѣдко являются между Татарами, то префекты были истинные защитники самовластныхъ консуловъ. На нихъ же обрушивалось и народное негодованіе на злоупотребленія. Консулы почти всегда устранялись.

Появленіе Турокъ на берегахъ Геллеспонта, покореніе Царяграда Магометомъ II, раздоръ и войны его съ Генуэзцами, ускорили паденіе Кафы. Магометъ II, ревнитель славы и величія созданной имъ Имперіи, не могъ равнодушно сносить присутствія Генуэзцевъ на Черномъ Морѣ: однѣ продолжительныя войны удерживали его простертую руку. Дѣло завосванія Кафы пребыло двадцать лѣтъ нерѣшеннымъ. Генуа дрожала за свою колонію, покупала милость Султана, ругалась ею и наконецъ уступила силѣ.

Правда, Кафа могла бы и собственными силами противостать оружію Турокъ; но Кафа тогда изнемогала въ развратъ и несогласіяхъ. Междоусобія терзали ее

Менгли-Гирей, Ханъ современный ея паденію, наскучивъ ея раздорами, пронырствами, и оскорбленный изгнаніемъ префекта Эминка, вмѣ уважаемаго, отказался отъ бесполезной славы участвовать въ со-

мнительной войнѣ съ Турками. Измѣна и корыстолюбіе властей -- плоды народнаго развращенія.

ХУ.

Консулъ всталъ очень рано, почти съ восходомъ солнца. Въ приѣмной залѣ уже собрались главнѣйшіе сановники, въ числѣ которыхъ, по крайней мѣрѣ по званію своему, былъ непослѣднимъ Скварчіафико, по обыкновенію наблюдательный и лукавый. Пасмурныя, озабоченныя лица собранія не обѣщали ничего добраго. Умы погружены были въ себя; уста открывались только для сухихъ, отрывистыхъ привѣтствій; взоры большею частію были потуплены въ землю. Неподалеку отъ дверей консульскаго кабинета, у мраморной колонны, стоялъ покрытый потомъ и пылью латникъ, только-что прискакавшій изъ Солдая. Онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, сухо отвѣчалъ на распросы, и требовалъ немедленнаго свиданія съ консуломъ. Всѣ глаза, исполненные подозрѣнія, устремлялись на недоступнаго посланца. Всѣ головы ломались и терялись въ догадкахъ. Его скоро потребовалъ консулъ къ себѣ въ кабинетъ, а вслѣдъ за нимъ позванъ былъ и Скварчіафико.

Не безъ опасенія, не безъ тайнаго трепета переступалъ совѣтникъ черезъ порогъ консульскаго кабинета. Но дерзость его, но наглость его не имѣли предѣловъ. Какъ ни въ чемъ небывалый, онъ смѣло вошелъ въ кабинетъ, низко поклонился Графу и, выступивъ шага на два впередъ, спокойно ожидалъ повелѣній. Графъ не обращалъ на него вниманія: онъ былъ уже одѣтъ и внимательно читалъ какую-то бумагу. По движеніямъ лица, совѣтникъ напросторѣ разгадывалъ ощущенія Графа: консулъ морщился, хмурился и почесывалъ затылокъ; бумага замѣтно дрожала въ его рукъ.

— Много ли галеръ видно было? спросилъ онъ у

всадника, свертывая бумагу, и не глядя на вторичный поклонъ совѣтника.

— По отдаленію, ихъ трудно было пересчитать, почтительно отвѣчалъ посланецъ.

Графъ въ раздумьѣ потеръ лобъ.

— Садитесь, Г. Скварчіафико; напишите ему, отъ моего имени, къ Солдайскому коменданту, удостовѣреніе въ точномъ доставленіи бумагъ.

Отвѣсивъ третій поклонъ, совѣтникъ усялся за столъ. Онъ съ важностью взялъ бумагу, перо, и придвинулъ раззолоченую чернильницу.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ посланца, спѣсиво взглянувъ на него.

— Лейтенантъ Вендетти, сынъ того Вендетти, у котораго ваша милость когда-то служили при поварнѣ, отвѣчалъ оскорбѣвшійся офицеръ.

Консулъ, несмотря на непріятныя извѣстія, захотѣлъ отъ души. Скварчіафико покраснѣлъ по уши, и сидѣлъ какъ на иголкахъ. Перо чуть не выпало изъ его рукъ.

Впередъ будьте осмотрительнѣе, Г. совѣтникъ, сказалъ консулъ.

— Посрамленный совѣтникъ писалъ въ молчаніи.

— Извольте, Г. Лейтенантъ!

Лейтенантъ принялъ бумагу изъ дрожащей руки совѣтника, спряталъ ее за желѣзный нагрудникъ, и снова сталъ у двери. Бѣдный Скварчіафико терялся и не зналъ что дѣлать, сидѣть или встать.

— Ступайте, молодой человѣкъ! важно произнесъ консулъ: пока, ни какихъ особенныхъ приказаній не будетъ.

Лейтенантъ вышелъ. Скварчіафико, какъ будто сваливъ съ себя гору, оправился и всталъ. Графъ, большими шагами, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Досада и нерѣшимость отражались въ его безо-

койныхъ взорахъ, изрѣдка устремлявшихся на совѣтника.

— Видѣли ли вы молодаго Астіанджи? спросилъ онъ, остановясь противъ Скварчіафико.

— Видѣлъ, благородный Графъ!

Графъ опять прошелся по комнатѣ; опять остановился.

— Гдѣ вы его видѣли? Въ какомъ положеніи?

— Въ лавкѣ отца его, вчера вечеромъ..... Онъ, по обыкновенію, былъ разсыянъ и ни къ чему невнимателенъ.

— Вчера, послѣ васъ, онъ былъ у меня.....

Притворное спокойствіе измѣнило Графу: онъ остановился.

— Да! подхватилъ ободренный совѣтникъ: онъ сказывалъ мнѣ про свою неудачу.

— Про какую? живо спросилъ Графъ.

— Что не имѣлъ чести и счастья говорить съ вами. Съ вами, въ то время, сидѣла ваша воспитанница, и онъ не осмѣлился васъ обезпокоивать долѣ своимъ присутствіемъ.

Графъ не отвѣчалъ ни слова. Прощедшись мѣрными шагами по комнатѣ, онъ спросилъ еще, какъ-бы мимоходомъ:

— Не говорилъ ли онъ вамъ еще чего?

— Нѣтъ, благородный Графъ! Онъ торопился домой и неохотно разговаривалъ со мною.

— Я вами былъ недоволенъ. Вы, не понявъ меня, отдали фальшивый приказъ. Ступайте, велите сейчасъ освободить офицера, арестованнаго по вашей глупости, и попросите у него извиненія. Да, непременно!

Совѣтникъ хотѣлъ что-то сказать, но консулъ, махнувъ рукою на двери, обернулся къ нему спиной.

XVI.

Тыъ между собрались Вожди на Совѣтъ всѣ Военный
.....

Ежели сами разторгнете узелъ единственный токмо
Общества и Надежды всея, кой есть Добрая Вѣрность?
.....

Онъ узыръ глубоко во всемъ молчаливость Соборъ.
Но, наконецъ, услышалъ глухій враскъ, мало-по-малу.

ТИЛЕМАХИДА.

Въ десятомъ часу утра, народъ столпился у дверей ратуши. Многочисленная стража, въ блестящихъ парадныхъ доспѣхахъ, расположена была по обѣимъ сторонамъ высокаго крыльца. Впуская почетнѣйшихъ, она отгоняла бѣдныхъ и убогихъ отъ дверей палаты, гдѣ рѣшалась ихъ участь. Шумъ и крики отгоняющихъ и отталкивающихъ сливались съ ропотомъ и бранью отгопяемыхъ и отталкиваемыхъ.

Прибытіе консула съ многочисленною свитою переѣхало видъ сцены. Волнуясь, расхлынулся народъ, какъ нѣкогда море предъ Моисеемъ. Живыя волны, разступившись, очистили широкой путь правителю. Надменно, какъ древній Фараонъ, пустился онъ между двумя непріязненными стѣнами безмолвнаго, на мигъ успокоившагося народа. Арабскій конь его мѣрною поступью красовался подъ всадникомъ. Онъ подъѣхалъ къ крыльцу. Стража выстроилась, двери растворились настежь; онъ со свитой вошелъ въ ратушу, и за нимъ хлынула любопытная толпа. Воины были смяты; ратуша наполнилась наглыми зрителями. Очистить ее уже не было возможности.

Консулъ, размѣнявшись съ собраніемъ привѣтствіями, помѣстился въ огромныхъ, возвышенныхъ креслахъ. Стражи и вожди оступили его сзади. По правую руку у него, за столомъ сидѣлъ старшій совѣтникъ Правленія, Ріалетто; по лѣвую, нашъ знакомецъ, Скварчіафико; возлѣ старшаго совѣтника, Іованесь Астіанджи, какъ заслуженнѣйшій и почетнѣйшій

гражданинъ Кафы; далѣе остальные члены, болѣе или менѣе важные, числомъ до шестидесяти.

Послѣ вторичныхъ, торжественныхъ привѣтствій, консулъ потребовалъ молчанія у набившейся толпы. Онъ поднялъ руку, и все затихло.

Одинъ голосъ консула, звонкій и пріятный, переливался по сводамъ храмины. Съ глубочайшимъ вниманіемъ всѣ внимали каждому звуку, каждому слову. Злополучный народъ слушалъ лебединую пѣснь своей Кафы, своей независимости.

— Граждане! сказалъ консулъ. Я не скрываю отъ васъ ничего. Со дня покоренія Магометомъ Царяграда, судьба высказала намъ грядущія бѣдствія. Двадцать лѣтъ бесполезныхъ уступокъ и переговоровъ не разогнали грозы. Она должна была разразиться. Магометъ не умретъ, не состязавшись кровавой войной съ нами, съ Республикой. Сомнительная и тяжкая борьба предстоитъ намъ, но слѣдствія ея неизвѣстны.... Не впервые подобная туча скопляется надъ Кафой. Поколѣнія завоевателей перешли въ виду стѣнъ ея, и не стерли ихъ. Мужество предковъ нашихъ отразило побѣдоносныя толпы, извергнушіяся на насъ изъ нѣдръ Азіи. Да воскреснетъ примѣръ ихъ въ насъ! Генуа не замедлитъ помощію; Іерусалимскіе Рыцари подадутъ намъ руку. Мы должны защищаться, до послѣдней крайности должны защищаться.... Граждане Магометане, да не ослѣбятся ваши умы обманчивой надеждой на единовѣріе! Еще памятна у насъ кровавая битва Тимурхана съ Баязетомъ. Оба единовѣрцы: щадили ли они другъ друга? Расхищеніе имуществъ, позоръ женамъ и дочерямъ вашимъ, а не дружелюбное участіе, готовятъ вамъ Турки....

Говоръ одобренія, тихій, но внятный, раздавшись въ толпѣ народа, прервалъ рѣчь Графа; въ то же самое время, на противоположномъ концѣ залы недоувѣріе зашихло подобно змѣю. Имя Эминька отозвалось

во многихъ устахъ. Консулъ, отъ вниманія котораго ничто не ускользало, поднялъ руку и продолжалъ :

— Понимаю ваши чувства : вы принимаете участіе въ измѣнникѣ : Вы почитаете несправедливымъ поступокъ мой съ нимъ ? Я не отвергаю высокихъ достоинствъ вашего любимца, но, скажите чистосердечно, граждане Кафы : достоинъ ли онъ любви вашей ? Чѣмъ оправдалъ онъ довѣріе города ? Когда бы даже я былъ несправедливъ въ отношеніи къ нему, изгналъ его, то развѣ, кромѣ Магомета, онъ нигдѣ болѣе не могъ найти себѣ защиты и удовлетворенія ?... Почему онъ не обратился съ жалобою къ Хану или къ Генуэзскому Сенату ? Я обидѣлъ его : для чего же онъ обратился къ Султану ?..... Нѣтъ, граждане ! предатель не достоинъ любви и заступленія вашего ; онъ посягнулъ на вашу свободу, на ваше благоденствіе. Мучимый корыстолюбіемъ, онъ только выискивалъ случая для оправданія своего предательства ; онъ, для этого единственно, искалъ сомною ссоры, — и успѣлъ. Хватаясь за оружіе, онъ возмутился противъ своего начальника, и никѣмъ не преслѣдуемый, бѣжалъ къ врагу. Онъ возстановилъ Магомета противу васъ ; указалъ ему путь на вашу гибель, — и вы же вступаете за него ! Но да обманется въроломный Эминекъ въ своихъ надеждахъ ! Граждане Кафы, предадимъ забвенію домашнія распри, ополчимся, и единодушно отразимъ предательство и злобу.

Рѣчь Графа имѣла полный успѣхъ. Энтузіазмъ черни разразился громомъ и рукоплесканіями консулу, и проклятіями на главу Эминека. Тяжелые своды ратуши трепетали и стонали отъ изступленныхъ восклицаній. Консулъ воспользовался общимъ восторгомъ.

— Вижу благородное негодованіе ваше, и горжусь вашими чувствами, сказалъ онъ. Души ваши пробудились на кличъ славы и побѣды. Предвижу торжество и оправданіе Кафы. Честь и хвала вамъ ! По обы-

чаю и по силѣ закона, мы должны теперь избрать коменданта, верховнаго полководца, оберэгателя знамени и ключей города; должны избрать лице, которому вѣрится наша честь, наше отечество, имущество и благоденствіе.... Миніе ваше укажетъ мнѣ его.

Толпа пришла въ движеніе.

— Астіанджі! Кто достойнѣе Капрела Астіанджі? раздалась тысячи голосовъ.

— Капрель Астіанджі! закричала чернь.

Іованесь затрепеталъ.

— Г. Капрель Астіанджі! воскликнулъ консулъ, взорами ища его въ собраніи.

Капрель, стоявшій у окна, началъ пробираться сквозь толпу. Ему почтительно давали дорогу и провожали рукоплесканіями.

— Что прикажете, благородный Графъ?

— Г. Капрель Астіанджі! пріемлете ли вы избраніе нарѣда?

— Гласъ народа — гласъ Божій! Отрицать не смѣю.

Крикъ радости и одобренія раздался въ народъ. Привѣтствуя новаго коменданта, всѣ лица прояснились. Одинъ Іованесь былъ мраченъ, какъ осенній вечеръ.

Смѣтливый Скварчіафико въ одно мгновеніе ока уступилъ мѣсто Капрелу. Отецъ боязливо посматривалъ на своего сына.

— Вождя отъ округа слѣдовало бы еще избрать, но эта должность искони предоставлялась префекту, сказалъ консулъ, взглянувъ на Сейтака.

— Вонъ Сейтака! Не хотимъ Сейтака! возопила мятежная толпа.

— Вонъ Сейтака! повторяли несмѣтные голоса передъ ратушей.

Сейтакъ не вытерпѣлъ Онъ вскочилъ со стула, опрометью выбѣжалъ изъ ратуши. Свистъ и насмѣшки преслѣдовали его. Консулъ смутился.

— Кого же хотите вы? нахмурившись, спросилъ онъ.

— Хаджи-Ибраима! Мудраго Хаджи-Ибраима! единодушно воскликнула толпа.

— Быть такъ! сказалъ консуль.

— Быть такъ! повторила толпа, и Хаджи-Ибраимъ, недовольный выборомъ, лѣниво занялъ упразднившееся мѣсто префекта.

Выборы другихъ вождей были не такъ шумны.

Внезапный пушечный выстрѣлъ, резко откликнувшійся въ стѣнахъ ратуши, и крикъ на улицѣ прервали засѣданіе, знаменитое по своимъ послѣдствіямъ.

— Къ оружію! раздалось на улицѣ.

— Турки, Турки! кричали толпы, стоявшія у оконъ.

Смятеніе сдѣлалось общимъ. Тѣснясь и давя другъ друга, толпа высыпала на улицу. Члены Совета оцѣпѣли.

Когда зала опустѣла, консуль всталъ и подошелъ къ окну; за нимъ послѣдовали и прочіе члены. Сквозь цвѣтныя стекла ратуши увидѣли они Турецкій флотъ, стройно выдвигавшійся изъ-за юговосточнаго мыса. Корабли становились на якоряхъ.

XVII.

— Не медли, батюшка! Забирай что полегче, да и съ Богомъ! Спасай Бедроса, а обо мнѣ не думай!....

Старикъ плакалъ, и собирался въ дорогу. Ему горько было разставаться съ родною Кафою.

— Не торопи меня, сынъ! Быть-можетъ, Богъ умилосердится и благословитъ правое дѣло Кафы.

— Правое дѣло! Развѣ правда когда-нибудь заглядывала въ вертепъ разврата и беззаконій? Нѣтъ, батюшка: рука Божія на насъ, а не за насъ.

Старикъ не отвѣчалъ ни слова: онъ плакалъ и печально смотрѣлъ на сына.

— Развратъ Кафы переросъ не только тѣнь, но и са-

мыя башни наши. Слышишь ли, какъ бушуетъ народъ? Отечество для него не существуетъ: онъ трепещетъ за свои личныя выгоды. Такой народъ заслуживаетъ ли заступленія неба? Онъ самъ обрекаетъ на себя жертву.... Прощай, батюшка!

Опустивъ налечникъ шлема, Капрель хотѣлъ удалиться, но отецъ удержалъ его.

— Ты не просишь моего благословенія?....

— Батюшка! оно уже не поможетъ. Капрель его недостойнъ... Лучше помолись за твоего погибающаго сына!

— Такъ ты твердо рѣшился?....

Глубокій вздохъ былъ единственнымъ отвѣтомъ. Старикъ зарыдалъ.

— Не оплакивай меня, батюшка. Слезы твои прожгутъ мое сердце. Забудь меня; скажи себѣ: у меня нѣтъ и не было другаго сына, кромѣ Бедроса.... Прощай!

Капрель поспѣшно вышелъ изъ родительскаго дома.

Старый Астіанджи, въ отчаяніи, рыдая, цѣловалъ невиннаго Бедроса.

— Ты у меня одинъ остался! У меня нѣтъ болѣе никого, кромѣ тебя!....

И языкъ его онемѣлъ.

Поздно вечеромъ, Скварчіафико проходилъ мимо Іованесова дома. Въ окнахъ не видно было огня; двери стояли полуотворены, и одинокая собака, печально выла на опустѣломъ дворѣ.

— Старая лисица благовременно убралась изъ норы! съ досадою сказалъ совѣтникъ, заглянувъ на дворъ.

Старика уже тамъ не было.

Развалины вышгорода древней Кафы и донинѣ еще сохранились. Почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится карантинъ, былъ замокъ. Часть стѣнъ, ограждавшихъ городъ отъ непріятеля, получили новое назначеніе, ограждать отъ чумы. Эта часть до-

вольно высока, толста, обведена глубокимъ и широкимъ рвомъ, выдолбленнымъ въ каменной горѣ. Замокъ господствовалъ надъ городомъ и заливомъ: въ немъ находились арсеналъ и помѣщенія для гарнизона.

На стѣнѣ, возлѣ сѣверовосточной угольной башни, стоялъ Капрель съ Хаджи-Ибраимомъ. Оба они смотрѣли на заливъ, на Турецкій флотъ и на быстро возникающій лагерь на берегу моря.

Турки не безъ страха взирали на Кафу. Они видѣли множество сторожевыхъ воиновъ, мелькавшихъ по всему протяженію стѣнъ, между зубцами, и, боясь, засады или ночной вылазки, принимали дѣятельныя мѣры. Ахмедъ-Паша не осмѣливался выйти на берегъ.

— Что изъ этого будетъ? спросилъ Ибраимъ, указывая на Турокъ.

— Увидимъ послѣ! равнодушно отвѣчалъ ему Капрель.

Ибраимъ пожалъ плечами.

— Не доброе ты что-то затѣялъ. Но быть такъ! Мнѣ нечего опасаться; подумай о самомъ себѣ, о своихъ единовѣрцахъ.

— Что мнѣ до нихъ! съ живостью подхватилъ комендантъ: они.... Впрочемъ, неужели Турки хуже Генуэзцевъ?

Хаджи взглянулъ на него пристально.

— Ты такъ думаешь? Однако...

— Что, однако? по крайней мѣрѣ для меня все равно!

— Комендантъ! сказалъ подошедшій воинъ: сейчасъ привели переметчика, хотѣвшаго бѣжать къ Туркамъ.

— Въ тюрьму! отвѣчалъ Капрель, не обращая вниманія.

Воинъ хотѣлъ удалиться, но префектъ его остановилъ.

— А кто онъ таковъ?

Т. V. — Отд. I.

- Сейтакъ!
- Въ тюрьму его! повторилъ комендантъ.
- Воинъ удалился.
- Жаль бѣднаго! Консуль погубилъ его, сказалъ Хаджи-Ибраимъ.
- И Кафу! быстро подхватилъ Капрель.
- Мое почтеніе, Г. комендантъ! мое глубочайшее почтеніе, Г. префектъ! Добрый вечеръ, господа!
- А! Г. совѣтникъ! милости просимъ!..
- Капрель едва кивнулъ ему головою. Хаджи-Ибраимъ не удостоилъ совѣтника не только отвѣтомъ, но даже и взглядомъ. Обернувшись къ нему спиною, онъ простился съ Капреломъ, и сошелъ со стѣны.
- Скварчіафико какъ-будто ничего не замѣтилъ. Онъ привыкъ къ подобнымъ ласкамъ.

XVIII.

- Послушайте, Г. совѣтникъ! сказалъ Капрель по уходѣ Ибраима: вы какъ-то мнѣ говорили о воспитанницѣ у консула?
- Да-съ! имѣлъ честь докладывать.
- Армянка она?
- Точно такъ-съ!
- Ея имя Сусанна?
- Истинно такъ-съ! — »
- Могу ли знать, откуда почерпнули вы эти свѣдѣнія?
- Изъ источника глупостей: все это я узналъ отъ Сейтака.
- А онъ почему узналъ?
- Не умѣю доложить!
- Очень благодаренъ за извѣстіе: я давно желалъ васъ распросить объ этомъ, но все забывалъ.
- Позвольте и мнѣ имѣть честь, Г. комендантъ: что изъ этого будетъ? сказалъ совѣтникъ, значительно взглянувъ на Турецкій флотъ и на лагерь.

— Надѣюсь, что ничего! Что слышно въ городѣ?
 — По обыкновенію, Г. комендантъ, по обыкновенію: крикъ, шумъ, неустроство и тому подобное.

А у консула?

— Наоборотъ.

— Какъ наоборотъ?

— То есть, съ позволенія вашего, тихо, скромно и что-то черезъ чуръ таинственно. Стража обставлена кругомъ. Никого не принимаютъ. Но, судя по движенію людей на дворѣ, по тѣнямъ, мелькающимъ, на занавѣсахъ оконъ, можно смѣло заключить, что тамъ еще не дремлютъ.

Комендантъ призадумался.

— Точно ли это правда?

— Непреложная истина!

— Быть-можетъ консулъ хочетъ изумить свѣтъ и выйти въ поле? Не худо!

— Особенно для спасенія его души такое самоотверженіе будетъ преполозно. Только напрасно, кажется, совзгуется онъ съ старухой Фатиме.

— Какъ это?

— Да, я своими глазами видѣлъ, какъ она прошла во дворецъ, съ преогромнымъ узломъ и съ двумя старшими сыновьями Сейтака, несшими также по узлу.

— Право?

— Божусь вамъ! Что вы задумались, Г. комендантъ?

— Я думаю, что утро мудренѣе вечера. Вы тоже коего мнѣнія?

Скварчіафико, приближаясь къ Капрелу, схватилъ его за руку. Они долго разговаривали между собою и разстались истинными друзьями. Кафа! Кафа! Подлость и личное мщеніе дружески разсуждали о твоей участи. Судьба твоя свершилась!

Сопедъ со стѣны и входя въ комендантскіе покои, Капрель приказалъ тотчасъ позвать къ себѣ двухъ старшихъ лейтенантовъ.

— Господа! сказалъ онъ вошедшимъ: дошло до моего свѣдѣнія, что многіе, вопреки долгу и чести, хотятъ передаться къ непріятелю. Я приказываю вамъ строжайше наблюдать за всѣми городскими воротами и, не взирая ни на какое лицо, задерживать бѣгущихъ. Въ противномъ случаѣ, вы головами вашими будете отвѣчать городу и Республикѣ.

— Слушаемъ! отвѣчали лейтенанты, удаляясь.

— Еще одно слово, господа! Ежели префекту нужно будетъ посылать нарочныхъ въ округъ, то они должны представить вамъ отъ меня пропускную записку. Безъ записки, задерживайте всѣхъ, хотя бы былъ самъ консуль, берите и представляйте ко мнѣ въ ту же минуту.

Лейтенанты удалились. Капрель задумался, но не надолго. Онъ что-то вспомнилъ, и велѣлъ позвать тюремщика.

— Эммануиль! ты принялъ переметчика?

— Имѣлъ честь.

— Я хочу его видѣть! Проводи меня къ нему!

XIX.

Глубокая тма царствовала въ душномъ, сырomorphic погребѣ, служившемъ темницею для Сейтака. Онъ лежалъ, распростершись на полу. Сонъ впервые измѣнилъ ему; темныя, неопредѣленныя мысли впервые заронились въ его голову, и усугубили тяжесть его положенія. Не умѣя разсуждать, ни слагать своихъ мыслей, подобно тому животному, съ которымъ отталкивался онъ по закону однополярности, и которое также попадаетъ въ подобныя тѣсныя обстоятельства, хотя и съ лучшею цѣлью, онъ только машинально ворочался съ боку на бокъ, почесывался и зѣвалъ.

Стукъ отворившейся двери и внезапный блескъ фонаря привели его въ замѣшательство. Сгоряча ему вообразилось, что ударилъ уже послѣдній часъ его

жизни и что отверженный человечествомъ подмастерье парки приходитъ обрубить нить его жизни. Узнавъ въ предметъ своего страха неумолимаго къ нему Капрела, онъ потерялся еще сильнѣе, бросился ему въ ноги, и торопливо сказалъ:

— Пощадите, не погубите меня, Капрель-бей! Я во все не виноватъ; я вамъ все расскажу... —

— Эммануиль, ступай, спи, пока ты мнѣ не нуженъ, произнесъ Капрель, обращаясь къ тюремщику, который поставилъ на полъ фонарь, и вышелъ.

— Ну, что вы хотѣли мнѣ рассказать?

— Ахъ, Г. комендантъ, умилосердитесь, помилуйте меня! говорилъ Сейтакъ умоляющимъ голосомъ, стоя на колѣняхъ и въ раболѣпномъ трепетѣ цѣлуя полу его платья.

— Только-то? не знаете ли чего нибудь поважнѣе?

— Я-съ?.... ничего!....

— Безъ околичностей, Сейтакъ! говори прямо! Веревка на твою толстую шею давно свита. Одна правда можетъ спасти тебя.

Трепещущій отъ страха, Сейтакъ не въ силахъ былъ произнести ни одного слова.

— Что же ты молчишь на свою погибель?

— Пощадите меня, ради вашего Бога! Пощадите, меня, комендантъ-бей! Я ничего не знаю. Мать моя всему злу причина. Она обольстилась предложеніями консула, и похитила вашу розу.....

Капрель надвинулъ на глаза шапку, и, стоя неподвижно, слушалъ его.

— Да, благородный Капрель-бей! мать во всемъ виновата передъ вами. Она заслужила вашъ справедливый гнѣвъ. Молю васъ, пощадите меня: я совершенно невиненъ.

Презрѣніе отразилось въ раздраженныхъ очахъ коменданта, и онъ сказалъ, какъ-бы цѣдя сквозь зубы:

— Да! я пощажу тебя, Сейтакъ, если ты мнѣ все расскажешь.....

Сейтакъ радостно поцѣловалъ полу своего милости-ваго судьи, всталъ, и разгладилъ усы; глаза его ожились надеждою.

— Не знаю, когда и гдѣ въ первый разъ консуль увидѣлъ вашу Сусанну.

— Не называй ее моею; она уже не моя.

— Виновать! Глаза нечестиваго консула разгорѣлись на чужое добро. Онъ призвалъ мою мать, предложилъ ей постыдное дѣло, сулилъ большія милости, обѣщалъ, во что бы то ни стало, сдѣлать меня префектомъ..... Мать моя не устояла противъ такихъ искушеній, дала слово. Долго увивалась она около..... Наконецъ старанія ея все уладили: обманутая согласилась.... Мать моя хотѣла еще во время байрама увести ее къ консулу, но Графъ воспротивился. Онъ не хотѣлъ скорой гласности, выжидалъ вашего отсутствія. Ахъ, Капрель-бей! передъ отъездомъ вашимъ въ Старый-Крымъ Сусанна уже принадлежала вашему злодѣю, и видѣлась съ нимъ у моей матери! Она слезами обманывала васъ.....

— Молчи, довольно! громовымъ голосомъ возопилъ обиженный мужъ. Скажи лучше, счастлива ли она своимъ выборомъ?

— Счастлива?.. Развѣ бываетъ счастье шестнадцатилѣтней жень у пятидесяти-лѣтняго любовника? Она погибаетъ, она погибла... Мсти за нее, благородный Капрель-бей! Бѣдняжка, съ тоски зачахла, изсохла съ горя; послушали бы вы ея пѣсни?....

— Что же консуль? доволенъ ли онъ?.....

— Былъ доволенъ сначала... а нынѣ поутру, говорилъ моей матери, какъ сбить ее съ рукъ. Она ему надоѣла.

— Довольно! ты свободенъ. Возми фонарь и слѣдуй за мною.

Обрадованный Сейтакъ запрыгалъ въ глупомъ восторгѣ и цѣловалъ руки великодушнаго врага.

— Сколько дано консулу за твое префектство? до-рогою спросилъ Капрель.

— Ровно двѣ тысячи червонцевъ! со вздохомъ отвѣчалъ Сейтакъ.

XX.

Пушечный выстрѣлъ, раздавшійся въ Турецкомъ лагерѣ, возвѣстилъ восходъ солнца и последній день Кафы. Тяжелое, огромное ядро достигло своего назначенія. Оно ударило въ стѣну, потрясло ее, и безчисленные осколки камня лучеобразно брызгнули во всѣ стороны.

Страхъ, наводимый дѣйствиємъ пушекъ, еще рѣдкимъ въ тѣ времена, опуталъ умы, оковалъ руки жителей Кафы. Въ малодушномъ изступленіи Генуэзцы, проповѣдуя о наступающей кончинѣ вѣка, бросали оружіе; Татары почти и не брались за него; Армяне, глядя на тѣхъ и на другихъ, также оставляли стѣны города, и расходились по домамъ.

Часу въ третьемъ по восхожденіи солнца, послѣ многократныхъ, усиленныхъ выстрѣловъ, Турецкій флотъ примкнулъ ближе къ городу. Турки, видя нерешительность осаждаемыхъ, смѣло вышпали на берегъ. Десяти-тысячный Янычарскій отрядъ сталъ на Карасу-базарской дорогѣ, выстроилъ свои длинныя пушки, и началъ сбивать главные ворота города. Безчисленное множество конныхъ Арабовъ, разсыпавшись по Курбашу, ристали подъ самыми стѣнами, тщетно вызывая смѣльчаковъ на единоборство: ихъ не было въ Кафѣ.

Въ это время, на стѣнѣ замка, собрались почти всѣ важнѣйшіе сановники и граждане. Съ содроганіємъ взирали они на сокрушителей Византіи, громившихъ ихъ укрѣпленія, но никто не думалъ о противодѣйствіи, о патрістическомъ самоотверженіи. Они были богаты, и въ богатствахъ искали средства къ сохраненію личной своей безопасности, — жалкая защита,

достойная только обществъ, зарытыхъ въ роскоши.

Комендантъ, префектъ и совѣтникъ Скварчіафико, отдѣлясь отъ прочихъ, съ жаромъ совѣтовались между собою. Капрель былъ пасмуренъ, Ибраимъ явно раздраженъ и недоволенъ; Скварчіафико, по обыкновенію, вкрадчивъ, озабоченъ, наблюдателенъ и словоохотливъ. Всѣ они были того мнѣнія, что городъ не можетъ сопротивляться Турецкой силѣ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ открыть другому, что думаетъ дѣлать.

— Посмотрите! что это чернѣетъ на водѣ? вдругъ воскликнулъ совѣтникъ, указывая на огромный баркасъ, шедшій подъ бѣлымъ флагомъ прямо къ замку.

Всѣ взоры устремились на баркасъ. По остроконечной, высокой шпикѣ, по красному плащу и богатому вооруженію, нельзя было не узнать Янычарскаго Аги. Почти рядомъ съ нимъ сидѣлъ толстый Эминекъ, нѣсколько похудѣвшій. Увидѣвъ его, многіе натянули луки и устали свои неуклюжія пищали; но руки малодушныхъ измѣнили первому порыву сердца. Баркасъ благополучно присталъ къ берегу.

Янычарскій Ага, исчисляя всѣ титулы своего Падшаха, нелѣпые даже для Турокъ, потребовалъ безусловной сдачи города. Онъ обѣщаль помилованіе именемъ Ахмеда-паши.

И въ это мгновеніе, чья то рука придвинула фитиль къ запалу пищали. Выстрѣлъ загрохоталъ, пуля сбילה колпакъ съ испуганнаго Аги и раздробила голову Эминеку. Все пришло въ смятеніе.

— Негодян! закричали Турки: кто смѣлъ поругать бѣлый флагъ?

— Я! твердо отвѣчалъ престарѣлый Ріалетто, держа въ рукъ еще дымившуюся пищаль и пламенѣвшій фитиль. Не оскорбися неловкостью старика, Ага! Руки у меня дряхлыя, но пуля нашла виноватаго: я убилъ подмеса!

Турки и горожане съ недоумѣніемъ взирали, то на тренетавшій трупъ Эминька, то на непоколебимаго его убійцу. Но Ага тотчасъ образумился; раненымъ колпакомъ прикрылъ онъ свою бритую голову, и потребовалъ немедленно выдачи наглеца, угрожая разорить Кафу до основанія. Граждане колебались. Наконецъ послѣдній отблескъ народной гордости отразился въ ихъ душахъ.

— Мы наказали нашего злодѣя! воскликнулъ одинъ изъ военачальниковъ, положивъ руку на мечъ: мы убили Эминька, и никому не обязаны отчетомъ! У благороднаго Аги просимъ извиненія за неумышленное оскорбленіе; въ противномъ случаѣ, мы на все готовы.

Ага не ожидалъ подобнаго отвѣта. Глаза у него за сверкали какъ у тигра.

— Вы мнѣ выдадите его! заревѣлъ онъ, скрежеща отъ ярости. Я возьму его, во что бы то ни стало. Но горе вамъ!...

Быстро отчаливъ отъ берега, онъ оставилъ на пескѣ, у самой стѣны, трупъ Эминька, который волна вслѣдъ за нимъ увлекла въ глубину; другая волна прибѣжала смыть кровь измѣнника съ отечественной почвы.

Астіанджи объявилъ, что нужно тотчасъ собрать ратушу и пригласить туда консула. Ибраимъ, опершись на зубецъ стѣны, пристально смотрѣлъ на волновавшееся море, и, казалось, отыскивалъ въ его пучинахъ могилу Эминька. Потомъ, вдругъ приподнявъ голову, и посмотрѣлъ въ глаза задумчивому Ріалетто.

— Вы погивли! глухо произнесъ онъ.

— Я знаю мой жребій, отвѣчалъ пылкій старецъ.

— Спасайтесь! живо присовокупилъ Капрель.

— Для чего мнѣ спасаться? Вы могли бы спасти и меня и Кафу, но.... Богъ вамъ судья!

Капрель потушилъ взоры.

— Г. Астіанджи, спасете ли вы городъ?

— Богъ намъ судья!

— Проклятіе на день и часъ вашего рожденья! Вы предаете Кафу!

— Аминь! проворчалъ Капрель, и сошелъ со стѣны.

— Г. префектъ, вы будете свидѣтельствовать на коменданта!

— Я ѣмъ хлѣбъ отца его, грубо отвѣчалъ Ибраимъ, и сошелъ со стѣны.

Ріалетто повѣсилъ голову на грудь, и вѣтеръ заигралъ въ его серебряныхъ локонахъ.

XXI.

Площадь передъ ратушей кипѣла народомъ; буйныя клики сливались въ протяжный гулъ; нетерпѣніе видѣть и слышать конечное рѣшеніе своей участи равнялось только страху осажденныхъ. Всѣ отчаянно лѣзли на крыльцо. Въ самой ратушѣ уже негдѣ было помѣститься; чернь овладѣла окнами, карнизами колоннъ, всѣмъ, гдѣ только могла держаться нога человѣческая. Стражи не было при дверяхъ Совѣта. Члены сидѣли около стола, но многія мѣста были незаняты: въ томъ числѣ консульское и комендантское.

Ріалетто, какъ осужденный, стоялъ у консульскихъ креселъ, впереди вождей. Видъ неустрашимаго старца, его великодушное спокойствіе и твердость воли, изумляли волновавшуюся толпу, приводили многихъ въ благоговѣніе, тогда какъ другіе, страшась за слѣдствія его поступка, негодовали на своего мстителя. Ропотъ усиливался по мѣрѣ отдаленія отъ стола. Народъ видимо не довѣрялъ малодушному совѣту и, внутренно ненавидя Генуэзское владычество, казалось, въ тайнѣ желалъ переменъ. Замѣчательно, что, кромѣ военачальниковъ, почти всѣ были безъ оружія, несмотря на то, что пушечныя выстрѣлы примѣтно

учащались, что стекла ратуши дребезжали при каждомъ выстрѣлѣ.

— Гдѣ же консулъ? съ неудовольствіемъ восклицали многіе.

Консула! Гдѣ консулъ? Давайте его сюда! Онъ накликалъ на насъ бѣду! Давайте консула! вопіяли тысячи головъ внутри и внѣ ратуши. Вышедшая изъ предѣловъ чернь свирѣпѣла какъ осеннее море.

Посреди крика и шума, въ залъ собранія показался Скварчіафико. Онъ торопливо подошелъ къ столу, и объявилъ, что консулъ ушелъ изъ города.

— Я это предвидѣлъ! воскликнулъ Ріалетто, сдѣлавъ горестное движеніе.

Совѣтъ опустилъ руки; предстоящіе были поражены, какъ громомъ; военачальники измѣнились въ лицѣ. Одинъ Скварчіафико казался спокойнымъ,

— Гдѣ же комендантъ? воскликнули нѣкоторые члены.

— Изволить прогуливаться по стѣнѣ замка, сухо отвѣчалъ совѣтникъ.

— И любитъся на Турокъ! подхватилъ Ріалетто.

— Мы погибли! Мы погибли! вскричали всѣ въ отчаяніи.

Скварчіафико, какъ-будто обиженный замѣчаніемъ Ріалетто, возвысилъ голосъ и принялся жарко защищать Капрела. Онъ утверждалъ, что комендантъ истощилъ всѣ средства защиты, что онъ вѣренъ своему долгу, и что во всякомъ другомъ случаѣ рука его спасла бы Кафу, но въ настоящемъ одинъ только Богъ и благоразуміе могутъ исторгнуть ее изъ гибели. Онъ краснорѣчиво изобразилъ слабость города и превосмогающія силы непріятеля, кротость и великодушіе Ахмеда-Паши, опасность, угрожающую всему народонаселенію за измѣнническое убійство Эминека, котораго особа была неприкосновенна подъ мирнымъ флагомъ, наконецъ надежду, которую

питаетъ онъ, Скварчіафико, на заключеніе выгодныхъ условій съ осаждающими, если городъ не станетъ раздражать ихъ бесполезнымъ упорствомъ. Онъ отвѣчалъ своей головою, что, если дѣло будетъ предоставлено ему и коменданту, они исходатайствуютъ у Турецкаго вождя безопасность лицъ и имѣнія всѣхъ гражданъ; что впрочемъ занятіе Кафы будетъ только временное, и что Республика не замедлитъ или освободить ее силою, или возвратитъ къ прежнему быту вслѣдствіе трактата.

И пушечный выстрѣлъ, громкій и протяжный, соединившійся съ грохотомъ упавшей башни, поколебавъ своды ратуши какъ-бы нарочно для того, чтобъ споспѣшествовать торжеству коварнаго оратора, заключилъ предательскую рѣчь его. Онъ остановился и, довольный впечатлѣніемъ, ожидалъ рѣшенія Совѣта и народа.

— Быть миру! было почти единодушнымъ приговоромъ испуганнаго собранія.

— Сдаться! сдаться скорѣе!

— Миръ лучше смерти!

— Еще не ложимся въ землю!

— И скоро уляжетесь! вскричалъ Ріалетто въ цѣлу негодованія, и вышелъ изъ совѣта.

Народъ и члены не обратили вниманія на его пророческія слова. Черезъ часъ видѣли безстрашнаго старца уже за городскими стѣнами: онъ уѣхалъ въ Салдай, и спустя годъ, умеръ тамъ вождельною, славною смертью, подъ мечами Турокъ.

Скварчіафико на сей разъ сіялъ всѣмъ блескомъ и владычествовалъ надъумами. Онъ такъ умѣлъ все уладить, что его же, съ восемью товарищами, отправили съ мирными предложеніями къ Ахмету-Пашѣ.

Собраніе разошлось, въ полной надеждѣ на успѣхъ предначертанныхъ условій сдачи.

XXII.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ?
Озеровъ.

Скварчіафико съ товарищами, избранными имъ самими большею частію изъ Армянъ, прямо изъ ратуши отправился въ замокъ.

Комендантъ принялъ ихъ на стѣнѣ. Онъ, какъ и прежде, беззаботно смотрѣлъ на работы непріятелей, невозбранно разорявшихъ Кафу. Съверо-восточная башня была уже до половины сбита. Засыпавъ ровъ, обломки ея открывали вождельвнную дорогу непріятелю. Граждане, съ возрастающимъ ужасомъ, изъ-за угловъ смотрѣли на проломъ.

Скварчіафико съ гадкою улыбкою протянулъ руку къ Капрелу.

- Все по-нашему, Г. комендантъ!
- Старайтесь только продлить переговоры до завтра.
- Постараемся. Ну, что: гдѣ онъ?
- Въ безопасномъ мѣств. Спѣшите! До свиданія!

XXIII.

Проводивъ глазами Кафское посольство въ непріятельскій лагерь, комендантъ сошелъ со стѣны.

— Будьте осторожны, господа! мимоходомъ сказалъ онъ двумъ лейтенантамъ: наблюдайте за движеніями непріятеля, и не впускайте никого въ замокъ. Я займусь дѣлами. Прикажете послать ко мнѣ Эммануиля.

Тюремщикъ догналъ его на дворѣ.

- Все ли готово? поспѣшно спросилъ его Капрель.
- Все, отвѣчалъ Эммануиль.
- Кто рабочіе?
- Четыре Армянина и два Анатольца: всѣ преданы вамъ душою и тѣломъ.
- Благодарю; я не забуду тебя, Эммануиль!... пора кончить проклятое дѣло!

Эммануиль вздрогнулъ. Печально взглянулъ онъ на Капрела.

— Ради спасенія души вашей, лучше не кончайте!

— Молчи, старикъ! Я знаю что мнѣ дѣлать.

— «Любите враги ваши»...

— Знаю, знаю! Молчи!

— Я молчу. Но совѣсть...

— Задави ее. Вотъ золото!

Тюремщикъ угрюмо поглядѣлъ на коменданта, и дрожащею рукою принялъ безчестный подарокъ.

Они вошли въ маленькую угольную башню, обращенную къ морю, и тщательно затворили за собою дверь. Эммануиль засвѣтилъ фонарь и пошелъ впереди, освѣщая дорогу.

Прошедши довольно длинный, подземный корридоръ, Эммануиль остановился, указавъ на низенькую, дверь окованную желѣзомъ.

— Вотъ его комната! въ полголоса сказалъ онъ, преодолевая тайный страхъ.

Неподалеку отъ двери сидѣло челоуѣкъ съ шесть угрюмыхъ Азіятцевъ, съ заступами въ рукахъ. Они почтительно привстали и поклонились угрюмому коменданту.

— Подожди меня здѣсь; я хочу наединѣ поговорить съ нимъ! шепнулъ онъ тюремщику и взялъ у него фонарь.

Дверь со скрипомъ отворилась; комендантъ вошелъ одинъ. Мутный свѣтъ фонаря таинственно озарилъ подземную комнату. Въ ней, на связкѣ соломы, лежалъ блѣдный, какъ полотно, консуль. Лѣвая рука его, перевязанная платкомъ около ручной кисти, лежала на землѣ. Локоны въ безпорядкѣ вились по его сморщенному челу; взоры были унылы. Легкая и щеголеватая одежда не защищала его отъ холодной сырости: онъ дрожалъ; ногти на рукахъ его посинѣли. Напротивъ двери, на карнизѣ стояла угасшая лампа, единственная мебель тѣсной темницы графа.

Молодой Астіанджи, молча, подошелъ къ нему, наклонился, освѣтилъ его лице, и съ дикою радостью, съ ядовитою усмѣшкой, заглянулъ въ мертвѣющія очи графа... Глаза, уже свѣкшіеся со тмою, не вынесли яркаго свѣта, — закрылись, и глухой стонъ раздался въ подземельѣ.

— Графъ Бокка-Неро! хорошо ли вамъ здѣсь?..

Графъ содрогнулся и силился открыть глаза.

— Синьоръ Астіанджи?...

— Я. Я къ вашимъ услугамъ, Г. консулъ!

Графъ сдѣлалъ усиліе и приподнялъ голову, всматриваясь въ лице изступленнаго Астіанджи.

Какія вѣсти вы мнѣ принесли? медленно проговорилъ онъ.

— Я принесъ вамъ единодушный приговоръ Кафы: за предательскій побѣгъ вашъ, вы осуждены на вѣчное заключеніе.

Консулъ испустилъ бользенный вздохъ, затрепеталъ и какъ мертвый упалъ на солому; холодный потъ выступилъ на его чель.

— Я осужденъ! воскликнулъ онъ съ величайшимъ напряженіемъ.

Отчаяніе отразилось во всѣхъ его чертахъ.

— Это верхъ беззаконія Кафы! присовокупилъ онъ съ гнѣвомъ.

— Кафа воспользовалась вашими уроками! возразилъ Капрель.

— Моими уроками?

— Да, твоими уроками. Ты не умѣлъ уважать, ты попиралъ наши права, всѣ святѣйшія права человечества — и Кафа тебя отвергаетъ...

— Астіанджи! отчаянно воскликнулъ консулъ.

— Да, я Астіанджи!

— Синьоръ Астіанджи, спасите меня!

Ожесточенный Капрель самодовольно взиралъ на отчаяніе консула. Съ звѣрскимъ наслажденіемъ ло-

вилъ онъ каждый взоръ, преслѣдовалъ онъ каждое движеніе несчастнаго узника. Состраданіе чуждалось души его, обуреваемой неистовствомъ мщенія. Онъ пристально глядѣлъ на свою жертву; потомъ взялъ холодную руку консула, и судорожно пожалъ ее.

— Я люблю быть великодушнымъ, графъ! Я забываю прошедшее... забываю все!

Искра жизни, возженная надеждою, блеснула въ очахъ графа. Онъ снова приподнялъ голову, снова открылъ глаза, и радостная слеза скатилась на блѣдныя щеки.

— О, спасите, спасите меня, благородный Астіанджи! воскликнулъ онъ, схвативъ руку своего мстителя.

— Не спѣшите, Графъ! отвѣчалъ онъ. Пока, я ничего не въ состояніи сдѣлать: за мною наблюдаютъ.

— Не можете? уныло воскликнулъ консулъ.

— Да! я не могу спасти васъ, теперь не могу; но я могу облегчить вашу участь.

— О, поспѣшите! Я задыхаюсь, я съ каждымъ мгновеніемъ изнемогаю въ этомъ душномъ погребѣ...

— Многія особы осуждены, подобно вамъ, на вѣчное заточеніе; хотите ли до-времени, раздѣлить его съ нами? Заточеніе ваше едва ли будетъ продолжительно: Кафа сдается.

— Боже праведный! Но быть такъ: ведите меня къ другимъ...

— Слѣдуйте за мною.

Графъ приподнялся, хотѣлъ стать на ноги, но силы ему измѣнили. Комендантъ позвалъ Эммануила и двухъ Армянъ. Они почти на рукахъ вынесли графа. Воздухъ, менѣе испорченный, нѣсколько оживилъ его. Поддерживаемый двумя сильными спутниками, онъ съ трудомъ передвигалъ ноги.

XXIV.

— Куда вы меня ведете? спрашивалъ несчастный

узникъ, недоувѣрчиво поглядывая то на своихъ проводниковъ, то на почернѣвшія стѣны подземнаго корридора.

Капрелъ какъ-бы не слыхалъ его вопросовъ.

Шествіе его уподоблялось ночному погребенію. Впередѣ шелъ тюремщикъ, съ ключами и фонаремъ. Подавляемый сыростью и густотою воздуха, свѣтъ фонаря разливался блѣднымъ мерцаніемъ подъ безотвѣтнымъ и иррациональнымъ сводомъ. Подземный гулъ глухо отвѣчалъ на шаги. За тюремщикомъ два рослые клѣврата ввели консула, походившаго болѣе на мертвеца, нежели на живаго. Голова его, нѣкогда возвышенная и гордая, печально опускалась на грудь; лице было обезображено страхомъ; растрепанные волосы, глубокія морщины и дрожащія, посинѣлыя уста придавали ему страшный видъ. Онъ стоналъ и задыхался на каждомъ шагу. Нахмуривъ брови и закусивъ губы, злобный, безотвѣтный Астіанджи, слѣдовалъ за нимъ въ безмолвіи. Шествіе заключалось четырьмя работниками: они были вооружены заступами.

На каждомъ шагу болѣе и болѣе дыханіе несчастнаго затруднялось. Онъ жаловался: ему не отвѣчали. Онъ хотѣлъ отдохнуть: его тащили. Наконецъ, спустившись, они дошли до конца подземелья. Тюремщикъ поставилъ фонарь на землю, и сталъ выбирать ключъ.

Графъ бросилъ взоръ на окружавшіе предметы. Куча мусору лежала передъ нимъ; влѣво былъ узкій поворотъ; возлѣ коего находился плитный камень и растворенная глина. Изъ глубины поворота слышалось во времена стenanіе, выходившее изъ подъ земли. Графъ ужаснулся.

— Куда вы меня привели? спросилъ онъ, боязливо поглядывая на необыкновенныя приготовленія, на людей съ заступами, на мрачнаго Капрела.

— Къ вашимъ друзьямъ! сурово отвѣчалъ послѣдній. Вы ихъ сейчасъ увидите.....

Тюремщикъ, выбравъ ключъ, вступилъ въ тѣсный корридоръ. Всѣ двинулись за нимъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, шествіе снова остановилось. Тюремщикъ, наклонившись, началъ отпирать замокъ двери, лежавшей на землѣ.

— Теплая и покойная комната назначена къ вашимъ услугамъ, сказалъ Капрель консулу, страшно улыбаясь. Къ тому жъ и пріятное общество. Милости просимъ на веселый циръ!

Ноги подломились у Графа. Онъ совершенно изнемогъ; его снесли на рукахъ по крутой лѣстницѣ. На днѣ погребѣ увидѣлъ онъ двухъ женщинъ. Одна изъ нихъ, старая, дряхлая, безобразная, сидѣла на землѣ и въ отчаяніи ломала руки; кровь со слезами струилась по исцарапаннымъ щекамъ; длинныя, сѣдые волосы въ беспорядкѣ упали по плечамъ; изорванная одежда едва прикрывала желтое, морщиноватое тѣло; взоры ея были неистовы. Старуха вопила безъ умолка, проклиная міръ, себя и своихъ дѣтей. Другая женщина лежала у ногъ ея, лицомъ къ землѣ: движенія ея были тихи, стоны едва слышны.

— Фатиме! воскликнулъ трепещущій консулъ.

Женщина, лежавшая на землѣ, какъ-бы пробужденная его голосомъ, приподняла голову. Она открыла блѣдное, помятое скорбію, но все-еще прекрасное лице и большіе, черные глаза, увидѣла графа, и зарыдала.

— Зажгите факелы! изступленно закричалъ Капрель. Освѣтите, освѣтите радостную картину! Пусть нарадуется душа моя!

Три факела мгновенно запылали. Кровавый свѣтъ озарилъ обитель ужаса, вертепъ адскаго мщенія. Стада сороконожекъ, испуганныхъ свѣтомъ огня, извиваясь по сырой стѣнѣ, спѣшили въ глубокія щели;

многія изъ нихъ перебѣгали по головѣ молодой женщины, по графу, по рукамъ старой Фатиме, и прятались подъ ихъ платьемъ. Несчастные даже не принимали ядовитыхъ гадовъ.

Въ сильныхъ корчахъ молодая женщина вдругъ обернулась на бокъ, лицомъ прямо къ графу и Капрелу. Губы и щеки ея посинѣли; выпученные глаза сверкали тусклымъ блескомъ, какъ глаза утопленника, и только судорожныя движенія изрѣдка оживляли помертвѣлое ея лице.

— Исполить! воскликнула она, и покатила къ ногамъ его безъ чувствъ.

Капрель смотрѣлъ на нее съ остервенѣніемъ, какъ отверженный Каинъ на первый человѣческій трупъ. Онъ явственно наслаждался ея муками, и не говорилъ ни слова.

Оцѣпенѣвшій Графъ безчувственно сидѣлъ на землѣ, и не сводилъ глазъ съ Сусанны.

— Астіанджи! тяжело простеналъ онъ: Богъ разсудитъ наше дѣло!

— Да! неистово возразилъ Капрель: Богъ и разсудилъ насъ! Ты отнялъ у меня мое счастье; завистливый, ты разрушилъ мое блаженство, возставилъ меня противъ отечества, отторгъ отъ меня единственное сокровище: владѣй имъ на-вѣки! Пускай проклятіе челоуѣчества падеть на мою голову: я отомстил!

Онъ бросился къ дверямъ. Фатиме, не принимавшая ни какой пищи цѣлыя сутки, съ голоду закричала удаляющимся: — хлѣба! Бога ради, пришлите кусокъ хлѣба!.....

— Хлѣба вамъ? произнесъ Капрель, пѣнясь отъ ярости и оборотившись къ нимъ на лѣстницѣ. Хлѣба вамъ?..... Пожирайте другъ друга.

И съ этими словами онъ выскочилъ изъ погребѣ.

— Закидывайте щепнемъ! Закидывайте дверь скорѣе! вскричалъ онъ рабочимъ.

Эммануэль, блѣдный и дрожащій, стоялъ въ углу корридора: онъ читалъ молитву.

При свѣтѣ факеловъ и подъ надзоромъ страшнаго коменданта, люди работали съ удивительною поспѣшностью: они погребали живыхъ. Большіе куски камня, съ грохотомъ упавая на желѣзную дверь, стукомъ своимъ заглушали вопли Фатиме и стenanія графа. Мало-по-малу стоны совершенно потерялись для робкаго слуха тюремщика и рабочихъ, и для ненасытнаго, безчеловѣчнаго Астіанджи.

Приготовленные адскою предусмотрительностію камни и глина, пошли въ дѣло. Въ нѣсколько минутъ возникшая стѣна, заградивъ самый проходъ, увѣковѣчила тайну Капрелова злодѣянія. Оскорбленный мужъ приказалъ еще затерѣть ее землю, чтобы она ничѣмъ не отличалась отъ остальной стѣны.

— «И сотвори о нихъ вѣчную память!» набожно перекрестясь, произнесъ старый Эммануэль, когда Капрель приказалъ ему вывести себя изъ корридора.

На другой день жители Кафы сложили оружіе въ ратушѣ. Ахмедъ-Паша вступилъ въ городъ, и, безъ малѣйшаго прекословія со стороны коменданта, занялъ замокъ.

Скоро познала Кафа въроломство совѣтника Скварчіафико и его товарищей: но уже было поздно. Иго Турецкаго владычества, принятое ими навсегда и безусловно, подавило древнюю Кафу.

=

Они обломками покрыты;
 Во тмѣ вѣковъ погребены! —
 Ихъ гробы — алчностью разрыты,
 Ихъ кости — зноемъ сожжены!....

Въ 1828 году, при копаніи фундамента для одного дома, неподалеку отъ карантинной конторы, въ Теодосіи, найденъ былъ сводъ.

Любопытство и надежда найти кладъ заставили открьть его. Народъ всѣхъ состояній собрался около ямы и съ нетерпѣніемъ ожидалъ: что найдутъ!

Когда выкинули муссоръ и обломки свода, въ погребъ, имѣвшемъ въ основаніи не болѣе одной квадратной сажени, что-то забѣльлось. Толпа удвоила вниманіе, и вотъ работники выкидываютъ сперва одинъ человѣческій черепъ, потомъ другой, третій, — и такъ далѣе. Выкинули ихъ девять; больше ничего не нашли.

Обманутые несбывшеюся надеждою зрители начали расходиться. Остались только образованнѣйшіе, и потому болѣе пытливые, и долго еще ломали головы надъ найденными черепами: никто не разгадалъ, кому они принадлежали, и какимъ случаемъ попали туда безъ остововъ? Когда и тѣ хотѣли уже удалиться, подошелъ престарѣлый Татаринъ, и, узнавъ, въ чемъ состоитъ дѣло, призадумался.

Онъ сталъ соображать мѣстоположеніе: наконецъ воскликнулъ:

— Мы стоимъ на мѣстѣ древняго Франкъ-Азури, сказалъ онъ: тутъ жилъ, по завоеваніи города, блаженной памяти Ахметъ-Паша. По этому очень легко угадать, кому принадлежать кости.

Возбуждивъ такимъ вступленіемъ общее любопытство, старикъ на минуту остановился, перевелъ дыханіе, и продолжалъ:

У моего дѣда была старинная рукопись, сочиненная однимъ мудрымъ муллою черезъ годъ послѣ паденія Кафы. Я нѣсколько разъ читалъ ее: не мечемъ, а измѣною достался нашъ городъ Туркамъ. Достойный памяти Ахметъ-Паша не любилъ однако жъ покатать измѣнникамъ. Примѣрно наказалъ онъ вѣроломное посольство, сдавшее городъ, и вмѣстѣ съ нимъ наказалъ коменданта, сдавшаго ему замокъ. Онъ сдѣлалъ имъ ширь въ Франкъ-Азури; роскошно уго-

стилъ ихъ, богато одарилъ, и по окончаніи пиршества, приказалъ имъ поодиночкѣ сходить съ лестницы. Измѣнники принуждены были повиноваться: первый сошелъ душегубецъ Капрель Астіанджи, комендантъ замка, и положилъ свою голову къ ногамъ ожидавшаго внизу палача. За нимъ шли, по старшинству, члены посольства, и вкусили ту же участь. Это ихъ головы! Трупы ихъ были преданы на поруганіе черни, а богатства поступили въ казну Паши.

— Какъ? возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ: не можетъ быть! По твоему было десять, а здѣсь только девять череповъ.....

Татаринъ усмѣхнулся.

— Советникъ Скварчіафико, сказалъ онъ, главнѣйшій изъ предателей, хотѣлъ было ускользнуть изъ рукъ Ахмеда-Паши, но Аллахъ Всевышній не судилъ ему радоваться гибели города. Онъ условился съ Пашею, чтобы его, по сдачѣ города, со всѣмъ имуществомъ безопасно отослалъ въ Стамбуль. Ахметъ-Паша далъ слово, и свято сдержалъ оное. Скварчіафико всенародно казнень въ Стамбуль, и сокровищами, пріобрѣтенными отъ взятокъ и отъ измѣны, обогатилъ Капыджи-башу.»

Слова стараго Татарина оправдала Исторія: какъ дѣйствовали, такъ и погибли измѣнники.

Я видѣлъ эти черепы, слышалъ разсказъ старика, и узналъ отъ него обо всѣхъ подробностяхъ событія, оставшихся въ его памяти изъ повѣсти Кафскаго летописца. Я тщетно усиливался открыть, который именно изъ найденныхъ череповъ, принадлежалъ мстительному Капрелу Астіанджи: всѣ они, какъ Негры для Европейца, казались мнѣ на одно лице.

А. ШИДЛОВСКИЙ.

ВОСПОМИНАНІЯ О СІРІИ.

=

II.

ПРЕСТУПНЫЕ ЛЮБОВНИКИ.

=

Очаровательное утро! ужасное утро!

Я увидѣлъ, въ одно и то же время, Природу въ самой великолѣпной красѣ и человѣка въ самомъ отвратительномъ видѣ.

Я ѣхалъ изъ Джезира въ Дейръ-эль-камаръ. Всю ночь пробирались мы узкими тропинками по краямъ пропастей, заваленныхъ мракомъ, въ глубинѣ котораго гремѣло глухое эхо потоковъ. Надъ головою стояли всюду черныя массы гранита, которымъ ночь придавала размѣръ необъятности. Темный, мглистый занавѣсъ былъ закинутъ черезъ ихъ вершины, и плотно закрывалъ обломокъ неба, оправленный ихъ рамою, не оставляя скважины ни для одной звѣзды. Страхъ и смѣлость бесполезны въ подобномъ положеніи: воображеніе легко представляетъ себѣ опасности, которыми долженъ быть окруженъ каждый нашъ шагъ, когда путешественникъ уподобляется мухѣ, ползущей по отвѣсной стѣнѣ; но глазъ не участвуетъ въ ихъ изысканіи, и потому ихъ присутствіе можно сравнить съ грезами страшнаго сна. Надобно безусловно положиться на опытность своего мула: тутъ человѣкъ перестаетъ быть собою и вполне сродняется со скотиною, которая несетъ его на своей спинѣ; онъ уступаетъ ей свою мысль и волю, и почти черезъ нее толь-

ко и чувствовать. Не смѣя сдѣлать ни какого движенія, ни управлять ею, онъ безсиленъ, онъ совершенно въ ея распоряженіи. О мулы! о ослы! если бъ вы знали, какъ человекъ унижается тогда передъ вами! Мудрый и благородный Платонъ готовъ быть безстыднѣйшимъ льстецомъ своего осла, чтобъ только осель благоволилъ осторожно спуститься съ нимъ съ крутизны, подлѣ которой лежитъ бездна. Но когда вынесешь великаго мужа на равнину, берегись, Платановъ осель, плети благороднаго философа! По минованіи опасности, ты почувствуешь все превосходство ума нашего передъ твоимъ, и узнаешь наши понятія о благодарности.

День начиналъ свѣтать на вершинахъ. Мы выѣхали на лучшую дорогу: она вилась по уступамъ Эль-Мухаджджара, одной изъ высочайшихъ горъ Кесревана. Я ѣхалъ впереди; за мною тащился лошакъ съ вещами; мой проводникъ, Друзъ, верхомъ на ослѣ, заключалъ шествіе. Мы поднимались все выше и выше. Эта гора казалась мнѣ безконечною, и терпѣніе мое томилось тѣмъ пуше, что всякой разъ, какъ мы приближались къ ея концу, новый оврагъ или новый утесъ заставляли насъ дѣлать большой объѣздъ по опасной ея груди. Наконецъ, мы ее обогнули. На самомъ поворотѣ удивительное зрѣлище раскрылось передо мною съ волшебствомъ театральной перемѣны. До того времени, карабкаясь по сѣверо-западному боку Эль-Мухаджджара, я и не подозрѣвалъ, что утро уже было въ полномъ блескѣ на противоположной отлогости. Достигнувъ южнаго угла горы, я вдругъ увидѣлъ — съ одной стороны солнце, пышно восходящее изъ-за отдаленныхъ вершинъ, съ широкими, глубоко разрѣзанными лучами, — съ другой, Средиземное Море, похожее на скатерть изъ розовой тафты, разостланную на необъемлемомъ пространствѣ,

и слегка переливающую мягкія волны шелковистаго лоска. Надъ горами, надо мною, надъ моремъ, воздухъ чистъ и прозраченъ, какъ ключевая вода. Хрустальная сквозность всего небеснаго свода, постепенно тѣряющаго голубой цвѣтъ свой и покрывающагося дневною близною, чаровала взоры. И въ этомъ огромномъ полушаріи чистаго ээира, вдали, надъ небольшою областью моря, плавала черная, продолговатая туча, похожая на пластъ густаго дыма, оставленнаго въ воздухъ пароходомъ по закрытіи трубы. Она бросала глубокую тѣнь на воду, лежащую подъ нею, рисуя на розовой ея поверхности свою излучистую фигуру въ видѣ большаго чернильнаго пятна. Кто видѣлъ въ телескопъ на золотомъ щитѣ солнца черное какъ смоля пятно, представляющее иногда подобіе огромнаго паука, тотъ легко начертаетъ себѣ въ мысли образъ этой тучи, отраженной на лицѣ моря, тихомъ и нарумяненномъ юнымъ цвѣтомъ утра. Я не успѣлъ насладиться этою чудесною картиною, какъ она вдругъ перемѣнилась. Море потемнѣло, и облака, составляющія тучу, начали передвигаться, не расторгая однако жъ ея состава. Видно было, что вѣтеръ поднялся на морѣ, хотя вокругъ насъ, въ горахъ, господствовала совершенная тишь. Мы находились точно на высотѣ тучи, такъ, что глазъ мой сверху обозрѣвалъ ея хребетъ, — снизу свободно проникалъ въ промежутокъ воздуха, отдѣляющій ее отъ морской площади. Судя по кажущейся малости этого промежутка и по рѣзкимъ очертаніямъ облаковъ, можно полагать, что скопище ихъ въ атмосферѣ было удалено отъ нашего глаза по-крайней-мѣрѣ верстъ на двадцать. Скоро начали мелькать въ нихъ молніи. Онѣ вспыхивали въ одно время снизу и сверху облачнаго пласта, не потрясая нашего слуха ни малѣйшимъ отголоскомъ электрическаго треска. Вдругъ зазвѣлся яркій громовой ударъ въ промежуткѣ ме-

жду тучею и моремъ, быстро наполнившимся темно-тою, и образовавшимъ какъ-бы обломокъ почвы, погруженный въ свѣтлую пучину дня. Я долго ждалъ эха въ горахъ, но ничего не послышалось. Между-тѣмъ другіе удары струились въ этой воздушной пещерѣ въ разныхъ направленіяхъ, и нерѣдко все мѣсто заливалось однимъ огромнымъ пожаромъ молніи. Вся эта сцена мрака и огня занимала, казалось, не болѣе одной квадратной версты: яркій солнечный свѣтъ и чистое небо облегли отовсюду борьбу стихій, завязавшуюся въ одномъ пунктѣ, какъ-бы для того, чтобъ представить намъ опытъ естественной Увеселительной Физики. Мы стояли и смотрѣли на великолѣпную фантазмагорію Природы: она произвела впечатлѣніе даже на моего безчувственного Друза, который, по ея окончаніи, невольно вскричалъ: *Мелікъ!* — Славно!!

Есть люди, которые все постигли, и ничему не удивляются. Я не принадлежу къ ихъ приходу. Для меня удивленіе составляетъ одну изъ главныхъ прелестей жизни, и я даже не понимаю, что пріятности было бы жить на свѣтъ, если бъ не находить въ немъ ничего удивительнаго. О, сколькимъ вещамъ удивляюсь я въ этомъ мірѣ! Не говоря уже о томъ, что меня удивляетъ, когда пишу статьи для журналовъ, я почти разлагался въ горячій паръ удивленія передъ этимъ красивымъ электрическимъ фейерверкомъ, который сожигался въ отдаленности, въ клочкѣ изсохшей воды, скомканномъ и повѣшенномъ въ воздухъ надъ водою, когда другой, еще обыкновеннѣйшій предметъ бросилъ новую пищу страсти моей удивляться.

Сводя глаза съ моря, когда туча, возвратившая морю заимствованную у него влагу съ огнемъ въ при-

дачу, начинала бѣлѣть и разсвѣтаться, устремилъ я взоръ на низкую гору, лежавшую передо мною въ нѣсколькихъ верстахъ : онъ остановился на мелкомъ движущемся пятнѣ, которое, при содѣйствіи зрительной трубки, оказалось собраніемъ народа. Толпа людей, въ такое раннее время! Обстоятельство показалось мнѣ удивительнымъ. Отъ Эль-Мужаджджара, на которомъ мы стояли, гора эта отдѣлялась глубокою долиною съ небольшимъ селеніемъ, скрывавшимся между скалами. За долиною, на скатъ горы, видѣлся Маронитскій монастырь, одинъ изъ трехсотъ сорока монастырей, которыми усѣянъ этотъ хребетъ. Нѣсколько повыше монастыря спина горы образовала нагую, покатую площадь, которая далеко тянулась къ западу и наконецъ исчезала за другими возвышеніями. На этой-то площади народъ накоплялся около одной точки, въ разстояніи двухъ или трехъ верстъ отъ монастыря. Въ долину примѣтно было движеніе, и по всѣмъ дорожкамъ, ведущимъ на гору, люди ѣхали и шли съ разныхъ сторонъ. Мой Другъ утверждалъ, что это навѣрное военный сборъ, но я не могъ согласиться съ его мнѣніемъ, не видя ни у кого изъ нихъ оружія и, напротивъ, различая въ толпѣ множество женщинъ и Маронитскихъ монаховъ. Разстояніе не позволяло хорошо разглядѣть, что такое они дѣлаютъ, и мы тронулись съ мѣста. Но любопытство мое возбуждалось въ высочайшей степени частъ отъ часу увеличивающимся стеченіемъ народа, и я почти не сводилъ трубки съ мѣста, къ которому онъ стремился. Мы начали спускаться съ горы, и, по-счастію, дорога повернула къ долину. По мѣрѣ того, какъ мы приходили въ уровень съ низкою горою, на которой дѣйствіе происходило, движенія толпы становились внятнѣе: многія группы, отдѣляясь отъ ней, спокойно стояли на выдавшихся неровностяхъ и на камняхъ ; иныя метались какъ въ

бѣшенствѣ. Я примѣтилъ, между прочимъ, монаха въ церковномъ католическомъ облаченіи, съ большимъ крестомъ въ рукахъ: позади его, куча мужчинъ и женщинъ образовала обширное полукружіе, которымъ онъ какъ-будто предводительствовалъ. Нѣкоторое время я думалъ, что это погребеніе; но мѣсто не представляло ни какихъ признаковъ кладбища, и я заключилъ, что они собрались туда для другаго какого обряда Христіанскаго благочестія. Вдругъ почти вся толпа зашевелилась. Многіе стали изъ нея выбѣгать на различныя разстоянія. Они торопливо наклонялись къ землѣ, что-то съ ней подбирали и возвращались назадъ съ тою же поспѣшностью.

Я спрашивалъ моего Друза, что это значить, и неожиданно получилъ отъ него въ отвѣтъ, что Марониты — собаки, колдуны; что они занимаются чернокнижіемъ, помощію котораго овладѣли даже ихъ Князьми и всею властью въ горахъ, и что вѣроятно это кака-нибудь изъ *шейтаній*, «чертовщина». Выходка его противъ Маронитовъ возбудила мою веселость. Какъ Друзы очень рѣдко обнаруживаютъ свой настоящій образъ мыслей о племени, составляющемъ съ ними одно политическое тѣло, хотя и враждебномъ имъ по Вѣрѣ и по гражданскому соперничеству, то я сталъ забавляться отвращеніемъ моего проводника къ Маронитамъ, подстрекая запальчивость его всѣмъ, что только слышалъ отъ нихъ нелѣпаго на счетъ его братьевъ. Друзъ не находилъ словъ для выраженія своего гнѣва на «этихъ нечистыхъ», и, въ пылу негодованія на Маронитовъ, жестоко колотилъ палкою своего лошака, нагруженнаго моими вещами, утверждая, что онъ, хоть и скотина, а все гораздо умнѣе и благороднѣе ихъ. Я хохоталъ; Друзъ клялся; мы почти забыли о скопищѣ, недавно привлекавшемъ наше вниманіе, какъ изъ-подъ горы появился на встрѣчу

молодой поселанинъ, гнавшій передъ собою четырьхъ ословъ, навьюченныхъ мукою. Дорога опять случилась очень узкая и крутая, и мы были въ большомъ затрудненіи, какъ бы миновать другъ друга благополучно.

— Да будетъ вамъ просторно, о старецъ! въжливо привѣтствовалъ я молодаго путника.

— Сколько душъ вашей угодно, о наставникъ!

— Что это дѣлають, тамъ, на горь?

— Гдѣ? тамъ?..... Побивають каменемъ.

— Горе тебѣ, человекъ! Что ты говоришь?.... Какъ побивають каменемъ?.... Кого? за что?

— Вѣстимо кого! Любовниковъ! Дѣвушку да ея молодца.

Я содрогнулся. Я хотѣлъ распросить его подробнѣе, но мой Друзь, еще не оправившійся отъ недавняго озлобленія противъ Маронитовъ, по извѣстномъ ему приѣзтамъ узналъ въ молодомъ поселанинѣ ихъ со-
племенника, и принялся бить его ословъ безъ пощады. Онъ сгонялъ ихъ съ дороги, и, браня хозяина, усердно сталкивалъ одного изъ нихъ на опасный косогорь. Поселанинъ, оставивъ меня, бросился на Друза. Началась драка, въ которой однако жъ мой проводникъ, горецъ въ цвѣтъ возраста, сухой, ошлетемный сѣтью толстыхъ жилъ, плечистый и смѣлый какъ слонъ, имѣлъ рѣшительную поверхность надъ молодымъ Маронитомъ. Онъ только по моей просьбѣ выпустилъ изъ рукъ прижатаго къ камню противника, котораго держалъ за горло, грозя прибить до-смерти. Ослы съ мукою и наши лошаки столпились на дорогѣ въ плотную кучу. Положеніе мое между ними было чрезвычайно неприятное. Мы кое-какъ выпутались, и разъѣхались: скотины пошли спокойно въ

противныя стороны; ихъ владѣльцы долго еще оборачивались и осыпали другъ друга ругательствами.

Какъ ни взволновало меня это непредвидимое приключеніе, въ которомъ непріятельскій осель мнѣ самому ушибъ ногу, но я думалъ только о судьбѣ несчастныхъ, погибавшихъ на близкой горѣ такою ужасною смертію. Я направилъ туда трубку, — и одна мысль объ ихъ страданіяхъ, о безчеловѣчьи ихъ гонителей, о варварскомъ образѣ сохраненія чистоты нравовъ посредствомъ крови, оттолкнула мой взоръ отъ страшнаго позорища. Сердце мое сжималось; я не могъ смотрѣть въ ту сторону.....

Такъ помнять и исполняютъ люди великій урокъ ихъ Спасителя въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ, можетъ быть, стояла Его небесная стопа! Изъ чьихъ рукъ упалъ первый камень на голову преступниковъ? Верно не изъ рукъ того, кто самъ былъ безъ грѣха! Послѣ этого, говорите о пользѣ Исторіи, объ ея урокахъ!

Черезъ часъ мы прибыли къ *дуккану*, шалашу, построенному между прекрасными харрубовыми деревьями, гдѣ старый Аравитянинъ продавалъ путникамъ кофе, огурцы и шербетъ со снѣгомъ. Нѣсколько муловъ лежало въ тѣни межъ вьюковъ; нѣсколько погонщиковъ изъ Друзовъ и Маронитовъ, сидя кружкомъ на землѣ и куря трубки, хладнокровно разсуждали о мѣстныхъ новостяхъ, — о казни злополучныхъ любовниковъ. Хозяинъ дуккана, тоже съ трубкою во рту, председательствовалъ въ этомъ собраніи, и управлялъ разсужденіемъ. Суровая важность его лица вполне соответствовала званію офиціального газетчика, которое онъ на себя принималъ. Одинъ онъ хорошо зналъ всѣ подробности дѣла, и какъ скоро кто изъ собесѣдниковъ приводилъ обстоятельство, несоглас-

ное съ его текстомъ, онъ тотчасъ его останавливалъ: «Э, человекъ! что толкуешь? такъ ли я тебѣ рассказывалъ?»

— Какъ же ты ему рассказывалъ, о дукканджи? спросилъ я его, примыкая къ ихъ кругу.

— А!... Миръ съ тобой, о Франкъ!... Что, хорошъ ли твой кейфъ?... Садись здѣсь, на цыновкѣ. Не прикажешь ли чего-нибудь? Мальчикъ, подавай кофе наставнику!... Откуда изволишь вхать? Мы изсохли, ожидая тебя. Набей трубку, дѣлай свой кейфъ, а я расскажу тебѣ всю исторію. Хорошо! Въ Шуэйръ, — знаешь Шуэйръ? — жила молодая дѣвушка, по имени Галунъ (Елена). У отца ея былъ табачный огородъ, который отнялъ у него Шейхъ-Мансуръ. Онъ умеръ съ горести, а можетъ-статься съ голоду. Дочь его, лѣтъ двѣнадцати, и премилая собою, — глаза большіе, вотъ какъ мой кулакъ, — осталась сиротою. Хорошо! Скоро потомъ познакомилась она съ молодымъ повѣсою изъ селенія, которое видишь здѣсь въ долинь. Его звали Хабибомъ. Мать его была колдунья, и вѣроятно выучила и сына своему ремеслу, потому что днемъ онъ всегда былъ здѣсь, а ночью въ Шуэйръ. Подумай, близкое ли дѣло! Сколько горь, сколько долинь!... Но онъ тѣдилъ туда на чортъ. Хорошо!... Я самъ раза два видѣлъ, какъ что-то большое, черное, величиною съ быка и съ предлиннымъ хвостомъ, летѣло ночью вотъ черезъ эту гору, прямо къ Шуэйру. Онъ былъ влюбленъ въ Галуну, — да и она въ него: чего жъ лучшаго ждать отъ змѣи-женщины! Хорошо! И какъ она тоже была искусна въ черно-книжїи, то они и припасли себѣ ребенка.....

— Да благословить тебя Богъ, о дукканчи! воскликнулъ я, смѣясь. Что ты морочишь рабовъ божїихъ? Неужели для этого нужно быть колдуномъ!

— Какъ? вы не вѣрите? вскричалъ онъ съ жаромъ, и пустился доказывать изо всей силы основательность своего извѣстія. Онъ употребилъ всѣхъ чертей ада и всѣ чудеса черно книжія для сообщенія большей вѣроятности своей повѣсти о преступныхъ любовникахъ, которой наконецъ я не сталъ и слушать. Около заката солнца, новстрѣчался я у друга гагодуккана съ нѣсколькими порядочными Маронитами, бывшими при казни, и возвращавшимися домой на — веселье. Тѣ рассказали мнѣ исторію гораздо проще. Галунъ въ самомъ дѣлѣ была сирота, безъ призорья: она несчастію не избѣжала обольщеній любви молодого, тоже безроднаго человѣка, котораго мать доводилась двоюродною сестрою ея матери. Мѣстная власть употребляла разные средства, чтобъ расторгнуть ихъ связь, продолжавшуюся уже нѣсколько лѣтъ; наконецъ заключила ихъ въ темницу, гдѣ томились они полтора года. Выпущенные на волю, они опять соединились. Молодой человѣкъ отозвался, что ничто въ мірѣ не заставитъ его отказаться отъ той, которую поклялся онъ любить до гроба, и что, если стануть его опять преслѣдовать, онъ уйдетъ въ Сайду, и будетъ жить подъ покровительствомъ паша. Этой угрозы было достаточно для общей ихъ гибели. Фанатики настояли, чтобъ они были преданы казни, положенной за прелюбодѣліе. Ихъ зарыли въ яму по грудь, и собранная чернь, подстрекаемая самыми отчаянными изуверами, размозжила имъ головы и ихъ самихъ забросала камнями.

ОСНІГЪ МОРОЗОВЪ.

ЖЕРТВА ПОРОКА.

=

СЦЕНЫ ИЗЪ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

=

Я люблю Смоленское кладбище. На немъ похороненъ мой сынъ; оно покоитъ много людей, коихъ я зналъ и любилъ. Я часто посѣщаю ихъ прахъ, бесѣдую съ ними: воспоминаніе переноситъ меня за могильный рубежъ. Я по живому говорю съ мертвыми. Каждый знакомый могильный памятникъ мнѣ кажется гостепріимнымъ домикомъ, въ которомъ добрый хозяинъ приметъ меня радушно. Деревянный крестъ, простая плита, мраморный мавзолей, — вотъ вывѣски гробовыхъ тщеславій: по нимъ легко угадать, какъ кто жилъ, и какъ умеръ. Надгробная надпись — аттестатъ мертвому за жизнь. Справедливость и подложность его остается на совѣсти его начертавшаго.

Въ этотъ день, я былъ долѣе обыкновеннаго на кладбищѣ; разсматривалъ много памятниковъ, многихъ покойникамъ отдавалъ мое почтеніе; читалъ посланія къ мертвымъ: нѣкоторыя очень трогательны, другія странныя, — не скажу смѣшныя. Болѣе всякой, встрѣчается эпитафія незабвеннаго Карамзина, написанная имъ, какъ самъ онъ сказалъ, по просьбѣ одной нѣжной матери для ея ребенка: — *Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра!* Люди, частымъ повтореніемъ, такъ износили, истерли эту прекрасную надпись, что она совершенно потеряла прекрасный смыслъ свой. Ее встрѣтишь надъ прахомъ лихонмца, надъ могилою челоуѣка, по которомъ получили давножданное наслѣдство, надъ гробомъ врага, надъ тѣломъ ненавистнаго женъ мужа. У людей трогательное

всегда мѣшается съ смѣшнымъ. Золотая надпись надъ богатымъ памятникомъ привлекла мое вниманіе: «Что долженъ дѣлать безъ тебя, чувствительный су-прукъ?» Странный вопросъ! Вопрошающій, я увѣренъ, скоро самъ нашелъ на него отвѣтъ. Живые множе-ство подобныхъ вопросовъ предложили мертвымъ на Смоленскомъ. Мертвые на нихъ не отвѣчали изъ бла-горазумія.

Я приближался къ новому кладбищу. Повернувъ назадъ, вижу мужчину, ходящаго медленными шага-ми по дорожкѣ: два могильщика окладывали свѣжую могилу дерномъ. Я подошелъ ближе; гуляющій былъ человекъ пожилыхъ лѣтъ, высокій и толстый, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ, застегнутомъ до самой шеи: одну руку держалъ онъ въ боковомъ карманѣ, въ другой прочную суковатую палку. Нахлобученная, съ огромными полями, шляпа совершенно скрывала лице его. Онъ понукалъ могильщиковъ. — Сейчасъ, сейчасъ, сударь; послѣдній рядъ кладемъ. — То-то же мнѣ ужъ наскучило! сказалъ онъ толстымъ, но не гру-бымъ голосомъ. Кто бы это былъ такой, которому на-скучило смотрѣть, какъ укладываютъ могилу? Мнѣ хотѣлось съ нимъ заговорить: но объ чемъ? Табаку я не нюхаю. Поклонюсь? Поклониться почти тоже, что поподчивать табакомъ. Я поклонился. Незнакомецъ приподнялъ, или лучше, стащилъ съ головы своей шляпу, и устремилъ на меня взоры. Я увидѣлъ его лице, но оно ничего не выражало: это была недавно засыпанная, безъ креста и надписи, могила. Я рѣ-шился спросить.

— Чью могилу укладываютъ дерномъ?

— Чью могилу? Мнѣ кажется, вашъ вопросъ не слиш-комъ скромнень.

— Можетъ-быть! отвѣчалъ я, покраснѣвъ.

— Чью могилу? Ну, если я скажу вамъ — Лизаветы

Ивановны Мариной, что же вамъ за польза въ этомъ? Вы еще не узнаете, чью могилу укладываютъ дерномъ?

— Скажите, кто такова была умершая особа?

— Вотъ это другая статья! А ежели я не могу сказать вамъ?

— Въ такомъ случаѣ, простите нескромному моему вопросу.

Я хотѣлъ итти.

— Постойте, сказалъ мнѣ незнакомецъ. Долгъ платежемъ красенъ: и я хочу сдѣлать не очень нескромный вопросъ: женаты ли вы?

— Женать, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ вамъ можно рассказать нѣчто о Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Почему-жъ, если я женать?

— Потому, что холостой засмѣется надъ моимъ рассказомъ, и не такъ пойметъ меня, какъ бы мнѣ хотѣлось; а человекъ женатый, сирѣчь солидный, выведетъ изъ моей повѣсти нравственное заключеніе. Да, государь мой, нравственное, — и пожалуетъ Лизавету Ивановну.

— Она была вѣрно ваша близкая родственница?

— Нѣтъ; она была для меня совсѣмъ чужая.

— Такъ вѣрно, родственница вашей супруги?

— Я никогда не былъ женать.

— Зачѣмъ же вы хотите рассказать только женатому?

— Вотъ въ этомъ-то и штука.

Могильщики подошли къ намъ. — Что, готово? — Готово-съ. — Ну, хорошо: вотъ вамъ за работу. Доволь-

ныли вы? — Покорно благодаримъ. — Приготовляйте лѣсъ, обдѣлывайте его: черезъ недѣлю я прійду, и вы при мнѣ отгородите эту могилу отъ всѣхъ мертвыхъ. — Слушаемъ-съ. Работники ушли. Незнакомецъ вынулъ часы.

— Семь часовъ! Пора итти! Гдѣ вы живете?

— У X*** моста.

— И я не далеко отъ него. Пойдемте вмѣстѣ. Васъ вѣрно ожидаетъ ваша супруга: удѣлъ женщины всегда ожидать, всегда быть на-сторжѣ.

— Моей жены здѣсь нѣтъ, она уѣхала путешествовать.

— А, такъ вы одни! Понимаю. Пойдемъ-те ко мнѣ пить чаю. Я рѣдко кого приглашаю, рѣдко съ кѣмъ завожу знакомство; но ваша необкраденная, необщипанная физиономія мнѣ понравилась. Согласныли вы? Я расскажу вамъ про Лизавету Ивановну, которую между-прочимъ я приказалъ зарыть какъ можно глубже.

Ты, дѣдушка, порядочный чудакъ! подумалъ я; однако согласился къ нему отправиться.

Мы пріѣхали къ цѣпному мосту. Вышедъ изъ коляска, онъ взялъ меня за руку, привелъ во второй этажъ по чистой свѣтлой лѣстницѣ, позвонилъ въ колокольчикъ, и слуга, совершенный фасадъ господина, отворилъ намъ двери. Мы вошли въ залу.

— Теперь вы у меня. Долгъ требуетъ спросить, какъ называется звѣрекъ, который меня ко мнѣ привезъ.

Я сказалъ ему свою фамилію.

— Быть-можетъ, и вы хотите узнать, какъ зовутъ медвѣдя этой человѣческой берлоги? Я есмь Евграфъ Ивановъ сынъ Чудинъ; къ вашимъ услугамъ. Прошу быть безъ церемоній. Женатый у холостаго долженъ

быть свободенъ какъ у себя дома. Курите ли вы табакъ?

Онъ приказалъ подать трубки и чай, и повелъ меня въ свой кабинетъ. Пройдя нѣсколько очень хорошо убранныхъ комнатъ, мы вошли въ кабинетъ, въ которомъ было все что вамъ угодно: слесарные тиски, токарные станки, столярные верстаки, книги, журналы, бумаги, картины, бюсты и птицы.

— Вы, кажется, работаете и головою и руками, сказалъ я.

— Голова моя занята книгами, въ которыхъ у меня, слава Богу, нѣтъ недостатка; а руки и ноги выгибають бользнь изъ моего тѣла. Я точу, пилю, стругаю, словомъ всѣми средствами стараюсь избавиться отъ врага, который, какъ капризная и ревнивая жена, мучитъ меня иногда по нѣсколько часовъ въ день.

— По-видимому, вы большой охотникъ до Литературы: у васъ всѣ новыя сочиненія.

— А что жъ прикажете мнѣ дѣлать, на старости лѣтъ? Я, къ несчастію, не запасся ни женою, ни дѣтьми, на зиму. Я одинокъ, почти все время провожу за книгами. У насъ же теперь, слава Богу, есть что почитать. А вы любите Словесность?

— Я иногда и самъ подписываю.

— Право? Значитъ, мы сперва поговоримъ о Литературѣ, а потомъ я вамъ расскажу обѣщанное.

Мы много говорили о Литературѣ. Онъ разсуждалъ дельно. Я слушалъ его съ удовольствіемъ. Послѣ чаю, онъ подвелъ меня къ окну, и сказалъ:

— Видите ли вы вотъ этотъ желтенькій домикъ, четыре окна на улицу? Съ этого домика начнется моя исторія, то есть, исторія Лизаветы Ивановны. Слушайте меня, и не прерывайте. То, что я расскажу,

случается въ городъ каждый день и на каждой улицѣ; за всѣмъ тѣмъ оно любопытно.

Въ этомъ домикѣ, назадъ тому семь лѣтъ, жила дама. Когда я говорю — дама, то это значить, что она ходила въ шляпкѣ и чепчикѣ. Эта дама имѣла у себя падчерицу, дѣвушку лѣтъ пятнадцати, хорошенькую, миленькую, пухленькую, которую звали Лизанькой. Мачиха была лѣтъ тридцати семи, именно въ такія же годахъ, когда женщины или вовсе перестаютъ существовать для мужчинъ, или бьются для нихъ. Она была настоящая мачиха, — зла, капризна, мстительна, порочна, и считала себя красавицею. По цѣлымъ днямъ, сидя какъ привязанная у окна, она не пропускала ни одного проходящаго, на котораго-бъ нѣжно не взглянула, раскидывала сѣти, ставила силки, рассыпала кормъ, но умныя птички не попадались, и старая ворона оставалась на приманкѣ, какъ пугало. Чѣмъ она жила, не знаю. Вообще, здѣсь въ Петербургѣ, всѣ живутъ хорошо, всѣ нарядно одѣты. Я думаю, бѣдныя женщины живутъ своими трудами. Изъ моихъ оконъ видна вся внутренность дома, и смѣло увѣряю васъ, что мать, ходившая въ чепчикѣ и въ шляпкѣ, жила безъ всякаго труда. Она никогда ничего не дѣлала. За то дочь!... О, бѣдный ребенокъ! если можно назвать хорошенькую пятнадцатилѣтнюю дѣвушку ребенкомъ. Представьте, она вставала зимою и лѣтомъ въ четыре часа, сама ходила за водою, мыла бѣлье, помы, готовила кушанье, стирала на чужихъ, работала на себя и на людей. Все это дѣлала она для прокормленія бѣшеной мегеры. Мачиха вставала въ десять и одиннадцать часовъ. Лизанька одѣвала ее, подавала ей чай, услуживала; очень часто видѣлъ, какъ недостойная рука этой женщины скользила по ланитамъ дочери. Падчерица на мачиху никогда ни въ чемъ не могла угодить: она все дѣлала, и все не по

ея вкусу. Мудрено ль? дочь была молода, красавица; мать съ каждымъ днемъ обваливалась, гнила, какъ негодное строеніе. Злость и бѣшенство женщины безъ правилъ и нравственности выходятъ изъ законовъ возможности, если она сама почувствуетъ, что на нее никто изъ мужчинъ не смотритъ, никто не обращаетъ вниманія. О, тогда она готова упиться кровію перваго попавшагося ей существа! Судите, какова была жизнь Лизаньки. Мнѣ хотѣлось облегчить участь этой страдалицы; я видѣлъ, она была достойна сожалѣнія. Я замѣчалъ, что она всѣ свои горести, всѣ тяжкіе труды скрывала отъ людей. Я встрѣчался съ нею, предлагалъ мои услуги: она отвергала ихъ съ благородною гордостію. Черезъ моихъ знакомыхъ, я доставалъ ей легкую работу, платилъ вдесятеро; но это не помогало. Мои дары переходили въ руки мачихи, на которой вдругъ являлись новыя шляпки, новыя капоты, — а бѣдная дочь была едва одѣта.

Такъ прошло три года. Участь Лизаньки не перемѣнялась, но она видимо хорошѣла, разцвѣтала, дѣлалась прекрасною дѣвушкою. Она очень часто заходила ко мнѣ, «на минуточку». Однажды я послалъ къ ней своего челоуѣка съ платками, приказавъ сказать, чтобы она принесла сама, когда ихъ обрубить. Каково? Вы замѣчаете? Мнѣ было тогда сорокъ два года: я прекрасно доказалъ себѣ, что это не слишкомъ много для мужчины, который вздумалъ жениться, — даже очень не много; и я хотѣлъ Лизанькѣ предложить свою руку. Вы смѣетесь? Назадъ тому семь лѣтъ, я былъ молодецъ хоть куда. Будьте увѣрены, я бы составилъ счастье Лизанькѣ!.... Вамъ опять смѣшно?

— Помилюйте, вѣдь я самъ женатъ!

— Правда! Дня черезъ два Лизанька ко мнѣ пожаловала: отдала мнѣ платки, и хотѣла уйти. Я

удержалъ ее, посадилъ, началъ распранивать объ ея положеніи, о покойномъ ея отцѣ. Она говорила мнѣ, что папенька ея уѣхалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ; что она его очень любила, что при немъ ей было очень хорошо: она тогда ходила въ пансіонъ, многому училась, но теперь все забыла. Со смерти отца своего она не брала въ руки ни одной книги: маменька ей внушала, что читать и вредно и грѣшно, потому что сама едва знала грамотъ.

Я просилъ ее позволить мнѣ, быть ей чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ. Она ничего не смѣла принять; говорила, что всѣ деньги, которыя пріобрѣтаетъ работою, отдаетъ любезной маменькѣ. Она была такъ невинна, такъ чистосердечна, такъ мила, такъ близка къ ощущенію любви... что я не нашутку въ нее влюбился.

Съ дѣтскою жадностью смотрѣла она на книги, которыя у меня лежали на столѣ. Я предложилъ ей, не хочетъ ли она ихъ читать. — Ахъ, еслибъ вы мнѣ ихъ пожаловали! Я бы ночью, тихонько отъ маменьки, ихъ прочитала. — Я далъ ей Честерскаго Конетабля.

Такъ прошло довольно времени. Она перебрала у меня много книгъ. Довѣренность ея ко мнѣ съ каждымъ днемъ увеличивалась. Я всячески старался помогать ей, прямо и посредствомъ доставляемаго шитья. Онѣ наняли работницу: дочь одѣвалась чище, мать щеголяла. Лизанька чаще ко мнѣ ходила: мать ея рѣдко бывала дома. Она мнѣ говорила, что матушка съ нею стала лучше обходиться, перестала бранить ее, и шила ей на мои деньги новыя платья. Лизанька разцвѣтала, дѣлалась лучше, милѣе, умнѣе: я любилъ ее больше и больше, но не умѣлъ этого показать.

Я рѣшился формально просить руки ея у матери. Это будетъ лучше, короче и приличнѣе моимъ лѣ-

тамъ. Черезъ нѣсколько дней, я отправился свататься. Лизанька изумилась, увидѣвъ меня. Она повела меня въ горницу, въ которой ея матушка изволила кушать кофе. Я раскланялся, объявилъ о себѣ и, оставшись съ ней наединѣ, откровенно приступилъ къ дѣлу. Она много говорила мнѣ о своей благодарности, о чрезвычайной юности своей дочери; поглядывала на меня очень нѣжно, и утверждала, что мнѣ пужна жена степеннѣе и умнѣе Лизаньки; просила меня бывать у нихъ и общала подумать. Подумать! степеннѣе! умнѣе!... Я смекнулъ, къ чему клонится вопросъ. Она вздохнула; я схватилъ шляпу и удалился. Проклятая баба!

Чортъ побери! вѣчно въ женщинахъ нѣтъ удачи. Меня всегда тѣ любили, которыхъ я не терпѣлъ. Ужъ видно, мнѣ не судьба жениться: умру холостякомъ. Но надобно вырвать дочь изъ рукъ матери.

Я былъ еще нѣсколько разъ у мачихи. Ея притязанія на мою особу сдѣлались такъ ясны, такъ явны, что я терялъ всякое терпѣнiе. Она просто сваталась за меня, нѣжничала, кокетничала, Богъ-вѣсть чего не дѣлала, чтобы привлечь мое вниманiе. Но трудно стараго воробья обмануть. Разъ она упала въ обморокъ, и прямо на меня: я съ трудомъ освободился отъ драгоценнаго бремени. Показать, что я ее презираю, значило бы наклепать всѣ бѣды на голову бѣдной Лизаньки. Я рѣшился притворяться, дарилъ ее, чѣмъ только могъ и что ей нравилось. Ни что не помогало. Но скоро, кромѣ мачихи, другая особа дала мнѣ чистую отставку отъ любви моей.

Лизанька принесла мнѣ прочитаннаго ею Сенъ-Марса. Я взялъ его, и случайно началъ перелистывать: на страницѣ, гдѣ несчастный аббатъ Урбанъ Грандье пишетъ къ Магдалинѣ, внизу, карандашомъ было начертано: «Прочтите эти слова со вниманiемъ;

«прочтите, и подумайте, что есть человекъ, который бы для васъ всѣмъ пожертвовалъ, если бъ вы хотя одинъ разъ взглянули на него благосклонно. Но вы строги, жестоки.... Вы презираете меня.»

Это что? Я показалъ Лизанькѣ, и спросилъ, кто это написалъ? Она покраснѣла, смѣшалась и произнесла едва внятно: — не знаю-сь.

— Развѣ вы кому-нибудь даете читать мои книги?

— Да-сь!..... Нѣтъ-сь!.....

— Кто жъ это написалъ? Вы?

— Нѣтъ-сь; у меня иногда берутъ книги.

— Кто же?

— Жилецъ, который живетъ надъ нами, наверху.

— Кто же онъ такой?

— Онъ гдѣ-то служитъ.....-

— Слѣдовательно, онъ чиновникъ. Какъ же я не зналъ, что вы съ нимъ знакомы?

— Я съ нимъ не знакома.

— Онъ молодъ? — Она покраснѣла. — И вѣрно красавецъ? — Яркое пламя разлилось у ней по лицу. — Лизанька, я не зналъ, что вы такъ скрытны. Я васъ просилъ обо всемъ совѣтоваться со мною.

— Да что же я такое сдѣлала?

— Ничего! Но вы..... Однимъ словомъ, вы любите этого чиновника?

— Я съ нимъ объ этомъ не говорила.

— А даете ему книги? Позволяете писать къ себѣ?..

— Онъ очень любить читать.

— А писать, я думаю, еще болѣе?

— Я не могу ему этого запретить.

— Такъ, по этому всѣ мои книги измараны?

— Нѣтъ-сь. Я резинкою всегда стираю написанное.

— А этотъ разъ забыли? Лизанька, признайтесь, вы любите?

— Я съ нимъ почти никогда не говорила.

— Дайте мнѣ слово ничего не скрывать отъ меня — я я, быть можетъ, и въ этомъ буду вамъ полезенъ.

— Только, ради Бога, не говорите маменькѣ.

— Объ этомъ не беспокойтесь. Вы молоды, очень молоды: я узнаю этого чиновника; если.... чортъ возьми!.. Если..... Нѣтъ, этого не будетъ!

— Ахъ, пожалуйста не сердитесь!

Лизанька подошла ко мнѣ, схватила мою руку и такъ скоро поцѣловала, что я не успѣлъ попрепятствовать. Я обнялъ ее и поцѣловалъ: да, поцѣловалъ въ ея розовыя губки!.... Но поцѣловалъ какъ отецъ.

Такъ у меня есть соперникъ! Я же съ нимъ раздѣляюсь! Я буду у него оспаривать Лизаньку! Я бѣсился.... и узналъ то, что называютъ ревностью.

Потомъ, раздумавъ хорошенько, я рѣшился любить и другимъ образомъ. Я всталъ рано, сѣлъ подлѣ окна, и смотрѣлъ на всѣхъ выходящихъ изъ дома, гдѣ жила Лизанька. Мнѣ хотѣлось увидать счастливецъ. Я сейчасъ его узнаю. Человѣкъ, который любить, тотчасъ замѣтень. Но что я вижу?... Такъ точно! Вотъ, въ одномъ окнѣ подняли штору..... Да! это она; это Лизанька: она сѣла подлѣ окна, она ждетъ его. Тихе, тихе, старое сердце! Она думаетъ, что я не вижу: я узнаю, подстерегу. Вотъ онъ! изъ воротъ вышелъ молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, въ вице-мундирѣ, съ портфелемъ въ рукѣ. Злодѣй! молодежь, хорошъ! онъ вѣжливо ей поклонился. Она..... измѣнница!... она также. Она зарѣзала меня! она улыбнулась..... Онъ, — ахъ несноснѣйшій изъ чиновниковъ! — онъ нѣсколько разъ оборачивался, смотрѣлъ на нее, и скрылся. Его не вид

но, и штора опущена. Доказательства ясны; свидетелей, документовъ не надо. Они другъ друга любятъ! Ужь тутъ не надо и очныхъ ставокъ!

Я увидѣлся съ Лизанькою. — Сударыня, сказалъ я: вашего возлюбленнаго я имѣлъ честь видѣть. — Она вспыхнула. — Онъ довольно красивъ собою, но наружность фальшивая монета. Вы меня обманули; вы изволили сказать мнѣ, что съ нимъ никогда не говорили, а я видѣлъ, какъ вы кланялись ему и даже улыбались. Вы забыли, что я могу все видѣть. Не стыдитесь: сердцемъ повелѣвать нельзя. Сердце молодой дѣвушки какъ птичка: тотчасъ улетитъ, — и ваше улетѣло. Что же будете вы дѣлать безъ сердца? Вотъ вы ужь и плачете!... Не плачьте; отвѣчайте мнѣ откровенно и чистосердечно: ежели этотъ чиновникъ дѣйствительно достоинъ васъ, пошли ли бывыза него? отвѣчайте!

Она бросилась ко мнѣ и тихонечко сказала: — Да!... Онъ кажется такой добренькой! — Я опять ее поцѣловалъ по-отцовски. И этотъ поцѣлуй былъ очень пріятенъ. Я думаю, и отцу пріятно поцѣловать хорошенькую дочку. — Ну, Лиза, надобно это окончить, какъ водится у людей. Я съ нимъ поговорю, узнаю, чего хочетъ этотъ чиновникъ отъ моей Лизаньки. Ежели его намѣренія честны, я обещаю вамъ, что все устроится, какъ должно. Ежели же нѣтъ, то я увѣряю тебя, онъ насидится въ канцеляріи подъ арестомъ за похищеніе сердца моей Лизаньки. Дай мнѣ слово, безъ меня ничего не предпринимать. Вотъ тебѣ книги: это Меннерингъ. Когда ты будешь читать сцену въ четвертой части, между Меннерингомъ и Юліей, между отцемъ и дочерью, то подчеркни ее всю карандашемъ, отдай ему прочитатъ, и онъ пойметъ, какъ ему должно вести себя. Она ушла, и, кажется, была счастлива. Надежда выйти замужъ такъ же пріятна

для дѣвушки, какъ для нашего брата повышеніе въ первый чинъ, пока мы еще безчиновны.

Господина чиновника звали — Викторъ Михайловичъ Устрѣльской. Лизанька узнала это отъ дворника.

Нѣсколько дней я не видалъ ни ея, ни мачихи, ни чиновника. Мачиха рыскала, Богъ знаетъ гдѣ. Разъ встрѣтившись со мною, она сказала мнѣ, что ходитъ по дѣламъ, касающимся до благополучія ея дочери. Это меня испугало. Она?... по дѣламъ благополучія Лизаньки?... тутъ что-нибудь да не такъ! Лизанька мнѣ говорила: — мачиха всякой день мнѣ твердить: «ты будешь счастливъ; скоро судьба твоя переменится.»

Къ дѣлу, къ дѣлу. Я написалъ письмо къ Устрѣльскому, прося его пожаловать ко мнѣ.

Когда человекъ хочетъ сдѣлать доброе дѣло, онъ всегда бываетъ веселъ, доволенъ, потому что за слѣдствіе отвѣтствуетъ одинъ Богъ.

Въ половинѣ пятаго колокольчнкъ возвѣстилъ мнѣ прибытіе моего соперника. Юноша лѣтъ двадцати, съ добрымъ, умнымъ лицомъ, съ прекрасными черными глазами, прилично одѣтый, вошелъ ко мнѣ и почтительно поклонился. Онъ остановился почти у дверей. Скромнень! подумалъ я. Скромность вывѣска неиспорченнаго сердца.

— Добро пожаловать, сказалъ я, подавая ему руку. Садитесь: вы, я думаю, устали?

— Да-съ. У насъ въ департаментѣ много дѣла.

— Будемъ-те обѣдать, а потомъ поговоримъ. Знаете-ли вы меня?

Онъ взглянулъ въ окно и, сказалъ со вздохомъ: — знаю, очень знаю! — Онъ влюбленъ, порядочно влюбленъ! замѣтилъ я.

За обѣдомъ онъ не пилъ ни водки, ни вина: это

хорошо въ его чинѣ; его сердце, согрѣтое жаромъ любви, никогда не простынетъ. Отвѣты его были скромны, умны, отчетисты. Послѣ обѣда мы пошли въ кабинетъ: онъ сѣлъ, гдѣ вы теперь сидите.

— Викторъ Михайловичъ! простите старику, который, быть-можетъ, противъ вашей воли принимаетъ въ васъ участіе. Но оно относится къ благополучію особы, мною любимой. Я буду съ вами откровененъ: будьте съ мною также. Вылюбите Лизавету Ивановну, — это я знаю. Скажите мнѣ: какое ваше намѣреніе? какое право вы дали себѣ на эту любовь? какую роль вы играете въ свѣтъ? какія ваши надежды? Я говорю съ благороднымъ человѣкомъ, и потому прошу васъ отвѣчать мнѣ истинную правду, и вы не проиграете.

— Милостивый государь! я знаю васъ болѣе, нежели вы думаете. Я ожидалъ отъ васъ этого приглашенія. Повѣрьте, ни добраго, ни злаго дѣла отъ людей нельзя скрыть. Я васъ зналъ и молился за васъ. Сперва скажу вамъ о себѣ, потомъ о предметѣ, для котораго вы меня призвали.

Онъ описалъ мнѣ свою жизнь, короткую, но уже полную горькими событіями. Онъ былъ сирота, нѣчто въ родѣ Ивана Выжигина, и тѣмъ только отличался отъ прекраснаго типа, созданнаго Ф. В. Булгаринымъ, что имѣлъ счастье воспитываться въ домѣ людей, непохожихъ на знаменитаго Гологордовскаго. Долго, долго боролся онъ съ нищетою, униженіемъ, несчастіемъ. Деревенскій священникъ обучилъ его грамотѣ; встрѣча съ молодыми инженерами корпуса путей сообщенія, присланными для проложенія новой дороги черезъ это мѣсто, зажгла въ немъ любовь къ наукѣ и отличію; одинъ проѣзжій генераль, которому оказалъ онъ услугу на пути, примѣтилъ въ немъ способности и охоту къ службѣ, взялъ его съ собою

въ Петербургъ, одѣлъ, помѣстилъ въ хорошемъ учебномъ заведеніи, наконецъ опредѣлилъ въ свою канцелярію. Года черезъ три доставилъ онъ ему чинъ и рублей четыреста жалованья. Молодой чиновникъ теперь переписывалъ его бумаги и у него обѣдалъ.

— Какой благодарности не заслуживаетъ этотъ добрый, почтенный генераль! сказалъ я ему. Такъ вы чиновникъ 14 класса? Это очень хорошо. Чинъ прапорщика есть привилегія дѣлать все, что подобаетъ порядочному человѣку, — любить, жениться, и играть въ карты. Пуншъ начнете вы пить въ 10 классъ. До этого вамъ еще далеко. Теперь мѣсто вашего жительства.....?

— Назадъ тому два года, подхватилъ онъ, я переѣхалъ въ этотъ желтенькій домикъ. Въ немъ увидѣлъ я Лизавету Ивановну. Что вамъ говорить! Вы знаете, какъ она мила. Въ ней нашелъ я себя, все бывшее со мною, все мое родное. Она такъ же несчастна, такъ же страдаетъ какъ я. Я породнился съ нею сердцемъ; душа моя перешла въ нее. Я люблю ее пламенно. Я узналъ, что вы начали принимать въ ней участіе, облегчать ея положеніе; хотѣлъ открыться вамъ; но вы были столько добры, что сами меня призвали. Вотъ исторія моей жизни, и исповѣдь моей страсти.

— И та и другая хороши. Вы уже ей открылись?

— Ахъ, я много страдалъ! Любовь имѣетъ свои наслажденія и свои горести. Я черезъ любовь сдѣлался неисправенъ по службѣ, не оканчиваю къ сроку бумагъ: мнѣ выговаривалъ уже за это мой начальникъ и благодѣтель.

— И вы не хорошо дѣлаете! По службѣ не надобно терять: любовь не должна мѣшать дѣламъ. Но зачѣмъ вы перемарали всѣ мои книги?

— Простите: это было единственное средство открыть Лизаветѣ Ивановнѣ любовь мою. Знакомиться съ ея мачихою я не хотѣлъ.

— Что жъ вы знаете: любить ли васъ? Признались ли вамъ въ этомъ?

— На меня не сердились, когда я писалъ на вашихъ и на своихъ книгахъ, и посылалъ.

— Это законное доказательство. Такъ вы намѣрены жениться на Лизанькѣ?

— Хоть-бы сію минуту!

— Этому я вѣрю. Но четырьмя стами жену содержать нельзя.

— Мой генераль меня не оставитъ.

— Я тоже. Вотъ вамъ моя рука, что я это дѣло какъ-нибудь устрою.

— Мой соперникъ славный чиновникъ!

Узнавъ, что мачиха дома, я къ ней отправился.

— Акулина Кузминишна! назадъ, тому нѣсколько времени, я хотѣлъ жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ: вы на это не соглашались. Теперь я узналъ, какъ вы хорошо сдѣлали, что мнѣ отказали. Ваша правда: Лизанька мнѣ не пара. Я уже старъ. Моя пора прошла. Вы позволили мнѣ сдѣлать кое-что для васъ и для вашей дочери: надѣюсь, что и впредь позволите мнѣ заботиться о вашей Лизанькѣ. У меня есть на примѣтъ для нея хорошій женихъ. Вѣрно, вы не будете препятствовать счастію вашей дочери?

— Вы большой охотникъ до сватовства!

— Можетъ-быть и правда. Но могу увѣрить, что женихъ, о которомъ говорю, очень добрый малой. Я гадаваюсь, что и Лизанька къ нему не равнодушна.

— Вы шутите? Я надѣюсь, что Лиза безъ моего позволенія ни объ какомъ мужчинѣ не смѣетъ думать.

— Вы простите это ей тогда, когда она съ нимъ будетъ счастлива.

— Однако, кто же вами нареченный?

— Быть-можетъ, вы его видали и знаете. Онъ живетъ съ вами въ одномъ домѣ.

— Какъ! не этотъ ли фрачникъ, что живетъ надъ нами?

— Если бы это былъ онъ?

— Неужели? Я полагаю въ васъ болѣе ума. Какъ, Евграфъ Ивановичъ! вы рѣшились предлагать моей дочери человѣка, который едва получилъ первый чинъ? который голъ какъ соколъ? да онъ совершенно нищій!

— Сударыня, кто служить Царю, тотъ всегда богатъ. А господинъ Устрѣльской имѣетъ еще сильнаго покровителя.....

— Мнѣ все равно, но дочь моя никогда за нимъ не будетъ.

— Скажите же причины.

— Я вамъ отчета давать не обязана. Довольно того, что онъ мнѣ не нравится.

— Да вѣдь онъ не на васъ хочетъ жениться!

— Я объ этакой дряннѣ и не думаю.

— Но если они другъ друга любятъ?

— А вотъ увидимъ! Лиза, поди сюда.

Лизанька вошла, блѣдная, смущенная: она, повидному, слышала нашъ разговоръ.

— Лиза! Евграфъ Ивановичъ увѣряетъ меня, что ты безъ моего позволенія влюбилась въ чиновника, который живетъ наверху. Евграфъ Ивановичъ даже пришелъ сватать тебя: такъ послушай, ежели ты не хочешь, чтобы я добрымъ порядкомъ выколотила изъ тебя эту любовь, то прошу объ немъ не думать. Ты знаешь меня: я не люблю шутить!

Лиза молчала. Я едва удерживалъ свой гнѣвъ.

— Акулина Кузминична! ваши права не такъ сильны надъ нею, какъ вы думаете. Я найду средства освободить ее отъ нихъ.

— Я не позволю постороннимъ мѣшаться въ мои домашнія дѣла.

— Съ нѣкотораго времени я не былъ для васъ постороннимъ.

— Да-съ! вы намъ помогали..... Но будьте увѣрены, что я скоро все возвращу вамъ.

Лиза заплакала.

— А ты объ чемъ плачешь, скверная дѣвчонка? Смотри, я тебѣ опять поставлю за корыто! Пошла вонъ, а то я утру твои слезы порядочной оплеухой.....

Лиза вышла.

— Однако вы слишкомъ жестоки, сударыня!

— Это не ваше дѣло. Кажется, мы все съ вами кончили?

— Я не такъ скоро отказываюсь отъ моихъ намѣреній, какъ вы думаете. Отъ вашихъ угнетеній Лизу можно освободить чрезъ правительство.

— Это будетъ забавно! Вы хотите, что-ли, чтобъ дочь мнѣ не повиновалась? Гдѣ это видано?

— Вы ей не родная мать; ваши права со смертію ея отца почти уничтожились. Она глупа, что позволяетъ вамъ такъ обращаться съ собою.

— Отецъ ея поручилъ ее мнѣ, завѣщавъ ей во всемъ меня слушаться.

— Но ежели вы во зло употребляете эту къ вамъ довѣренность?

— Да вамъ какое дѣло? Я сама пойду къ надзирателю просить на васъ, ежели вы не оставите меня въ покоѣ. Я не просила васъ намъ помогать: вы сами навязались.

— Скажите, что вамъ за охота препятствовать Лизанькѣ быть счастливой?

— Прекрасное счастье быть женою нищаго! Нѣтъ-съ, я не такая мать. Я скажу вамъ откровенно, что у меня есть партія для нея новыгоднѣе вашей. Вы скоро узнаете. Совѣтую вамъ не мѣшаться въ это дѣ-

ло и не заводите со мною ссоры, а то найдется человекъ, который зажметъ вамъ ротъ.

— Вы слишкомъ дерзки на слова; но мнѣ смѣшно бы было обижаться. Ротъ себѣ зажать я никому не позволю.

Я взялъ шляпу и ушелъ. У комнаты Лизы я остановился, растворилъ двери и сказалъ: — Не бойтесь. Я васъ не оставляю; Богъ и добрые люди намъ помогутъ. Будьте покойны. Я постараюсь освободить васъ отъ этой.....

Я чуть не сказалъ — Фурии!

Лизанька горько плакала; мачиха подбѣжала къ ней и замахнулась рукою: — Уйму я тебя! сказала она. Вишь разревѣлась!....

Я разсердился и вскричалъ: — Послушай, любезная! Я тебя выкину въ окошко, ежели ты осмѣлишься ее ударить.

— А вотъ увидишь!

И съ этими словами она занесла на Лизу руку. Я, видя себя, схватилъ ее за руки, и такъ сильно сжалъ ихъ, что она завопила во все горло: — Караулъ! рѣжьте! помогите! помогите!.....

На ея крикъ сбѣжались сосѣди съ цѣлой лестницы, — токари, швеи, сапожники, булочницы, чиновницы, чимовничата и цирюльничьи чертенки съ торчащими папильотами на головѣ. Сцена вышла прекрасная! — Что? Какъ? Что это!.... Кто это?.... Пошлите за надзирателемъ! Приведите городского! Это денной грабежъ! — Лиза упала безъ чувствъ. Мачиха, ободренная стаею зрителей, бѣсновалась и ревѣла громче всѣхъ. Я казался воромъ. — Пошелъ вонъ! Ты разбойникъ! Я попрошу, чтобы тебя связали! Ты убить меня пришелъ! Защитите пеня! защитите дочь мою, мою бѣдную Лизаньку!..... Я съ трудомъ

ее вырвала изъ его рукъ : онъ хотѣлъ ее обезчестить... Ради Бога, выгоните его вонъ!

Я побѣжалъ съ лѣстницы, и выскочилъ на улицу какъ сумасшедшій. Меня провожали бранью. Оглушенный, изумленный, я не помнилъ самъ себя, проклиналъ отцевъ, которые ввѣряютъ дѣтей своихъ ма-чихамъ, былъ взбѣшенъ до крайности.

Вѣдьма оклеветала на весь кварталъ, и тѣмъ легче, что наружность была въ ея пользу. Я узналъ на опы-ть, что значить злая и безстыдная женщина.

На другой день я имѣлъ дѣло съ полиціею.

Вы, конечно, знаете, что такое значить — *повернуть дѣло*? Въ этомъ словѣ заключается все, что ни есть въ мірѣ дивнаго и сверхъ-естественнаго. Въ старину говорили — сотворилъ чудо ; нынѣ мы говоримъ — повернулъ дѣло. Блаженъ умбющій поворачивать! Я вамъ объясню это на примѣръ.

Надзиратель вошелъ ко мнѣ въ комнату съ важ-нымъ и угрюмымъ видомъ, и сказалъ :

— На васъ, Евграфъ Ивановичъ есть жалоба, и до-вольно « казусная! »

Я повернулъ дѣло. Онъ сказалъ :

— Я очень хорошо знаю Г-жу Ларину! Я поговорю съ нею, и скажу, что ежели она не перестанетъ тя-гаться, то я Лизаветъ Ивановнѣ достану видъ, по коему она будетъ имѣть право жить, гдѣ захочетъ.....

— Сдѣлайте милость, приструньте хорошенько ма-чиху!

— Будьте увѣрены : сумѣемъ повернуть, была бы только Лизавета Ивановна согласна.

Этимъ путемъ я всегда попадалъ къ правосудію. Оно живетъ въ сторонѣ.

Вечеромъ пришелъ Викторъ Михайловичъ. Онъ былъ чрезвычайно разстроенъ.

— Что, Викторъ Михайловичъ, дѣла наши идутъ плохо! Вы слышали, какая кутерма была въ домѣ Лизаньки!

— Да-съ! Слышалъ отъ домоваго хозяина. Великодушный человекъ, за что вы за насъ терпите?

— О это все пустое! я повернулъ дѣло. Лишь бы намъ какъ нибудь удалось устроить ваше общее счастье.

— Евграфъ Ивановичъ, надо мною разразилась еще новая бѣда!

— Какъ! неужели вы испугались мачихи!

— Нѣтъ-съ. Ежели нужно будетъ, я вырву изъ рукъ этой фурин Лизавету Ивановну. Ахъ, я счастливейшій человекъ, и вмѣстѣ самый несчастный! Она меня любитъ! Вотъ доказательство: эту записочку мнѣ бросили изъ окна, когда я возвращался изъ должности.

На маленькой бумажкѣ было написано: «Викторъ! Мнѣ позволилъ васъ любить тотъ человекъ, который мнѣ заступилъ отца роднаго, который такъ много за меня перенесъ оскорбленій. Несмотря ни на какія принужденія, ни на какія мученія, я буду ваша или умру. Л. Л.

— Добрая дѣвушка! Ну, Викторъ, никто какъ Богъ!

— Нѣтъ; не бывать моему счастью! Я долженъ ѣхать изъ Петербурга черезъ три дня.

— Это зачѣмъ?

Онъ разсказалъ мнѣ, что его генералъ идетъ въ Сибирскую губернію, по весьма важному порученію, которое кончатся не раньше трехъ лѣтъ, и что его отправляютъ впередъ. Бѣдный Викторъ былъ въ отчаяніи, и не зналъ что дѣлать. Я совѣтовалъ ему ѣхать, не огорчать благодѣтеля ослушаніемъ, и служить усердно Царю и отечеству. Онъ плакалъ.

— Вы можете часто писать другъ къ другу, говорилъ я ему въ утѣшеніе. Повѣряйте себѣ чувства и мысли ваши. Я буду вашимъ корреспондентомъ.

— Но неужели я уѣду, не простясь съ Лизаветою Ивановною?

— Нѣтъ! Это было бы жестоко. Въ день вашего отъѣзда, вы увидите съ нею. Это я вамъ обещаю.

Я былъ растроганъ до глубины сердца. Мачиха, узнавъ, что Устрѣльской ѣдетъ, оставила Лизу въ покоѣ, и даже, встрѣтившись сомною, мнѣ поклонилась. У подобныхъ женщинъ, наглость чуть-ли не добродѣтель.

Горестно было прощаніе любовниковъ. Они въ первый разъ были вмѣстѣ. Они соединились у меня для того, чтобы разстаться. Сколько клятвъ, сколько уврѣній произнесли уста ихъ! Грядущее извѣстно одному Богу.

Устрѣльской, съ неизъяснимымъ восторженіемъ всѣхъ чувствъ своихъ, съ видомъ глубокаго несчастія, обнявши Лизу, сказалъ: — Будьте мнѣ вѣрны! не забудьте меня! Я умру, и сгину, когда узнаю, что вы меня забыли. Въ васъ одной вся моя судьба, вся жизнь! Передъ этимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, поклянитесь мнѣ, что любовь ваша не измѣнится; что вы будете моею, что насъ никто и ничто не разлучитъ!....

— Клянусь! говорила Лиза, и горько, горько плакала.

Я снялъ образъ Спасителя. — Дѣти мои! сказалъ я: если Богу не угодно было, чтобы я имѣлъ собственныхъ дѣтей, будьте моими дѣтьми. Сохраните вѣрность другъ къ другу, любите другъ друга, и будете счастливы. Богъ васъ соединитъ. Благословляю васъ, симъ божественнымъ ликомъ его!

Они обмѣнялись кольцами, бросились въ объятія другъ друга, и прощальный поцѣлуй соединилъ ихъ

намигъ, — разлучилъ надолго. Рыданія ихъ были сильны. Они еще разъ обнялись на моей груди.

Устрьльской въ совершенномъ безпамятствѣ бро-
сился въ коляску, и уѣхалъ.

Лизанька долго плакала. Но надобно было успоко-
иться: она утерла слезы, и пошла домой.

Я записалъ день отъѣзда Устрьльскаго.

Первые мѣсяцы прошли въ непрерывной перепискѣ названныхъ моихъ дѣтей. Письма Устрьльскаго дышали нѣжностью, страстью, надеждою на соединеніе. Какъ прекрасно онъ выражалъ свои чувства! Какъ плѣнительно описывалъ торжественную мину-
ту свиданія! Сама душа руководила перомъ его: всякое слово было любовь. Какъ умѣлъ онъ въ разлукѣ лелѣять свою Лизаньку! Каждую почту и она ему отвѣчала. Слогъ писемъ ея былъ похожъ на дѣтскій лепетъ милого ребенка, ожидающаго игрушки. Женщины какъ-то труднѣе выражаютъ свои чувства: не оттого ли, что душа ихъ не обитаетъ вся въ умѣ, какъ наша? она проявляется у нихъ въ приливъ и отливъ сердца, которыя безпрестанно потушаютъ мысль. И какъ хотите, а мужчины правильнѣе, сильнѣе любятъ, нежели женщины! Быть-можетъ, послѣднія любятъ изящнѣе. Письма Лизаньки были наполнены грамматическими ошибками, но я не исправлялъ ихъ: это придавало имъ особенную прелесть. Истинная любовь на всѣхъ языкахъ выражается безъ правописанія, и любовное письмо, въ которомъ строго соблюдена орфографія, есть или холодный обманъ или записка о просроченномъ дѣлѣ. Погрѣшности противъ правописанія составляютъ для меня самую живописную часть нѣжной связи двухъ сердець!

Послѣ первыхъ мѣсяцевъ, Лизанька чаще стала выходить со двора съ мачихою. Я зналъ, что прежде она никогда съ нею не ходила. Эта водворившаяся

дружба меня немножко пугала: но, думалъ я, пусть живутъ лучше мирно, нежели бранятся!

Мачиха и Лизанька начали одѣваться лучше, чище. Я увидѣлъ, что шелкъ замѣнилъ ситецъ. Простенькая букъ-муслиновая шляпка Лизаньки перемѣнилась на соломенную съ цвѣтами, нарядную и дорогую. Драде-дамовый клокъ замѣнился плащемъ изъ отличнаго Турецкаго атласа. Откуда все это беретъся? Быть можетъ, мачиха получила наслѣдство! Но Лизанька ходила ко мнѣ рѣже. Послѣ ссоры съ мачихою я у нихъ въ домѣ не былъ. Часто, съ прискорбiемъ, съ ужаснымъ предчувствiемъ, я видѣлъ ее, какъ онѣ возвращались домой, иногда очень поздно въ прекраснѣйшей коляскѣ. Гербы экипажа и богатая ливрея слугъ показывали, что онѣ принадлежалъ человѣку съ могущественнымъ вкусомъ. Что это за новое знакомство?

Прежде, ежели приходило письмо отъ Виктора, когда я его не посыламъ, Лизанька сама за нимъ приходила. Теперь письмо пришло; я нарочно не посылаю, — Лизанька нейдетъ. Такъ прошло два дня. Я послалъ къ ней письмо, приказавъ сказать, чтобы она скорѣе отвѣчала. Въ три дня я не получилъ письма для отправленiя. Это что значить? Подкаркуливъ, что Акулина Кузминишна вышла со двора, я пошелъ къ Лизѣ. Она шила капоть изъ лучшаго Французскаго гроденапля; передъ нею лежало нераспечатанное письмо Виктора. Когда я вошелъ, она перемѣнилась въ лицѣ: казалось, мой приходъ ей былъ непрiятенъ.

— Вы не отвѣчаете на письмо Виктора?

— Ахъ! я такъ завалена работою, что право не соберусь со временемъ, совершенно нѣкогда!

— Право? А прежде вы всегда имѣли время?

— Дсѣ! Но теперь я ужасно занята. Впрочемъ, я сію минуту напишу.

Я взялъ со стола письмо. — Лизанька! вы, кажется, не читали письма.

— Нѣтъ, я читала. Но я всегда имѣю обыкновеніе запечатать опять, когда прочитаю.

Это была чистая ложь. Печать была Устрѣльскаго: она не была сломана. Лизанька вышла въ другую комнату, и черезъ четверть часа возвратилась съ написаннымъ отвѣтомъ.

— Пожалуйста, запечатайте и отошлите.

Скоро же она выучилась писать! подумалъ я. Прочитавъ письмо, я не нашелъ ничего кромѣ набора словъ, желанія поскорѣй отдѣлаться.

— Этотъ капоть вы для себя шьете?

— Нѣтъ-съ! Это чужой.

— Куда вы такъ часто ѣздите?

— Мы познакомились съ однимъ очень хорошимъ докомъ.

— У васъ такъ много парядовъ.

— Я много работаю.

— Вы прежде больше работали, и не имѣли средствъ такъ нарядно одѣваться.

— Мнѣ хорошо платять за работу.

— Лизанька, Лизанька! тутъ что нибудь да не даромъ.

— Ахъ, Боже мой! что же вы думаете?

— Я еще ничего не думаю; но скоро, быть-можетъ, придется мнѣ не думать, а видѣть. Прощайте, Лизанька; не забывайте Виктора. Онъ васъ такъ любитъ!

Капотъ былъ не чужой, потому что она его надѣла. Другая ложь! Къ ихъ дому часто подъѣзжала четверкою карета; изъ нее всегда выходилъ мужчина лѣтъ сорока. Онъ долго у нихъ сидѣлъ: мать и дочь провожали его до самой кареты.

Викторъ жаловался мнѣ въ письмахъ, что Лизанька ему не отвѣчаетъ на то, объ чемъ онъ ей пишетъ: онъ просилъ ее раза три написать ему, какой цвѣтъ она болѣе прочихъ любить, желая выслать ей матерію на платье. Бѣдный Викторъ, твоя Лиза не хочетъ твоей матеріи! Она писала ему коротко, сухо, вло.

Я послалъ за нею человека, чтобы показать письмо, въ которомъ Викторъ выговариваетъ ей за невнимательность къ нему. Она отговорилаь нездоровьемъ, не пришла. Черезъ полчаса, она уѣхала изъ дома.

Она пропускала почту за почтою: я принужденъ былъ за нее отвѣчать Виктору. Я писалъ, что она нездорова, и отвѣты Виктора наполнялись горемъ, заботою о Лизанькѣ.

Я нѣсколько разъ посылалъ за нею: мнѣ всегда отвѣчала мачиха, что дѣвущкѣ не прилично ходить къ холостому мужчинѣ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше!

Я послалъ къ ней письмо Виктора: мнѣ принесли его назадъ нераспечатаннымъ, съ увѣдомленіемъ, что взрослой дѣвущкѣ нейдетъ переписываться съ молодымъ мужчиною.

Какъ трудно мнѣ было отвѣчать Виктору! Въ каждомъ письмѣ его страданія увеличивались. Я писалъ ему, что у Лизаньки болитъ рука; что впередъ, пока она выздоровѣетъ, я самъ буду за нее отвѣчать.

Она меня убѣгала, не хотѣла со мною видѣться: она боялась меня. У ней была еще совѣсть, — послѣдній отголосокъ юнаго сердца, которымъ овладѣвалъ порокъ, — послѣдній лучъ заходящей добродѣтели.

Я простудился, и двѣ недѣли не вставалъ съ постели. Во многомъ обвинялъ я себя: я былъ виновникомъ несчастія Виктора. Но, могъ ли я предвидѣть?...

По моему выздоровленію, спрашиваю у моего Ивана: чтѣ не видать Лизаньки? Онъ отвѣчаетъ мнѣ лакей-

скимъ слогомъ. — Врешь, дуракъ! — Извольте, сударь, справиться. — Какъ, Лизанька! этотъ ангелъ! Эта невинная, милая дѣвушка, кроткая, покорная, несчастная страдальца! Она теперь достойна всякаго презрѣнія! Она стала подъ рядъ женщинъ, которыхъ въ честномъ обществѣ стыдятся называть женщинами? Она утратила это имя? На ней клеймо добровольнаго посягательства? Она чужда обществу, отдѣлилась отъ него, и оно отвергло ее какъ недостойную? Она измѣнила первой любви, закону своего существованія, призванію своей жизни!.... И для кого! Кто этотъ Князь Θ***? Вѣрно тотъ самый почтенный мужъ, который ѣзжалъ къ ней въ каретъ.

А Викторъ? бѣдный Викторъ! Благородный юноша, перенесешь ли ты роковое извѣстіе? Какъ тебя увѣдомить? Но будь человекъ. Она женщина!....

Викторъ извѣстилъ меня, что его посылаютъ еще за нѣсколько сотъ верстъ далѣе, и что поэтому его письма будутъ рѣже. Я обрадовался. Тѣмъ лучше! Какъ-нибудь да его увѣдомлю. Мнѣ хотѣлось взглянуть еще разъ на Лизаньку. Конечно, она этого не заслуживала, но старикъ любить какъ дитя: тотъ и другой съ горемъ и слезами отдаютъ любимую игрушку. Она была моя первая любовь на старости, первая привязанность моего сердца по возобновленіи. Я увижу ее; увижу одинъ разъ, — и болѣе никогда!

Она жила на дачѣ по П*** дорогѣ. Я вошелъ въ садъ: въ немъ никого не было. Я старался успокоить мысли свои, чтобъ не быть смѣшнымъ передъ людьми, которые всегда смѣются въ подобныхъ случаяхъ. Въ шагахъ пятидесяти отъ меня, я увидѣлъ даму. Вотъ ея нарядъ! Очень мило шитый, модный, распашной капотъ развѣвался по волѣ прихотливаго вѣтра; бѣлое какъ снѣгъ платье, плѣнительно обрисовывало прекрасныя формы полной, взрослой женщины; соломенная, пастушеская шляпка, съ прекраснѣйшею

гирляндюю изъ цвѣтовъ, надѣтая на одну сторону головки, бросала на кругленькое личико тѣнь южнаго неба, изображаемую на картинахъ Венеціанской школы. На рукахъ маленькая собачка: она играла съ нею и цѣловала ее. Я подошелъ ближе, остановился, и смотрѣлъ на прежнюю мою Лизаньку, которая теперь превратилась для меня въ пошлую Лизавету, — даже въ Лизавету Ивановну. Но какъ была она мила и въ этомъ превращеніи! Представьте великолѣпную, вчера разпустившуюся розу, только-что сорванную сегодня съ росой! Представьте женщину, въ которой жизнь играетъ, кипитъ въ каждомъ нервѣ. Представьте глаза, въ которыхъ томная влажность, — горячій пустынный паръ разгаданной любви, манитъ, увлекаетъ васъ къ берегу упоительнаго самозабвенія; женщину, въ которой всякое движеніе есть условіе на любовь; которая вся — восторгъ, страсть и наслажденіе. Посмотрите на этотъ чистый румянецъ; украденный у добродѣтели!... И вся эта пышная красота женщины не освящена уваженіемъ людей! И все это не признано честью! Вы бы пожалѣли сами, что такая драгоценная картина была поставлена въ такомъ грязномъ свѣтѣ, въ зачумленномъ мракѣ пещеры порока!

Лизавета Ивановна меня узнала. Не скажу вамъ что-бы она смутилась: нѣтъ, она уже привыкла къ новой своей роли. Стыдъ исчезъ. Совѣсть испарилась, или была продана на вѣсь золота.

— Ахъ, Евграфъ Ивановичъ, какъ мы давно съ вами не видались! сказала она, взявъ меня за руку. Вы устали? Пойдемте въ комнаты.

— Мнѣ только хотѣлось взглянуть на васъ.

— И, полно-те! Я васъ не отпущу. Вы думаете, я васъ забыла? Я стараго моего друга всегда буду помнить.

Она подставила мнѣ свою щечку. Я поцѣловалъ по-

койницу, съ которою прощался. Мы вошли съ нею въ комнаты, гдѣ она приказала подать завтракъ.

Прекрасныя комнаты, великолѣпная мебель, многочисленная прислуга, доказывали, что волшебница царствуетъ здѣсь самовластно.

Вошла мачиха. Она посмотрѣла на меня съ какимъ то торжествомъ; только-что не сказала: «Что, каково мы живемъ! Все это я сдѣлала.» Я ей не поклонился, не удостоилъ ея ни однимъ словомъ.

Черезъ нѣсколько времени, къ крыльцу подъѣхала коляска.

— Князь пріѣхалъ! вскричала Лизавета Ивановна.

Я взялъ шляпу, и хотѣлъ итти.

— Куда же вы? Мой Князь такъ добръ!.... Постоите, я васъ съ нимъ познакомлю.

— Благодарю за честь.

Я хотѣлъ итти. Князь вошелъ въ комнату.

— Bon jour, mon ange! Здорова ли ты?

Онъ поцѣловалъ Лизаньку, поклонился мнѣ и мачихѣ. Въ немъ видѣнъ былъ человекъ, который не первую жертву отправляетъ на вѣчное покаяніе. Я смотрѣлъ на него, какъ на убійцу моей Лизаньки. Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ я повозилъ бы обольстителя моею толстою палкою! Но съ его деньгами и правами онъ имѣлъ право быть обольстителемъ. Ему прилично быть позорно-блистательнымъ.

Взглянувъ на Лизаньку, я откланялся.

— Какъ, вы уже идете?

— Мнѣ пора.

— Заходите ко мнѣ: я по цѣлымъ днямъ бываю одна....

— Да! Заходите къ моей Лизанькѣ. Ей безъ меня очень скучно, а я только пріѣзжаю по вечерамъ.—Это сказалъ Князь.

— Евграфъ Ивановичъ! пришлите мнѣ книгъ. У Князя все Французскія, а я плохо понимаю этотъ языкъ.

— Я вамъ пришлю нѣсколько романовъ Поль-де-Кока: они прогонятъ вашу дневную скуку.

Князь засмѣялся.

— Вы развратите мою Лизаньку, сказалъ онъ.

Я едва не сказалъ: подлець! Но я убрался скорѣй, и ушелъ съ тѣмъ, чтобы никогда не видать его невинной Лизаньки. Стоило ли ей напомнить о Викторѣ? Для него и для меня она уже не существовала.

Она пыталась ѣздить ко мнѣ, но меня для ней никогда не было дома. Она писала: я возвращалъ ея письма, не читавъ ихъ. Я узнавалъ объ ней безъ ея вѣдома. Я свѣдалъ, что она произвела сына, котораго Богъ прибралъ. Какъ хорошо это Русское выраженіе! Именно Богъ прибралъ несчастное твореніе отъ позора, на который осудила, со дня его рожденія, преступная мать. Съ дачи переѣхала она на Литейную, чтобы ближе жить къ своему обольстителю. Потомъ носился слухъ, что онъ ее оставляетъ, что уже другая жертва готовится пасть въ преступныя объятія сластолюбца. Лизанька сперва требовала его любви; потомъ просила, умоляла, — но тщетно. Онъ бросилъ ее: она ему наскучила какъ испорченный инструментъ, который не издаетъ иррежнихъ гармоническихкихъ звуковъ. Такова судьба всѣхъ подобныхъ женщинъ. Имъ даже запрещено ревновать. Ревность — чувство слишкомъ добродѣтельное, слишкомъ честное для нихъ: это примѣта истинной любви.

На всѣ письма Виктора отвѣчалъ я самъ. Я обманывалъ его. Да, обманывалъ! Я слегка намекалъ ему, что Лизанька для него погибла. Могъ ли я однимъ ударомъ поразить его? могъ ли отвѣчать, что онъ перенесетъ это ужасное открытіе? Чѣмъ ближе приходило время его возвращенія въ столицу, тѣмъ нѣжнѣе писалъ онъ къ ввроломной. Я ужъ рывшился-было открыть ему истину, но онъ извѣстилъ меня, что черезъ

мѣсяцъ будетъ самъ въ Петербургъ. Онъ писалъ мнѣ: «Я ѣду, Евграфъ Ивановичъ, потребовать отъ васъ моей Лизаньки: вы общались мнѣ сбересть ее.»

Что мнѣ дѣлать? Лизавета Ивановна домогается со мною свиданія: я согласился. Я вознамѣрился уговорить ее умереть въ живыхъ для Виктора.

Она явилась ко мнѣ, нарядно одѣтая, но съ какою-то странною небрежностію, служившею доказательствомъ, что нарядъ и уборы болѣе ее не занимаютъ. Распухшіе глаза свидѣтельствовали, что она не мало плакала. Она очень похудѣла. Я скрѣпилъ сердце, и спросилъ, что ей угодно.

— Евграфъ Ивановичъ, вы не оставите несчастной!

— Отъ чего же вы несчастны?

— Я оставлена, презрѣнна, воругама.....

— Этого должны вы были ожидать. Женщина, которая нарушаетъ сама клятвы первой, чистѣйшей любви, въ правѣ ожидать, что и ей тѣмъ же отплатятъ. Такъ водится въ людяхъ.

— Евграфъ Ивановичъ, не будьте со мною жестоки! Я раскаиваюсь; истинно, ужасно раскаиваюсь.

— Къ несчастію, ваше раскаяніе поздно. Но, пожалуй, и это раскаяніе дѣлаетъ вамъ честь! Лучше раскаяться когда-нибудь, чѣмъ никогда.

— Я не предвидѣла ужасной бездны, въ которую низверглась.

— Извините! Это очень обыкновенное оправданіе: оно болѣе не принимается. Монета эта не въ ходу.

— Меня мать насильно втокнула въ эту страшную пропасть.

— Очень можетъ быть; но вы имѣли свой умъ, свое сердце, которое говорило вамъ другое, и имѣли во мнѣ руководителя.

— Молодость такъ доверчива, такъ неопытна! Бѣдность....

— Опять извините! Это повторяетъ всякая женщина, играющая клятвами любви.

Мы долго говорили этимъ тономъ. Сцена объясненія была раздирающая, ужасная, и я долженъ былъ призвать въ помощь всютвердость духа, чтобъ ее вынести, чтобъ отвергнуть моленія преступницы о примиреніи ее съ тѣмъ, которому она такъ низко измѣнила; чтобъ преодолѣть плавающее дѣйствіе слезъ женщины въ отчаяніи, и остаться вѣрнымъ долгу чести и дружбы къ злополучному Виктору. Она просила меня скрыть отъ него порочную ея жизнь, увѣряя, что его обожаетъ и готова все сдѣлать для его счастія.

Я предложилъ ей здѣсь же, сей-часъ, написать къ нему письмо, только переписать его, — оно было готово, — которымъ она увѣдомляла, что жестокая долго скрывавшаяся болѣзнь повергаетъ ее въ ранній гробъ. — Мое дѣло будетъ, говорилъ я, увѣрить его, что вы дѣйствительно умерли; а вы безъ сомнѣнія будете столько добры, что пока онъ останется въ Петербургъ, съ нимъ не встрѣтитесь.

Она поблѣднѣла. Дрожь пробѣжала по ней, взоры ея заблестали, слезы заструились. Она бросилась къ ногамъ моимъ. Я остался непоколебимымъ.

— Прощайте! Я погибла... и достойна моей гибели.

И, шатаясь, она вышла изъ комнаты, наняла извощика и уѣхала.

Я, можетъ-быть, жестоко поступилъ съ нею. Но такъ должно было. Могъ ли я пожертвовать для нея этимъ благороднымъ Викторомъ? Черезъ двѣ недѣли онъ пріѣхалъ. Первый вопросъ его былъ: что Лизанька, здорова ли она, любитъ ли его?

— Викторъ Михайловичъ, вамъ должно вооружиться всею силою вашего разсудка.

— Боже мой! Что вы хотите сказать? вы меня пугаете. Ваши непонятныя письма... Что вы отъ меня скрываете?

— Представьте, что Лизавета Ивановна умерла.

— Мнѣ легче представить, что я съ ума сошелъ, вскричалъ онъ, поблѣднѣвъ какъ полотно. Но говорите, ради Бога, говорите!... Не мучьте меня!

— Дайте мнѣ слово, что вы будете тверды.

— Ахъ!... говорите!...

Я рассказалъ ему все, и просилъ прощенія, что скрывалъ отъ него истину.

— Благодарю васъ!... Вы меня щадили.

Онъ зарыдалъ горько, и бросился въ мои объятія.

О женщины! женщины! вотъ, какъ вы поступаете, вотъ чѣмъ вы платите за нашу любовь! сказалъ Викторъ, и глаза его устремились къ небу. Я такъ любилъ ее!...

Черезъ городскую почту принесли письмо отъ Лизаветы Ивановны. Оно адресовано было на имя Виктора. Я подаль ему. Онъ горестно улыбнулся.

— Она проситъ прощенія — сказалъ онъ. Дайте мнѣ бумаги, я буду отвѣчать ей. Не нужно читать: я знаю, что она пишетъ.

Онъ взялъ перо, и написалъ въ нѣсколькихъ словахъ, что они уже никогда не встрѣтятся другъ съ другомъ въ семь міръ. Я былъ доволенъ его мужествомъ, и отправилъ письмо съ шарочнымъ.

Я обманулся въ спокойствіи Усгрѣльскаго. Природы пересилить невозможно. Измѣна обожаемой женщины намъ никогда даромъ не проходитъ. Вечеромъ Викторъ сдѣлался боленъ: у него была горячка.

Я увидѣлъ его Генерала. Этотъ почтенный человекъ посвѣщалъ его во время болѣзни. Я расска-

заль ему исторію несчастной любви Устрѣльскаго. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ его огорченіи и здоровьѣ.

Какъ скоро Викторъ оправился отъ болѣзни, его послали въ Москву. Передъ отъѣздомъ онъ сказалъ мнѣ: — Ежели она нуждается, дайте ей эти триста рублей. Увѣдомляйте меня, ежели она будетъ терпѣть нужду.

Я навѣстилъ ее: она жила въ прежней бѣдности. Мачиха опять прибрала ее къ рукамъ, и по прежнему жестоко стала обращаться съ нею, безпрестанно браня ее за то, что она не умѣла удержать Князя. — Тебѣ, дискать, былъ случай жить хорошо, да не сумѣла! — Я отдалъ Лизѣ деньги; она ихъ не брала. Мачиха принудила взять, говоря, что ей нечѣмъ кормить ее.

Лиза не могла перенести презрѣнія Устрѣльскаго. Она сдѣлалась больна и видимо чахла. Мачиха, безъ дальнихъ церемоній, отправила ее въ больницу для бѣдныхъ. Я видѣлъ ее тамъ: она очень страдала, и я простилъ ее. Назадъ тому недѣля, она умерла. За нѣсколько дней до смерти, написала она ко мнѣ письмо, прося, чтобъ я похоронилъ ее, чтобъ у ней не снимали съ руки обручальнаго кольца Виктора, и чтобъ на ея могилѣ я приказалъ положить скромную плиту, съ надписью: — жертва порока. Я велѣлъ зарыть ее какъ-можно глубже, и оросилъ теплыми слезами мѣсто вѣчнаго ея упокоенія.

СКАЗКА

О ВОРЪ И БУРОЙ КОРОВЪ.

=

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Пей-ка копыйка, пятакъ постой-ка, будетъ и на твою долю попойка! Гужи сыромятные, тяжи моржовые, шлея наборная, кобыла задорная — поидеть рысить черезъ лни, черезъ кочки, только держись супонь да мочки! Эхъ вы, любки, голубки, хвосты песты, головы ступки, что ноги ходки, хвосты долги, уши коротки, аль вы забыли, какъ прежде любили? Эхъ, съ горки на горку, дасть баринъ на водку — дасть-ли, не дасть-ли, а дома будемъ, дома будемъ, гостей не забудемъ! Эхъ, маленькіе, разудаленькіе, ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Погоди, Демьянъ, либо ты съ похмѣлья, либо я пьянъ; а эдакъ гнать, добру не бывать: держи ты тройку на возжахъ, правь толкомъ, да сказку сказывай тихомолкомъ; а то съ тобой чтобъ бѣды не нажить, чтобы сказкой твоей кого не зацѣпить; ты сказкой о воръ и бурой коровъ кому-нибудь напорешь и глазъ, не только брови! А ты кричи: поди, поди, бергися! Бдетъ сказка тройкой, сторонися! Сказка моя въ добраго парня не мѣтитъ, а ледащаго не жаль, хоть и зацѣпить!

Жилъ-былъ подь Нижнимъ подь городомъ мужикъ; а съ нимъ и баба, а съ нею и дѣти — семеро никакъ — шестеро постарше, а одинъ помоложе всѣхъ. Поколъ мужикъ тотъ былъ въ поръ, такъ за всякую ра-

боту брался; я, говаривалъ онъ, слава Богу, человекъ крещеный, такъ у меня руки отъ работы не отваяются; а какъ состарьлся, такъ уже и не подь силу стало; коли лапотки сплететь, лучины подь свѣтець надереть, такъ и на томъ спасибо. Было время, что онъ дѣтей кормилъ, а нынѣ, дѣти его и кормятъ и поятъ; круговая порука! Старикъ дѣтей своихъ шестерыхъ наставилъ и научилъ добру, и вышли они парни работающіе — а на седьмомъ, на Ванькѣ, оборвалось; не впрокъ пошло отцовское ученье; отбился, отшатнулся, и пошелъ своимъ проселкомъ, не доймешь его ни калиной, ни хворостиной! У него, чуть гдѣ плохо лежитъ, то и брюхо болить; что ни взглянетъ, то встанеть! А самъ увалень, лежебокъ такой, что опричь развѣ за поживой, не шелохнется ни рукой, ни ногой. Какъ бывало въ воскресный денекъ, утромъ раннимъ ранешенько, поколъ народъ у заутрени, съ легкой руки, протянетъ пятерню, да сволочить у сосѣда кушакъ, либо ножъ, либо, буде рука не дрогнетъ, колесо съ тельги, такъ и пошолъ на всю недѣлю, отколъ что беретъ! Ванька съ малыхъ лѣтъ приучалъ себя къ этому ремеслу — безъ выучки нѣтъ и мастера, а безъ умѣнья и пальца не согнешь. Онъ хлѣба еще не умѣлъ спросить у матери, а самъ уже тихомолкомъ руками за лопоть хватался. Бывало мать поставитъ удой молока на семерыхъ, да ребятишекъ обсажаетъ на полу вокругъ, а онъ одинъ, въ двѣ руки, да въ двѣ ложки уписываетъ — не одной ложки мимо рыла не пронесетъ; бывало отецъ привезетъ изъ Нижняго на всѣхъ ребятишекъ по маковнику, а онъ сестрамъ и братьямъ пескомъ глаза запорошитъ, да и поѣстъ все одинъ. Бывало положить самъ свои рукавицы на полати, заполнить съ печи, да и принаравливается, какъ-бы поладнѣе ихъ स्वाщить, чтобы и самому не увидать; бывало самъ у себя портишки унесетъ да и схоронитъ, и ходитъ какъ мать на свѣтъ родила. А когда только

сталъ онъ своимъ языкомъ лепетать, слова выговаривать, такъ первое слово сказалъ для почину, поговорку: лупи яичко, не сказывай, а облупишь, не показывай; первую пѣсню запѣлъ про Русскаго про Картуша, Ваньку Каина, первую сказку сказалъ про Стеньку Разина. Эй, быть бычку на веревочкѣ! говаривали ему добрые люди; нашъ Ванька не слушаетъ и ухомъ не ведеть. Сталъ ему старшій братъ говорить: — Ванька, коли ты у меня еще что украдешь, такъ ткну я тебя въ рыло ногой, будешь ты семь недѣль безъ одной, летѣть торчмя головой! Ванька себѣ на умѣ. Поется старая нѣсня: не бывать плѣшивому кудрявымъ, не отрутить дерева суховерхаго, не откормить коня сухопараго, не отвадить вора отъ куска краденаго — и Ванька все проказить по-прежнему. Тогда уже сказалъ ему отецъ: — Послушай, Ванька, ты теперь не малъ и не глупъ; скажу я тебѣ притчу: у моего у сударя у батюшки, а у твоего у дѣдушки, была собачища старая, насилу она по подстолюю таскалася — и костью краденою та собака подавилася; взялъ дѣдъ твой ее за хвостъ, да и подъ гору махнулъ — и была она такова! Будеть то же и тебѣ отъ меня! Ступай ты лучше, до грѣха, съ моего съ честнаго двора; вотъ тебѣ образъ, а вотъ тебѣ двери; дай Богъ свидѣться намъ на томъ свѣтѣ, а на этомъ не хочу я тебя и знать, не хочу я хлѣба-соли съ тобой водить; не хочу съ тобою въ баню ходить; гдѣ со мной столкнешься, ты мнѣ не кланяйся, шапки передо мной не ломай, я тебя не знаю, и ты меня не знай, я тебя не замаю, ты меня не замай!

Гни сказку готовую, что дугу черенховую! Эхъ, по всѣмъ, по тремъ, коренной не тронь, а кромѣ коренной и нѣтъ ни одной! Кто везеть, того и погоняють, у меня коренная за всѣхъ отвѣчаетъ; мой рысакъ подъ дугою рысать — не частить, пристяжныя выно-

сять, жару просясть... Ой, жару, жару, нагоню я на свою пару — ударю, ударю!... Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Эй, Демьянь, не нажить бы бѣды, ты знай гонишь, что въ масляну по блины — нынѣ Русской ѣзды ба-ричь не любить, а всякъ дома въ тихомолку трубить; по своей ѣздѣ ты ищи простора, чтобы не зацѣпить, невзначай, кромѣ Ваньки и другова вора!

Ванька ухватилъ шапку, рукавицы, зацѣпилъ мимоходомъ за лишній утиральникъ узорчатый, что висѣлъ на стѣнѣ, подлѣ осколыша зеркала, сманилъ со двора отцовскую собаку, да и пошелъ. Въ эту пору шла на ихъ село конница на пѣгихъ коняхъ — трубачи, обступивши лотокъ, торговали у бабы сайки; одинъ, видно не сошелся въ цѣнѣ, такъ заговоривши тѣтку, нагнулся съ коня, протянулъ пять рублей ко-стяныхъ, да и стянулъ валенецъ. У всякаго свой обы-чай: казакъ на всемъ скаку съ земли хватаетъ, а дра-гунъ съ лотка. Прямой музыкантъ, подумалъ Ванька про себя, поглядѣвъ на трубача, что только завидитъ глазами, то и беретъ пальцами да руками! Чуть ли этотъ не придется мнѣ родня — и я на костяной раз-движной трубкѣ мастеръ играть!

— Что ты, продувной парнишка, ротъ разинулъ, глядишь, нечто не видалъ еще, какъ пять свахъ нато-щакъ засылаютъ по невѣсту голодному жениху? Ты, видно, не женатъ еще? — Холость, отвѣчалъ Ванька. — Такъ ты по нашему, продолжалъ трубачъ, чтобы заговорить опаснаго свидѣтеля и выиграть время; лю-ди женятся, а у насъ съ тобой глаза во лбу свѣтятся! Что же ты не ищешь себѣ невѣсты? Дѣвокъ у васъ много, да и все славныя, и самъ ты молодецъ! — Хо-тель было бачка оженить, чтобъ жена берегла да при-

глядывала, да я не хочу, сказалъ Ванька. — А для чего же ты не хочешь? Вѣдь и бачка твой быль жемать, чай, аль нѣтъ? спросилъ трубачъ: — Да вѣдь бачка-то женился на мачкѣ, отвѣчалъ Ванька, а за меня отдаютъ чужую! — Трубачъ разсѣялся на дурака, на Ваньку, да и хотѣлъ было ѣхать, но тотъ не промахъ. Погоди, говоритъ, рѣжь, да ѣшь, ломай, да и намъ давай! Отдай-ка мнѣ полваленца, а не то, скажу. — Не сказывай, отвѣчалъ трубачъ, я за это научу тебя своему ремеслу, пойдемъ вмѣстѣ. Первая вещь, берегись пуще всего, чтобъ не прошло краснаго утра безъ почину, а то весь день пропадетъ даромъ. За большимъ не гоняйся, Ванька, хозяйскую печь подъ полюю не унесешь, а ты достань изъ нее лепешку, такъ и того съ тебя будетъ — нынѣ рыба дорога, хлѣбай уху, а малая рыбка и подавно лучше большаго таракана. Вотъ, вѣдь и мы тоже всѣ съ крохи на кроху мелкотою перебиваемся, да благодаря Бога сыты; если жъ станешь за крупнымъ добромъ гоняться, такъ кнута Фен амальгамовича не минуешь. Послѣ таковыхъ добрыхъ наставленій и поученій, развязался трубачъ съ Ванькою, и присталъ снова къ товарищамъ. — Насилу съѣлъ шелудиваго, подумалъ онъ про себя, подѣлюсь я съ нимъ сайкою, держи карманъ! Много васъ вислоухихъ ходитъ! Молодь больно; Господь мнѣ послалъ, такъ я и съѣлъ, а ты губы свои оближешь, коли не прогнѣваешься! Самъ хватъ за пазуху — анъ валенца и нѣтъ! Ай да Ванька! Вотъ ухорѣзь! У вора кореннаго изъ-за пазухи сайку унесъ, съ нимъ же рядомъ идучи, ее не жевавши съѣлъ, да и подошелъ запить къ кваснику, что вышелъ конницу на пѣгихъ коняхъ встрѣчать. — Ну, счастье твое, дуй-те горой, сказалъ трубачъ, что я тебя не поймалъ, я бы сдѣлалъ изъ тебя мутовку, не то заставилъ бы носомъ хрѣнѣ копать! — Что за счастье, проворчалъ Ванька, счастьемъ на скрипкѣ не заиграешь, а всякое дѣло мастера боится.

— На копѣйку, что ли? спросилъ квасникъ, выхвативъ стакамы изъ-за пазухи. Пить, такъ пить, отвѣчалъ Ванька, подумавъ не много, наливай на грошъ! Квасникъ налилъ, Ванька выпилъ, стянулъ у него пятакъ, отдалъ за квасъ, да еще три копѣйки сдачи взялъ!

Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Смотри, Демьянъ, не нажить бы бѣды, тройка наша храпитъ, того гляди помесетъ! — Помесетъ? спросилъ Демьянъ, а плеть на что? — Да развѣ ты плетью держать станешь? — Острастку задамъ плетью, такъ и возжей слушать стануть. — Эй, Демьянъ, кобыла подъ гору побьетъ. — Нѣтъ, развѣ я ее побью, такъ это скорѣй станется, отвѣчалъ опять свать; а самъ стегнетъ вправо, стегнетъ въ лѣво-рысакъ пошолъ черезъ пни, черезъ кочки, только держимся супонь да мочки! Пристяжныя въ кольцо свиваются, изъ постромокъ порываються, глаза, словно у звѣря, наливаются. Уснули, вздремнули, губы надули, я разбуду, подниму на ходули! Валяй, не страшно, будетъ набрашно — ой ударю! Гни сказку готовую, что дугу черемховую!

Такими и иными, той же масти, проказами ремесла или художества своего прославился Ванька нашъ до того, что дѣды наши сложили про него сказку: *о ворѣ и бурой коровѣ*. Сказка эта вырѣзана въ лицахъ, на лубкѣ, не то на деревѣ, расписана широкою кистью мѣдянкой, вохрой и киноварью либо сурикомъ; она продается въ матушкѣ Москвѣ блококаменной на Никольской улицѣ въ книжной лавкѣ Василья Васильевича Логинова, и начинается стихами: Злоумышленный воръ нѣкій былъ, во многіе грады для кражи ходилъ, и уже шельмованъ былъ неоднократно, и то ему было невнятно! Въ этой-то сказкѣ въ лицахъ, о ворѣ и бурой коровѣ, нашъ Ванька играетъ лице не бурой коровы, а вора. Многіе, такъ продолжаетъ сказочникъ,

ремесло его знали и ничего у него не покунали; Ванька объ этомъ не плакаль, не тужиль, а чистыя денежки удиль да ловиль. Но онъ таки не спускаль, гдѣ графилось, и товаромъ, у него дня не проходило даромъ. Случилось ему однажды черезъ деревню итти и къ крестьянину по пути ночевать зайти. У мужика была бурая корова, не дойная, такъ тельная, статна и здорова. Корова моя, подумаль Ванька, все дѣло въ томъ, чтобы ее увести, да себѣ хлопотъ не навести. Утро вечера мудренѣе, а у Ванькина починѣ и пальцы подлиннѣе. Легъ онъ, задремаль, на зарѣ всталъ, корову со двора согналъ, и подѣ дорогой въ орѣшникъ привязаль; а самъ на разсвѣтъ воротился, будто за добрымъ чѣмъ проходилъ, и легъ, гдѣ лежалъ, словно ни въ чемъ не бываль. Поутру хозяинъ его разбудиль, да тиори ему накрошилъ; Ванька за хлѣбъ, за соль его благодариль, а хозяинъ, собираясь въ городъ, его спросиль: А куда тебѣ, свать, итти? пойдѣмъ вмѣстѣ коли по пути! Ванька сказаль, что идетъ въ ближайшій градъ, а крестьянинъ тому и радъ; надломили хлѣба, Богу помолились, и вмѣстѣ въ путь-дорогу пустились. А Ванькѣ не хочется покинуть коровы, ну какъ пойти и прійти безъ обновы? У него, про случай давнымъ давно съ три короба затѣй припасено. Говорить мужику: ты, свать, меня здѣсь маленько обожди, не то я и цагну, пожалуй себѣ иди, а я, по дорогѣ у человѣка побываю, не засижусь, не бось, только должка попрошаю — давно, признаться онъ мнѣ продолжилъ, хоть и скоро отдать разѣ десять побожился; хоть ужъ и не деньгами съ него взять, а чѣмъ нибудь, только бы захотѣлъ отдать. Правду же, свать, люди говорятъ: не дать въ долгъ остуда на время, — а дать ссора на вѣки! А мужикъ придакнуль; говорить: иди, да скорѣй назадъ приходи; а я сниму лапоть съ ноги, да погляжу, не то соломкой перележу — не намять бы ноги, бѣда бѣдой какъ прійдешь въ уѣздный городъ хромой!

Ванька пошелъ, корову отвязалъ, и ведетъ какъ свое добро, будто за долгъ ее взялъ. Мужичекъ нашъ на нее глядѣлъ, глядѣлъ, и таки наконецъ не утерпѣлъ; говорить: ну, воля твоя, а это, волосъ въ волосъ, буренушка моя! А Ванька плутъ ему отвѣчаетъ: неужь-то похожа? бываетъ, свать, бываетъ; чай твоя кости, мясо да кожа, да и моя то же; напрасно сходство тебя въ сомнѣніе вводитъ; ты знаешь, и человѣкъ въ человѣка приходитъ; корову эту я у мужика за долгъ взялъ — и то насилу его засталъ; ходишь, ходишь, посталы обобьешь, да съ тѣмъ же опять и отойдешь! Ой, свать, послушайся ты моего слова простова, а стѣбитъ онъ, ей, ей, дорогова: не дать въ долгъ — остуда на время, дать въ долгъ — ссора на вѣки! — Что клянешь, говоришь, и красно ты баешь, да коровы твоей отъ моей не распознаешь! А станешь ее дома держать, аль, можетъ, повсдешькуда продавать? — Ванька, увидѣвъ, что мужикъ крѣпко чего-то добивался, да и струсивъ, чтобъ въ городъ кто не придрался, и вспомнивъ, что его тамъ всякій уже зналъ и потому ничего у него не покупалъ, сказалъ: хотѣлъ бы продать, теперь денегъ мнѣ нужно, время тяжелое — да только крѣпко недосужно, кабыты, землячекъ, ее по рынку поводитъ, я бы тебя послѣ благодарилъ, поставилъ бы тебѣ вина полкварти, назвалъ бы братомъ, да обьигралъ бы въ карты! Мужикъ говоритъ: пожалуй, я продамъ, а выручку, не бось, сполна отдамъ. Ванька отдѣлаться по добру радъ, думаетъ: Господь съ тобой, возни корову свою назадъ; а я, встану, благословясь, пораньше, да шагну куда нибудь по дальше, такъ тутъ-ли, тамъ-ли, на поживу набреду, гдѣ нибудь не только корову, и бычка уведу! глядитъ — а крестьянинъ ужъ воротился, за свое добро, да ему же поклонился; продалъ самъ свою бурюю корову, а денежки принесъ Ванькѣ на обнову. Ванька ему полкварти поставилъ, а себѣ сапоги да три рубахи справилъ. — Мужичекъ нашъ пьетъ,

попиваетъ, а что коровушка его іокнула*, знаетъ! Наконецъ онъ домой на село при дворъ поспышаетъ, а хозяйка съ дѣтками чааетъ, говоритъ: охъ, у насъ дома крѣпко пропала со двора наша бурая корова! а дѣтъ два кулака, кричатъ: тятя, хотимъ хлѣба! тогда мужикъ нашъ занкнулся, запнулся, молвить не очнулся; самъ шапку съ головы изъ головы хмѣль вытряхаетъ, умомъ рас гадаетъ — охъ, дѣтки, дѣтки, и я съ вами своей бурѣнушки и самъ не узналъ! была да межъ пальцевъ проскочила — бѣда бкомъ не ходила! ахъ, куда мнѣ дѣтушки ва у кого теперь станемъ молоко хлѣбать! А стала говорить: какъ не плакать, не тужит ваньемъ другой коровы не нажить, а теб дурня, вмѣсто коровы не подонть!

Стой же, свать, стой, заморимъ мы сво ъдемъ мы съ тобой не сблизка, а сдале кончена, вино кизильное подлѣ боку, — переведемъ духъ, да выпьемъ съ тобой, ру самъ другъ!

* Іокъ, по-Татарски : вѣтъ.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

СМЕРТИ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

=

Въ последнее время много писали о привидѣнiяхъ и предзнаменованiяхъ, — въ томъ числѣ и о метеорѣ, предшествовавшемъ кончинѣ незабвенной Екатерины II. Историческiя записки, вышедшiя подъ именемъ Лудовика XVIII, говоря о обстоятельствахъ ея смерти, смѣшали даже это явленiе съ приключенiемъ, которое, если вѣрить преданiю, случилось будто-бы съ Императрицею Анною Иоанновною, и во всѣхъ подробностяхъ описываютъ, какъ Екатерина II «ходила сама въ тронную залу, и видѣла тѣнь свою, «сидящую на престолѣ. Коротко заключить, происшествiе это было столь удивительно, говоритъ авторъ записокъ, что его никакъ скрыть не могли, и «я узналъ объ немъ одинъ изъ первыхъ.» Et voilà comme on écrit l'histoire!

Мнимое предзнаменованiе о смерти Екатерины II не было ни такъ страшное, ни даже изъ рода вещей необыкновенныхъ. Вотъ оно. Въ время пребыванiя въ Петербургъ Шведскаго Короля, здравствующаго и понынѣ подъ именемъ полковника Густавсона, были безпрестанные праздники и увеселенiя при Дворѣ и у многихъ вельможъ, угощавшихъ Императрицу и Ея гостей, Графа Вазу и Графа Гагу. Удостоивъ своего посѣщенiя балъ тогдашняго генераль-прокурора, Графа Самойлова, — то было въ исходѣ Августа, въ довольно свѣтлый вечеръ, — Государыня, садясь въ

карету, около семи часовъ вечера примѣтила, что одна звѣзда направила теченіе свое въ атмосферѣ прямо по слѣдамъ Ея выѣзда, и упала при выходѣ изъ экипажа неподалеку отъ Ея цуга и вершинокъ. Просвѣщенная Монархія сказала только — *Вотъ звѣзда упала!* — и отнюдь не думала, чтобъ это физическое явленіе могло что-нибудь значить для суевѣрныхъ.

На другой день Императрица пересказывала это обстоятельство одинъ - на - одинъ Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Матюшкиной: послѣдняя, издавна приближенная и любимица Екатерины, отвѣчала: «Народъ, матушка, толкуетъ, что звѣзда упала къ хорошему, и значить, что отъ насъ улетитъ Великая Княжна Александра Павловна въ Швецію.» Каждому извѣстно, что Государыня очень желала этого брака. Дни Ея прекратились черезъ два мѣсяца того же года (6 Ноября).

Вотъ приключеніе съ Екатериною II, вѣрно, безъ всякихъ прибавокъ, и которое могу засвидѣтельствовать, ни въ какой случай быть очевидцемъ упавшей звѣзды, у покойнаго Графа Самойлова, на его праздникъ. Разговоръ Государыни¹ съ Графиней Матюшкиной я слышалъ отъ самой почтенной старушки. О предзнаменованіи смерти не было и рѣчи.

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

П О Э З І Я.

=

БИТВА ПРИ ТИВЕРІЯДѢ.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ

АВТОРА ПУТЕШЕСТВІЯ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ.

=

Тихій вечеръ спускается на Іерусалимъ. Западная стѣна и всѣ ея бойницы багровы отъ лучей заходящаго солнца, которое, склоняясь за вершину Горы Исполинской, румянитъ вдали туманъ Мертваго Моря. Величественный замокъ Давида, господствуя надъ всеми твердынями, стоитъ близъ Ворота Яѳескихъ, какъ одинокій, неодолимый стражъ святаго града, обвитый зубцами наподобіе вѣнца. По стезь, ведущей отъ Юдоли Плача, чрезъ Пруды Соломона, изсохшіе и поросшіе зеленью и оливами, медленно подымается усталый пустыяникъ, и, не доходя до стѣнъ, садится отдохнуть на мшистый камень подъ тѣнью смоковницы. Уныло обозрываетъ онъ вечервующій Іерусалимъ, и, проникнутый предчувствіемъ его паденія, которое тщетно пришелъ отклонить изъ глубины своей пустыни, разрываетъ тоску свою древнимъ плачемъ Пророка Іереміа. Двѣствіе происходитъ у Яѳескихъ Ворота, находящихся въ западной стѣнѣ Іерусалима.

ПУСТЫЯНИКЪ.

Какъ опустелъ градъ многолюдный, шумный,
И уподобился вдовицѣ спрой!....

Во мракъ ночи горькимъ плачемъ плачетъ,
Не сохаютъ слезы на ланитахъ,
Нѣтъ утѣшителей въ толпѣ друзей, —
Они отверглися, они враги!....

.....
Какъ омрачилъ Господь Сіона дщерь,
Съ небесъ Израилеву славу свергнувъ,
И въ ярости своей не помянувъ
Подножья ногъ своихъ Іерусалима!

Какъ ратникъ, онъ напрягъ свой грозный лукъ,

Десницу мщенья утвердил на градъ,
 Излилъ, какъ пламя, гнѣвъ свой надъ Сіономъ
 И красоту его всю истребилъ.
 Отринулъ жертвенникъ, потрясъ святыню
 И праздники свои забылъ въ Сіонъ.....

.....
 Пути Іерусалимскіе рыдаютъ
 Безъ путниковъ во дни торжествъ; врата
 Врастаютъ въ землю, сѣтуетъ ограда;
 Его князя — какъ овцы предъ гонящимъ;
 Уведены всѣ юноши и дѣвы;
 Старѣйшины безмолвные сидятъ,
 Подъ рубищемъ и пепломъ на землѣ;
 Мимойдущіе руками плещутъ
 Со свистомъ, и ругаются Сіону:
 «Вотъ градъ, — веселіе, вѣнецъ земли!

.....»
 Вы всѣ идущіе моею стезею;
 Ахъ! обратитесь и скажите: есть ли
 Болѣзнь ужаснѣе моею болѣзней?....

Конюшіе, пажы и васаллы графа
 Раймунда выходятъ изъ воротъ; одинъ
 изъ нихъ приближается къ пустын-
 нику.

ВАСАЛЛЪ.

Благослови нашъ путь, святой отецъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Да охранитъ Господь васъ на пути!
 Кто вы? куда идете?

ВАСАЛЛЪ.

Мы васаллы

Раймунда Триполійскаго; идемъ
 Въ его владѣнья, графство Назаретъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Какъ! оставляете священный градъ,
 Когда Невѣрные грозятъ войной
 И ратники собираются къ защитѣ?

ВАСАЛЛЪ.

Мы исполняемъ волю властелина.
Вражда кипить межъ нимъ и Королемъ,
И Графъ нашъ удаляется изъ града,
Для безопасности.

МУСТЫНИКЪ.

О Боже, Боже!

ВАСАЛЛЪ.

Но вотъ и Графъ, намъ невозможно медлить.

Уходить. Графъ Раймундъ медленно выходитъ изъ ворота.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Священный градъ..... прости! Вотще Европа
Свой царскій цвѣтъ тебѣ давала въ жертву,
И тщетно Западъ уместилъ костями
Своихъ сыновъ; всѣ рвы твои и стогны:
Удвѣя твой пасть, — и пасть рукой твоихъ!
Но если въ грозный часъ, когда къ тебѣ
Ужъ приближается твоя судьба,
Чтобы въ желѣзныхъ мышцахъ задавить,
И мечъ Архангеловъ, тебя стрегущихъ,
Борьбы сей ищеть уклониться; если
Въ столь грозный часъ тебя я покидаю, —
Не обвиняй меня, Иерусалемъ!
Я изгнанъ! Слышите ль, свѣдыя стѣны,
Объ чьи зубцы такъ звонко разбивалась
Грудь мѣдная сподвижниковъ Готфреда?
Вы слышите ль? — я изгнанъ! И когда
На приступахъ вы загремите вновь
Уже не нашей, Сарациновъ сталью,
Тогда откликните съей вопль: «Онъ изгнанъ!» —
А я пойду на берегъ Иордана,
Въ предѣлы Галилейскіе мои.
Тамъ я въ святыхъ струяхъ умою руки
Невинныя въ паденіи Сіона;
И если мало Иорданскихъ водъ,
Чтобы съ меня смыть чуждое пятно

Народной клеветы, — еще довольно
 Есть крови Сарацинской, въ коей можеть,
 Какъ въ зеркаль багровомъ, отразиться
 Моя невинность.

НУСТМНИКЪ, схватывая за узду коня.

Стой, графъ Триполійскій!

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Чего ты хочешь?

НУСТМНИКЪ.

Возвратися въ градъ.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Оставь меня!

НУСТМНИКЪ.

Иди въ Іерусалимъ.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Кто ты, пришлецъ?

НУСТМНИКЪ.

Я, Іосселинъ Эдесской.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Иль мертвые встають?

НУСТМНИКЪ.

Возстануть всѣ,

Чтобъ васъ судить!

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Спокойно имъ предстану.

НУСТМНИКЪ.

Но какъ ответишь Богу за Сіонъ?

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Живой иль мертвый, существо иль тень,
 Графъ Іосселинъ или его лишь призракъ!
 Тебѣ и Богу дамъ одинъ отвѣтъ:
 Я правъ! Теперь самъ отвѣчай: что ты?
 Я не привыкъ бесѣдовать съ тѣнями.

НУСТМНИКЪ.

Когда глазамъ не вѣришь, осязай:
 Я живъ еще!

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Графъ Іосселинъ, ты живъ?

Тебя ли вновь я къ сердцу прижимаю?
 Но какъ избѣгнуль смерти? Гласъ молвы
 Разнесъ о гибели твоей въ Эдессъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Нѣтъ, я не палъ; но долгій, тяжкій плѣнъ
 И нищету терпѣлъ въ тюрьмахъ Алепа.
 Надъ грѣшникомъ была рука Господня.
 Но онъ со мной въ судъ не возшелъ, услышалъ
 Сердечный гласъ раскаянья, и, тайно
 Избавленный, я посвятилъ въ пустынь
 Остатокъ дней небесному Отцу.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Стези Владыки несповѣдимы.
 Хвала ему!

ПУСТЫННИКЪ.

Прославъ его дѣлами,
 И кровію запечатавъ любовь
 Къ Святому гробу: возвратись въ Сіонъ.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Графъ Иосселинъ! клянусь симъ дивнымъ гробомъ,
 Я съ сжатымъ сердцемъ выхожу изъ града.
 И здѣсь даю обѣтъ — пасть за него.
 Я встрѣчу въ областяхъ monkъ Султана!
 Но мнѣ нельзя остаться здѣсь: Король
 Меня обидѣлъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Позабудь обиду.

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Онъ умертвить меня хотѣлъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Хотѣлъ лишь?

А Господа Еврея умертвили,
 И Онъ простилъ.....

ГРАФЪ РАЙМУНДЪ.

Веди меня въ Сіонъ.

Уходить въ городъ.

Площадь Иерусалимская, толпа народа въ волненіи.

конюшій, вбѣгал.

Онъ живъ! онъ живъ!

на жъ, вбѣгал.

Возсталъ изъ мертвыхъ!

народъ.

Кто?

конюшій.

Графъ Иосселинъ.

народъ.

Какой?

на жъ.

Эдесской графъ!

народъ.

Давно истреблъ онъ!

на жъ

Нынѣ всталъ.

народъ.

О чудо!

первый гражданинъ.

Эдессы ль мертвый прахъ творить живыхъ?

второй гражданинъ.

Невѣрныхъ бичъ, теперь онъ насъ спасеть

Отъ Саладина.

первый гражданинъ.

Нѣтъ! не добрый знакъ,

Когда земля костей своихъ не держитъ,

И мертвыми живыхъ къ себѣ зоветъ.

третій гражданинъ.

Въ какомъ же видѣ онъ? Какъ тѣнь? какъ призракъ?

конюшій.

Одеждою пустытника облекся.

на жъ.

Я съ вѣстью къ Королю.

конюшій.

А мы навстрѣчу!

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ графъ Юсселинъ Эдесской!

Пустынникъ и графъ Раймундъ входятъ.

ПУСТЫННИКЪ.

Иерусалиму горе, горе, горе!

НАРОДЪ.

Какой привѣтъ?..... Что возвѣститъ онъ?

ПУСТЫННИКЪ.

Горе!

Съ востока гласъ, гласъ съ запада и юга,
 Гласъ съ сѣвера, отъ четырехъ странъ вѣтровъ
 Гласъ истребленья на Иерусалимъ!
 Гласъ на младенцевъ, дѣвъ и новобрачныхъ,
 Гласъ на сиротъ, вдовицъ и престарѣлыхъ,
 Гласъ гибели всему народу!..... Горе!

НАРОДЪ.

О Боже! — О святая стѣны!

ПУСТЫННИКЪ.

Горе

Тебѣ Иерусалимъ! тебѣ, Моріа,
 Обломокъ храма, и тебѣ, Сіонъ,
 Краса Давида и Давида сила!
 Вамъ вѣсѣмъ холмы святаго града — горе!
 Голгоѳа! разступись и снова черепъ
 Адама ветхаго изъ пѣдръ извергни!
 Вы, Элеонскія оливы, вѣйте
 Могильной сыростью; и ты, Кедронъ,
 Журчи пѣснь погребальную, журчи.....
 Сіона дщерь погибла..... и — навѣки!

НАРОДЪ.

О горе намъ!

ПУСТЫННИКЪ.

Земля поколебалась,
 Глубоко до своихъ основъ; бушуютъ
 Въ пустынь вѣтры дикою враждою;
 Смятеніе на Мертвомъ Морѣ. Море
 Возстало бурями на Иегову,

Луна и солнце ликъ затмили свой,
И огненные метеоры свѣтять
Со знаменіемъ битвъ на бурномъ небѣ.
Все гибель намъ гласить!

НАРОДЪ.

Отколь спасенье?

ПУСТЫННИКЪ.

Возстаньте, мертвые Иерусалима!
Въ борьбѣ стихій и вы вооружитесь!
Проснитесь, избіенные Пророки!
Окровавленные изъ гроба встаньте!
На судъ, на грозный судъ! Взоръ устремите
Потухшій на Сіонъ, и насладитесь
Событіемъ пророчествъ вашихъ.

НАРОДЪ.

Горе!

ПУСТЫННИКЪ.

Съ кѣмъ я сравню тебя, Иерусалимъ?
Чему уподоблю твои печали?
Мои глаза слезами истощились,
Разбилась грудь, рассыпалось въ ней сердце,
Когда въ видѣніяхъ моихъ увидѣлъ
Младенцевъ и сосущихъ грудь — лежащихъ
Съ млскомъ и кровью на устахъ.

НАРОДЪ.

Господь

Да отвратитъ отъ насъ его угрозы!

ПУСТЫННИКЪ.

Сбылись и сбудутся слова Пророковъ.
Толпа безумная, прійди въ себя,
Прозри, внимай, оставь свой долгій сонъ!
Земля и небо знаменій полны,
Предвозвѣщающихъ намъ казнь и горе.

Смятеніе въ народѣ, Король входитъ.

Покайтесь! Приблизился день судный,
День казни, мщенья, — послѣдній день.

Безпечные, что медлите на стогнахъ?
 Вы, утопающіе въ празднои нѣгѣ,
 Хотите ль смерть призвать къ себѣ на пирь?
 Бѣгите! Сбросьте брачныя одежды,
 Во вретнице одѣньтесь, въ власяницу;
 Главу посыпьте пепломъ, сокрушите
 Вашъ гордый духъ, кичливыя мечты;
 Забудьте ненависть, обиды, злобу:
 Вашъ мститель — на небѣ!

Народъ разсвѣтаетъ.

король, приближаясь.

Какое чудо

Тебя намъ возвратило, мудрый графъ?
 Въ моемъ лицѣ весь восхищенный градъ,
 Сіонъ, тебя привѣтствуетъ.

пустынникъ отступаетъ, указывая на
 графа Раймунда.

Миритесь!

король.

Графъ Юсселинъ, что значитъ сей приемъ?

пустынникъ.

Миритесь!

король.

Но графъ.....

пустынникъ.

Миритесь!

графъ Раймундъ, подавая руку.

Я

Прощаю все!

пустынникъ соединяетъ ихъ руки.

Свидѣтель мира — Богъ!

СУДЪ НАДЪ XVIII ВѢКОМЪ.

==

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

==

Раздался голось вдохновенья,
Пророка голоось неземной,
И въ часъ таинственный видѣнья,
Надъ нимъ носился Духъ Святой.
«Когда для міра Вѣкъ проходить,
«И въ ночь глубокую нисходитъ
«Стыдомъ или славою одѣтъ,
«Предъ Богомъ долженъ онъ явиться,
«Передъ судьей своимъ смириться,
«И въ жизни дать ему отвѣтъ!»

На жертву смерти обреченный
Внемли мнѣ, гордый сынъ могилъ:
Узнай, что неба гласъ священный
Въ видѣньѣ чудномъ мнѣ открылъ.
Мнѣ градъ явился тотъ прекрасный,
Гдѣ солнца день не знаетъ ясный,
Гдѣ нѣтъ печалей никогда;
Гдѣ родилась заря впервые,
Гдѣ звуки загремятъ святыя
Трубы послѣдняго суда!

И тамъ, въ небесномъ обожанъ
Богонзбранныхъ сонмъ стоялъ;
Вдали, въ таинственномъ сіянъ,
Треуголь огненный пылалъ.
У трона, гдѣ родятся громы,
Рукою ангела влекомый,

Явился призракъ въковой
И ангель, Францію хранящій,
Звѣздъ подобенъ былъ блестящей,
Что ночь приводитъ за собой.

Тогда услышанъ громогласный
Въ пространствѣ Бога приговоръ;
И застоналъ во тмѣ ужасной
Проклятыхъ ангеловъ соборъ.
Погасли пѣсни херувимовъ,
И колесница серафимовъ
Остановила быстрый бѣгъ;
Умолкли радости святыхъ,
И крыла ангеловъ златыхъ;
И такъ Господь изъ тучи рекъ :

г л а с ъ .

Раскрылась книга въковая
Передо мной семнадцать разъ;
Пусть слышитъ пропасть роковая
Прощенья иль проклятья гласъ.
Приблизься! Я твоимъ судьбою.
Ты голъ и вагъ передо мною,
Невинный иль виновный, Вѣкъ.
Умреть ли призракъ твой безславный?..
И вѣкъ и часъ для Бога равны, —
А время знаетъ человекъ.

в ѣ к ъ .

— Я самъ собой руководимый,
Все испыталъ и все раскрылъ;
Законъ судьбы неизмѣримый
Своимъ законамъ покорилъ;
Тебя, всемірнаго Зажидатель
Измѣрилъ я...

г л а с ъ .

Богохулитель!
Оставь кичливыя мечты,
Благоговѣй передъ святыней.
Премудрый! сомнѣвайся нынѣ;
Во мнѣ не усомнишься ты.

Гордась наукою презрвнной ,
 Ты все отринулъ, все попралъ :
 Ни Вѣры ты моеѣ священной,
 Ни Бога ты не признавалъ.
 Моими тайнами играя,
 Весь міръ, отъ края и до края
 Ты святотатствомъ ужасалъ!
 И въ дикой, богомерзкой злобѣ,
 Прахъ царскій возмутилъ во гробъ...

в ѣ к ѣ.

— Твой день, о Господи, насталь?

г л а с ь.

— Да! горько, горько заблужденье!
 Оно часъ отъ часу росло;
 Родило горестъ и сомнѣнье,
 Къ царевбійству повело!
 Любилъ я беречь отдаленный;
 Царь добрый, мнѡй благословенный,
 Страною управлялъ своей;
 Что сдѣлалъ ты съ Богоизбраннымъ?
 Съ Царемъ тебѣ отъ неба даннымъ?..

в ѣ к ѣ.

— Огъ тамъ, въ обители твоеѣ!

г л а с ь.

— Внемли жъ! Мой гнѣвъ клеймомъ проклятья
 Клеймитъ преступниковъ и злыхъ,
 И разверзуются объятъя
 Мои для добрыхъ и святыхъ.
 Мой гласъ пространство наполняетъ,
 Мой взоръ живить, иль истребляетъ;
 Взгляну,—и все дрожить предъ нимъ:
 И землю пламя поглотило,
 И гаснетъ чистое свѣтло,
 Подъ дуновеніемъ моимъ!

Забвенью предавъ будь нѣмому!

в ѣ к ѣ.

— Свой гнѣвъ, о Господи смягчи!
 Прости, Великій, проклятому!

г л а с ь.

— Нѣтъ! снова проклять будь! Молчи!

ВЪКЪ.

— И такъ столѣтїе наступить:
Оно грѣхомъ своимъ искупить
Грѣхи тяжелые мои!..

=

Надежды взоръ смутился ясный,
И ангелъ Франціи прекрасный
Криломъ закрылъ глаза свои.

ГЛАСЪ.

— Иди жь! сокройся передъ нами!
Столѣтье новое грядеть!
Грѣхъ не искупится грѣхами.
Тебя жь, проклятый, проклявель!

Порою грозно буря стонеть,
И предъ собою въ море гонить
Листокъ, что вихрь съ земли увлекъ:
Такъ, долго, долго гласъ Господній,
Гремѣлъ надъ бездной преисподней,
И въ вѣчность кануль этотъ Вѣкъ!

С. ГЕДЕОНОВЪ.

МОЛИТВА.

=

Царь міровъ, Отецъ вселенны!
Гласъ мой скорбный и смиренный
Днесъ съ любовію внемли,
Миръ душъ моей пошли.

День грядеть, подъемлю вѣжды;
Но вотще вездѣ надежды
Ищеть взоръ унылый мой:
Вся душа полна тоской.

Землю сумракъ покрываетъ,
 Ночь съ небесъ твоихъ слетаетъ:
 Я ея встрѣчаю тѣнь
 Съ той же грустью, какъ и день.

Къ ближнимъ рекъ я: «Други! братья!»
 Но, они, какъ отъ проклятья,
 Отъ моихъ бѣжали словъ,
 И не вняли скорбный зовъ.

Къ небу рекъ: «Краса созданья!
 Гдѣ Творца обитованья?
 Что Его мнѣ стройный мѣръ?
 Я печаленъ въ немъ и сирѣ!»

Но, оно ко мнѣ со гнѣвомъ,
 Лишь грозы въщало ревомъ.
 Я землѣ рекъ: «Мать земля!
 Жатвой тучныя поля,

Величавыхъ горъ громады,
 Съ громомъ, съ блескомъ водопады,
 Рѣки льющіяся серебромъ, —
 Все прекрасно! что мнѣ въ томъ?

Вся душа моя уныла,
 И ты вся душѣ постыла!»
 И, въ отвѣтъ мнѣ, изъ утробъ,
 Земля кажетъ хладный гробъ.

Царь міровъ, Отецъ вселенны!
 Глазъ мой скорбный и смиренный
 Днесъ съ любовію внемли,
 Мнѣ душъ моей пошли.

Ты речешь, — и день грядущій,
 Мнѣ во срѣтенье текущій,
 Будеть днемъ однихъ отрадъ,
 И мой счастьемъ вспыхнетъ взглядъ.

Ты речешь, — ночныя тѣни,
 Какъ роднаго крова сѣни,
 Примуть въ свой меня покровъ
 Съ роємъ тихимъ, мирныхъ сновъ.

Ты речешь, — и челоуѣки,
 Какъ сливаюсь въ море рѣки,
 Притекутъ ко мнѣ на пирь,
 Съ стройнымъ звономъ дружныхъ лирь.

Ты речешь, — и небо свѣтомъ,
 Въ пламѣ звездъ твоихъ одѣтымъ,
 Провѣщаетъ мнѣ любовь,
 И мой духъ восхититъ вновь.

Ты речешь, — земныя нѣдра,
 Гдѣ твоя десница щедра
 Проліяла ты чудесь,
 Стануть радостью очесь.

Самый гробъ, что духъ смущаетъ,
 Сердце тѣбномъ ужасаетъ,
 Будетъ радостью моею,
 Знакомъ благости твоею:

Я скажу: «Покровы праха
 Брось мой духъ скорѣй безъ страха
 Въ часъ земнаго здѣсь конца!
 Я, въ объятіяхъ Отца,

Въ небѣ встану для блаженства,
 И души для совершенства;
 Тамъ съ любовію святой
 Встрѣтитъ другъ отшедшій мой!»

ВАСИЛІЙ МЫЗНИКОВЪ.

ПАХОМЪ СТЕПАНОВЪ.

=

С К А З К А .

=

1.

Цѣловальника нѣтъ дома,
Да проворная жена
Всѣхъ уподчуетъ одна,
Просить посидѣть Пахома;
А ужъ кружку допилъ онъ,
Всталъ и хочетъ выйти вонъ.

2.

«Что торопишься, служивый?»
— Нѣтъ, хозяйюшка душа,
Брага ваша хороша,
Да капраль старикъ сварливый!
Поплетусь-ко я домой. —
«Путь счастливый, Богъ съ тобой!»

3.

Спотыкнулся у порога
И немного подъ хмѣлькомъ
Вышелъ изъ корчмы Пахомъ.
Черезъ лѣсъ лежитъ дорога,
Все еловникъ да сосна;
Ночь, глазъ выколи, — темна.

4.

Пусть темна не для Пахома!
Ночью, днемъ — намъ все равно:
Молодцу давнымъ давно
Та дороженька знакома.
Вотъ онъ пѣсню затянулъ:
Пѣснѣ отвѣчаетъ гуль.

5.

Опъ поетъ. Но лвъсь дремучій
 Будто баня душень сталъ,
 Тяжко филинь простоналъ
 Грозно громоздятся тучи,
 Вдругъ съ деревъ понесся листъ :
 Вътеръ всталъ и поднялъ свистъ.

6.

Небо разразилось громомъ,
 По лѣсу раздался трескъ,
 Тму разрѣзалъ яркій блескъ :
 Цѣловальникъ предъ Пахомомъ —
 И промолвился солдатъ :
 «А, Потапычъ! здравствуй, братъ!»

7.

— Гдѣ гулялъ, Пахомъ Степанычъ?
 Говорить старикъ ему.
 «Къ вамъ я заходилъ въ корчму?»
 — Что же не остался на ночь? —
 «Къ переключкѣ тороплюсь :
 Служба! палокъ, братъ, боюсь.»

8.

— Э! Степанычъ! что за служба?
 Твой капралъ храпитъ давно :
 Отвѣчать ужъ все равно.
 Воротись! вотъ будетъ дружба!
 Горе мы зальемъ винойъ :
 Не упрямяся, свѣтъ Пахомъ. —

9.

Тускло теплится лучина ;
 Холодна изба, темна.
 Нацѣдилъ старикъ вина.
 «Пей же, веселись, дѣтина!
 Нынче праздникъ : выпей! что жъ?»
 А того подрала дрожь : —

10.

Да зачѣмъ же эти очи
 Такъ и блещуть и горять?
 Что за чудный, дикій взглядъ?
 И сдается въ мракъ ночи,
 То подниметь старика
 Мигомъ вверхъ до потолка,

11.

То опять на землю скинеть.
 Глядь : онъ какъ ребенокъ малъ;
 Глядь : до крыши лбомъ досталъ !
 Смотрить гость, и кровь въ немъ стынеть :
 Дѣвъ, три сотни чертенятъ
 Языкомъ его дразнять.

12.

«Что блѣднѣешь? вмѣсто фабры,
 Не прикажешь-ли румянъ?
 Что тутъ думать? вѣдь ты пьянъ!»
 — Въ самомъ дѣлѣ! — молвилъ храбрый.
 — Знать, то мальчики въ глазахъ :
 Нѣтъ! не для солдата страхъ.

13.

Ну, старикъ! налей же чару;
 Да, смотри же, пополнѣй :
 Я прозябъ въ корчмѣ твоей! —
 Надо, братъ, прибавить пару
 Вотъ! — (и разомъ) — спать пора :
 Такъ прощай же до утра.

14.

Легъ служивой на палатъ :
 Цѣловальникъ былъ не скупъ,
 Далъ служивому тулупъ :
 Вотъ и самъ ужъ на кровати,
 И заснулъ крѣпкимъ сномъ
 И хозяинъ и Пахомъ.

15.

Спятъ. Восходитъ мѣсяцъ ясной,
 Изъ тяжелыхъ тучъ сверкнулъ,
 Къ нимъ въ окошко заглянулъ,
 Мѣсяцъ, съ синевой ненастной,
 Смотритъ молодцу въ глаза :
 Рѣже дождь, прошла гроза.

16.

Просыпается Степановъ
 Гдѣ же? въ глубинѣ лѣсной;
 А угрюмый и глухой
 Въ сизой епанчѣ тумановъ
 Мракъ изъ-за сосновыхъ дровъ?
 Разбавляетъ черный зѣвъ.

17.

Тамъ же, гдѣ луна свѣтила,
 Гдѣ лежалъ и спалъ Пахомъ,
 Подъ свалившимся крестомъ
 Одинокая могила;
 Вздрогнулъ, мѣветъ молодець :
 Цѣловальникъ-то мертвецъ.

18.

Саванъ — теплая овчина,
 Платъе мертвеца того,
 Даръ Пахому отъ него ;
 Пилъ изъ черепа дѣтина :
 Что же пилъ? не знаю я,
 Но не вышелъ онъ, друзья!

19.

Въ томъ лѣсу понынѣ бродить
 Средь медвѣдей и волковъ,
 Ждетъ разгульныхъ молодцовъ
 И въ болото ихъ заводитъ.
 А солдатъ былъ хоть куда!
 Гдѣ вино, — тамъ и бѣда!

В. ГАРШЕНКО.

II.

ПОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

КАКЪ ПИШУТСЯ

ПУТЕШЕСТВІЯ?

=

Вы хотите знать, какъ пишутся путешествія, которыя вы покупаете? Путешествія, которыя въ послѣдніе годы наводнили Англійскую Словесность и твердую землю? Путешествія, которыя у насъ съ такою жадностью переводятъ и читають? О, это большой секретъ! Его знаетъ только Г. Ансардъ съ товарищи. Его знаетъ тоже и Г-нъ..... Но лучше всѣхъ знаетъ его Г. Ансардъ!

Ансардъ, говоря самъ съ собою. Проклятый Кольборнъ! вздумалъ же онъ заказать мнѣ Путешествіе! Какъ же мнѣ написать Путешествіе? Правда, я ѣзжалъ въ лодкѣ по Темзѣ, прохаживался по Бондъ-Стритскимъ тротуарамъ, совершалъ однажды сентиментальную прогулку на Гемпстедскій холмъ; но этимъ и ограничиваются всѣ мои странствованія. Какъ же мнѣ съ этимъ, за двѣсти фунтовъ стерлинговъ чистыми деньгами, написать Путешествіе по берегамъ Рейна, въ двухъ томахъ въ 4-ку? Если бъ, по крайней мѣрѣ удалось мнѣ повстрѣчаться съ добрымъ моимъ геніемъ, Бернстемлемъ, который ужъ однажды училъ меня, какъ писать модный Романъ съ красотами, безъ дѣйствующихъ лицъ и безъ приключеній! Рецептъ его превосходенъ. Книга моя, поддержанная эпиграфомъ, метафорами и пустословіемъ, разошлась какъ

нельзя лучше. Но, вотъ и онъ самъ! (*Обращаясь къ входящему Бернстемлю.*) Боже мой! какъ я радъ, что тебя вижу!

БЕРНСТЕМЛЬ. Понимаю! Ты хочешь о чемъ-нибудь просить меня. Говори.... Но прежде скажи мнѣ, имѣлъ ли какой-нибудь успѣхъ Романъ, который мы вмѣстѣ состряпали.

АНСАРДЪ. Успѣхъ удивительный! Любезный книгопродавецъ Кольборнъ заплатилъ мнѣ исправно обѣщанныя сто гиней. Всѣ подумали, что этотъ Романъ написанъ Лордомъ Годричемъ. Свѣтскіе люди его покупали, а дамы расхваливали. Семьсотъ пятьдесятъ экземпляровъ распродано меньше нежели въ недѣлю. Это мы назвали первымъ изданіемъ; остальные экземпляры составили изданіе второе.

БЕРНСТЕМЛЬ. Когда вы не перепечатали ни одной строки?

АНСАРДЪ. Такъ всегда дѣлается. — Какой непостижимый успѣхъ! сказалъ и Кольборну. — У меня все продается, отвѣчалъ онъ.

БЕРНСТЕМЛЬ. Не очень лестно для тебя.

АНСАРДЪ. Конечно нѣтъ; но онъ заказалъ уже мнѣ другую книгу: «Странствованіе по берегамъ Рейна»*. Какъ же бы мнѣ это сдѣлать?

БЕРНСТЕМЛЬ. Напиши путешествіе.

АНСАРДЪ. Да я отъ роду не выѣзжалъ изъ Лондона и его предмѣстій!

БЕРНСТЕМЛЬ. Нужды нѣтъ! Напиши путешествіе.

АНСАРДЪ. Напиши! Это легко сказать, да не легко сдѣлать. Если бы надобно было написать путеше-

* Известно, что знаменитый Г. Больверъ издалъ недавно Путешествіе почти подъ тѣмъ же заглавіемъ, — «Рейнскіе пильгримы». Б.
л. Ч.

ствіе по моей лѣстницѣ, за этимъ бы дѣло не стало; во описывать живописныя мѣстоположенія, которыхъ я не видалъ, города и деревни, которыхъ я даже именъ не знаю!

Бернстемль. Позволь же тебѣ сказать, любезный Ансардъ, что ты еще очень новъ въ дѣлахъ литературныхъ. Ты находишь затрудненія тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Ты не видалъ Германіи и Рейна? Другіе ихъ за тебя видѣли. Не все ли равно? Тебѣ надобно описывать приключенія, которыя съ тобою никогда не случались. Такъ что жъ? Выдумай ихъ. Дай мнѣ карту и Дорожникъ, и я напишу тебѣ путешествіе не только по странамъ извѣстнымъ, но, пожалуй, хоть по какой угодно планетѣ. Въ Романъ своемъ ты подробно описалъ большой свѣтъ, котораго никогда не видывалъ. Я надѣюсь, что мы такъ же счастливо будемъ плавать по Рейну. Но прежде всего надобно сдѣлать предварительную издержку. Запишись въ какой нибудь Библіотекѣ для чтенія; просмотри всѣ Путешествія въ Германію, Странствованія по берегамъ Рейна, Путевыя Записки, Дорожныя Замѣтки, Выдержки изъ памятной книжки. Дневники, и прочая, и прочая. Это самая трудная и самая скучная часть твоей работы. Выбери самага знаменитаго изъ числа твоихъ предшественниковъ, которые дѣйствительно путешествовали, а не прибѣгали къ экономическому способу, который я тебѣ предлагаю; ступай по его слѣдамъ, только съ легкими уклоненіями отъ его пути, расхваливай его, привози ему въ жертву всѣхъ другихъ путешественниковъ, ссылайся на него почаще, приводи лучшія мѣста изъ его книги. Это ты непременно долженъ сдѣлать: надобно быть учтивымъ съ людьми, которыхъ обираешь. Осыпай эпиграммами тѣхъ, которые были не одинаковаго съ нимъ мнѣнія; противорѣчь имъ, опровергай, брани ихъ, и не жалѣй бумаги. Понимаешь ли ты, какая польза отъ этого?

Любимый твой авторъ простить тебѣ воровство за похвалы: чего добраго! Быть можетъ, онъ еще отыщетъ тебя и пригласить на обѣдъ. Если онъ располагаетъ какимъ-нибудь журналомъ, то тебя будутъ въ немъ расхваливать. Не мудрено даже, что ты сблещешься короткимъ пріятелемъ этого путешественника.

Ансардъ. Помилуй! Да мнѣ стыдно будетъ взглянуть на него!

Бернстеваль. Стыдно взглянуть на него! Да разве ты не видишь, что твое сочиненіе будетъ не что иное, какъ объявленіе о его книгѣ? Э, любезный мой, ты ничего не смыслишь въ дѣлахъ сего свѣта. Далѣе: всѣ путешественники другъ другу противорѣчатъ. Ты путешественникъ, слѣдственно долженъ противорѣчить своимъ предшественникамъ. Этого еще мало: ты долженъ смѣяться надъ ними.

Ансардъ. Объясни мнѣ это, пожалуй-ста.

Бернстеваль. Ничего не можетъ быть легче. Предшественникъ твой проникъ въ развалины какого-нибудь готическаго замка, измѣрилъ какую нибудь старую башню. Она, говоритъ онъ, вышиною въ семьсотъ сорокъ футовъ. Увѣрай смѣло, что ты самъ ее мѣрять, и что въ ней только семьсотъ двадцать футовъ. Известно, что всѣ путешественники преувеличиваютъ. Уменьши только размѣръ, показанный твоимъ предшественникомъ, и публика повѣритъ тебѣ больше, чѣмъ ему.

Ансардъ. Теперь я начинаю понимать и, право, кажется уже въ состояніи путешествовать. Чудное ремесло литератора! Писать, чего никогда не думалъ, не церемониться съ публикой, идти впередъ смѣло, не заботясь ни объ истинѣ, ни оприличіяхъ, и наполнять кошелекъ деньгами; право, это занятіе пріятное. Одно только меня тревожитъ: начало. Въ какомъ тонѣ мнѣ писать?

Бернстевль. Бери перо и пиши; я готовъ помогать тебѣ; а въ какомъ тонѣ писать, это скажетъ тебѣ публика. Сегодня она любитъ болтовню, завтра сентиментальныя восклицанія, послѣ завтра мелкія подробности о нравахъ; повинуйся ей: она твоя властительница. Если бы она потребовала, чтобы въ тебѣ не было здраваго смысла, — ради Бога, не тянись за нимъ. Нынче въ модѣ эгоизмъ. Начни разговоромъ о томъ, въ какомъ расположеніи духа выѣхалъ ты изъ Лондона, что было въ твоёмъ чемоданѣ, много ли гиней припасъ ты на дорогу; разсыпай щедрою рукою я, мы и притяжательныя мѣстоименія. Нельзя же, чтобы читатели не принимали участія въ челѣвѣкѣ, который съ такою важностію рассказываетъ обо всемъ, что до него касается.

Бьюсь объ закладъ, что я однимъ этимъ заставляю читать, хвалить, раскупать Путешествіе въ двѣ мили по Лондонскимъ улицамъ. Ты встрѣчаешь на пути.... что хочешь.... напимъврѣ аптеку. На окнахъ стоятъ блестящіе сосуды съ разноцвѣтными жидкостями: вотъ тебѣ случай поблистать слогомъ. Прохожіи толкнулъ тебя подъ бокъ: вотъ тебѣ дѣйствующее лице, о которомъ ты можешь распространиться. А если ты вошелъ въ кондитерскую, и мальчикъ не скоро подалъ тебѣ мороженое: вотъ тебѣ предлогъ потолковать о нравахъ, о неуваженіи низшихъ классовъ къ высшимъ и проч. и проч. А главное дѣло: слогъ, слогъ и слогъ. Публика только этого и требуетъ; подбивать ее фактами и цифрами, значить принуждать ее къ работѣ, которой она совсѣмъ не любитъ.

Ансардъ. Очень благодаренъ тебѣ: я начинаю одушевляться; воображеніе мое разыгрывается. Когда я тебя вижу, Бернстевль, мнѣ кажется, что со мною мой добрый геній.

Бернстевль. Чтобы у тебя всегда былъ цвѣти-

стый слогъ : ткань изъ перловъ и алмазовъ. Глаголы выкидывай : они вещь пошлая ; три прилагательныхъ на одно существительное : это пропорція самая умѣренная ; какъ можно побольше блестящихъ перифразъ : это избавить тебя отъ необходимости имѣть идеи. Сберегай ихъ однако жъ, употребляя вмѣсто того описанія. Ты видишь готическую церковь? — разсужденіе о готической архитектурѣ. Ты проѣзжаешь черезъ Нѣмецкую деревню : разсужденіе о костюмахъ и нравахъ въ Германіи ; старайся только , чтобы все это было легко, занимательно и пуще всего избѣгай однообразія. Тебѣ встрѣчается молодая крестьянка : описывай ея платье, головную уборку, походку и проч. Пиши какъ можно болѣе ; наполни этимъ столько страницъ, сколько удастся. — Пользуйся глупостью читателей ; помни, что все зависитъ отъ того, какъ представляешь вещи ; выказывайся человѣкомъ свѣтскимъ, которому все надоѣло, который слишкомъ остроуменъ, чтобы писать старательно, не заботится о литературной знаменитости, смѣется надъ публикою, и пишетъ свое путешествіе старою зубочисткою : такимъ образомъ тебѣ простятъ самыя грубыя ошибки, будутъ любить, уважать тебя, даже будутъ тебѣ благодарны за твою снисходительность.

Анслардъ. Ты меня удивляешь ; теперь я вижу, что въ твоей вѣтрености болѣе глубокомыслія и наблюдательности, чѣмъ въ моей философіи.

Бернштейль. Не станемъ терять времени ; мнѣ некогда. Бери перо ; я продиктую тебѣ начало первой страницы : начало вещь важная. Пиши..... «Прелестнѣйшая весна, которой дыханіе когда либо освѣжало «зеленѣющіяся равнины и бархатную мураву Англии, «не могла утолить наследственной болѣзни, которая «губила меня и отъ которой не могли меня избавить «славнѣйшіе врачи. Я боялся сдѣлаться жертвою груд-

«ной болѣзни, отъ которой умерла мать моя; сухой кашель раздиралъ мою внутренность. Голосъ друзей моихъ уже не веселилъ моего сердца; я не въ состоянiи былъ принимать участiя ни въ ихъ забавахъ, ни даже въ ихъ огорченiяхъ; мнѣ казалось, что искра жизни медленно во мнѣ погасаетъ. Это тягостное ощущенiе, о которомъ я не стану распространяться, ежедневно усиливалось и принудило меня наконецъ выѣхать изъ Англiи, искать въ дальнемъ путешествiи разсвѣтлiя и надежды. Безъ всякаго успѣха посѣщалъ я Ильфракамбъ и Брайтонъ; мнѣ хотѣлось обозрѣть страны Востока, но родственники мои этому противились и живо представили мнѣ всѣ опасности подобнаго путешествiя. Я рѣшился прогуляться по цвѣтушимъ берегамъ Рейна, и выѣхалъ изъ Англiи 25 Юля 1819 года.» — Потомъ ты бросишь взглядъ на Дувръ, и сядешь на корабль..... Не мѣшало бы помѣстить тутъ хоть маленькую бурю; но для оригинальности, ты обратишь все вниманiе на мелочи, опишешь ихъ въ подробности, а о важныхъ вещахъ, занявшихъ вниманiе другихъ путешественниковъ, ты не скажешь ни слова. Скалы Дуврскiя довольно занимательны: молчи о нихъ. Но подлѣ тебя сидитъ денди и куритъ сигару: разсужденiе о сигарахъ на трехъ страницахъ. Ты не страдаешь морскою болѣзнию.

Ансардъ. Напротивъ, я не могу безъ тошноты перѣхать черезъ Темзу.

Бернстель. Я тебѣ говорю, что ты не страдаешь морскою болѣзнию; ты совсѣмъ не знаешь ея. Это болѣзнь слишкомъ обыкновенная, пошлая, недостойная тебя. Притомъ, покуда ты на пакетботѣ, надобно составить маленькiй романъ. Ревнивый мужъ, хорошенькая жена: она падаетъ въ обморокъ въ твои объятiя; мужъ, больной, приподнимается съ грознымъ видомъ. Ты бросаешь на всю эту сцену нѣсколько двусмыслен-

ныхъ словъ, и изъ скромности, молчишь о развязкѣ. Это необходимо для того, чтобы заинтересовать женщинъ: славу подобныхъ книгъ составляютъ не мужчины, а женщины. Щедрою рукою разсыпай женщинъ въ твоей книгѣ: блондурыхъ, черноволосыхъ, сентиментальныхъ, пламенныхъ, осьмнадцати-лѣтнихъ, тридцати-пяти-лѣтнихъ, всѣхъ сортовъ и разборовъ; анализируй ихъ души, разоблачай ихъ сердца, истомковывай ихъ жесты.

Вышедъ на берегъ, ты чувствуешь головокруженіе, тошноту; ноги твои подгибаются, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, однимъ словомъ, всѣ признаки морской болѣзни.

Ансардъ. Морская болѣзнь на сушѣ!

Бернстевль. Да, да, морская болѣзнь на сушѣ. Ты чувствуешь всѣ ея припадки, и потомъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, предаешь это странное явленіе физической природы на разсмотрѣніе и обсужденіе врачей. Этимъ ты прекрасно кончишь первую главу; ты низпровергаешь порядокъ природы; читатель остается въ недоумѣніи, записываетъ это странное явленіе, помнить о тебѣ, и, не зъвая, переходитъ ко второй главѣ.

Ансардъ. Ты человекъ неподобный, Бернстевль. Я чувствую вдохновеніе; теперь прощай, любезный другъ: надѣюсь, что мы скоро опять увидимся.

Бернстевль жметъ ему руку и уходитъ. Ансардъ садится къ столу; перо путешественника начинаетъ бѣгать по бумагѣ, и останавливается не прежде, какъ наполнивъ шестнадцать страницъ.

=

Ансардъ, *установь писать.* Хорошо! право, хорошо! Великолѣпное описаніе; по двадцати прилагательныхъ въ каждомъ періодѣ; блестящій колоритъ, смѣлыя черты: «волны кипяція, клопочущія, шумяція,

ревуція, сверкающія, отливающія всѣ цвѣты радуги, искрящіяся по бокамъ корабля, струящіяся по снастямъ!... Но есть ли полно тутъ здравый смыслъ? Нужды нѣтъ. Пусть говорятъ, что у меня цвѣтистый, живописный слогъ; а если журналисты мнѣ хоть немножко поблагоприятствуютъ, я, пожалуй, прослышу Рубенсомъ Литературы.... А! (*звѣаетъ*) Право, этакъ путе-шество-вать не лег-ко!

Онъ засыпаетъ; занавѣсъ опускается, и мы видимъ его черезъ два дня послѣ того у письменнаго стола. Дойдя уже до половины второго тома, онъ начинаетъ засыпать, написавъ нѣсколько сентиментальныхъ страницъ. Бернстебль входитъ.

БЕРНСТЕБЛЬ. Спать!

АНСАРДЪ (*во снѣ*). Джонъ, мерзавецъ!..... смотри!..... ось трещить!.....

БЕРНСТЕБЛЬ. Бѣднякъ! онъ во снѣ путешествуетъ! Ансардъ, проснись!

АНСАРДЪ (*не раскрывая глазъ*). Погоди немножко.... лошади еще не готовы.... (*Открывая глаза*). Ахъ, это ты, Бернстебль; а я спалъ путешествуя, и путешествовалъ во снѣ. Я былъ въ Лондонскомъ трактирѣ, и разговаривалъ со своимъ слугою. Повѣришь ли ты, что описывая мое путешествіе, я вообразилъ, что я въ самомъ дѣлѣ путешествую!

БЕРНСТЕБЛЬ. Прекрасно! Ты можешь рассказать читателямъ, какъ ты измучился, какъ одолевалъ тебя сонъ; какіе фантастическіе сны толпились въ головѣ твоей. Нынче, чтобы правиться читателямъ, надобно только побольше фантастическаго: фантастическое описаніе подушки; фантастическое изображеніе лучей луны, падающихъ на кровлю убогой хижины, и проч. и проч. Заметь, что это истина, фактъ. Ты точно спалъ и рассказываешь объ этомъ публикѣ; ты видѣлъ во снѣ алмазные чертоги, золотыя колонны, женщинъ бѣлыхъ, розовыхъ, голубыхъ, сильфидъ; ты описыва-

ешь все это блестящимъ слогомъ, и право это несравненно лучше усыпительныхъ разсужденій о развалинахъ и древнихъ гробницахъ.

Ансардъ. Но я все ѣду на почтовыхъ, и это начинается уже надоѣдать мнѣ; вотъ уже три недѣли, какъ я не выхожу изъ почтовой коляски, и описываю окрестныя мѣста, перенося въ мою прозу всѣ стихи Байрона, и перелагая лучшія мѣста изъ нашихъ поэтовъ.

Бернстевль. Прекрасно; ты человекъ съ дарованіями; тебѣ надобно только хорошенько набить руку, и ты сдѣлаешься однимъ изъ нашихъ самыхъ блестящихъ писателей. Гдѣ ты остановился?.....

Ансардъ. Въ половинѣ втораго тома.

Бернстевль. Коляска твоя ломалась?

Ансардъ. Ломалась уже.

Бернстевль. И ты останавливался въ какойнибудь уединенной подозрительной гостинницѣ?

Ансардъ. Разумѣется.

Бернстевль. Не было ли у тебя какойнибудь сопутницы, бѣлокурой, томной, нѣжной, сентиментальной, романической, даже чахоточной?

Ансардъ. Была; но я уже отпустилъ ее. Мнѣ бы хотѣлось путешествовать не одному. Полторы книги уединенія и мизантропіи, этого кажется довольно. Сыщи мнѣ товарища.

Бернстевль. Пожалуй! *(съ важнымъ видомъ.)* Этотъ товарищъ долженъ быть не человекъ. Помни твердо, Ансардъ, то, что я скажу тебѣ. Филантропія нынче не въ модѣ: хотя бы у тебѣ шишка благорасположенія была чрезвычайно развита на задней сторонѣ черепа, но принимаясь писать, ты непременно долженъ сдѣлаться человеконенавистникомъ; ты долженъ ненавидѣть общество, проклинать родъ человеческій; гнушаться законами, добродѣтелию, при-

лицами; подражай Жанъ-Жаку Руссо и Байрону; тебѣ совсѣмъ не нужно ихъ дарованій; присвой только себѣ ихъ причуды, и читатели найдутъ въ тебѣ ихъ гений. Товарищемъ твоимъ будетъ..... не человекъ, но..... собака!

Ансардъ. Собака!

Бернштейль. Да, собака! Ты знаешь, что всѣ гениальные люди любили животныхъ, а ты долженъ быть человекомъ гениальнымъ. Ты видишь, сколько философическихъ размышленій, сколько эпиграммъ противъ человечества, сколько романическихъ приключеній, можетъ доставить тебѣ твоя вѣрная собака. Ты находишь ее въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городкѣ: — описаніе маленькаго городка; ты покупаешь ее на рынкѣ: — описаніе этого рынка; человекъ, который продалъ тебѣ собаку, плачетъ, разставаясь съ нею: — описаніе человека, который плачетъ. О! сколько строкъ, сколько страницъ, сколько шиллинговъ это тебѣ доставить! Перечитай Стерна: онъ хорошій образецъ; бери у него выраженія, фразы; не церемонься съ нимъ, а если иногда въ словахъ твоихъ не случится здраваго смысла, нужды нѣтъ: это припишутъ причудамъ генія, неизбѣжнымъ странностямъ человека съ умомъ необыкновеннымъ.

Ансардъ. Но тутъ надобно много искусства, и я не надѣюсь заинтересовать читателя описаніемъ моей собаки, изображеніемъ ея мягкой шерсти, красоты ея движеній, или, если хочешь, жестовъ.

Бернштейль. Вотъ прекрасно! Говори, что придетъ въ голову; это будетъ безсмыслица чрезвычайно оригинальная. — Не забывай только повторять какъ можно чаще, что ты не имѣешь ни какихъ притязаній на авторскую славу, и твое дворянское путешествіе будетъ имѣть успѣхъ необычайный.

Ансардъ. Дай Богъ, чтобы такъ вышло. Но видно, ты очень надѣешься на нашу публику.

Бернстевль. О! наша публика добра и терпѣлива какъ нельзя болѣе. Заинтересуй дамъ твоимъ Медоромъ; напоминай объ немъ въ каждой главѣ; это подастъ читателямъ, а особенно читательницамъ высокую идею о твоей чувствительности и придастъ болѣе вѣсу твоимъ выходкамъ противъ рода человѣческаго.

Ансардъ (*принимается за перо.*) О Бернстевль, ты человѣкъ могущественный, ты въ три ручья льешь вдохновеніе; для тебя именно изобрѣтено слово: шарлатанство.

Бернстевль. Пиши, пиши смѣло. Опиши мнѣ Нѣмецкій городокъ. Будь плодовитъ, повторяй самъ себя; если бы ты сталъ заботиться о краткости, книга твоя не наполнилась бы, и ты прослылъ бы писателемъ сухимъ и безцвѣтнымъ. Въ Нѣмецкомъ городѣ необходимо должна быть готическая церковь. Опиши эту церковь: это сюжетъ прекрасный.

Ансардъ. А послушай: сколько же мнѣ заплатить за Медора?

Бернстевль (*размышляя*). Сорокъ фунтовъ стерлинговъ по крайней мѣрѣ.

Ансардъ. Сорокъ фунтовъ стерлинговъ за собаку!

Бернстевль. Непремѣнно; ни однимъ пенни меньше; помните, сударь, что въ общественномъ мнѣніи, вещь цѣнится по тому, что за нее заплачено. Книгопродавцы, директоры театровъ всегда объявляютъ въ газетахъ, что рукопись стоитъ имъ вдесятеро противъ того, что они въ самомъ дѣлѣ заплатили: они знаютъ, что общественное уваженіе всегда бываетъ соразмѣрно покупной цѣнѣ. Собака, за которую ты заплатишь 40 ф. ст., необходимо будетъ умнѣе самаго Муинто;

она можетъ, если тебѣ угодно, знать музыку ; въ случаѣ нужды, ты даже можешь заставить ее прорычать нѣсколько словъ.

Ансардъ. О нѣтъ, это ужъ слишкомъ ; но, скажи мнѣ, пожалуй-ста, привезти ли мнѣ ее съ собою въ Англию ?

Бернштейль. Ты съ ума сошелъ ! Какъ же это возможно ? Дамы, котырыхъ ты заинтересуешь своимъ Медоромъ, стали бы приглашать его на вечера. Ты непременно долженъ убить его. Пусть онъ взбѣсится, и ты его застрѣлишь.

Ансардъ. Но меня почтутъ варваромъ.

Бернштейль. Ничуть ! Пистолетъ два раза выпадетъ изъ рукъ твоихъ ; ты отворишься и съ проклятіями противъ медицины, которая доселѣ еще не изобрѣла лекарства отъ бѣшенства собакъ, пустишь роковую пулю ; Медоръ броситъ на тебя умирающій, раздирающій сердце взглядъ..... Да это прелесть, любезный другъ, это золотой рудникъ !

Ансардъ. Искренно благодарю тебя. Смерть Медора доставитъ мнѣ эпизодъ великолѣпный. Не уходи однако жъ. Мнѣ еще нужны блестящія мѣста. Я уже описывалъ водопады, горы, пропасти ; два раза встрѣчались мнѣ волки, и три раза разбойники ; я составилъ маленькій эпизодъ изъ встрѣчи съ крестьянкою. Признаюсь тебѣ откровенно : я много кралъ. Мало Біографій, Записокъ, Разказовъ, Воспоминаній, изъ которыхъ бы я чего нибудь не выбралъ. Мнѣ бы очень хотѣлось украсть у поэта Шеллея описаніе готической церкви ; но какъ это описаніе превосходно, то мнѣ совѣстно : боюсь, что меня уличать.

Бернштейль. Ребенокъ, ребенокъ ! Во-первыхъ, ты перелагаешь стихи въ прозу ; слѣдственно тутъ нѣтъ уже воровства ; во-вторыхъ, ты можешь пере-

мѣнить нѣкоторыя обстоятельства, мѣсто дѣйствія, и слѣдственно не подлежишь ни малѣйшему упреку. Покажи мнѣ это описаніе. Покажи мнѣ это описаніе. (*Прочитайъ его.*) Авторъ говоритъ о лучахъ солнца, о прозрачности стеколъ, о готическихъ пиластрахъ, на которыхъ играютъ блестящіе переливы свѣта. Возьми все это; только вмѣсто солнца, поставь луну; освѣти церковь тысячами свѣчъ; сохрани превосходное описаніе готическихъ сводовъ и благочестивыя размышленія автора; но отбрось, перемѣни только перестановку словъ, отбрось рѣшмы. Это блестящее мѣсто будетъ выписано во всѣхъ журналахъ; его будутъ приводить какъ доказательство твоего описательнаго дара, и не скоро какой нибудь сердитый критикъ обличитъ твою уловку, и возвратитъ Шеллею то, что ты взялъ у него.

Ансардъ. Ты человекъ удивительный, Бернстель! Твой лунный свѣтъ въ готической церкви меня восхищаетъ и, благодаря тебѣ, мое сочиненіе будетъ именно то, что Нѣмцы называютъ *луннымъ свѣтомъ*, то есть, вещью безъ существенности, безъ дѣйствительности и безъ теплоты.

Бернстель. Скажи мнѣ пожалуй-ста, ты гастрономъ?

Ансардъ. Да, такъ же какъ волокита — безъ денегъ. На любовь и гастрономію смотрю я издали, какъ на блестящіе, недостижимые призраки счастья.

Бернстель. Въ путешествіи своемъ ты непременно долженъ быть гастрономомъ. А не оскорблялъ ли кто тебя?

Ансардъ. О! какъ можно!

Бернстель. Необходимо. Но при этомъ ты долженъ выказать всю твердость истаго Англичанина; ты долженъ кричать, шумѣть какъ можно больше;

всѣ эти добрые Нѣмцы должны просить у тебя прощенья, и Англійскій народъ долженъ быть уваженъ въ твоей особѣ. Лести нашему чопорному, мелочному самонобію. Всѣ будутъ тебѣ за это благодарны. Купецъ, который отъ роду не покупалъ книги, кушитъ твое путешествіе, чтобы посмотреть, какъ Англичанинъ защищаетъ честь своего народа. Не былъ ли ты боленъ во время путешествія?

Ансардъ. Нѣтъ.

Бернстевль. Ты долженъ быть боленъ. У всякаго умнаго чловѣка бываетъ мигрень.

Ансардъ. Ну, пусть будетъ у меня мигрень. А какъ я вылечусь?

Бернстевль. Шестью бутылками шампанскаго.

Ансардъ. Хорошее средство!

Бернстевль. По крайней мѣрѣ оригинальное, а это-то и нужно. Не бойся ничего, любезный другъ. Введи въ свою книгу Г-жу Сталь, расскажи чтонибудь о Каннингъ и какойнибудь анекдотъ о Гете.

Ансардъ. Но я не знаю о нихъ ничего новаго.

Бернстевль. Нужды нѣтъ, выдумай. Г-жа Сталь необходимо должна быть во всякой книгѣ о Германіи..... Чуть было не забылъ: расскажи своимъ читателямъ, какъ охотно принимаютъ въ Германіи билеты Англійскаго Банка. Надобно, любезный другъ, стараться понравиться народу, для котораго пишешь, польстить ему, умаслить его; а ты знаешь, что Англичане не заботятся ни о чемъ столько, какъ о своемъ коммерческомъ кредитѣ....

Ансардъ. Безподобно.

Бернстевль. Иди по пути, который я начерталъ тебѣ и ты скоро въ состояніи будешь перенестись въ

сферу болѣе возвышенную, предпринять путешествіе болѣе дальное и трудное. Мы пустимся въ Африку, проникнемъ до Томбукту, далѣе Томбукту; проберемъ въ самую глубь этихъ странъ неизслѣдованныхъ, и превзойдемъ въ смѣлости и предприимчивости Клапертона и Брюса.

Ансардъ. А если узнаютъ, что я не выѣзжалъ изъ Лондона?

Бернстевль. Забавный ты человекъ! Все тебя затрудняетъ. Какъ - будто ты не можешь ухватъ на нѣсколько времени въ какую нибудь изъ окрестныхъ деревень, распрощаться съ пріятелями, разгласивъ предварительно объ огромныхъ приготовленіяхъ къ твоему путешествію. Мѣсяца черезъ четыре ты снова явишься. Ты былъ въ Африкѣ. Если бы я принялся за это, то привезъ бы изъ Конго всеобщую исторію Негровъ, черную Иліаду, собраніе Трагедій и Комедій, игранныхъ въ Томбукту съ сотворенія міра, собраніе народныхъ балладъ и съ дюжину опытныхъ танцовщицъ, которыя были будто-бы въ службѣ у какихъ нибудь царьковъ бронзоваго цвѣта. Въ теоріи и практикѣ, въ журналахъ и театрѣ, въ политикѣ и торговлѣ, важность не въ дѣйствительномъ достоинствѣ товара, а въ томъ, какъ его прославляютъ. Лордъ Байронъ и Шериданъ не могли наполнить Дрюриленскаго театра; нынче, благодаря пышной афишкѣ, какой нибудь шарлатанъ скликаетъ туда всю публику. Мильтонъ продалъ свою рукопись за сто франковъ; Шекспиръ взялъ за Гамлета гинею, а тебя, за твое твореніе, дадутъ нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ.

о.

ЛАТИНСКІЕ ЛИТЕРАТОРЫ

ВЪ ПЕРВОМЪ ВЪКѢ ПО Р. Х.

=

ETUDES DE MOEURS ET DE CRITIQUE sur les poètes latins de la décadence, par M. Nisard. Paris, 1834, 8-ro. 2 vol.

=

Мы бы не исполнили въ отношеніи къ читателямъ Б. для Ч. долга своего, знакомить ихъ съ примѣчательнѣйшими современными событіями въ области ума, если бъ ничего не сказали здѣсь о книгѣ Г. Низара, его «Нравоописательныхъ и критическихъ опытахъ о Латинскихъ поэтахъ время упадка Словесности.» Не то, чтобы мы сами находили появленіе этихъ опытовъ событіемъ примѣчательнѣйшимъ или даже примѣчательнымъ: во Франціи считаютъ это такимъ, тамъ оно дѣлаетъ страшное впечатлѣніе, тамъ его восхваляютъ, тамъ первые Парижскіе литераторы пишутъ объ нихъ статьи и Критики, — и этого уже весьма довольно для возбужденія любопытства. Они тамъ удостоились быть разбираемы самимъ Г. Вилльменомъ. Тѣмъ лучше! Мы будемъ говорить о сочиненіи Г. Низара, и о разборѣ Г. Вилльмена: тотъ и другой заслуживаютъ наше вниманіе по многимъ отношеніямъ, — въ томъ числѣ и по своей странности.

Напередъ отрывокъ Критики этого знаменитаго литератора: во-первыхъ, читатели наши составятъ себѣ изъ него нѣкоторое понятіе о содержаніи книги; а во-вторыхъ, Г. Вилльменъ всегда пишетъ очень умно, даже и тогда, когда можно о томъ же дѣлѣ написать умнѣе.

«Много ли найдется внѣ училищъ людей, пишетъ
Т. V. — Отд. II.

Г. Вилльменъ, которые бы читали Латинскихъ поэтовъ время упадка Словесности? При всеобщемъ разливѣ современныхъ чужеземныхъ Литературъ по языкамъ новѣйшихъ народовъ, многіе ли поэты по ремеслу найдутъ досугъ просмотрѣть Лукана, Персія или Стація? Да притомъ, стоитъ ли изученія болтовня Латинской музы, стихотворныя работы эпохи чудовищно-рабской и порочной? Въ отношеніи къ нимъ, незнаніе не есть ли справедливость? Вотъ вопросы, которые сами собою представляются и могли бы произвести предубѣжденіе противъ книги Г. Низара, если бы всякое изысканіе чловѣка съ дарованіемъ не представляло чего-нибудь новаго и занимательнаго. Что мнѣ до Стація, скажетъ поэтъ нашего времени, который самъ на него походить? чему мнѣ научиться въ этой старинѣ? Чому? избѣгать недостатковъ, въ которые вы впадаете. Стацій, Луканъ драгоценны для Исторіи Литературы: это классики дурнаго вкуса: у нихъ есть раздражатели, которые ихъ не знаютъ, школа, которая никогда ихъ не читала.

«Отсюда истекаетъ для отвлеченной исторіи Искусства слѣдующая истина: именно, что упадокъ Словесностей имѣетъ причины общія, высшія, дѣйствующія почти одинаково у различныхъ народовъ въ одинаковыя эпохи ихъ существованія и вопреки общественнымъ формамъ, иногда весьма различнымъ. Упадокъ можетъ, если ему угодно, называться важнымъ литературнымъ переворотомъ, великимъ шагомъ впередъ, возрожденіемъ, творчествомъ; но на немъ всегда лежитъ печать этого закона ума чловѣческаго. По этому изысканіе причинъ общихъ и причинъ случайныхъ, измѣняющихъ ихъ дѣйствіе, изученіе этихъ болѣзней мысли, дряхлости и обновленія, которыя она испытываетъ, всегда чрезвычайно занимательно. Воображеніе рода чловѣческаго есть неистощимый лѣсъ, въ которомъ одни деревья сохнутъ и умираютъ, дру-

гія ростуть и зеленѣють. Жизнь не возвращается въ пни изсохшіе, но отдѣльно бѣжитъ отъ корня, возобновляется у нихъ подошвы.

Оттого даже и частное изученіе этихъ умственныхъ переворотовъ, этого разложенія мысли, приготовляющаго ея возрожденіе, дѣло весьма полезное. Г. Низаръ съ виду занимается только нѣсколькими Латинскими поэтами; но въ сущности объемлетъ задачу обширную, многообразную, которая въ данныя эпохи повторяется у всѣхъ народовъ. Чтобъ разрѣшить ее, онъ призываетъ въ помощь то умозрѣнія, которыя можно назвать метафизикою вкуса, то замѣчанія о языкѣ и слога, разливающія иногда яркій свѣтъ на духъ народа. Онъ является то эстетикомъ, то критикомъ нравственнымъ и литературнымъ, то филологомъ. Мы не скажемъ, чтобы превосходство Г. Низара было одинаково и равно важно во всѣхъ этихъ различныхъ родахъ; но онъ вездѣ поучителенъ, и даже, когда ему случается ошибиться, онъ ошибается остроумно и на ученое основаніи. Книга его показываетъ большіе успѣхи въ изученіи древнихъ языковъ и классической Критикѣ во Франціи.

« При ея составленіи, авторъ слѣдовалъ порядку простому, можетъ-быть слишкомъ простому, именно хронологическому и біографическому, за исключеніемъ только умозрительныхъ отступленій и сужденій о Луканѣ, помѣщеннаго послѣ Ювенала, и наполняющаго цѣлый второй томъ. Вы открываете книгу, и вмѣсто изложенія вопроса, объясненія системы, взгляда на общественное состояніе Рима, въ то время, съ котораго предметъ начинается, находите жизнь и разборъ Федра, очень остроумные, очень замысловатые, очень хорошо написанные.

« Я не охуждаю этой методы; но авторъ могъ бы сказать что-нибудь яснѣе объ эпохѣ Тиверія, о борьбѣ гонимыя изящества, который еще сохранялся, объ этомъ

подозрительномъ тиранствѣ Кесарей, которое ускорило униженіе Литературы униженіемъ умовъ, и сдѣлало паденіе ея у Римлянъ болѣе быстрымъ, чѣмъ у другихъ народовъ.

«Авторъ Опытовъ несправедливо говорить, будто бы «Федръ единственный поэтъ и можно сказать, «единственный писатель, наполняющій разстояніе «между вѣкомъ Августа и вѣкомъ Нерона.» Это разстояніе составляетъ цѣлые полвѣка, въ которые Римское слово еще текло величественнымъ потокомъ. Угнетеніе было, конечно, велико, но геній не совсѣмъ безмолвствовалъ. Въ это время кончался Овидій, пѣвшій и въ изгнаніи, и жили нѣкоторые поэты, имъ восхваленные, между прочимъ Корнелій Северъ, отъ котораго остались намъ прекрасные стихи на смерть Цицерона, и Манилій, авторъ *Астрономики*, замѣчательнаго памятника философической поэзіи дурнаго вкуса. Наконецъ нравственный противникъ Тиверія, Германикъ, котораго Тацитъ такъ хорошо называетъ *кратковременною и злополучною любовью Римскаго шрода*, и который соединялъ въ себѣ всѣ блестящія и изящныя добродѣтели, какъ Тиверій всѣ пороки, — Германикъ былъ поэтъ. Воспитанный въ Греческихъ преданіяхъ дома Августа, онъ одаренъ былъ отъ Природы воображеніемъ возвышеннымъ, которое внушаетъ въ Искусствахъ великое. Вся судьба его этому соответствовала и придама душѣ его склонность къ энтузіазму. Онъ первый изъ Римлянъ далеко плавалъ по Сѣверному Оксану. Онъ посвятилъ побѣдителемъ Востокъ, и плылъ вверхъ по Нилу до острова Элефантины; онъ открылъ въ лѣсахъ Сѣвера волшебныя тайны побѣжденныхъ Друидовъ, и заставлялъ Египетскихъ жрецовъ читать ему таинственныя писмена, начертанныя на стѣнахъ ихъ храмовъ. Онъ былъ божествомъ Римлянъ, и отказался отъ трона. Онъ страстно любилъ славу: простую жизнь семейную и Литерату-

ру. Въ душѣ этого челоѣка были великія поэтическія дарованія; и нельзя удивляться, если, плѣнившись чудесами небесъ, вдохновившими Мацилія, онъ перевелъ прекрасными стихами *Кеномены* Артуса. Его не слѣдовало забывать, говоря о горестномъ вѣкѣ Тиберія.

«Правда, это время было жестоко для поэтовъ, и долженствовало оставить въ живыхъ немногихъ изъ нихъ, даже и тогда, когда они не были, подобно Германику, императорской крови и подозрительными. Известна исторія Луторія Приска, которому вздумалось, во время болѣзни Друза, приготовить заранее алегію на смерть его, и прочесть ее въ одномъ обществѣ въ Римѣ: онъ былъ сужденъ Сенатомъ за оскорбленіе величества. Одинъ только сенаторъ осмѣлился заявить, что хотя преступные звуки, которыми Луторій запятналъ свои мысли и оскорбилъ слухъ слушателей, не могутъ быть достойно наказаны ни тюрьмою, ни пыткою, но въ немъ видно болѣе безумія, чѣмъ порочности, и нельзя ожидать ничего опаснаго отъ челоѣка, который самъ, обличая свои преступленія, вкрадывается въ умы не мужчинъ, а слабыхъ женщинъ. По-этому, онъ полагалъ наказать Луторія только изгнаніемъ, конфискаціею и воспрещеніемъ огня и воды. Мнѣніе столь снисходительное не привлекло къ себѣ большинства; Сенатъ единогласно приговорилъ Луторія къ смертной казни: бѣдный поэтъ былъ удушенъ въ тюрьмѣ.

«Съ историками обходились не лучше какъ съ поэтами. Кто не читалъ въ Тацитѣ защиты, осужденія и смерти Кремуція Корда? Но изъ этого уже примѣра видно, что тогда были опасность и гоненіе, но молчанія не было. Твореніе Кремуція Корда, сохраненное его дочерью, Марціею, издано въ Римѣ въ послѣдствіе времени, и когда же? — въ царствованіе Калигулы! Оно также должно считаться въ числѣ памятниковъ

вѣка, который представляютъ намъ столь безплоднымъ.

«Наконецъ въ сокращеніи Веллеія Патеркула дошелъ до насъ образецъ Исторіи, той Исторіи, которую позволялъ и поощрялъ Тиверій; и если эта книга возмущаетъ насъ низостію своихъ умолчаній и лжи, то въ ней нельзя не замѣтить прекраснаго слога и свѣжести красокъ. Твореніе Веллеія тѣмъ болѣе должно было обратить на себя вниманіе Г. Низара, что вопросы о вкусѣ, разрѣшеніемъ которыхъ онъ самъ занимается, означены въ ней съ точностію, весьма рѣдкою у древнихъ, и искусно перемышланы съ Исторіею учрежденій и нравовъ. Веллей, въ замысловатомъ разсужденіи о Греціи и Римѣ, изыскиваетъ, по какимъ причинамъ геній Литературы у каждаго народа обнимаетъ не болѣе восьмидесяти или ста лѣтъ, и отъ чего, по прошествіи этого срока, паденіе уже неизбѣжно. Понятія его объ этомъ предметѣ просты и здравы; не худо было напомнить объ нихъ читателямъ, и о цѣломъ твореніи Веллеія, которое составитъ эпоху въ Исторіи вкуса.

«Авторъ Опытовъ, конечно, зналъ всеэто; но ему вздумалось поражать умы читателей противоположностію, и онъ поставилъ, послѣ вѣка Августа, вѣкъ Нерона, а пространство между ними уничтожилъ. Этотъ оборотъ дѣла блистательнѣе и даже не совсѣмъ чуждъ истины. Конечно, есть подобіе, есть сродство между бышенимъ царствованіемъ Нерона, его необузданнымъ, гигантскимъ, жестокимъ воображеніемъ, безумною роскошью, жаждою крови въ ниршествахъ, и между пустою и пышною поэзіею, преувеличенными образами, отвратительными подробностями описаній Лукана, Сенеки и, впоследствии, Стація. Но Неронъ производилъ это вліяніе не какъ покровитель Искусствъ, а какъ тиранъ, какъ великій преступникъ, ожесточавшій души ужасными примѣрами, и возбуж-

давшій въ нихъ жажду сильныхъ ощущеній. Калпугла, Домиціанъ, которые не писали стиховъ, и не играли на лирѣ въ циркѣ, точно такъ же дѣйствовали на Латинскую поэзію втораго вѣка: она и имъ обязана существованіемъ своимъ такъ же какъ и Нерону.»

Все это пишетъ Г. Вильменъ о первомъ отдѣленіи перваго тома. Разсмотрѣвъ Федра, Г. Низаръ приступаетъ къ Сенецкѣ, или трагедіямъ въ рукописи, потомъ къ Персію. Объ этой части сочиненія и разбора мы будемъ имѣть случай говорить въ другое время. Теперь пойдемъ далѣе.

«Отъ Персіа, философа важнаго, пишетъ опять критикъ, Г. Низаръ переходитъ къ настоящему поэту упадка, поэту по ремеслу и званію, писавшему стихи на все возможные предметы, къ настоящему Римскому Делилю. Только разность времени напечатала особенный характеръ на пустозвонный талантъ Стаціа. Онъ жилъ въ исходѣ I вѣка, въ царствованіе Домиціана, и отъ него получалъ вдохновеніе. Это обстоятельство не всегда дѣлало изъ Стаціа дурнаго и низкаго поэта, заставляя его писать стихи на бронзоваго коня Кесарева, или на императорскаго попугая; оно разливаетъ по временамъ въ пѣсняхъ его нѣчто мрачное и ужасное, какъ-бы отблескъ тѣхъ страшныхъ временъ. Стаціевой *Тебаиды* никто не читаетъ; и самъ Г. Низаръ говоритъ о ней весьма мало. Это Эпопея искусственная, — слѣдственно неудачная. Но въ этой смѣси старинныхъ сказокъ и утонченныхъ идей, описаній и сентенцій, часто встрѣчаются сильныя выраженія, блестящія краски и даже черты весьма трогательныя. Въмѣсто того, чтобы собирать эти разсѣяныя по разнымъ мѣстамъ красоты, авторъ Опытовъ старался изобразить намъ судьбу такого человѣка, каковъ былъ Стацій, среди Римскаго общества, и въ лицѣ его представить судьбу литераторовъ I вѣка. Г. Низаръ вывелъ изъ праха правы, воскресилъ дѣйствующую

щія лица, очертилъ характеры царствованія Домиціана, и созвалъ ихъ послѣ завтрака на литературное утро, устроенное во вкусъ и по всѣмъ правиламъ того времени. Это историческое возстановленіе превосходно; не знаю, я готовъ принять его за произведеніе чистой учености, учености живой и превращенной въ драму, которая создаетъ картины, чтобы явственнѣе выставить идеи, и изысканіямъ о предметахъ древности придаетъ всю занимательность Сатиры и Романа. Тутъ есть нѣсколько главъ, обличающихъ въ Г. Низарѣ превоеходнаго писателя критическаго и полемическаго. Это не холодная и принужденная манера Бартеlemi: это засѣданіе лучшаго Римскаго общества, во всей истинѣ суровыхъ и рабственныхъ нравовъ Рима времени Имперіи, съ знакомыми намъ по Исторіи лицами классическихъ донощиковъ, которые всюду забирались, и вольноотпущенниковъ, попавшихъ въ министры, съ чудаками ученаго сословія, и съ приторностію официальной поэзіи. Только Домиціанъ, строгій и надменный, мало занимался стихами, и не бывалъ на литературныхъ чтеніяхъ въ обществахъ, подобно Октавію: Г. Низаръ, можетъ-быть, погрѣшилъ противъ вѣроподобія, вставивъ Императора въ эту раму, впрочемъ, весьма хорошо наполненную. Исполненная блеска и безвкусіа стихотворенія, которыя читаетъ здѣсь Стацій передъ почтеннѣйшимъ собраніемъ, со всѣми хитростями придуманной смѣлости и изящества, весьма хорошо избраны авторомъ для этого случая. Трудно было бы выдумать что-нибудь мнимо высокое, какую-нибудь разительную черту ложной чувствительности или поддѣльной геніяльности, которымъ бы не нашлось тутъ прекрасныхъ примѣровъ.»

Остановимся на этомъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ; начертанная Г. Низаромъ картина публичнаго литературнаго собранія въ Римѣ, есть лучшая, то есть, са-

мая пластическая часть его сочиненій. Мы смѣлообщаемъ сочинителямъ обоого пола большое удовольствіе отъ прочтенія отрывка, который здѣсь приводимъ. Г. Низаръ вздумалъ такъ обращаться съ классическою Критикою, какъ блаженной памяти Вальтеръ-Скоттъ поступалъ съ Исторіею, и насупротивъ Историческаго Романа воздвигнуть Романъ Критическій.

«.....Греція дѣлательная, безпокойная, Греція представляемая своими вольно-отпущенниками, риторамъ, длиннородными философиамъ, отмстила сначала за разрушеніе ея памятниковъ и за права, дарованныя ей Фламиніемъ, заглушивъ у побѣдителей всю Римскую личность, и уничтоживъ навсегда возможность рожденія оригинальной Литературы. Со времянь Августа, пропыривая Греція, пускалась во все ремесла, пробиралась подъ всеми возможными костюмами въ дома своихъ побѣдителей, въ палаты Кесарей; Греція, во все мѣшавшаяся, вездѣ втиравшаяся, пировавшая, на всѣхъ пиршествахъ, участвовавшая во всѣхъ распутствахъ, являлась рабомъ, который поилъ господъ своихъ, и пѣлъ во время ихъ оргій; Греція, прильзывавшая какъ плющъ, къ послѣднимъ остаткамъ Римской породы, востомлявшая забавами сыновей знатныхъ отцовъ, притуплявшая ихъ чувства, дававшая ложное направленіе ихъ уму, Греція оставила Риму *общее мѣсто*, какъ послѣднюю отплату за ея уничтоженную народность. Общее мѣсто заразило тогда все умы; оно раздавалось въ судахъ, въ Сенатѣ, въ школахъ риторовъ; оно проникло въ нравы, вело къ почестямъ, къ богатымъ женитьбамъ, доставляло милость Императоровъ. Стацій нашелъ общее мѣсто и въ Неаполѣ, и въ Римѣ; онъ не умѣлъ избѣжать его; напротивъ ввергнулся въ него всемъ тѣломъ. Муза болѣе сильная и уединенная также не могла отъ него избавиться: и Ювеналъ заключилъ въ общее мѣсто свой прекрасный геній.

Послѣдуйте за этимъ пониженіемъ Римской Литературы со времянь Августа. Въ первомъ вѣкѣ, она заимствовала

у Греции основныя идеи; во второмъ занимала у нея уже одни только мифологическіе приборы, безжизненные и безцвѣтные, *Виргилій* искалъ людей у *Гомера*; *Стацій* боговъ у *Гезіода*. У *Виргилія* подражаніе — теплое и плодотворное сочувствіе съ образцами; у *Стація* оно холодно. Одинъ беретъ челоуѣчество тамъ, гдѣ его оставили *Гомерическія* поэмы, и прибавляетъ къ сокровищу его страстей и ощущеній тѣ, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя или чувствовалъ въ своемъ удивленіи; другой преувеличиваетъ чисто бюрократическую часть тѣхъ же поэмъ, и заботится болѣе, чтобы слыть ученымъ, чѣмъ философомъ. *Стацій* вмѣшиваеъ боговъ во все; нѣтъ дѣйствія столь малозначительнаго, нѣтъ челоуѣка столь неважнаго, чтобы они не могли выкликать для себя съ *Олимпа* какого нибудь бога, а въ случаѣ и двухъ. Чтобы помочь чинару *Аспедія Меліора*, поэтъ призвалъ *Пана*, *Наядъ*, *Діану*, всѣ божества полей и лѣсовъ. Для *Лукана* притащилъ онъ заплаканную *Калліопу*, божество, правду сказать, не страшное. Но вотъ съ *Галликомъ*, Римскимъ префектомъ, большимъ пріателемъ *Домиціана* случилась летаргія: *Стацій* тотчасъ сзываетъ *Аполлона* съ высоты *Альпъ*, гдѣ у него былъ храмъ; переноситъ его въ *Эпидавръ*, къ сынку *Эскулапу*; велитъ ему умолять божественнаго врача пособить *Галлика*, который не что иное какъ Римскій префектъ, отставной солдатъ, и до котораго *Аполлону*, право, нѣтъ ни какого дѣла. Оба бога прибѣгаютъ въ Римъ, приподнявъ платье на манеръ *Пеона*, и *Галликъ* выходитъ изъ летаргическаго сна, но съ опасностью заснуть снова, если станеть читать мифологическія поздравленія пріятеля своего, *Стація*.

Между тѣмъ *Стацію* случалось иногда и возвышаться надъ общимъ мѣстомъ. Ему удавалось пробиться сквозь наружный міръ формъ, неопредѣленной гармоніи, пустой мифологіи, единственное поприще *Греческихъ* писателей временъ упадка, и провидѣть глубокомысленныя красоты *Гомера* и *Софокла*. Въ *Эпопее* и въ половинѣ *Эпопеи*, оставшихся намъ отъ него, есть характеры, если не вполне, по крайней мѣрѣ частями, просто и сильно пачертанные.

Публичныя чтенія всего болѣе испортили талантъ *Ста-*

ція. Надобно знать, что такое были эти чтенія, происшедшія сначала только въ пріятельскихъ обществахъ, а потомъ уже всепародно, бывшія сначала модою, а потомъ сдѣлавшіяся установлеиіемъ.

Учредителемъ ихъ былъ Азиній Полліонъ, и на немъ лежигъ вся отвѣтственность за это. Азиній былъ впрочемъ человекъ умный и со вкусомъ, политической жизни достойной уваженія, нѣкогда приверженецъ Помпея и гражданяиъ древняго Рима, покорившійся, но не предавшійся Августу: онъ старался забыть потерю независимости и славы своего отечества, открывая училища декламаци, и, что еще лучше, первую публичную библіотеку въ Римѣ; чуть ли не для того, чтобы читать свои собственныя Трагедіи, вздумалъ онъ созывать къ себѣ и угощать слушателей, готовыхъ платить рукоплесканіями за ласковъиъ пріемъ: не имѣлъ объ этомъ точнаго свѣдѣнія, я не хочу клеветать на Полліона, хотя его публичныя чтенія и много надѣлали Словесности зла. Надобно скорѣе думать, что онъ изъ необыкновенной любви къ учености и Литературѣ основалъ въ одно время эти два заведенія и залу для публичныхъ чтеній; но усердіе его не достигло своей цѣли, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ последнему учрежденію: еще при жизни онъ могъ уже видѣть, какъ затоптали въ безвкусіе Литературу эти кочующіе улусы слушателей, отдохавшіе на лавкахъ читающаго поэта отъ его же обѣда.

Люди здравомыслящіе и со вкусомъ не стануть таскаться толпою на публичныя чтенія, бывающія раза два или три въ недѣлю; а тѣмъ менѣе люди занятые, которые найдуть дѣло получше этого. На этихъ актахъ присутствовали только люди праздные и любители чужихъ обѣдовъ, расположенные къ снисходительности, одни для того, чтобы не составлять себѣ собственнаго мнѣнія, другіе изъ благодарности за вкусный столъ. Одни воввышали этимъ свою праздность, другіе платили долгъ. Впрочемъ не одни эти должники платили такимъ образомъ долги свои. Въ Римѣ всякой совался въ поэты, богатые и бѣдные, консулы и вольно-отпущенники, судьи и народъ; и потому не рѣдко случалось, что одинъ и тотъ же человекъ

бывалъ и богатымъ должникомъ сотни кредиторовъ, и вместо позтомъ, привлекавшимъ множество слушателей. Дѣло въ томъ, что должники были урожденными слушателями на публичныхъ чтеніяхъ. Рукоплесканіями они добивались иногда до того, что имъ или прощали, или отсрочивали долгъ. Надо было слушать, вытянувъ шею и слушать безъ конца, потому что публичныя чтенія продолжались иногда по три дня. Когда поэтъ отдыхалъ, со всѣхъ сторонъ раздавались рукоплесканія; каждый хлопалъ за свои деньги. Люди съ головою и сердцемъ, которыхъ поэту удавалось затащить на свое чтеніе, про себя протестовали противъ этого коварства. Посаженные на ближайшихъ къ чтецу лавкахъ, они облекались молчаніемъ и предавались судьбѣ своей, посматривая на поэта, который избѣгалъ ихъ взоръ, устремлялъ глаза свои на главный корпусъ слушателей, и какъ-будто самъ командовалъ маневромъ, 'въ честь ему производимымъ.

Августъ покровительствовалъ этимъ чтеніямъ. Онъ самъ на нихъ присутствовалъ, иногда слушателемъ, а иногда и чтецомъ. Состарѣвшись, онъ сталъ посылать вмѣсто себя Тиверіа, и тотъ вѣроятно въ собраніяхъ этого рода получилъ то отвращеніе къ Словесности и словесникамъ, которое сдѣлало царствованіе его столь мало литературнымъ. Въ правленіе Августа вкусъ къ публичнымъ чтеніямъ составлялъ предметъ, на которомъ весь Римъ былъ помѣшанъ. Всякое мѣсто, въ которомъ можно было собираться, служило въ случаѣ нужды для публичнаго чтенія. Площади, бани, купальни, оглашались декламаціею чтецовъ и рукоплесканіями слушателей. Случалось ли поэту проходить черезъ рынокъ съ рукописью своею въ кармазѣ, и возчувствовать вдругъ къ дорогому свертку припадокъ родительскаго уваженія, онъ всходилъ на ступени перваго храма, собиралъ вокругъ себя всѣхъ бывшихъ тутъ празднующихся, съ важностію развертывалъ пергаментъ, и начиналъ чтеніе своей поэмы: ему аплодировали иногда почти столько же, какъ какому-нибудь Греческому скомороху. Горацій, а съ нимъ и всѣ истинно любившіе Литературу, оплакивали это пагубное обыкновеніе. Овидій жилъ позже, въ такое время, когда публичныя чтенія были въ величайшемъ пылу, и

онъ думалъ совсѣмъ иначе. Какъ одинъ убгалъ этой увлекательной публичности, такъ другой искалъ ея. Сосланный къ Гетамъ, Оввдій горько жалуется, что ему некому читать стиховъ своихъ: если онъ иногда и читаетъ ихъ, то никто его не понимаетъ. Безъ слушателей, онъ тоскуетъ и младѣетъ; его не поддерживаютъ рукоплесканія, которыя называетъ онъ *огромнымъ бодцемъ славы*.

Между-тѣмъ при Августѣ публичныя чтенія были только обычаемъ. Послѣ Тиверія, который не читалъ самъ и не хотѣлъ, чтобы другіе читали, они сдѣлались государственнымъ установленіемъ. Съ тѣхъ поръ Императоры присутствовали на нихъ по видамъ политики. Публичныя чтенія занимали мѣсто литературныхъ сословій, другаго установленія, котораго урожденными покровителями бывали всегда Государя. Даже самый Клавдій, бѣдный и сонливый Кесарь, у котораго оставалось такъ мало времени отъ ссоръ его отпущенниковъ и женщинъ, и важнаго замятія — объѣда, полагалъ въ числѣ обязанностей императорскаго званія поощрять чтецовъ своимъ присутвіемъ, и звать на нихъ чтенія. Послѣ Клавдія явился Неронъ, поэтъ избалованный, который и самъ читалъ, и слушалъ, какъ читали другіе. Онъ унижалъ Кесарское достоинство до того, что оплачивалъ рукоплесканіями за рукоплесканія. Неронъ былъ Императоръ-литераторъ, и литераторъ не въ шутку, который работалъ для того, чтобы получать рукоплесканія, пока не вздумалось ему наслаждаться рукоплесканіями, не принимая на себя никакого труда. Августъ читалъ только при избранномъ кругѣ ближайшихъ своихъ приверженцевъ; Неронъ читалъ и въ своемъ дворцѣ и въ театрѣ предъ народомъ, и чтенія его такъ всѣмъ нравились, что за нихъ торжественно благодарили боговъ, посвятивъ стихи Нерона, начертанные золотыми литерами, Юпитеру Капитолійскому. Воинскія революціи Императоровъ, никому изъ нихъ не давали времени заниматься чтеніями. Никто не писалъ стиховъ, никто не читалъ ихъ публично ни при Гальбѣ, ни при Отонѣ, ни при Вителліи. За то при Домиціанѣ начали читать пуще чѣмъ когда нибудь, и онъ самъ не разъ читывалъ стихи, хотя не свои, чтобы показать мнимую любовь къ Поэзій, и исполнить долгъ политики соблюдаемой современъ Нерона. Царство-

ваніе Нерона можетъ быть почитаемо золотымъ въкомъ публичныхъ чтеній. На нихъ устремилась вся дѣятельность той эпохи.

Доказательствомъ, что обычай или мода сдѣлались уже установленіемъ, служить то, что они подведены подъ правила, которыя открыто преподаются. Во время Стація было множество всѣми принятыхъ правилъ о томъ, какъ слѣдуетъ держаться поэту во время чтенія, и въ какомъ расположеніи должны быть слушатели, когда готовятся произнести свой приговоръ. Общій законъ поставлялъ въ обязанность чтецу величайшую скромность, а слушателямъ величайшую снисходительность. Чтець долженъ былъ казаться нѣсколько смущеннымъ, слегка покраснѣть, чтобы предупредить слушателей въ свою пользу, по-временамъ бросать робкіе взгляды къ небу, давая знать, что оттуда слетѣло къ нему вдохновеніе; однимъ словомъ, выказывать не гордость, а учтивую скромность вмѣстѣ съ довѣрчивымъ упованіемъ не на себя, а на слушателей. Послѣ этихъ предварительныхъ церемоній онъ садился; въ краткомъ, заранѣе неприготовленномъ вступленіи, онъ говорилъ о своемъ намѣреніи, и просилъ снисхожденія слушателей къ нему и къ его поэму, или старался иначе расположить ихъ въ свою пользу. Напримеръ, если утромъ того дня, въ который стихотворецъ долженъ былъ публично читать свое твореніе, понадобилось ему произнести рѣчь въ Судѣ, онъ могъ умолять слушателей своихъ, не приписывать равнодушію къ этому литературному засѣданію того, что онъ неуважительно смѣшалъ въ одинъ сутки дѣла съ Поэзіей; но что онъ поставилъ себя непремѣннымъ правиломъ, предпочитать дѣловые занятія своимъ удовольствіямъ, и друзей своихъ самому себѣ. И слушатели рукоплескали. Да, сказать правду, вступленія умнѣе, тоньше этого и придумать не возможно, чтобы отрекомендовать публикѣ стихи третьей эпохи Римской Словесности!

Извинившись такимъ образомъ, скромно и покорно, поэтъ развивалъ свою рукопись, и начиналъ читать, иногда все сочиненіе, иногда только избранныя мѣста, смотря по терпѣнію и доброму расположенію, которое предполагалъ онъ

въ своихъ слушателяхъ. Богатый авторъ собиралъ пріятелей своихъ въ столовой; онъ усаживалъ ихъ на стульяхъ, позади которыхъ были уставлены логи, вѣроятно для того, чтобы въ случаѣ нужды они могли переходить съ одного мѣста на другое. Съ этою прозорливою предосторожностію не мудро было надолго удержать своихъ слушателей; и поэтъ, усадивъ порядочно судей своихъ, могъ уже не щадить ихъ и читать имъ до перваго обморока, не отрывками, а цѣлыми томами. Другіе читали въ большихъ залахъ, своихъ или напаятыхъ; слушатели сидѣли на лавкахъ; по за то они могли свободнѣе уходить, и многіе оканчивали засѣданіе, какъ скоро наскучало имъ жесткое свѣдѣніе.

Были также уставы о произношеніи, тѣлодвиженіяхъ, выраженіи прочая, которыя слѣдовало наблюдать, чтобы понравиться слушателямъ. Вообще, предписывали читать лучше голосомъ мягкимъ, ласковымъ, чѣмъ съ крикомъ и возгласами; употреблять жесты умеренныя, чѣмъ размахивать руками. Выраженіе болѣе живое и проникательное сберегалъ для мѣстъ разительныхъ. Образъ произношенія имѣлъ столь важное вліяніе на успѣхъ, что поэтъ, слабый грудью или съ непріятнымъ голосомъ, заставлялъ читать вмѣсто себя вольно-отпущенника, обученнаго этому ремеслу; и между-тѣмъ самъ онъ стоялъ подлѣ кафедры, устремивъ взоры на своего намѣстника, билъ тактъ, и въ случаѣ нужды подсказывалъ ему вполголоса тонъ, какъ суфлеръ въ театрѣ. Чтець долженъ былъ еще принимать различныя предосторожности съ слушателями. Ему не позволялось прислушиваться къ говору публики, а только искоса поглядывать на посѣтителей, угадывать по фнзіономіямъ, по взглядамъ, по тѣлодвиженіямъ, перемигиванію, ропоту, молчанію, чувствованію каждаго, и отличать искреннюю похвалу отъ простой учтливости, — дѣло трудное, въ которомъ Римскіе поэты почитали себя однако жъ весьма искусными, и хвалились, что никогда не ошибаются, потому что онъ всегда доставляетъ имъ благопріятныя слѣдствія. Это очень естественно: сегодняшніе слушатели могли быть завтра чтецами, и потому всякой дѣлалъ для другаго то, чего требовалъ отъ него въ свою пользу.

Хорошимъ тономъ полагалось также, прочитавъ что-ни-

будь довольно длинное, показывать, будто вамъ хочется кончить, чтобы слушатели просили васъ продолжать. «Я на этомъ остаповлюсь, друзья мои, если позволите,» говорилъ авторъ. — Нѣтъ, нѣтъ, читайте, читайте! кричали присутствующіе, тѣ особенно, которые всѣхъ болѣе желали бы, чтобы онъ замолчалъ. — «Я боюсь употребить во зло ваше благорасположеніе ко мнѣ,» присовокуплялъ онъ, робко развивая огромную рукопись. — Продолжайте, продолжайте! кричали ему громче прежняго: мы будемъ слушать васъ и завтра, и, пожалуй, послѣ завтра! — Все это было заранее условлено; все предусмотрѣно уставомъ публичныхъ чтеній. Похвала изъяслялась тремя или четырьмя способами не болѣе и не менѣе; и всякій слушатель пѣбиралъ тотъ способъ, который былъ приличнѣе его хзактеру и болѣе соответствовалъ его усердію. Одинъ кричалъ: «хорошо! очень хорошо! прекрасно!» Это хвалебные термины, подъ которыми погребено много поэтическихъ репутацій. Другой хлопалъ въ ладоши до мозолей. Третій вскакивалъ съ мѣста и топалъ ногою. Четвертый махалъ полою и подавалъ другіе опредѣленные знаки восторга. Это были четыре самые употребительнѣйшіе способа одобренія. Ихъ было и болѣе, но Исторія не сохранила намъ всѣхъ счастливыхъ изобрѣтеній, которыя могли быть внушены предантѣйшимъ или живѣйшимъ ценителямъ богатаго поэта желаніемъ обратить на себя его вниманіе или надеждою получить возмездіе на другой день, когда роли перемѣнятся.

При жизни Стація чтенія эти достигли высшей степени снлы. Тогда говаривали о минувшемъ времени: «Прошлый годъ было много поэтовъ,» какъ - будто много хлеба или дынь. Или: «во весь Апрель не было ни одного дня безъ публичнаго чтенія» точно такъ же, какъ говорятъ, что во весь Апрель не случилось ни одного дня безъ дождя. Адвокатъ Регуль читалъ семейныя картины; Сенцій Августинъ легкія стихотворенія; Кальдурній Пизонъ, поэму; Пассіаиъ Паулусъ, элегін; одинъ пріятель Стація, прелестные стихи; пріятель этого пріятеля, чудесное сочиненіе; Виргиній Романусъ, Комедію: Тициній Капитонъ, некрологія знаменитыхъ мужей, и т. д. Я привелъ имена только самыхъ мол-

ныхъ писателей: поэтовъ, которые всюду читали свои стихотворенія, было больше чѣмъ дней въ мѣсяцъ.

Посреди всѣхъ ихъ, Стацій былъ главою школы; вокругъ него толпились подражатели, которые рукоплескали его словамъ, рукоплескали и его молчанію: умы желкіе, вертящіеся вокругъ челоуѣка извѣстнаго, какъ спутники вокругъ планеты. Стацій никуда не ходилъ безъ конвоя этихъ пріятелей; онъ управлялъ ими, умѣрялъ ихъ восторги мановеніемъ руки и голосомъ, и доходилъ до того, что иногда краснѣлъ отъ ихъ лестн, — привычка, которую избалованные поэты впрочемъ теряютъ очень скоро. Ревностнѣйшій изъ обожателей моднаго поэта, былъ Криспинъ; уваженіе къ нему этого челоуѣка доходило до нетерпимости. Криспинъ ненавидѣлъ почитателей не довольно ревностныхъ, и готовъ былъ драться съ равнодушными. Криспинъ усаживалъ слушателей на Стаціевыхъ чтеніяхъ, и заранѣе возвышалъ нмъ, что тутъ будетъ прекраснаго. Если сосѣдъ его начиналъ восхищаться при какой-нибудь благозвучной фразѣ, Криспинъ вскрикивалъ: «постойте, то-ли еще будетъ!» Въ поэтическихъ восторгахъ Криспина бывали пароксизмы. Пока наступитъ удобное мѣсто для восторга, онъ надувается; удерживаетъ дыханіе, наполняется воздухомъ, готовъ задохнуться. Къ счастью, Стацій окончилъ свою импровизацію: тутъ Криспинъ выходитъ изъ себя, бросается ему на шею, плууетъ его волосы, мнетъ его мантию, столь хорошо закинутую черезъ плечо на манеръ Греческій; онъ прохаживается по собранію, и поджигаетъ рукоплескателей. И не смѣйте противорѣчить ему въ подобную минуту: иначе какъ разъ засвящуетъ вамъ въ уши мечъ, подаренный ему Кесаремъ.

Стацій сочиняетъ для своихъ слушателей, не потому однако жъ, чтобы онъ не думалъ о потомствѣ: онъ даже своему стихотворенію на чинарь Аспедія Меліора обвѣщаетъ быки существованія. Несмотря на жажду безсмертія, онъ пишетъ для настоящаго, для послѣзобъденнаго времени, какъ въ другихъ вѣкахъ пишутъ для вечера. Это тонкое выраженіе относится къ Абасканцію, министру внутреннихъ дѣлъ; эта мысль введена сюда для Глабріона, Кесарева вольноотпущенника; это лестное словечко имѣетъ въ виду принцессу

крови, почтенную супругу того же почтеннѣйшаго министра, — а вотъ черта, которая должна проникнуть въ сердце Римскаго префекта, Галлика, если только у Галлика есть сердце! Нѣсколько учтивостей достается и на долю Стаціевыхъ подражателей: имъ бросаетъ онъ страшныя выраженія, неугомонныя метафоры, вещи, которыя для нихъ тѣмъ драгоценнѣе, что они удивляются и подражаютъ въ учителя своемъ однимъ его недостаткамъ.

Если вамъ угодно слышать Стація, такъ пожалуйте сегодня по-полудни къ Абасканцію, въ Субурскую часть города, въ домъ съ широкими портиками, которыхъ мраморъ истертъ ногами просителей. Вы увидите при входѣ огромнаго раба, придверника, прикованнаго желзною цѣпью къ стѣнѣ, который чиститъ стручья на серебряномъ блюдѣ, и двухъ цѣпныхъ собакъ, нарисованныхъ, которыя пугаютъ ребятишекъ; да надъ ними, въ золотой клеткѣ, повѣшенной не выше человѣческаго роста, ученую сороку, которая съ утра до вечера все кричитъ проходящимъ: *Кесарь Германическій, трикраты милосердый и божественный*. Бѣдная сорока! признательность ея за благодѣянія Кесаря должна кончиться вмѣстѣ съ ея жизнью. А прійди въ голову какому-нибудь отпущеннику убить Кесаря Германическаго, бѣдной сорокѣ мигомъ свернуть шею, чтобы заставить ее молчать! Господинъ ея начнетъ говорить не то уже, что прежде: людямъ это гораздо легче, тѣмъ сорокамъ. Ему надобно будетъ только выпустить слово *Германическій*: остальное годится во всякое время.

Вотъ по какому случаю Стацій будетъ читать у Абасканціи: сегодня Сатурналии; Домиціану захотѣлось насладиться въ одинъ день всеми удовольствіями, и онъ велѣлъ сказать своему министру, что ему пріятно было бы, позавтракавъ легкими красныхъ гусей, послушать стиховъ Стація, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Стацій не смѣлъ лѣзть ему. Домиціанъ хочетъ истинъ и стиховъ сатурнальных: въ эти дни рабамъ должно учить господъ своихъ. Не бойтесь, однакоже: Стацій мастеръ этого дѣла: онъ знаетъ, что въ Сатурналии Римскіе рабы садятся за столъ со своими господами, и могутъ говорить что вздумается; но ему случалось видѣть, что на другой день они часто должны поплатиться за

вчерашнюю откровенность: Стацій сумѣеть и послушаться Кесарю, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ему удобное. Онъ давно примѣтилъ, что рабы, которымъ въ Сатурналіи позволяютъ навремя вообразить себя господами, забираются потому, что ихъ сытно накормятъ и напоятъ, и воспользуется этимъ наблюденіемъ: Стацій будетъ читать натошакъ. Притомъ онъ льстець перваго разбора: этому ремеслу скоро научишься, когда дѣло идетъ о родной головѣ.

Въ городѣ говорятъ, что сегодня утромъ Домиціанъ предавался ужаснымъ излишествамъ: за завтракомъ, онъ обыкновенно съѣдаетъ яблоко или грушу, и выпиваетъ рюмку настойки. Изъ уваженія къ такому Кесарскому обычаю, Абсканцій не ѣсть за завтракомъ ничего болѣе кромѣ одного яблока или груши и пьетъ только рюмку домашней настойки, которую готовить ему жена его, льстець женскаго пола, искусству и наглости котораго немножко завидуетъ и самъ Стацій: когда узнала, что мужъ ея назначенъ на нынѣшнее свое мѣсто, она, говоритъ почтенный поэтъ, валялась въ ногахъ Домиціана, подобно изступленной жрицѣ Вакха, которая съ тирсомъ въ рукахъ, предводительствуетъ хорами безумныхъ Менадъ. Сегодня Домиціанъ позавтракалъ двумя или тремя провинціями. Проконсулы Азии и Африки прислали ему въ сатурнальныхъ подаркахъ потъ и кровь Азіятскихъ и Африканскихъ народовъ: то были тысячецветныя птицы, пойманныя въ известное время линянія, отъ чего онѣ дѣлаются чрезвычайно вкусными; самки, взятыя съ яицъ, на которыхъ онѣ сидѣли; самцы, захваченные во время сна и тотчасъ брошенные въ клетку для того, что испугъ дѣлаетъ ихъ печень нѣжнѣе; икра, собранная на днѣ озеръ такъ же какъ достаютъ жемчугъ; рыбы чрезвычайно рѣдкія, еще живыя и присланныя въ Римъ со всею частію озера или моря, въ которой онѣ пойманы. Были тутъ и грибы, которые надобно караулить въ продолженіе нѣсколькихъ холодныхъ и сырыхъ ночей, потому что нѣкоторыя насѣкомыя съѣдаютъ ихъ тотчасъ, какъ они выдутъ изъ земли. Были и плоды, отправленные вмѣстѣ съ деревомъ, на которомъ они висѣли, и вмѣстѣ съ садомъ, въ которомъ росло дерево, для того, чтобы

Кесарь могъ сорвать этотъ плодъ собственною своею рукою, и полюбоваться его цушкомъ да запахомъ.

Между-тѣмъ простые Римляне дарятъ другъ другу, по случаю Сатурналій, или хорошую мантию, или Египетскія луковки, привезенныя въ Остію; не то корзинку финишекъ, Германскій окорокъ, кроватиныя украшенія, лица, муку, Луканскія сосиски, Фалерейскую калбасу, посуду, и прочая. Знатные посылаютъ другъ другу подарки болѣе богатые: префектъ Галликъ подарилъ Абасканцію Ибаррійскаго коня; одинъ потомокъ Сервіліевъ, богатый, но задолжавшійся, подарилъ Кесарю свое завѣщаніе.

У дверей Абасканція безчисленное множество носилокъ. Мудрено ли, когда у него будутъ Домиціанъ и Стацій, Кесарь и поэтъ, двое великихъ Римскаго міра, изъ которыхъ одинъ зависить отъ произвола другаго! Стацію будутъ нынче много рукоплескать: есть уговоръ, чтобы его очень хвалили передъ Домиціаномъ. Войдемте же. Да, да, добрая сорока! Слава и благоденствіе Кесарю Германическому, трикратно милосердому и божественному! Нечего и думать, чтобы кто-нибудь, изъ приходящихъ къ Абасканцію, вздумалъ тебѣ противорѣчить! Рабъ напоминаетъ всякому поствителю, чтобы онъ вступалъ въ домъ не лѣвою, а правою ногою. Войти лѣвою ногою дурное предзнаменованіе. Тише! Глабріонъ, Кесаревъ отпущенникъ, прибылъ: его принесли невольники при звукъ инструментовъ. Онъ чиститъ зубы серебряною зубочисткою, и носитъ на пальцѣ золотой перстень. Этотъ человекъ несравненно важнѣе хозяина дома, хотя онъ не министръ и не правитель. Его окружили Римляне такъ, что уже не видно, невольники или свободные люди несутъ его. — Разступитесь же, пропустите Глабріона, Кесарева отпущенника!.....

Странная судьба этого человека! Онъ вышелъ изъ ничего; служилъ при похоронахъ, но понравился одной знатной Весталкѣ, и та рекомендовала его Домиціану, которому Глабріонъ тоже умѣлъ угодить. Глабріонъ впрочемъ, добрый малой. Прислуга немилосердо его обкрадываетъ. Уже третій разъ собственные люди его съдаютъ, и третій разъ Домиціанъ посылаетъ его въ провинцію на пожыву. Бѣдтой землѣ, гдѣ сидеть эта хищная птица со всею стасію

вольнотпущенниковъ. Воровство такъ мало идетъ въ прокъ Глабріону, что онъ твердо увѣренъ, что не воруетъ, потому что изъ наворованнаго у него ничего не остается. У него столько же управителей, сколько пальцевъ на рукахъ, и всѣ они дѣйствуютъ чрезвычайно успѣшно: вотъ отъ чего Глабріонъ такъ часто банкротится.

Кесарь плзшивъ; у Глабріона были густые волосы, но онъ сдѣлался плзшивымъ. У Кесаря большіе глаза, но онъ примаргиваетъ; у Глабріона глаза маленькіе, и онъ совсмѣжмуривается, чтобы подобно Кесарю примаргивать. Кесарь высокъ, а Глабріонъ малъ: нужды нѣтъ, Кесарь любитъ опираться на плеча своихъ любимцевъ.

Глабріонъ входитъ къ Абасканцію. Его укладываютъ на мягкія подушки. Онъ не любитъ Литературы, и потому хозяинъ устроилъ все такъ, чтобы Глабріону было какъ-можно покойнѣе исполнять волю Кесаря, который хочетъ, чтобы всѣ его приближенные покровительствовали публичнымъ чтеніямъ.

Первыя мѣста заняты поэтами пріятелями Стація. Каждый изъ нихъ завидуетъ сосѣду, и всѣ завидуютъ Стацію. Эти добрые пріятели поддерживаютъ одинъ другаго при людяхъ, а между тѣмъ другъ друга ненавидятъ. Это Всеобщая Исторія, древняя и новѣйшая.

Вотъ Регулъ, адвокатъ, человекъ съ дарованіями и особенно человекъ проницательный; его всѣ ненавидятъ, но его боятся, потому что онъ золъ и богатъ. Регулъ пишетъ стихи, и терять не можетъ, чтобы его хвалили за его судебныя рѣчи. Это шарлатанъ, который надуваетъ даже того, кто знаетъ, что онъ хочетъ его надуть. Судьи всегда рѣшаютъ дѣло въ его пользу, а потомъ смѣются надъ его краснорѣчіемъ. Поэты отдаютъ въ судъ пальму первенства стихамъ его, а вне суда ихъ критикуютъ. Такимъ образомъ репутацію Регула составляютъ тѣ, которые наиболее его ненавидятъ. Регулъ большой мастеръ втираться въ чужія заботы. Надобно замѣтить, что Регулъ человекъ чрезвычайно суевѣрный. Напримвръ, готовясь произнести судебную рѣчь, онъ замазываетъ себя пластыремъ правый глазъ, если кліентъ его отвѣтчикъ, и лѣвый, если кліентъ истецъ. Онъ советуется съ гадателями; покрываетъ себя одну бровь

бълюю повязкою; онъ надѣется не на справедливость дѣла, не на показаніе законовъ, а на примѣты. Для него законы кости, въ которыя онъ играетъ.

У Регула умеръ сынъ. Онъ выказывалъ глубочайшую горестъ; сжегъ на кострѣ всѣ игрушки этого ребенка и всѣхъ принадлежавшихъ ему животныхъ. Весь Римъ ѣздилъ къ нему изъявлять свое сожалѣніе. Онъ принималъ гостей въ великолѣпныхъ садахъ своихъ, лежащихъ за Тибромъ, котораго весь берегъ покрытъ собственными его статуями. Онъ заказалъ бюсты своего сына, всѣхъ возможныхъ размѣровъ, и хочетъ украсить трауромъ весь дворецъ свой.

Регуль превосходнѣйшій въ императорскомъ Римѣ образецъ ловкой и злой увертливости. Такое уродливое смѣшеніе ума, таланта, суевѣрія, лжи, самаго пошлаго плутовства и самой наглой надменности возможно только въ подобномъ обществѣ.

Подлѣ Регула сидитъ самый кроткій изъ поэтовъ Римской плеяды, Сенцій Авгуринъ, авторъ легкихъ стихотвореній. Авгуринъ сынъ одного знатнаго Галла: онъ былъ консуломъ и отличался въ Судахъ. Но съ нѣкотораго времени страсть къ поэзіи въ немъ все преодоляла. Сенцій пишетъ мелкіе стишки на мелкіе предметы, и считаетъ себя первостепеннымъ поэтомъ. У него есть стихотворенія, нѣжныя, простыя, благородныя, унылыя, замысловатыя, остроумныя, всякія. Онъ малъ ростомъ, учтивъ и кротокъ столько же, сколько Регуль гордъ и дерзокъ; онъ смотритъ въ землю, ходитъ тихо, не любитъ большихъ собраній, потому что слабый голосъ его не достигаетъ до верхнихъ лавокъ. За то онъ очень любитъ малочисленные собранія. Въ маленькомъ кругу онъ большой человекъ. Пріятели его становятся подъ самую кѣедрю, и устремивъ глаза и уши къ верху, принимаютъ каждое его слово какъ росу благодатную, и всегда уходятъ довольные, не найдя случая ни заплакать, ни посмѣяться, — но за то чаплодировавшись досыта. Мало поэтовъ, которые бы такъ неустрашимо вѣрвали въ Поэзію, какъ Авгуринъ. Онъ убежденъ, что, являсь на Стаціево чтеніе, онъ сдѣлалъ доброе дѣло, за которое Музы наградятъ его вдохновеніемъ.

Виргиній Романусъ, поэтъ драматическій, не такъ робокъ,

какъ Авгуринъ; онъ пишетъ стихи не потому, чтобы въ-
рилъ въ Поэзію, а потому что это ремесло не хуже друга-
го. Теперь онъ пишетъ Комедіи въ родъ Теренція и Плав-
та, а прежде писалъ *миміямбы*, то есть, небольшія отдѣль-
ныя сцены, въ которыхъ дѣйствуютъ лица изъ простаго
народа, и къ которымъ актеръ можетъ прибавлять какіе
угодно фарсы. Романусовы миміямбы хвалили. Потомъ онъ
вздумалъ стать повыше, и принялся подражать древней Ко-
медіи. Пріятели его говорятъ, что онъ и въ этомъ успѣ-
ваетъ. Они безъ церемоніи сажаютъ его между Теренціемъ
и Плавтомъ; неизвѣстно, оставитъ ли его на этомъ мѣств
потомство. Романусъ льстецъ самый отважный: публично,
онъ безъ милосердія расхваливаетъ дарованія своихъ пріа-
телей, а потихоньку надъ ними же смѣется; унижаетъ свой
собственный талантъ, а между тѣмъ цѣнить его чрезвычай-
но высоко. Стацій подаетъ ему руку, хотя совсѣмъ его не
уважаетъ, и Романусъ нѣжно пожимаетъ ету руку, хотя
внутренно ненавидитъ Стація. Романусъ поэтъ-двѣецъ. Ни-
что лучше его не умѣетъ обработать успѣха; чтенія его
всегда чрезвычайно шумны, и, если бы слава взгѣшывалась
числомъ удареній въ ладоши и топаній ногами, то Рома-
нусъ былъ бы знаменитѣе самого Стація. Надобно только
умѣть выбирать людей. Романусъ долгое время заставлялъ
говорить въ своихъ *миміямбахъ* посильщиковъ и рыбныхъ
торговокъ, и потому онъ нисколько не гнушается ихъ одо-
бреніемъ и даже, говорятъ, въ случаѣ нужды покупаетъ
его.

Самый искренній пріятель Стація — Пассіанъ Паулусъ,
Римскій дворянинъ, человекъ почтспный и весьма ученый.
Онъ землякъ Проперція, и, говорятъ, съ родни ему; онъ
пишетъ элегическіе стихи, единственно для того, чтобы
доказать свое происхожденіе. Пассіанъ человекъ безъ вся-
кихъ претензій; онъ имѣетъ привилегію быть незначи-
тельнымъ, и всѣ его любятъ, потому что онъ не въ состоя-
ніи дѣлать зла. Онъ слушатель добросовѣстный и акурат-
ный: ни какихъ долговъ не платитъ онъ исправнѣ этихъ.
Пассіанъ непремѣнный почитатель всѣхъ поэтовъ своего вре-
мени; онъ центръ всѣхъ литературныхъ собраній; всякой
смѣло считаетъ его въ числѣ своихъ посѣтителей на зав-

трашнее чтеніе; его временемъ располагають какъ городскою собственностію. Ходить слушать и аплодировать Пасіанъ почитаетъ важнѣйшимъ своимъ занятіемъ; его уши и руки непреминная утварь всякой залы для чтенія. Самъ онъ довольствуется и малыми похвалами; онъ хочетъ только, чтобъ его не обезкураживали: впрочемъ, въ иные дни онъ считаетъ себя не потомкомъ, а соперникомъ Проперція. И это сказалъ ему безстыдный льстецъ Виргиній Романусъ, подавъ котораго онъ всегда съ тѣхъ поръ и садится. У какаго поэта нѣтъ такихъ дней и такой благодарности!

Но любезнѣйшій, обязательнѣйшій, преданнѣйшій, хвalebнѣйшій, усерднѣйшій, предупредительнѣйшій, полезнѣйшій, необходимѣйшій, неустоимѣйшій слушатель, — это Тициній Капитонъ: у него, къ услугамъ его литературныхъ пріятелей, безчисленное множество рукъ, безчисленное множество ногъ, безчисленное множество ушей. Его нечего искать на Стаціевомъ чтеніи: онъ уже тамъ съ утра, со вчерашняго вечера. Онъ хвалитъ, утѣшаетъ, одобряетъ, поощряетъ, успокоиваетъ, помогаетъ всѣмъ поэтамъ, большей части совѣтами, инымъ и деньгами. Для всякаго поэта готово ложе въ столовой Капитона: тѣмъ, которые не могутъ нанять залы, онъ предоставляетъ свой собственный домъ, свои мебели, свою прислугу. Онъ отъ души помогаетъ при первомъ обзаведеніи всякой новой знаменитости. Этотъ человекъ одаренъ странною физиономіею: въ глазахъ его много живости; въ нихъ блистаетъ благорасположеніе, а вся прочія части лица холодны и неподвижны, какъ мраморъ; онъ смѣется только глазами, трогается глазами, восхищается глазами, а остальные черты лица не измѣняются. Подумаешь, что его лице маска, въ которой прорѣзаны только глаза, а настоящее лице за нею. Тѣ, которые далеко отъ него и не могутъ различить искренности его взглядовъ, видя этотъ энтузіазмъ безъ выразительности и это каменное восхищеніе, уверяють, что Капитонъ совсѣмъ не чувствуетъ того, что изъясляетъ, и что одаренный способностями неотличными, онъ нашелъ необходимымъ окружить себя покровителями и пріятелями: потому и рѣшился восхищаться всѣми и каждымъ, безъ видама лица своего. Я думаю, что это просто клевета. У Капитона мускулы ли-

на слишкомъ крипки; — вотъ и все. Впрочемъ онъ добрый-нй чловкъ въ свѣтъ.

Большая часть людей, собравшихся слушать Стаціа, и въ особенности Регуль и Романусъ, приглашены билетами. Что касается до Пассіана и Капитона, то они чуютъ публичное чтеніе издали и заранѣе; они всегда знаютъ, когда и гдѣ оно будетъ, и потому Стацій не посылалъ къ нимъ ни какихъ билетовъ. Они даже принимаютъ это за лестное отличіе, показывающее, что на нихъ надѣются. Первыхъ называютъ въ Римѣ слушателями *приглашенными*, *advocati*; другихъ *прикомандированными*, *adhibiti*.

До прибытія Глабріона, Стацій дружески мѣнялся пріѣтствіями со всеми этими лицами и другими, которыхъ именъ не помню. Онъ ходилъ на встрѣчу Регулу и Романусу, улыбался Капитону, кивалъ головою Паулусу. Остальнымъ онъ кланялся оптомъ. Теперь онъ повергается ницъ предъ Глабріономъ. Отпущенникъ поздравляетъ поэта съ отличіемъ, которое оказалъ ему Кесарь; поэтъ благодаритъ отпущенника, какъ-будто онъ ему этимъ обязанъ. Стацій непрерывно улыбается: это значитъ, что онъ очень пещень.

Надобно сказать правду, Стацію смерть надоели и Римъ и Римляне. Ему хотѣлось бы снова увидѣть свою родину и домъ родительскій, дожить въкъ въ Неаполь. Стацій чловкъ нравственный и домолюбивый. Послѣ бурной молодости, онъ, по благости Венеры, сочетался съ женою ему по сердцу. Клавдія окружаетъ его самыми нѣжными попеченіями, она отивно понимаетъ стихи его, ей первой онъ ихъ читаетъ, и она раздѣляетъ съ нимъ всю тревогу и все упоеніе успѣха. Клавдія была на послѣднихъ играхъ въ Альбѣ, когда герольдъ три раза провозглашалъ имя Стаціа, побѣдителя въ борьбѣ поэтической. Тамъ-то Кесарь, предсѣдательствовавшій на играхъ, обутый въ Греческія сандалин, облеченный въ багрянцу, увѣнчанный высокою короною, на которой изображены были Юпитеръ, Юнона и Минерта, подозвалъ къ себѣ Стаціа и, при громкихъ восклицаніяхъ народа, надѣлъ ему на голову золотой вѣнецъ. Клавдія бросилась въ объятія знаменитаго своего супруга, и покрыла его голову страстными поцѣлуями.

Но Клавдія участвуетъ со своимъ мужемъ не въ однихъ восторгахъ торжества: она раздѣляетъ съ нимъ и жгучую горестъ пораженія. На играхъ Капитолинскихъ Стацій былъ побѣдителемъ, и печальная его супруга упрекала Юпитера въ неблагодарности, съ которою онъ измѣнилъ своему поэту. Стацій счастливъ супругою: ласками своими она прогоняетъ съ чела его заботы знаменитости, которую надобно поддерживать успѣхами ежедневными, и огорченіе, причиняемое ему иногда неудачами таланта, измѣнчиваго, какъ всѣ таланты импровизаторовъ. Стацій любитъ жизнь покойную. Всеобщій развратъ Рима иногда производитъ желаніе тишины и беззѣстности семейной, и потребностью уединенія возвращаетъ человека ко всѣмъ добродѣтелямъ семьянина.

Притомъ у Стація дочь невѣста. Она не его дочь: боги не дали ему дѣтей. Она дочь перваго мужа Клавдія; но Стацій и Клавдія перенесли на эту дѣвушку всю свою обманутую нѣжность. Они страдаютъ, что вся эта юность и прелесть увядаетъ на одинокомъ ложѣ, въ бесплодномъ забытьѣ. Бѣдная дѣвушка прекрасна такъ, что завидно Венерѣ, которая не хочетъ найти ей жениха. Стацій уже не разъ упрекалъ за то царицу Цитерскую и ея вѣтренныхъ амуровъ въ стихахъ и прозѣ. Онъ не надѣется выдать дочь замужъ въ Римъ, городъ богатыхъ наследницъ и женитѣль безъ любви, городъ, лежащемъ у ногъ записныхъ прелестницъ, городъ, въ которомъ невѣсты торгуютъ, городъ нечистыхъ связей и немощнаго любовнаго страстія. — «Поедемъ въ Неаполь!» говоритъ онъ въ стихахъ своей Клавдія; но Клавдія противится, потому что она женщина, любитъ столицу, громъ рукоплесканій, вѣнцы Пинійскихъ игръ, и наслажденіе славою своего мужа. И такъ Стацій печаленъ: но если Домиціану угодно, чтобы онъ былъ веселъ, онъ будетъ веселъ.

Что же будетъ читать онъ? спрашиваютъ другъ у друга слушатели. Никто этого не знаетъ кромѣ его самого и Клавдія, да министра Абасканція, который предварительно просматривалъ стихотвореніе. Не пѣснь ли это изъ *Ахиллиды*? Не *Сильва* ли какая? Нѣкоторые хотятъ допытаться этого у Криспина, Стаціева наперсника; но тотъ молчитъ и скромно улыбается, хотя знаетъ не болѣе другихъ. Всѣ

ожидаютъ удовольствія, за исключеніемъ только Романуса, который однако же больше всѣхъ станетъ рукоплескать.

Ждутъ Кесаря. Разговоры тянутся; громко говорятъ только вокругъ Глабріона, котораго каждый поздравляетъ съ послѣднею побѣдою Кесаря. Рѣчь идетъ о торжествѣ надъ философами, которыхъ онъ не задолго передъ тѣмъ всѣхъ выгналъ изъ Рима, потому что у двоихъ или троихъ изъ нихъ борода была больше ихъ благоразумія. Стацій стоитъ въ сторонѣ; Криспинъ окружаетъ его, бережетъ его, располагаетъ полукругомъ кресла изъ слоновой кости, говоритъ нѣсколько словъ на ухо начальнику оркестра, нѣсколько словъ Абасканцію, нѣсколько словъ самому Стацію. Добрый Криспинъ! какъ онъ хлопочетъ для славы своего наставника, не помня, что нѣтъ ничего смѣшнѣе церемоннмейстера поэта, который даетъ публичное чтеніе! Абасканцій безпрестанно выходитъ изъ залы и поджидаетъ въ сѣняхъ Германическаго, обѣщавшаго прибыть безъ свиты и безъ дикторовъ. Чтобъ принять Кесаря со всею пышностью Римскаго вельможи, Абасканцій поднялъ на ноги весь домъ свой, даже и сѣдную сороку подготовили: ей не давали ѣсть, чтобы она почаще говорила, что Домиціанъ трижды милосердый.

Но вотъ являются скромныя носилки; Германическій всегда употребляетъ ихъ, когда хочетъ прибыть куданибудь инкогнито. Онъ выходитъ и вступаетъ въ залу, безъ короны и безъ вѣнца, въ простой тогъ, — однимъ словомъ одѣтый какъ Марціанъ, когда богатые пріатели одѣли его заново. Собраніе встаетъ и привѣтствуетъ Германическаго, стократъ милосердаго и божественнаго. Абасканцій благодаритъ собраніе отъ имени Кесаря, который не любить изъясняться, и скорѣе бы уже согласился писать, чѣмъ говорить для публики. Кесарь искоса улыбается Стацію, садится на кресла, приготовленныя для него подлѣ самой каѳедры, и подаетъ знакъ къ молчанію. Присутствующіе садятся; всѣ взоры обращены на высокаго посѣтителя; Стацій между-тѣмъ готовится. Онъ вынимаетъ изъ подъ тоги небольшой футляръ, украшенный рукою Клавдія, развиваетъ лежащую въ немъ рукопись, и тихимъ, нѣжнымъ голосомъ говоритъ, краснѣя :

— Это стихи на смерть ручного льва Императорскаго.....

Присутствующіе одобряют тихим ропотомъ это замысловатое ласкательство. Домиціанъ улыбается; Абасканцій и Глабрионъ печально опускаютъ головы, потому что Кесарь очень жалѣлъ о своемъ львѣ.

Да! левъ Кесарь умеръ; левъ, который жилъ въ особой клеткѣ, въ изъ руки, игрывалъ съ бараномъ и зайцемъ, и занималъ мѣсто преступнаго льва, приговореннаго Домиціаномъ къ смертной казни за то, что онъ укусилъ своего вожатаго. Кесарь былъ такъ огорченъ смертію своего льва, что въ припадкѣ чувствительности едва не распялъ начальника звѣрница и раба, который принесъ ему эту печальную вѣсть. Надобно признаться, что этотъ левъ былъ воспитителемъ: онъ былъ пойманъ смолою, доказательство, что онъ родился добрымъ расположеніемъ и что этотъ дикарь жаждалъ образованности. Кесарь былъ такъ тронутъ его обходительностію, кротостію, что приказалъ сдѣлать его ручнымъ, хотя бы это стоило жизни первымъ его учителямъ. Добрый звѣрь жилъ мирно со всемъ свѣтомъ. Увы! эта-то доброта и погубила его! Тигръ, недавно привезенный изъ Африки, задушилъ несчастнаго льва. Сенатъ, въ чрезвычайномъ собраніи, по предложенію Абасканція, торжественно опредѣлилъ изъяснить Кесарю свое собользнованіе.

Читай же, счастливый поэтъ, какую-нибудь плачевную *Сильву* на несчастный случай, оставившей пустое мѣсто въ звѣрницѣ Домиціана, и если Кесарь не хочетъ, чтобы ему льстили, — что дѣлать! — льсти же его льву!

Криспинъ требуетъ молчанія, и Стацій читаетъ элегію:

«Что тебѣ пользы отъ того, что ты укротилъ свирѣпость свою? Что пользы, что ты разучился злодѣйству «и терзанію людей, и повиннешься власти тѣхъ, кто тебя «бессилыи? Что пользы, что по ихъ волѣ выходишь изъ «клетки и опять въ нее входишь; отказываешься отъ свя- «ченной добычи и выпускаешь изъ пасти ихъ руки, не «смѣя укусить? Искусный губитель огромныхъ звѣрей, «ты погубаешь не отъ толпъ Массильцевъ, не окружен- «ный ихъ рогатинами, не побужденный прыгнуть завла-

«живо въ нѣхъ тенета, или пойманнѣй пастью темной ямы: «ты побужденъ животнымъ, склоннымъ къ бѣгству, твое несчастное жилище стоитъ отворено, и львы, находящіеся «заперты, содрогаются при мысли о такомъ преступленіи. «Дрожать; у всѣхъ опустились гривы, имъ стыдно было «глядѣть, какъ его вы носили, и они совсѣмъ втянули во «слбы глаза свои. Однако жъ этотъ неслыханный срамъ прео- «долѣлъ тебя не первымъ ударомъ: въ тебѣ еще оставалась бод- «рость; твое мужество возвратилось, когда ты уже упалъ по- «среди смерти, и не вдругъ ушли отъ тебя всѣ твои громы. «Какъ тяжело раненый воинъ, который идетъ на непріа- «теля, поднимаетъ руку и грозитъ вылетающимъ изъ нея «жельзомъ, такъ и онъ еще поднялся на ноги съ обыч- «нымъ величіемъ, еще хотѣлъ итти отяжелѣвшимъ ша- «гомъ, и уставивъ очи, разинувъ пасть, отыскивалъ вывс- «тъ и врага, и свою душу. Ты побужденъ, но какія утѣ- «шенія сопровождали твою кончину! Народъ и Сенатъ, въ «глубокой печали, оплакивали погибель твою, будто смерть «славнаго гладіатора, павшаго на горестномъ поприщѣ; «самъ великій Кесарь огорчился утратою одного льва до «такой степени, что отдавалъ бы за него всѣхъ зѣррей, ко- «торыхъ доставляютъ ему Сивѣія, Ливія, берега Рейна и «народъ Фарекій.»

Стацій сходитъ съ кафедръ, посреди громкихъ рукоплеска- ній, которыя началъ самъ Императоръ. Надобно признаться, что Стацій придворный ловкій. Не смотря на приказаніе не льстить, нашелъ средство польстить вдвое! Онъ угодилъ Кеса- рю и тѣмъ, что читалъ только одно короткое стихотвореніе, какъ-бы щадя его терпѣніе, и сберегая время, столь драгоцен- ное для Римской Республики. За то, Домиціанъ награждаетъ его щедро, хотя и своею монетою: онъ дастъ ему поцѣловать свое колено, и пригласитъ его на свой Сатурнальный у- жинъ. Это величайшія милости Германическаго: если хо- чешь получить что-нибудь посущественнѣе этого, то на- добно просить безстыдно какъ Марціанъ; выставлять предъ Кесаремъ, какъ дѣлывалъ Марціанъ, бѣлые живы своей из- ношенной тоги, и кричать передъ его носилками, какъ дѣлывалъ тотъ же Марціанъ: «Я умираю съ голоду!»

Домиціанъ воспѣшно вышелъ изъ залы; Абасканцій и

Глабрионъ за нимъ послѣдовали, министръ пѣшкомъ, отпущенникъ на своихъ подушкахъ. Знаменитѣйшіе слушатели разошлись. Осталось только обыкновенное общество, и всякой произносилъ свое сужденіе о превосходнѣйшемъ изъ произведеній Стація. Криспинъ громко восхищался выраженіемъ: львы совсѣмъ втянули во лбы глаза свои.

Всѣ искренніе или выказные почитатели Стація принимаются глотать брошенную имъ кость.

— Онъ (левъ) погибаетъ, какъ Гомеровъ воинъ! говорить Капитонъ своимъ звучнымъ голосомъ и со своимъ неподвижнымъ лицомъ. Какая великая идея!

— Да! присовокупляетъ Виргиній Романусъ: но едва ли найдете вы въ Гомерѣ что-нибудь равное этой чудесной картинѣ раненнаго погибающаго звѣря, который, *уставивъ очи, разинувъ пасть, отыскиваетъ мщсть и свою душу, и врага!* Мысль тонкая и достойная нашего великаго Стація!

Стацій не зналъ, долженъ ли благодарить или гнѣваться за подобную похвалу, приписываемую выраженію, котораго ложность самъ онъ почувствовалъ въ эту минуту. Между-тѣмъ Пассіанъ Паулусъ превозносилъ до небесъ свѣдость этого оборота: *Но этотъ неслыханный срамъ преодолѣлъ тебя не первымъ ударомъ....*

— Многіе другіе выразили бы это длинною перифразою! подхватилъ добрый Капитонъ.

Слушатели не столь важные, которые обыкновенно не имѣютъ имѣть своего сужденія, душили Стація поцѣлуями и эпитетами.

— Это совершенно гомерически!

— Въ лучшемъ древнемъ вкусѣ!

— Какъ это ново!

— Должно признаться, что переворотъ, произведенный въ Латинской Словесности нынѣшними нашими писателями и усовершенствованіе вкуса, открыли новые пути воображенію, удивительныя красоты для искусства.....

— Теперь нашего пресловутаго Виргилія уже и читать не возможно!.....

— Да здравствуетъ новая школа!....

— Pulchre! bene! recte! optime! восклицали остальные.

Упадокъ торжествовалъ. Въ этотъ день, Латинская Словесность и здравый вкусъ наклонились на 50 градусовъ къ землѣ.

Но нельзя же созвать цѣлое общество слушателей для тридцати стиховъ, будь они даже и Стаціевы; кто же займетъ кафедрѣ, съ которой онъ только что сошелъ? Кто осмѣлится читать послѣ него? Виргиній Романусъ, хотя и презираетъ талантъ Стація и его ручнаго льва, который, *разинувъ ротъ, ищетъ врага и своей души*, но никогда не рѣшится читать въ собраніи, въ которомъ уже читалъ главный модный поэтъ новой школы. Капитонъ не готовъ; онъ пишетъ мало и охотнѣе исполняетъ обязанность поэта, склякая собраніе слушателей, чѣмъ читая стихи. Регуль крошаетъ стихи только съ досады, когда хвалятъ чью-нибудь рѣчь, затмившую его послѣднее произведеніе, и когда хочетъ снова обратить на себя вниманіе, читая стихи, которые всѣ будутъ хвалить, потому что никто не осмѣлится критиковать ихъ. У Криспина есть нѣсколько рукописныхъ опытовъ, но онъ только хвалитъ, а не читаетъ ихъ; и эти опыты доселѣ не сдѣлали его поэтомъ, такъ какъ мечъ, пожалованный ему Кесаремъ, не сдѣлалъ его воиномъ. Читать рѣшится Пассіанъ Паулусъ: онъ поклялся, что покуда онъ живъ, въ аудиторіяхъ будутъ слушатели и на публичныхъ чтеніяхъ чтецы; и для этого всегда у него есть подъ тогою какое нибудь запасное произведеніе, съ которымъ онъ непремѣнно вотрется межъ двухъ назначенныхъ для чтенія поэмъ любимыхъ публикою писателей, Стація и Виргинія. Криспинъ увидѣлъ кончикъ рукописи, высунувшійся изъ подъ тоги Паулуса: онъ доноситъ на него собранію; толкаетъ его къ кафедрѣ, усаживаетъ, требуетъ молчанія; и Паулусъ, послѣ нѣсколькихъ извиненій, начинаетъ читать:

— Прискъ, ты приказываешь....

— Я? ровно ничего не приказываю! вскрикиваетъ нѣкто Яволенусъ Прискъ, пріятель Паулуса. Въ собраніи раздаётся громкій хохотъ, память котораго Плиній-Младшій сохра-

нилъ для потомства. Всѣ литературныя комедіанты распустились: Регулъ въ восхищеніи, что эффектъ этого засѣданія потерянь; отъ него останется въ Римѣ воспоминаніе не о торжествѣ Стація, но о забавномъ приключеніи съ Паулуsomъ, невзначай получившимъ отъ Яволенуса такой наивный отвѣтъ. Яволенусъ, если вамъ угодно, просто, дуракъ; но этотъ дуракъ убилъ публичныя чтенія: такъ-то справедливо, что добро часто происходитъ отъ глупцовъ. Бѣдный Паулусъ! Это ли награда за тридцати-лѣтнюю услужливость за то, что ты ежедневно бывалъ на публичныхъ чтеніяхъ, какъ старый и вѣрный кліентъ въ прихожей своего патрона! Неужели же невнятный Яволенусъ, себѣ невѣдомо, обличилъ скуку, которая уже начинала овладѣвать всеми разсудительными людьми въ Римѣ. О великій Юпитеръ! Какими руками ниспровергнуто установленіе, которое еще сегодня поддерживалъ, всею тяжестью своего безграмотнаго снисхожденія къ Словесности и скучнаго присутствія, божественный Кесарь Германическій!

Стацій былъ свидѣтелемъ самой блистательной эпохи этихъ собраній, и упоевался послѣдними ея парами. Послѣ него публичныя чтенія *recitationes*, только прозябали; умнѣйшая часть публики перестала посвятить ихъ, и онѣ получали въ языкъ насмѣшливое названіе *ostentationes*, которое можно перевести *литературныя парады*.

Конечно, все это забавно, и Г. Низаръ нашелъ средство, толкуя о латыни, быть еще занимательнымъ и въ нашемъ языкѣ. Но онъ даетъ этой комедіи направленіе выше простой забавы, и связываетъ ее съ важными вопросами всеобщей Литературы. Недостатокъ мѣста принуждаетъ насъ отложить разсужденіе объ этомъ предметѣ до дальнѣйшаго времени. Мы надѣемся скоро возвратиться къ книгѣ Г. Низара и къ мнѣнію объ ней Г. Вилльмена.

Études de M. Nisard. — Revue de Paris.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДА?

=

Читатель! я вамъ буду чрезвычайно благодаренъ: скажите мнѣ, Бога ради, — что такое свобода? Я, кажется, хорошо знаю свой языкъ; знаю по-Нѣмецки и по-Французски; читалъ Донъ Кихота въ Испанскомъ подлинникѣ, Данта въ Италіянскомъ; Греческихъ и Латинскихъ авторовъ перечту вамъ по пальцамъ, и скажу, что у котораго изъ нихъ стоитъ на каждой страницѣ: да сверхъ-того мнѣ что-то чудится, какъ и Доктору Боурингу, будто я понимаю по-Русски, по-Чухонски, по-Шведски и по-Маджарски, не считая Голландскаго діалекта, на которомъ объѣдаю въ трактирѣ «Городъ Амстердамъ» по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, — но будь я проклятъ, если хотя на одномъ изъ всѣхъ этихъ языковъ нашелъ малѣйшее объясненіе таинственнаго слова, которое теперь дѣлаетъ столько шуму и столько несчастныхъ въ Европѣ! Прошу, скажите, не-шутя, что такое свобода, если не хотите, чтобъ я всѣхъ васъ, которые объ ней толкуете, гуртомъ называлъ шарлатанами. Томсонъ воспѣлъ ее въ пяти пѣсняхъ. Гловеръ сдѣлалъ изъ нее эпическую Поэму. На мой вѣкъ я былъ свидѣтелемъ, какъ ее освистывали или осыпали рукоплесканіями въ девяносто трехъ трагедіяхъ и мелодрамахъ; а недавно, поѣхавъ въ Парижъ, самъ смѣялся надъ нею отъ чистаго сердца въ главномъ Французскомъ театрѣ, гдѣ неопровержимое остроуміе Скриба заклеимило ее гербомъ дурачества. Воротясь въ Лондонъ, я прочиталъ всего Лока, рассмотрѣлъ со вниманіемъ почти сто томовъ парламентскихъ преній, справлялся въ Джонсонъ, искалъ въ словаряхъ Вакера и Бели, заглядывалъ даже въ Энтика, и, послѣ всѣхъ разысканій, такъ

же мало понимаю значеніе слова «свобода», какъ и тогда, когда оно въ первый разъ раздалось въ моихъ ушахъ. Я думаю, въ немъ столько же смыслу, сколько и въ словѣ «воля», за которое люди рѣзались въ среднихъ вѣкахъ.

Отъ кого узнать, чтъ она такое?

Я спрашивалъ у моихъ сосѣдей. Г-жа Мекъ-Госбери, очень умная и милая женщина, называетъ свободою то, за что Г-нъ Мекъ-Госбери, человекъ очень либеральный, грозитъ отколотить ее палкою. По мнѣнію Г-на Теди-Бреди свобода значить, имѣть свободный входъ во всѣ табакерки. Прочіе признались мнѣ по совѣсти, что, за дѣлами, за хлопотами, имъ никогда не приводилось даже слышать о свободѣ, хотя они родились и живутъ въ Англіи, гдѣ есть цѣлый классъ, цѣлое сословіе людей съ утра до вечера трубящихъ — свобода! — днемъ и ночью пишущихъ, печатающихъ, кричащихъ — свобода! свободы! за свободу!

Странствуя изъ одного графства въ другое, стоя въ остолбенѣніи передъ чудесами, или лучше, ужасами Великобританской промышленности, которая всѣмъ овладѣла, всему дала жизнь, все поглощаетъ съ быстротою пожара, — желѣзо, хлопчатую бумагу, песокъ, шелкъ, шерсть, глину, и черезъ минуту выбрасываетъ ихъ изъ себя обратно въ видѣ блестящихъ тканей, орудій, игрушекъ; среди всѣхъ этихъ веществъ, приводимыхъ въ движеніе людьми и машинами; въ этой жужжащей атмосферѣ, наполненной вихрями частицъ перерабатываемой матеріи, облаками ея миазмовъ, — какіе звуки слышалъ я отсюда? какое слово безпрестанно раздавалось въ воздухъ? Свобода! — «Что вы разумѣете подъ этимъ словомъ?» спросилъ я у мастеровыхъ, заводящихъ между собою грозные союзы. Мастеровые отвѣчали: — Мало работы и много денегъ: мы употребляемъ всѣ наши усилія, чтобъ

этого достигнуть. Фабриканты считают насъ рабами. Человѣкъ, пользующійся свободою, долженъ работать столько, сколько самъ хочетъ, и получать за то плату, какую ему угодно. — А вы, спросилъ я у владѣльцевъ фабрикъ, держитесь того же мнѣнія? — Сохрани, Господи! работники плуты, негодяи; они заключили между собою союзъ, и хотятъ поработить насъ. Мы желаемъ, на основаніи свободы, употреблять по благоизволенію капиталъ свой. Мы всегда будемъ противиться ихъ домогательствамъ: это нашъ долгъ. Уступи имъ, такъ что жъ будетъ съ Англійскою свободою? — Вотъ двѣ враждебныя арміи, у которыхъ одинъ и тотъ же лозунгъ, одно и то же знамя, — свобода! Дайте имъ волю, онъ истребятъ одна другую.

— Свобода! восклицаетъ газета Morning-Post. Англичане, возвратитесь къ своей независимости, возродите въ себѣ мужество отцевъ вашихъ! Билль о реформѣ парламента похитилъ ваши права: потщитесь вновь приобрести ихъ!

— Свобода Великобританіи, восклицаетъ газета Times, началась съ биллемъ о реформѣ: съ нимъ только, не прежде, началась она.

— До тѣхъ поръ не можете вы быть свободны, утверждаетъ газета Herald, пока не будетъ уничтожена смертная казнь.

— Казните, казните безъ различія за всѣ преступленія! вопіетъ газета Globe: эта жестокость необходима въ странѣ свободной.

Боже мой! кого слушать? чему вѣрить? что дѣлать? что говорить? Какъ постигнуть эту многоразличную свободу, это безтолковое привидѣніе, неимѣющее существенности, ни правила, повелѣвающее и заступающее убійство, обвиняющее и извиняющее насилія; которое готово угождать всѣмъ причудамъ, не знаетъ чего хочетъ, не имѣетъ ни цѣли, ни плана, ни

опредѣлительной формы? Идолъ неосязаемый, въ какомъ убѣжищѣ искать тебя? какими глазами завидѣть? какъ узнать, что ты такое? какое сдѣлать изъ тебя употребленіе, тетраграммъ политической кабалистики, Протей коварный и безсовѣстный, которому поклоняется Европа, готовая изъ твоего храма отправиться прямо въ домъ сумасшедшихъ?

Свобода ремесленныхъ союзовъ, свобода Сенсимонистовъ, свобода приверженцевъ движенія, приверженцевъ сопротивленія, полувиговъ, полныхъ виговъ, ультра-виговъ, — въ чемъ сходны, въ чемъ различны между собою всѣ эти свободы? Право, не знаю! Тамъ послѣдователи сопротивленія стрѣляютъ картечью въ послѣдователей движенія, и сажаютъ ихъ въ тюрьмы, чтобъ выучить ихъ настоящей свободѣ; и наоборотъ, послѣдователи движенія обѣщаютъ перевѣшать всѣхъ послѣдователей сопротивленія, какъ скоро наступитъ день настоящей свободы. Здѣсь Англійскій вигъ, другъ Словесности и свободы, узнавъ, что его мызники подали голосъ на избраніе кандидата, который ему не нравится, объявляетъ имъ, чтобы они тотчасъ убирались изъ мызъ вонъ, и выгоняетъ ихъ черезъ полицію. Мызники, съ своей стороны, угрожаютъ вигу сжечь его замокъ, перебить скоть и истребить хлѣбъ, если онъ будетъ поддерживать министерство, и подавать голосъ противъ ремесленныхъ союзовъ. Друзья мои! свобода ихъ не заключается ли въ томъ единственно, что составляетъ пользу и удовольствіе каждаго изъ нихъ, основанная на рабствѣ и угнетеніи всѣхъ прочихъ?

Если кто въ свѣтѣ челоуѣкъ свободный, такъ это я! Я пользуюсь всѣми, какія только есть въ мірѣ, правами и преимуществами свободного гражданина. На мнѣ лежитъ ихъ столько, что я право не знаю, куда отъ нихъ дѣваться; я пресыщенъ, осыпанъ, удрученъ, растерзанъ свободою. Я обыватель трехъ свободныхъ графствъ, свободенъ въ трехъ мѣстахъ, трикратно

свободенъ. Мнѣ надо подавать три голоса, одинъ въ Мериль-бонъ, другой въ Финсбери, третій въ Мидль-сексъ. Чтобъ въ точности исполнить обязанности свободного гражданина, я проеожу всю жизнь на почтовыхъ, скача съ однихъ выборовъ на другіе. Однажды я полюбился быть свободнымъ, и меня разругали въ газетахъ, представили эгоистомъ, гордецомъ, измѣнникомъ, сказали, что я взяточникъ и не явился потому, что взялъ съ противной стороны деньги. Когда я не избираю дремальщиковъ въ Нижнюю Палату, такъ изъ большихъ жюри меня таскаютъ въ малые, а изъ званія присяжнаго, которое ненавижу пуще смерти, которое для меня несносно, я поступаю въ коронеры, — пріятную должность, состоящую въ обслѣдованіи мертвыхъ тѣлъ самоубійць и погибшихъ отъ руки злодѣевъ. Тогда, какъ я люблю покой и не могъ преодолѣть въ себѣ отвращенія къ судебнымъ преніямъ, къ слезамъ и крови, къ краснорѣчію адвокатовъ, я долженъ подвергаться всѣмъ этимъ мученіямъ, долженъ осматривать эти язвы, прикасаться ко всѣмъ этимъ ранамъ общества, и еще, схватя ножъ, разрѣзывать ихъ! Я чту законы моего отечества, и готовъ исполнять долгъ своего званія, но не говорите мнѣ по крайней мѣрѣ, что я наслаждаюсь свободою, и дѣйствую по своей волѣ, когда вы меня принуждаете, подъ страхомъ тяжелой пени, судить и рядить, вѣшать, убивать, заключать въ темницу, ссылатъ въ заточеніе и свидѣтельствовать трупы, вопреки моему желанію и всѣмъ моимъ склонностямъ!

Средь Декабря мѣсяца, когда скользкія улицы покрыты инеемъ, оставивъ постелю въ шесть часовъ утра, идешь, свободный мученикъ, въ Судъ, присутствовать въ качествѣ присяжнаго. Дѣло, по которому вы туда позваны, и которое могло бы заслуживать вниманіе, отложено дозавтра, потому что не явился одинъ изъ свидѣтелей: между-тѣмъ извольте посидѣть при

производствѣ какой-нибудь тяжбы о дорогѣ, о помпѣ, объ источникѣ, о кровлѣ, о какомъ-нибудь взносѣ, о которомъ спорятъ два владѣльца. Вздоръ тянется до самаго вечера, а бѣдный присяжный долженъ слушать, проклиная судьбу свою. Онъ возвращается домой, усталый, разбитый скукою; ложится спать съ досадою, и приказываетъ слугѣ разбудить себя на другой день въ пять часовъ. Съ разсвѣтомъ дня онъ опять въ присутствіи. Вы читаете на блѣдномъ лицѣ его отвращеніе, внушаемое тягостною должностію. Около полудня, дѣло начинается: оно состоитъ въ насилии, въ убійствѣ, въ отравленіи, въ кровосмѣшеніи. Чувствительность его возмущается. Адвокаты, свидетели и судьи роются въ мерзкихъ подробностяхъ преступленія, въ гнусныхъ глубинахъ человѣческой души. Пренія продолжаются трои сутокъ. Хочешь, не хочешь, оставайся прикованнымъ къ своему стулу, отторгнутымъ отъ семейства, отъ своихъ дѣлъ, отъ друзей, отъ родственниковъ, отъ всѣхъ удовольствій, по силѣ правъ и преимуществъ свободнаго гражданина, по милости неизъяснимыхъ удобствъ представительнаго правительства. Но это не все: судья приказываетъ вамъ удалиться въ смежную комнату, и рѣшить вопросы, которые онъ положить. Чтобы свободные граждане не разбрелись, у дверей ставятъ часоваго. И вотъ вы подъ стражею, запертые въ покоѣ безъ освѣщенія, безъ хлѣба, какъ того требуетъ Magna Charta, до тѣхъ поръ, пока не постановите единогласнаго опредѣленія. Я сообщаю товарищамъ свое мнѣніе, что обвиняемый дѣйствительно виновенъ; многіе изъ нихъ думаютъ то же; мы стараемся, чтобъ оно было принято всѣми присяжными, и, желая показать несогласнымъ непоколебимую нашу твердость, вынимаемъ бѣлые колпаки изъ кармановъ и надѣваемъ ихъ. — Извольте видѣть, господа! мы здѣсь будемъ спать всю ночь: если хотите скорѣе выйти изъ заключенія,

такъ согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ. — Непротивники наши не менѣ насъ упрямы. Проходитъ ночь, разсвѣтаетъ день; мы дрожимъ отъ стужи, чувствуемъ голодь, и холодный зимній туманъ проникаетъ насъ до костей. Крѣпчайшіе сложеніемъ хорошо переносятъ всѣ эти неудобства: они не уступаютъ; мы, слабѣйшіе, сдаемся и по необходимости соглашаемся съ тѣми, которые обвиняемаго признаютъ невиннымъ. О свобода! свобода! Это заточеніе, это насиліе, это невольное отступленіе отъ своего мнѣнія, всѣ эти несообразности, которымъ подвергается честный гражданинъ, называете вы свободою? Человѣкъ, обремененный оковами, свободнѣе: ему по крайней мѣрѣ предоставлено право быть согласнымъ съ своими мыслями, а я, почтеннѣйшій присяжный, и котораго называютъ свободнымъ, я долженъ, если не желаю умереть съ голоду взаперти, утверждать совершенно противное тому, что думаю. Скажите жъ, что такое свобода?

«Она высочайшее благо образованности,» отвѣчаетъ съ важнымъ видомъ Эдинбургскій философъ. Да, подлинно! ужъ дѣйствительно благо, когда я такъ же долженъ стараться о своемъ пропитаніи и работать для хлѣба съ свободою, какъ и безъ свободы, такъ же связанъ общественными предразсудками, такъ же принужденъ повиноваться женѣ и модѣ, имѣть ложу въ театрѣ для нравственнаго воспитанія своихъ дѣтей, и принимать у себя людей, которыхъ ненавижу; такъ же скованъ тяжелыми цѣпями этикета, такъ же стою поутру три часа въ передней у человѣка въ случаѣ, до котораго у меня есть дѣло, и такъ же сижу ввечеру до трехъ часовъ ночи на балѣ, зѣвая по обязанности на своихъ дочерей, которыя рѣшились танцовать до тѣхъ поръ, пока не вытанцуютъ себѣ жениховъ!

Гдѣ жъ это благо?... Но если вы хотите знать, сколько свобода способствуетъ къ умноженію удоволь-

ствій частной моей жизни, я вамъ расскажу свои приключенія.

На балъ, зъвая на дочерей, я съ просонья уронилъ чашку съ шоколадомъ. На другой день журналистъ, по своей свободѣ и для ббльшей занимательности статьи, описывая вчерашній балъ, сдѣлалъ изъ этого случая трагическую исторію, а меня посмѣшищемъ всего города. Я пролилъ шоколадъ, говорить онъ, на великолѣпное платье какой-то герцогини! Герцогиня упала въ обморокъ! Герцогъ вызвалъ меня на дуэль! Я струсилъ и укрылся въ толпѣ! Въ цѣлой его исторіи не было ни одного слова истины, а я между-тѣмъ съ полгода не смѣлъ появиться въ обществахъ.

Какъ свобода дорогой даръ неба, то я плачу въ годъ 220 фунтовъ (5,500 рублей) одной подати въ пользу бѣдныхъ. Однажды, я счелъ себя въ правѣ столкнуть съ своей лѣстницы какого-то нищаго, которій требовалъ отъ меня подаенія съ неслыханною дерзостью, грозя отмстить мнѣ, если не удовлетворю его требованію. Дня черезъ три я увидѣлъ свое имя и это происшествіе въ газѣтахъ: нищій изобразилъ всю мою жизнь самыми черными и ненавистными красками, утверждая, что я звѣрь, что я бью жену, тираню дѣтей, не плачу слугамъ, что я банкротъ и человекъ развратный; что я прибилъ его, несчастнаго, до смерти за то, что онъ со слезами на глазахъ просилъ у меня копѣйки на хлѣбъ, когда я возвращался изъ вертепа игроковъ, обремененный безчестнымъ выигрышемъ. Я, которій въ картахъ не умѣю различить туза отъ короля!.....

Это называется, — какъ бы вамъ сказать? — свободою тисненія! Это одно изъ важнѣйшихъ правъ и преимуществъ моихъ. Я плачу за него ужасныя деньги казнь, потому что, говорятъ, охраненіе всякой свободы стоитъ очень дорого. Я вношу ежегодно два фунта

стерлинговъ съ моего лакея, полтора фунта съ кухарки, фунтъ съ лошади, восемь шиллинговъ съ коровы, пять шиллинговъ съ собаки, три съ каждаго окна, два съ каждой печи, полтора шиллинга съ голубятни, чтобъ удобнѣе наслаждаться тѣмъ, какъ меня и мою честь убиваютъ въ печати.

Скажите, пожалуйста, къ чему служить эта прекрасная свобода, которую такъ превозносятъ теоретики? Плуты ею пользуются; честные и мирные граждане несутъ только ея тягость и непріятности. Но постойте! Пущусь и я въ свободное тисненіе, стану же и я тискать, когда меня тискаютъ такъ удобно и собираютъ съ этого деньги. Стало-быть, вся свобода заключается въ области печатанія! Утомленный дѣятельною жизнію, бросаюсь въ литературныя занятія, въ жизнь мысленную; дѣлаюсь авторомъ; перо мое, радостное, быстрое, наслаждается полною независимостію и дерзостію, летитъ, скрипитъ, мараешь бумагу. Да! но эта писчая бумага, принимающая на свою поверхность сотрясенія моего мозга, обложена ужасною пошлینною. Я опять плачу; плачу за дневной свѣтъ, который меня озаряетъ; отворяю окно, и плачу за воздухъ, освѣжающій разгоряченную мою голову; плачу и за этотъ столъ, покрытый моими рукописями, и за эту чашку чаю, оживляющую умственныя мои силы, и за этотъ Моккскій кофе, отъ котораго воспламеняется мой творческій геній. А дозволеніе обнародовать мой трудъ тогда только дается мнѣ, когда я напередъ уступлю часть, — и часть, божусь вамъ, значительную, той прибыли, которую получу, или которой не получу, отъ моего изданія.

Хорошо! рукопись моя въ типографіи. Но продадутъ ли мнѣ печатную бумагу, по той цѣнѣ, по которой она продается съ фабрики? Нѣтъ, я долженъ заплатить свободѣ за штемпель. Дозволятъ ли мнѣ извѣстить публику, что она не можетъ найти лучшаго упо-

требленія для своихъ денегъ, какъ купить поскорѣе мое сочиненіе? Отнюдь нѣтъ! заплати напередъ свободѣ за право извѣщенія. Каждое мое объявленіе, каждая афишка стоитъ очень дорого. Будетъ ли когда-нибудь конецъ этимъ церемоніямъ свободы?

— Извольте! говорить мнѣ чудная богиня въ красной шапкѣ: теперь вы авторъ, издавайте вашу книгу, пользуйтесь славою, собирайте деньги, дѣлайте что угодно. Я болѣе удручать васъ не стану; только дайте одинъ экземпляръ Британскому Музею, другой Оксфордской Библіотекѣ, третій Кембриджскому Университету, четыре экземпляра Шотландскимъ Университетамъ, одинъ Сионскому Университету въ Лондонѣ, одинъ Эдинбургскому книжному Приказу, одинъ Дублинскому Университету Св. Троицы, одинъ Дублинскимъ присутственнымъ мѣстамъ: и того, одиннадцать экземпляровъ. — Бери, бери, ненаглядная! Дери съ меня кожу, чтобъ я могъ свободнѣе дѣйствовать. Мое сочиненіе, такъ какъ оно съ гравюрами, стоитъ два фунта стерлинговъ: поэтому я выплачиваю двадцать два фунта (550 руб.) предварительно, за право обнародованія. Если бъ я жилъ въ Каирѣ или Константинополь, то и тамъ не былъ бы подверженъ подобному грабежу. Но болѣе всего печалитъ меня то, что Абердинскій Университетъ, получивъ безденежно мою книгу, посылаетъ ее во Францію для Королевской Библіотеки, выпросивъ ее у меня какъ милостыню во-имя свободы!

Но, ахъ! какое было бы счастье, если бъ этимъ и оканчивались скорби и страданія писателя земли свободной! Прославленное право свободы тисненія, которымъ хвастаютъ конституціонныя государства, есть собственность нѣсколькихъ людей, монополія нѣсколькихъ нагмецовъ, завоевавшихъ ее дерзостью и еще съ болѣею дерзостью увѣряющихъ публику, что она принадлежитъ всему вообще народу. Кто хо-

четь имѣть точное понятіе о самовластїи Турецкихъ пашей, тому стоитъ только заглянуть въ самый храмъ свободнаго книгопечатанія.

Благодаря свободѣ, двадцать пять журналовъ, деспотовъ и грабителей общественнаго мнѣнія, стоятъ на всѣхъ распутіяхъ. Они режутъ головы именитымъ сочиненіямъ, и осыпаютъ своими милостями печатныхъ рабовъ; они, по своему произволенію, скликаютъ или прогоняютъ покупателей; они перевозносятся и ругаютъ наудачу новыя книги; они судятъ, осуждаютъ, порочатъ, чтобъ блеснуть своимъ словцомъ. Огорчите страшную стаю критиковъ: увидите, какъ она васъ отдѣляетъ. Вы торопились препроводить къ двадцати пяти критикамъ двадцать пять экземпляровъ вашего сочиненія, и распорядились такъ, чтобы экземпляры получены были ими въ одно и то же время. Служители дурно исполнили ваше порученіе. Ну, если издатель журнала виговъ узналъ, что товарищъ его, издатель журнала тори, получилъ экземпляръ прежде, нежели онъ! Вы погибли, вы пропали; идите, и бросьтесь въ Темзу, не дожидаясь разбора. Вообще, всякой издатель газеты или журнала довольствуется тѣмъ, что, получивъ присланную ему книгу, важно поставить ее въ библіотеку своего заведенія, и потомъ уже объ ней не думаетъ. Но лишите его удовольствія соблюсти этотъ обрядъ: онъ возьметъ на себя трудъ купить ваше сочиненіе; онъ купитъ на свои деньги, и ужъ для того только, что бѣ ошельмовать, обругать, растерзать его. Вотъ вамъ, любезные мои соучастники свободы, внутренній видъ храма, гдѣ стоитъ нашъ палладіумъ; вотъ вамъ слѣдствія этихъ успѣховъ образованности, этого совершенства гражданскаго быта, которымъ расточаете вы похвалы. Они только увеличиваютъ налоги, которые потомъ расхищаютъ интриганты, почтенные титуломъ нашихъ представителей; вмѣсто одной цѣпи, я вижу тысячу цѣ-

пей, обвитыхъ около меня, и отвсюду прорѣзывающихъ мое тѣло. Какъ? я свободенъ, когда самая образованность дѣлаетъ меня рабомъ жены моей, рабомъ моего сосѣда, рабомъ моихъ сосѣдокъ, рабомъ прихотей и предразсудковъ публики, рабомъ моей собственной привычки къ роскоши; а взбалмочное дитя этой образованности, пресловутая свобода, дѣлаетъ еще рабомъ газетчиковъ, журналистовъ, критиковъ, записныхъ поносителей, бродягъ съ гусинымъ перомъ, и даже моего кучера, который слѣзаетъ съ козелъ и смѣетъ боксировать со мною на улицѣ, къ потѣхъ зѣвакъ цѣлаго квартала, за то, что я упрекнулъ его въ неумѣннїи править каретою! Не видите ли вы, несмысленные мудрецы, что всѣ эти «улучшенїя» гражданского общества производятъ новые роды рабства, и что бездна правилъ мнимой нашей свободы не что иное, какъ бездна угнетенїй? Съ тѣхъ поръ, какъ состоялся билль о реформѣ, слесарь мой, столяръ, вступивъ оба въ союзъ ремесленниковъ, приняли со мною тонъ надменный и грубый, и я уже съ недѣлю жду шкафа и колокольчика. Послушайте, милостивые государи! я тоже чело́вѣкъ свободный: за что жъ меня притѣсняють мастеравые? почему жъ я не могу притѣснять ихъ? И какимъ образомъ возвысилась свобода Англїи, когда моя личная свобода такъ явно стѣснилась?

Разъ вспало мнѣ на сердце сдѣлаться членомъ Парламента. — Пусть я только проникну въ мастерскую, гдѣ прїуготовляется свобода, сказалъ я самъ себѣ: такъ ужъ вѣрно узнаю, что она такое! — Вотъ я въ кандидатахъ. Благосклонный голосъ избирателей вѣнчаетъ мои поклонны, объѣды и подарки; меня провозглашаютъ представителемъ одного изъ новыхъ городовъ. Правда, въ ораторскомъ пылу моего ходатайства, я навралъ имъ много вздору; я кричалъ: «Прочь налоги! уничтожить таможи! всеобщая балотиров-

ка! свобода торговли! не держать постоянной арміи!» и прочая, и прочая. Но эти неистовыя восклицанія произвели хорошее впечатлѣніе надъ моими избирателями, и я съ восторгомъ былъ возведенъ въ званіе ихъ депутата. Довольный въ первый разъ въ жизни послѣдствіями свободы, я сѣлъ на лѣвой сторонѣ самыхъ пылкихъ виговъ, совершенно подлѣ радикаловъ. Я былъ увѣренъ, что все пойдетъ прекрасно, и что политическіе мои виды, согласуясь съ видами моихъ товарищей, упрочатъ мое значеніе. Начальники партіи, не забывавшіе ни одного случая ласкать народъ, вздумали однажды обратить свое краснорѣчіе противъ списка гражданскихъ пенсіоновъ. Я одобрилъ ихъ бережливость, но, разсматривая внимательно дѣло, сжалился надъ сотнею бѣдныхъ вдовъ, получавшихъ въ годъ по нѣскольку фунтовъ стерлинговъ. Я отсталъ отъ своихъ товарищей, сказавъ, что во всякомъ другомъ отношеніи готовъ быть ихъ мнѣнію, но въ этомъ не могу взять на душу свою грѣха, и не свергну въ нищету бѣдныхъ женщинъ, которыя черезъ это останутся безъ пропитанія. Свободный членъ Англійскаго Парламента не могъ дѣйствовать иначе! Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ мое мнѣніе, я увидѣлъ себя въ странномъ положеніи: вся моя партія отъ меня отдѣлилась. Джакъ, мой камердинеръ, принесъ мнѣ однажды тяжелый пакетъ отъ моихъ товарищей: они предписывали мнѣ стезю, которою я долженъ слѣдовать, если хочу сохранить званіе депутата. Я сдѣлалъ моимъ товарищамъ учтивый, уклончивый отвѣтъ, а они мнѣ возразили, что я долженъ сейчасъ или дать имъ рѣшительное обязательство, что всегда буду говорить по ихъ желанію, или выйти изъ Парламента.

Мученіе мое было ужасно: я находилъ чрезвычайно деспотическою эту свободу, которая, для удобнѣйшаго разбора дѣлъ, не дозволяетъ дѣлать того, что

хочешь, говорить того, что думаешь; которая тут привязывает меня къ партіи, тамъ къ избирателямъ, далѣе къ министрамъ. Неволья за неволю: по крайней мѣрѣ, подумалъ я себѣ, держась послѣднихъ, можно что-нибудь выиграть. Я присталъ къ министерству, и съ тѣхъ поръ былъ счастливъ. Записавшись въ законодательные автоматы, я сталъ дѣйствовать какъ паровая машина: вставалъ и садился по указанію, распределялъ голоса, аплодировалъ министрамъ, прерывалъ рѣчи оппозиціи восклицаніями во имя свободы, — все еще не понимая смысла этого проклятаго слова. Между-тѣмъ я тихомолкомъ разбиралъ рѣчи великихъ мужей этого собранія. Виги, сильно вопіявшіе противъ страданій порабощенной Ирландіи, требовали, чтобъ въ этой несчастной странѣ были уничтожены всѣ законы, обезпечивающіе какую-нибудь свободу. О'Коннелль не безъ основанія представлялъ, что это былъ бы странный способъ извлекать край изъ рабства; но Лордъ Альторпъ доказалъ неопровержимо, что въ этомъ-то именно и состоитъ настоящая свобода. Я аплодировалъ Лорду Алторпу. Потомъ я слышалъ, какъ владѣльцы купеческихъ судовъ объявляли, что свобода мореплаванія совершенно ихъ разоряетъ, — и слышалъ, какъ Г. Паулетъ Томсонъ доказалъ имъ, что они не умѣютъ считать, и что свободное мореплаваніе есть единственная система, какая можетъ быть допущена для ихъ пользы и счастья. Между-тѣмъ мастеровые, возвысивъ голосъ, восклицали: «Свобода! свобода! хлѣбъ такъ дорогъ, что надобно работать четырнадцать часовъ въ день, и не остается времени читать журналы.» Земледѣльцы прерывали ихъ, крича: «Свобода! свобода! хлѣбъ такъ дешевъ, что мы пойдемъ съ сумою по міру.» Распространители всеобщихъ знаній говорили, что свобода состоитъ въ дешевой наукѣ, и что маленькая книжка, продаваемая по пяти копѣекъ, есть эмблема

свободы. Книгопродавцы говорили, что, благодаря маленькимъ книжкамъ, имъ угрожаетъ банкротство, и что свобода рушится съ ихъ книжными лавками. Содержатели omnibusовъ говорили, что свобода..... Полно-те! Я говорю вамъ, что свобода вздоръ, безтолковщина, привидѣніе. Можете мнѣ повѣрить на слово.

Ступайте со мною въ Испанію. Испанія, говорятъ вамъ, страна деспотическая; тамъ даже никто не слышалъ слова «свобода.» Тамъ кой-гдѣ были попытки воздвигнуть родъ страннаго, смѣшнаго идола театральнаго призрака, называемаго конституціею, но народъ никакъ не могъ понять его. Нѣкоторое время хотѣли-было пародировать народную представительность, и учредить жюри: жюри, въ этой благословенной Испаніи, такой лѣнивой и такъ привязанной къ древнимъ своимъ законамъ, — старымъ грѣхамъ своимъ! Но здравый смыслъ націи освисталъ эту пошлую фарсу: онъ видѣлъ, что всякое подражаніе никуда не годится, что конституція — пластырь изъ испанскихъ мухъ, употребляемый только для того, чтобъ вытягивать большими пузырями денежный сокъ изъ народа, увѣряя его, что это очень здорово, и такъ остался при прежнемъ порядкѣ, въ своемъ роскошномъ усыпленіи, ходя въ церковь, чтя святиню, брянда на гитарѣ, и весело кушая какъ снѣгъ бѣлый хлѣбъ и вкусные плоды прелестныхъ долинъ, цвѣтушихъ садовъ своихъ. Не думаете ли вы, что Испанію представляютъ тѣ Испанцы, которые, бывъ минуто взволнованы, интриганты, дрались противъ Донъ-Карлоса или за Донъ-Карлоса? Нѣтъ! настоящій ея представитель — тотъ цвѣтушій здоровьемъ, влюбленный, фанатическаго характера, гордый, безпечный Испанецъ, который, гоня передъ собою мула, смѣется, поетъ и ложится подъ тѣнью дерева; который танцуетъ фан-

данго, смотреть на бой быковъ, рукоплещеть матадору, и не знаетъ, существуетъ ли правительство, не платитъ пошлинь, и наслаждается солнцемъ. Бѣдное, жалкое, непросвѣщенное существо, на которое Г. Лафаеъ и Лордъ Брумъ смотрятъ съ такимъ состраданіемъ! ты не знаешь, что такое значить двадцать двѣ тысячи миллионовъ рублей національнаго долга и годичный бюджетъ въ полторы тысячи миллионовъ; ты живешь въ угнетеніи, — такъ, по крайности, говоримъ мы, либералы, — и тебѣ неизвѣстны ни полиція, ни таможня, ни пожары городовъ, зажженныхъ парламентскою рѣчью, ни смятенія безтолковыхъ выборовъ: хорошая сигара несравненно важнѣе для тебя журнала, — и ты правъ! Ни Globe, ни Times, не стоятъ сотни Гаванскихъ сигаръ. Я не побожусь, чтобъ ты былъ сильнѣе насъ въ Математикѣ, Алгебрѣ или Геометріи; но мнѣ кажется ясно доказаннымъ, что ты въ тысячу разъ свободнѣе насъ. Горе тебѣ, если ты перемѣнишь истинную свою свободу, эту свободу, такъ согласную съ здравымъ смысломъ, на странную, шумную, бранчивую, своенравную свободу, которая такъ дорого намъ обходится, и которую никто изъ насъ не пользуется!

Бду во Францію. Герцогъ Фицъ-Джемсъ увѣряетъ меня, что Генрихъ V, оставляя отечество, увезъ съ собою всю надежду на свободу. Г. Гизо думаетъ напротивъ: онъ знаетъ Исторію, и говоритъ, что настоящая свобода заключается въ «точной серединѣ,» а точная середина значить — не приставать ни къ какому мнѣнію, и поработать всѣ партіи. Г. Дюпенъ понимаетъ свободу еще иначе: по его мнѣнію, она то же, что верховная власть народа: Я хотѣлъ объяснить на счетъ свободы съ верховною властью народа, но она сидѣла тогда въ тюрьмѣ. Я пошелъ въ улицу Жакобъ, гдѣ нашелъ маленькое общество, дѣятельно занимающееся возвращеніемъ

потерянной свободы не только Франціи, но и цѣлому міру. Первая статья вѣрованія этихъ господъ, — что они одни суть верховные судьи свободы, одни знаютъ въ точности, что она значить, и получили отъ Робеспьеррова духа призваніе распространять ее по всей земли. Отъ Робеспьеррова духа! Да кто же мнѣ сказывалъ, — я думаю, Боркъ, самый жаркій проповѣдникъ свободы, — что Робеспьерръ былъ первый отъявленный тиранъ въ мірѣ послѣ Тамерлана? Обожать свободу во имя Робеспьера и Марата, которые карали смертью за мысль, за взоръ, за жестъ, которые запятнали исторію образованности убійствами, неистовствомъ, нелѣпостью, звѣрствомъ, показалось мнѣ достойнымъ только людей, сдѣлавшихъ въ сорокъ лѣтъ шестнадцать революцій для счастья своего отечества, и достойнымъ безсмысленности самаго слова «свобода».

Хорошо жъ! подумалъ я себѣ: въ Европѣ нѣтъ, не было и быть не можетъ свободы. Она вѣрно поплыла вся на западъ, вмѣстѣ съ Европейскою торговлею. Пустимся за океанъ. Сѣверные Американцы должны быть болѣе всѣхъ другихъ народовъ свѣдуши въ смыслѣ этого слова: они чистые республиканцы, первоходныя дѣти новѣйшей образованности, люди свободные per excellentiam, какъ говорятъ ихъ философы. Во-первыхъ должно сказать, что они имѣютъ право курить и жевать табакъ на балѣ, передъ дамами: это уже большой шагъ къ свободѣ. Они плюютъ на всѣ мебели: это тоже большая свобода. Ихъ служанки надеваютъ безъ спросу лучшія платья своихъ барынь, и отправляются въ нихъ въ церковь или на вечернику; ихъ трактирщики могутъ бранить, какъ угодно, заѣзжихъ и проходящихъ пообѣдать за свои деньги; въ Нью-Йоркѣ всѣмъ ребятишкамъ позволено закидать васъ грязью и камнями, если вы станете играть на фортепіано въ Воскресенье; въ Георгіи всякой, лишь

бы онъ былъ былъ лицомъ, безпрепятственно покупаетъ негровъ, какъ мы покупаемъ куръ, откармливаетъ ихъ, и опять продаетъ на рынкѣ; во всѣхъ почти Соединенныхъ Штатахъ свободные, рожденные отъ черныхъ невольницъ, въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ поколѣніи, не смѣютъ сѣсть за одинъ столъ съ коренными свободными гражданами; а если вы скажете малѣйшее непочтительное словечко противъ Американской свободы, то вамъ тотчасъ переломаютъ всѣ ребра кулаками, и прочая, и прочая. Если ужъ это не полная, настоящая свобода, такъ я не знаю, что и можно назвать ея именемъ! Я рѣшился ѣхать въ Америку, и, готовясь къ путешествію, сталъ читать «Жизнь Президента Адамса», — Адамса, которыхъ гордятся федералисты, — Адамса, воспитанника и друга Вашингтонова. И что жъ я нашелъ въ его жизни? Извольте выслушать. У Г. Джона Адамса былъ задушевный пріятель, Г. Тимошей Пиккерингъ, который болѣе всѣхъ способствовалъ выбору его въ Президенты: за то онъ и сдѣлалъ его своимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, удаливъ отъ должности прежняго министра. Но едва Г. Джонъ Адамсъ сѣлъ въ кресла верховнаго сановника Республики, какъ ему показалось, что его не выберутъ на другое четырехлѣтіе, потому что его задушевный пріятель, «Его Превосходительство» Г. Тимошей Пиккерингъ, что-то не нравится ихъ партіи по своему твердому и безпристрастному характеру. Въ одно прекраснѣйшее Американское утро, — то было въ Маѣ мѣсяцъ, который тамъ неподобенъ, — Г. Тимошей Пиккерингъ, занимаясь спокойно разборомъ дѣловыхъ бумагъ, получаетъ отъ стараго друга своего письмо, слѣдующаго содержания:

«Милостивый государь мой,

«Усмотрѣвъ надобность сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ составъ правительства, я имѣю честь извѣстить васъ, что

вы можете, *если признаете удобнымъ*, подать мнѣ просьбу объ увольненіи отъ занимаемой вами должности. Я желаю, чтобъ вы сами назначили день, когда это увольненіе должно послѣдовать. Благоволите дать мнѣ отвѣтъ прежде Понедѣльника, чтобъ я могъ въ этотъ день представить новаго министра на утвержденіе Сенату.

«Имѣю честь быть, милостивый государь мой,
вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою
«Джонъ Адамсъ.»

Ну, это ничего! сказала я, прочитавъ эти строки. Само собою разумѣется, что если Г. Тимошей *не признаетъ удобнымъ* отказаться отъ министерскаго мѣста, то Г. Джонъ не посмѣетъ принуждать его въ такомъ государствѣ, каковы Сѣверные Соединенные Штаты. Америка колыбель свободы: тамъ безъ причины не лишать честнаго чиновника мѣста: это невозможно! По-видимому, и Г. Тимошей Пиккерингъ былъ того же мнѣнія, потому что онъ отвѣчалъ Г. Джону Адамсу слѣдующимъ образомъ.

«По зрѣломъ разсмотрѣніи сообщенія, которое угодно вамъ было мнѣ сдѣлать, я не признаю себя въ обязанности просить объ увольненіи.

Вамъ преданный,
«Тимошей Пиккерингъ.»

На что, черезъ часъ, возразили ему тако:

«Государь мой,

«Различныя причины и уваженія требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ служебныхъ отношеніяхъ. Въ слѣдствіе чего, вы уже не числитесь министромъ статсъ-секретаремъ внутреннихъ дѣлъ.

«Президентъ Соединенныхъ Штатовъ,
«Джонъ Адамсъ.»

Каковы либералы, республиканцы? Болѣе деспотическаго поступка съ государственнымъ сановникомъ,

исполнившимъ должность свою нѣсколько лѣтъ съ отличнымъ усердіемъ, честностью и дарованіемъ, самъ Персидскій Шахъ придумать не въ состояніи: нѣтъ сомнѣнія, что ни въ одномъ самодержавномъ государствѣ не удаляютъ такъ отъ мѣста хорошаго и невиннаго министра, потому что просвѣщенные монархическія правленія болѣе всѣхъ другихъ уважаютъ личную свободу гражданина, болѣе всѣхъ другихъ цѣнятъ заслуги и способности, даже усиленно и съ собственною опасностью защищаютъ ихъ отъ несправедливостей общественнаго мнѣнія, тогда какъ конституціонныя и республиканскія, напротивъ, всѣхъ жертвуютъ его причудамъ. Г. Джонъ Адамсъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти пожертвовалъ своимъ другомъ, чтобъ приобрести себѣ благосклонность противниковъ послѣдняго. Онъ деспотически прогналъ бѣднаго Тимофея Пиккеринга изъ министерства; враждебная партія деспотически прогнала его изъ президентства. Среди всего этого я отнюдь не вижу свободы, а вижу одніи интриги и эгоизмъ, одно слѣпое, безусловное раболѣпство какому-нибудь идолу. Этотъ примѣръ поколебалъ неимовѣрнымъ образомъ мнѣніе мое о республиканской свободѣ. И чѣмъ болѣе вникалъ я въ положеніе людей и дѣлъ въ прославленной землѣ Франклиновъ и Вашингтоновъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ тщетности моихъ разысканій касательно подлиннаго смысла слова. Название вещи существуетъ въ Америкѣ, но самой вещи тамъ нѣтъ и не бывало; и не только тамъ, — нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно.

New Monthly Magazine.

ЭПОХИ

УПАДКА СЛОВЕСНОСТЕЙ.

=

Составьте себѣ впередъ любую систему о дѣлахъ человѣческихъ, и, если она вамъ кажется неправдоподобною, прибѣгните къ пособію Исторіи: Исторія доставитъ вамъ неопровержимыя всему доказательства. Порокъ ли это Исторіи, или ея польза, — не знаю; но она готова доказать все, какъ скоро ее попросятъ или хорошенько пожмутъ. Г. Низару вспало на сердце непремѣнно отыскать гдѣ-нибудь порядочную эпоху клоненія Словесности къ упадку, сходную съ той, въ которую самъ онъ родился, и Исторія, съ свойственною ей услужливостью, тотчасъ поднесла ему Кесарей и ихъ поэтовъ, съ кучею готовыхъ доводовъ на придачу, что «старая» Латинская Словесность, заключающаяся вся въ стихотворенія, похожа какъ двѣ капли воды на «юную» Французскую Словесность, которая творитъ поэзію въ прозѣ, и съ которою разсори́лся онъ разъ какъ-то за обѣдомъ.

Но Г. Низаръ пустился въ большіе философы: онъ при сей оказіи сочиняетъ полную теорію упадка, обличаетъ его признаки, учитъ Словесности упадать, и даже подаетъ имъ примѣръ своимъ слогомъ и тономъ. Г. Вильменъ ему помогаетъ. Какъ бы то ни было, но предметъ паденія Словесностей вообще чрезвычайно любопытеиъ и важенъ, и мы возвращаемся къ сочиненію Г. Низара, которое, говорятъ, такъ глубокомысленно, что стоитъ разбора.

Самымъ обильнымъ источникомъ заблужденій и пре-

вратнаго сужденія о событіяхъ отдаленной эпохи всегда была и будетъ страсть примѣнять понятія своего вѣка къ дѣламъ минувшихъ столѣтій, и объяснять новѣйшими идеями времена, ощущавшія совсѣмъ другія потребности, мыслившія и чувствовавшія совсѣмъ иначе. Я знаю, что это иногда называется Критикою и Философіею, — и потому именно говорю, что это самый обильный источникъ превратнаго сужденія. Г. Низаръ черпаетъ въ немъ полнымъ кувшиномъ, и вотъ почему онъ ничего не понялъ въ характеръ и свойствъ паденія Римской Словесности, несмотря на то, что Г. Вильменъ превознесъ до небесъ его талантъ, разборчивость и познанія въ классической Критикѣ. Если въ чемъ либо авторъ и его критикъ жестоко ошибаются, то именно въ томъ, что они воображали, будто занимаются Латинскою Словесностью и Римомъ, когда всѣ ихъ помышленія обращены къ нынѣшней Французской Литературѣ, къ сатирѣ и къ эпиграммѣ. Ничто такъ ясно не доказываетъ удивительнаго отсутствія классической Критики во Франціи, какъ книга, изъ которой привели мы въ прошломъ мѣсяцѣ комедію, впрочемъ очень забавную, о Стаціи и публичныхъ чтеніяхъ, и какъ это громкое одобреніе, воздаваемое первыми литераторами того края фарсамъ, принимаемымъ ими за Критику. Неужели, взявъ изъ Плинія, Квинтилиана или Тацита нѣсколько литературныхъ именъ древняго Рима, и надѣливъ ихъ карикатурными чертами своихъ Парижскихъ пріятелей, Г. Низаръ думаетъ, что онъ производитъ критическія изслѣдованія о классической Словесности? По крайней мѣрѣ, это былъ бы новый способъ! Вся его книга, исполненная софизмовъ, самыхъ ложныхъ понятій о состояніи Римской Литературы въ I вѣкѣ, — если только понятіями можно назвать умшленные натяжки обстоятельствъ избраннаго предмета къ заранѣе опредѣленной цѣли, — есть ничто

нное, какъ памфлетъ въ двухъ томахъ противъ современной Словесности его отечества.

Г. Низару хотѣлось сказать, что эта Словесность обнаруживаетъ всѣ признаки упадка, что Г. Викторъ Гюгò есть писатель времени упадка, — и вотъ онъ принялся за Латинскую литературу, къ исторіи которой, какъ-бы нарочно для него, припелось въ одномъ мѣстѣ слово «упадокъ», освященное староюпривычкою профессоровъ. Съ какою радостью, съ какимъ восторгомъ подхватилъ онъ это слово! Съ той минуты у него все упадаетъ, а если что не хочетъ упасть само, такъ онъ закидаетъ на него веревки, и тащитъ изо всей силы, чтобы непременно упало. Федръ падаетъ! Сенека падаетъ! Луканъ падаетъ! Персій, Ювеналь падаютъ! Г. Низаръ — разоритель хуже Тамерлана. Да если бь Федръ, Сенека, Луканъ, Персій и Ювеналь были изъ числа нынѣшнихъ Французскихъ писателей, такъ право никто въ Европѣ, ни даже вы сами, великій пророкъ упадка, не сказали бь, что ваша Словесность клонится къ паденію!

Начать исторію упадка Словесности съ Федра, по нашему, то же, что начать ее съ Лафонтена или съ Крылова. Мы никогда не скажемъ съ Г. Вилльменомъ, чтобъ статья Г. Низара объ этомъ неподражаемомъ баснописцѣ была замысловата: она ложна, и въ оснóвной своей идеѣ, и во всѣхъ своихъ выводахъ. Изъ нѣсколькихъ обще-принятыхъ формулъ древней Поэзіи, Г. Низаръ создаетъ Федру характеръ, неоправдываемый ни какимъ свидѣтельствомъ, и потомъ остергается надъ этимъ характеромъ. Поймавъ прекрасное выраженіе — *pec hanc repulsam tua sentiret calamitas*, *твое несчастье не испытало бы этой обиды*, онъ кричитъ: упадокъ! упадокъ! дурной вкусъ! Какъ же слѣдовало сказать, объясните намъ, Г. Низаръ,

ради всего священнаго въ упадкѣ? Вотъ какъ: несчастный, ты не испыталъ бы этой обиды! Это ужъ слишкомъ тонко, Г. Низаръ! Но ему не нравятся этого рода обороты, потому что «юная Словесность любить ихъ чрезвычайно. Онъ находитъ въ Федръ нѣскольکو словъ, которыхъ нѣтъ въ словарь Цицероновской Академіи, и опять кричить. Перестаньте же наконецъ основывать понятіе упадка Словесности или вкуса на уклоненіи языка отъ формъ данной эпохи! Языки измѣняются непрерывно вмѣстѣ съ нравами и понятіями народовъ: это ихъ свойство, — но они никогда не портятся. Они такъ же красивы въ началѣ столѣтія, какъ и въ концѣ его, какъ и въ слѣдующемъ столѣтіи, и только тотъ писатель заслуживаетъ ния безвкуснаго и манернаго, который не говоритъ языкомъ своего времени. Когда вы допускаете, что только языкъ извѣстной эпохи, отличившейся твореніями пяти или шести великихъ писателей, хорошъ, правиленъ и благозвученъ, тогда одно средство спасти Словесность его отъ упадка — истребить весь народъ тотчасъ послѣ смерти великихъ писателей, потому что, какъ скоро вы оставите его еще пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, онъ неминуемо измѣнить свой языкъ. Шекспиръ писалъ однимъ, Лордъ Байронъ другимъ, языкомъ: такъ который же изъ двухъ языковъ настоящій Англійскій? Долженъ ли былъ Шекспиръ писать языкомъ Байрона, или Байронъ языкомъ Шекспира? Изучите особо каждый изъ этихъ двухъ языковъ, и вы не найдете ни какой разницы въ ихъ красотѣ. Понятіе о образцовой чистотѣ языковъ есть несчастный предразсудокъ старинной Риторики, сухая и безплодная мечта схоластовъ, которые, за недостаткомъ собственныхъ мыслей, занимались чужими словами. Да и что значить эта абсолютная идея упадка, который оканчивается все въ Литературѣ? Слѣдственно, послѣ Шекспира и Мильтона, Байронъ и Вальтеръ-Скоттъ

не могли и должны были явиться? Какъ же назовете вы промежутокъ, разделяющій двѣ блестящія, неотдавленные эпохи Англійской Словесности, — одной изъ всѣхъ новѣйшихъ, которая можетъ быть поставлена на ряду съ древнею Греческою?... Упадкомъ? Я не думаю, чтобъ языкъ Попа былъ запечатанъ этимъ позорнымъ клеймомъ. Федръ, Стацій, Ювеналь и прочіе были писатели такого же промежутка въ Латинской Словесности, и называются поэтами времени упадка потому только, что эта Словесность, имѣвъ своихъ Шекспировъ и Мильтоновъ, не дождалась своего Байрона, и была разрушена Варварами вмѣстѣ съ Имперіею. Да! въ Латинской поэзіи былъ такъ называемый упадокъ: но что имѣетъ онъ общаго съ нынѣшнимъ состояніемъ Французской Словесности, въ которой господствуетъ не упадокъ, а совершенное разстройство, умственное и нравственное!

«Авторъ разбираетъ этотъ упадокъ съ удивительнымъ дарованіемъ! говоритъ Г. Вилльменъ. О Трагедіяхъ Сенеки трудно было бы говорить съ большею и замысловатѣйшею ученостью, со вкусомъ чистѣйшимъ и болѣе пристрастнымъ къ истинѣ. Сравненіе Эдипа Сенеки съ Софокловымъ — плодъ Критики глубоко-ученой и остроумной.» Одинъ Г. Вилльменъ знаетъ, что онъ хотѣлъ сказать этимъ! О глубоко-ученомъ сравненіи Сенеки съ Софокломъ довольно замѣтить, что ни авторъ, ни критикъ, не догадались того, что Софокль, Сенека и Корнель стоятъ въ равныхъ, хотя и далекихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго; что каждый изъ нихъ выражаетъ превосходно нравы, понятія и философію своего времени, и что если принять Софокла на первообразъ, Корнель столько же знаменуетъ собою упадокъ, сколько и Сенека. И Г. Вилльменъ напрасно принимаетъ на себя трудъ находить автора глубокимъ критикомъ, когда

самъ Г. Низаръ очевидно мѣтилъ въ сочинители аллегорій: разборъ Трагедій Сенеки, совершенно ложный въ отношеніи къ Сенецкѣ, есть презанимательное многосказаніе о Трагедіяхъ и Драмахъ «юной Словесности.» Его Сенека — попросту Викторъ Гюго, а иногда, мимоходомъ, и Александръ Дюма. Мы не въ претензіи на Г. Низара за то, что онъ ихъ такъ отдѣлываетъ; только не находимъ, чтобъ отдѣлывать кого-нибудь аллегорически было дѣло добросовѣстное. Зачѣмъ прятаться за Сенекою, и зачѣмъ взводить на него небылицы, чтобъ сказать своему противнику то, чего, по-видимому, не смѣете вы сказать иначе? Кто не догадается, о комъ идетъ рѣчь, когда авторъ, послѣ каждаго разсужденія, благосклонно принимаемаго Г. Вилльменомъ за критическое, восклицаетъ вамъ сперва: «Такъ-то литературныя школы понимаютъ сердце человѣческое! Оно уже не сердце, а умъ, въ крайней степени развращенія. Не надобно искать у нихъ кроткихъ чувствованій, зазръній совѣсти, тонкостей, умѣренности: въ этой литературѣ *перемудренной, преувеличенной, неистовой* и, что всего хуже, *хладнокровно, съ умысломъ неистовой*, нѣтъ языка для любви чистой, ни для любви сыновней, ни для стыда, ни для терпѣнія: эти добродѣтели не известны эпохѣ *Сенеки*,» онъ хотѣлъ сказать — *Виктора Гюго*. Потомъ: «Такъ-то Сенека исковеркала всѣхъ женщинъ Софокла!» Потомъ: «Такъ-то любятъ, такъ-то страждутъ, мстятъ, ощущаютъ въ себѣ преданность и мужество у Сенеки!» Потомъ: «Такъ-то въ Трагедіяхъ Сенеки вы не находите характеровъ, но только драматическія положенія! И эти положенія всегда избраны изъ числа самыхъ отчаянныхъ, самыхъ необычайныхъ и неестественныхъ!» Далѣе: «Такъ-то Сенека перенортила всѣ мужскіе характеры, еще хуже женскихъ!» и прочая, и прочая. Бѣдный Сенека! досталось же тебѣ за вздоры великаго Гюго! Ты

конечно не большой трагикъ, но ты сблалъ то же самое, что сблалъ Корнель: онъ Грековъ Софокла превратилъ въ Французовъ XVII вѣка, ты превратилъ ихъ въ Римлянъ I столѣтїя. Виновать ли ты, что Римляне были въ твоё время чудаки, что Философія стоиковъ сводила ихъ съ ума, что общество, въ которомъ ты жилъ, отразилось въ твоихъ герояхъ? Я по крайней мѣрѣ не буду бранить тебя за то, что ты писалъ съ натуры. А что Г. Низаръ съ Г. Вильменомъ не поняли твоего положенія, и разругали тебя понапрасну, доказательствомъ тому слѣдующее очень хорошее разсужденіе того же Г. Низара о Философіи твоихъ трагедій и твоихъ согражданъ. Эта Философія, строгій стоицизмъ, была тогда въ модѣ; она была религіею просвѣщеннаго класса; она приготовила общество къ Христіанской Вѣрѣ, и пособила ея торжеству. Самъ Г. Низаръ, кажется, знаетъ это. Она должна была находиться въ Трагедіяхъ Сенеки, — иначе Сенека писалъ бы въ другомъ вѣкѣ и въ другомъ народѣ.

«Философія Трагедій Сенеки — стоицизмъ. Всѣ его дѣйствующія лица стоики или почти стоики, вооруженные сентенціями и разговаривающіе или разсуждающіе афоризмами. Нѣкоторые изъ нихъ умираютъ какъ стоики, какъ люди, которые съ любовію разбирали всѣ неизъяснимыя наслажденія самоубійства. Даже и маленькій Астіанаксъ, бѣдное, милое дитя прелестнѣйшей древней женщины, притворяется стоикомъ; даже и отъ него пахнетъ школою. Поликсена умираетъ на манеръ Катона.

«Кто не узнаетъ не только стоика школы Сенекиной, но самого Сенеки, въ словахъ Эдипа, когда тотъ съ такою уточненностію разбираетъ удовольствіе, не самоубійства, — этого мало, — по свободы располагать своею смертію. «Тотъ, кто заставляетъ человека умереть противъ воли, говоритъ «Эдипъ, дѣлаетъ то же, что и тотъ, который останавливаетъ человека, хотящаго умереть; я ошибаюсь: второй посту-

«пасть хуже перваго. Пусть ужъ лучше меня заставятъ умереть, чѣмъ помѣшаютъ мнѣ умереть.» Эдипъ другой Трагедіи пространно разсуждаетъ съ Антигоною о свободѣ смерти. «Никто не можетъ помѣшать мнѣ умереть,» говоритъ онъ. «Къ чему повели бы старанія спасти меня отъ «самого себя? Смерть вездѣ. Провидѣніе разлило ее повсюду щедрою рукою. Можно отнять жизнь у чловѣка; смерти отнять у него нельзя: умереть есть тысячи средствъ.» — «Жить въ нуждѣ, говоритъ философъ Сенека, конечно «зло; но нѣтъ никакой необходимости жить въ нуждѣ. Со «всѣхъ сторонъ представляются средства освобожденія, средства многочисленныя, скорыя, легкія.» Въ другомъ мѣстѣ онъ придаетъ Провидѣнію слѣдующія слова: «Прежде всего я позаботился о томъ, чтобы никто изъ васъ не былъ «насиленно удерживаемъ въ жизни: выходъ изъ нея свободенъ.»

«У Сенеки, философа, часто встрѣчаются на счетъ смерти принужденной и произвольной многія черты, подобныя этимъ. Одна мужественная смерть его могла придать этой игрѣ словъ о самоубійствѣ важность, которая не позволяетъ надъ нею смѣяться. Если бы Сенека не разрѣзалъ себя жилъ, онъ былъ бы самымъ жалкимъ забавникомъ.

«Эта философія не что иное, какъ безумное стремленіе къ невозможному въ добродѣтели: впрочемъ одну только эту философію и можно было противопоставить стремленію къ невозможному въ порокѣ, которое мучило Сенекино время. Зламъ чрезмѣрнымъ философія противопоставляла и лекарства чрезмѣрныя, которыя никогда не излечиваютъ. Нравственная философія была тогда не столько собраніемъ правилъ о поведеніи, какъ протестомъ противъ поведенія общества, часто болѣе замысловатымъ, чѣмъ разсудительнымъ. Въ ней замѣтна была какая-то пустая изысканность, которая преувеличивала, портила и лишала его всей важности. Въ то время были изобрѣтатели по части добродѣтели, такъ же какъ и изобрѣтатели по части порока, и одни отъ другихъ не отставали. Эта философія не допускаетъ середины между чрезмѣрнымъ богатствомъ и бѣдностію,

между изысканностию роскоши и совершеннымъ убожествомъ. Во времена Горация, философія проповѣдывала еще посредственность; Сенека проповѣдуетъ нищету. Повозка твоя скромна, Сенека, это правда; ты очень смиренно переезжаешь изъ одной въ другую изъ шести дачъ своихъ: это показываетъ умѣренность и даже нѣкоторую добродѣтель, хотя изысканную. Вѣрю, что ты ѣдишь въ повозкѣ только потому, что по старости не можешь ходить пѣшкомъ, и что тебя только *перевозятъ*, а не *переносятъ*: прекрасно; но зачѣмъ же ты хвастаешься тѣмъ, что моришь съ голоду своихъ муловъ, которые совсѣмъ не стойки? Будь бѣденъ, если тебѣ это угодно и покуда тебѣ угодно: бѣдность легка для того, кто завтра же можетъ наслаждаться всеми удовольствіями богатства; но нѣтъ ни какой надобности, чтобы твои невольники и мулы были худы, потому что нѣтъ ни добродѣтели, ни ума въ томъ, чтобы хвастаться нищетою; ты этимъ ни сколько не обезоруживаешь своихъ завистниковъ, а люди разсудительные увидятъ, что ты выказываешься бѣднякомъ, и что ты просто скупецъ.

«Нравственная философія Сенеки запрещаетъ отцу оплакивать смерть своего ребенка. Надобно находить, говорить она, нѣкоторое сладострастіе въ горести; *пусть лучше мы сами покинемъ горестъ, чѣмъ она насъ покинетъ*. Хорошо. Но въ такомъ случаѣ, по какому же праву ты требуешь, чтобы сынъ твой оплакивалъ твою смерть или по крайней мѣрѣ желалъ тебѣ долгой жизни, особенно если ты обходишься съ нимъ такъ же, какъ со своими мулами?

«Эта философія не допускаетъ привязанностей. Отъ чего же ты любишь жену свою, Паулину, Сенека? И въ какомъ случаѣ ты поступаешь сообразнѣе со своими правилами, въ томъ ли, что, какъ ты самъ признаешься, бережешь здоровье свое изъ любви къ Паулинѣ, или въ томъ, что по неглупому презрѣнію къ привязанностямъ, остаешься министромъ и совѣтникомъ Нерона, убивающаго свою мать?

«Не хочу однако же клеветать на философію. Она проповѣдывала, если не освобожденіе домашнихъ невольниковъ,

по-крайней-мѣрѣ признаніе равными ихъ правъ съ господами на хорошее обхожденіе, и утверждала, что они должны быть цѣнными не по обязанностямъ, на нихъ возложеннымъ, но по своей нравственности. Она требовала — не того, чтобы шадли кровь человѣческую, но чтобы человѣкъ былъ кротокъ съ человѣкомъ, чтобы онъ «протягивалъ руку утопающему, выводилъ на дорогу заблудившагося путешественника, раздѣлялъ хлѣбъ свой съ голодными.» Она говорила, такъ же какъ Христіанское ученіе: «Мудрый, влекомый на казнь, будетъ страдать, трепетать, блѣднѣть, «но часть его самого, одаренная разсудкомъ, не станетъ жаловаться.» Такимъ образомъ она связывалась съ Христіанствомъ; она облегчала переходъ къ этой новой эрѣ, которая пополнила ея честныя, но робкія уступки на счетъ домашнихъ рабовъ, обратила въ неперемѣнныя обязанности ея увѣщанія къ кротости и человѣколюбію, и показала намъ на планѣ, тоже трепещущимъ и блѣднѣющимъ, но не жалующимся — не стончскаго мудреца, замысловатаго и чопорнаго, для котораго добродѣтель дѣло учености, секты и стиля, но невѣжественнаго простолюдина, можетъ быть, одного изъ тѣхъ муальщиковъ, которые возили Сенеку на его дачи; простолюдина, котораго не поддерживаетъ въ страданіяхъ, переносимыхъ за Вѣру, ни наука, ни гордость. Повторяю, нравственная философія, которая могла служить приготовленіемъ къ ученію Христіанской религіи, не заслуживаетъ презрѣнія; но за исключеніемъ этихъ проблемъ высокаго разума, рѣдкихъ и тотчасъ замѣняемыхъ глубокимъ иракомъ, она почти всегда или пустой догматизмъ, основывающійся на двусмысліи, или, какъ я опредѣлилъ ее сначала, безумное стремленіе къ невозможному въ добродѣтели.

«Единственное послѣдствіе нравственной философіи, которая всѣ прегрѣшенія считала равно тяжкими, которая почти не что иное, какъ безумное стремленіе къ невозможному въ добродѣтели, есть то, что она порождаетъ безумное стремленіе къ самоубійству.

Во времена Сенеки мужество, съ которымъ люди умира-

ли, сдѣлалось мужествомъ пошлымъ. Въ это время нѣги и наслажденій, забавъ чудовищныхъ, погребностей, которыми вся вселенная едва могла удовлетворять, бань благовонныхъ, любовныхъ утѣхъ легкихъ и непорядочныхъ, ежедневно являлись люди всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ положеній въ обществѣ, которые освобождались отъ несчастій своихъ смертію!.... Какъ же прикажете не прибѣгать къ самоубійству людямъ, у которыхъ нѣтъ другаго утѣшенія, кромѣ утонченной философіи Сенеки и его теоріи о блаженствѣ нищеты? Марцелинъ страдаетъ болѣзнью тяжкою, но излечимою; онъ молодъ, у него есть помѣстья, невольники, друзья: нужды нѣтъ, — ему вздумалось умереть. Онъ созываетъ друзей своихъ, и совѣтуется съ ними, какъ-будто о предполагаемой женитьбѣ или открывающемся мѣстѣ. Онъ толкуетъ съ ними о намѣреніи умертвить себя; собираетъ голоса: одни совѣтуютъ ему поступить какъ вздумается; стойкъ, пріятель Сенеки, мужественно увѣщаетъ его умереть: главная причина его состоитъ въ томъ, что для того, чтобы желать смерти, не нужно быть ни добродѣтельнымъ, ни мужественнымъ, ни несчастнымъ: довольно того, что скучаешь. Никто не противорѣчитъ стойку. Марцелинъ благодаритъ друзей своихъ; раздаетъ деньги плачущимъ своимъ невольникамъ, которые не хотѣли помочь ему умереть; онъ милостиво ихъ утѣшаетъ. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, онъ не принимаетъ трое сутокъ ни какой пищи; потомъ его, совершенно истощеннаго и разслабленнаго, переносятъ въ теплую ванну, гдѣ онъ скоро умираетъ, пробормотавъ нѣсколько словъ о томъ, какъ пріятно умирать. И эта пріятность, благодаря модѣ на самоубійство, была такъ истинна, что строгіе стойки, управлявшіе всѣмъ умственнымъ движеніемъ того времени, и восхвалявшіе всѣ эти подвиги, принуждены были сдѣлать нѣкоторое ограниченіе, постановивъ, что хотя смерть весьма пріятна, но она еще не такое благополучіе, чтобы для нея позволительно было пренебрегать своими обязанностями.

«Меценатъ не такъ думалъ. Меценатъ говорилъ: «Сдѣлайте меня хромымъ, безрукимъ, горбатымъ, беззубымъ; все хорошо, лишь только бы я жилъ. Хоть распните ме-

«ня на крестъ, только позвольте мнѣ жить на немъ, если «это возможно.» Не мудрено, что послѣ низкой привязанности къ жизни, произошло противодѣйствіе въ пользу смерти, если бы даже смерть въ Римѣ Тиверіа и Нерона, и не бывала иногда, по причинамъ болѣе основательнымъ, мѣрою предусмотрительности.»

Это мѣсто мы почитаемъ лучшимъ въ цѣломъ разсужденіи Г. Низара о Трагедіяхъ Сенеки, хотя основная идея принадлежитъ не ему, а Гиббону. Но оно уничтожаетъ его выходки противъ поэта и всю его теорію упадка. Изъ чего же хлопочетъ Г. Низаръ, зная самъ, каково было состояніе умовъ въ той эпохѣ? Слѣдственно Сенека не безусловный подражатель, но вѣрный живописецъ людей и чувствъ своего времени! Онъ стѣнитъ того, чтобъ въ XIX вѣкѣ его понимали лучше, нежели какъ Г. Низаръ.

Что касается до классической Критики этого отдѣленія, — до Критики, которою Г. Вилльменъ такъ восхищается, — то она состоитъ вся въ томъ, что Г. Низаръ вздумалъ рѣшить окончательно безконечный споръ о тождествѣ лицъ Сенеки философа и Сенеки поэта обнаруженіемъ тождества философскихъ мнѣній того и другаго. На этотъ забавный доводъ мы сдѣлаемъ самое простое возраженіе: первый стоикъ, который бы вздумалъ писать Трагедіи, первый драматическій поэтъ, который съ восторгомъ прочиталъ творенія Сенеки философа, такъ же легко, какъ и самъ Сенека могъ придать своимъ лицамъ его философію и даже цѣлыя ея изрѣченія.

Оставимъ Сенеку. Г. Низаръ, ища всюду упадка и «юной Словесности,» очевидно не хотѣлъ понять его, такъ же, какъ и Персія, котораго быть-можетъ и въ самомъ дѣлѣ онъ не понимаетъ: латынь Персія, изволите видѣть, ужасно трудна. Но то, что Г. Низаръ хочетъ

понимать, онъ понимаетъ очень хорошо. Сближеніе стоицизма съ нынѣшнею Французскою оппозиціею весьма удачно, хотя не доказано. Только не обращайтесь вниманія на то, что онъ говоритъ о Персіи: онъ толкуетъ не о томъ юномъ Персіи, который давно умеръ, а о томъ, который живетъ теперь въ Парижѣ, и Сатиръ не пишетъ.

«Впрочемъ, обвинять во всемъ этомъ надобно не юнаго поэта нашего, а скорѣе его учителей, стоиковъ. Персій былъ только покорнымъ ученикомъ школы; или лучше сказать, шуткомъ партіи, если только въ философія могутъ быть партіи, какъ въ политикѣ. Онъ принималъ за чистыя деньги все, чему его учили. Учитель сказалъ! — вотъ его непремѣнное правило. Странная вещь, что и въ древности существовало правильно устроенное общество, или, назовемъ его настоящимъ именемъ, конгрегація, у которой были свои шарлатаны и свои фанатики, иногда даже и свои мученики: это обыкновенная участь всякаго сильнаго вѣрованія. Стоицизмъ былъ въ Римѣ не что иное, какъ оппозиція: противниками его были всѣ придворные, вся челядь, весь причетъ Кесаря. Его терпѣли только по причинѣ большихъ познаній, а иногда и гибкости философовъ. Стоицизмъ имѣлъ тоже и своихъ отступниковъ: иной философъ, который кричалъ громче другихъ, замолчалъ, потому что ему дали мѣсто, и надѣлъ императорскую ливрею. Люди свѣтскіе, франты, почти всѣ офицеры, какъ всегда бываетъ въ военномъ правленіи, острились надъ стоицизмомъ, что очень досадно было доброму Персію. Центуріоны, Римскіе поручики, которые и во времена Горація, были большими насмѣшниками, жестоко волнуютъ желчь сатирика. Эти господа, почти всѣ изъ благородныхъ фамилій, люди здоровые, охотники до дюжихъ удовольствій, выказывали самое обидное презрѣніе къ добродѣтели, преподаваемой и изучаемой, и у меня, право, не достаетъ духа сердиться на нихъ за это, потому что ничего не можетъ быть забавнѣе курса добродѣтели, читаемаго на кафедрѣ, какъ-будто курсъ Географіи, профессоромъ, получающимъ жалованье отъ правительства. Персій упрекаетъ центуріоновъ въ томъ, будто

отъ нихъ пахнетъ грязью: это не очень учтиво. Пахнутъ грязью еще не такъ ужасно въ воинской жизни, а если кто, сражаясь съ Кауками и Призонами въ Германскихъ болотахъ, и получить шолуди, то людямъ, которые вѣчно сидятъ въ своемъ кабинетѣ, легко надъ этимъ смѣяться. Не мудрено, что центуріонамъ казались очень смѣшными Арцезиласы и Хризиппы того времени, которые съ важностію прохаживались по улицамъ, склонивъ голову на грудь, потупивъ глаза въ землю, бормоча сквозь зубы философскія аксіомы, и не превосходя критиковъ своихъ даже и чистотою. Тѣ же центуріоны не думали, чтобы стоило труда быть блѣднымъ и неуклюжимъ, объдать плохо или и совсемъ не объдать, для того только, чтобы наконецъ узнать, что ничто не происходитъ изъ ничего; что ничтожество не можетъ возвратиться въ ничтожество; что надобно во всемъ сомнѣваться; что жизнь человѣческая походитъ на букву Y, пока представляетъ дѣтство, не имѣющее ни пороковъ, ни добродѣтелей, а верхнія палочки, лѣвая пороки, правая добродѣтели. Я не думаю, чтобы эти грубые центуріоны были слишкомъ неправы; а молодые люди, которые смѣялись ихъ шуткамъ, врядъ-ли были неблагоуразумнѣе тѣхъ, которые, подобно доброму Персію, сердились.

«Гвардейскіе офицеры, все баричи и приверженцы Кесарской власти, нападаая на философовъ, конечно были грубы и наглы, а врядъ-ли недогадливы: они чувствовали, что истинные непріатели ихъ и Кесаря въ станѣ стонковъ. Въ немъ укрывались, подъ безвинною одеждою спорщиковъ о нравственной свободѣ, о свободной волѣ души воспоминанія, сожалѣнія и мечты о прежней свободѣ политической, о республикѣ. Эти длиннородные люди составляли какъ бы свѣтское монашество, непріязненное императорскому правленію, питавшее подъ покровомъ науки глубокую и непримиримую вражду къ правленію преторіанцевъ и ликторовъ. Домиціанъ изгналъ философовъ изъ Рима не для того, чтобы избавить людей со вкусомъ отъ зрѣлища ихъ смѣшной одежды, не для того, чтобы доставить себѣ глупое и суровое удовольствіе преслѣдовать Литературу и Науки въ лицѣ нѣсколькихъ созерцательныхъ діалектиковъ: онъ

имѣлъ на это причину политическую; Домиціанъ не безъ причины страшился секты спорящей и разсуждающей, изъ которой выходили немногіе великіе умы, приносившіе честь этой эпохѣ, и особенно немногіе мужественные люди, которые умами умирать не на войнѣ и не отъ руки палача. Заговоръ собственно былъ въ этой сектѣ, только въ ней и только ея послѣдователи добровольно открывали себѣ жилы. Стоицизмъ составлялъ общество, котораго тайна была известна не всемъ просвѣщеннымъ; начальники общества, большею частію люди съ умомъ и необыкновенно смѣлые, обладали этою тайною и хранили ее до тѣхъ поръ, пока Кесарь ея не страшился, и не присылалъ своихъ ликторовъ истребовать ее отъ нихъ вмѣстѣ съ жизнію; остальные придерживались буквально ея ученія, и только ученымъ образомъ занимались изслѣдованіемъ щекотливыхъ вопросовъ о произволѣ и свободѣ души, надъ этими-то именно и смѣялись при дворѣ и въ войскѣ; но, большею частію, насмѣшка была не что иное, какъ требованіе гоненія противъ немногихъ людей съ умомъ гордымъ, которые были столпами на дѣлѣ, и образовали тайную и оскорбительную оппозицію противъ Римскаго деспотизма. Если бы Персій жилъ по-долѣе, онъ, конечно, былъ бы въ числѣ послѣднихъ, потому что, не имѣя ума возвышеннаго, онъ по крайней мѣрѣ одаренъ былъ сердцемъ честнымъ и пламеннымъ; но онъ умеръ слишкомъ рано, и потому считался только въ числѣ первыхъ; онъ былъ въ стоицизмъ не учителемъ, но ученикомъ.»

Опять Персій! Онъ очень нравится Г. Низару, и именно потому что молодъ, совершенно какъ Викторъ Гюго. Самъ Г. Вилльмень, хотя пріятель автору, заиѣтилъ однако ему, что онъ не понялъ красотъ Персія: мы приведемъ ниже его сужденіе, на этотъ разъ весьма основательное, а здѣсь предложимъ жаркую, остроумную вылазку Г. Низара противъ своихъ Парижскихъ враговъ, — «Объ опасности сдѣлаться писателемъ въ юныхъ лѣтахъ.» Само собою разумѣется, что какъ тамъ Сенека претерпѣлъ за Гюго трагика, такъ здѣсь Персій переноситъ всю бѣду за Гюго юно-

шу. Г. Низаръ стряпааетъ классическую Критику аллегорически. За всѣмъ тѣмъ, въ этомъ отрывкѣ много хорошаго и полезнаго.

«Персій писалъ Сатиры, не имѣя воображенія, ни даже достаточнаго запаса идей пріобрѣтенныхъ; но онъ одаренъ былъ нѣкоторымъ даромъ слога; онъ умѣлъ довольно гармонически сочетать слова, но идей у него не доставало. Идей можно имѣть только двумя средствами: надобно получить ихъ отъ природы или пріобрѣсть опытомъ. У Персія не было ни тѣхъ, ни другихъ; природа не создала его поэтомъ, а преждевременная смерть не допустила пріобрѣсть опытности. И между тѣмъ, повторяю, онъ обладалъ нѣкоторыми изъ качествъ писателя. Это положеніе довольно общее многимъ людямъ съ талантомъ, начинающимъ писать. Они чувствуютъ не ясно красоты слога, довольно хорошо знаютъ механизмъ его; но какъ у нихъ не достаетъ идей, то они и дѣйствуютъ словами, и предаются варваризмамъ, по мѣрѣ своего таланта.

«Корнутусъ познакомилъ Персія съ молодымъ Луканомъ, который былъ однимъ изъ его слушателей и восьмью годами моложе Персія. Луканъ такъ восхищался стихотвореніями своего друга, что, слушая ихъ, не могъ воздержаться отъ восклицанія, которое біографъ Персія тщательно записалъ, но которое время стерло въ его рукописи. Люди, присутствующіе на публичныхъ чтеніяхъ въ наше время, могутъ замѣнить эту потерю. Но чтѣ жъ это могло быть за восхищеніе? *Превосходно! божественно! несравненно!* Я слышалъ восклицаніе по-лучше всѣхъ этихъ: *Ахъ, какъ это готически!.....* Я могу показать вамъ человѣка, у котораго есть одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ словарей хвалебныхъ возгласовъ для употребленія на публичныхъ чтеніяхъ: это человѣкъ, нарочно для того созданный природою, съ пухлыми щеками и согнутыми руками. Сверхъ того, я не знаю человѣка, который бы съ большимъ безпристрастіемъ тратилъ жалкія умственные способности на прославленія чужаго ума, и который бы былъ крестнымъ отцемъ и провозвѣстникомъ большаго числа скончавшихся знаменитостей.

«Въ тѣ эпохи, когда пишутъ много, всегда есть люди съ дарованіемъ, которые пишутъ дурно. Исторія Персія есть исторія одного молодого человѣка, котораго я знаю, котораго и вы знаете, который носить общее имя человѣка съ дарованіемъ. Этотъ молодой писатель, представитель всѣхъ писателей своего времени, учился хорошо. Ученіе обращается у насъ, какъ вы знаете, не на вещи, а на слова; учать не философіи, а филологіи; профессоръ несравненно тщательно толкуетъ вамъ подражательную гармонию Виргиліева стиха о пчелѣ, чѣмъ показываетъ искусство сочиненія, высокую философію, практическое знаніе свѣта, которыми отличаются творенія этого поэта. Тутъ во-первыхъ вина профессора, который училъ молодого моего знакома такъ, какъ его самого учили; а главное вина молодости его воспитанника, котораго болѣе поражаютъ второстепенныя и паружныя качества великаго писателя, чѣмъ его духъ и гений. По окончаніи ученія, онъ вступаетъ въ общество, въ которомъ вся жизнь, вся власть, вся независимость на сторонѣ писателей. Школьная извѣстность завлекаетъ его въ ремесло писателя; онъ увѣнчанъ какъ увѣнчаны были Стацій отецъ и сынъ; онъ не хочетъ быть нотаріусомъ или приказнымъ, точно такъ какъ Марціалъ не хотѣлъ быть адвокатомъ или архитекторомъ. Онъ является въ гостиныхъ, и ему твердятъ тамъ: «Отъ чего вы не пишете?» Встрѣчаетъ книгопродавца, который говоритъ ему: «Я слышалъ, что вы пишете романъ; продайте мнѣ его.» Онъ знакомится съ журналистомъ: который учитъ его политикѣ, и доказываетъ ему, что à priori всегда будешь правъ, если только порицаешь правительство и государя, даже и не зналъ ихъ. Если у него есть хоть нѣсколько половинокъ идей и нѣкоторая живость въ умѣ, ему говорятъ: «сдѣлайте изъ этого четыре тома.» Если онъ пишетъ кой-какіе стишки, всесвѣтнѣй хвалитель, о которомъ я вамъ сейчасъ рассказывалъ, приглашаетъ его къ себѣ. «Пріѣзжайте ко мнѣ, говоритъ онъ, я обожаю ваши стихотворенія; у меня есть пріатели, которые станутъ вамъ аплодировать; есть сыропъ, есть, если угодно, и сырыя яйца, чтобы прочистить вамъ голосъ. Есть у меня знакомыя дамы, которыя не боятся пріѣзжать ко мнѣ звать въ пышныхъ нарядахъ, чтобы только про-

слыть любительницами литературы; есть фортепiano для антрактовъ, и прекрасный каминъ изъ блага мрамора, къ которому вы можете прислониться.» Тутъ являются двѣ волшебныя вещи, которыя увлекають его: деньги, если онъ прозакъ, журнальныя статьи, если онъ Поэтъ; потому, что если онъ только догадался послать собраніе своихъ стихотвореній къ какому нибудь критику, съ учтивымъ письмомъ въ видѣ посвященія, этотъ критикъ, исполненный простосердечія и добросовѣстности, усердно привѣтствующій всякаго новобранца, какъ Мессію, который долженъ возродить Искусство, этотъ честный критикъ разберетъ его съ удивительнымъ глубокомысліемъ, предастъ ему весь умъ, котораго у него не достаётъ, пополнить, распространить его, создать новую Пиктику, нарочно для того, чтобы объяснить небольшой его гений; и, вмѣсто того, чтобы судить о немъ, какъ о простомъ смертномъ, съ прозаическими нуждами и привычками, онъ сдѣлаетъ изъ него ангела, слышавшаго надзвѣздыя концерты, лебедя, который не погрузилъ еще блага крыла своего въ нашу тину, древяго пастуха, пахнущаго молокомъ, козломъ и бѣлымъ сыромъ. Въ немъ найдутъ сходство съ какимъ нибудь поэтомъ; его провозгласятъ Англичаниномъ, Нѣмцемъ, Римляниномъ или Грекомъ, только не Французомъ — и это безъ всякаго злаго умысла со стороны критика. Можетъ случиться и то, что и критикъ и писатель-новобранецъ знаютъ развѣ только во слуху поэта, на котораго онъ, волю или неволю, походить. Если сверхъ того, Луканъ вздумаетъ ему удивляться потому, что онъ охотно удивляется всемъ тѣмъ, которые его не стоятъ, и отыщетъ для него драгоценное свое восклицаніе, для насъ потерянное, конечно: этотъ молодой человекъ рѣшительно вгнать въ цехъ писателей, безъ запаса, безъ капитала, съ порядочнымъ инструментомъ въ неискусныхъ рукахъ, съ формами, но безъ существеннаго, съ чувствомъ просодіи фразы, но безъ идей: молитесь Богу, чтобы онъ не споткнулся!

«Человекъ, съ умомъ обыкновеннымъ, принимающійся писать, всегда находится въ положеніи весьма благопріятномъ.

Съ одной стороны онъ очень мало заботится о томъ, чтобы имѣть свой собственный слогъ, и подражаетъ; съ другой стороны онъ производитъ очень скоро, потому что никто не производитъ такъ много и такъ скоро, какъ люди посредственные. По-этому ему весьма спокойно, тѣмъ болѣе, что его никто не читаетъ, отъ него ничего и не ожидаютъ, и онъ не принимаетъ на себя ни какой ответственности передъ литературною публикою. Но молодой человекъ, о которомъ говорилъ я, имѣетъ дарованія и находится совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны онъ боится подражать, и потому дѣлаетъ нововведенія. Онъ не можетъ писать иначе, какъ занимая идеи у другихъ; а какъ идеи, хорошо выраженыя однимъ писателемъ, могутъ быть только искажены его подражателемъ, то онъ принужденъ занять и идеи и слогъ вмѣстѣ, или заимствуя идеи, одѣвать ихъ по своему, то есть, портить языкъ для того, чтобы сказать нѣсколько похуже то, что уже говорилъ другой. Съ другой стороны, такъ какъ онъ чувствуетъ прекрасное, и знаетъ, чего люди со вкусомъ ожидаютъ отъ писателя, то это познаніе дѣлаетъ его чрезвычайно строгимъ къ самому себѣ: онъ поправляетъ и переправляетъ, выглаживаетъ и переглаживаетъ, какъ говорить Боало; онъ мучится, стараясь придать новый оборотъ пошлымъ идеямъ или развить предметъ уже истощенный. Чтобы скрыть свои покражи отъ людей знающихъ, да и отъ самого себя, онъ пытается присвоить ихъ себѣ странными выраженіями, которыя точно его, но которыя только болѣе выказываютъ недостаточность идей. Онъ сводитъ вмѣстѣ слова, не привыкшія встрѣчаться, пришиваетъ старое къ новому, щеголяетъ краткостію и убѣгаетъ переходовъ; онъ тщательно изгоняетъ изъ своего слога всѣ эти удобства, которыя помогаютъ писать и которыми не пренебрегаютъ самыя превосходныя авторы; онъ увеличиваетъ трудность своей работы, отказывая себѣ въ разныхъ облегченіяхъ, которыя читатели всегда охотно прощаютъ; онъ съ удивительною добросовѣстностію обременяетъ себя разными затрудненіями и цѣпями; если онъ прозаикъ, то хлопочетъ о томъ, чтобы періодъ у него былъ легкокъ и естественъ, но между тѣмъ кругъ и полонъ; если стихотворецъ, то хочетъ, чтобы каждая рима состояла

изъ двухъ слоговъ, хотя бы для этого надобно было при-
тащить ее за волосы; онъ мучится и терзается; онъ по-
тветъ, сдавливая лобъ рукою, портитъ свой носъ, деретъ
себя за волосы, щиплетъ бакенбарды; — все это литератур-
ныя привычки. Во времена Горация поэты съ досады сту-
кались объ стѣну: ясно, что родъ человѣческой усовер-
шается.

«Если вы не гений, то начинайте писать поздно, какъ мож-
но позже. Надобно сначала открыть умъ свой для всѣхъ
идей; всасывать, такъ сказать, факты и познанія всѣми чув-
ствами; надобно выучиться языкамъ, чтобы познакомиться
съ изящными произведеніями всѣхъ народовъ; надобно удер-
живаться отъ попользованія марать бумагу, попользованія,
которое сначала представляется подъ самую заманчивую на-
ружностію, которое переряжается то Музою, то Феєю,
то колдуньею, измѣняетъ существо вещей и ввергаетъ насъ
въ безграничныя надежды. Какая же необходимость во мнѣ,
чтобы я такъ рано долженъ былъ прилечь за перо, и дѣ-
лать публику повзрною моихъ неполныхъ идей и моихъ
еще непереработанныхъ познаній. Гораздо лучше было бы,
если бъ молодой человѣкъ, о которомъ говорилъ я, употре-
билъ на украшеніе ума своего время, которое тратитъ онъ
на выглаживаніе стиховъ. Притомъ, если начинаешь писать
рано, то пишешь съ трудомъ, медленно, и между тѣмъ не
приращаешь умственного своего запаса. Проработавъ не-
скольکو часовъ надъ слогомъ, не можешь даже послѣ и
читать: надобно вти гулять или лечь спать. А потомъ,
бѣдная машина, которую называютъ тѣломъ, изотрется въ
этой трудной работѣ, и результатомъ всѣхъ вашихъ усилій
будетъ то, что не комментаторы, а сосѣди ваши скажутъ о
васъ, какъ говорили о Персіи, умершемъ на двадцать девя-
томъ году: «Жаль! онъ былъ бы человѣкомъ съ большими
дарованіями.» Прекрасное утѣшеніе!

«Я не шучу. Вы сами, вѣрно, слышали о молодыхъ лю-
дяхъ, которые умирали преждевременно отъ того, что слиш-
комъ раннее литературное честолюбіе произвело воспа-
леніе въ головѣ, еще не довольно крѣпкой. Медицина нау-

часть насъ также, что люди сходятъ иногда съ ума отъ излишняго напряженія умственныхъ органовъ. Есть литераторы, которые переважно разсуждаютъ о возможности отнять у Англичанъ Индію, проникнувъ туда не моремъ, а сдѣлавъ небольшой кругъ черезъ Азіятскую Россію; другіе, останавливая насъ на улицѣ, прехладнокровно предлагаютъ участвовать въ подпискѣ на сооруженіе города въ Америкѣ, съ тѣмъ, что вы будете тамъ министромъ или префектомъ, смотря по вашимъ способностямъ. Работа развратъ порядочныхъ молодыхъ людей; волосы сдѣбуютъ и зубы выпадывають отъ того, что слишкомъ рано начинаешь писать, точно такъ же, какъ и отъ того, что ходишь по зазорнымъ мѣстамъ: желудокъ разстроивается не только отъ злоупотребленія ѣды и питья, но и отъ того, что вѣчно сидишь, согнувшись надъ бумагою. Врачъ моего молодого пріятеля часто говоритъ ему: откажитесь отъ славы, если хотите дожить до старости. Корнутусъ безумецъ, что не посоветовалъ того же Персію: вмѣсто того, чтобы раннею смертію заплатить за талантъ посредственный, онъ бы долго жилъ чловѣкомъ полезнымъ и добродѣтельнымъ.»

Сдѣлавъ изъ Персіа героя «юной Словесности», Г. Низаръ приступаетъ къ Марціалу. Таже исторія! Однако, какъ ни поверхностны познанія Г. Низара въ классической Критикѣ, какъ ни склоненъ онъ къ софизму и парадоксу, статья его о Марціалѣ одна довольно основательна въ его книгѣ. Но не думайте, чтобы онъ прошелъ Марціала, не раздѣлавшись съ «юною» Словесностью.

«Молчаніе Марціала, говоритъ нашъ острый писатель, о первыхъ годахъ его жизни, объ его молодости, доставляетъ предметъ къ размышленіямъ, которыя впрочемъ могутъ относиться не къ одному Марціалу, но почти ко всѣмъ поэтамъ, какъ Римскимъ, такъ и Греческимъ, какъ его эпохи, такъ и предшествовавшаго времени. Отъ чего происходитъ это молчаніе? Отъ чего происходитъ столь разительная противоположность съ поэтами, напрямвръ, нашего времени,

которые только и толкуютъ намъ о своихъ первыхъ годахъ, о своемъ *невинномъ и рывомъ* дѣтствѣ? Наша литература ежедневно обогащается этого рода подробностями, если только это богатство для Литературы, бѣднѣе великими идеями, и разживаться мелкими. Теперь мы знаемъ, какъ плачетъ маленькій поэтъ въ колыбели и у груди кормилицы, какого цвѣта его волосы; мы знаемъ, какой провинціальный педагогъ билъ его дивѣйкою по рукамъ, какъ радовались его родители, когда онъ возвращался съ раздачи награды въ школь, съ вѣнкомъ въ рукѣ и съ дареною книгою подъ мышкою; что говорила его бабушка, сидя у камна, потому что всякій поэтъ припасаетъ себѣ бабушку — лице, какъ известно, живописное; далѣе, какъ онъ влюбился въ молодую крестьянку, которая всегда бываетъ лучше обыкновенныхъ крестьянокъ, и у которой бѣленькія ручки, хотя у крестьянокъ всегда бываютъ черныя руки; а потомъ бѣганье по полямъ, за бабочками, за стрекозами; и множество такихъ же подробностей, которыя мы, безъ обиды для нихъ, можемъ назвать пустяками, потому что дѣло идетъ о дѣтской любви и дѣтскихъ забавахъ. Въ древнихъ поэтахъ вы ничего подобнаго не найдете. Едва едва находишь кой-гдѣ слѣды воспоминаній юности. Въ чемъ же состоитъ главная причина этой разности! Дѣло въ томъ, что жизнь начиналась у древнихъ тогда только, когда становилась публичною. До тѣхъ поръ это было только время, употребленное на то, чтобы питаться и укрѣпляться; жизнь совершенно растительная. Но какъ скоро это время прошло и жизнь сдѣлалась довольно крѣпкою для того, чтобы не разбиться на состязаніяхъ въ форумъ, поэтъ уже къ ней не возвращался; это была для него и для всѣхъ его соотечественниковъ страница закрытая.»

На этотъ счетъ вы ошибаетесь. Во времена Марціала, для неслужащаго гражданина уже не было публичной жизни въ Римъ: да и отъ какой точки можетъ начинаться публичная жизнь для бѣднаго поэта, чуждаго политики, въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни типографій, ни литературной собственности? Древніе поэты него-

ворять о своей молодости, потому что это было не въ модѣ въ древней Литературѣ. Всякая Словесность имѣетъ свои условныя формы, изъ которыхъ не слѣдуетъ выводить ни какихъ особенныхъ заключеній. Въ I вѣкѣ никто не говорилъ о томъ, какъ бѣгалъ за стрекозами, но каждый считалъ непремѣнною обязанностью говорить въ своихъ стихахъ о потомствѣ. *Ergi momentum aere perennius* — была непремѣнная фраза, хотя и не одинаково выражаемая, всякаго полнаго изданія стихотвореній. Восточныя поэмы начинаются съ обращенія къ Аллаху и Пророку. Наши, Русскія, оканчиваются бранью на критиковъ и прочая, и прочая. Все это литературныя формы.

Но мнѣ очень нравится, что Г. Низаръ, придравшись не къ тому, что Марціалъ говоритъ, а къ тому, чего онъ не говоритъ, отдѣлалъ при такомъ удобномъ случаѣ еще одного своего пріятели. Этотъ невинный юноша, который бѣгаетъ за стрекозами, у котораго есть премилая тетушка или бабушка, — мы его знаемъ: это Жюль-Жаненъ! Удивительно только, что Г. Низаръ забылъ здѣсь объ Александрѣ Дюма, который сдѣлалъ публикѣ признаніе, гораздо занимательнѣе всѣхъ этихъ. Чтобъ показаться интереснѣе своимъ читателямъ, онъ на примѣръ сказалъ, что до двадцати лѣтъ ничему не учился, что его очень дурно воспитывали, и что теперь еще онъ плохо знаетъ четыре первыхъ правила Арифметики. Живописнѣе этого нельзя изображать своей юности.

Разобравъ столь страшнымъ образомъ стихи и мнѣнія Федра, Себеки, Лукана, Персія, Марціала и Ювенала, Г. Низаръ заключаетъ свой судъ превосходнымъ параграфомъ, котораго мы пропустить не можемъ.

«Всѣ эти великіе умы очень видѣли зло Римскаго общества, говорили объ этомъ болѣе или менѣе громко, по мѣрѣ своего личнаго мужества; они какъ нельзя лучше изображали всѣ стороны этого необъятнаго разврата; всѣ умли извлекать изъ этого краснорѣчивыя фразы; но всѣ говорили объ этомъ такъ умно и хладнокровно, что невольно подумаешь, что они похожи на того богача, который радовался, что домъ его горитъ, надеясь, что подарками выстроить другой домъ лучше этого, и втайнѣ довольны были безпорядкомъ столь литературнымъ и столь обильнымъ картинами; всѣ, или отъ души, или только какъ ораторы, единодушно оплакивали пороки и злополучіе своего времени; но никто не указывалъ на врачество, потому что такимъ образомъ нельзя называть всеобщаго, хваленаго лекарства Сенекина — самоубійства, которое притомъ могло быть лекарствомъ только для отдѣльныхъ лицъ. Они мыслили, говорили, писали, какъ-будто міръ долженъ былъ кончиться вмѣстѣ съ ними. Они постигали потомство только въ литературномъ отношеніи; думали иногда о томъ, станутъ ли читать ихъ потомки, но никогда о томъ, какъ будутъ жить эти потомки. Они чувствовали, что близки къ концу и стоять у пропасти; но вмѣсто того, чтобы посмотреть въ даль, за эту пропасть, они съ важностію сядили на краю, и принимались, умно и безъ страха, разсматривать глубину; иногда поворачивали голову къ прошедшему, но никогда не помышляли о будущемъ, даже никогда не произносили этого имени. Нѣкоторые говаривали иногда о безсмертіи души, изъ уваженія къ господствующей религіи, или только для того, чтобы изъяснить замысловатое сомнѣніе; но не многіе вѣрили безсмертію души. Заключение въ этомъ кругѣ безъ исхода, не могли ни воскресить прошедшаго, ни улучшить настоящаго, они рѣшились литературствовать обо всемъ и на всякой случай, и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ искать только предметовъ для книгъ; и нѣкоторые изъ нихъ занимались этимъ съ такою важностію, что можно было обмануться на счетъ политической или философической глубокости ихъ намѣреній.

«Кто же зналъ что нибудь о будущемъ?»

«Въ то время были люди малоизвѣстные, которыхъ часто вазнили; и Ювеналъ описываетъ намъ казнь одного изъ нихъ съ равнодушіемъ умнаго человека, который смотритъ, какъ казнятъ фанатиковъ; люди, о которыхъ Сенека не смѣлъ говорить добраго, хотя, по многomu видно, былъ о нихъ хорошаго мнѣнія; люди, о которыхъ Тацитъ, по незнанію или съ злымъ намѣреніемъ писалъ, что это каста, гнусная по своимъ преступленіямъ, которая начинаетъ расходиться по Риму и въ которую стекается все нечистое; люди, которыхъ Квинтиліанъ даже и не называетъ, а Плиній-Младшій признаетъ людьми довольно добрыми и хорошаго поведенія, называя только вѣрованіе ихъ дурнымъ и чрезмѣрнымъ суевѣріемъ, что и доказываетъ, подвергалъ пытки несчастныхъ дѣвушекъ-невольницъ; люди, о которыхъ Траянъ говорилъ, что преслѣдовать ихъ не должно, но что когда они обвинены и уличены, то ихъ надобно наказывать, если только они не согласятся призывать боговъ и преклопаться предъ его изображеніемъ. Эти люди собирались по нѣкоторымъ днямъ до восхода солнечнаго, и воспѣвали гимны своему Господу-Богу, и обзывались клятвенно — не возмущаться противъ Цезаря или отказывать отечеству въ пожертвованіи жизнью и достояніемъ — но не воровать, не обманывать, не лгать, не дѣлать прелюбодѣлій, не записаться въ полученіи ввѣреннаго имъ имущества — мелочной погрѣшности, на которую, по увѣренію Ювенала, нельзя и жаловаться посреди Римскаго разврата. Послѣ этого они расходились, чтобы небольшими обществами присутствовать на братскихъ пиршествахъ; а когда офицеры Проконсула именемъ Императора запрещали имъ заниматься вмѣстѣ исполненіемъ своихъ обрядовъ, они не собирались болѣе, не воспѣвали гимновъ и не воздвигали стола {пиршества. Но храмы древней религіи были уже пусты; продавцы жертвъ не находили уже покупателей, и подъ гніеніемъ Римской Имперіи, иногда обнаженнымъ, иногда прикрытымъ какими нибудь побѣдами, танлось возрожденіе, котораго просвѣщеннѣйшіе люди не замѣчали, которое усматривалъ одинъ Богъ. И дѣйствительно трудно было понять, что слабый есть сильный, что каста есть истинный народъ, и что тѣ, у которыхъ не было ни поэтовъ, чтобы оплаки-

вать ихъ злополучіе, ни историковъ, чтобы описывать ихъ безвѣстную борьбу съ плотью и злыми помыслами, ни льстецовъ ловкихъ и могущественныхъ, чтобы защищать ихъ предъ Цезаремъ, у которыхъ были только бѣдныя служанки, поселане, солдаты, изрядка разсѣянные по арміи, и гдѣ — гдѣ смиренный священникъ, мужскаго или женскаго пола, приносившій Иисусу Христу сердца всехъ своихъ братьевъ — скорѣе могутъ создать новое общество, чѣмъ всѣ великіе люди Имперіи провѣчать старый Римъ еще нѣсколько лѣтъ!

«Только тамъ была жизнь; только тамъ удобопримѣняемое нравоученіе; тамъ политическая и религіозная будущность міра. Эти простые люди лучше знали общественную экономію и искусство жить, чѣмъ всѣ риторы и историки. Они начинали съ того, съ чего должно, то есть, преобразовывали сначала нравы частныя, чтобы потомъ преобразовать нравы общественныя. Въмѣсто того, чтобы протестовать противъ вѣка, оставляя его идти, какъ вздумается, и кой-какъ соглашая честность съ своимъ благосостояніемъ, какъ дѣлывали великіе люди Имперіи, они помышляли о томъ, чтобы умерщвлять свои страсти, усмирять нечистыя желанія, закрывать слухъ отъ словъ зазорныхъ и душу отъ соблазна; бѣдные о томъ, чтобы не завидовать богатымъ; рабы о томъ, чтобы не доносить на господъ своихъ, люди свободные, чтобы жить побратски со своими рабами; и всѣ, чтобы безмолвно удалиться изъ своего вѣка, оставивъ въ немъ только то, что принадлежитъ Императору, дѣла свои и достояніе; и когда Плиній-Младшій приказывалъ имъ обожать нѣмой идолъ, которому онъ первый не вѣрилъ, или воскурять ему имѣямъ предъ изображеніемъ Цезаря, они протягивали шею палачамъ, потому что не умѣли открывать себѣ жилъ; это была смерть слишкомъ ученая, слишкомъ театральная для нихъ. Если бы эти Христіане не знали науки жить и умирать кстати, то варвары, низринувшись на старый Римскій міръ, нашли бы въ немъ однихъ сонныхъ и мертвыхъ, застigli бы и подавили просвѣщеніе во время сна его; благодаря именно тому, что во всей Имперіи называлось сектою, суевѣріемъ, азвою, и часто не

нигло даже имени, потому что мудрецы того времени не могли придумать имени довольно презрительнаго — блякурья племени Сивера, гнавшія предъ собою, съ безопасностію силы, все, что принадлежало старому міру, и не останавливавшіяся ни предъ его искусствами, ни предъ его ораторами, ни предъ его поэтами, остановились передъ деревяннымъ крестомъ, и первые привили себѣ остатокъ жизни, одушевлявшій еще этотъ трупъ.

«Философія Ювенала по причинамъ, зависѣвшимъ отъ его времени и по недостававшимъ въ немъ качествамъ, кажется мнѣ не довольно глубокомысленною, нравоученіе его неудобнопримѣнимымъ, и политика слишкомъ безнадежною; но я не знаю, какой бы поэтъ превзошелъ его какъ писатель и какъ живописецъ нравовъ. Правда, что и въ этомъ отношеніи Сатиры Ювенала читать трудно, и онѣ требуютъ иногда антикварскаго вниманія; но если ужъ однажды рѣшишься кой-чего не понимать и не интересоваться нѣкоторыми именами; если не станешь пугаться Ювеналовыхъ непристойностей, изъ которыхъ нѣкоторыя, употребляемыя совсѣмъ безъ нужды, доказываютъ мнѣ, что изъ двухъ ролей своихъ, моралиста и писателя, онъ думалъ болѣе о послѣдней; если любимъ то, что болѣе сильно, чѣмъ живо, болѣе горько, чѣмъ разительно, болѣе ѣдко, чѣмъ остроумно, то Ювенала можно изучать съ большимъ удовольствіемъ. Сатиры его настоящая картинная галерея; по жесткости этихъ фигуръ и мраморному ихъ холоду видно, что онѣ писаны съ мертвецовъ, но краски ихъ столь живы, члены столь сильны, мускулы столь явственны, что эта галерея доставляетъ воображенію какое-то строгое и питательное удовольствіе, котораго не находишь въ чтеніи Горация.»

Этотъ отрывокъ явно свидѣтельствуетъ, что Г. Низаръ человекъ съ умомъ и дарованіемъ, и въ состояніи говорить дѣльно, если забудетъ на время о своей теоріи упадка, о паденіи живыхъ Словесностей или о томъ, что Г. Вильменъ еще страннѣе называетъ *dés-organisation de la pensée*, «разложеніемъ, гниеніемъ

мысли», какъ-будто въ Словесности всѣ умы составляли одну мысль и народы впадали въ слабоуміе, коль скоро свѣтъ ихъ поэзіи померкнетъ на-время. Въ исторіи Изящной Словесности можно говорить объ упадкѣ, какъ въ Астрономіи говорится о пути солнечномъ, хотя солнце стоитъ на-мѣстѣ; но когда мы приступаемъ къ постройкѣ теорій, когда начинаемъ употреблять слова въ тѣсномъ ихъ смыслѣ, тогда ужъ слово «упадокъ» должно быть вычеркнуто изъ разсужденія, потому что Словесности собственно не упадаютъ: онѣ только расцвѣтаютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, — потомъ закрываются, чтобъ опять расцвѣсти въ другую эпоху, уже въ другомъ видѣ и съ иными красками. Онѣ лишь тогда упадаютъ, когда разрушается языкъ, — то есть, оканчиваются, умираютъ навсегда вмѣстѣ съ народомъ. Греческая и Латинская Словесности упали и наконецъ упали, потому что языки ихъ перерождались въ новыя нарѣчія, и исчезли. Ни какой въ свѣтъ талантъ не воскреситъ Словесности, когда уже нѣтъ языка. Но доколѣ языкъ существуетъ, каждое появленіе генія есть новый востокъ для его Словесности, которая всегда обнаруживается народу только черезъ геніевъ. Въ данные годы можетъ не быть генія: тогда нѣтъ и Словесности, — есть только новыя книги и большія или меньшія книжныя дарованія, которыя томно продолжаютъ прежнюю эпоху, и о которыхъ слѣдуетъ забыть при настаніи новой эпохи блеска. Эти промежутки между великими эпохами одной и той же Словесности, знаменуемыми присутствіемъ литературнаго генія, могутъ изобиловать чертами взаимнаго сходства, потому что посредственность похожа на себя во всѣхъ вѣкахъ и народахъ; но ихъ нельзя называть упадками, ни паденіями. Упадокъ Словесности, когда языкъ еще не разрушенъ, просто оптической обманъ: это скорѣе неурожай на великія мысли, на мощныя вдохновенія,

послѣ богатой жатвы. Если Г. Низаръ теперь замѣчаетъ такой неурожаѣ въ Словесности своего края, — чего мы отнюдь не оспариваемъ, то признаки и слѣдствія его надлежало сравнивать съ признаками и слѣдствіями такихъ же голодныхъ годовъ между урожайными лѣтами въ другой Словесности, а не съ эпохою дѣйствительнаго и окончательнаго паденія Литературы и языка, какое открылъ онъ уже въ I вѣкѣ Римской Имперіи, хотя оно собственно началось позже. Вотъ точки сходства и признаки одинаковости судьбы «упадка» которыя примѣтилъ онъ между старѣющею Латинскою и «юною» Французскою Словесностями :

«Есть два рода сходства, заключающія въ себѣ все прочія.

«Въ обѣ эпохи, одинаковая наклонность къ учености и притомъ почти къ одинаковой учености. Во времена Лукана любили религіозныя басни, преданія умирающаго язычества; въ наше время любятъ суевѣрія среднихъ вѣковъ, легенды стараго Католицизма. Тогда и нынче занимаютсѣ Географіей и Архіологіей; тогда и нынче поддѣлываются подъ вѣрованіе простосердечное, и чуть было не сказаль ребяческое; поэты времени Лукана были наилучшими язычниками; поэты нашего времени самые нѣжные Христіане.

Если бы мнѣ пришлось выбирать одно изъ двухъ, то я, конечно, предпочелъ бы религіозную ученость нашихъ поэтовъ религіозной учености поэтовъ Латинскихъ, потому что послѣдняя обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю часть вѣроисповѣданія, между тѣмъ какъ первая изслѣдываетъ глубины вѣрованія, въ отношеніи его къ душѣ; потому что одна прильпается болѣе къ формѣ, другая къ сущности; потому что язычество Латинскихъ поэтовъ не что иное, какъ сухая перепись лохмотьевъ Греческаго язычества, между тѣмъ какъ Католицизмъ нашихъ поэтовъ бы-

ваетъ часто замысловатымъ и глубокимъ изъясненіемъ мысли древняго Католицизма.

«Но и съ той и съ другой стороны все же это ученость, какова бы ни была она, и какъ бы ни пользовалась источникомъ, изъ котораго почерпаетъ. Ученость доказываетъ одно изъ двухъ: или что поэтъ немощенъ, или что не зная на что употребить свои поэтическія способности, онъ отыскалъ тему въ прошедшемъ. Ученость въ поэзіи признакъ болѣзни, имѣющей различныя свойства, смотря по временамъ и мѣстамъ, но всегда производящей одинаковый результатъ.

«Второе сходство — изобиліе описаній; страсть къ описаніямъ есть величайшій, послѣ учености, признакъ паденія. Мнѣ всегда кажется, что гдѣ много описаній, тамъ мысль творенія не велика, и потому предметъ его надобно было распространить прибавками и прибавками самаго легкаго рода; тамъ, гдѣ много описаній и много учености, я спрашиваю себя: что же остается вымыслу?

«И въ этихъ описаніяхъ та же невоздержность на подробности, та же изысканность въ отгынкахъ, тѣ же утонченности, тѣ же преувеличенія и въ преувеличеніяхъ явное предпочтеніе тѣхъ, которыя касаются до предметовъ отвратительныхъ.

«Во всемъ этомъ, конечно, должны быть различія, происходящія отъ разности предметовъ, разности дарованій и, какъ я замѣтилъ выше, неоспоримаго нравственнаго превосходства нашей эпохи надъ эпохою Лукана.

«Но эти двѣ эпохи особенно сходятся слогомъ.

Тамъ и тутъ вы безпрестанно встрѣчаете слова неопредѣленные и общія, требуемая не мыслью, а метромъ.

«Тамъ и тутъ, чрезвычайныя усилія, чтобы красно выразить событія весьма простыя, идеи весьма обыкновенныя; и вслѣдъ за этимъ разительныя небрежности, беззаботность о приличности словъ и между тѣмъ выказное стараніе употреблять только слова самыя точныя.

«Съ обнйхъ сторонъ, то же обиліе образовъ, та же многочисленность невыдержанныхъ метафоръ; то же отсутствіе разнообразія; то же злоупотребленіе синонимии и особенно тотъ же образъ изощренія мысли, то же стараніе приберечь ее къ концу и заранѣе ее приготовить, пожертвовавъ ей всѣмъ предъидущимъ.

«Довольно, кажется, сходствъ, чтобы доказать, что обнй эпохи суть эпохи паденія.»

Для насъ, это доказываетъ только, что Г. Низаръ заранѣе приготовилъ себѣ ложную теорію упадка, которая бы могла служить вмѣстѣ жестокою эпиграмною на родъ Словесности, весьма справедливо имъ оуждаемый, и пожертвовалъ этой теоріи всѣмъ, что онъ знаетъ и чего не знаетъ о лучшихъ Латинскихъ поэтахъ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Онъ очень хорошо выставилъ на видъ главные недостатки нынѣшней Французской школы, но въ то же время тщательно скрывъ или понялъ превратно достоинства самыхъ яркихъ свѣтилъ обрушившейся Словесности, почти чудеснымъ образомъ спасенныхъ изъ подъ развалинъ Рима, которыя погребли столько прославленныхъ памятниковъ ума, что мы даже не можемъ судить съ достовѣрностью о настоящемъ состояніи Латинской Литературы въ I вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нѣкоторыми мнѣніями Г. Вилльмена, и съ удовольствіемъ ихъ выписываемъ.

«Общество Римское, столь развращенное, но столь богатое матеріальными наслажденіями, и столь искусное въ нихъ, должно было еще произвести двѣ формы поэзи, порожденныя этими самыми наслажденіями: одну, насмѣшливую и безстыдную, которая была какъ-бы застольною пѣснію Римскихъ оргій; другую, столь же циническую, но болѣе ѣдкую, болѣе суро-

вую, которая выказала бѣ во всей ихъ безобразности пороки Римлянъ. Здѣсь всякъ, конечно, вспомнить о двухъ лучшихъ, или по крайней мѣрѣ двухъ самыхъ натуральныхъ поэтахъ временъ паденія, — Марціалъ и Ювеналъ.

«Марціалъ, не смотря на поверхностность ума своего и нерѣдкую гнусность предметовъ его пѣсень, — Марціалъ, за исключеніемъ только нравственныхъ пятенъ его твореній, писатель со вкусомъ, поэтъ изящный и точный. Онъ былъ соотечественникомъ Сенеки, но въ немъ не замѣтно Испанской надутости; онъ доказываетъ своимъ примѣромъ, что эта надутость была свойствомъ не страны, а школы. Проживъ тридцать лѣтъ въ Римѣ, прольстивъ, прозлословивъ, прообъдавъ въ гостяхъ тридцать лѣтъ, Марціалъ возвращается въ свою провинцію; скука, которая на него нападаетъ, и его жалобы, показываютъ, что такое былъ Римъ для остроумца, каковъ онъ. «Эта «утонченность вкуса, говоритъ онъ, этотъ замысловатый выборъ величественныхъ предметовъ, эти библиотекки, театры, собранія, въ которыхъ невольно учишься наслаждаться, — все это, презрительно мною покинутое, составляетъ для меня теперь лишеніе.» И между тѣмъ, жизнь сельская, простота нравовъ, единеніе, внушаютъ пѣвцу Римскаго разврата много счастливыхъ стиховъ. Это не малое доказательство, что онъ былъ рожденъ для Искусства.

«Г. Низаръ очень хорошо разобралъ достоинства Марціала. Это не изобрѣтатель новыхъ фразъ, какъ Стацій, не копистъ прошедшаго, какъ Силіусъ. Въ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ, совсѣмъ почти не мнѳологическихъ, но писанныхъ на случаи, содержащихъ въ себѣ множество намѣковъ, онъ живописуетъ то, что видитъ, и живописуетъ чертами прелестными,

хотя иногда неблагопристойными. Ни одинъ поэтъ не сообщастъ намъ столько анекдотовъ о жизни Римлянъ, и не доставляетъ столько полезныхъ свѣдѣній антикварію. Эта истина изображеній придаетъ большую прелесть его слову, и онъ хорошій писатель именно потому, что онъ наблюдатель мелочной и вѣрный.

«Отвратительныя картины Ювенала, конечно, всеѣмъ въ другомъ родѣ: Ювеналь человекъ красноръчивый. Языкъ его, по времени, въ которое онъ писалъ, долженъ бы быть испорченнѣе, чѣмъ языкъ Лукана, но между тѣмъ онъ чище, точнѣе, строже. Можно даже сказать, что въ нѣкоторыхъ ужасныхъ подробностяхъ встрѣчаются выраженія красоты несравненной и новизны совершенно древней.

«Имя Ювенала подало Г. Низару поводъ къ разсужденію о школахъ риторовъ, объ этомъ неестественномъ Искусствѣ, порожденномъ въ Римѣ полуденною живостію и жестокимъ рабствомъ. Вполнѣ ли-ли объясняетъ Г. Низаръ этотъ предметъ, — не знаю! Помните о быстромъ воображеніи Италіянцевъ, о ихъ легкомъ и звучномъ языкѣ, ихъ громкомъ голосѣ, ихъ потребности говорить, составляющей для нихъ родъ дѣятельности; вспомните и о томъ, что они не могли говорить публично, о ихъ тиранскомъ правленіи, о шпионахъ, которые доносили на самое молчаніе. Италіянцы Кесарей посѣщали школы декламациі для того, чтобы ненаказанно говорить тамъ о предметахъ совершенно химерическихъ, нелѣпыхъ, далекихъ отъ дѣйствительной жизни. Они съ безконечною изысканностію изучали красноръчіе, именно потому, что не могли употреблять его въ дѣло; и они уточняли это изученіе безъ цѣли, и давали ему ложное направленіе. Были риторы, портившіе вкусъ, и риторы, защищавшіе его, *Азіатики* и *Аттики*; но и тѣ и

другіе впадали въ одинаковій недостатокъ естественности. Они равно чахли: имъ не доставало воздуха.....

«Персія Г. Низаръ не любитъ: онъ бросилъ бы Сатиры его въ огонь, какъ Св. Іеронимъ. Онъ находитъ языкъ его пустымъ, философію пошлою и напыщенною, и укоряетъ его въ особенности за то, что онъ началъ писать слишкомъ молодъ. Этотъ отрывокъ отличается силою здраваго смысла и своею изящностью: много вещей въ немъ даже справедливы, и справедливы забавно, замысловато, живо. Но авторъ не довольно умѣетъ цѣнить эту задумчивую чистоту, эту почти Христіанскую умильность Персія. У него есть красоты невинныя и трогательныя, которыя чаруютъ васъ посреди суровости правилъ молодаго поэта. Въ немъ видна уже заря великаго нравственнаго переворота, преобразовавшаго древній міръ въ міръ новѣйшій; его религіозная философія часто напоминаетъ возвышенныя чувства и наставленія С. Павла, и онъ происходитъ у него изъ души: въ Персіи это не декламація.....

«Г. Низаръ весьма хорошо показываетъ намъ своею критикою мелочей, которую онъ любитъ, что и мудрый Квинтиліанъ является иногда писателемъ времени упадка, изысканнымъ и надутымъ, когда онъ старается выказать чувство и краснорѣчіе. Такъ и должно быть. Квинтиліанъ замѣнялъ школьную ораторскую гимнастику, прилежнымъ чтеніемъ великихъ писателей. Въ томъ изученіи почерпнулъ онъ здравыя критическія идеи и понятіе Искусства; но у него нѣтъ нравственной жизни, нѣтъ ни какой страсти, кромѣ страсти къ прекрасному слогу. Онъ превосходный писатель, умный и благородный, когда дѣло идетъ о томъ, что онъ чувствуетъ и любитъ, о красотѣ литературной; но изысканный и надутый, когда на-

добно быть человѣкомъ и говорить отъ души. Это тотчасъ поражаетъ читателя, даже и въ сѣтованіи Квинтиліана о смерти сына. Ежели изъ этого декламаторскаго воспитанія, придававшего нѣчто неестественное даже чувствованіямъ отца, вышелъ поэтъ сильный и пламенный, какъ Ювеналь, то причину этого надобно искать въ просвѣтахъ кротости правленія, явившихся послѣ временъ ужаснѣйшаго тиранства.

«Ювеналь воспользовался одною изъ этихъ эпохъ. Онъ писалъ въ царствованіе Траяна, во всемъ пылу еще свѣжей ненависти къ Домиціану и его гнусному правленію. Извѣстно, какъ выходять сила и живость изъ противодѣйствія умовъ, сообщающаго писателю страсти народа. Сколько краснорѣчивыхъ страницъ внушило во Франціи воспоминаніе «временъ ужасовъ»! Притомъ имя Домиціана вызывало о воображеніи Римлянина другіе странные признаки — Тиверія, Калигулу, Нерона. Лучшіе стихи Ювенала написаны подъ этимъ вдохновеніемъ. Оно не навлекало на поэта ни какой опасности, и потому онъ часто преувеличивалъ, вдавался въ пустословіе; но какъ впечатль съ тѣмъ оно было важно и глубоко, то дало ему средства начертать картины безсмертныя, — разбитую статую Саяна, ночь Мессалины, форежь Домиціана и множество другихъ жгучихъ клеймъ, образцовыхъ статей исторической Сатиры. Г. Низаръ весьма справедливо замѣчаетъ, что эта сатира пороковъ необыкновенныхъ ниже человѣческой сатиры Горація: между ними таже разница, какъ между краснорѣчивымъ насквилемъ и превосходнымъ произведеніемъ нравственной Философіи.

«Нарушая порядокъ времени, Г. Низаръ приберегъ Лукана къ концу своего обозрѣнія. Онъ весьма справедливо думаетъ, что самое большее усиліе, главное

произведение того времени должно была быть Эпическая поэма, не мифологическая и подражательная, какъ то дѣлали Силіусъ, Стацій, Велеріусъ, но Эпопея почти современная, твореніе Искусства и насущныхъ обстоятельствъ. Но какая любопытная вещь въ этомъ отношеніи Фарсалия, посвященная съ такимъ низкимъ ласкательствомъ «богу» Нерону! Какой сильный протестъ противъ насильствъ Имперіи обоготвореніе Юлія Цезаря и Помпея! Лѣтъ за двадцать пять предъ симъ, въ самое блестящее время Императорскаго правленія во Франціи, одинъ добрый и ученый человекъ, Г. Левекъ почелъ необходимымъ, въ своей Исторіи Римской Республики, защитить память Цезаря, и сильно возсталъ противъ партіи Помпеевой, которая, по его словамъ, еще существовала и угрожала общественному порядку. По этому можно судить, какую силу имѣли еще имена Помпея и Брута черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ Фарсальской битвы, посреди ихъ потомства и народа, котораго отцы за нихъ сражались. Луканъ смѣлъ выразить эти чувства при Неронѣ!»

Мы должны здѣсь прервать Г. Вилльмена, чтобъ указать на странное положеніе нынѣшняго Французскаго языка. Онъ состоитъ теперь только изъ двухъ словъ, *революція* и *заговоръ*: всѣ формы логическаго сужденія приведены въ немъ къ этимъ двумъ омерзительнымъ идеямъ; всякая задача рѣшается удовлетворительно для Г. Низара и его соотечественниковъ помощью слова «революція» или «заговоръ». Читатели безъ-сомнѣнія замѣтили выше, что, желая сказать — «собственно одни стойки ненавидѣли правленіе Кесарей», онъ не умѣлъ выразить этой мысли удачнѣе, какъ сказавъ — *между стойками только и существовали заговоры*. Теперь, говоря о Луканѣ, онъ не называетъ его твердымъ приверженцемъ старины, па-

тріотомъ, — нѣтъ! эти слова не имѣютъ ни какого значенія въ 1834 году во Франціи: онъ называетъ его «заговорщикомъ». Гдѣ же его заговоръ? Его заговоръ, отвѣчаетъ авторъ, есть Фарсалия. Фарсалия, эвническая Поэма — заговоръ! Но Французы превосходно понимаютъ это. Вотъ гдѣ настоящій упадокъ! — но упадокъ нравственности и ума.

«Г. Низаръ тщательно разсматриваетъ эту поэму въ отношеніи къ слогу и вкусу, говоритъ Г. Вильменъ. Онъ разбираетъ ее самымъ строгимъ образомъ, — и я право не знаю, какой новѣйшій поэтъ устоялъ бы противъ подобнаго разбора! Конечно, авторъ правъ во многихъ замѣчаніяхъ своихъ на Фарсалию: планъ, эпизоды, мысли, слогъ, — все это наполнено странностями и погрѣшностями. Но подъ ними есть жизнь и слышенъ голосъ поэта, который никогда не умретъ.

«Нельзя однако жъ не одобрять этихъ строгихъ, ученыхъ разборовъ поэта, который часто обманываетъ глаза ложнымъ призракомъ генія. Тутъ множество непрямыхъ уроковъ для нашихъ поэтовъ и нашего нынѣшняго языка.....»

«Наконецъ, авторъ принимается за размышленія болѣе возвышенныя. Онъ покидаетъ это патологическое описаніе Литературы временъ паденія, олицетворенной имъ въ Луканъ, и обращается къ общей идеѣ Искусства. Но тутъ постановляетъ онъ правила ужъ слишкомъ строгія, слишкомъ неумолимыя. Онъ утверждаетъ, что только три раздѣла поэтовъ составляютъ всю исторію поэзіи разныхъ народовъ и почти всю Исторію человѣческаго ума: поэты первоначальные, поэты-литераторы, и стихотворцы ученые. Эти раздѣлы разграничены у него рѣзко и неизмѣнно, и всякой поэтъ, по времени, въ которомъ онъ родился, долженъ знать, чтѣ думать о своемъ геніи.

«Изъ трехъ поколѣній поэтовъ, Г. Низаръ любитъ однихъ только первоначальныхъ поэтовъ и димъ однимъ удивляется. Онъ называетъ поэтами-литераторами и, за исключеніемъ одного Гомера, отбрасываетъ во второй разрядъ всѣхъ Грековъ, и вмѣстѣ съ ними Лукреція, Горация, Виргилія, Аріоста, Тасса, Расина, Лафонтена, и проч. Сказать это не трудно, но надобно знать, что говоримъ. Что же такое Г. Низаръ предпочитаетъ прекраснѣйшимъ произведеніямъ поэзіи? Народныя пѣсни старинныхъ временъ, народовъ пулу-варварскихъ, романсы о Сидѣ, Шотландскія баллады, пѣсни Сербовъ и Клефтовъ? Конечно въ нихъ проявляются блестящія черты природнаго генія; но преувеличенное уваженіе къ этимъ первымъ опытамъ, есть одно изъ заблужденій школы, съ которою Г. Низаръ борется. Да и что такое поэтъ первоначальный? Тотъ ли, который ничѣмъ не обязанъ прошедшему? Въ такомъ случаѣ и Дантъ не былъ бы поэтомъ первоначальнымъ, Дантъ, обремененный такимъ множествомъ воспоминаній Христіанскихъ и языческихъ! Къ какому же разряду причислите вы Шекспира, Мильтона и Камозенса, поэтовъ столь ученыхъ и между-тѣмъ одаренныхъ воображеніемъ столь повымъ и свѣжимъ? Притомъ, ежели общественное усовершенствованіе, ежели образованность есть противоположное Природѣ состояніе чловѣка, то почему же поэзія прекраснѣйшихъ временъ этой образованности не могла бы быть естественною? Въ Эврипидѣ, поэтѣ изящномъ и исполненномъ Философіи, вы найдете сцены патетическія, столь же истинныя, простыя, первоначальныя, какъ у Гомера. Въ Расинѣ иногда является высокая простота. У Гёте есть черты страсти и поэзіи, неподражаемо простыя. Именно по этому-то Искусство и Поэзія безконечны. Душа, счастливо растроганная, всегда можетъ производить новое, и даже находить первоначальное вдохновеніе. Взгляните на

неистощимый гений Грековъ. Феокритъ, по хронологіи ума, начертанной Г. Низаромъ, принадлежитъ къ эпохѣ ученыхъ стихотворцевъ; между тѣмъ по духу, онъ поэтъ природный и первоначальный. Наконецъ и въ наше время, несмотря на безчисленное множество диссертаций, неужели мы принадлежимъ исключительно къ эпохѣ ученыхъ стихотворцевъ? Это ли прилично человѣку, котораго стихи читаются съ такимъ удовольствіемъ, напримѣръ Ламартину? Возможно ли даже приискать выраженіе болѣе противоположное его гению свободному, небрежному, мечтательному безъ усилія, обильному и прелестному? Развѣ онъ въ природной и сладкой мелодіи языка своего выискиваетъ когда нибудь ученые размѣры? Развѣ въ его намѣткахъ и воспоминаніяхъ есть что-нибудь педантское? Пѣтъ: онъ поэтъ первоначальный въ возвышеннѣйшихъ частяхъ Искусства, то есть, онъ извлекаетъ изъ собственной души своей вещи, которыхъ не говорили другіе. Правда, что этотъ даръ становится все рѣже и рѣже; вліяніе всеобщаго вкуса искажаетъ иногда счастливыя природныя способности. Но не надобно же утверждать, будто всѣ формы Искусства заранѣе опредѣлены и разграничены по времени. Если бы такъ, то нечего было бы и говорить, нечего было бы давать совѣты, и книга Г. Низара сдѣлалась бы бесполезною.

«Но мнѣ, этого было бы жаль. Живая занимательность, поражаемая чувствомъ Изящнаго, обновляетъ подъ перомъ автора много вопросовъ давно устарѣвшихъ! Въ немъ видны душа, талантъ, юморъ, — качество или недостатокъ, весьма полезные для оживленія литературныхъ сужденій. Я не думаю, чтобы, какъ говорить онъ въ своей книгѣ, вся поэзія была теперь на кормахъ параходовъ, въ колеяхъ чугуныхъ дорогъ или на лафетахъ пушекъ. Но въ томъ я согласенъ, что нашъ вѣкъ очень занятъ. Чтобы заставить его чи-

тагъ два тома о Стаціи, Сенекъ, Луканъ, для этого необходимы любопытная ученость Г. Низара, его сильный и разительный слогъ, его остроумная и занимательная полемика, даже противъ старыхъ книгъ. Какъ бы то ни было, но эта задача рѣшена, и книга Г. Низара проживетъ долго, какъ искренно критическое твореніе чеювѣка съ талантомъ неоспоримымъ.»

Это мнѣніе Г. Вилльмена, которое я привожу изъ уваженія къ славѣ этого писателя: мое совсѣмъ противоположное. По мнѣ, Г. Низаръ отнюдь не рѣшилъ задачи объ эпохахъ упадка Словесностей, и только запуталъ ее софизмами. Но я не отнимаю у него всѣхъ достоинствъ: доказательство тому — множество умныхъ и живописныхъ мѣстъ, извлеченныхъ изъ его книги для нашихъ читателей. Что касается до слога, то безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ и многія выраженія изысканныя, безобразныя, не показываютъ въ остроумномъ авторѣ большаго чувства изящности. Не понимаю, какъ Г. Низаръ можетъ упрекать Стацію въ манерности или ложномъ вкусѣ, и насмѣхаться надъ его львами, втягивающими въ себя глаза свои, — онъ, который говоритъ, что у юнаго Персія «пылкая душа была приколочена загвоздками къ хилому тѣлу.» Г. Виктору Гюгѣ стоило бъ только подобрать на полѣ сраженія эту фразу, или другую подобную, и выстрѣлить ею обратно въ Г. Низара. Коротко сказать, Г. Низаръ написалъ о Латинскихъ поэтахъ временъ упадка преострую книгу слогомъ временъ упадка, съ логикою временъ упадка, по правиламъ Критики въ упадкѣ, и для поколебанія литературныхъ знаменитостей, крѣпко склонившихся къ упадку.

О. СЕНИОВСКІЙ.

АНГЛІЙСКІЕ

РОМАНЫ - ПУТЕШЕСТВІЯ.

=

Историческій Романъ произвелъ новую породу изящныхъ твореній, которая была, кажется, неизбежнымъ слѣдствіемъ Вальтеръ-Скоттова предпріятія перелгать дурную истину въ живописную сказку, или единственнымъ средствомъ исправить ложность рода, введеннаго имъ въ славу. Это — Романъ-путешествіе. Другаго названія не умѣемъ мы придумать этимъ дивнымъ произведеніямъ, которыя ни Романъ, ни Путешествіе, ни Исторіа, и соединяютъ въ себѣ прелесть поэтическаго вымысла съ разнообразіемъ обширнаго наблюденія надъ явленіями Природы, отдаленными мѣстами и особенными нравами, и съ занимательностью мелкой современной Исторіи. Герой — обыкновенно какой-нибудь сухопутный капитанъ или морской лейтенантъ: онъ же и авторъ, который играетъ воображеніемъ относительно къ своей особѣ, рассказывалъ про себя невинную сказку, и подвергая испытанію чувствительность читателя помощію своихъ приключеній; между тѣмъ онъ описываетъ съ точностью экспедицію, въ которой участвовалъ, подвиги полка, въ которомъ служилъ, дѣйствія корабля, на которомъ плавалъ, страны и народы, которые посѣщалъ. Мы рѣшительно отдаемъ преимущество этому роду передъ Историческимъ Романомъ: здѣсь, по крайней мѣрѣ, удовлетворяется любопытство, и авторъ изображаетъ вамъ тѣ нравы, которые самъ видѣлъ, не сбывая васъ съ толку смѣсью вымысла съ своими предположеніями и съ чужими, болѣе или менѣе вѣрными, свидѣтельствами.

Три новыя сочиненія пользуются нынче по этой части чрезвычайною и вполне заслуженною славою, — «Маканна», изъ котораго недавно дали мы отрывокъ о барсовой охотѣ, — Tom Cringle's Log, поэта Вильсона, — и «Питеръ Симпль», капитана Марриета. Изъ «Томъ Кригля» были помѣщены у насъ, во второй книжкѣ, живописныя страницы о трехъ морскихъ явленіяхъ. Намъ остается еще познакомить читателей съ презабавнымъ Петромъ Симплемъ, и мы избрали два мѣста, очень характеристическія, — Матросскій наборъ въ Англии, и балъ на островѣ Барбадосъ. Но первое показалось намъ, справедливо или нѣтъ, легкимъ подражаніемъ превосходной картинѣ насильственнаго набора матросовъ, представленной Томъ Криngleмъ, и мы рѣшились возвратиться опять къ этому прелестному сочиненію, чтобъ заимствовать изъ него еще одинъ отрывокъ. Такъ, «Матросскій наборъ» будетъ изъ Вильсона, а балъ въ Западныхъ Индіяхъ опишетъ намъ наивный Питеръ Симпль, или его пріятель, Марриетъ.

=

I.

МАТРОССКІЙ НАБОРЪ ВЪ АНГЛИИ.

=

Томъ Кригль сѣлъ на шлюпъ Торнъ, отправлявшійся для крейсерства къ устьямъ Эльбы. Но Гамбургъ былъ тогда во власти Даву, и молодой морякъ попалъ къ нему въ плѣнъ. Вступленіе союзниковъ возвратило ему свободу; на томъ же шлюпѣ отправился онъ обратно въ Портсмуть.

«Здѣсь, говоритъ онъ, взяли мы тяжелыя орудія, и запасшись съѣстными припасами, пошли къ берегамъ Ирландіи.

Зачѣмъ? — этого я тогда не зналъ, и по весьма простой причинѣ: мнѣ не сдѣлали чести сказать объ этомъ; только въ самый тотъ вечеръ, какъ мы туда прибыли, второй лейтенантъ, Г. Тринель, подошелъ ко мнѣ съ необыкновенно веселымъ видомъ:

— Кажется у васъ есть дядя въ Коркъ, Г. Крингль?

— Есть, лейтенантъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: нынѣшнюю ночь я ѣду въ Коркъ. Попроситесь со мною у капитана; я увѣренъ, что онъ васъ отпуститъ.

Разумѣется, это предложеніе было мнѣ по сердцу; я рѣшился испытать. Вооружившись мужествомъ, подхожу, кланяюсь и — вообразите — тотчасъ же получаю позволеніе. Черезъ нѣсколько минутъ, мы ужъ ѣхали по дорогѣ въ Коркъ верхомъ, и поспѣли туда очень скоро.

Я разстался съ лейтенантомъ, и поѣхалъ обѣдать къ дядѣ; вечеромъ, часу въ девятомъ, Г. Тринель зашелъ за мною.

— Ты знаешь, Томъ, что завтра мы снимаемся съ якоря; намъ должно пораньше воротиться на корабль.

Послѣ этого довольно непріятнаго предисловія, я распрощался съ своими, и молча послѣдовалъ за начальникомъ, который привелъ меня въ гостиницу, гдѣ онъ остановился. Это былъ жалкій домишко, больше заслуживавшій имя логовища, а лейтенантъ занималъ въ немъ покой самый неудобный.

Пройдя грязною и закопченою комнатою, которую трактирщикъ величалъ пышнымъ именемъ запы для путешественниковъ, мы потащились по узкой и темной лѣстницѣ, и карабкаясь ощупью въ этомъ лабиринтѣ, наконецъ добрались до того, что лейтенантъ называлъ своимъ номеромъ. Какой-то дрянной чуланъ съ полуразвалившеюся дверью, куда свѣтъ про-

никалъ въ узкое слуховое окно, а люди взбирались по лѣсенкѣ, сплоченной на живую нитку.

Мебель соответствовала этому великолѣпію: двѣ бѣдныя кровати печально смотрѣли другъ на дружку, а старый, лишенный соломы стулъ, былъ нѣмымъ, но яснымъ доказательствомъ, что посѣтитель здѣсь феноменъ неожиданный, чрезвычайный. Когда мы вошли, лейтенантъ затворилъ дверь, самъ сѣлъ на одну изъ кроватей, мнѣ придвинулъ стулъ и сказалъ.

— Любезный Крингль, у меня есть для васъ маленькое порученіе: посмотримъ, какъ вы съ нимъ управитесь. Признаться, чести тутъ не много, а опасности вдоволь.

— Что такое, лейтенантъ?

Хотя этотъ начальственный приступъ былъ не слишкомъ заманчивъ, однако жъ дисциплина требовала отъ меня показывать совершенную готовность къ исполненію.

— Вамъ только надобно переодѣться, сказалъ мнѣ мой начальникъ. Развяжите этотъ узелъ: въ немъ платье, надѣньте его.

Безотговорочно исполнилъ я приказаніе Тринеля, еще не зная хорошенько, что за фантазія пришла ему въ голову. Когда я совсѣмъ одѣлся, лейтенантъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Хорошо, очень хорошо, сказалъ онъ; трудно распознать; нельзя быть похожей на этихъ мошенниковъ.

— Спасибо, подумалъ я про себя; и это не худое дѣло.

— Ты слышалъ, любезный Томасъ, что съ *Индіянь*, этого огромнаго корабля Остъ-Индской Компаніи, бѣжало много матросовъ. По всѣмъ вѣроятностямъ они скрылись въ одной изъ подземныхъ харчевень, гдѣ морскіе дезертиры всегда находятъ при-

бѣжище, пока кошельки ихъ хорошо набиты. У насъ изъ экипажа десятый человѣкъ пошелъ подь наказаніе; людей мало, не достаетъ рукъ для работы: надо намъ залучить къ себѣ этихъ голубчиковъ.

— То есть, отвѣчалъ я, чтобъ скорѣй рѣшить сомнѣніе: мнѣ должно быть лазутчикомъ.

— Служба того требуетъ.

— Да-съ, но вамъ извѣстно, что не позволено дѣлать теперь насильственныхъ наборовъ въ Коркъ.

— Потому-то я и хочу исполнить свое намѣреніе въ Ковѣ. Вотъ, что вамъ надо будетъ сдѣлать: вы войдете въ одну изъ самыхъ многолюдныхъ Корскихъ харчевень, выдавая себя за молодаго бѣжавшаго матроса; васъ впустятъ, окружаютъ, станутъ спрашивать. Вы напугаете мошенниковъ, и притворитесь, будто хотите бѣжать въ Ковѣ: они непременно за вами послѣдуютъ.

— Потомъ-съ?

— Остальное ужъ мое дѣло.

Хотя возлагаемое на меня порученіе было не слишкомъ почетно, однако жъ не заключало въ себѣ по-нашему, то есть, по-моряковски, ничего безчестнаго или унижительнаго; такъ я не долго раздумывалъ и отправился во всемъ парадѣ, именно, въ красной фланелевой рубашкѣ, безъ жилета, въ синемъ колпакѣ на бекрень, въ старыхъ, запачканныхъ, черезъ чуръ просторныхъ шараварахъ, въ синей курткѣ, и, къ довершенію всего наряда, съ огромнымъ сверткомъ табаку за щекою.

— Ай-да Томъ! настоящій разбойникъ!

Скоро я очутился въ самой многолюдной части города, и направилъ шаги къ старому фонарю, свѣтившему на оконечности набережной; вотъ подхожу къ какому-то грязному, отвратительному шинку, на-

стоящему вертепу мошенниковъ по наружности. Въ низкой, маленькой двери этой кануры было четырехугольное отверстіе, въ которое я просунулъ голову.

-- Эй! кто-нибудь! закричалъ я громко.

Отвѣта не было. Въ этихъ логовищахъ всегда боятся посѣщеній полиціи, и потому не скоро открываютъ, а въ двери всегда есть отверстіе, которое, какъ бойница въ крѣпостной стѣнѣ, служитъ для наблюденія за неприятелемъ.

Я обернулся на улицу, и увидѣлъ Г. Тринеля, расхаживающаго взадъ и впередъ. Это меня ободрило; я закричалъ снова и сильно пошатнулъ дверь. Тотчасъ послышались легкіе шаги, и свѣжее хорошенькое личико показалось въ отверстіи, какъ въ рамочкѣ:

-- Кто тутъ? Кого вамъ надо?

-- Мнѣ никого не надо; только, если вы меня не впустите, такъ прійдется мнѣ ночевать въ тюрьмѣ, и, можетъ, черезъ часъ я ужъ тамъ буду.

-- Жаль мнѣ васъ, да что же дѣлать? Хоть знать бы по крайней мѣрѣ откуда вы, кто.....

-- Тсъ!.... я съ Гуавы, который теперь въ Ковѣ на якорѣ.

-- Ага! понимаю.... войдите.

Тутъ красавица отворила дверь, но такъ нешироко, что, не будь я малъ ростомъ и сухощавъ, ни за что бы не пролѣзть мнѣ въ эту тѣснину. Только ступилъ я черезъ порогъ, дверь опять затворилась, моя миленькая проводница тщательно заперла ее на задвижку, толстый деревянный запоръ опустился поперекъ, и я вошелъ наконецъ въ кухню.

Это была комната сажени въ двѣ квадратныхъ, полъ тщательно усыпанъ пескомъ. Направо, буфетъ съ множествомъ прекрасно полированной оловянной посуды, свидѣтельствовалъ по крайней мѣрѣ объ опрят-

ности кухоннаго департамента; лучезарныя кастрюли висѣли надъ очагами; грубый деревянный столъ безъ скатерти, но отлично вымытый, занималъ середину, а вѣтви нѣсколько другихъ принадлежностей такого же рода украшали это подземное жилие своимъ исправнымъ видомъ и явнымъ соответствіемъ съ потребностями обитателей.

На концѣ стола сидѣлъ хозяинъ, родъ дикаря въ Ирландскомъ платьѣ; красное, отекшее отъ пьянства лице его было бѣ славнымъ образцомъ для рыночной вывѣски; во рту у него была трубка; вокругъ него наливались водкой человѣкъ двѣнадцать матросовъ; изъ мокраго ихъ платья, сушившагося на большомъ турфяномъ огнѣ, шелъ густой и вонючій паръ, который стлался туманомъ надъ лампадою.

Мѣдная привѣшенная къ потолку на веревкѣ лампада бросала слабый, нерѣшительный свѣтъ, омрачаемый еще парами и горькимъ, смраднымъ дымомъ отъ горѣвшаго въ ней масла. Не безъ труда пробирая я въ этомъ тускломъ свѣтѣ между пьяныхъ, которые, стараясь пропустить меня, шатались, толкали и чуть было не задавили.

— Ага, молодець! откуда, куда ты? спросилъ меня великій жрецъ этого закопченнаго храма.

Откуда я? что тебѣ до этого, лишь бы я заплатилъ за то, что выпью. Куда? это я тебѣ скажу, когда самъ хорошенько узнаю. Ну-ка, старикъ, вели намъ дать грогу, да если можешь спроворить меня на одинъ изъ кораблей, которые стоятъ здѣсь вдоль набережной, такъ за благодарностью дѣло у насъ не станетъ.

При этихъ словахъ, я потрепалъ себя по карману съ хвастливымъ видомъ, который произвелъ ожидаемое дѣйствіе.

-- Видно плохо пришлю этому гуську! проворчалъ сквозь зубы хозяинъ, потомъ сказалъ возвысивъ го-

лось: «Такъ водятся денежки? Добро пожаловать.» Онъ обернулся къ дверямъ: «Эй! Катя, дай рому, душа моя. Да кстати, сказалъ мнѣ, какъ же тебя зовутъ?»

Что тебѣ за дѣло, старый моржъ! давай сюда рому, увидишь какъ посыплются шиллинги.

Тутъ вся пьяная ватага грянула ура, и ромъ явился на сцену. Я налилъ себѣ стаканъ грогу, закурилъ трубку, и началъ преспокойно пускать облака дыма, а тамъ, послѣ нѣкотораго молчанія, завелъ рѣчь слѣдующимъ вопросомъ:

— Что, братцы, вы ужъ поплавали?

— Нѣтъ еще, никогда, отвѣчали нѣкоторые.

Да вѣдь нѣтъ и набору, говорили другіе.

— Эге! однако жъ я бы вамъ совѣтовалъ глядѣть въ оба, да хотя что нибудь высмотрѣть.

— А зачѣмъ бы такъ, пріятель?

— Да такъ; а право не очень показывайтесь нынче вечеромъ; сидите за печкой, это всего лучше.

— Опять таки зачѣмъ? воскликнули двое, которые были потрезвѣе, и подошли ко мнѣ ближе.

— А вотъ зачѣмъ, — здѣсь въ городѣ наборъ: я самъ едва только ускользнулъ отъ королевскихъ вербовщиковъ, которые гнались за мною. Не сверни я въ эту темную улицу, быть бы мнѣ у праздника.

Ругательства и проклятія посыпались градомъ. Шумъ, гвалъ, суматоха; всѣ поскакали какъ могли, опрокидывая лавки, стулья, роняя стаканы, и запахъ пролитаго напитка усилилъ смрадную духоту атмосферы до нестерпимости. Одни послѣшно расчитывались, другіе кинулись къ пожиткамъ, чтобъ бѣжать отъ мнимой опасности. Поднялась такая тревога, что нельзя было опомниться.

— Ты куда жъ теперь думаешь?

— Да если найду мѣсто, сейчасъ же отправлюсь въ Ковъ. Я видѣлъ, нынче утромъ подняли тамъ синій флагъ; это знакъ, что набора не будетъ.

— Чортъ возьми! сказалъ одинъ изъ нихъ, вѣдь онъ дѣлю говоритъ.

— Право, я радъ бы прикрѣпиться къ нему швартовомъ, да и плыть вмѣствъ, прекричалъ другой, пьяный до такой степени, что никакъ не могъ подняться съ лавки, и оставался тутъ какъ на якорь.

Вдругъ встаетъ одинъ старый матросъ, обвиваетъ меня своими жилистыми руками, и задушая въ хмѣльных объятіяхъ, клянется быть моимъ товарищемъ.

Мы всѣ за нимъ! всѣ за нимъ! кричали пьяницы въ одинъ голосъ, и старались какъ-нибудь выбраться изъ харчевни.

Меня окружили, ласкали, величали; то былъ хаосъ несвязныхъ словъ, неполныхъ рѣченій и бранныхъ поговорокъ, изображавшихъ довольно близко смѣшеніе языкъ на столпѣ Вавилонскомъ. Каждый повѣсилъ на палку за плечо свои пожитки, увязанные въ синій платокъ; наконецъ всѣ тронулись съ мѣста и шли довольно скоро, хотъ не безъ уклоненій отъ прямой линіи; такъ что иногда вмѣсто ея, выводился полукругъ и даже писалось мыслете.

Я расплатился съ харчевникомъ; назначилъ своимъ новобранцамъ сойтись въ Ковъ въ Петъ-Дулановъ трактиръ, и обѣщавъ присоединиться къ нимъ въ слѣдующую ночь, воспользовался первымъ поворотомъ, чтобъ поспѣшить къ лейтенанту.

На другой день, мнѣ нечего было дѣлать; въ Коркѣ не зналъ я никого, кромѣ дяди, съ которымъ наканунѣ видѣлся. Общество дряхлыхъ стариковъ было для меня не слишкомъ заманчиво: я проходилъ все утро по городу.

Скоро наступило время довершить наше предпріятіе: я явился на корабль, надѣвъ опять синюю куртку. Тутъ увидѣвъ я человѣкъ двадцать лучшихъ нашихъ матросовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы.

— Вооружитесь и вы, любезный Томъ, сказалъ мнѣ Тринель: пойдѣмъ-те съ нами.

Безотвѣтно исполнилъ я данное мнѣ приказаніе.

Мы съѣли въ шлопку, причалили се къ берегу, и оставивъ при ней двухъ человѣкъ, сами отправились къ Кову.

Вечеромъ, наши бѣглецы должны были сойтись въ трактиръ, вечеромъ намъ слѣдовало и поймать ихъ. Чтобъ не возбудить подозрѣній, мы разошлись до времени въ разныя стороны.

Въ сумерки мы опять соединились. Съ нами было нѣсколько фонарей, и подаваясь впередъ тихомолкомъ, мы окружили харчевню.

Петъ-Дулановъ трактиръ, если можно назвать трактиромъ какой-то свиной хлѣвъ, едва ли годный и для этихъ чистоплотницъ, стоялъ въ кучѣ еще сквернѣйшихъ лачужекъ, на оконечности грязнаго переулка, примыкавшаго къ серединѣ села.

Ночь была мѣсячная, но дулъ сильный вѣтеръ, и летучія облака иногда задерживали голубое небо. Съ появленіемъ мѣсяца, блѣдные лучи его падали на зеленеватыя лужи, окружавшія лачугу, и капельки воды на мшистой кровлѣ играли отъ нихъ какъ брилліанты.

Десятеро самыхъ сильныхъ матросовъ стали по обѣимъ сторонамъ дверей, въ готовности броситься въ харчевню, а прочіе заняли мѣста поодаль, чтобъ остановить бѣгущихъ, если бъ кому удалось оттуда вырваться. Наши тѣни, рисуемыя на окружныхъ стѣнахъ сіяніемъ мѣсяца, казались группою существъ исполненныхъ и фантастическихъ, а хранимая нами тишина

придавала этимъ туманнымъ видѣніямъ какую-то важную торжественность, которая занимала меня, будто зрителя новой драмы:

Вдругъ надвинуло темное облако, и все исчезло въ сумракъ. Этого мы и ожидали. Лейтенантъ вышелъ впередъ одинъ и постучался, но отвѣта не было. Онъ стучитъ опять, то же безмолвіе. Онъ сильно пошатнулъ дверь; она была крѣпко заперта.

— Ребята, окружите домъ! закричалъ лейтенантъ.

Наши сожкнулись ближе и приготовили оружіе.

— Петти, закричалъ онъ снова, Петъ-Дуланъ, отвори, братъ, скорѣе, или выломаемъ дверь.

Нѣтъ отвѣта.

— Такъ начинай же, ребята, если эти мошеники оглохли.

Намъ видѣнъ былъ свѣтъ въ дверцыя щели. Ужъ палка одного изъ нашихъ людей, служившая намъ вмѣсто рычага, начинала поднимать ее на крючьяхъ, какъ вдругъ послышался дрожащій голосъ старика.

— Что за шумъ? что вамъ надобно? говорилъ голосъ Англо-Ирландскимъ нарѣчіемъ. Ты, что ли, Іонъ Эри? Такъ тебѣ сказывали, что бѣдная Катерина умерла; и ты пришелъ читать надъ ней молитвы? Да принеси ли ты водки, Іонъ Эри? Вѣдь, ты знаешь, безъ этого не читають.

— Гдѣ Петъ-Дуланъ? спросилъ лейтенантъ.

— Пошелъ въ городъ за водкою для чтенія надъ покойницей; только соберутся кумы, сейчасъ и начнемъ.

Маленькій старичишка отперъ дверь, и мы вошли, не обращая вниманія на его рассказы.

Въ лачугѣ ни души, ниже признака жизни, кромѣ невзрачнаго старика, который впустилъ насъ. Посреди, на двухъ козлахъ, гробъ, и въ немъ трупъ старухи.

Сморщенное лице ея, по древнему обычаю поселанъ, было открыто; тарелка съ солью стояла у ней на груди; руки ея были сложены крестомъ, какъ на молитву, а тонкій и прекрасно убранный саванъ странно разногласилъ съ наружностію бѣднаго жилища.

Какая-то желѣзная лампадка, наполненная протухлымъ масломъ и привѣшенная къ потолку, бросала мертвый свѣтъ на предметы: желтоватый, дымный огонекъ, мелькая отъ вѣтра, свистѣвшего въ окна и въ двери, разсыпалъ фантастическія тѣни по впалымъ щекамъ, по изсохшему морщиноватому лицу старухи, и придавалъ ему видъ жизни, отъ котораго оно казалось еще страшнѣе.

За гробомъ, въ головахъ видно было углубленіе, какъ будто образуемое дверью; но темнота мѣшала рассмотреть его хорошенько. Козлы съ гробомъ приставлены были къ этой двери нарочно такъ, чтобъ нельзя было пройти въ нее.

— Что у тебя въ этой комнатѣ, пріятель?

— Ахъ, сударь, я не знаю, — она сосѣдская.

— Хорошо! такъ дай намъ отодвинуть гробъ, а тамъ ужъ мы пройдемъ въ нее сами.

— Извольте дѣлать, что угодно; только не имѣйтебы вашей чести неудовольствій отъ полиціи за насиліе въ чужомъ домѣ.

— Такъ и быть, дѣлать нечего. Скорѣй же, ребята, начинай.

Тотчасъ два матроса приподняли гробъ, но наслу его переставили.

— Экъ, тяжела старая хрычовка, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Небось, футовъ сто свинцу проглотила, прибавилъ другой.

Мы вошли; лейтенантъ съ пистолетомъ въ рукѣ впереди насъ.

— Эй, молодцы, сказалъ онъ дезертирамъ, которыхъ мы не могли видѣть въ темнотѣ: видѣ знаютъ, что вы здѣсь; сдавайтесь; напрасно будете защищаться; домъ окруженъ, насъ много, — право, лучше кончить добрымъ порядкомъ.

На этотъ вызовъ ничего не отвѣчали; но слышался шопотъ, нѣсколько рѣзкихъ словъ произнесено было въ полголоса.

Тутъ принесли огня, и мы увидѣли, что бѣдняки сидятъ на своихъ узелкахъ, прижавшись другъ къ другу, и съ такими постными лицами, какъ пойманные въ бѣгахъ воры. Ихъ привязали къ длинной палкѣ, и отравили такимъ образомъ на корабль.

Они ужъ начали выходить одинъ за другимъ на улицу, какъ мнѣ пришла въ голову одна изъ тѣхъ продѣлокъ, къ которымъ у меня наслѣдственная, пагубная склонность, сто разъ подвергавшая жизнь мою опасности.

— Знаете ли, что мнѣ хочется сдѣлать, лейтенантъ?

— Что жъ такое?

— Всадить нѣсколько пуль въ этотъ гробъ.

Тутъ я мигнулъ Тринелю, и онъ меня понялъ.

— Что жъ, мой милый, пожалуй себѣ стрѣлай, если это тебя такъ забавляетъ.

Это ужасно, это страшное святотатство, закричалъ одинъ изъ матросовъ: вѣрно вы не захотите нарушать святыни.

— Почему же? эта фантазія не хуже другой.

Я зарядилъ свой пистолетъ, и, будто не замѣчая впечатлѣній, какое производилъ мой поступокъ въ людяхъ нашего экипажа, прицѣлилъ его къ гробу.

Вдругъ тѣло старухи поднялось на воздухъ, выпрямилось и опять упало безъ движенія, а передъ нами явился рослый и сильный дѣтина.

— Ага! товарищъ, выдумалъ ты шутку, сказалъ Тринель. Тризну, что ли, правишь по старухѣ или когда-нибудь въ бурю далъ обѣщаніе полежать въ гробу? Да все равно, ты нашего жъ поля льгода.

Пока его привязывали, онъ не вымолвилъ ни малѣйшей жалобы, не сказалъ ни полслова, но идучи за нами, всю дорогу проклиналъ свою горькую участь.

Между-тѣмъ, все ужъ просыпалось; растворились окна и двери; на улицѣ слышался шумъ, какъ будто бь собирались толпы народу. Глухой говоръ разлился по селу; проклятія на насъ такъ и сыпались: пора намъ было на шлюпку, потому что-десятка два дерзкихъ мошенниковъ окружали насъ съ угрозами, и шайка ихъ безпрестанно прибывала.

Но вотъ мы всѣ на корабль, вотъ ужъ и подъ парусами.....

=

II.

ВАМЪ НА ОСТРОВЪ ВАРБАДОСЪ.

=

....Утромъ подошли мы къ острову, и какъ я ни былъ опечаленъ смертію нашего почтеннаго капитана, а вѣкъ не забуду чувства удивленія, объявшаго меня при видѣ мыса Нидгама, съ которымъ поравнялись мы для входа въ бухту Карлейль. Берегъ блисталъ чистою, ослѣпительною бѣлизною; за нимъ пышныя вѣчно-зеленыя кокосовыя деревья: свѣжій вѣтерокъ колыхалъ ихъ раскидистыми вершинами. Надъ нами, темноголубое небо; внизу, синева прозрачной воды, порой смѣнявшаяся зеленью, когда мы проходили мимо коралловыхъ скалъ, торчащихъ изъ глубины моря. Городъ открывался передъ нами исподоволь, домъ за домикомъ, — всѣ чистенькіе, съ зелеными

ставнями, которыя ярко пестрили чудесную панораму. На крѣпости развѣвались флаги; группы офицеровъ развѣзжали верхомъ по берегу; люди всѣхъ цвѣтовъ мелькали въ бѣлой одеждѣ, отъ которой лица ихъ отдѣлялись еще рѣзче. Вся эта картина вполне осуществила прежнія мечты мои о волшебныхъ островахъ, носящихъ таинственное имя Западныхъ Индій, и мнѣ казалось, что никогда человѣкъ не видалъ такихъ прелестей.

Скоро наша палуба оживилась прибытіемъ многихъ сухопутныхъ офицеровъ, кромѣ островскихъ жителей, которые также пріѣхали за новостями. Пошли приглашенія на обѣдъ къ тому, къ другому, и когда гости наши развѣхались, лейтенантъ Фоконъ, принявшій команду корабля по кончпнѣ капитана, и ѣздившій на берегъ съ дешешами, воротился къ намъ съ извѣстіемъ, что надняхъ ждутъ адмирала съ эскадрою, что мы останемся въ Карлейльской бухтѣ, и что немедленно должны начиниваться.

Прежде всего надо было налиться водою. Для этого мнѣ дали лодку, и Свинбурна квартирмейстеромъ, — того же самага Свинбурна, Ирландца душею и тѣломъ, который такъ забавлялъ меня своими оригинальными рассказами во все продолженіе плаванія; который, когда глалъ обыкновеннымъ образомъ, не помнилъ даже, что правда существуетъ на свѣтъ, и говорилъ правду тогда только, когда хотѣлъ солгать получше. Одно его присутствіе уже поселяло во мнѣ веселость: глядя на его лице, мнѣ казалось, будто гляжу на ложь съ длиннымъ носомъ и сѣрыми глазами. Онъ правилъ рулемъ, и хвасталъ, что знаетъ гавань какъ свою фуражку.

— Не попади только на подводный камень, сказалъ я ему.

— Не бойтесь, мистеръ Сицль! Какъ будто я не

знаю здѣшнихъ камней! Я вамъ скажу наизусть безъ карты, гдѣ лежить всякой камень, даромъ что ихъ здѣсь много.

— Смотри же, братецъ...

И въ эту самую минуту мы наткнулись на подводную скалу.

— Ну, вотъ одинъ изъ нихъ!... сказалъ прехладнокровно Свинбурнь. Ужъ мнѣ ли не знать Барбадскихъ камней!

Я хотѣлъ сердиться: но какъ сердиться на такую неподражаемую черту Ирландизма? Я и матросы расхохотались отъ чистаго сердца. Къ счастью, лодка осталась невредимою. Подходя къ берегу на веслахъ, мы увидѣли, что множество негровъ купается въ бурунѣ: они окунали въ воду свои шерстоловосья головы въ самое то время, какъ водненіе прибывало къ берегу. — Посмотрите-ка, сказалъ Свинбурнь, какъ я пугну этихъ *ниггеровъ*! — Онъ сталъ на корму, и указывая пальцемъ на воду, закричалъ во все горло: «Аккула! акула!» Какъ бросятся купальщики бѣжать отъ одного имени страшнаго непріятеля! Они пыхтѣли, задыхались, и не прежде вздумали оглянуться, какъ выскочивъ далеко на берегъ. Мы опять захохотали, а они принялись бранить насъ ворами, висѣльниками, всѣмъ, что только могли отыскать ругательнаго въ бранномъ словарѣ Барбадскаго острова. Меня очень заняла эта сцена, особенно сами негры, столпившіеся вокругъ насъ, когда мы вышли на берегъ. Они смотрѣли такими весельчаками, прыгали, смѣялись, болтали, пѣли и скалили свои бѣлые зубы. Одинъ не переставалъ плясать вокругъ насъ, прищелкивая пальцами, и распѣвая пѣсни безъ начала и конца.

— Эй, масса! какъ вамъ кажется?... Я не невольникъ; нѣтъ, сударь, — настоящій Барбадскій уроженецъ. Э!

— Масса! а масса! я сударь, свободный человекъ. Что если вы дадите мнѣ денежку, вѣдь я выпью за ваше здоровье.

— Пошелъ ты, ниггеръ, съ дороги! закричалъ матросъ, катившій бочку.

— Э! кого называешь ниггеромъ?... Я свободный человекъ, настоящій Барбадскій уроженецъ. Ступай себѣ, корабельная дрянь!

— Что жъ, масса, дашь денежку? Право, ты хорошій господинъ!

Свинбурнъ замахнулся на него палкою. Они разбѣжались, хохоча и передразнивая насъ.

Скоро окружила насъ другая толпа, составленная особенно изъ чершавочекъ: онѣ принесли плодовъ въ корзинкахъ, и сами сказывали, что продаютъ «всякую всячину». Я замѣтилъ, что матросы мои большіе охотники до кокосоваго молока, и какъ это нитье безвредное, то я не мѣшалъ имъ покупать его у милыхъ посѣтительницъ тѣмъ болѣе, что принесенный товаръ состоялъ почти изъ однихъ кокосовыхъ орѣховъ. Я никогда еще ихъ не отвѣдывалъ, и хотѣлъ купить себѣ одинъ. Выбираю самый крупный. «Нѣтъ, масса! говоритъ мнѣ ловкая негрятка, для васъ этотъ не годится. Для офицерства надо получше.» Выбираю другой: та же исторія. Нѣтъ, масса! берите этотъ. Вотъ молоко, такъ молоко! Хорошо для желудка.» Я выпилъ молоко изъ отверзтій въ верхушкѣ орѣха, и нашелъ его очень освежительнымъ. Матросамъ полюбилось оно до крайности: они опорожнили цѣлыхъ двѣ корзины. Но я скоро увидѣлъ, что хотя оно и полезно для желудка, но для головы не слишкомъ: люди мои, вмѣсто того, чтобъ катать бочки, сами начали кататься во всѣ стороны, и когда надо было вхвать къ обѣду, они всѣ почти лежали въ лодкѣ мертвецки пья-

ные. По ихъ словамъ, это происходило отъ солнца. Въ самомъ дѣлѣ, было очень жарко. Я вѣрилъ этому, пока только кружилось у нихъ въ головѣ; но когда у нихъ отняло руки и ноги, нельзя было не убѣдиться, что они рѣшительно спились на поваль. Однако жъ я все-еще не могъ понять, какъ и когда достали они крѣпкихъ напитковъ. Когда мы воротились на корабль, Г. Фоконъ, начальствовавшій надъ нами по званію старшаго лейтенанта, спросилъ меня, какъ я допустилъ людей своихъ нарѣзаться до такой степени. Я увѣрялъ его, что ничего не знаю; что я не позволялъ ни одному изъ нихъ отлучаться съ мѣста, и не видѣлъ, чтобы они покупали какой-нибудь напитокъ, кромѣ кокосоваго молочка, которое не запрещено морскою дисциплиною, и въ такой жаръ казалось мнѣ очень позволительнымъ. Г. Фоконъ улыбнулся и сказалъ:

— Г. Симплъ! я старый служака въ Вестъ-Индіи, я открою вамъ тайну. Слыхали ль, что значить — *«сосать мартишки»*?

— Нѣтъ-съ, не слыхалъ!

— Ну, такъ я жъ вамъ скажу: моряки употребляютъ это выраженіе вмѣсто — пить ромъ изъ кокосовыхъ орѣховъ. Негры молоко выльютъ, а нальютъ рому, и обманываютъ бдительность начальства, продавая матросамъ будто простые орѣхи. Теперь понимаете, отчего перепилились ваши люди?

Я выпучилъ глаза: мнѣ никогда это и въ голову не приходило. Тутъ догадался я, отчего черная женщина не хотѣла дать мнѣ первыхъ орѣховъ, которые я выбралъ. Я разсказалъ объ этомъ Г. Фокону: онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Дѣлать нечего! не ваша вина; только впередъ этого не забывайте.

Ночью, я былъ на первой вахтѣ, а Свинбурнъ — младшимъ подштурманомъ на палубѣ.

— Послушай! сказалъ я своему товарищу: вѣдь ты часто бывалъ въ Вестъ-Индіи; что жъ ты молчалъ, когда люди сосали мартышку? Я думалъ, что они только пьютъ кокосовое молоко.

Свинбурнь усмѣхнулся.

— Эхъ, мистеръ Симпль! намъ, изволите видѣть, не приходится наушничать. Бѣдному человѣку въ кон-то вѣки удастся себя «посчастливить»: такъ неужели отнять у него и этотъ случай? Впрочемъ, я, право, не зналъ, что это были мартышки съ ромомъ.

— Да вѣдь ты самъ ихъ сосалъ? Видишь, какой примѣръ дисциплины подаешь ты матросамъ!

— Признаться вамъ, мистеръ Симпль, по совѣсти, когда я пилъ изъ орѣха, мнѣ казалось, что это молоко. Вы не можете представить, мистеръ Симпль, какіе плуты эти негры, какъ они умѣютъ обманывать начальство! Ну вотъ, мошенники, обманули и меня!.. Я тогда лишь примѣтилъ, что это былъ ромъ, когда у меня немножко зашумѣло въ головѣ.

Съѣтимъ человѣкомъ нельзя быть серьезнымъ! Онъ говорилъ о своей ошибкѣ такъ добродушно, какъ будто обвинялъ себя въ тяжкомъ грѣхѣ на исповѣди. Я прошелся нѣсколько разъ по палубѣ.

— Что, Свинбурнь, бывалъ ли ты въ большую бурю на морѣ?

— Спросите, въ чемъ я не бывалъ, — исключая можетъ-быть одной школы! Туда только не удосужился, не знаю какимъ образомъ. Видите ту батарею на Нидгамскомъ Мысу? Такъ вотъ-съ, когда была буря въ 1782 году, эти самыя пушки перенесло вѣтромъ прямо на другую сторону, и часовыхъ съ будками туда же-съ. Солдатамъ, которые стояли лицомъ къ вѣтру, вдуло всѣ зубы въ горло, а на другихъ головы вертѣлись флюгеромъ-съ: они, вишь, ждали команды

— направо кругомъ! А въ воздухѣ такъ и почерпнуло отъ арапченковъ, которыхъ сорвало вихремъ съ овечьяго рышка вмѣстѣ съ ягодами. Я не могу всего такъ хорошо пересказать вамъ, мистеръ Симпль: но когда шкваль прошелъ, то маленькіе негры, дыни, апельсины, груши, сигары, — чтобъ не солгать вамъ, — ей, ей, слишкомъ полчаса валились съ воздуха градомъ на гавань и на нашу эскадру!

— И ты думаешь, я всему этому повѣрю?

— Воля ваша, мистеръ Симпль: только, я такъ часто рассказывалъ эту исторію, что, мнѣ кажется, она стоитъ у меня передъ глазами.... Да что тамъ такое подъ мѣсяцемъ? Никакъ варуса?

Свинбурнъ взялъ трубку и навелъ ее.

— Разъ, два, три, четыре.... Это намъ адмираль-съ тянется, на ночь глядя, съ эскадрою. Живъ быть не хочу, если одинъ корабль тутъ не линійный!

На разсвѣтъ, мы опознались съ подходящими судами и салютовали адмиральскому флагу, а въ восемь часовъ ужъ всѣ они были на якорь. Гавань вдругъ оживилась. Никогда еще Барбадось не видалъ такого блистательнаго, веселаго, шумнаго собранія офицеровъ.

Съ тѣхъ поръ, на званые обѣды отправлялись мы многочисленными обществами. Гостепріимство здѣшнихъ островитянъ слишкомъ извѣстно. Приглашенія простирались даже на мичмановъ*: поэтому и я мерзко наслаждался вкусными обѣдами на берегу, и ласковымъ приемомъ на поддачу. Одного не удавалось мнѣ видѣть — бала Барбадской знати, прославленнаго dignity ball, о которомъ я такъ много слышался, что мнѣ очень хотѣлось узнать, что это такое. Но здѣсь нужно объясненіе: иначе не поймутъ меня читатели.

* Въ Антіи мичманы не офицеры. Питеръ Симпль былъ только мичманъ.

Цвѣтныя жители Барбадоса, по причинамъ, которыя или однимъ извѣстны, горды до чрезвычайности, и всѣхъ обитателей другихъ острововъ презрительно называютъ *ниггерами*: они тоже думаютъ весьма много о своей храбрости, хотя никто изъ нихъ не видалъ войны, о сраженіяхъ слыхивали они только по газетамъ. Но при всякой побѣдѣ, одержанной Англіею, эти добрые и забавные островитяне увѣрены, что неприятель разбитъ ими. Свободные Барбадцы по большей части пребогатыя люди, вздергиваютъ носъ выше самаго хохла, и, переобезьянивая Европейскіе обычаи, самыхъ Европейцевъ считаютъ какъ-бы ниже себя. «Баломъ знати», *dignity ball*, называется у нихъ тотъ, который даютъ почетнѣйшіе жители, а «знатю» величаютъ они людей, приближающихся цвѣтомъ кожи къ нашему. Кто блѣвъ, тотъ знатнѣе. По особенной занимательности этихъ собраній и по разнымъ другимъ причинамъ, которыхъ не стоитъ прописывать, сухопутные и морскіе офицеры большіе до нихъ охотники. Билеты для входа продаются очень дорого, я думаю, по восьми долларовъ каждый.

Губернаторъ острова давалъ въ честь прибытія эскадры большой балъ съ ужиномъ. Миссъ Бетси Остинъ, «знатная» цвѣтная дама, провъдавъ объ этомъ, разослала свои билеты на тотъ же вечеръ. Это было не изъ соперничества, а по другой причинѣ: она рассчитала, что большую часть офицеровъ и мичмановъ отпустить съ кораблей къ губернатору, что оттуда они непременно ускользнутъ къ ней, и что, при помощи этой невинной уловки, она затмитъ всѣ «балы знати» множествомъ и отборностью гостей своихъ.

Въ день бала, капитанъ нашъ пріѣхалъ на корабль, и объявилъ старшему лейтенанту, что губернаторъ проситъ къ себѣ непременно всѣхъ его офицеровъ. Мы отправились съ радостью.

Балъ былъ очень блистателенъ: жаль только, что дамы зажелчены климатомъ, — но впрочемъ не безъ исключеній. Вообще, у губернатора было очень весело: несмотря на то, всѣмъ намъ до смерти хотѣлось вырваться оттуда скорѣе къ Миссъ Бетси Остинъ, на знаменитый «балъ знати», или сокращенно, на «знати». Я ускользнулъ съ тремя другими мичманами, и скоро мы очутились тамъ. Толпа негровъ стояла передъ домомъ: балъ еще не начинался за недостаткомъ кавалеровъ, потому что въ это отборное общество не пускали никого чернѣе мулатта. Можетъ-быть, не излишне замѣтить, что рожденный отъ бѣлаго съ негритянкою называется мулаттомъ, или половинчатымъ; отъ бѣлаго съ мулаткою, квадрунномъ, или четверть-чернымъ; изъ четвертныхъ-то состоитъ преимущественно здѣшнее хорошее общество. Отъ квадрунновъ съ бѣлыми происходятъ мусти, или восьмушно-черные, а отъ этихъ съ бѣлыми жъ, мустафины, или полуосьмушно-черные. Слѣдующія породы называются «отмытыми до бѣла», и считаются ужъ Европейскими. Цвѣтъ тѣла составляетъ важный предметъ геральдики въ Западныхъ Индіяхъ, и благородство, основанное на отливахъ кожи, заключаетъ въ себѣ столько же, если не болѣе, степеней, какъ и дворянское достоинство Страсбургскихъ канониковъ или Испанскихъ грандовъ: квадрунъ свѣсика глядитъ на мулатта, мулаттъ на самбо, то есть, помѣсь мулатта съ негритянкою, а самбо на ниггера. Всѣхъ ихъ, безспорно, красивѣе порода квадрунновъ: нѣкоторыя женщины этой степени истинно прелестны; волосы у нихъ длинныя, совершенно прямыя и мягкіе; глаза большіе и черныя, станъ удивительный, и румянецъ играетъ въ щекахъ такъ же явно, съ такимъ же волшебствомъ, какъ у Европеекъ.

Двери дома Миссъ Остинъ были отворены и убраны померанцевыми вѣтвями. У самаго входа встрѣ-

тилъ насъ мулаттъ, исправлявшій, какъ мы полагали, должность швейцара. Онъ былъ распудренъ, въ бѣлыхъ шараварахъ, въ жилетъ короче воробьиного носа, и въ поношеномъ капитанскомъ мундирѣ, вмѣсто ливреи. Съ низкимъ поклономъ «принялъ онъ смѣлость обезпокоить господъ посѣтителей на счетъ билета», и, когда мы его отдали, ввелъ насъ въ бальную комнату, гдѣ у самыхъ дверей стояла Миссъ Остинъ для принятія гостей своихъ. Она намъ низко присѣла, и замѣтила, что очень рада видѣть у себя господъ моряковъ, но надѣется, что и господа офицеры пожалуютъ тоже на ея «знать».

Наша мичманская знать очень оскорбилася этимъ замѣчаніемъ, и одинъ изъ насъ отвѣчалъ, что «мы, не хвастая, считаемъ себя также офицерами, да еще и не маленькими; а если она ожидаетъ лейтенантовъ, такъ пусть ждетъ до тѣхъ поръ, пока имъ надоѣстъ у губернатора: мы, съ своей стороны, отдали предпочтеніе ея балу».

Этимъ объясненіемъ все поправилось. Я, между тѣмъ, пооглядѣлся въ общество, и долженъ признаться, хоть, можетъ, разсержу Европейскихъ красавицъ, что сроду не видывалъ такого множества хорошенькихъ становъ и личекъ. Какъ лейтенанты еще не пріѣзжали, то мы овладѣли всеобщимъ вниманіемъ, и я былъ представленъ поочередно Миссъ Эвридикъ, Миссъ Минервѣ, Миссъ Сильвіи, Миссъ Аспазіи, Миссъ Эвтерпѣ, — имена дочекъ, явно заимствованныя отъ стоявшихъ здѣсь военныхъ кораблей и фрегатовъ, которыхъ лейтенанты произвели пріятное впечатлѣніе надъ воображеніемъ смазливыхъ Барбадскихъ маменекъ. Всѣ эти молодыя дѣвушки выказывали пріемы мѣстнаго хорошаго тона. Не берусь описать ихъ туалеть: драгоценныхъ вещей было довольно, пла-

тля очень легки; корсетовъ, кажется, не было: да и на что корсеты тамъ, гдѣ талии такъ прекрасны, что имъ надо бояться только одежды? Вотъ явилось еще немного мичмавовъ и уже нѣсколько лейтенантовъ — между прочими мой пріятель, удалой О'Брайнь. Хозяйка приглашаетъ начать балъ. Я прошу Миссъ Эвридику на котильонъ, которымъ онъ долженъ отираться. Въ эту минуту выступаетъ впередъ первый скрипачъ, церемоніймейстеръ и балетмейстеръ острова, масса Джонсомъ, молодецъ хоть куда, учившій танцевать всѣхъ «Барбадскихъ барышень». Онъ былъ темноцвѣтный квадрунъ, слегка напудренный, въ голубомъ фракѣ на распашку, для большей очевидности лильино-бѣлаго жилета, который онъ застегивалъ только на одну пуговку, чтобъ дать просторъ главному предмету своей гордости, — широкимъ, туго накрахмаленнымъ манжетамъ, несравненному жаббъ, простирившемуся отъ галстука до самаго пояса нанковыхъ штановъ, которые завершались на коленяхъ огромными пуками лентъ. Ноги его были обтянуты шелковыми чулками, что однако жъ не дѣлало чести его разборчивости, потому что здѣсь явно обнаруживалось превосходство Европейца надъ цвѣтнымъ человекомъ: голени его слишкомъ уклонялись отъ прямой линіи, и тощее берцо входило въ широкую ступню точно такъ, какъ палка въ половую щетку, то есть въ одинакомъ разстояніи отъ пальцевъ и отъ пятки. Такова была наружность Г. Аполлона Джонсона, въ которомъ Барбадскія дамы видѣли крайній предѣлъ лучшаго тона и верховнаго судью приличій. Смычекъ его былъ волшебнымъ жезломъ, который, визжа по скрипкѣ, заставлялъ всѣхъ повиноваться его велѣніямъ. «Сударыни, господа, извольте по мѣстамъ!» Всѣ повскакали. «Миссъ Эвридика, вы открываете балъ!»

У Миссъ Эвридики былъ плохой кавалеръ, но она взялась учить меня. Противъ насъ сталъ О' Браенъ съ фрегатомъ Эвтерпою, — я хотѣлъ сказать, съ Миссъ Эвтерпою! Прочіе кавалеры были все наши же: двѣнадцать бѣлыхъ пополамъ съ черными нестрѣли, точно какъ шашечница. Всѣ взоры были устремлены на Г. Аполлона Джонсона, который сперва взглянулъ на пары, потомъ на свою скрипку и наконецъ на прочіхъ музыкантовъ, чтобъ видѣть, все ли въ порядкѣ, — взмахнулъ смычкомъ, и грянула музыка. «Масса лейтенантъ! закричалъ Аполлонъ О'Браену: переходите къ дамъ, которая противъ васъ! Правую руку! Лѣвую, теперь лицомъ къ Миссъ Эвридикъ! — ну, такъ! возьмитесь за руки и кружитесь! А вы, мичманокъ, поставьте свою даму! Теперь вертите ее!.... довольно, погодите! Первая фигура кончена.»

Тутъ, я думалъ, мнѣ можно будетъ поговорить съ моею дамою. Я сдѣлалъ какое-то замѣчаніе. Она мнѣ отвѣчала на отръзъ: «Я, сударь, пришла сюда танцовать, а не болтать. Смотрите на массу Джонсона: онъ сейчасъ ударитъ смычкомъ.» О! подумалъ я: это ужъ слишкомъ пахнетъ антиподами!

Началась вторая фигура, и я сдѣлалъ ужасную ошибку; въ третьей, въ четвертой, въ пятой та же исторія, потому что я средо не танцовывалъ котильона. Когда я отвелъ на мѣсто свою даму, рѣшительно самую миленькую изъ всѣхъ бывшихъ на балѣ, она взглянула на меня презрительно, и сказала сосѣдкѣ: «Право, мнѣ жаль этихъ господъ! Пріѣдутъ изъ Англіи и не умѣютъ танцовать! и если научатся кой-какъ въ Барбадосѣ, то всю жизнь не могутъ показаться въ знатномъ обществѣ.» Тутъ затѣяли англезъ, который для всѣхъ былъ пріятнѣе, потому что и ученицы Г. Аполлона Джонсона не блистали совершенствомъ въ котильонѣ, а изъ офицеровъ, кромѣ О' Браена, ни-

кто не танцевалъ его. Превосходство О' Браенова воспитанія, вмѣстѣ съ его лейтенантскимъ эполетомъ и пріятною наружностью, обратили на него особенное вниманіе женщинъ. Онъ взялъ, послѣ меня, Миссъ Эвридику, и не оставлялъ ея цѣлый вечеръ, возбуждая тѣмъ ужасную ревность въ Г. Аполлонъ Джонсонъ, котораго сердце очевидно обращено было къ этому вѣтру. Общество наше безпрестанно увеличивалось; всѣ гарнизонные офицеры и даже губернаторскіе адъютанты, какъ скоро могли отдѣлаться, пришли сюда въ *мефти*, то есть, простомъ платьѣ. Танцы продолжались до трехъ часовъ утра. Наконецъ собраніе превратилось въ совершенную давку, отъ того, что безпрестанно наѣзжали новые гости со всего Барбадоса. Признаться, не худо было бы вылить на нихъ нѣсколько склянокъ о-де-колоню для исправленія атмосферы. Жаръ былъ нестерпимый; дамы не успѣвали утираться. Рекомендую баль Вестъ-Индской знати всѣмъ дороднымъ людямъ, желающимъ посбавить толщины.

Вотъ объявили, что готовъ ужинъ: оттанцовавъ послѣдній англесъ съ Миссъ Минервою, я, какъ водится, провелъ ее въ столовую. Судьбѣ угодно было посадить меня противъ славной индѣйки, и я спросилъ свою даму, не прикажетъ ли она положить себѣ кусочекъ отъ груди. Она взглянула на меня съ величайшимъ негодованіемъ, и сказала: «Какъ вамъ не стыдно, сударь! Не понимаю, гдѣ учились вы обращенію! Я возьму немножко индѣчей шен, — а говорить благовоспитанной дамѣ объ груди, это право ужасно!» Новый урокъ несчастному мичману! До окончанія ужина, я сдѣлалъ еще двѣ или три варварскія ошибки. Наконецъ отужинали, и, должно признаться, столъ былъ отличный.

— Потіше, милостивые государи и государыни!

закричалъ масса Аполлонъ Джонсонъ: съ позволенія нашей любезной хозяйки, я хочу предложить тостъ. Милостивые государи и государыни, вы всё знаете, а если не знаете, такъ я вамъ говорю, что въ мірѣ нѣтъ мѣста, подобнаго Барбадосу. Весь свѣтъ ~~воюетъ~~ ^{воюетъ} противъ Англій; ни Англій, ни Королю Георгу нечего бояться до тѣхъ поръ, пока Барбадосъ стоитъ крѣпко. Барбадцы сражаются за Короля Георга до послѣдней капли крови. Никогда еще Барбадцы не обращались въ бѣгство: вамъ всѣмъ извѣстно, что Французы на Сентъ-Люси бросили Морнъ-Фортюне, услышавъ, что идутъ на нихъ Барбадскіе волонтеры. Надѣюсь, никто здѣсь этимъ не обидится, но я съ прискорбіемъ долженъ сказать, что Англичане слишкомъ завистливы къ Барбадцамъ. Милостивые государи и государыни! у Барбадскаго племени одинъ недостатокъ, — оно слишкомъ храбро..... Предлагаю пить за здоровье острова Барбадоса.

Воскличанія посыпались со всѣхъ сторонъ за эту скромною рѣчью, и тостъ былъ выпить съ восторгомъ. Дамы восхищались краснорѣчіемъ Г. Аполлона и первенствомъ, которое онъ присвоивалъ себѣ въ обществѣ.

Вдругъ встаетъ нашъ О' Браенъ.

— Мистеръ Поллуша! вы, клянусь витійствовали лучше всякаго попугая, какого удавалось мнѣ видѣть въ этомъ краѣ; но вы пили въ честь всего острова Барбадоса, а я думаю обратиться къ чему-нибудь частному. Вмѣстѣ съ вами, желаю я добраго здоровья острову, но здѣсь есть такая прелесть, безъ которой онъ былъ бы пустынею: это — общество милыхъ дѣвицъ, которыя насъ теперь окружаютъ и берутъ сердца нашихъ приступомъ.

О' Браенъ нѣжно обвилъ рукою станъ Миссъ Эврилки, а его Поллуша заскрипѣлъ зубами на всю столовую.

По-этому, господа, съ позволенія вашего, я предлагаю выпить за здоровье Барбадскихъ дамъ!

По крайней мѣрѣ женщины признали О' Браену рѣчь несравненно лучше Джонсоновой. Миссъ Эвридика сдѣлалась еще граціознѣе, а прочія барышни еще ревнивѣе.

Много другихъ тостовъ было потомъ выпито: вино лилось такъ обильно, что мужская часть общества ужъ слишкомъ раззадорилась. Вдругъ хозяйка встала изъ-застола: — Ну, почтенные гости и гостьи! кажется, не грѣхъ сказать, что время и ко двора. — Я никогда не позволяю напиваться до-пьяна или бурлить у себя въ домѣ: такъ право, лучше выпьемъ по рюмкѣ на прощанье, да и благодарю васъ за компанію.

Намѣкъ былъ довольно ясный, какъ замѣтилъ ей О' Браенъ. Согласно съ ея просьбою и нашимъ желаніемъ, мы вышли на прощанье, и пошли провожать своихъ дамъ. Пока я подавалъ красную креповую шаль Миссъ Мипервъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, собиралась гроза между Барбадскимъ Аполлономъ Джонсономъ и нашимъ О' Браеномъ. Неугомонный лейтенантъ неотступно ухаживалъ за моею Миссъ Эвридкою, и нашептывалъ ей въ ухо такъ называемыя имъ нѣжности, какъ вдругъ масса Аполлонъ, кипя ревностью, подошелъ къ ней и сказалъ, что будетъ имѣть честь проводить ее домой.

— Можешь избавить себя отъ труда, черномазый подлипало, отвѣчалъ за нее О' Браенъ. Эта барышня у меня подъ покровительствомъ: такъ прочь съ своею отвратительной харицей, или я покажу тебѣ, какъ управляются съ Барбадцемъ, который «слишкомъ храбръ».

— Клянусь Богомъ, масса лейтенантъ! если вы тронете меня хоть пальцемъ, я самъ докажу вамъ, каковы Барбадцы.

Аполлонъ хотѣлъ втереться между О'Браена и его дамы, но тотъ оттолкнулъ его изо всей силы, и пошелъ съ нею къ дверямъ. Я подоспѣлъ къ нимъ въ это время, бросилъ Миссъ Минерву одну, какъ скоро послышался сердитый голосъ лейтенанта.

Миссъ Эвридика выпустила О'Браенову руку по его просьбѣ, и они стали съ Аполлономъ среди дороги, — О' Браенъ, у самыхъ дверей, которыя были закрыты, а тотъ въ наступательномъ положеніи. О'Браенъ, зная чувствительное мѣсто негровъ, приветствовалъ Поллушу такимъ ударомъ по голени, что мнѣ онъ вѣрно перешибъ бы ноги. Масса Джонсонъ болезненно застоналъ и отскочилъ шага на три, раздвѣляя толпу за собою. Черные никогда не дерутся кулаками, а бодаютъ головой какъ козлы. Отступивъ, Аполлонъ потерялъ себѣ ногу, взвизгнувъ изо всей мочи, и бросился на О'Браена, мѣтя ему головою въ грудь. Лейтенантъ догадался и ловко отскочилъ въ сторону, а Аполлонъ пролетѣлъ мимо съ такой силою, что голова его вышла въ стеклянную дверь, бывшую за О' Браеномъ, и онъ увязъ въ рамѣ, визжа какъ поросенокъ и задыхаясь отъ бѣшенства. Хотя съ трудомъ, однако же его освободили. Онъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи: лице изрѣзано, и несравненный жабо весь въ лоскутьяхъ! Кажется, ужъ съ него было довольно: онъ удалился въ столовую съ нѣкоторыми изъ своихъ почитателей, не глядя на О' Браена, не говоря объ немъ ни слова.

Но за то негодованіе друзей его возрасло до такой степени, что они никакъ не хотѣли спустить намъ этой обиды. Многочисленная толпа собралась на улицѣ, и клялась отмстить за оскорбленіе соотечественника. Должно было ожидать шуму. Миссъ Эвридика скрылась и развязала руки О' Браену. «Выходите, выходите всѣмъники, корабельная дрянь! жаль, что нѣтъ

большихъ камней разможить вамъ головы, » кричала толпа негровъ. Офицеры вышли всѣ вмѣстѣ, и были встрѣчены градомъ гнилыхъ померанцевъ, кочерыгъ, грязи и кокосовой скорлупы. Мы мужественно пробивали себѣ дорогу, но приблизившись къ берегу, увидѣли, что непріятель увеличивается сотнями, и наконецъ ужъ не могли двигаться впередъ, совершенно сдавленные *нигерами*, у которыхъ головы тверды и безчувственны какъ мраморъ.

— Надо обнажить шпаги, сказалъ одинъ офицеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это напрасно! отвѣчалъ О'Браенъ: стоитъ только пролить кровь, такъ ужъ они насъ живыхъ не выпустятъ. Люди на боту теперь вѣрно замѣтили, что здѣсь шумъ и свалка.

О' Браенъ былъ правъ. Не успѣлъ онъ этого вымолвить, какъ мы увидѣли, что въ нѣкоторомъ отдаленіи для насъ прокладывается дорога, а минуты черезъ двѣ она была уже открыта, и Свинбурнъ съ матросами явились посреди толпы, вооруженные дубинами. Они подбивали ими черныхъ не по головамъ, а по ногамъ, подкашивая ихъ, какъ траву, и продолжали это угощеніе вправо и влѣво до тѣхъ поръ, пока мы дошли до лодокъ. Тутъ они сомкнули за нами свои дубины и только изрѣдка подшибали смѣльчаковъ, подходившихъ слишкомъ близко. Тогда уже совершенно разсвѣло, и черезъ нѣсколько минутъ прибыли мы на фрегатъ благополучно. Такъ кончился первый и послѣдній «балъ знати», который мнѣ случилось видѣть.

Е. КОРШЪ.

Tom Cringle's Log. — Peter Simple.

ДИВЫ ДИВНЫЯ.

=

Къ чему искать чудесъ мистическихъ, когда фигляры и фокусники разныхъ народовъ изумляютъ людей, и умныхъ и недоверчивыхъ, подвигами, во сто кратъ удивительнѣе тѣхъ, какими славится Свѣтлѣйшій Князь Гогенлоге?

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, сокровенныя ученія Астрологіи, — должно знать, что Астрологію я причисляю къ фокусамъ, — занимали умы въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы, особенно въ Германіи, гдѣ они и теперь еще не совсѣмъ оставлены, — и не только занимали, часто даже озадачивали. Въ Англіи есть и по-сю-пору порядочные джентльмены, которые твердо увѣрены, что могутъ, если не предсказывать будущее, по-крайней-мѣрѣ узнавать минувшіе случаи жизни человѣка, котораго видятъ въ первый разъ, только бы онъ опредѣлилъ имъ въ точности минуточку своего рожденія. Астрологъ нашихъ временъ справляется съ своими эфемеридами, гдѣ означены восхожденіе и захожденіе главнѣйшихъ созвѣздіи, и помощью какого-то таинственнаго вычисленія открывасть, въ какое именно время случались съ вопрошающимъ пріятныя или непріятныя обстоятельства. Я самъ видалъ такія доказательства астрологическаго искусства, и убѣжденный полными удостовѣреніями тѣхъ, чья прежняя жизнь была такимъ образомъ разгадана, долженъ былъ сознаться, что тутъ есть что-то превосходящее мои понятія.

Лѣтъ за сто, одинъ врачъ, извѣстный въ свое время подъ классическимъ именемъ Агриколы, и жившій въ Регенсбургѣ, прославился открытіемъ тайны размножать растенія и деревья. Онъ говорилъ, что изъ

маленькой вѣтки, даже пзъ листка, можетъ произвести, посредствомъ одного огня, шестьдесятъ огромныхъ деревъ въ часъ времени. Онъ издалъ объ этомъ нѣсколько книгъ: не угодно ли заглянуть изъ любопытства хоть въ его *Agriculture parfaite, ou nouvelle découverte, etc.*, напечатанную въ Амстердамъ 1720 года? Если Агрикола, какъ самъ онъ говоритъ дѣйствительно показывалъ свои опыты въ присутствіи другихъ, то онъ вѣрно отгадалъ секретъ Индѣйскихъ фиגлярровъ, о которыхъ рассказываютъ такіа чудеса, что меня замучила бы совѣсть, если бъ я не сообщилъ всѣмъ читателямъ въ мірѣ того, что они дѣлають.

Я именно изъ тѣхъ, которые рассказываютъ все исторически. Начнемъ съ начала. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ читать Исторію, не могу надивиться поколѣнію Азіятскихъ Царей. Какимъ образомъ это происходитъ, что между ними было и есть столько отличныхъ авторовъ, когда въ Европѣ одинъ только Фридрихъ II и нынѣшній Король Баварскій согласились прибавить къ вѣнцу величества скромную вѣтку литературной славы? Многіе Китайскіе владетелины завѣщали потомству, кромѣ своихъ законовъ, свои изящныя творенія. Абульфѣда, Арабскій Царь Эдессы, написалъ превосходную Географію. Улугъ-бегъ, изъ рода Тимуридовъ, составилъ астрономическія эфемериды. Удскій Султанъ издалъ Словарь, Грамматику и Риторику въ семи огромныхъ томахъ. Собраній стихотвореній разныхъ владѣтельныхъ лицъ Востока я самъ знаю болѣе двадцати. Даже Тамерланъ кропалъ стихи, когда не рѣзалъ головъ, а нынѣшній Персидскій Шахъ чуть ли не лучшій поэтъ въ Азін. Но болѣе всѣхъ, Индѣйская династія Великихъ Монголовъ отличилась литературными дарованіями. Начальникъ ся, знаменитый Баберъ, оставилъ на Татарскомъ языкѣ превосходныя Записки о своей частной, политической и военной жизни, — одиъ изъ всѣхъ мнѣ из-

вѣстныхъ, которыя можно сравнить съ комментаріями Цезаря, безъ обиды для великаго и ученаго Римлянина. Императоръ Джихангиръ, потомокъ Баберовъ, тоже писалъ Мемуары, и я, съ позволенія Французской литературы, ставлю ихъ выше Записокъ Герцога Сенъ-Симона и Герцогини Абрантесъ, — всѣхъ Французскихъ Герцогинь и Герцоговъ, хотя онъ былъ Монголъ и жилъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Соскучивъ интригами своихъ визирей, онъ обыкновенно сочинялъ Записки. Утомясь сочиненіемъ, онъ приказывалъ Индѣйскимъ фиглярамъ показывать себѣ фокусы. И не смотря на то, что Джихангиръ былъ просвѣщенѣйшій и умнѣйшій человекъ въ своей имперіи, искусство Бенгальскихъ штукарей изумило его до такой степени, что онъ, не обинуясь, приписываетъ имъ сверхъестественную силу.

Разъ они взялись произрастить изъ сѣмянъ, въ присутствіи его и многочисленныхъ зрителей, десятокъ шелковичныхъ деревьевъ. Они зарыли сѣмечки порознь, и черезъ нѣсколько минутъ каждое изъ нихъ пустило отпрыскъ, который видимо росъ въ вышину, покрываясь листьями, вѣтками и наконецъ прекраснѣйшими плодами. Точно такъ же выходили у нихъ яблони, смоковницы, миндальныя и орѣховыя деревья, и всѣ, по увѣренію Джихангира, давали плодъ чрезвычайно вкусный. Этого мало: въ густотѣ листьевъ явились птицы, такія красивыя и сладкогласныя, какихъ до той поры нигдѣ не видано. Потомъ, листь началъ желтѣть, какъ осенью, постепенно измѣняясь въ оттѣнкахъ, и деревья мало-по-малу утонули въ землѣ.

Это не выдумка. Маіоръ Прайсъ говоритъ, что самъ онъ видалъ, въ западной части Индіи, подобныя представленія; но при немъ они обыкновенно это приготовляли подъ простынсю. «При всемъ томъ, продолжаетъ онъ, я не могу понять, какія средства

употребляютъ къ тому фигляры, — развѣ только заранѣ готовы у нихъ деревья всѣхъ возрастовъ, отъ сѣмени и до плода.»

«Въ другой разъ, ночью,» повѣствуетъ Джихангиръ, «и притомъ въ самую глухую пору, когда половина Шара Земнаго объята была мракомъ, одинъ изъ фокусниковъ — ихъ было семеро, — раздѣлся почти донага, и перевернувшись нѣсколько разъ очень быстро, покрылся простынею; потомъ вынулъ изъ подъ нея блестящее зеркало, отъ котораго разлился такой сильный свѣтъ, что земля озарилась имъ вокругъ на неизмовѣрное пространство: путешественники сказывали послѣ, что за десять дней пути (350 верстъ) видѣли они въ эту ночь всю атмосферу въ такомъ сіяніи, съ какимъ и самый свѣтлый день не сравнится въ ясности.»

«Потомъ они вывели человѣка и розняли его по составамъ, отдѣливъ даже голову отъ туловища; разбросали члены по землѣ, и оставили ихъ на нѣсколько времени въ этомъ положеніи. Тутъ они покрыли ихъ простынею, и одинъ изъ штукарей подползъ туда; черезъ нѣсколько минутъ онъ вылезъ, и за нимъ тотъ человѣкъ, котораго, казалось, розняли на части: онъ былъ живъ и здоровъ совершенно, такъ что можно было бъ поклясться, что онъ сроду не получалъ ни малѣйшей раны.»

«Они велѣли поставить два шатра, на лучной выстрѣль одинъ отъ другаго, и притомъ такъ, чтобъ входы въ нихъ были насупротивъ; натянули кругомъ всѣ стѣнки и просили насъ тщательно осмотрѣть, что въ шатрахъ ничего нѣтъ. Потомъ прикрѣпили нижнюю часть ихъ къ землѣ, и въ каждый шатеръ вошло по кудеснику: прочіе пятеро не входили. Приготовившись такимъ образомъ, они объявили, что будутъ выпускать изъ шатровъ какихъ намъ угодно животныхъ, — звѣрей или птицъ — все равно, — и страв-

ливать ихъ между собою. Хани-Джиганъ потребовалъ, съ недовѣрчивой улыбкою, чтобъ они вывели на бой двухъ страусовъ. Черезъ нѣсколько минутъ вышли два огромные страуса, по одному изъ каждаго шатра, и напали другъ на друга съ такимъ остервененіемъ, что кровь заструилась у нихъ изъ головъ; однако жъ ни одинъ не могъ побѣдить своего противника, потому что оба были равносильны: ихъ розняли и ввели въ шатры. Точно такъ продолжали они выпускать на драку и всякихъ другихъ животныхъ, по нашему желанію, — собакъ, пѣтуховъ, тигровъ, слоновъ, и прочая. Сколько я ни старался выведать тайну этого представленія, но не имѣлъ въ томъ нисколько успѣха.

«У нихъ былъ лукъ и около пятидесяти стрѣлъ со стальными наконечниками. Одинъ изъ семи кудесниковъ пустилъ стрѣлу въ воздухъ, и на значительной вышинѣ она остановилась; онъ пустилъ другую: эта взвилась прямо къ первой и воткнулась въ нее; такъ точно и всѣ остальные стрѣлы до послѣдней, которая, попавъ въ снопъ стрѣлъ, висѣвшій въ воздухъ, обрушила его наземь.

«Они вынесли цѣпь, въ пятьдесятъ аршинъ длиною, и, при моихъ глазахъ, взбросили одинъ конецъ ея къ небу, гдѣ онъ какъ бы прикрѣпился къ чему-то въ воздухъ. Потомъ вывели собаку и поставили ее на нижній конецъ цѣпи; она тотчасъ пустилась вверхъ, и добѣжавъ до другаго конца, исчезла въ воздухъ. Точно такъ же свинья, барсъ, левъ и тигръ поочередно взбѣгали по цѣпи, и всѣ пропадали на верхнемъ концѣ ея. Послѣ того цѣпь спустили и уложили въ мѣшокъ; но никто не могъ догадаться, какимъ образомъ животныя исчезали въ воздухъ. Признаюсь, это было странно и удивительно до чрезвычайности.

«Они вырыли въ землѣ довольно обширное углубленіе, родъ водоема, и просили насъ наполнить его водою. Когда это было сдѣлано по моему приказанію,

они его закрыли, и вскорѣ опять показали намъ: вода ужъ превратилась въ сплошной ледъ, и они требовали, чтобъ по немъ провели слоца. Животное прошло черезъ водоемъ такъ безопасно, какъ по намосту изъ дикаго камня: пробывъ нѣсколько времени на его поверхности, оно не сдѣлало ни малѣйшаго пролома. Послѣ того, опять закрыли водоемъ простынею, и когда ее сняли, не только уже не было льду, но и нималяйшаго слѣда сырости на его мѣствѣ.

«Они показали намъ чистую книгу изъ самой бѣлой бумаги; потомъ дали ее мнѣ въ руки осмотрѣть, что въ ней нѣтъ ни картинъ, ни цвѣтныхъ листовъ, — въ чемъ я и окружавшіе меня совершенно удостовѣрились. Одинъ изъ кудесниковъ взялъ эту книгу, и на первомъ листѣ показалъ намъ страницу яркаго краснаго цвѣта, усыпанную блестящими золотыми крапинками. Другой листъ былъ лазуревый, съ такими же блестками, и по полямъ его множество нарисованныхъ мужчинъ и женщинъ въ разныхъ положеніяхъ. Третій листъ нашли мы желтой Китайской бумаги: тутъ были изображены стада рогатаго скота и львы, которые хватали коровъ, совсѣмъ не такъ, какъ я видалъ на другихъ картинкахъ. Слѣдующій листъ превратился въ зеленый съ цвѣтистыми садами и бесѣдками; за нимъ явился оранжевый, поля котораго представляли сраженіе и бой на-смерть между двумя Царями. Словомъ, что листъ, то другой цвѣтъ и новая картина, на которую нельзя было налюбоваться. Изъ всѣхъ представленій, эта книга принесла мнѣ наибольшее удовольствіе: столько разныхъ видовъ и необычайныхъ перемѣнъ слѣдовали одни за другими, что я и ума не приложу, какъ все это дѣлалось.

«Слыхалъ я, прибавляетъ Императоръ, что это чудное искусство называется асумани, «небесною наукою», и что не только оно извѣстно Европейскимъ народамъ, но и въ большомъ у нихъ уваженіи.»

Дѣйствительно, князь Нѣмецкихъ колдуновъ, пресловутый Парацельсъ, распространилъ въ западной Европѣ вѣру, что въ каждомъ челоуѣкѣ обитаетъ духъ съ какого-нибудь созвѣздія, и что самъ онъ, Парацельсъ, обязанъ такому духу силою врачевать все и возможные недуги. Какъ не повѣрить Парацельсу? Скоро добрые люди начали бесѣдовать съ выходцами изъ созвѣздій. Появились магическіе камни или хрустали, въ которые стоило только заглянуть, чтобъ увидѣть духовъ, отсутствующихъ, умершихъ, узнать прошедшее и будущее. Трудно было бъ этому повѣрить, если бъ мы не имѣли убѣдительныхъ, печатныхъ доказательствъ. Такъ, напримѣръ, въ 1659 году, ученый медикъ Казабонъ издалъ въ Лондонѣ огромный фомаптъ совѣщаній Доктора Ди и товарища его, Келли, съ духами. Докторъ произносилъ обыкновенно заклинанія, а Келли глядѣлъ въ хрусталь: вдругъ являлся въ немъ золотой занавѣсъ и, отдержавшись самъ собою, представлялъ взорамъ наблюдателя тѣхъ духовъ, которыхъ вызывалъ почтенный Докторъ. Келли хвалился, между прочимъ, будто-бы нашелъ философскій камень, и испыталъ дѣйствительность его надъ превращеніемъ свинца въ золото; однако жъ въ одной изъ бесѣдъ его мы находимъ, что онъ смиренно проситъ духа Мадими одолжить ему сотняжку педѣли на двѣ, а тотъ отвѣчаетъ, что изтратилъ все свои деньги. Утѣштесь, читатели: иногда и у духовъ кошельки только числятся на службѣ!....

Есть еще въ живыхъ люди, которые видѣли въ стаканѣ Калиюстра своихъ родственниковъ, обитавшихъ въ далекой странѣ и совершенно ему неизвѣстныхъ. Что касается до превращенія свинца въ золото, то этотъ фактъ такъ былъ доказанъ опытомъ, то есть фиглярствомъ, что Англійскій Парламентъ издалъ за-

конь, строжайшіе запрещающій выдѣлку золота изъ простыхъ металловъ.

Справедливость требуетъ сказать, что не всегда западная Европа мечтала и бредила за Парацельсомъ: были и въ ней дѣльные штукари, не уступавшіе Индѣйскимъ кудесникамъ. Еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, епископъ Регенсбургскій, Альбертъ-Великій, сдѣлалъ автомата, который прислуживалъ ему, какъ человѣкъ, и даже отвѣчалъ на всѣ вопросы. Положимъ, что это преувеличено: однако жъ есть достовѣрные свѣдѣнія, что Альбертъ-Великій былъ искусникъ необыкновенный. Желая угодить Вильгельму, Графу Голландскому, у котораго хотѣлъ онъ выпросить землю подъ монастырь, епископъ пригласилъ его на великолѣпное пиршество. Это было среди зимы, снѣгъ лежалъ глубокой; между тѣмъ всѣ приготовленія дѣлались на открытомъ воздухѣ. Когда Вильгельмъ съ дружиною прибыли на мѣсто праздника, они удивились и досадовали, что въ ненастье должны будутъ обѣдать на дворѣ. Альбертъ снесъ ихъ ропоть съ величайшею кротостью, и убѣдилъ гостей сѣсть за столъ. Они завернулись въ плащи, стараясь всѣми силами защитить себя отъ холода; но только что сѣли, какъ снѣгъ стаялъ, деревья облеклись въ лѣтнюю одежду и покрылись птицами, которыя огласили воздухъ пѣніемъ; земля опушилась свѣжею зеленью, и толпа молодыхъ пажей, въ блестящемъ нарядѣ, явилась услуживать гостямъ, а отличнѣйшія кушанья и вина сами собою разстанивались передъ ними. Внезапный поворотъ зимы на лѣто простирался даже на атмосферу: сдѣлалось такъ тепло, что Графъ и его спутники должны были снять плащи и лишнюю одежду. Перемена была неизяснимо очаровательна. Графъ развеселился и исполнилъ Альбертову просьбу. Едва успѣлъ онъ объявить ему эту ми-

лостъ, — и столъ и прекрасные пажы исчезли, снѣгъ повалилъ клочьями, птицы умолкли, деревья преобразились въ зимній видъ свой, и гости, поспѣшно накинувъ на себя снятое платье, ради были укрытыся въ сосѣднія избы.

Когда Богемскій Король Вьнцеславъ вступалъ въ бракъ съ дочерью Курфирста Баварскаго, съ ней прибыло къ Прагскому двору множество фигляровъ для большаго разнообразія увеселеній, долженствовавшихъ слѣдовать за свадьбою. Въ день, назначенный для ихъ главныхъ представленій, между зрителями былъ одинъ Богемецъ, Зито, настоящій сатиръ по наружности. Ротъ у него былъ до ушей, а косматые волосы и уродливыя черты придавали ему видъ чудовища. Спрятавшись въ толпѣ, онъ долго подсматривалъ за штуками фигляровъ; наконецъ вышелъ изъ себя и съ бѣшенствомъ сталъ бранить ихъ за то, что при такомъ торжественномъ случаѣ, они такъ грубо показываютъ свое искусство. Главный фигляръ отразилъ нападеніе Богемца въ равносильныхъ выраженіяхъ, и преніе угрожало кончиться дракою, какъ вдругъ, къ ужасу всего двора, Зито, разинулъ свой широкій ротъ, и, безъ дальнихъ околичностей, проглотилъ противника, выплюнувъ только башмаки его, потому что они были грязны. Потомъ онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился, ведя проглоченнаго за руку, какъ будто бѣ ничего между ними не бывало.

Это еще не все. Зито являлся поочередно разными лицами, — то въ самомъ нищенскомъ рубищѣ, то въ великолѣпнѣйшей одеждѣ. Онъ носился по воздуху, но не такъ какъ на крыльяхъ, а какъ-бы плавая на невидимомъ кораблѣ: онъ поднимался и опускался въ волнообразномъ движеніи, не касаясь земли и безъ всякаго примѣтнаго усилія. Гости королевскіе сидѣли за столомъ: хотятъ взять кушанья, поставленнаго передъ ними, — вдругъ, по милости чародѣя, руки ихъ

превращаются въ раздвоенныя копыта. Зито соп:ель во дворъ, и явился въ каретъ, везомой пѣтухамъ и курами. Гости повысунулись въ окна, чтобъ посмотреть на это зрѣлище, — онъ приставилъ имъ оленьи рога, такъ что любопытные завязли въ оконницахъ, а штукаръ, между-тѣмъ, прибралъ все, что было на столѣ лучше.

Разъ, ему случилась крайняя надобность въ деньгахъ. Онъ взялъ немного хлѣбныхъ зеренъ, и превратилъ ихъ въ свиней, пригнавъ оборотней къ свинопроводу, и продалъ ему за чистыя деньги. Онъ предупреждалъ купца не пускать ихъ пить на рѣку, но тотъ счелъ это за шутку, и велѣлъ понтъ ихъ вмѣстѣ съ другими. Что жъ бы вы думали? Только-что подошли онъ къ водѣ, тотчасъ же превратились опять въ хлѣбныя зерна! Купецъ, въ бѣшенствѣ, избѣгалъ за чародѣемъ всю Прагу. Наконецъ поймалъ его гдѣ-то въ лавкѣ, и, браня за подлогъ, требовалъ назадъ своихъ денегъ. У Зито деньги въ карманѣ, но онъ какъ-будто и не знаетъ, въ чемъ дѣло. Въ запальчивости, купецъ схватилъ его за ногу и хотѣлъ вытащить на улицу: нога по самое бедро отдѣлилась отъ Зитова туловища! Онъ съ жалобой къ судья за претерпѣнное увѣще.. Мудрый судья рѣшилъ тотчасъ, что потеря такого члена, какъ нога, стоитъ взыскиваемого долга, и Зито избавился отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Вотъ вамъ дивы дивныя!

Е. К.

Quarterly Review. — New Monthly Magazine

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ГРАФЪ ПАПИЦЪ.

=

Юноша лѣтъ пятнадцати, въ солдатскомъ мундирѣ Измайловскаго полка, стоялъ на часахъ во дворцѣ Императрицы Анны Иоанновны: онъ отдалъ честь ружьемъ Монархини, и въ то самое время показалось на лицѣ его судорожное движеніе, которое Государыня приняла за умышленное кривляніе. То былъ Петръ Ивановичъ Панинъ, сынъ генерала-поручика Ивана Васильевича, родившійся въ 1721 году, Калужской губерніи Мещевскаго уѣзда въ имѣніи Везовицъ, и съ юныхъ лѣтъ поступившій въ гвардію рядовымъ. Онъ едва избѣгъ Сибири, но былъ отправленъ въ армию противъ Крымцевъ. Одаренный отъ природы чувствами возвышенными, мужествомъ необыкновеннымъ и слѣдуя всегда благороднымъ правиламъ, съ той минуты Панинъ проложилъ дорогу къ почестямъ не посредствомъ просьбъ и покровительства родственниковъ, но лично храбростію, но собственными достоинствами. Мшихъ былъ первымъ наставникомъ его на ратномъ поприщѣ. Въ томъ же году (1736), молодой Панинъ участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисарая, и лишился отца, служившаго оберштеръ-кригсъ-комиссаромъ при Петрѣ Великомъ, пользовавшагося особенною его милостію, и скончавшагося отъ множества ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ:

предки ихъ выѣхали въ Россію изъ Лукской Респуб-
 ликки въ XV столѣтіи. Впослѣдствіи времени, слу-
 жилъ онъ подъ знаменами Ласси, прекратилъ подъ
 Выборгомъ возмущеніе нижнихъ чиновъ гвардіи,
 и, въ награду за сей подвигъ, отправленъ главно-
 командовавшимъ съ ключами занятаго города Фрид-
 рихстама въ Петербургъ, гдѣ пожалованъ капита-
 номъ гвардіи съ чиномъ армейскаго подполковника.
 Выпущенный потомъ въ армію полковникомъ, онъ
 отправился въ 1751 году въ Стокгольмъ съ поздрав-
 леніемъ Короля Адольфа-Фридриха со вступленіемъ
 на престолъ: вслѣдъ за тѣмъ, командовалъ Ново-
 городскимъ полкомъ, и, когда Россія ополчилась
 противъ Пруссіи, былъ уже генераль-маіоромъ.
 Въ сей достопамятной войнѣ, онъ увѣнчалъ себя
 безсмертною славою, находился на всѣхъ кровоспро-
 литнѣйшихъ и рѣшительныхъ сраженіяхъ, и отли-
 чилъ себя въ 1757 при деревнѣ Гросъ-Егерндорфъ. При-
 везши извѣстіе о пораженіи Прусскихъ войскъ Фельд-
 маршаломъ Апраксинымъ, онъ награжденъ былъ за
 свои ратные подвиги орденомъ Св. Александра, а по
 возвращеніи въ армію получилъ на Цорндорфской би-
 твѣ сильную контузію въ грудь пулею: подъ нимъ уби-
 ли лошадь, и онъ принужденъ былъ оставить поле сра-
 женія; но лишь только пришелъ въ чувство, возвра-
 тился въ самый огонь къ своей дивизіи, изъ семи ты-
 сячъ человекъ лишившейся уже шести тысячъ, и съ
 этою горстію людей удержалъ позицію до окончанія
 дѣла. По словамъ Фельдмаршала Графа Салтыкова,
 онъ былъ главнымъ виновникомъ побѣды, одержан-
 ной въ 1759 году надъ Фридрихомъ II подъ Франк-
 фуртомъ: когда неприятель, напавъ на лѣвое наше
 крыло, опрокинулъ гренадерскій корпусъ, прикрывав-
 шій его флангъ и завладѣлъ двумя батареями, Па-
 нинъ съ быстротою молніи, подкрѣпилъ это мѣсто и
 водворилъ прежній порядокъ въ рядахъ нашихъ. Им-

ператрица произвела его въ генераль-поручики за «искусство въ военномъ дѣлѣ и неустрашимость». Онъ участвовалъ потомъ въ занятіи Берлина, управлялъ Пруссією въ званіи генераль-губернатора Кенигсбергскаго; начальствовалъ въ Помераніи и Голстиціи надъ всеми Россійскими сухопутными и морскими войсками; содѣйствовалъ въ ихъ преобразованіи и усовершенствованіи. Императрица Елисавета, отличавшая Панина отъ прочихъ генераловъ, говорила ему, что «она благодаритъ Бога за сохраненіе его жизни въ столь многихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, и проситъ, чтобы онъ продолжалъ ревностно служить, и предоставилъ ей устроить его счастье.» Но кончина Монархини воспрепятствовала ей исполнить обѣщаніе. Вступила на престолъ Императрица Екатерина II, и Панинъ, съ чиномъ генераль-аншефа, пожалованъ въ 1762 году сенаторомъ и членомъ Совѣта. Спустя пять лѣтъ, онъ получилъ Андреевскую ленту и графское достоинство Россійской Имперіи. Досель, первенствуя въ Совѣтахъ, бросалъ онъ грома на враговъ отечества подъ предводительствомъ другихъ вождей: въ 1769 году Екатерина ввѣрила ему начальство надъ второю армією, назначенною противъ Турокъ, и, съ того времени, наступила въ его жизни новая эпоха, достопамятная, открывшая въ немъ Россіи и Европѣ рѣдкія дарованія полководца, умѣвшаго переливать храбрость свою въ подчиненныхъ, одушевлять ихъ къ побѣдамъ примѣромъ и силою слова. Онъ прибылъ 17 Сентября въ главную квартиру, расположенную тогда въ деревнѣ Добрянкѣ на рѣкѣ Синюхѣ, и, узнавъ, что Хотинъ былъ уже занятъ Княземъ Голицынымъ, тотчасъ послалъ отрядъ войскъ къ Байдерамъ для воспрепятствованія разсѣянному непріятелю соединиться на этомъ пунктѣ, чтобъ удержать тамошній гарнизонъ отъ нападенія на полкъ, высланный Голицынымъ въ Молдавію, и чтобы со-

хранить сообщеніе первой арміи со второю. Вслѣдъ за тѣмъ Графъ Панинъ отправилъ часть Запорожскихъ казаковъ къ Очакову и къ устью Днѣпра, а самъ переправился черезъ рѣку Синюху, и остановился въ Польшѣ между этою рѣкою и Бугомъ, чтобы снабжать съѣстными припасами отдѣльные свои отряды и, въ случаѣ нужды, подкрѣплять ихъ и первую армію свѣжими полками. Слѣдствіемъ принятыхъ имъ мѣръ было разбитіе около Бендеръ Турецко-Татарскаго гарнизона, и взятія въ плѣнъ 1,031 человѣка. Въ первыхъ числахъ Ноября Графъ Панинъ расположилъ войска свои на зимнихъ квартирахъ, сохраняя сообщеніе съ первою арміею: правое крыло его занимало, отъ Ладжина, берега Буга, между-тѣмъ какъ лѣвое простиралось до самаго Азова, препятствуя, въ продолженіе всей зимы, Крымскимъ Татарамъ дѣлать набѣги и уничтожая ихъ покушенія. Тогда обнародовалъ онъ примѣчательное наставленіе, какимъ образомъ должно обращаться съ непріятелемъ: описывая незнаніе военной науки и подчиненности, дурное вооруженіе Татаръ, онъ убѣждалъ солдатъ своихъ презирать многочисленность враговъ, съ помощію Божіею нападать одному на сто человѣкъ, и помнить, что оружіе Россійское, всегда побѣдоносное, неоднократно торжествовало надъ невѣрными. Обезпечивъ армію продовольствіемъ для будущей кампаніи, Графъ Панинъ отдѣлилъ въ 1770 году одинъ корпусъ, подъ начальствомъ генерала-поручика Берга, въ Крымъ, гдѣ поручилъ ему склонить Татаръ къ принятію покровительства Россійской Имперіи съ сохраненіемъ полной независимости, а самъ выступилъ въ походъ 15 Апрѣля: подъ ружьемъ у него находилось только четырнадцать пѣхотныхъ полковъ, въ числѣ которыхъ десять были вновь набраны; четыре карабинерныхъ и драгунскихъ, четыре гусарскихъ, три тысячи Донскихъ козаковъ, четыре тысячи Украинскихъ, семь тысячъ Запорожскихъ, пять

тысячъ Калмыковъ , тридцать два осадныя орудія и восемь мортирь. Чтобъ возбудить мужество неопытныхъ воиновъ, еще не окуренныхъ пороховымъ дымомъ, онъ обнародовалъ второе наставленіе, въ которомъ изобразилъ многолюдство Турокъ , ихъ ненависть къ Христіанамъ и къ Спасителю, ихъ незнаніе военнаго дѣла, ихъ обманчивую храбрость, мгновенно исчезающую, и которою они, подкрѣпляясь яростнымъ крикомъ, думаютъ устрашить противниковъ: онъ увѣщевалъ солдатъ безтрепетно стоять противъ нихъ для одержанія поверхности; описывалъ имъ ничтожность Турецкой артиллеріи, неудобства Азіятскихъ ружей, беспорядочныя нападенія Восточной конницы, и преподавалъ необходимые совѣты, какъ должно побѣждать Оттомановъ. Желая обезопасить границы отъ вторженій Очаковского гарнизона, могущаго также, во время осады Бендеръ, прервать сообщеніе съ первою арміею, Графъ Панинъ отрядилъ генералъ-маіора Князя Прозоровскаго подъ Очаковъ со всеми Запорожскими казаками и Калмыками, съ однимъ полкомъ Донскимъ, однимъ Украинскимъ, драгунскимъ и гусарскимъ. Тщетно Турки нападали на передовое войско Панина, и дѣлали вылазки изъ Бендерской крѣпости: они всегда были обращаемы въ бѣгство съ значительною потерею. Обозрѣвъ мѣстоположеніе, главнокомандовавшей арміею подступилъ 15 Іюля къ Бендерамъ, защищаемымъ тридцати - тысячнымъ гарнизономъ , а 19 числа открылъ траншеи и началъ осаду крѣпости, продолжавшуюся по 16 Сентября. Турки оборонялись отчаянно, дѣлали частыя вылазки, иногда ночью по два и по три раза, и взорвали три подкопа. Среди непрестанныхъ битвъ и жестокой осады, Графъ Панинъ велъ переговоры съ Татарами Буджакскими, Бѣлогородскими и Едисанскими, и принималъ ихъ полномочныхъ, прибывшихъ съ изъявленіемъ желанія покориться Россіи:

постановилъ съ ними условія, отправилъ актъ къ Императрицѣ, и удержалъ въ лагерѣ своемъ заложниками двѣнадцать мурзь, князей и вельможъ Татарскихъ. Между-тѣмъ осаждавшіе подвели три подземныя галереи до самаго гребня гласиса : правый и лѣвый подкопы, составленные изъ такъ называемаго *сдавленнаго шара*, *globe de compression*, были взорваны съ желаемымъ успѣхомъ ; средній послужилъ знакомъ къ приступу. Сентября 15, при наступленіи ночи, вся армія пришла въ движеніе : нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и егеря были разстановлены въ разныхъ мѣстахъ для произведенія ложной атаки ; гренадерамъ вѣрно тремя колоннами взлѣсть по лѣстницамъ на крѣпостныя стѣны. Въ одиннадцать часовъ послѣдовалъ третій взрывъ, не столь удачный какъ первые : двѣ колонны гренадерскія, подкрѣпляемыя остальною пѣхотою, двинулись съ правой и лѣвой стороны ко рвамъ, засыпаннымъ землею, и опрокинули штыками вышедшаго къ нимъ на встрѣчу непріятеля ; третья колонна должна была опуститься въ глубокій ровъ шириною въ шесть сажень, который не былъ, подобно первымъ, заваленъ посредствомъ средняго сдавленнаго шара, и перебраться еще черезъ другіе два рва, изъ которыхъ послѣдній находился между палисадникомъ и уступомъ гласиса. Ничто не остановило стремленія храбрыхъ воиновъ, одушевляемыхъ безстрашнымъ предводителемъ : они опустили лѣстницы во рвы, представили къ стѣнамъ, и взошли на нихъ въ одно мгновеніе ока. Турки защищались съ отчаяніемъ : каждый бастионъ, каждая батарея, улица поглощали множество людей съ обѣихъ сторонъ. Кровопрлитная сѣча кончилась, однако жъ, въ пользу Россіянъ, одержавшихъ совершенную побѣду надъ противниками. Двѣ тысячи Мусульманъ отважились, черезъ скрытые выходы къ рѣкѣ, напасть на паралельныя линіи,

полагая, что онѣ находятся безъ обороны, и нашли тутъ совершенную погибель: Графъ Панинъ окружилъ ихъ своею конницею, положилъ на мѣстѣ тысячу шестьсотъ человекъ, остальныхъ принудилъ сдаться. Отвергнувъ предложенныя сераскиромъ условія, главнокомандовавшей взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ нѣсколькими пашами и одинадцатью тысячами Турокъ обоюга пола, въ томъ числѣ пятьтысячъ Янычаръ. Триста сорокъ восемь пушекъ и мортиръ, множество военныхъ и съѣстныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны во время осады и штурма ранено и убито шесть тысячъ двѣсти тридцать восемь человекъ: Турокъ пало болѣе двадцати тысячъ. Панинъ покорилъ Бендеры, защищаемыя сильнымъ гарнизономъ, имѣя подъ ружьемъ только двѣнадцать тысячъ человекъ пѣхоты! Исправивъ всѣ поврежденія, онъ тотчасъ велѣлъ генералъ-маіору Каменскому поспѣшить съ осадною артиллеріею къ Акерману, и этимъ содѣйствовалъ сдачу сей крѣпости. Въ то самое время Князь Прозоровскій заманилъ къ своему отряду, около Очакова, трехтысячный гарнизонъ, высланный противъ передовой его стражи, состоявшей изъ Донскихъ козаковъ, и 10 Сентября разбилъ Турокъ на голову: на мѣстѣ легло болѣе двухъ тысячъ человекъ; остальные сдались военнопленными. Ханъ Крымскій, Капланъ-Гирей, предводительствовавший ими, едва избѣгъ этой же участи. Столь же успѣшно дѣйствовалъ близъ Перекопа и другой отдѣльный отрядъ Графа Панина, подъ начальствомъ генерала-поручика Берга, отбивъ двѣнадцать тысячъ лошадей, значительное число скота, обозовъ, и истребивъ около двухъ тысячъ Татаръ. Побѣды Графа Петра Ивановича доставили ему отъ признательной Монархини военный орденъ Св. Георгія первой степени; но усилившаяся подагрическая болѣзнь, которую онъ страдалъ будучи еще полковникомъ, заста-

вила его просить объ увольненіи отъ службы. Императрица съ большимъ огорченіемъ изъявила на то согласіе: въ рескриптѣ своемъ 27 Ноября 1770, она сказала, что «терять въ немъ искуснаго въ войнѣ предводителя, котораго поступки пріобрѣтали всегда ея «удовольствіе,» и обратила ему въ пенсіонъ получаемое жалованье. Отдыхая на лаврахъ, покоритель Бендеръ и въ самомъ уединеніи помышлялъ только облагъ отечества. Вскорѣ явился самозванецъ Пугачевъ: Оренбургъ, Казань, Пенза, Саратовъ возчувствовали ужась междоусобной войны; смерть похитила Бибикова среди уснѣховъ его оружія; Князь Щербатовъ худыми распоряженіями далъ время снова усилиться злодѣю. Не доставало опытнаго ратоборца, чтобы однимъ ударомъ сразить безпрестанно возраставшую гидру. Узнавъ объ опасности, угрожавшей древней столицѣ, Панинъ вооружилъ всѣхъ своихъ служителей, хотѣлъ итти съ ними на встрѣчу бунтовщикамъ, присоединиться къ первой военной командѣ, какая попадется ему на пути, и подчинить себя даже младшему чиномъ. Онъ сообщилъ эту мысль Московскимъ вельможамъ, требовавшимъ его совѣта, и на вопросъ ихъ, — что намѣренъ дѣлать, — отвѣчалъ: умереть! Но ему готовился лучшій жребій: быстрые уснѣхи мятежника привели въ волненіе Петербургъ; въ чрезвычайномъ Совѣтѣ, Императрица объявила, что приметъ сама начальство надъ войсками для спасенія Москвы и Имперіи. Всѣ безмолвствовали, исключая Никиты Ивановича Панина, достойнаго брата Графа: онъ съ твердостію представилъ Монархинѣ, что «волненіе презрительной черни не заслуживаетъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ;» вызвался самъ итти противъ Пугачева, и отвѣтствовалъ за брата, что онъ, «при всей дряхлости своей, не откажется спасти отечество, — велить себя нести на носилкахъ, если только Государыня желаетъ ввѣрить ему начальство надъ войска-

ми, не имѣть въ виду другаго полководца, искуснѣе его.» Екатерина одобрила эту мысль, и сказала, что никто, лучше Графа Петра Ивановича, не можетъ помочь Россіи; что она съ прискорбіемъ отпустила его отъ службы, и не отважилась призвать въ настоящемъ дѣлѣ, потому только, что онъ находился въ отставкѣ. Никита Ивановичъ увѣдомилъ его о намѣреніи Императрицы употребить его для пресѣченія внутренняго смутенія. Графъ страдалъ тогда жестокою лихорадкою и летучею во всемъ тѣлѣ подагрою, но отвѣчалъ Государынѣ, что съ радостію готовъ посвятить остальные дни живота своего для ея славы и сохраненія цѣлости ея Имперіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ удостоился получить рескриптъ, которымъ Екатерина, для скорого прекращенія возникшаго бунта, избирала его, «какъ истиннаго патріота, коего усердіе къ особѣ ея, любовь и вѣрность къ отечеству, ревность, отличныя качества, способности и дарованія были испытаны уже ею во многихъ случаяхъ, и поручала ему начальство надъ войсками, высланными противъ Пугачева и надъ губерніями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, уполномочивъ неограниченною довѣренностію къ изысканію и употребленію всякихъ средствъ и мѣръ, необходимыхъ въ возмощаемомъ на него важномъ государственномъ дѣлѣ.» Вступивъ въ права главноуправлявшаго тремя губерніями, Графъ Петръ Ивановичъ немедленно занялся обезпеченіемъ продовольствія народа, по случаю неурожая хлѣба, исходатайствовалъ у Императрицы денежную сумму изъ государственныхъ доходовъ для учрежденія хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, и утвердилъ, до новаго урожая, цѣны ржаной мукъ, крупъ, овсу, сѣну, строжайше запретивъ возвышать ихъ, и приглашая усердныхъ сыновъ Россіи продавать свои избытки ниже опредѣленной платы. Изданнымъ манифестомъ убѣждалъ онъ присоединившихся къ

Пугачеву возвратиться съ повинною, обнадеживалъ ихъ прощениемъ, доказывалъ обманъ самозванца, обещалъ большія награды тѣмъ, кто, изловивъ злодѣя, представить его ближнему воинскому или городовому начальнику, живаго или мертваго; тѣмъ, кто представитъ старшинъ его и главныхъ бунтовщиковъ; тѣмъ, кто доставитъ вѣрное извѣстiе о силѣ и намѣренiяхъ самозванца, — и оканчивалъ воззванiе слѣдующими сильными строками: «По данной мнѣ отъ «Монархини моей полной мочи, власти, силъ и довѣренности, все, объявляемое мною въ семъ манифестѣ во всенародное извѣстiе, непреложно, ненарушимо и свято сохранию и исполню; то есть, пощада, помилованiе и награжденiе отстающимъ отъ него, «окалцнаго, а неизбѣжная, скорая, лютая смерть и «погибель ослушникамъ сего послѣдняго моего увѣщанiя.» Въ другомъ увѣщанiи Графъ Панинъ обещалъ за поимку Пугачева десять тысячъ рублей, кромѣ разныхъ выгодъ, если представившій его не будетъ находится въ подушномъ окладѣ; въ противномъ случаѣ, увольненiе съ потомками навѣчныя времена отъ всякихъ государственныхъ поборовъ, податей и рекрутства, а за привезенiе мертваго тѣла Пугачева пять тысячъ рублей. Бумаги эти, ежедневно читанныя въ церквахъ священниками по окончанiи литургiи, произвели желанное дѣйствiе. Устрашенный именемъ Панина, Пугачевъ, — онъ былъ свидѣтелемъ завоеванiя Бендеръ, — изъ Саратова бѣжалъ къ Царицыну, преслѣдуемый, тѣснимый на всѣхъ пунктахъ. Храбрый Михельсонъ нанесъ ему послѣднiй ударъ во ста десяти верстахъ ниже сего города, и оставленный крестьянами, самозванецъ удалился на Узень: тамъ пять мятежниковъ, внимая воззванiю Панина, связали своего предводителя, и выдали коменданту Лицкаго Городка. Даровавъ въ одинъ мѣсяць спокойствiе и тишину государству, Графъ

Петръ Ивановичъ снова удалился въ свою деревню. Императрица удостоила его весьма милостивымъ рескриптомъ, а въ день торжества мира, постановленнаго съ Портою Оттоманскою, пожаловала ему шпагу и знаки ордена Св. Андрея, украшенные алмазами, и «на поправленіе домашней экономіи» шестьдесятъ тысячъ рублей. Предводители губерній, избавленныхъ отъ Пугачева, вездѣ привѣтствовали его съ изъявленіемъ живѣйшей благодарности, называлъ его «честью, славою и украшеніемъ Россійскаго дворянства, достойнымъ орудіемъ промысла Великой Еккатерины.» Въ Симбирскѣ избранъ онъ въ губернскіе предводители; но отказался отъ этого почетнаго званія. Г. Похвисневъ, сопутствуемый шестидесятью двумя дворянами, изъявилъ ему чувства всего сословія рѣчью, произнесенною изъ глубины сердца. «Животодатель твоихъ собратій!» говорилъ онъ: «среди ихъ, кому иному, кромѣ тебя, приличествуетъ первенство? Чистота души твоей, чуждое всякаго пристрастія сердце, никакими превратностями сльпаго стеченія случаевъ непотрясаемая твердость; примѣрная любовь, усердіе, ревность ко Главѣ и всему составу твоего отечества, всегдашнее отъ самаго отрочества предпочтеніе пользы его тому, что лично до тебя касается, твои побѣды надъ иноплемениками, ихъ непреступные города, разрушенные тобою, законы Царей нашихъ, тобою укрѣпленные въ своей силѣ и дѣйствительности, и напоследокъ, совершившееся нынѣ спасительное отечеству твоему служеніе, за которое не только мы, живущіе во времена твои, но и самыя отдаленнѣйшіе потомки наши никогда не престанутъ быть тебѣ признательными, — вотъ права, священные права твои на предводительство твоими собратіями; вотъ убѣжденія, которыми порывалось дворянство!» Въ отвѣтъ Графъ Панинъ, благодаря дворянство за лестный отзывъ и за оказанное ему со-

дѣйствию, упомянулъ между прочимъ, съ отличавшею его скромностію, что онъ во все время жизни и службы своей исполнялъ только долгъ свой, предписываемый прямою вѣрностію и усердіемъ къ Государыню и отечеству.

Онъ скончался въ Москвѣ 15 Апрѣля 1789 года, на 69 году отъ рожденія. Онъ былъ дважды женатъ, имѣлъ отъ первой супруги семнадцать дѣтей, которыя всѣ скончались при его жизни, и пять отъ второй, изъ которыхъ остались въ живыхъ только двое, — бывшій вице-канцлеръ, Графъ Никита Петровичъ, и Графиня Софья Петровна, вышедшая за И. В. Тутолмина.

Графъ Панинъ первый ввелъ въ Россійскую армію егерей, подъ названіемъ стрѣлковъ, и легко-конную артиллерію; написалъ «Полковничью Инструкцію» и участвовалъ въ составленіи «Межевой.» Онъ, по всей справедливости, долженъ стоять на ряду съ славнымъ Долгорукимъ: въ немъ та же храбрость, правота, пылкость, любовь къ отчизнѣ. Во дворцѣ Панинъ ходилъ безъ маски, былъ прямодушенъ въ Совѣтахъ: вѣщалъ истину Ек а т е р и н ѣ, часто даже осмѣливался спорить съ нею, и любилъ защищать утѣсняемую невинность; гнушался постыднымъ себялюбіемъ, и былъ бояринъ не по одному знатному происхожденію, не по однимъ знакамъ отличій, которыя напротивъ украшалъ онъ собою. Благородный его характеръ проявился еще торжественнѣе во многихъ чертахъ его частной и гражданской жизни, достойныхъ сохраненія на страницахъ Русской Исторіи. Когда скончался фельдмаршалъ Графъ Салтыковъ въ своей подмосковной въ исходѣ 1772 года, мѣстное начальство, зная, что покойный былъ въ опалѣ у Двора, не дѣлало ни какихъ распоряженій для его похоронъ. Панинъ жилъ въ Москвѣ. Желая отдать послѣдній долгъ бывшему началь-

нику, онъ тотчасъ отправился въ Маренно въ генераль-аншефскомъ мундирѣ, въ Андреевской и Георгиевской ментахъ, подошелъ къ браннымъ останкамъ фельдмаршала, наклонилъ передъ ними свою побѣдоносную голову, обнажилъ мечъ, и, ставъ у гроба, произнесъ вслухъ: — «До тѣхъ поръ буду стоять здѣсь на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны». Какой прекрасный предметъ для живописца: покоритель Бендеръ у гроба забытаго побѣдителя при Франкфуртѣ! Мѣстное начальство немедленно выслало нужное число воиновъ для содержанія приличнаго караула. Не имѣя большаго состоянія, Графъ Панинъ отказался отъ седьмой части изъ двухъ тысячъ душъ, слѣдовавшей ему по законамъ, въ пользу родныхъ первой своей супруги; но слѣдующее событіе еще болѣе свидѣтельствуетъ о рѣдкомъ его безкорыстіи. Г. Матюшкинъ, досадуя на дочь, вышедшую безъ его благословенія за Г. Шетнева, предложилъ Графу Петру Ивановичу, своему другу, въ наслѣдство имѣніе, состоявшее изъ трехъ тысячъ душъ. Панинъ сначала отвергнулъ предложеніе; но непреклонность Матюшкина и твердое желаніе, въ случаѣ отказа, укрѣпить вотчины за кѣмъ-нибудь другимъ, минуя ближайшихъ наслѣдниковъ, побудили его изъявить наконецъ согласіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ Г. Матюшкинъ скончался, вслѣдъ за своею дочерью: Панинъ тотчасъ объявилъ себя опекуномъ малолѣтней его внуки, и, когда она достигла совершеннаго возраста, выдалъ ее за Петра Васильевича Лопухина, въ послѣдствіи Свѣтлѣйшаго Князя, и ввелъ ихъ во владѣніе трехъ тысячъ душъ, укрѣпленныхъ за ними законнымъ актомъ. Императрица Екатерина привезла въ Правительствующій Сенатъ «Уставъ о соли», сочиненный ею, и приказала генераль-прокурору, Князю Вяземскому, прочесть вслухъ. По окончаніи чтенія, всѣ Сенаторы встали съ своихъ мѣстъ, поклонились

Государынь, и единогласно осыпали похвалами уставъ, «какъ произведеніе превосходное»: одинъ только Панинъ продолжалъ сидѣть въ креслахъ въ глубокой задумчивости, и, по обыкновенію своему, грызъ ногти. Екатерина спросила его: — «Вѣрно вы не одобряете устава, Графъ?» — Панинъ всталъ съ мѣста, и отвѣчалъ: — «Обязанность моя вѣрноподданническая, точно исполнять велѣнія Вашего Императорскаго Величества.» — «Но я не этого требую отъ васъ, а желаю знать мнѣніе ваше.» — «Въ такомъ случаѣ долгомъ поставлю представить Вашему Императорскому Величеству, въ чемъ именно нахожу я этотъ уставъ неудобисполнимымъ.» Императрица сошла съ трона, и отозвала Графа къ окну, примолвивъ: — «Сядемъ здѣсь: я лучше могу выслушать ваше мнѣніе.» — Тутъ Панинъ началъ объяснять свои мысли на каждую статью, а Императрица въ тоже время записывала его слова карандашомъ. — «Во многомъ одобряю я, сказала она, замѣчанія ваши, Графъ; но по нѣкоторымъ статьямъ еще поспорю съ вами. Для этого приглашаю васъ къ своему столу.» — И, давъ ему руку, Государыня произнесла въ слухъ: — «Сегодня я удостоивърилась, что у меня есть Сенатъ и Сенаторъ.» — Въ другое время, Графъ Петръ Ивановичъ, увлекаемый правотою своею, сказалъ К. В***: «Ты не око, а бѣльмо Государыни, препятствующее ей видѣть истину!»

Таковъ былъ во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ Панинъ, которымъ должна гордиться Россія.

ВАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ.

Ч А Х О Т К А

и

НОВЫЙ СПОСОБЪ ЕЯ ЛЕЧЕНІЯ.

=

Да не ужасаетъ это госпитальное заглавіе никого изъ нашихъ читателей : отъ него ни одинъ изъ нихъ не получитъ сухаго кашлю, и статья, которой служить оно фасадомъ, не назначена нами ни для скуки любителей чтенія, ни для наслажденія докторовъ. Простымъ, яснымъ, понятнымъ всей Руси слогомъ, изображаетъ она чудесное устройство нашей груди и дѣйствія въ ней болѣзни, гораздо важнѣе и опустошительнѣе самой холеры, хотя, по навыку къ ея ужасамъ, мы ея почти не боимся, почти не обращаемъ на нее вниманія; болѣзни, которая въ одной Англіи истребляетъ каждый годъ до шестидесяти тысячъ челоувѣкъ, а въ Россіи до ста тысячъ; болѣзни, которая поминутно похищаетъ изъ среды семействъ лучшія ихъ украшенія, и не только не щадитъ ни пола, ни возраста, ни состоянія, но, какъ-бы умышленно, избирая жертвы свои то въ цвѣтъ, то въ зрѣлости лѣтъ, нерѣдко изъ всего числа ихъ поражаетъ драгоцѣннѣйшія. Она ведетъ ихъ на закланіе убранныхъ свѣжими прелестями, волшебною живостію красокъ и восковою прозрачностію тѣла. Она какъ-будто старается усугублять горестъ сиротѣющихъ друзей. Она усыпаетъ цвѣтами мрачный путь, ведущій къ безвременной могилѣ. Эта болѣзнь есть чахотка.

По мнѣнію Сейденгама, жертвою ея бываетъ пятая а по новѣйшимъ писателямъ, четвертая часть умирающихъ. Лондонскія статистическія таблицы за послѣдніе

четыре года, показываютъ среднимъ числомъ на 15,000 умершихъ, 4,500 человекъ, скончавшихся отъ чахотки, что составляетъ почти $\frac{1}{3}$ всей годичной смертности. По официальной вѣдомости народонаселенія въ С.-Петербургѣ въ 1832 году изъ числа 7,058 смертныхъ случаевъ, извѣстныхъ медицинскому начальству, 1106 было причинено этой болѣзнію, которой слѣдственно должно приписать у насъ цѣлую шестую часть всей массы погребеній.

Излишне было бы стараться усиливать дальнѣйшими вычисленіями занимательность предмета, безъ того уже заслуживающаго полное вниманіе наблюдателя и друга человѣчества. Среди грустныхъ впечатлѣній, которыми онъ надѣляется, всякое врачество, обещающее устранить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить зло, столь опасное, не можетъ не возбуждать въ насъ живѣйшаго участія. Два новыя сочиненія о чахоткѣ, одно профессора Карсвелля, другое доктора Скудамора, вышедшія въ началѣ сего года въ Англіи *, и о которыхъ мы уже извѣстили въ предъидущихъ книжкахъ Б. для Ч., послужатъ намъ основою и поводомъ къ разсужденію и о существѣ болѣзни, и о методѣ, примѣненной вторымъ изъ этихъ Ученыхъ къ ея врачеванію. Слава уже провозглашаетъ успѣхи его методы. Съ нашей стороны, подавать тотчасъ объ ней лестныя надежды, значило бъ въ случаѣ ихъ неисполненія, только увеличивать бремя скорби. Прежде, нежели скажемъ, какой пользы должно ожидать для страждущаго человѣчества отъ рациональнаго способа леченія, употребляе-

* *Pathological Anatomy, Illustrations of tubercle.* By Robert Carswell, professor of Morbid Anatomy in the University of London. 1831—*On the inhalation of Iodine and Conium in tubercular phthisis, considerably enlarged and altered.* By Sir Charles Scudamore, M. D. 1831.

маго Г. Скудаморомъ, слѣдуетъ изложить основанія, на которыхъ опираются наши выводы. Начнемъ съ краткаго описанія дыхательныхъ органовъ: устройство этихъ дивныхъ гирь нашей органической жизни конечно будетъ любопытно для многихъ, изъ нашихъ читателей. Опустошенія, производимыя въ нихъ чихоткою, ея сѣмена, фазы и дѣйствіе ихъ на все животное зданіе, составляютъ предметъ другой картины.

Перепопчатая перегородка, простирающаяся отъ грудной кости до спиннаго хребта, раздѣляетъ грудь на двѣ части. Въ одной изъ нихъ находится правое легкое, раздѣляющееся на три доли, а въ другой лѣвое, имѣющее только двѣ доли: мѣсто третьей занято сердцемъ. Воздухъ проходитъ въ легкія посредствомъ дыхательнаго горла, состоящаго изъ всегда открытой, колѣнчатой, круглой трубки, которая простирается вдоль передней части шеи. Эта трубка, въ нижней ея части, дѣлится на двѣ главныя вѣтви. Правая вѣтвь опять раздѣляется на три, а лѣвая на двѣ меньшія вѣточки, соотвѣтственно числусамыхъ долей легкихъ. Углубляясь въ эти доли, вѣточки дыхательнаго горла продолжаютъ въ нихъ подраздѣляться на многочисленныя трубки. Достигнувъ чрезвычайной тонкости, трубки эти оканчиваются очень мелкими круглыми пузырьками, или мышечками, сдѣланными изъ плевы, столь нѣжной, что воздухъ свободно дѣйствуетъ сквозь нее на кровь, безпрестанно совершающую подъ ними теченіе свое отъ правой стороны сердца; эти пузырьки привѣшены пучечками къ каждой общей, или главной трубкѣ, и каждый изъ нихъ соединенъ съ нею отдѣльными тончайшими трубочками, такъ, что если, посредствомъ главной трубки, наполнишь всѣ эти трубочки и пузырьки растопленнымъ воскомъ, они въ разрѣзѣ представятъ фигуру,

довольно схожую съ разсѣченнымъ кочнемъ цвѣтной капусты. Нѣкоторые физиологи прошедшаго столѣтія покушались привести въ извѣстность число этихъ воздухоносныхъ пузырьковъ. Знаменитый математикъ Кель насчиталъ ихъ до 1,744,000,000 въ каждомъ легкомъ, между тѣмъ, какъ Нѣмецкій анатомъ Либеркюнъ, вѣроятно съ равною же точностію, нашель, что поверхность ихъ равна 1,500 квадратнымъ футамъ. Мы сказали, что пузырьки не имѣють непосредственнаго сообщенія между собою, и всѣ посредствомъ весьма тонкихъ трубочекъ примыкають къ одной какой-нибудь общей трубкѣ: по этому, засореніе одной изъ главныхъ трубокъ должно естественно препятствовать воздуху наполнять многія тысячи пузырьковъ, то есть, значительную часть легкаго. Пузырьки эти облечены отвсюду клѣтчатою плевою, которая наполняетъ все находящееся между ними пустое пространство, связуетъ ихъ между собою, и даетъ легкому наружный видъ его. Въ здоровомъ состояніи, воздухъ не входитъ въ эту плеву; но если пузырьки, отъ излишняго напряженія, жестокой раны или какой другой причины, будутъ разорваны, воздухъ проникаетъ въ нее и скопляясь, производитъ давленіе на ближайшую часть легкаго: отъ-этого, пузырьки и трубочки запираются и не могутъ болѣе участвовать въ процессѣ дыханія. Разстройство это бываетъ иногда слѣдствіемъ или сильнаго движенія всѣхъ мускуловъ, сопряженнаго съ продолжительнымъ удерживаніемъ дыханія, или игры на духовомъ инструментѣ, напримѣръ на трубѣ, гдѣ равнымъ образомъ приходится удерживать въ себѣ часть воздуха. Не только люди, но и нѣкоторыя животныя, напримѣръ загнанныя лошади, подвергаются подобному поврежденію.

Такъ, легкія суть не что иное, какъ двѣ главныя массы, составленныя изъ воздухоносныхъ трубочекъ

и пузырьковъ и связывающей ихъ клѣтчатой плевы, проникнутыя всюду многочисленными, маленькими кровеносными сосудами, снабженныя нервами, помощію которыхъ отправленія ихъ совершаются и всякое происшедшее въ нихъ разстройство сообщается нашимъ чувствамъ; массы облеченныя, каждая, особеннымъ перепончатымъ покровомъ, и имѣющія видъ и величину, въ точности соответствующія виду и величинѣ грудной полости, которую онѣ, совокупно съ сердцемъ, совершенно собою наполняютъ. Цѣль всего этого внутренняго устройства заключается въ приведеніи крови въ соприкосновеніе съ воздухомъ; потому что, по совершеніи каждаго кругообращенія въ тѣлѣ, она непременно должна быть возобновляема соприкосновеніемъ съ воздухомъ: тогда черная кровь, возвращающаяся къ сердцу, дѣлается вновь красною и способною къ питанію тѣла. Соприкосновеніе это производится, какъ мы уже сказали, посредствомъ воздухоносныхъ трубочекъ и пузырьковъ, сквозь весьма тонкую плеву послѣднихъ, которая какъ-бы процеживаетъ воздухъ. Что она не удерживаетъ его дѣйствія, это, по нашему мнѣнію, не подлежитъ спору: извѣстно, что черная кровь, налитая въ какой-нибудь пузырь, дѣлается въ непродолжительномъ времени на поверхности красною — и это доказываетъ, что воздухъ на нее дѣйствуетъ такъ же, какъ бы пузырь вовсе не было. Сверхъ-того, дѣйствіе воздуха значительно усиливается въ легкихъ смачиваніемъ воздухоносныхъ пузырьковъ нѣкоторою, отдѣляющеюся отъ крови, густою, вязкою влагою, которую называютъ слизью, *mucus*. Въ здоровомъ состояніи тѣла, слизь отдѣляется въ количествѣ, потребномъ какъ для этой цѣли, такъ и для вознагражденія траты, причиняемой испареніемъ, потому что, при каждомъ выдыханіи воздуха изъ легкихъ, часть этой влаги испаряется. Напротивъ, когда оболочка дыхательнаго

горла и вообще воздухоносныхъ трубочекъ, помощію которой совершается отдѣленіе слизи отъ крови, бываетъ воспалена вдыханіемъ ѣдкихъ испареній, внезапнымъ измѣненіемъ температуры воздуха, входящаго въ легкія, или другою какою причиною, тогда отдѣленіе слизи, вслѣдствіе усиленнаго прилива крови, увеличивается, и ея излишекъ, не будучи испаряемъ посредствомъ дыханія, образуетъ плотные комочки, скопляющіеся въ воздухоносныхъ трубочкахъ. Такимъ образомъ происходитъ *заваль* той части легкаго, которая прежде снабжалась воздухомъ посредствомъ запертой впоследствіи трубки. Разстройство это ощущаетъ человекъ находящимися здѣсь нервами, и онъ старается кашлемъ, то есть, внезапнымъ, сильнымъ сжиманіемъ грудныхъ мышцъ, освободиться отъ безпокоящей его мокроты. Вотъ простое и ясное объясненіе причинъ болѣзни, столь извѣстной подъ именемъ грудной простуды, или кашля.

Въ здоровомъ состояніи тѣла, кровь, какъ мы изъяснили, содержитъ въ себѣ соки, изъ которыхъ составляется слизь; но вслѣдствіе извѣстнаго разстройства, о причинахъ котораго скажемъ мы послѣ, въ ней образуются соки совершенно другихъ свойствъ, и изъ нихъ-то, вмѣсто полезной для тѣла слизи, отдѣляется матерія, называемая *туберкульною*, *materia tuberculosa*, то есть, такая отъ которой происходятъ въ легкихъ *tubercula*, затвердѣлости, узлы. Постепенно скопляясь въ легкихъ, она дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе непроницаемыми для воздуха; производитъ въ нихъ раздраженіе, воспаленіе, и то всеобщее разстройство организма, которое именуемъ мы *чахоткою*. Сверхъ-того, матерія эта образуетъ массы, размягчающія и разрушающія близлежащія части легкихъ; проѣдаетъ кровеносныя сосуды, причиняя черезъ то кровохарканіе, проникаетъ въ воздухоносныя трубки, производитъ

въ нихъ широкія, гнойныя полости, и, совокупностию всѣхъ этихъ припадковъ, истомляющихъ страждущаго, составляетъ губительную болѣзнь, известную подъ именемъ чахотки съ отвердѣніемъ, или узловатой чахотки *phthisis tuberculosa*; впрочемъ туберкуляная матерія не исключительно находится въ воздухоносныхъ сосудахъ, но столь же часто попадаетъ въ самомъ зданіи легкихъ, и даже въ облекающей ихъ плевь, то есть, въ частяхъ, лишенныхъ непосредственнаго сообщенія съ горломъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ очевидно, что, при всемъ раздраженіи легкихъ, страждущій не можетъ посредствомъ кашля освободиться отъ беспокоящей его мокроты; и вотъ причина сухаго, частаго, мучительнаго кашля, столь обыкновеннаго въ началѣ чахотки. При образованіи своемъ, туберкуляная матерія имѣетъ видъ небольшихъ круглыхъ комочковъ желтоватаго или зеленоватаго, полупрозрачнаго, неорганическаго вещества различной плотности, смотря по степени давленія, производимаго на него окружающими частями: въ легкихъ оно большею частию походитъ на сырѣ. Обстоятельство это бываетъ впрочемъ подвержено многимъ измѣненіямъ, зависящимъ отъ разныхъ причинъ.

«Нельзя опредѣлить, говоритъ докторъ Карсвелль, въ продолженіе какого времени туберкуляная матерія достигаетъ большей своей плотности. Она часто находится въ воздухоносныхъ трубочкахъ и пузырькахъ, въ желчныхъ сосудахъ и въ ихъ растянутыхъ оконечностяхъ, въ брюшной полости, въ фалопіевыхъ трубахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ внутренностяхъ, и въ первоначальномъ своемъ состояніи имѣетъ сходство, по цвѣту и плотности, съ сыромъ, смѣшаннымъ съ водою. Но если встрѣтитъ прочную преграду, способствующую ея накопленію, какъ напримѣръ въ лимфатическихъ желѣзахъ, или иногда и въ воздухо-

носныхъ пузырькахъ цѣлой доли легкихъ, тогда она дѣлается твердою какъ печень или какъ поджелудочная железа. Впрочемъ высочайшая ея плотность зависитъ не только отъ пособія этой преграды, но и отъ утраты ею самою водянистыхъ частей, совершающейся вскорѣ по ея образованіи. Такъ, въ самомъ уже началѣ туберкулезная матерія можетъ быть и очень мягкою, и очень твердою. Въ первомъ случаѣ, она слизиста и при треніи пальцами нѣсколько зерниста, а въ послѣднемъ какъ-бы мучниста: съ виду всегда она блѣдножелтаго цвѣта и не прозрачна.»

Этотъ выпискою хотѣли мы только затвердить въ читательское понятіе, которое могъ онъ и самъ собою вывести изъ предъидущаго, что туберкулы, или узлы, не ограничиваются одними легкими, и должны также происходить въ другихъ частяхъ тѣла: какъ туберкулезная матерія содержится въ крови, то для образованія узловъ, или затвердѣлостей достаточно, чтобъ матерія эта отъ нея отдѣлялась, а отдѣленіе можетъ производиться не одною слизистою поверхностію легкихъ, но и многими другими органами, и узлы возникнутъ въ мозгѣ, почкахъ, печени, селезенкѣ, желудкѣ, кишкахъ, кльѣтчатой плевѣ, и т. д. Но здѣсь мы исключительно занимаемся образованіемъ ихъ на поверхности и внутри легкихъ.

При вскрытіи трупа человѣка, умершаго въ самомъ началѣ чахотки, обыкновенно находятъ часть одного или обоихъ легкихъ, а иногда и цѣлыя легкія болѣе или менѣе усыянные затвердѣлостями, которыя отъ своего объема или отъ своей многочисленности называются *просяными туберкулами*, *tubercula miliaria*. Если вскрытіе произведено въ позднѣйшемъ періодѣ болѣзни, то вы замѣтите, что эти туберкулы, прежде походившіе на зерна проса, значительно увеличи-

лись; что нѣкоторыя изъ нихъ, скопясь въ комочки величиною съ миндалину, съ грецкѣй орѣхъ или даже съ куриное яйцо, заняли извѣстную часть легкихъ. Естественно, что начиная съ перваго засоренія одной или нѣсколькихъ воздухоносныхъ трубокъ, по мѣрѣ усугубленія разстройства въ легкихъ, и соотвѣтствующіе ему признаки обнаруживаются явнѣе во всей организаціи страждущаго. Во-первыхъ, онъ начинаетъ жаловаться на нѣкоторое стѣсненіе въ груди, и оно возрастаетъ при всякомъ усиленномъ ея движеніи, не позволяя дышать свободно. Потомъ слѣдуетъ сильный, отрывистый кашель, обыкновенно появляющійся зимою, а на лѣтнее время иногда совершенно прекращающійся. Неосторожное подверженіе себя холодной и сырой атмосферѣ чрезвычайно ускоряетъ ходъ болѣзни. Излишній приливъ крови къ легкимъ причиняетъ излишнее отдѣленіе слизи, а съ тѣмъ вмѣстѣ возникаютъ и затвердѣлости. Последнія, производя давленіе на нѣкоторые малые кровеносные сосуды, препятствуютъ движенію въ нихъ крови, которая, разливаясь по легкимъ, извергается вмѣстѣ съ харкотою, состоявшею въ началѣ изъ одной слизи: самыя затвердѣлости не могутъ быть съ нею извергаемы, потому, что они находятся или въ крайнихъ воздухоносныхъ пузырькахъ или въ самомъ зданіи легкихъ, и воздухъ, выталкиваемый кашлемъ, не захватываетъ и не увлекаетъ ихъ съ собою. Вся организація, утомленная усиліями страждущаго, освободиться отъ тягостной для него мокроты, принимаетъ участіе въ болѣзненности одного мѣста. Пульсъ ускоряется до того, что совершаетъ отъ 90 до 100 бѣній въ минуту. Раздражительность увеличивается, и какъ при всякомъ вдыханіи менѣе воздуха входитъ въ легкія, то оно становится чаще, такъ, что человекъ, совершавшій въ здоровомъ быту пятнадцать или двадцать вдыханій въ минуту, принужденъ бываетъ дѣ-

дать ихъ отъ двадцати-пяти до тридцати; щеки покрываются необыкновеннымъ румянцемъ, въ ладоняхъ и подошвахъ ощущается летучій и безпокоящій жаръ. Поврежденіе одного мѣста предпочтительно обращаетъ на себя дѣятельность цѣлаго организма, и всѣ отправления приходятъ отъ того въ большую или меньшую неправильность. Апетитъ уменьшается, и тѣло, не получая потребнаго количества питательныхъ соковъ, начинаетъ тощать. Кожа отъ недостатка крови холодѣетъ, сохнетъ, стягивается; временемъ однако жъ ощущаете вы преходящій жаръ изнурительной лихорадки, за которымъ слѣдуетъ на кожѣ легкій, но холодный и клейкій потъ. Утвержденные въ ней корни волосъ раздѣляютъ несчастную участь своей почвы: питательные соки доходятъ къ нимъ въ меньшемъ количествѣ, связь ихъ съ организмомъ пресѣкается, волосы наконецъ умираютъ, и выпадаютъ. Мягкость въ оконечностяхъ пальцевъ поглощается безъ вознагражденія, и ногти, не находя въ нихъ болѣе опоры — погибаютъ. При каждомъ усиліи больнаго вдохнуть въ себя большее количество воздуха онъ чувствуетъ стѣсненіе и боль, въ то самое время, когда воздухъ, наполнивъ всѣ здоровыя части легкихъ, начинаетъ давить на тѣ, въ которыхъ скопилась туберкульная матерія. Отъ этого постояннаго угнетенія груди, она постепенно суживается, плечи дѣлаются какъ-бы острыми и выдаются впередъ; лопатки, какъ крылья, торчатъ сзади. По мѣрѣ отощанія тѣла, слабость умножается, и всморъ страждущій дѣлается неспособнымъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ и даже къ движенію.

Продолжительность такого состоянія много зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, и въ этомъ-то періодѣ чахотки, перемѣна воздуха и нѣкоторыя другія

врачебныя средства могутъ, если не совершенно уничтожить, по крайней мѣрѣ замедлить ходъ ея. Впрочемъ, рано или поздно, положеніе страждущаго измѣняется чувствительнымъ образомъ. Затвердѣлости, нарощія въ разныхъ частяхъ легкихъ, размягчаются. По общему мнѣнію, это начинается отъ центра, а по наблюденіямъ доктора Карсвелля, который весьма остроумнымъ образомъ объяснилъ причину, вовлекшую многихъ весьма внимательныхъ наблюдателей въ столь странное заблужденіе, отъ поверхности затвердѣлостей. Расплавляясь, онѣ проникаютъ въ ближайшія воздухоносныя трубочки, и тогда съ кашлемъ соединяется обильное изверженіе гнойной желтой матеріи. На мѣсть, до того занимаемомъ затвердѣлостями, образуется полость, въ которую воздухъ уже беспрепятственно проникаетъ, и, раздражая дѣйствіемъ своимъ обнаженные и изъязвленные ея стѣнки, причиняетъ новыя воспаленія, новыя приливы крови и новыя скопленія затвердѣлостей. Кашель увеличивается, и припадки его бываютъ особенно сильны, когда больной ложится или встаетъ. Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что при всякой перемѣнѣ положенія тѣла и положеніе гнойной матеріи измѣняется, и черезъ то новыя части внутренностей подвергаются раздраженію. Въ случаѣ зараженія только одного изъ легкихъ, больной предпочтительно ложится на тотъ бокъ, въ которомъ оно находится, чтобъ здоровое легкое, не стѣсняясь тяжестью тѣла, могло дышать свободно. Но происходящее отъ того облегченіе не значительно и кратковременно; новыя скопленія затвердѣлостей проникаютъ воздухоносныя трубки; раздраженіе усугубляется; во время сна, на головѣ и на груди выступаетъ сильная испарина; чихотка обнаруживается самыми ясными признаками; тѣло худѣетъ и ослабѣваетъ до чрезвычайности; слизистая плева, обле-

кающая внутри воздухоносные сосуды, толстѣетъ и покрывается гнойными ранами и затвердѣlostями, и кашель дѣлается тогда нестерпимымъ!

Наконецъ, силы желудка упадаютъ, и принятая пища нерѣдко извергается горломъ послѣ сильнаго припадка кашля. Кишки также приходятъ въ расстройство: во внутренней ихъ перепонкѣ обнаруживаются признаки раздраженія и даже изъязвленія. Діаррея перемежается съ усиленнымъ отдѣленіемъ пота, или его сопровождаетъ. Глаза получаютъ какую-то жемчужную бѣлизну; взглядъ дѣлается дикимъ; мозгъ, орошаемый испорченною, отъ недостатка воздуха, кровью, расстроивается; поврежденіе умственныхъ способностей, обнаруживающееся иногда въ началѣ болѣзни, иногда въ концѣ, часто превращается въ совершенное безуміе. Разсудокъ помрачается, и бѣдный страдалецъ, не примѣчая опасности своего положенія, ежечасно ожидаетъ совершеннаго возстановленія здоровья, и нисходитъ въ могилу въ то самое время, какъ составлялъ планы долгой и счастливой жизни.

Не въ одномъ человѣческомъ тѣлѣ находятся затвердѣлости. Большая часть обезьянъ содержащихся въ звѣринцахъ, умираетъ этою ужасною болѣзнію, и по вскрытіи ихъ труповъ часто находятъ легкія, печень, селезенку и нѣкоторыя другія внутренности исполненными затвердѣlostей. Г. Ройе-Колларъ нашелъ ихъ множество въ легкихъ льва, содержавшагося въ Парижскомъ Ботаническомъ Саду. По наблюденіямъ Г. Дюпюи, онѣ случаются нерѣдко въ лошадяхъ, и еще чаще во внутренностяхъ свиней. Быки подвержены тоже затвердѣlostямъ, и Г. Андраль говоритъ, что однажды получилъ онъ отъ Г. Лари кусокъ мяса, въ которомъ находилась полость, содержащая тубер-

культурную массу величиною съ крупную вишню. Многочисленные опыты, произведенные надъ кроликами, доказываютъ, что можно, нѣкоторыми искусственными способами, образовать затвердѣлости даже въ самыхъ здоровыхъ изъ нихъ. Докторъ Тоунсендъ въ недавнемъ времени занимался изслѣдованіемъ того же предмета, и должно надѣяться, что труды его принесутъ существенную пользу Медицинѣ.

Овцамъ также свойственны чахотные узлы, отъ которыхъ умираетъ также множество попугаевъ, привозимыхъ въ Европу; а въ Альфортскомъ музеумѣ хранится печень индѣйки, покрытая этого рода затвердѣlostями.

Приведенные примѣры животныхъ удобно объясняютъ причины, способствующія образованію узловъ въ человѣкѣ. Животныя, страдавшія этою болѣзнію, подвергались ей отъ того, что или изъ знойнаго климата были неревозимы въ холодный, и лишаемы свободы и движенія, какъ обезьяны и попугаи; или содержались въ мѣстахъ сырыхъ, душныхъ и мрачныхъ, какъ часто случается съ рогатымъ скотомъ, свиньями и кроликами; или, наконецъ, претерпѣвали внезапные и частые переходы отъ жаркой температуры къ холодной, и принуждены были дѣлать чрезмѣрные тѣлесныя напряженія, какъ напримѣръ лошади.

Достойно примѣчанія, что не было еще примѣра, чтобъ собака, болѣе прочихъ животныхъ подверженная произволу человѣка и принужденному образу его жизни, страдала чахоткою. Движеніе, свѣжій воздухъ и солнечный свѣтъ, которыми она безпрепятственно можетъ пользоваться, безъ-сомнѣнія тому причиною. Прочія домашнія животныя находятся въ большемъ

или въ меньшемъ стѣсненіи, въ заперти, въ неволѣ, и отъ этого кровь ихъ портится скорѣе, и дѣлается способною къ образованію затвердлостей.

Но человекъ страдаетъ не отъ однихъ только тѣхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на животныхъ: кромѣ переменъ климата и температуры, кромѣ сырости, вредной пищи, излишняго и недостаточнаго движенія и т. п., онъ терпитъ еще отъ разныхъ другихъ причинъ, свойственныхъ собственно ему и образу его жизни. Онъ живетъ въ многочисленныхъ городахъ, въ жилищахъ тѣсныхъ, низкихъ и душныхъ; онъ дышитъ атмосферою, наполненною вредными испареніями, дымомъ, пылью и разными посторонними частицами; онъ посѣщаетъ многочисленныя собранія, гдѣ воздухъ отъ столпившагося народа бываетъ раскаленъ и вредоносенъ; онъ переноситъ трудности военной жизни; онъ напрягаетъ свои дыхательные органы свыше ихъ силы; утомленный, облитый сильнымъ потомъ, онъ часто подвергается дѣйствию пронзительнаго вѣтра, дождя, снѣга, или увлекаемый внутреннею бурею страстей, презираетъ ярость стихій, извнѣ его воющихъ, или, погруженный въ умственные соображенія, небрежетъ о вещественномъ орудіи своего духа. Духъ торжествуетъ, но плоть гибнетъ!

Упражненіе въ нѣкоторыхъ ремеслахъ и Искусствахъ часто бываетъ причиною чахотки. Особенно вредны тѣ занятія, при которыхъ ремесленникъ принужденъ вдыхать въ себя тонкую пыль, отдѣляющуюся отъ обрабатываемыхъ матеріаловъ: пыль эта, ложась на весьма чувствительную плеву воздухоносныхъ сосудовъ, производитъ въ ней непрестанное раздраженіе. Хлѣбники, фабриканты, приготовляющіе пудру, пуховыя издѣлія и т. п., бываютъ, большею частию, люди слабые, блѣдные, имѣющіе тѣло мягкое и одут-

лое, склонные къ короткому, мучительному кашлю; частицы, поднимающіяся на воздухъ при пиленіи камней, будучи чрезвычайно остры и раздражая внутренности гораздо сильнѣе, обнаруживаютъ дѣйствіе свое нагноеніемъ плевры, разъѣденіемъ маленькихъ сосудовъ, и причиняютъ кровохарканіе. Известно, что обтачиваніе иглъ — ремесло самое пагубное для здоровья: чтобъ уменьшить его вредность, изобрѣли въ Англии магнитныя пластинки, которыя прикладываются ко рту, и привлекаютъ къ себѣ всѣ металлическія частицы, садящіяся безъ того прямо на легкія. Тамашніе мастеровые не хотятъ однако жъ пользоваться этимъ благодѣтельнымъ средствомъ, боясь, чтобъ съ уменьшеніемъ опасности ихъ искусства, не увеличилось число работниковъ, и прибыль отъ него не уменьшилась. Занятія, сопряженныя съ наклоненіемъ и стѣсненіемъ груди, препятствуя свободному дыханію, должны быть также отнесены къ причинамъ чахотки, и Г. Меріе особенно предостерегаетъ дамъ отъ излишняго вязанія чулокъ. Впрочемъ, что касается до прекраснаго пола, то здѣсь обильнѣйшею причиною чахотки бываютъ слишкомъ легкіе, слишкомъ открытые костюмы, обнажающіе половину тѣла, и, по какому-то странному противорѣчію, называемыя *полнымъ нарядомъ*: красавицы наши, посѣщая вечернія собранія и балы, утомленныя, раскаленные огнемъ забавы, раздутыя жарою, производимою стеченіемъ людей и свѣчами, нерѣдко съ величайшею неосторожностію подвергаютъ себя дѣйствию холоднаго ночнаго вѣтра, и тутъ же получаютъ въ груди зародышъ губительной болѣзни.

Есть еще множество и другихъ причинъ, производящихъ узловатую чахотку, но предѣлы статьи, не дозволяютъ намъ говорить объ нихъ подробно, и удалить, уничтожить ихъ, зависитъ болѣе отъ искусства

врача , чѣмъ отъ личной предосторожности всякаго. Замѣтимъ только, что частые примѣры, подтвержденные свидѣтельствомъ знаменитѣйшихъ медиковъ , заставляють включить въ число этихъ причинъ также близкое обхожденіе съ страждущими чахоткою. Зараза эта сообщается преимущественно отъ одного члена семейства другому : впрочемъ подобные случаи большею частію имѣють мѣсто тогда только, когда спишь въ одной постели съ больнымъ. Докторъ Ломбаръ опровергаетъ мнѣніе о заразительности чахотки, опираясь на то, что ухаживающіе за чахоточными въ Парижскихъ, Стразбургскихъ и Женевскихъ больницахъ, рѣже умирають ею, чѣмъ люди другихъ сословій, но это отнюдь еще не уничтожаетъ предположенія нашего относительно степени близости къ больному, опасной для здороваго. Г. Люисъ , въ небольшомъ разсужденіи о несправедливости всеобщаго вѣрованія въ наследственность чахотки , упоминаетъ однако жъ объ одномъ случаѣ, въ которомъ нѣкто заразился чахоткою единственно отъ того, что во время довольно продолжительнаго пути сидѣлъ въ одной каретѣ съ человѣкомъ , который страдалъ открытымъ нагноеніемъ легкаго.

Можно бы сказать еще многое какъ о причинахъ, производящихъ чахотку, такъ и о вліяніи на нее климата, времянь года, діеты, и прочая; можно бы также присоединить къ тому замѣчаніе, какъ сильно усугубляется опасность утратою нравственныхъ силъ больного или придачею другихъ болѣзней. Мы не остановимся даже на важныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ Врачебною Наукою въ искусствѣ распознавать болѣзненность легкихъ посредствомъ ударенія въ грудь, введеннаго Ауэнбруггеромъ , ни на употребленіи стетоскопа, изобрѣтеніемъ котораго мы одолжены Леннеку, и обратимся прямо къ способамъ леченія и къ относительной ихъ надежности.

Если болѣзнь будетъ захвачена въ своемъ началѣ, когда узлы не успѣли еще вырости, размягчиться и налить своею матеріею воздухоносные сосуды, то можно твердо надѣяться, что, при правильномъ и осторожномъ образѣ жизни, при тщательномъ удаленіи всѣхъ раздражающихъ причинъ, при выборѣ климата теплаго и пріятнаго, и при не многихъ, но полезныхъ врачебныхъ средствахъ, въ болѣе части случаевъ ходъ болѣзни значительно замедлится, а иногда здоровье будетъ и вполне возстановлено. Напротивъ, совсѣмъ иныхъ послѣдствій должно ожидать, когда дѣло дойдетъ до того, что затвердѣлости начнутъ приходить въ нагноеніе и станутъ заваливать воздухоносные сосуды. Тогда трудность излеченія состоитъ въ томъ, что нарывъ, образовавшійся на легкомъ, содержится въ постоянномъ раздраженіи отъ непрерывнаго движенія дыхательнаго органа, котораго нельзя ни остановить въ его дѣйстви, ни подвергнуть ни какому ограниченію. Невозможность эта лишаетъ искуснѣйшихъ врачей всякой надежды на спасеніе страждущаго, и заставляетъ помышлять о томъ только, какъ-бы облегчить хотя нѣсколько его мученія.

При всемъ томъ существуетъ одинъ способъ, оказывающій иногда пользу даже въ такомъ случаѣ, когда на мѣстѣ извергнутой затвердѣлости, образовалась уже пустота легкихъ. Онъ состоитъ въ добровольномъ сращеніи раны, которая, затягиваясь, мало-по-малу совершенно исчезаетъ, и на мѣстѣ ея остается только рубецъ. Способъ этотъ замѣченъ былъ въ одномъ случаѣ Г. Леннекомъ: впрочемъ, всю его успѣшность приписываетъ онъ одной силѣ Природы, и полагаетъ, что нѣтъ искусства, которое бы могло его произвести или ускорить. Онъ присовокупляетъ, что этотъ способъ былъ бы единственный путь, которымъ бы можно излечать чахотку съ отвердѣніемъ.

Докторъ Андраль упоминаетъ однако жъ о другомъ подобномъ способѣ, состоящемъ во всасываніи затвердѣлостей, и возможность его выводить онъ изъ наблюденія нѣкоторыхъ отвердѣлыхъ массъ, или узловъ, особеннаго вида, какъ-бы пустыхъ въ срединѣ.

Докторъ Карсвелль разсуждаетъ объ этомъ предметѣ съ болѣею опредѣлительностію. Онъ объясняетъ постепенность всего процесса, и говоритъ, что по отдѣленіи отъ затвердѣлостей всей влажности, остаются однѣ только соляныя частицы, которыя, по своей ѣдкости расплавляя воздухоносные сосуды, проникаютъ въ нихъ и извергаются оттуда въ видѣ известковаго, песчанистаго вещества столь часто находящагося въ мокротѣ чахоточныхъ, особенно у стариковъ. Онъ также упоминаетъ, что, по примѣру Дженнера и Баррона, производилъ искусственныя затвердѣлости въ легкихъ кролика, и что въ послѣдствіи, затвердѣлости эти совершенно были уничтожаемы помощію всасыванія и изверженія.

Въ достиженіи этой цѣли путемъ, указываемымъ самою Природою, состоитъ метода леченія, предлагаемая нынѣ Сиръ Чарльзомъ Скудаморомъ. Онъ велитъ больному вдыхать паръ воды, вскипяченной съ іодомъ и съ тинктурою цикуты, и внутрь даетъ ему нѣкоторыя, болѣею частію легкія, укрѣпляющія и разрѣшающія лекарства. Врачеваніе это есть совершенно рациональное: вдыханіе горячихъ паровъ сходствуетъ съ извѣстною методою, опирающеюся на обращеніе врачевства противу самаго корня болѣзни. Метода его имѣла множество послѣдователей, приводившихъ ее въ дѣйствіе посредствомъ различныхъ паровъ и газовъ. Докторъ Масканьи рѣшительно говоритъ, что если когда-нибудь откроютъ дѣйствительное средство противъ чахотки, оно непременно будетъ одно изъ

тѣхъ, которыми дѣйствуютъ на легкія посредствомъ вдыханія паровъ. Сырой и стѣнный воздухъ Везувія еще во дни Галена почитался хорошимъ врачевствомъ, и, какъ говорятъ, былъ употребляемъ съ большимъ успѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ равную пользу оказывалъ простой воздухъ, сухой и чистый. Редъ и Беддоисъ весьма удачно употребляли атмосферу коровьяго хлѣва; Руссель, — воздухъ приморскихъ странъ; Фуркруа, — кислородъ; Виттерлингъ, Персеваль и Мюри угольную кислоту. Бальви совѣтовалъ вдыхать испаренія, освобождающіяся изъ недавно вскопанной земли, а Леннекъ считаетъ полезнымъ усыпать комнату больнаго морскими травами, sea weeds. Одинъ медикъ утверждаетъ, что работающіе въ каменно-угольныхъ ломняхъ никогда не страдаютъ чахоткою; другой говоритъ то же о приготовляющихъ стѣнную кислоту. По мнѣнію Мида, ладонъ и стираксвая смола суть превосходныя средства противъ чахотки. Сиръ Александръ Крейтонъ приписываетъ тѣ же свойства деготнымъ парамъ. Г. Депортъ выхваляетъ синильную кислоту, Г. Ганналь предписываетъ хлоръ. Наконецъ леченіе *iodomъ*, бывшее впрочемъ въ употребленіи у нѣкоторыхъ врачей, предлагается теперь въ полномъ и положительномъ видѣ Сиръ Чарльзомъ Скудаморомъ.

Цѣлые томы были писаны о пользѣ всѣхъ этихъ врачевствъ, списокъ которыхъ не трудно бы было увеличить цѣлою сотнею другихъ названій; но должно признаться, что надежды наши столько разъ были обмануты, что не охотно вѣрится дѣйствительности средства, которое находитъ теперь столько же обожателей и проповѣдниковъ. Впрочемъ нельзя не согласиться, что оно заслуживаетъ вниманіе высокою степенью возбужденія, производимаго имъ во всасывающей системѣ, и прекращеніемъ вредныхъ, неесте-

ственныхъ отдѣленій , какое отъ него происходитъ. Оно представляетъ особенное удобство, что даетъ возможность доводить, помощію паровъ горячей воды, температуру до весьма сильной точки, и ее поддерживать. Сверхъ-того , успокоивающія свойства цикуты могутъ также содѣйствовать къ уменьшенію раздражительности.

Нѣкоторые случаи излеченія, приводимые Сиръ Чарльзомъ Скудаморомъ, въ высочайшей степени удовлетворительны, и мы откровенно сознаемся , что не ожидали такихъ успѣховъ. Онъ увѣрлетъ, что передаетъ ихъ своимъ читателямъ со всевозможною вѣрностію, и что всегда вникалъ въ причины благополучнаго своего леченія, не увлекаясь тщеславіемъ изобрѣтателя : въ такомъ случаѣ мы должны ограничиться простымъ повтореніемъ собственныхъ словъ его : « леченіе это увѣнчалось успѣхомъ , превзошедшимъ всякое ожиданіе. » Станемъ съ нимъ вмѣстѣ надѣяться, что оно будетъ принято медицинскимъ сообщеніемъ съ тою внимательностію и съ тѣмъ безпристрастіемъ, какія приличны и достоинству ученыхъ мужей и важности самаго предмета.

В.Л. МИХАЙЛОВЪ

Athenæum.

СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

ХЛѢБОМЪ.

=

Нѣтъ, можетъ-быть, ни одного вопроса политической экономіи существеннѣе и важнѣе для Россіи, тѣснѣе связаннаго съ домашнимъ бытомъ и благосостояніемъ ея жителей и менѣе понимаемаго ими, какъ торговля хлѣбомъ. Мы всѣ чувствуемъ, что она упала, и что мы отъ этого страждемъ карманомъ и духомъ: но почему она упала? въ чемъ состоятъ ея тайны? какія въ ней дѣйствуютъ пружины? есть ли возможность опять поднять ее на ноги? - Вотъ обстоятельства, которыя лежатъ передъ нами въ совершенномъ мракѣ, хотя бѣ, по-настоящему, болѣе многихъ другихъ долженствовали возбуждать нашу заботливость и быть изслѣдованы во всей подробности. Наши экономисты смѣло повторяютъ, что эта торговля для насъ навсегда пропала, потому что земледѣліе сдѣлало быстрые успѣхи въ другихъ странахъ Европы, и онѣ теперь доставляютъ требующимъ наибольшую часть того зерна, которое прежде мы продавали; они вамъ говорятъ, что нѣтъ другаго средства, какъ обратить часть нашего земледѣльческаго населенія Россіи къ промышленности и фабрикамъ, что у насъ ужь слишкомъ много хлѣба, что отъ этого онъ такъ дешевъ внутри государства, и что цѣны поправятся тогда только, когда одна часть народа будетъ производить его, а другая кушать. Въ отвѣтъ на эти сужденія, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова основательнаго и все происходитъ отъ недостаточныхъ свѣдѣній о существѣ предмета, довольно указать на судьбу нищаго и голоднаго Китая: тамъ эта система приведена въ дѣй-

ствіе, и мы видимъ слѣдствіа ея на опытѣ; тамъ одна часть народа производитъ хлѣбъ, и питаетъ имъ другую, занятую промышленностью; тамъ почти ни одна копейка не выходитъ изъ государства на покупку чужестранныхъ издѣлій; тамъ есть множество рѣкъ и каналовъ, облегчающихъ сообщенія домашней торговли, — и за всѣмъ тѣмъ, тамъ господствуетъ ужасная бѣдность. Отнюдь не думаемъ мы отвергать важность внутренней торговли; но утверждаемъ, что источникъ богатства и могущества народовъ заключается собственно въ тѣсномъ соединеніи ея съ торговлею заграничною. И какая торговля въ мірѣ прибыльнѣе и полезнѣе торговли хлѣбомъ? Въ ней участвуютъ почти всѣ жители земледѣльческой страны; она нерѣдко доставляетъ тысячу за сто, расточая эти огромныя выгоды самому грубому, простому производству, и обезпечивая благосостояніе класса, неспособнаго приобрести богатство другими искусственнѣйшими средствами. Откройте свободную торговлю хлѣбомъ, дайте любой странѣ достаточное число покупателей ржи и пшеницы, и три четверти различныхъ отраслей промышленности тотчасъ останется безъ рукъ, которыя пойдутъ всѣ пахать землю. Неужели наша торговля хлѣбомъ упала отъ того, что другіе народы стали болѣе производить зерна? Помилуйте! По разысканіямъ Доктора Колькгауна, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ Англійскимъ Парламентомъ, по исчисленію *Edinburg Review*, (Сентябрь, 1826), Великобританія, кромѣ Ирландіи, производитъ въ годъ 35 милліоновъ квартеровъ разнаго хлѣба, а требуетъ 48 милліоновъ на свое пропитаніе. На каждую недѣлю ей нужно 750,000 квартеровъ, въ томъ числѣ 250,000 пшеницы; на каждый день 107,143 квартера, въ томъ числѣ 35,714 пшеницы. Въ 1800 и 1801 годахъ цѣны были тамъ отъ 110 до 115 шиллинговъ за кварталъ, въ 1810, 103 шиллинга, въ 1817 и 1818 отъ 83 до 94, — цѣны

неслыханныя, разорительныя, — и вотъ сколько привезено туда иностраннаго хлѣба :

1800.....	2,135,597	квартеровъ.
1801.....	2,405,544.	
1810.....	1,688,268.	
1817.....	4,797,181.	
1818.....	3,522,729.	

Такъ , несмотря на самыя выгодныя для продавцевъ цѣны, земледѣльческія страны Европы и Америки были въ состояніи продать Англій въ 1800, 1801, 1810 и 1817 годахъ только $\frac{1}{20}$ часть годичнаго ея потребленія, а въ 1818, хотя всѣ ея гавани были открыты для безошлиннаго привоза, и всѣ углы коммерческаго свѣта обысканы , чтобъ доставить ей продовольствіе, она получила хлѣба извнѣ едва *на четыре недѣли!* При всѣхъ усиліяхъ вывезти какъ-можно болѣе хлѣба , земледѣльческія государства могутъ сбыть его не болѣе $3\frac{1}{2}$ милліоновъ квартеровъ, а Великобританія почти всякой годъ не достаетъ 13 милліоновъ для приличнаго продовольствованія ея жителей! Слѣдственно, не другіе народы искуснѣе насъ въ хлѣбопашествѣ, не существенныя и неодолимыя преграды, противопоставляемыя Природою, препятствуютъ Россіи продавать весь свой хлѣбъ Англій, а просто особенныя обстоятельства того края, затворившія намъ его гавани; и если бѣ эти обстоятельства перемѣнились, наша торговля хлѣбомъ непременно пріобрѣла бы быстрое и блистательное развитіе, и увлекла бы за собою всѣ государственныя пользы, поглотивъ тѣ безприбыльныя отрасли промышленности, которыми мы теперь занимаемся, такъ сказать, временно, въ ожиданіи удобнаго случая свезти на рынокъ нашу рожь и пшеницу.

Могутъ ли обстоятельства эти перемѣниться? — въ этомъ вопросѣ заключается судьба нашихъ кармановъ.

Конечно, могут! Вся политическія обстоятельства переменчивы, — а причиною скуднаго сбыта нашего хлѣба только стеченіе политическихъ обстоятельствъ. Партія Тори, долго обладавшая Англійскимъ министерствомъ, состоя изъ владѣльцевъ самыхъ значительныхъ помѣстій, успѣла исторгнуть у Парламента строжайшіе запретительные законы противъ привоза иностраннаго хлѣба, чтобъ жатвы своихъ обширныхъ полей продавать своимъ землякамъ по произвольной цѣнѣ. Чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на всѣ роды хлѣба, ограничившее его потребленіе въ недостаточныхъ классахъ, уже однажды произвело страшный взрывъ въ Англійскомъ народѣ, и Герцогъ Веллингтонъ, воспользовавшійся мыслию Кеннинга, спасъ свою партію отъ его ярости не иначе, какъ предложивъ обманчивый законъ, который сначала обѣщаль большое облегченіе, но въ сущности не принесъ ни какого. Этимъ закономъ иностранный хлѣбъ объявленъ свободнымъ къ привозу во всякое время, но пошлина на него возвышается по мѣрѣ пониженія цѣнъ на хлѣбъ въ Англии: если цѣна 66 шиллинговъ за кварталъ, то привозный хлѣбъ допускается безпошлинно; если цѣна 64, иностранный хлѣбъ платитъ 2 шиллинга пошлины; если 68, пошлина полагается въ 4 шиллинга, и т. д., до 40 шиллинговъ, или самой умеренной цѣны, при которой таможенный сборъ доходитъ до 24 шиллинговъ. Не нужно объяснять, что подобный тарифъ былъ придуманъ единственно для того, чтобъ, прельстивъ на первый случай недостаточные классы призракомъ свободнаго привоза хлѣба, удержать его всегда въ цѣнѣ отъ 60 до 70 шиллинговъ, то есть, отъ 80 до 90 рублей за четверть. Послѣдствіе въ полной мѣрѣ оправдало искусный расчетъ Торіевъ, но повлекло за собою новое и еще опаснѣйшее раздраженіе фабричной и торговой черни, подавшее наконецъ поводъ къ удаленію ихъ отъ прави-

тельства и къ реформѣ Парламента, гдѣ они господствовали. Достижшіе власти Виги, опираясь преимущественно на той части народа, которая хочет непременно хлѣбъ и водку покупать какъ-можно дешевле, для поддержанія себя на министерствѣ, принуждена теперь удовлетворять ея требованіямъ и даже льстить ея прихотямъ: она уже отбѣнила пошлину на солодь, и должна еще исходатайствовать у Палатъ объявленіе привоза хлѣба свободнымъ. Всѣ усилія Виговъ обращены теперь къ этой цѣли, въ которой таится желаніе не только подкрѣпить свои силы новою славою у голоднаго народа, но и нанести рѣшительный ударъ вліянію богатѣйшихъ Торіевъ, уменьшивъ доходы ихъ до половины. Этотъ обширный, многосложный, занимательный вопросъ возжегъ настоящую войну. Составились союзы, подъ именемъ «Обществъ противъ билля о хлѣбѣ»; цѣлые Журналы исключительно посвящены уничтоженію Веллингтонова закона, и многочисленныя толпы горячихъ головъ лѣзутъ на приступъ подъ предводительствомъ Графа Фиц-Вильяма. Между-тѣмъ не плошуютъ и Торіи, оголодавшіе свое отечество, чтобъ самимъ быть сытѣе: они жарко защищаются не только въ лучшихъ своихъ Журналахъ *Quarterly Review* и *Blackwood's Magazine*, но даже особыми книгами и книжками; они истощаютъ всѣ средства полемики и происковъ, чтобъ заслонить свои пользы отъ посяганія бурныхъ противниковъ. Встрѣчая сильное сопротивленіе, Виги еще не смѣютъ говорить о безусловномъ допущеніи иностраннаго хлѣба въ Англійскія гавани, и предлагаютъ учредить умѣренную, но постоянную пошлину, отъ 6 до 7 шиллинговъ съ квартера: ихъ тактика состоитъ нынѣ въ томъ, чтобъ силою діалектики удостовѣрить встревоженныхъ Торіями землевладѣтелей, что они ничего не теряютъ при перемѣнѣ закона, отъ которой безпомысленное народонаселеніе ожидаетъ

для себя величайшихъ выгодъ. Всѣ ихъ повремениныя изданія завалены статьями въ этомъ духъ. Борьба нашла себѣ даже пѣвца въ одномъ фабричномъ, котораго страстная лира служить отголоскомъ народному негодованію. Эбенезеръ-Эллиотъ, прозванный хлѣбнымъ риемачемъ, corn-law rhumer, своими пылкими, краснорѣчивыми выходками сталъ въ ряду первыхъ Англійскихъ стихотворцевъ.

Оставляя поэтическую сторону свободной торговли хлѣбомъ, обратимся къ практической, болѣе до насъ касающейся. Рѣшеніе предмета въ пользу Виговъ, по видимому неизбежное при нынѣшнемъ состояніи умовъ въ Англій, будетъ конечно имѣть неисчислимое вліяніе на нашу торговлю и промышленность, и кому изъ насъ не любопытно познакомиться съ настоящимъ положеніемъ столь важнаго вопроса. Нѣтъ сомнѣній, что вывозъ нашего хлѣба, при усиливающейся въ Россіи торговой дѣятельности, можетъ еще одержать поверхность надъ соперничествомъ всѣхъ прочихъ народовъ: наша сѣверная пшеница добротой уступаетъ одной только Данцигской; Одесская занимаетъ третье мѣсто; Гамбургская и Американская, четвертое; Египетская, пятое и послѣднее. Впрочемъ, огромность требованій Англій предоставляетъ просторъ сбыту всѣхъ земледѣльческихъ странъ, безъ различія сортовъ, лишь бы она завоевала право покупать себѣ хлѣба столько, сколько ей нужно: намъ не страшно соперничество, а болѣе должны мы бояться нашего нерадѣнія, нашей непрозорливости. Гавани наши заперты льдомъ цѣлые шесть мѣсяцевъ, тогда какъ Данцигъ принимаетъ корабли всю зиму, и мы не имѣемъ складочныхъ магазиновъ въ такихъ мѣстахъ, откуда бы могли доставлять иностранцамъ хлѣбъ тотчасъ, по первому ихъ востребованію; помѣщики наши привыкли продавать его не иначе, какъ на чистыя

деньги; заграничные купцы принуждены отпускать наличныя суммы впередъ, часто безъ всякаго обезпеченія закупщикамъ, которые отправляются во внутреннія губерніи, и привозятъ оттуда товаръ неисправно, поздно, спустя полгода, иногда уже по минованіи надобности. Вотъ главныя затрудненія нашей торговли хлѣбомъ, и они могутъ быть устранены только учрежденіемъ обширной хлѣбной компаніи, которая бы имѣла свои магазины по близости Англійскихъ рынковъ, и вела дѣятельный торгъ всѣмъ хлѣбомъ Россіи и на счетъ всего государства, наподобіе Ост-Индской компаніи. Наша Индія въ нашей пахатной землѣ.

Но общая выгода и точнѣйшее со стороны производителей хлѣба познаніе правилъ разсудительной торговли, при содѣйствіи Правительства, всегда готоваго руководствовать и поддерживать полезныя предпріятія, легко пособятъ этимъ неудобствамъ, какъ скоро откроется путь къ постоянному сбыту плодовъ отечественнаго земледѣлія, которое тогда и усовершится. Между-тѣмъ посвятимъ наше вниманіе занимательному для насъ процессу между Торіями и Вигами. Предлагаемая здѣсь статья, которую приписываютъ Лорду Бруму, тѣмъ важнѣе въ этомъ отношеніи, что, кромѣ множества любопытныхъ подробностей о ходѣ торговли хлѣбомъ, заключаетъ въ себѣ настоящіе виды нынѣшняго Англійскаго правительства, и предназначена служить публикѣ приготовленіемъ къ предначертаннымъ мѣрамъ.

=

Къ несчастію, говоритъ *Edinburgh Review*, столько различныхъ выгодъ связано съ рѣшеніемъ великаго вопроса о торгѣ хлѣбомъ, такіа преувеличенныя по-

нятія распространены на счетъ выгодъ, которыя обѣщаетъ однимъ, и ущербовъ, которыми угрожаетъ другимъ оставленіе въ силѣ прежнихъ учрежденій или введеніе новыхъ, что затруднительность дѣла по крайней мѣрѣ равняется его важности. Но сколь ни велики препятствія къ надлежащему рѣшенію задачи, они не уменьшатся же отъ отлагательства, если бы даже и можно было отложить вещь до другаго времени: такъ лучше приступить къ ней немедленно.

Въ наше время нѣтъ надобности входить въ длинныя разсужденія, чтобъ доказать, какъ выгодно имѣть обильные запасы сыраго произведенія по сходнымъ цѣнамъ. Каждый, занимающійся промышленными предпріятіями, озабоченъ отысканіемъ средствъ къ облегченію производства, и слѣдственно къ содѣланію всѣхъ жизненныхъ потребностей дешевле и общедоступнѣе. По-этому, нечего и говорить, что постановленіе, клонящееся къ возвышенію цѣны такого необходимаго предмета какъ хлѣбъ, въ полной мѣрѣ достойно порицанія. Можно назвать бездну вещей, которыхъ дороговизна или дешевизна почти ничего не значать. Но хлѣбъ до такой степени входить въ потребление всѣхъ классовъ, и составляетъ такую важную часть издержекъ послѣдняго работника, что всякое искусственное возвышеніе его цѣны причиняетъ лишенія вдесятеро чувствительнѣе тѣхъ, какія могутъ произойти отъ случайнаго вздорожанія чего бы то ни было другаго.

Всѣ мыслящіе защитники нынѣшнихъ законовъ о хлѣбѣ, то есть, всѣ тѣ, чьи мнѣнія заслуживаютъ въ этомъ случаѣ какое-нибудь уваженіе, согласятся въ этомъ съ нами. Они оспариваютъ не начало, только что нами изложено, а его примѣненіе или полноту. Они допускаютъ, что, не будь ввозъ хлѣба ограни-

ченъ въ прежнее время, очень не хорошо было бы ограничить его теперь; но вѣсть съ тѣмъ утверждать, что какъ ограниченія уже давно существуютъ, и подъ ихъ покровительствомъ употреблено много капитала и укоренилось множество важныхъ личныхъ выгодъ, то они такъ тѣсно сопряглись съ нашимъ общественнымъ хозяйствомъ, что нельзя отмѣнить ихъ или существенно преобразовать, не причинивъ величайшихъ утратъ земледѣльцамъ и даже сильнаго общаго разстройства; и что отнюдь не ясно, будетъ ли конечная польза, ожидаемая отъ этой мѣры, достаточно къ вознагражденію тѣхъ подрывовъ и затрудненій, которые, по крайней мѣрѣ на первый случай, должны отъ нея послѣдовать. Далѣе, утверждаютъ они, что ввозъ хлѣба стѣсненъ не изъ милости къ земледѣльцамъ, но что они имѣютъ на то полное право, неся тягчайшія повинности предъ всѣми другими сословіями, и что для нихъ было бы чрезвычайно обидно допускать иностраннѣй хлѣбъ, не подвергая его пошлинѣ, равняющейся этому излишку повинностей. Вотъ, кажется, сильнѣйшія доказательства, какія только были приведены въ пользу существующихъ постановленій. Утверждали также, что если бъ и можно было ввести систему свободнѣе прежней, безъ существеннаго вреда или обиды для земледѣльцевъ, то и тутъ еще сомнительно, будетъ ли полезно такое нововведеніе; что дешевизна не единственный, и даже не главный предметъ на который должно, въ этомъ случаѣ, обращать вниманіе; что обезпеченіе здѣсь важнѣе всего, и что могущество и благосостояніе великаго народа всегда будетъ шатко, если насущный хлѣбъ его зависить отъ другихъ.

Покаместъ налогъ падаетъ равно на всѣ сословія, ни одно изъ нихъ не въ правѣ особенно жаловаться, и какъ бы онъ ни былъ тягостенъ, не можетъ одна-

ко жь оправдывать покровительства, оказываемаго одному или нѣсколькимъ сословіямъ противъ иностраннаго совмѣстничества. Но налоги обременяють у насъ земледѣльцевъ дѣйствительно болѣе другихъ сословіи. Поэтому хотя мы и говоримъ въ пользу перемѣны законовъ о хлѣбѣ, однако жь отнюдь не имѣемъ въ виду беспошлиннаго ввоза. Количество разнаго рода зеренъ, ежегодно производимое Великобританіею, вѣрно простирается за 42,000,000 квартеровъ (58 милліоновъ четвертей): такъ если положить круглымъ числомъ 5 шиллинговъ ($6\frac{1}{4}$ рублей) съ квартера пошлины, она составитъ не менѣе $10\frac{1}{2}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (262,500,000 рублей), что почти равняется всѣмъ особеннымъ податямъ, какими обложены земледѣльцы, даже если допустить, — безъ всякаго впрочемъ основанія, — что всѣ онѣ падаютъ исключительно на хлѣбъ. Но гдѣ цѣлое общество имѣетъ дѣло съ однимъ какимъ нибудь сословіемъ, тамъ всегда лучше наклоняться въ пользу послѣдняго, и выгоды, долженствующія произойти отъ всегдашняго впуска иностранныхъ хлѣбовъ со взиманіемъ 6 или 7 шиллинговъ пошлины, такъ велики, что разрѣшеніе ввоза на этомъ основаніи должно удовлетворить всякаго разсудительнаго человѣка.

Ограниченія, существующія съ давняго времени понынѣ въ Англіи, основаны совсѣмъ не на тѣхъ началахъ, которыя приводятся ихъ защитниками. Они сдѣланы не въ вознагражденіе земледѣльцамъ за особенные налоги, а для насильственнаго поддержанія дороговизны. Среднимъ числомъ, у насъ не довольно родится хлѣба для собственнаго продовольствія; и для искусственнаго подъема цѣны выше ея естественной точки придумана была подвижная пошлина, которая уменьшается по мѣрѣ возвышенія цѣнъ, и увеличивается по мѣрѣ ихъ пониженія, такъ что

въ иной годъ сборъ очень значителенъ, а въ другой совершенно ничтоженъ. Такая система во всѣхъ отношеніяхъ достойна порицанія. Она прямо противорѣчитъ всѣмъ цѣлямъ общества. Каждый законъ, относящійся къ государственному хозяйству, долженъ имѣть предметомъ облегченіе пріобрѣтенія, сколько это возможно безъ нарушенія правъ частныхъ лицъ, и уменьшеніе цѣны потребностей, а предметъ законовъ о хлѣбѣ совсѣмъ противоположный. Они явно дѣланы для того, чтобъ укрѣпить высокія цѣны на пшеницу. Приверженцы ихъ ради доказывать, что они произвели ожидаемое дѣйствіе, но это дѣйствіе—постоянная искусственная скудость, то есть, постоянная неестественная дороговизна, которою эти господа пользовались: они потому только и возстаютъ противъ ихъ отмены или преобразованія, что цѣны отъ этого понизятся.

Но если бъ эти законы и не причиняли искусственной дороговизны, то вліяніе ихъ на торговлю такъ пагубно для общественныхъ выгодъ, что и тогда измѣненіе ихъ было бы необходимо. Великобританія изъ всѣхъ въ мірѣ странъ, по положенію своему, наименѣе способна для ограниченій ввоза. Состояніе нашего общества во многихъ отношеніяхъ особенное и даже безпримѣрное. Ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ не сыщешь страны съ такимъ множествомъ безземельнаго народа, которому нѣтъ ни какого дѣла до хлѣбопашества, и который совершенно зависитъ отъ заграничныхъ требованій на то, что онъ производитъ. Многочисленное населеніе городовъ и его ненадежное состояніе суть такія обстоятельства, которыя, по зрѣломъ размышленіи, должны возбудить опасенія даже въ самыхъ смѣлыхъ. Если бъ что-нибудь потрясло или подорвало нашу торговую или мануфактурную систему, трудно вообразить себѣ послѣдствія. Въ

Соединенныхъ Штатахъ и почти всюду на материкъ, народонаселеніе, зависящее отъ заграничныхъ требованій, сравнительно съ прочимъ такъ маловажно, что если и прекратятся сообщенія съ иностранцами, то его легко будетъ продовольствовать. У насъ совсѣмъ другое дѣло. Мы не только богаче почти всѣхъ другихъ народонаселеніемъ, ноцѣлая треть его, или пять съ половиною милліоновъ по крайней мѣрѣ, трудится надъ чужестраннымъ матеріаломъ или для чужестраннаго рынка. Торговлю и фабрики можно видѣ считать роскошью, а въ Англии это первая необходимость. Общественное спокойствіе, безопасность собственности, самое существованіе большей части нашего народа зависятъ отъ превосходства его въ этихъ отрасляхъ промышленности, и не должно бѣ было терпѣть даже на одну минуту ничего клонящагося ко вреду ихъ прочности или противодѣйствующаго ихъ успѣхамъ.

Между-тѣмъ, очевидно, что всего губельнѣе въ этомъ отношеніи устраненіе чужеземныхъ сырыхъ произведеній отъ нашихъ рынковъ, или допущеніе ихъ только временемъ и урывками. Хлѣбъ такой предметъ, на который у насъ наиболѣе требованій, и который преимущественно могутъ доставлять намъ иностранцы въ обмѣнъ за наши товары, такъ что, ограничивая ввозъ его, мы вынуждаемъ ихъ отставать отъ насъ и заводить собственные фабрики. Будь наши пристани всегда отперты, при постоянной пошлени отъ 6 до 7 шиллинговъ, доставка намъ хлѣба была бы важнымъ предметомъ для иностранцевъ; а теперь и неурожай нашъ имъ не въ прокъ. Причиною то, что мы не всегда у нихъ на рынокъ: случается, въ нѣсколько мѣсяцевъ закушаемъ мы больше трехъ милліоновъ квартеровъ, а иногда года три, четыре къ ряду, не кушимъ почти ни одной горсти. Отъ того ино-

иностранные земледельцы рѣдко отваживаются заготовлять лишній хлѣбъ на случай требованій изъ Англіи, а если и заготовятъ, такъ часто онъ остается у нихъ на рукахъ. Теперь, случись у насъ сильный урожай, мы вдругъ являемся на рынки, гдѣ насъ вовсе не ожидали, и гдѣ присутствіе наше вредитъ поэтому всѣмъ, кромѣ немногихъ скупщиковъ хлѣба, для которыхъ мы только поправляемъ цѣну. Стало-быть справедливо, что наши законы о хлѣбѣ влекутъ за собою не только мѣстный, но и всеобщій вредъ. Вліяніе ихъ не ограничивается одною Англіей, а простирается отъ Кентюки до Сибири, отъ Одессы до Архангельска. Они такъ своевральны и причиняютъ такіа колебанія на всѣхъ посѣщаемыхъ нами рынкахъ, что надо удивляться не затрудненіямъ, которыя мы иногда встрѣчаемъ, а тому, что они не вдесятеро больше. Слѣдующая вѣдомость о привозѣ хлѣба въ Англію съ 1815 года объяснитъ все это еще лучше.

Годы.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Другіе хлѣба.	Итогъ.
1815...		160	214	149	523
1816...	225,263	14,918	76,294	10,259	362,734
1817...	1,020,949	133,438	473,813	149,506	1,777,706
1818...	1,593,518	695,621	990,947	258,482	3,538,568
1819...	122,133	364,012	523,515	243,747	1,253,407
1820...	34,274	---	726,848	3	761,125
1821...	2	---	---	---	2
1822...	---	---	---	---	---
1823...	12,137	---	---	---	12,137
1824...	45,777	39,263	619,340	1,249	675,629
1825...	525,231	270,679	15	34,280	830,225
1826...	315,892	332,641	1,185,214	264,357	2,097,104
1827...	572,733	236,991	1,851,248	325,583	2,986,555
1828...	842,050	217,545	14,374	143,018	1,216,987
1829 ..	1,364,220	202,406	192,890	184,533	1,944,049
1830...	1,701,895	502,107	900,319	86,865	2,741,176
1831...	1,491,631	522,709	355,120	205,740	2,575,200
1832...	324,435	27,665	2,863	22,266	423,229

Примечаніе. Ввозъ 1833 года очень маловажонъ.

Безъ-сомнѣнія и при всякой другой системѣ всегда будетъ значительная разница въ годичныхъ приво-захъ, смотря по урожаю; однако жъ достовѣрно, что, при постоянной пошлинѣ, она будетъ маловажна въ сравненіи съ тѣми, которыя видны изъ вѣдомости. Теперь, лишь только случится уменьшеніе пошлины, какой ни есть хлѣбъ здѣсь въ анбарахъ, онъ тотчасъ очищается къ привозу, и въ то же время приморскіе города твердой земли спускаютъ намъ всѣ свои запасы дочиства. Но будь пошлина постоянная, тогда эта поспѣшность воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ завалить рынокъ, къ которому съ годъ потомъ не дождешься доступа, должна исчезнуть сама собою. Тутъ привозъ всегда ужъ былъ бы значительный, хотя, въ случаѣ пониженія цѣнъ отъ нашихъ собственныхъ урожаевъ, большая часть привознаго хлѣба и поступала бъ въ магазины. Вообще нѣтъ тѣни сомнѣнія, что нашъ спросъ былъ бы несравненно постояннѣй нынѣшняго. Примѣръ Ирландіи въ этомъ отношеніи ясное доказательство. Нѣтъ и не можетъ быть ни какой причины предполагать, чтобъ привозъ оттуда, при той же пошлинѣ и тѣхъ же ограниченіяхъ, какъ Польскій и Русскій, былъ менше его подверженъ переменамъ. Допускаемый во всякое время безпошлинно, онъ съ 1818 года постоянно увеличивался, и въ годичныхъ его итогахъ не было ни какихъ значительныхъ измѣненій. Если бъ торгъ хлѣбомъ съ чужими краями установился на этомъ основаніи, тамошніе производители рассчитывали бъ на нашъ спросъ и старались бы удовлетворить его, а между-тѣмъ цѣны ихъ избавились бы отъ вліянія нашего неожиданнаго временнаго совмѣстничества; что важнѣе, на произведенія нашихъ фабрикъ возникло бъ тамъ правильное и постоянное требованіе между тѣми сословіями, которымъ они теперь едва извѣстны, потому что самыя правительства принуж-

денъ были бы допустить наши товары, чтобъ за то торговать съ нами хлѣбомъ.

Теперь каждое разрѣшеніе ввоза при значительномъ съ нашей стороны требованіи, неминуемо причиняетъ болѣе или менѣе вреда денежнымъ и торговымъ оборотамъ. Являясь на иностранный рынокъ, по обыкновенію, неожиданно, мы всегда почти бываемъ вынуждены покупать на чистыя деньги или уступать свои товары за самую дешевую цѣну. Въ 1831 году произошло отъ этого важное неудобство, которое могло бы быть пагубно, если бы не искусная оборотливость Банковаго Правленія. Въ прошломъ году, мы вовсе не покупали хлѣба въ Пруссіи, но черезъ годъ или черезъ два мы, вѣроятно, вывеземъ оттуда отъ 400 до 500 тысячъ кварталовъ. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ увеличеніе ввоза всегда сопровождается соответствующимъ увеличеніемъ отпуска, по для этого надобно, чтобъ увеличеніе не было ни внезапно, ни чрезмѣрно; иначе можно держать тысячу противъ одного, что иностранный спросъ на наши произведенія не усилится въ той же соразмѣрности. Хлѣбъ для Русскихъ и Поляковъ главное средство платить за наши товары, но какъ мы отъ него часто запираемся, то среднимъ числомъ они покупаютъ у насъ еще менѣе издѣлій, чѣмъ мы у нихъ хлѣба; а случись намъ чрезвычайная надобность, мы должны платить за него наличными деньгами, и вмѣсто того, чтобъ извлечь изъ такого случая какую-нибудь пользу, мы страждемъ и въ торговомъ и въ мануфактурномъ отношеніи.

Упорство въ политикѣ такого рода не можетъ кончиться добромъ. Изъ иностранныхъ произведеній почти одни только сырыя годны для нашихъ рынковъ, а если мы ихъ исключаемъ или и допускаемъ, да на

такомъ основаніи, что закупки наши вредятъ другимъ, не принося и намъ ни какой пользы, то само собою разумѣется, что въ скоромъ времени должны потерять все преимущество торговаго народа, а съ нимъ вмѣстѣ все богатство и благосостояніе. Взаимность есть начало, середина и конецъ всѣхъ торговыхъ сношеній. Если мы хотимъ, чтобъ у насъ много покупали, то сами должны много покупать у другихъ; мы должны дать имъ почувствовать, что съ благосостояніемъ нашимъ сопряжены ихъ собственныя выгоды, и что недопущеніе Англійскихъ произведеній на ихъ рынки весьма вредно для нихъ самихъ. Правда, мы во многихъ отношеніяхъ приблизились къ свободнѣйшей системѣ сообщеній съ чужестранцами; но еще далеки отъ того, что должны были и будемъ сдѣлать, если захотимъ удержать за собою занятую нами выгодную позицію. Поослаблена стѣснительность законовъ о мореходствѣ, о колоніяхъ и о торгѣ съ Франціею; что жъ касается до торговой политики нашей въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ Державамъ, то она не только не улучшилась, а стала еще хуже. Посмотрите, что мы дѣлаемъ съ Россіей, съ Пруссіей, съ Швеціей, съ Даніей. Онѣ всѣ страждутъ, и особенно Пруссія, отъ нашихъ новѣйшихъ постановленій. Кромѣ заблаговременнаго измѣненія нашихъ законовъ о хлѣбѣ, и предоставленія Россійскимъ, Прусскимъ и другимъ производителямъ тѣхъ же выгодъ въ снабженіи насъ хлѣбомъ, какими пользуются Каролинцы и Юго-Американцы, постоянно доставляя намъ хлопчатую бумагу, кромѣ этого — ничто не отвратитъ ихъ торговой непріязненности, ничто не удержитъ ихъ рынковъ за нашими фабрикантами, ничто не обезпечитъ благосостоянія этого многочисленнаго класса и достаточнаго продовольствія для всѣхъ насъ вообще.

Говорятъ, что нельзя разрѣшить ввозъ иностраннаго хлѣба со взиманіемъ отъ 6 до 7 шиллинговъ пошлины, не разоривъ знатной части земледѣлія и множества земледѣльцевъ. Но мы совершенно увѣрены, что нѣтъ ни какого основанія ожидать подобныхъ слѣдствій отъ предполагаемой перемѣны, и объяснимъ въ короткихъ словахъ; почсму такъ думаемъ.

Какое вліяніе ни произвело бъ на земледѣліе разрѣшеніе ввоза съ платою отъ 6 до 7 шиллинговъ съ квартера, оно все-таки зависѣть будетъ отъ дѣйствія его на цѣны. Слѣдовательно, прежде всего намъ должно рассмотретьъ это дѣйствіе.

Въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1832-мъ годомъ, цѣны на Англійскій хлѣбъ стояли слѣдующія :

Годы.	Пшеница.		Ячмень.		Овесь.		Рожь.	
	Шиллинги.	Пенсы.	Ш.	П.	Ш.	П.	Ш.	П.
1823	53	5	31	7	22	14	31	11
1824	64	0	36	5	24	10	41	5
1825	68	7	40	1	25	8	42	4
1826	58	9	34	5	26	9	41	2
1827	56	0	36	6	27	4	39	0
1828	60	5	32	10	22	6	34	2
1829	66	3	32	6	22	9	34	10
1830:.,.....	64	3	32	7	24	5	35	10
1831	66	4	38	0	25	4	40	0
1832	58	8	33	1	20	5	34	7
Средняя цѣна..	61	8 ³ / ₄	34	9 ¹ / ₂	24	3 ¹ / ₂	37	5 ³ / ₄

Теперь, вопросъ, почему въ обыкновенные годы можетъ продаваться въ Англійю иностранный хлѣбъ, обложенный пошлиною отъ 6 до 7 шиллинговъ съ квартера?

Какъ Данцигъ по отпуску хлѣба главный портъ въ Европѣ, какъ оттуда получаемъ мы большую часть

своего продовольствія , и какъ Данцигскій прейсъ-курantzъ есть мѣрило цѣнъ Рижскихъ, Ревельскихъ, Петербургскихъ, то попытаемся опредѣлить возможную цѣну тамошней пшеницы съ доставкою къ намъ.

Прежде всего должно замѣтить, что между Варшавою и Данцигомъ не такъ-то много родится пшеницы, и что ни одного значительнаго требованія за границу нельзя удовлетворить безъ помощи областей, омываемыхъ Вислою и Бугомъ, и простирающихся далеко на югъ отъ Варшавы. Г. Джакобъ, посыланый за нѣсколько лѣтъ Парламентомъ для собранія на мѣстѣ достовѣрныхъ свѣдѣній по этой части, вывелъ, кажется довольно основательно, что ниже 28 или 30 шиллинговъ за кварталъ нельзя въ обыкновенные годы купить значительнаго количества пшеницы для вывоза даже и въ хлѣбородныхъ краяхъ. Наименьшая ея цѣнность, съ доставкою въ Лондонъ, будетъ, по показаніямъ Г-на Джакоба, слѣдующая:

	Шиллинги-	Пенсы.
Кварталь пшеницы обходится въ Варшавѣ по.....	28	0
Доставка на суда и плата за погрузку, укладку и рогажи..	0	6
Фрахтъ до Данцига.....	5	0
Утрата дорогою отъ раскражи и отъ того, что нѣкоторыя зерна пускають ростки.....	3	0
Порча, усышка, укрытіе и складка въ Данцигъ, также потеря при обмѣрѣ.....	2	0
Барышъ или за комиссію, какъ случится Данцигскому купцу..	1	6
Фрахтъ, плата за погрузку, страховыя и прочія издержки въ Данцигъ и въ Лондонѣ.....	8	0
Кварталь пшеницы стоить Англійскому купцу.....	48	шиллинговъ или 64 руб. асс.

Должно еще замѣтить, что страховщики отнюдь не отвѣчаютъ за поврежденія въ дорогѣ, и что сверхъ-того фрахтъ отъ Варшавы до Данцига и отъ Данцига

сюда полагается здѣсь самый дешевый. По словамъ Г-на Джакоба, одинъ чрезвычайный спросъ на пшеницу, равняющійся только шестидневному потребленію ея въ Англіи, или 216,000 квартерамъ (298,000 четвертей), неминуемо возвысилъ бы фрахты на Вислѣ отъ 30 до 40 процентовъ, и какъ подобное требованіе едва ли могло бѣ быть удовлетворено безъ помощи всѣхъ за-Варшавскихъ областей, то хоть и положить, что нѣкоторыя изъ показаній этого расчета немного преувеличены, однако жъ пшеница никакъ не обойдется Лондонскому купцу дешевле 50, 53 или 55 шиллинговъ за квартеръ (отъ 62 до 67 р.)

Слѣдующая вѣдомость объ лабазныхъ цѣнахъ хлѣба въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1831 годомъ, доставлена Англійскимъ консуломъ въ Данцигъ, и точность ея не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію:

Годы.	Пшеница.		Рожь.		Ячмень.		Овесь.	
	Шиллинги.	Пенсы.	Ш.	П.	Ш.	П.	Ш.	П.
1822.....	30	3	18	4 1/2	12	5 1/2	10	11 1/2
1823.....	27	9	18	6 1/2	14	10 1/2	11	0 1/2
1824.....	23	8	11	6 1/2	8	11 1/2	7	7
1825.....	24	2	11	4	10	5	8	1
1826.....	25	1	15	3 1/2	13	5 1/2	12	5 1/2
1827.....	26	11	18	2	16	9	13	10
1828.....	27	1	19	5	14	3	11	3
1829.....	47	1	17	4	13	8	10	11
1830.....	42	2	20	3	15	0	11	2
1831.....	50	2	28	6	21	3	15	8
Средняя цѣна..	33	5	17	10	14	1	11	3 1/2

Погрузка обходится отъ 8 до 9 пенсовъ за квартеръ; доставка въ Англію, складка въ магазины и распродажа потребителямъ, за исключеніемъ пошлины и барыша, стоитъ до 10 шиллинговъ, такъ что съ этою средней цѣною пшеницы онѣ составятъ слишкомъ 44 шиллинга (55 р.) за квартеръ; а если присоединить

къ тому отъ 6 до 7 шиллинговъ пошлины, то, кажется, ясно, что нельзя безъ убытка уступить квартера привозной пшеницы дешевле 50 или 51 шиллинга (четверть 68 руб. асс).

Какъ ни обстоятельно это показаніе, намъ говорятъ, что оно ложно. Не изъ одного Данцига, не изъ однихъ Балтійскихъ гаваней, привозится хлѣбъ въ Англію, и, по свидѣніямъ, полученнымъ отъ Г. Кеннинга, консула въ Гамбургъ, средняя цѣна на пшеницу, въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1831 годомъ, была тамъ 26 шиллинговъ 6½ пенсовъ, то есть, около 7 шиллинговъ ниже Данцигской, притомъ Гамбургъ къ намъ ближе; слѣдственно, толкуютъ наши противники, въ случаѣ разрѣшенія ввоза съ платою отъ 6 до 7 шиллинговъ пошлины, пшеница никакъ не можетъ быть дороже 46 или 47 шиллинговъ квартерь.

Какъ! да развѣ вамъ не извѣстно, что есть и Англійская пшеница, которую отдаютъ за 46, за 48 шиллинговъ, между-тѣмъ какъ другую никакъ не уступятъ ниже 60 или 66? Не большаго труда стоило бъ вамъ узнать, что дешевизна Гамбургской пшеницы противъ Данцигской происходитъ единственно отъ разности въ добротѣ. Данцигская пшеница хотя мелка и полегче многихъ другихъ, за то чрезвычайно тонкокожа и даетъ отличную муку. Первая рука равна самой лучшей Англійской, если еще не выше; но ея доставляется не такъ-то много, а средняя доброта всей вывозимой изъ Данцига пшеницы близко подходитъ къ Англійской, средней же руки.

Принимая въ расчетъ доброту, найдемъ, что въ Данцигъ пшеница вообще дешевле, чѣмъ въ прочихъ портахъ материка, ближайшихъ къ Лондону. Рѣдко

случается, чтобъ Данцигской пшеницы не привозили много и въ Гамбургъ и въ Амстердамъ; но этого никакъ не могло бѣ быть, если бѣ она дѣйствительно была дороже туземныхъ и всѣхъ другихъ пшеницъ, привозимыхъ на тамошніе рынки. Гамбургскій рынокъ преимущественно снабжается грубой и сырой пшеницею Голстинской и Нижис-Эльбскою, которая такъ нехороша, что купцы всегда предпочтительно выписываютъ Данцигскую, хотя она часто 20-ю шиллингами дороже.

То, что здѣсь сказано о Данцигѣ, откуда доставляютъ намъ хлѣба гораздо болѣе, чѣмъ изъ всякаго другаго порта сѣверной Европы, примѣняется и къ прочимъ торговымъ городамъ тѣхъ береговъ. Во всякомъ случаѣ достоверно, что когда только есть отпускъ изъ Данцига, то, принимая въ расчетъ доброту, нигдѣ нельзя купить пшеницы дешевле. Купецъ всегда идетъ на тотъ рынокъ, который выгоднѣе для него за всѣми расчетами; и съ какой бы стати платить ему въ Данцигъ, Ригъ или Петербургъ 34 шиллинга за ту же пшеницу, которая стоитъ 26 шиллинговъ въ Гамбургъ, откуда и фрахтъ сравнительно дешевле?

И такъ, если справедливо, что, въ обыкновенные годы, Данцигской пшеницы нельзя имѣть дешевле 53 или 54 шиллинговъ за кварталъ, то когда еще она будетъ обложена пошлиною въ 6 или 7 шиллинговъ, можемъ быть увѣрены, что это самая низкая цѣна, по которой намъ будетъ доставаться иностранная пшеница, подходящая добротою къ посредственной Англійской. Доколѣ не перестанутъ къ намъ возить Данцигскій хлѣбъ, это будетъ яснымъ доказательствомъ, что рынкамъ нашимъ ни откуда нельзя снабжаться дешевле, и что цѣны въ другихъ мѣстахъ толь-

ко кажутся сходные, оттого, что хлѣбъ тамъ соотвѣтственно низшей доброты.

По этой причинѣ, почти нѣтъ надобности входить въ подробное изслѣдованіе о цѣнѣ хлѣба въ портахъ другихъ морей. Весьма невѣроятно, чтобъ Одесса, единственная большая житница южной Европы, когда-нибудь снабдила насъ значительнымъ его количествомъ. Плаванье оттуда до Лондона вообще очень продолжительно, хотя нельзя положить ему опредѣленнаго времени. Для доставленія пшеницы въ хорошемъ состояніи необходимо пользоваться зимними мѣсяцами, когда судоходство по Черному Морю особенно опасно, и страхъ соразмѣрно выше. Лѣтомъ, если пшеница не самая лучшая и погружена не въ совершенной исправности, она всегда почти портится, и часто до такой степени, что ее должно выкапывать изъ трюма заступами. Такъ, доколь не придумаютъ способа предохранять ее отъ порчи дорогою, кажется нечего и думать, чтобъ когда-нибудь значительное количество Одесской пшеницы пришло въ Англію.

Пшеница въ Одессѣ сортомъ ниже Петербургской, рѣдко бываетъ дешевле 24 шиллинговъ, а иногда по 35 и по 40; но положимъ, что она тамъ по 24 шиллинга: если прибавимъ 16 шиллинговъ за доставку, да 6 или 7 шиллинговъ пошлины, то выйдетъ, что здѣшній купецъ получить ее за 46 или 47 шиллинговъ, а она въ продажѣ 7 или 8 шиллингами дешевле средней Англійской. Такъ если принять въ расчетъ эту разность въ добротѣ, легко убѣдиться, что и въ самую хорошую пору на Англійскомъ рынкѣ нельзя продать ея ниже 54 или 55 шиллинговъ безъ убытка. А по большей части вовсе не будетъ возможности привозить ее.

Америка отнюдь не въ состояніи снабжать наши рынки дешевле, чѣмъ Данцигъ или Одесса. Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Великобританскаго консула въ Нью-Йоркѣ, видно, что въ одиннадцатилѣтіе, оканчивающееся 1831 годомъ, среднія цѣны на пшеницу были тамъ слѣдующія :

Годы.	За бушель (1 $\frac{3}{8}$ четверика слишкомъ.)	Годы.	За бушель.
	Долл. Сент.		Долл. Сент.
1821.....0	89	1827.. ..0	97
1822.....0	90	1828.....1	98
1823.....1	05	1829.....1	38
1824.....1	45	1830.....0	98
1825.....1	04	1831.....1	19
1826.....0	90		
		Средняя цѣна.....1	18

Если считать долларъ въ 4 шиллинга 3 пенса (5 рублей), то эта средняя цѣна составитъ по 4 шиллинга 11 пенсовъ за бушель, или по 39 шиллинговъ 4 пенса за кварталъ. Прибавивъ къ этому 10 шиллинговъ за доставку, складку въ магазины и прочая, мы увидимъ, что, въ обыкновенные годы, Американскую пшеницу нельзя и безошлинно привозить въ Англію, если здѣшнія цѣны ниже 50 шиллинговъ. Соединенные Штаты вывозятъ круглымъ числомъ не болѣе 850,000 бушелей пшеницы во всѣ части свѣта, и только въ 1821, 1830 и 1831 годахъ, по причинѣ значительныхъ требованій Англіи и чрезвычайныхъ урожаевъ въ Америкѣ, они отпустили 1,096,119, — 1,225,881, — и 1,805,205 бушелей. Въ 1821 Англія получила оттуда 879,430 бушелей: это самое значительное количество, какое когда либо было отправлено этимъ краемъ въ наши гавани.

Канадская пшеница дешевле доставляемой Соединенными Штатами; за то она не такъ хороша, да ея жъ и не много.

Какъ ввозъ тамошняго хлѣба разрѣшенъ со взиманіемъ 5 шиллинговъ пошлинны, когда у насъ цѣны на него ниже 67 шиллинговъ, то говорятъ, будто недавно вывезли въ Квебекъ пшеницы изъ Архангельска, съ тѣмъ, чтобъ перепродать ее въ Англіи за Канадскую, потому что избѣжаніе отъ платежа пошлинъ, наложенныхъ на иностранннй хлѣбъ, считается слишкомъ достаточнымъ вознагражденіемъ за двукратное переплытіе Атлантическаго Океана. Но хлѣбъ изъ колоній впускается въ Англію съ пониженіемъ пошлинны не иначе, какъ по подписаніи ввозителемъ объявленія, что это дѣйствительно произведеніе тѣхъ колоній, и каждая умышленная неточность въ такомъ актѣ наказывается лишеніемъ товара и взыскомъ ста фунтовъ пени : сверхъ того на хлѣбъ въ зернѣ, муку и прочая, должно предъявлять свидѣтельства о происхожденіи, за подписью таможеннаго пристава или контролера въ томъ портѣ, откуда они выпущены. Поэтому трудно угадать, какимъ образомъ Русскій хлѣбъ удасться провезть изъ Канады въ Англію за колониальный, и нѣтъ сомнѣнія, что большая часть его пойдетъ въ Вестъ-Индію.

Мы совершенно увѣрены, что сдѣланныхъ нами замѣчаній нельзя опровергнуть, а они ясно показываютъ, что, при постоянной пошлицѣ въ 6 или 7 шиллинговъ, въ обыкновенные годы, нѣтъ ни какой возможности доставлять въ Англію пшеницы ниже 53 или 55 шиллинговъ за квартеръ; но если ограничимся даже 50 шиллингами, то и въ этомъ случаѣ явно, что разрѣшеніе ввоза на предполагаемомъ основаніи отнюдь не произведетъ тѣхъ гибельныхъ для земледѣлія слѣдствій, которыми такъ много насъ страшатъ. Въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1820 годомъ, средняя цѣна пшеницы въ Англіи была 86 шиллинговъ за квартеръ, а въ десятилѣтіе, оканчивающееся

1832 годомъ, только 61 шиллингъ. Здѣсь видно пониженіе на 25 шиллинговъ, которое втрое болѣе того, какого только можно ожидать отъ разрѣшенія ввоза по нашему предначертанію; однако жъ доказалъ ли хотя кто-нибудь, чтобъ земледѣліе отъ того упало? Если оно могло вынести безъ существеннаго ущерба пониженіе въ цѣнѣ пшеницы съ 86 на 61 шиллингъ, то съ чего жъ взяли утверждать, что оно погибнетъ, если цѣны еще понизятся съ 61 на 53 или на 50 шиллинговъ?

Земледѣльческій комитетъ полагаетъ въ своемъ донесеніи Парламенту, что земледѣліе въ теченіе послѣдняго десятилѣтія упало, и разведеніе пшеницы существенно уменьшилось. Признаться, мы не находимъ другаго основанія этому мнѣнію, кромѣ явнаго пристрастія почтеннаго комитета. Изъ таможенныхъ отчетовъ видно, что привозъ въ Великобританію иностранной пшеницы простирался, въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1820 годомъ, до 6,206,321 квартера, изъ которыхъ, за обратнымъ вывозомъ одного милліона кварталовъ, осталось для внутренняго потребленія 5,206,321 кварталъ. Теперь, изъ отчетовъ, напечатанныхъ въ прибавленіи къ послѣднему донесенію комитета, можно видѣть, что въ десятилѣтіе, оканчивающееся 1830 годомъ, привезено 5,349,927 кварталовъ иностранной пшеницы для внутренняго потребленія: вѣдь это количество почти равно потребленному въ предшествовавшія десять лѣтъ! Неужели Англійское земледѣліе могло упасть отъ 143,000 кварт., привезенныхъ въ теченіе десяти лѣтъ, и составляющихъ продовольствіе 5 бѣдныхъ сутокъ въ огромномъ числѣ 3,650 дней? Между-тѣмъ, населенность Великобританіи, кромѣ Ирландіи, простиравшаяся въ 1821 году до 14,391,631 души, увеличилась къ 1831 году до 16,537,938 душъ. Здѣсь, несмотря на одинаковый

привозъ пшеницы , у насъ выходитъ два милліона прибылыхъ желудковъ , и какъ угодно комитету , а не воздухомъ же питаются эти милліоны. Напротивъ , нѣтъ сомнѣнія , что , среднимъ числомъ , у насъ каждый потребляетъ теперь болѣе пшеницы , чѣмъ когда-нибудь прежде. Изъ всего видно не только , что странная мысль комитета , будто разведеніе пшеницы уменьшилось , вовсе неосновательна , но что наоборотъ противное тому должно быть справедливо. Вѣрно не уменьшилось , а увеличилось разведеніе пшеницы , когда не только питаются ею лишніе два милліона желудковъ , но и остальные четырнадцать милліоновъ продовольствуются лучше прежняго.

Теперь много жалобъ на то , что малы прибыли отъ земледѣлія : да они и отъ всего такіе же , а хотя бѣ и въ самомъ дѣлѣ первые были меньше другихъ , такъ выростутъ они что ли отъ ограниченной ввоза ? Вся говорятъ , что и произведеніе земли и капиталъ мѣзниковъ очевидно уменьшаются ; но мы ужъ показали , что первое не можетъ быть справедливо : такъ какъ же капиталу мѣзника уменьшаться , когда произведеніе его все увеличивается ?

Пожалуй , скажутъ еще : да если въ самомъ дѣлѣ по-вашему , что отъ разрѣшенія ввозить иностранный хлѣбъ съ платою 6 или 7 шиллинговъ пошлщины , цѣны среднимъ числомъ понизятся не болѣе , какъ на 8 или на 10 шиллинговъ съ квартера , такъ изъ чего жъ тутъ биться ? Чистая прибыль отъ этого нововведенія будетъ такъ маловажна , что не вознаградитъ неудобствъ , которыя сначала производитъ всякое измѣненіе установленнаго порядка. Воля ваша , и это самое близорукое и ошибочное возраженіе ! Принявъ въ расчетъ необъятное потребленіе хлѣба въ Англіи , вы сами увидите , что пониженіе на 8 или 10 шил-

линговъ въ цѣнѣ пшеницы и другихъ зеренъ въ соразмѣрности было бы очень важно: ежегодныя издержки трудящагося народонаселенія сократились бы отъ того на нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Но это еще не самое благодѣтельное слѣдствіе этой перемѣны. Мы совершенно согласны съ тѣмъ, что понятія, распространенныя между большою частью нашихъ согражданъ о денежныхъ выгодахъ, какія они обѣщаютъ себѣ отъ отмѣны или преобразованія законовъ о хлѣбѣ, весьма неосновательны; но пока эти законы останутся въ силѣ, вы никого въ томъ не разувѣрите. Демагоги вѣчно будутъ преувеличивать ихъ вредное дѣйствіе, чтобъ разжигать въ толпѣ страсти, подстрекать ее къ безпорядку и пріобрѣтать больше вліянія, да и благомыслящіе люди будутъ всегда утверждать, что помѣщикамъ и мызникамъ лучше всякаго другаго знать это дѣло, и что вѣрно они не силились бы поддерживать такую ненавистную систему, если бы не видѣли въ ней средства обогащаться на счетъ ближняго. Надо быть очень смѣлымъ, чтобъ безбоязненно предвидѣть слѣдствія борьбы между городами и селами, — борьбы, которая была бы ужасна для ихъ обоюдныхъ выгодъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что рѣшительное намѣреніе, несмотря ни на что, оставить въ силѣ существующіе законы о хлѣбѣ всего скорѣе доведетъ до этой катастрофы. Безразсудность такого намѣренія по крайней мѣрѣ равнялась бы его зловредности. Не угодно ли кому доказать намъ, что нынѣшніе законы приносятъ хоть какую-нибудь существенную пользу земледѣльцамъ? а что они причиняютъ много дѣйствительнаго и еще болѣе мнимаго ущерба всѣмъ прочимъ сословіямъ — это явно.

Не долго задержать насъ остальные доводы въ пользу этихъ законовъ. Мысль, что, при постоянномъ вво-

зѣ хлѣба, мы можемъ внезапно лишиться внѣшняго продовольствія, и вслѣдствіе того подвергнуться величайшему бѣдствію, такъ смѣшна, что право не стѣитъ даже вниманія. Часто мы слышимъ, что земледѣльцы, фабриканты и другіе, попадаютъ въ величайшія затрудненія отъ того, что у нихъ худо покупаютъ; но никогда еще не удавалось намъ слышать, да вѣроятно и впередъ не удастся, чтобъ они добровольно разорялись отъ нехотѣнія продавать. Какія затрудненія ни встрѣчали мы въ снабженіи себя изъ-за границы, всѣ они происходили отъ собственной нашей политики. Не то было бы, если бъ пристани наши были всегда отперты. Снабженіе Англійскихъ рынковъ сдѣлалось бы важною статьей для Русскихъ, Польскихъ, Американскихъ и другихъ земледѣльцовъ, которые распространили бы свое производство и увеличили бъ продажные запасы хлѣба.

Предлагаемая офиціальная вѣдомость, показывающая, откуда и сколько привезено въ 1831 году иностраннаго хлѣба, убѣждаетъ въ нелѣпости предположенія, что иностранцы могутъ когда-нибудь сговориться лишить насъ продовольствія. Въ этомъ отношеніи мы совершенно независимы отъ произвола кабинетовъ. Да не худо замѣтить и то, что если бъ наши пристани были постоянно отперты, ни одно иностранное правительство не могло бъ остановить этого торга, не причинивъ самаго чувствительнаго вреда своимъ подданнымъ, и не возбудивъ самыхъ громкихъ жалобъ. Усилія Наполеона отрѣзать насъ отъ Европейскаго материка содѣйствовали, можетъ-быть, не меньше Русскаго мороза къ разрушенію его исполинскаго могущества.

Откуда привезены клады.

	Ямб.-		Овст.-		Рож.-		Шенни.-		Друтеуль.-		Игор.-	
	Клар.	Бум.	Клар.	Бум.	Клар.	Бум.	Клар.	Бум.	Клар.	Бум.	Клар.	Бум.
Россия.....	42,568	2	369,608	1	53,911	5	464,584	1	6,691	5	937,363	6
Швеция.....	1,718	7	20,663	5	60	6	71	2	34	3	22,548	7
Дания.....	115,658	1	96,996	5	5,832	2	55,967	6	3,966	6	278,421	4
Пруссия.....	60,778	6	70,115	4	18,447	3	296,286	5	36,368	5	481,996	7
Германия.....	116,928	3	31,450	1	7,103	5	218,507	4	21,627	4	395,617	7
Нидерланды.....	12,284	0	15,226	0	4,205	2	30,249	4	7,541	3	69,506	1
Франция.....	18,737	7	7,936	0	137	4	103,700	5	26,161	3	156,672	3
Азорские острова.....							22	2	2,649	7	2,677	3
Испания.....	2,318	5	30	0	—	—	154,671	1	1,603	5	158,623	1
— — — Канарские острова.....	418	6	—	—	—	—	1,082	4	—	—	1,501	2
Италия.....	3,003	1	1	0	—	—	253,295	5	3,739	2	260,039	0
Мальта.....	—	—	—	—	—	—	13,339	7	1,031	3	14,371	2
Ионические острова.....	—	—	—	—	—	—	249	3	—	—	249	3
Турция.....	624	0	—	—	—	—	6,215	4	—	—	6,839	7
Мальта Дюбров Нахжиды.....	1	0	1	0	—	—	2,183	4	—	—	2,185	4
Острова Мальрика (Иль-де-Франс).....	15	1	—	—	—	—	0	6	—	—	0	6
Владения Ост Индской компании.....	—	—	—	—	—	—	5,490	4	136	0	5,641	5
Фарт-Димеова земля.....	—	—	—	—	—	—	45	5	—	—	45	5
Англия: Северо-Американс. колон.....	240	3	6,902	6	233	6	218,327	2	462	2	226,166	3
Английская Вест-Индия.....	—	—	—	—	—	—	3	4	—	—	4	4
С. Америка: Соединенные Штат.....	—	—	599	4	1,887	3	463,418	7	22,195	4	488,101	1
Хид и Перу.....	—	—	—	—	—	—	140	7	—	—	140	7
Острова Терисе, Джерсе) Иностран.....	1,128	—	—	—	—	—	9,242	1	92	—	10,463	0
Одесса и Мент) Иностран.....	5,496	6	2,831	2	—	—	1,4265	5	40	5	22,636	2
Итого	381,922	0	622,361	4	91,819	4	2,311,362	2	134,343	6	3,541,809	0

Говорятъ, что если, пренебрегши свое земледѣліе, мы будемъ полагаться на чужое, то недостатокъ въ собственномъ хлѣбѣ будетъ иногда такъ великъ, что его не покрыть ни какимъ подвозомъ. Да кто жъ говорить, чтобъ мы пренебрегли свое земледѣліе? Мы видѣли, что произведеніе его увеличилось съ заключенія мира до того, что продовольствуетъ около трехъ милліоновъ прибылыхъ желудковъ, несмотря на сильный упадокъ цѣнъ въ это время; такъ не странно ли, не нелѣпо ли утверждать, что еще небольшое пониженіе въ цѣнѣ, долженствующее произойти отъ предлагаемой нами системы, заставить пренебречь земледѣліе? Да хотя бъ и заставило, все таки, это возраженіе никуда не годится. Народъ, ограничивающійся собственными средствами, можетъ жестоко пострадать отъ неурожая; но кто получаетъ часть своего продовольствія изъ разныхъ мѣстъ, и пользуется плодородіемъ, которымъ Небо надѣлило разныя стороны, тотъ всегда гораздо менѣе терпитъ отъ измѣнчивости жатвы. Часто бываетъ неурожай гдѣ-нибудь, но вездѣ — никогда.

Довольно! Пожелаемъ, чтобъ Парламентъ занялся этимъ важнымъ вопросомъ, пока еще время разсмотрѣть его безпристрастно и во всей многообъятной полнотѣ. Для каждаго разсудительнаго челоуѣка должно быть очевидно, что нынѣшняя система не можетъ и не должна продолжаться. Дѣло теперь въ томъ, чтобъ, если можно, укротить волненіе мѣрами, основанными на здоровыхъ началахъ и способными удовлетворить благоразумныхъ людей всѣхъ партій. Таково, смѣемъ думать, предположеніе, которое мы старались здѣсь объяснить.

=

Отдавая полную справедливость благонамѣреннымъ видамъ автора, мы съ своей стороны пожелаемъ, чтобъ его умная статья произвела все возможное дѣйствіе надъ корыстолюбивыми Торіями. Никто болѣе насъ не будетъ радоваться ея успѣху.

Edinburgh Review, 1826 and 1834. — Quarterly Review. — Blackwood's Magazine. — Revue Britannique.

ЧУВСТВА, СПОСОБНОСТИ

И СТРАСТИ РЫБЪ.

=

Болѣ двухъ третей Земнаго Шара покрыто океаномъ, и знатная часть остальной трети занята обширными рѣками, озерами, прудами и болотами. Неужели въ этихъ безконечныхъ пространствахъ, кипящихъ жизнью, не обитаетъ ни какая страсть, нѣтъ ни одной идеи, не вырабатывается ни малѣйшая частица мысли и чувства? Неужели сердце бьется сладостью и сжимается отъ скорби только въ тонкомъ атмосферическомъ воздухѣ, а въ этомъ воздухѣ влажномъ, тяжеломъ, но не менѣе благодѣтельномъ, который называютъ водою, оно не приступно радости ни печали? Естественная Исторія, занимающаяся только матеріальными нравами и обычаями животныхъ, тогда лишь будетъ Исторіею, когда включитъ въ кругъ своихъ наблюдений умственныя способности и нравственность тварей, которыхъ описываетъ она наружность. Можетъ-статься, когда-нибудь нужно будетъ пройти сперва полный курсъ Философіи со слономъ или страусомъ, изучить ихъ образъ мыслей, определить предѣлъ ихъ умственныхъ силъ, и описать всѣ ихъ идеи, чтобъ заслужить имя историка слоновъ и страусовъ, теперь такъ легко приобретаемое. Подобныя разысканія были бы весьма полезны и для нашей Идеологіи. Между-тѣмъ они еще не обратили на себя ни одного терпѣнія, ни одной глубокой и ученой проницательности. Нравственный міръ водъ окруженъ для насъ еще большимъ мракомъ.

Въ этихъ населенныхъ безднахъ, царство животныхъ является въ крайностяхъ величины и мелкости,

начиная отъ безчисленныхъ монадъ, которыхъ мы и не подозрѣвали бѣ безъ микроскопа, до кита, могущественнаго царя пучины, превосходящаго объемомъ слишкомъ въ двадцать разъ величайшее изъ земнородныхъ. Здѣсь каждое великое отдѣленіе одушевленныхъ существъ находить, по-видимому, своего представителя, не исключая даже птицъ, тварей совершенно воздушныхъ: пингвинъ, напримѣръ, живетъ только въ водѣ, потому что Природа надѣлила его грузное тѣло такими крыльями, на которыхъ онъ не можетъ летать, и которыми замѣняютъ для него плавательныя перья, когда, ныряя въ воду, онъ преслѣдуетъ въ ней рыбу. Тюлени, моржи, морскія коровы, которыя не могутъ быть далеко отъ моря, равно какъ и киты, которые никогда изъ него не выходятъ, не смотря на то, что, по свойству ихъ дыханія, должны всплывать на поверхность воды, принадлежать къ роду млекопитающихъ. Пресмыкающіяся являются здѣсь въ видѣ черепахъ, крокодиловъ, змѣй и лягушекъ. Многія насѣкомыя и въ совершенномъ своемъ состояніи жители воды, а еще большее число ихъ проводитъ въ ней значительнѣйшую часть жизни въ видѣ златницъ. Слизни, черепокожныя, кольцеобразныя и животнорастенія почти исключительно принадлежатъ этой стихіи, имѣя весьма немногихъ представителей на сушѣ; но изъ всѣхъ обитателей воды никто не заключенъ такъ тѣсно въ ея предѣлы, никто не отличается такою многочисленностью, такимъ разнообразіемъ формъ, такой красотою цвѣта и особенно такою пользою для человѣка, какъ обширное семейство рыбъ. Дѣйствительно, ихъ очевидное превосходство причиною, что названіе рыбы сдѣлалось общимъ для всѣхъ обитателей пучины: и китъ — рыба, и устрица — рыба, хотя первый — млекопитающее, а послѣдняя — слизень. Одинъ ракъ не рыба; да и тотъ только у насъ, православныхъ, а Англичане и его назы-

вають shell-fish, «рыбкой въ скорлупѣ.» Между-тѣмъ нѣтъ ни одного класса животныхъ, который отличался бы такими опредѣлительными неизмѣнными чертами, какъ рыбы. Онъ — позвоночныя животныя съ красною кровью, дышащія жабрами посредствомъ воды. Это опредѣленіе, какъ выводъ изъ многократныхъ наблюденій, чисто эмпирическое; но допустивъ его истину, можно доказать ее синтетически, то есть, вывести изъ него правильными умозаключеніями общее свойство существъ, имъ объемлемыхъ.

Какъ позвоночныя, онъ должны имѣть внутренній оставъ; мозгъ и мозжечекъ должны заключаться у нихъ въ черепъ и въ хребтъ; мускулы должны быть наружныя; органы первыхъ четырехъ чувствъ находиться въ углубленіяхъ головы, и прочая.

Какъ водяныя животныя, то есть, обитающія въ жидкости, которая тяжеле воздуха, онъ должны отличаться особеннымъ расположеніемъ двигательныхъ силъ: тѣло ихъ должно быть такой формы, чтобъ разсѣвало имъ путь, главная мышечная сила должна находиться въ хвостъ; члены должны быть коротки и поддерживаться перепонками, способными растягиваться для ударенія по водѣ и съеживаться для того, чтобъ не мѣшать нырять; оболочка должна быть гладкая или чешуйчатая, безъ перьевъ и безъ волосъ.

Дыша только посредствомъ воды, то есть, завися, въ отношеніи къ артеріальнымъ свойствамъ крови, отъ скудной доли кислорода, содержащагося въ воздухѣ, смѣшанномъ съ водою, онъ должны быть холоднокровны; жизненность, острота чувствъ и прытность должны быть у нихъ слабѣе, чѣмъ у млекопитающихъ и птицъ. Оттого и мозгъ у нихъ соответственно меньше, и внѣшніе органы чувствъ не приспособлены къ передачѣ сильныхъ впечатлѣній.

Изъ всѣхъ позвоночныхъ животныхъ рыбы, по-видимому, самыя нечувствительныя. Не имѣя легкихъ и упругаго воздуха въ своемъ распоряженіи, онѣ, разумется, безголосны, и потому чужды всѣхъ тѣхъ ощущеній, которыя возбуждаются и сообщаются голосомъ. Ихъ неподвижные глаза, ихъ твердое, костистое лице, ихъ члены, гнущіяся только, всѣ вдругъ, а не порознь, лишаютъ ихъ физиономію всякой выразительности. Образованіе уха у нихъ самое простое, такъ что врядъ-ли онѣ могутъ ощущать различіе звуковъ, которые сливаются для нихъ въ одномъ общемъ сотрясеніи головы. Рыболовы однако жъ хранятъ молчаніе, когда закидываютъ сѣти. Древніе Римляне приучали рыбъ, у себя въ прудахъ, собираться на кормъ по звонку; говорятъ даже, что нѣкоторыя изъ нихъ знали свою кличку: только право это сомнительно; по крайней мѣрѣ, новѣйшія рыбы не достигаютъ такой высокой степени просвѣщенія.

Свѣтъ проникаетъ въ ихъ жилище только на известную глубину, и притомъ съ значительной утратою своей силы, такъ что на пять саженъ не проходитъ его и десятой доли, а въ сорока семи саженяхъ подъ водою свѣтитъ одна стотысячная доля его отвѣсныхъ лучей. Для собиранія ихъ въ наибольшемъ количествѣ, рыбы одарены большими глазами, однако жъ чувство зрѣнія у нихъ не совершенно: рыба кидается на грубодѣланную муху и даже на лоскутокъ краснаго сукна, принимая его за кусокъ сыраго мяса.

Что рыбы обладаютъ чувствомъ обонянія, въ этомъ нельзя, по-видимому, сомнѣваться, и мы имѣемъ всѣ причины думать, что у нихъ ноздри для того же, для чего и у насъ. Только и въ этомъ отношеніи рыбы уступаютъ животнымъ, вдыхающимъ воздухъ. Мы уже сказали, что онѣ дышатъ только посредствомъ воды, ко-

торая изъ рта проходитъ въ жабры, а ноздри не участвуютъ въ этомъ процессѣ; однако жъ, по многосложности ихъ устройства и по обилію нервовъ, которыми снабжены онѣ у пѣкоторыхъ породъ, кажется вѣроятнымъ, что назначеніе ихъ важнѣе случайной способности обонянія, и Кювье полагаетъ, что помощію ихъ рыба распознаетъ вещества, смѣшанныя съ водою, и выбираетъ тѣ мѣста, гдѣ она чище для нея и здоровѣе. Достопримѣчательный примѣръ пристрастія къ одному, особенному роду запаха, который по крайней мѣрѣ для пашихъ ноздрей вовсе непривлекателенъ, приводятъ Спиксъ и Марціусъ въ описаніи развращеннаго носа Американской рыбы *кандиру*. «*De alio pisce, hominibus infesto, говоритъ онъ, nonnulla afferre debeo, quem Brasilienses candiru, Hispani, in provincia Maynas degentes, canero nuncupant. Singulari enim instinctu incitatur in ostia excretoria corporis humani intrandi, quae quum igitur iis, qui in flumine lavant, attingit, summa cum violentia irrepit, ibique carnem morsu appetens, dolores imò vitae periculum affert. Urinae odore hi pisciculi valdè afficiuntur, quam ob causam accolae, intraturi flumen Amazonum cujus sinus hac peste abundant, praeputium ligula obstringunt et ab mingendo abstinunt.*» Эта ужасная рыбка принадлежитъ къ роду *silurus* и вѣроятно сестрица извѣстной *piscis stercorarius*, водящейся въ Коромандель. Какъ бы то ни было, обоняніе у рыбъ очень остро и прихотливо. Тѣмъ нужнѣе было бы имъ такое чувство, что вкуса у рыбъ почти вовсе нѣтъ: языкъ ихъ прпросъ къ нижней челюсти, совершенно неподвиженъ и, кажется, служитъ только для глотанья. Впрочемъ чувство вкуса не много бы принесло имъ пользы. Весь ихъ зубной снарядъ приспособленъ болѣе къ схватыванью, чѣмъ къ жеванью, и вообще онѣ глотаютъ свою добычу цѣликомъ. Притомъ же и пища ихъ очень однообразна. Не многія питаютъ

ся растительными веществами, большая часть животными, другими рыбами, черепакожными, слизнями или насекомыми; — такъ во вкусъ, какъ избирательной способности, нѣтъ имъ большой нужды.

Что касается до осязанія, то оно у нихъ еще грубѣе. Не имѣя пальцевъ или тому подобныхъ членовъ, которыми могли бы обхватывать предметы, онѣ едва-ли обладаютъ другимъ средствомъ познавать осязаемыя ихъ свойства, кромѣ губъ, да и тѣ у нѣкоторыхъ породъ тверды и роговаты. У краснобородокъ, гольцевъ и многихъ семействъ трески и чебаковъ есть усики или щупальца, которыми чуютъ они приближеніе посторонняго тѣла, но конечно не форму и не составъ его. Туловище, по большей части покрытое чешуею, не можетъ обладать чувствомъ осязанія въ высокой степени; однако жъ и въ этомъ отношеніи есть большое различіе между миногою, которой кожа совершенно гладка и безчешуйна, между угремъ, у котораго начатки чешуи погребены въ кожъ и еще довольно рѣдки, и между стерлядью, на которой она образуетъ твердые щитки, и кузовкомъ, покрытымъ настоящею бронюю.

Изъ этого видно, что внѣшнія чувства рыбъ не такъ устроены, чтобъ сообщать имъ живыя и точныя впечатлѣнія. Онѣ только чуютъ окружающій ихъ міръ, и то не ясно; удовольствія ихъ весьма разнообразны, да и непріятностей, кромѣ происходящихъ отъ тѣлесныхъ оскорбленій, для нихъ не существуетъ. Во всякое время, кромѣ той поры, когда онѣ плодятся, у нихъ одна забота, одна господствующая страсть, — утоленіе голода: ѣда, если не любовь, единственное ихъ занятіе, и къ этой цѣли направлены всё ихъ тѣлесное устройство, всё умственные способности. Преслѣдовать добычу или убѣгать отъ истребителя, зна-

читать у нихъ — жить: этимъ руководствуются онѣ и въ выборѣ жилищъ; это главная цель ихъ видоизмѣнчій и тѣхъ немногихъ инстинктовъ, которыми надѣлены онѣ отъ Природы, и тѣхъ хитростей, которыя онѣ иногда обнаруживаютъ.

Быть или быть съѣдену! — вотъ, кажется, — единственный законъ, извѣстный жителямъ океана, неисключаящій однако жъ нѣкоторой разборчивости и ощущеній сердца. Хрящеватая рыба, каковы акулы и скаты, особенно жадны, и самое свойство ихъ остава способствуетъ имъ глотать большія тѣла цѣликомъ, потому что онѣ никогда не твердеетъ у нихъ въ совершенную кость, а остается упругимъ хрящемъ, который уступаетъ необходимому расширенію и подается во всѣ стороны. Но способно ли ихъ понятіе подаваться такъ же, какъ ихъ желудокъ, — этого, къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не изучали, хотя и не имѣемъ повода отвергать возможности дѣла, по крайней мѣрѣ вразсужденіи нѣкоторыхъ породъ. И дѣйствительно, большая часть Естественной Исторіи рыбъ состоитъ изъ наблюденій того, какъ онѣ удовлетворяютъ двумъ главнымъ своимъ потребностямъ, — питанію и воспроизведенію. Возьмемъ, для примѣра, Марціусово описаніе серрасальма, этого тирана Бразильскихъ рѣкъ.

«Многочисленными стаями, въ нѣсколько тысячъ, пускается эта рыба вдоль по рѣкѣ и нападаетъ на всѣхъ животныхъ, какія ей ни встрѣятся. Пасть ея вооружена двойнымъ рядомъ острыхъ зубовъ, такихъ крѣпкихъ и частыхъ, что, по словамъ Гумиллы, ея челюстями, обдѣланными на подобіе ножницъ, дикіе Индѣйцы отрѣзываютъ головы убитымъ неприятелямъ. Эти орудія, вмѣстѣ съ неизмѣрною прожорливостью и кровожадностью, содѣлываютъ ее ужасомъ тѣхъ водъ, гдѣ она обитаетъ. Нередко случается, что быкъ, тапиръ или другое большое животное, спустившись

въ воду напиться и попавъ на стаю этихъ рыбъ, бываетъ съядено въ одну минуту: на каждую рыбу придется, можетъ, по кусочку, но ихъ такое множество, что животное мигомъ исчезаетъ, и остаются одиѣ кости. Поколеніе Гуарауна, обитающее вдоль по Ороноко, употребляетъ это въ свою пользу: у нихъ въ обыкновеніи сбергать оставы друзей въ корзинахъ: они повѣсятъ трупъ на ночь въ рѣку, и на слѣдующее утро вытащатъ его чистымъ костякомъ.

«Животныя, обитающія по берегамъ здѣшнихъ рѣкъ, наученныя опытомъ или наблюдениемъ, берутъ всѣ возможныя и очень замысловатыя предосторожности, чтобъ не возмутить воды, когда придутъ пить. Лошади и собаки, почувствовавъ жажду, напередъ сильно всколышутъ воду въ одномъ мѣстѣ, и потомъ тотчасъ перебѣгаютъ на другое, гдѣ пьютъ безопасно, пока сerratальмы тѣснятъ къ первому; но если тѣ ихъ поймаютъ, то нередко сразу отхватываютъ имъ губы.

«Эти рыбы страшнѣе крокодила, который и самъ терпитъ отъ ихъ нападеній, несмотря на свою кольчугу. Говорятъ, только Бразильская выдра, у которой подъ длинною щетиной есть еще густая мягкая шерсть, непроницаемая для зубовъ ихъ, одна можетъ съ ними управиться. Чутье у нихъ весьма острое, такъ что довольно уронить въ воду нѣсколько капель крови, чтобы тотчасъ привлечь ихъ къ тому мѣсту. У меня былъ слуга, Индѣецъ: вычистивъ и вымывъ въ рѣкѣ дичину, онъ воротился за чѣмъ-то на то мѣсто, и только опустилъ руку къ водѣ, пальца у него какъ не бывало.»

Хотя, какъ мы выше сказали, рыбы вообще дышатъ только посредствомъ воды, однако жъ еще Древніе замѣтили, что змѣинникъ, *ophiscephalus*, можетъ жить довольно долго внѣ этой стихіи, — обстоятельство, которое подтверждается многими новѣйшими путешественниками, и которое, по объясненію Кювье, зависитъ отъ особеннаго устройства жабръ, такимъ образомъ, что онъ могутъ вбирать и удержи-

вать въ себѣ достаточное количество воды для поддержанія дыхательнаго процесса на сушѣ. Всякому извѣстно, до какой степени обладаютъ этою способностью угри, которые могутъ жить внѣ воды нѣсколько часовъ, даже нѣсколько дней, отъ того, что жабры у нихъ чрезвычайно плотны и отверзтіе ихъ тѣсно, между-тѣмъ какъ сельди, у которыхъ жабры широко расходятся, издыхаютъ такъ мгновенно, что у Голландцевъ вошло въ пословицу говорить о скоропостижно умершемъ: мертвъ какъ селедка.

По словамъ отличнаго ихтіолога, доктора Генкока, *dogas costata* одарена чуднымъ свойствомъ выпрыгивать изъ воды и странствовать по суху. Многочисленные стаи этой рыбы попадаютъ на землѣ въ самые сильные жары: при изсушеніи озеръ и рѣкъ, она по-неволѣ предпринимаетъ эти опасныя путешествія, на которыхъ подвергается пападеніямъ множества разныхъ непріятелей, и обнаруживаетъ примѣчательную смѣтливость.

Между-тѣмъ, другая ея порода и еще одна рыба изъ семейства щукъ зарываются отъ засухи въ тину, а всѣ прочія погибаютъ. Плоскоголовая *dogas costata* оставляетъ свою родину, и отправляется сухимъ путемъ искать воды въ другомъ мѣстѣ. Индѣйцы говорятъ, что эти рыбы идутъ иногда цѣлую ночь безъ отдыха, да и самъ Г. Генкокъ удостовѣрился опытомъ, что онѣ могутъ жить нѣсколько часовъ внѣ воды и даже на солнцѣ.

Сухопутное ихъ шествіе похоже на движеніе двужеровой ящерицы. Онѣ припрыгиваютъ на своемъ костистомъ перѣ, подсаживаясь хвостомъ, который упираютъ въ сторону, и почти такъ же скоры на ходу, какъ человѣкъ, идущій вольнымъ шагомъ. Крѣпкая

чешуя, облекающая ихъ тѣло, должна много способствовать имъ въ шествіи, точно какъ у змѣй подбрюшные наросты, поднимающіеся и опускающіеся по ихъ произволению, и замѣняющіе нѣкоторымъ образомъ дѣйствіе ногъ. По словамъ Индѣйцевъ, эти рыбы носятъ съ собой запасную воду. Показаніе ихъ, говоритъ Г. Геикокъ, кажется не совсѣмъ ошибочно: я самъ замѣтилъ, что тѣло этихъ рыбъ не обсыхаетъ какъ у другихъ, когда ихъ вынешь изъ воды; а если влага и начнетъ пропадать, или хотъ даже вытрешь ихъ до-суха, то онѣ имѣютъ такую способность отдѣлять ее, что она тотчасъ же опять на нихъ выступаетъ. Едва ли можно обсушить поверхность этой рыбы, пока она жива.

Угри также предпринимаютъ путешествія по сушѣ. Встрѣчая узкія преграды въ рѣкѣ, они перепрыгиваютъ черезъ нихъ подобно многимъ другимъ рыбамъ; но если случится широкая плотина, то они впрямь ползутъ по ней. Г. Джессъ, весьма уважаемый Англійскій натуралистъ, неоднократно былъ свидѣтелемъ переправы ихъ черезъ плотину, устроенную близъ Теддингтона и Гамптона: правда, множество угрей остается на шлюзѣ и издыхаетъ, но остальная и самая большая часть благополучно переправляется по тѣламъ товарищей. Слѣдующій примѣръ, приводимый Г. Джессомъ, доказываетъ удивительную смѣшленость и смѣлость угрей.

«Неподалеку отъ Бристоля, говоритъ онъ, есть обширный прудъ, подлѣ котораго протекаетъ рѣка, а между обѣими водами растетъ дерево, и повисшія его вѣтви почти касаются ихъ поверхности. Угри, водящіеся въ пруду, взбираются по вѣтвямъ на дерево, сбрасываются оттуда въ рѣку, и уплываютъ далѣе. Дерево иногда бываетъ до того ими покрыто, что кажется живымъ, движущимся тѣломъ: быстрое и перовное качаніе вѣтвей не останавливаетъ ихъ

предпринимчивости, и они преодолеваютъ все затрудненія съ рѣдкою расчетливостью и терпѣніемъ.»

Не представляетъ ли этотъ случай доказательства, что, не смотря на несовершенство внѣшнихъ чувствъ своихъ, рыбы одарены извѣстною степенью понятія и даже нѣкоторымъ разсудкомъ? Описаннаго здѣсь факта нельзя отнести на счетъ слѣпаго инстинкта всей породы, потому что не всюду, гдѣ живутъ угри, растутъ тоже и деревья съ длинными, всячими вѣтвями, и не вездѣ за подобными деревьями протекають рѣки. Это — изобрѣтеніе, приспособленное къ одной, особенной мѣстности, и принадлежащее исключительно Бристольскимъ угрямъ; это — слѣдствіе ихъ смѣшлености.

И дѣйствительно, чѣмъ внимательнѣе станемъ разсматривать дѣйствія и нравы обитателей пучины, тѣмъ явнѣйшіе увидимъ въ нихъ признаки умственныхъ способностей, довольно правильнаго расчета и многихъ душевно-сердечныхъ отправленій. Нѣтъ сомнѣнія, что рыбы одарены памятью: онѣ хорошо помнятъ мѣста, гдѣ обыкновенно угрожаетъ имъ опасность, и тщательно отъ нихъ уклоняются. Страхъ и радость дѣйствуютъ на нихъ сердце такъ же сильно, какъ и на сердце четвероногихъ животныхъ, и холодная ихъ кровь должна ускорять свое теченіе при всякомъ опасеніи отъ грознаго непріятеля, при всякомъ счастливомъ избѣжаніи его жадности. Надежда, чувствованіе противоположное страху, по-видимому раскрашиваетъ своими мечтами и воздухъ и воду: всмотритесь только въ эту осторожность, въ эти усилія, въ эту отраду, съ какими большая рыба прокрадывается къ маленькой, чтобъ невзначай проглотить ее, или преслѣдуетъ свою жертву, или бросается на добычу, въ которой человекъ искусно скрылъ свою из-

мѣну! Хитрость и некоторыхъ рыбъ простирается почти до ума: искусство ихъ, притворяться иногда мертвыми, было уже извѣстно древнимъ естествоиспытателямъ. И, увы! понятіе о славъ, основанной на истребленіи себѣ подобныхъ, не чуждо, кажется, и водянаго міра: наблюденія Г. Гледича, обнаруженныя въ одномъ Англійскомъ журналѣ, надъ небольшою щукою, которая, преимущественно передъ другими крупнѣйшими щуками, своею отвагою и кровожадностью наводила ужасъ на всѣхъ жителей пруда, сильно заставляютъ думать, что одни и тѣ же средства служатъ иногда къ приобрѣтенію громкой извѣстности въ водѣ, какъ и въ воздухѣ.

Воспроизведеніе рыбъ — предметъ чрезвычайно любопытный и представляющій обширное поле для испытателя Природы. По большей части между родителями не бываетъ ни какого сообщенія: самка, отягченная яйцами, наполняющими ея яичники, старается облегчить себя, и для этого идетъ обыкновенно въ мелкое мѣсто и, прижимаясь ко дну, выдавлиываетъ ихъ постепенно. вмѣстѣ съ ними выходитъ изъ нея клейкая влага, соединяющая ихъ въ длинныя волокна, или сѣтки, которыя прикрѣпляются къ какому-нибудь камню или морскому растенію. Проходя по этимъ волокнамъ, самецъ оплодотворяетъ ихъ, и если взять въ соображеніе, что при множествѣ икры, меченой самками разныхъ породъ, онъ посѣщаетъ только волокна своей породы, то нельзя довольно удивиться точности этого инстинкта, посредствомъ котораго сохраняется потомственное однообразіе типа и устраняется возможность населенія водъ чудовищами. Якоби успѣлъ добыть ублюдковъ, потерши яйца пеструшки молоками заснувшей семги; по изъ числа ихъ множество было двуголовыхъ или двухвостыхъ, безбрюхихъ и тому подобныхъ уродовъ, которые жили

только до тѣхъ поръ, пока не истощалась вся пища, содержащаяся въ яйцахъ. Каждое яйцо заключаетъ въ себя зародышъ и желтокъ, не окруженные, какъ въ птичьемъ, прозрачнымъ бѣлковатымъ веществомъ, но просто въ оболочкѣ весьма различной плотности. У скатовъ, напримѣръ, яйца въ твердой роговатой скорлупѣ, которая отнюдь не такъ ломка, какъ на птичьихъ, и потому новорожденной рыбкѣ было бѣ весьма трудно изъ нея выбраться, если бѣ сама Природа не позаботилась объ этомъ, оставивъ на одномъ концѣ отверстіе, въ которое рыбка можетъ высунуть хвостъ и такимъ образомъ освободиться изъ заточенія, когда оно станетъ для нея слишкомъ тѣсно. У живородящихъ акулъ яйца, такъ сказать, насижены до выхода ихъ изъ яичника, и какъ по-этому нѣтъ нужды ни въ какой предосторожности для охраненія ихъ, то они покрыты лишь тоненькою перепонкой. Когда рыбка родится, можно видѣть, что желтокъ, назначенный для первоначальнаго ея питанія, прикрѣпленъ къ ней пуповиною, посредствомъ которой содержаніе его переходитъ въ сокообращеніе животного: вотъ опять чудная замѣна млекопитанія, которое, за неимѣніемъ потребныхъ органовъ, не могло бы здѣсь совершаться! Но должно упомянуть при этомъ случаѣ, что рыбій міръ представляетъ намъ въ одной своей породѣ явленіе непримѣрное въ животномъ царствѣ: рыба *хамма* соединяетъ въ одномъ и томъ же лицѣ оба пола, мужескій и женскій! Непостижимое это изъятіе изъ общаго правила было замѣчено еще Аристотелемъ, надъ которымъ новѣйшіе натуралисты смѣялись всѣ поочередно: «однако, говоритъ Кювье, теперь дознано, какъ нельзя лучше, что въ этой породѣ дѣйствительно всѣ рыбы мечутъ икру.»

Такъ, хотя существо рыбьяго темперамента—«хладнокровіе» онѣ однако жѣ ощущаютъ въ холодныхъ

жилахъ своихъ жаръ любви, сладость роскошнѣйшей страсти и, вѣроятно ея мученія. Существуетъ ли между ними ревность? Не знаемъ! По-крайней-мѣрѣ для хан-ны она не возможна. Извѣстны ли имъ радость и удовольствие любви родительской?.. Не думаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, рыбы безъ зазрѣнія совѣсти пожираютъ собственныя яйца, а позже доходить очередь до милыхъ дѣтушекъ. Должно однако жъ признаться, что одно ихъ семейство избавилось отъ этого обиднаго упрека, благодаря наблюденіямъ Доктора Генкока.

Естествоиспытатели, говоритъ онъ, утверждаютъ, будто рыбы ни сколько не пекутся о своемъ исчадѣ. Однако жъ обѣ породы *doras costata* дѣлаютъ гнѣзда, въ которыя кладутъ свои яйца кучками, и тщательно ихъ прикрываютъ. Этимъ не ограничиваются ихъ родительскія попеченія: они остаются у гнѣзда до тѣхъ поръ, пока въ икрѣ зародятся рыбки; и самецъ и самка, — потому что они однобрачные, — стерегутъ его съ такой же заботливостью какъ насѣдка яйца, и храбро нападаютъ на рушителей ихъ семейнаго счастья.

Другой примѣръ рыбаго чадолюбія приводитъ Пенантъ: онъ рассказываетъ, что въ случаѣ опасности, голубая акула впускаетъ дѣтей къ себѣ въ пасть и укрываетъ ихъ въ брюхѣ! По словамъ его, этотъ фактъ подтверждается наблюденіями многихъ ихтиологовъ, и онъ находитъ его столько жъ вѣроятнымъ какъ и то, что молодыя двуутробки ищутъ убѣжища въ подбрюшномъ мѣшкѣ своей матери. Жаль однако жъ, что, сославшись на многихъ натуралистовъ, бывшихъ свидѣтелями, какъ акулы глотаютъ дѣтей изъ родительской нѣжности, онъ не упомянулъ, видали ль эти господа, чтобъ проглоченные возвращались тѣмъ же слѣдомъ изъ утробы матерней; а пока это не извѣстно, до тѣхъ поръ можно сомнѣваться въ чадолю-

бн обжорливой рыбы, тѣмъ болѣе, что положеніе и направленіе зубовъ ея, дѣлаетъ для нея такой подвигъ неудобисполнимымъ.

Да едва ли можно и требовать родительской нѣжности тамъ, гдѣ потомство такъ многочисленно, что его не распознаешь даже съ умомъ, въ тысячу разъ обширѣйшимъ рыбаго? Скажите на-милость, какой материнской любви станетъ вдругъ на 100,000 малютокъ? А у многихъ почтенныхъ дамъ морской пучины приплоду еще больше этого. Пти нашелъ 300 тысячъ яицъ въ одномъ карпѣ; Лёвенгукъ 9,000,000 въ одной трескѣ; Г. Гармеръ 100,000 въ сковородкѣ, 300,000 въ линѣ, 500,000 въ макрели, 1,357,000 въ камбалѣ. Г. Руссо добылъ изъ щуки 160,000, а изъ осетра 1,567,000 яицъ, тогда какъ другой естествоиспытатель, котораго имени теперь не припомнимъ, получилъ изъ осетра 119 фунтовъ икры, что составитъ 7,652,200 яицъ, если положить ихъ по семи на грань. Созрѣй это все, такъ въ цѣломъ свѣтѣ скоро не было бь ничего, кромѣ рыбы! Хорошо, что существуютъ достаточныя средства къ устраненію такой нежеланной рыбности. Сами рыбы, люди, птицы, морскія животныя, не говоря уже о буряхъ и теченіяхъ, которыя прибываютъ рыбу къ берегамъ и оставляютъ издыхать на сушѣ, — все соединится къ уменьшенію чрезмѣрнаго ея обилія. Но съ другой стороны, — такъ удивительно согласованы и уравновѣшены всѣ распоряженія Природы! — одно изъ этихъ истребительныхъ средствъ становится орудіемъ размноженія. Икра щукъ, сазановъ и многихъ другихъ рыбъ, говоритъ Г. Вире, неудобосварима для желудка, отъ содержащагося въ ней ѣдкаго жиру, и потому выходитъ изъ тѣла въ томъ же видѣ, въ какомъ бываетъ проглочена. Утки или другія водяныя птицы, наклевавшись этой икры, заносятъ ее въ такія мѣста, какъ напри-

изрѣ вънутреннія озера, куда бы ей иначе и не попасть: этимъ можно объяснить ту несомнѣнную истину, что многія Альпійскія озера, образовавшіяся таяніемъ льдовъ, изобилуютъ теперь славною рыбой. Американскій естествоиспытатель, Докторъ Смитъ, утверждаетъ, что не только икра, но и самая рыба можетъ быть безвредно переносима такимъ же образомъ.

«Птицы, говоритъ онъ, въ ихъ быстрыхъ перелетахъ изъ одного края въ другой, разносятъ не только икру и сѣмена растеній, но и живыхъ тварей. Такимъ образомъ должно, напримѣръ, объяснять появленіе миноги въ маленькомъ прудѣ, лежащемъ на сотни миль отъ океана, и немѣющемъ ни какого сообщенія съ текучей водою. Перелетная птица, какова цапля, проглотитъ одно изъ этихъ животныхъ, которыхъ жизненность на такой низкой степени, что нѣсколько часовъ они могутъ дышать безъ воды, и унесетъ его въ кишечномъ каналѣ верстъ за пятьсотъ: выпущенная на волю, рыбка легко оправляется отъ дорожныхъ безпокойствъ, а если она икра, то на повоселье является невиданная дотолъ семья водяныхъ животныхъ.

«Такова сила жизни, что она долго сопротивляется гастрическому соку желудка. Достоверные очевидцы убѣдились повторенными опытами, что угорь, проглоченный хищною птицей, выскакивалъ изъ нея черезъ нѣсколько времени невредимый. И это перестанетъ казаться слишкомъ страннымъ, когда вспомнишь, что кишка очень коротка и просторна, а рыба обладаетъ удивительною силою въ соразмѣрности съ своимъ вѣсомъ, и что сверхъ-того покрыта такою слизкою влагой, что сильный человекъ не можетъ удержать ея въ рукѣ при всемъ стараніи.»

В. К.

Foreign Quarterly Review. — Monthly Review.

ТЕПЛОТА ЗЕМНАГО ШАРА.

=

Г. Араго подаетъ прекрасный примѣръ, которому мы желали бы видѣть послѣдователей и у насъ. Несмотря на колоссальную славу своей учености, онъ не считаетъ недостойнымъ себя писать статьи для календарей. Въ Парижскомъ «Ежегодникѣ Отдѣленія географическихъ долготъ», *Annuaire du Bureau des longitudes*, который есть не что иное, какъ родъ нашего мѣсяцослова Академіи Наукъ, знаменитый астрономъ всегда помѣщаетъ какое-нибудь разсужденіе, опытъ или описаніе, относящееся къ обширной наукѣ Природы, и отличающееся неподражаемыми достоинствами. Кромѣ чрезвычайной занимательности, которую умѣетъ сообщать всему, чего ни коснется, онъ говоритъ о самыхъ глубокихъ предметахъ такъ ясно, истолковываетъ ихъ такъ вразумительно, что читатель, одаренный хотя нѣкоторою способностью, непременно долженъ понимать его. Года два тому, онъ напечаталъ въ этомъ изданіи превосходное изслѣдованіе кометныхъ тѣлъ; въ Ежегодникѣ на текущій годъ мы находимъ статью — «О термометрическомъ состояніи Земнаго Шара», которой нѣтъ ничего подобнаго. Мы должны познакомить съ нею нашихъ читателей.

Не измѣнилась ли въ теченіе вѣковъ средняя температура нашей планеты? Не произошло ли какой-нибудь всеобщей перемѣны, простиравшейся на цѣлую толщу Земнаго Шара? Или одна поверхность его подверглась ея вліянію? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, есть ли какое-нибудь доказательство, чтобъ, въ историческія времена, температура дѣйствительно измѣнилась? Вотъ вопросы, которые, въ теченіе многихъ

лѣтъ, обращали на себя напряженное вниманіе физиковъ: они имѣютъ самое близкое отношеніе къ будущности человѣка, и ведутъ къ разрѣшенію множества самыхъ любопытныхъ явленій.

Люди, заслужившіе наибольшую довѣренность, думаютъ теперь, что Земля, при начальномъ ея образованіи, была въ состояніи бѣло-каменомъ, и что даже по-сю-пору содержитъ она въ нѣдрахъ своихъ значительную часть своего первобытнаго жара. Но углубляясь безконечно въ вопросъ — каково было дѣйствительное состояніе новорожденной Земли, изслѣдуемъ, что есть опредѣленнаго касательно младенческаго ея строенія: въ твердомъ ли была она видѣ сначала, или въ жидкомъ? Этотъ пунктъ былъ разсматриванъ съ величайшимъ тщаніемъ, и вразсужденіи его сдѣлано много важныхъ открытій. Доказано, что если бѣ искони, при самомъ началѣ вращенія около своей оси, Земля была въ твердомъ видѣ, этотъ видъ остался бѣ неизмѣннымъ вопреки вращательному движенію. Но этого отнюдь не могло бѣ стать, если предположимъ противное. Допустивъ, что Земля была жидкою массою, мы принуждены согласиться, что форма ея должна была уравниваться съ дѣйствовавшими на нее силами. Теорія общей механики показываетъ, что жидкая шарообразная толща, если принять ее первоначально однородною, необходимо сплюснулась бы въ направленіи оси вращенія и поднялась бы по экватору; теорія опредѣлила даже разность поперечниковъ такого шара, и нашла, что, въ окончательномъ уравновѣшеніи формы съ дѣйствующими силами, общій видъ толщи долженъ быть эллипсоидъ. Всѣ эти результаты удивительно согласуются, и въ цѣломъ, и въ своихъ подробностяхъ, съ формою Земли, приведенною въ ясность измѣреніями, совершенными неоднократно въ обоихъ полушаріяхъ. Такое согласіе конечно не можетъ быть одною случайностью.

Мы въ правѣ полагать, что Земля была сначала въ жидкомъ состояніи.

Но жидкое состояніе могло быть двухъ родовъ, — водообразное, или происходящее отъ дѣйствія теплотворна, то есть, влажный растворъ или расплавленіе на огонь. Геологи, построившіеся на сторонѣ воды, были названы нептунистами; тѣ, которые стояли за огонь, приняли имя плутонистовъ. Обѣ стороны спорили до слезъ, и пренія ихъ долго отзывались ожесточеніемъ, непримиримостью, свойственными враждъ огня съ водою. По предположенію нептунистовъ, всѣ вещества Земли, столь различныя свойствами, первоначально плавали растворенныя въ огромной, круглой массѣ воды, а твердь образовалась чрезъ осажденіе. Плутонисты, напротивъ, отвергая всякую мысль о раствореніи, вполне убѣждены, что Земля сперва горѣла, кружилась въ пространствѣ въ бѣло-каленомъ видѣ и была расплавлена; что поверхность ея отвердѣла простывая, и что внутрь ея горитъ донинѣ.

Хотя прямое средство кончить споръ очевидно состояло въ томъ, чтобъ удостовѣриться, существуютъ ли во внутренности земли остатки или признаки первобытнаго жара, отстаиваемаго плутонистами, однако никто объ этомъ не думалъ, и только нынѣшнему поколѣнію физиковъ предоставлено было заняться такого рода изслѣдованіемъ и рѣшить задачу удовлетворительно.

Спустившись, гдѣ бы то ни было, на извѣстную глубину подъ землю, мы находимъ, что термометръ не показываетъ уже ни дневной, ни годичной перемены; круглый годъ замѣчается тамъ одинъ и тотъ же градусъ тепла съ однѣми и тѣми же долями. Вотъ фактъ, доказанный опытомъ неоспоримо: посмотримъ, что скажетъ теорія. Къ чему приводитъ насъ строгое умозаключеніе, когда предположимъ, что всю теплоту свою Земля получила отъ солнца? Очевидно къ тому,

что, во-первыхъ, на извѣстной глубинѣ, внутренняя температура Земли будетъ всегда одинакова, и во-вторыхъ, солнечная, или наружная, температура нашего Шара должна измѣняться вмѣстѣ съ географическою широтою. Въ обоихъ случаяхъ, теорія подтверждается наблюдениемъ; но слѣдуетъ замѣтить, что, по-этому, во всякомъ климатѣ, внутренняя температура земныхъ слоевъ должна быть на всѣхъ глубинахъ постоянна и одинакова, по крайней мѣрѣ она измѣнялась бы только на большихъ разстояніяхъ радіуса Земли. Между-тѣмъ извѣстно, что на дѣлѣ открыто совсѣмъ другое: наблюденія, произведенныя во многихъ рудоконьяхъ и надъ водою разныхъ теплыхъ ключей, выходящихъ изъ неодинаковой глубины, согласно показываютъ, что внутренняя температура Земли возвышается 1 градусомъ стоградуснаго термометра на каждыя 9 или 14 сажень. Коль скоро теорія приводитъ насъ къ заключенію, отнюдь несогласному съ дѣйствительностью, то она вѣрно ошибочна, и надо ее оставить. Слѣдственно, не справедливо, чтобъ явленія температуры въ земныхъ слояхъ зависѣли отъ одного солнца.

Причиною правильнаго усиленія теплоты, замѣчаемаго всюду, по мѣрѣ углубленія во внутренность Земнаго Шара, можетъ быть только теплота собственная, самобытная. Такимъ образомъ, согласно съ тѣмъ, что утверждаютъ плутонисты, и еще прежде утверждали Декартъ и Лейбницъ, — безъ всякаго впрочемъ доказательства, — Земля наша рѣшительно есть не что иное, какъ въ запекшееся, подернувшееся корою солнце, котораго центръ находится понынѣ въ бюлкаменомъ состояніи, и впередъ смѣло можно будетъ ссылаться на высокую внутреннюю ея температуру всякой разъ, когда потребуетъ того объясненіе геологическихъ явленій. Первоначально могла она горѣть всею своею толщею; потомъ остыла снаружи, и

теперь сверху пользуется солнечною теплотою, а внутри дышитъ еще собственнымъ, первобытнымъ жаромъ. Внутренняя теплота ея должна пособлять внешней, освобождаясь изъ нѣдръ Шара и испаряясь сквозь почву, и соединенное дѣйствіе двухъ теплотъ образуетъ общій климатъ, температуру, въ которой раскрылась и цвѣтетъ жизнь органическая.

Но примѣчено, что климатъ постоянно измѣняется къ худшему. Слѣдственно земная толща продолжаетъ остывать? Слѣдственно внутренняя теплота когда-нибудь испарится совершенно, и наша зеленая, прекрасная планета превратится въ мерзлую, безжизненную глыбу? Насъ уже стращали этимъ величайшіе умы области Наукъ; намъ доказали, что испареніе внутренней теплоты Шара происходитъ съ ужасною быстротою, и что очень—очень не далеко то время, когда сдѣлается онъ необитаемымъ. Плачевная будущность! Должны ли мы, наши дѣти или внуки, въ самомъ дѣлѣ погибнуть въ мученіяхъ стужи и мрака? Скоро ли сбудется та угрюмая, страшная картина Лорда Байрона, отъ которой леденѣетъ кровь въ читателѣ, — картина послѣдняго человѣка, замерзающаго на землѣ?

Истинное человѣколюбіе, а можетъ-быть и здравая политика государствъ, которыя намъ бредаются стоять еще съ тысячу лѣтъ, повелѣвали бы начать уже теперь готовить запасы дровъ и угля для отопленія человѣческихъ обществъ въ послѣднія столѣтія міра; мы однако полагаемъ, что эта предосторожность совершенно излишняя. Посчитаемъ и утѣшимся: Земля могла горѣть и остынуть снаружи на извѣстную глубину, но съ тѣхъ поръ, какъ поверхность ея пришла въ твердое состояніе, она болѣе не остываетъ, и средняя теплота ея климатовъ съ незапамятныхъ временъ все одна и та же, — что бы ни говорили мерзляки.

Это можно доказать математически.

Мы допустили, говорить Г. Араго, что Земля была некогда въ расплавленномъ состояніи, и что твердая ея оболочка образовалась чрезъ охлажденіе, — что по-сю-пору, даже на посредственныхъ глубинахъ, теплота ея чрезвычайна. Изъ этого выходило бы, что она продолжаетъ еще остывать? Заключение естественное; дѣло весьма возможное. Но стоить узнать, въ какой степени она остываетъ. Что, если изъ движенія Луны вокругъ Земли почерпнемъ мы доказательство, что въ двѣ тысячи лѣтъ средняя температура Земли, то есть, всей ея толщи, а не одной поверхности, не измѣнилась даже на сотую часть градуса?

Не одному покажется страннымъ, какимъ образомъ двѣ, повидимому столь различныя, столь чуждыя себѣ вещи, какъ теплота Земли и теченіе отдаленнаго свѣтила, могутъ служить другъ другу повѣркою? Постараемся объяснить это безъ помощи всякихъ вычислений. Возьмемъ обыкновенное колесо. Вообразимъ, что къ каждой его спицѣ прикрѣплены большія тяжести. Положимъ, что эти тяжести вольно ходятъ по спицамъ, такъ что можно совокуплять ихъ у оси, и строить въ кругъ у обода или въ какомъ угодно промежуточномъ положеніи.

Сперва придвинемъ ихъ къ оси, и испытаемъ, какая сила потребна у рукоятки, чтобъ вертѣть колесо съ быстротою одного оборота въ секунду.

Послѣ того передвинемъ тяжести къ ободу. Колесо отнюдь не стало тяжеле прежняго; однако жъ, чтобъ вертѣть его съ одинаковою быстротою, нужно больше силы.

Какъ для верченія колеса данной тяжести съ вѣстнойю быстротою требуется тѣмъ больше силы, чѣмъ составныя частицы этой тяжести дальше отъ его средоточія, то очевидно, что при дѣйствіи одной и той же

силы движеніе колеса будетъ замедляться по мѣрѣ удаленія частицъ его толщи отъ оси.

Всякому извѣстно, что теплота расширяетъ всѣ извѣстныя тѣла, а холодъ ихъ сжимаетъ. Слѣдственно, чѣмъ станетъ теплѣе, тѣмъ болѣе колесо будетъ раздаваться, тѣмъ обширнѣйшую будетъ оно пріобрѣтать окружность, то есть, тѣмъ болѣе составляющія его вещественныя частицы будутъ удаляться отъ центра обращенія. Совсѣмъ противоположное увидимъ при пониженіи температуры. И такъ, при дѣйствіи одной и той же силы, данное колесо обращается тѣмъ скорѣе, чѣмъ около него холоднѣе, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ около него теплѣе.

Въ часахъ, напримѣръ, продолженіе секунды, а съ тѣмъ вмѣстѣ минутъ и часовъ, опредѣляется временемъ, потребнымъ для одного полнаго оборота металлическаго колеса, именуемаго маятникомъ. Тутъ, несмотря на малость размѣра круговъ, дѣйствіе температуры ужѣ такъ сильно, что если не взято противо-дѣйствующихъ мѣръ, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться, то часы лѣтомъ отстаютъ, а зимой бѣгутъ непремѣнно.

Теперь, все, сказанное о плоскомъ колесѣ, очевидно должно примѣняться къ толщѣ всякаго другаго вида. Напримѣръ, представимъ себѣ шаръ, обращающійся около самого себя вслѣдствіе перваго побужденія. Если наружныя его размѣры увеличатся, скорость обращенія убудетъ; шаръ употребитъ больше времени для совершенія полнаго оборота. Если жъ онъ сожмется, скорость его прибудетъ, и ему понадобится меньше времени на каждый оборотъ вокругъ себя.

Что такое Земля, ежели не простой шаръ, повѣшенный и обращающійся въ пространствѣ? Стало-быть, если бъ она увеличивалась, то, день ото дня, должна

бы медленнѣе обращаться; если бѣ уменьшалась, то скорость ея прибывала бы.

Вещества, составляющія землю, расширяются всѣ отъ теплоты и сжимаются отъ холода. Если она когда-либо находилась въ раскаленномъ состояніи, то конечно была тогда вдвое, втрое, вдесятеро огромнѣе нынѣшняго. Остынувъ, она сжалась до настоящей своей малости. Тѣ, которые думаютъ, что Земля и теперь еще остываетъ, тѣмъ самымъ должны допустить, что радіусъ ея убываетъ, и объемъ становится все меньше и меньше. Но мы ужъ видали, что объемъ шара не можетъ уменьшиться безъ того, чтобъ въ томъ же содержаніи не ускорилось движеніе. Вопросъ — такъ же ли было тепло на Земномъ Шарѣ за двѣ тысячи лѣтъ, какъ и теперь, превращается по-этому въ слѣдующій: въ столько ли же точно звезднаго времени, какъ нынѣ, совершала Земля оборотъ свой около самой себя лѣтъ за двѣсти до нашей эры? или короче — тогдашнія сутки равнялись ли нынѣшнимъ? Должно знать, что Александрійскіе и Арабскіе астрономы измѣряли эти сутки теченіемъ луны, и мы прибѣгнемъ къ тому же средству: вотъ какимъ образомъ движеніе нашего спутника можетъ рѣшить вопросъ о древней температурѣ Земнаго Шара!

Изъ сравненія новѣйшихъ наблюденій съ произведенными за двѣ тысячи лѣтъ выходитъ, что въ теченіе этого времени скорость обращенія Луны около Земли, — слѣдственно и скорость обращенія Земли около своей оси, слѣдственно и объемъ самой Земли, — отнюдь не измѣнились: по-этому и температура, которой возвышеніе и пониженіе такъ сильно дѣйствуютъ на объемъ Земнаго Шара, осталась все та же. Строжайшія математическія вычисленія не позволяютъ допустить, чтобъ она уменьшилась даже на $\frac{1}{10}$ часть градуса стоградуснаго термометра.

Меранъ, Бюффонъ и Бальи полагали, что во Фран-

ним теплота, освобождающаяся изъ внутреннейности Земли, летомъ въ 29, а зимою въ 400 разъ больше той, которая происходитъ отъ солнца.

Эта мысль развита была съ величайшимъ красно-рвѣемъ, но кончилось тѣмъ, что Риторика уступила Математикѣ.

Открывъ, что излишекъ всей температуры земной поверхности, противъ той ея части, которая произошла бѣ отъ дѣйствія однихъ солнечныхъ лучей, состоитъ въ необходимомъ и опредѣленномъ отношеніи къ возвышенію температуръ на разныхъ глубинахъ, Фурье вывелъ, изъ дознанной опытомъ величины этого возвышенія, числовое опредѣленіе того же излишка, то есть, термометрическаго дѣйствія, производимаго внутреннею теплотою Земнаго Шара на его поверхность, — и что жъ нашелъ вмѣсто огромныхъ чиселъ Мерана, Бальи и Бюффона? — тридцатую часть градуса!

И такъ, поверхность земли остыла до того, что едва сохранился ощутительный слѣдъ первобытной ея температуры. Однако, на извѣстныхъ глубинахъ, жаръ еще чрезвычайно силенъ.

Съ теченіемъ времени внутреннія температуры, быть-можетъ, много измѣнятся; но на поверхность Земли онѣ и теперь изливаютъ почти неощутительное дѣйствіе. На поверхности, — объ ней-то намъ больше всего заботы, — къ довершенію положенныхъ для органической жизни перемѣнъ тепла и холода, въ крайнемъ случаѣ, будетъ не доставать не болѣе одной тридцатой доли градуса, когда бѣ внутренность Шара потеряла даже весь свой теплотворъ. Поэтому, страшное замерзаніе, которымъ пугалъ насъ Бюффонъ, когда собственная теплота Земли истощится, мечта, — и только.

Показавъ зависимость температуры нашего Шара

отъ постоянной температуры пространства, наполняемаго другими планетами и свѣтилами, и замѣтивъ, какъ медленно, неощутительно термометрическое дѣйствіе, могущее произойти отъ измѣненій въ эксцентриситетѣ земнаго пути, то есть, въ періодическихъ разстояніяхъ Земли отъ Солнца, Г. Араго переходитъ къ разсмотрѣнію климатовъ.

Для объясненія ихъ переменъ, говоритъ онъ, намъ теперь остается прибѣгнуть только къ мѣстнымъ обстоятельствамъ или еще къ измѣненію въ теплотворномъ и свѣтовомъ могуществѣ солнца. Когда успѣемъ отвести одну изъ этихъ причинъ, и напрямъ докажемъ, что солнце грѣетъ и свѣтитъ по-прежнему, тогда всѣ переменны въ климатахъ должно будетъ приписать земледѣльческимъ работамъ, истребленію лѣсовъ на горахъ и на равнинахъ, осушкѣ болотъ, и прочая. Для этого возьмемъ страну, которая изъ всѣхъ, знаемыхъ нами по Исторіи, наименше измѣнилась въ отношеніи физическомъ, именно Палестину. Тамъ челоуѣкъ ничего не сдѣлалъ для подобной перемены, и если найдемъ, что въ наше время климатъ въ Палестинѣ тотъ самый, какой былъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ, то въ правѣ будемъ утверждать, что дѣйствіе солнца на температуру земли постоянно, и что перемены ея зависятъ только отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Чтобъ пальмы приносили плодъ, или точнѣе, чтобъ финики созрѣвали на деревѣ, потребна средняя температура года по-крайней-мѣрѣ въ 21° стоградуснаго термометра, а для винодѣлія нужно не болѣе 22° . Это дознано на опытѣ. Еще въ Моисеевы времена Палестина изобиловала и виноградомъ и финиками: стало-быть, средняя ея температура равнялась тогда $21^{\circ},5$, — и теперь мы видимъ то же самое! Иудеи торжествовали праздникъ кущей, или собиранія винограда, въ Октябрь; и теперь въ началѣ Октября снимаютъ грозды около Іерусалима.

Далѣ авторъ входитъ въ довольно подробное разсмотрѣніе частныхъ перемѣнъ климата, происходящихъ, по мнѣнію его, отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, и изъ соображенія древнихъ и старинныхъ извѣстій съ новѣйшими наблюденіями, выводитъ, что климатъ, напримѣръ Рима, отнюдь не измѣнился; что въ Тоскань, со времени истребленія покрывавшихъ ее лѣсовъ, зимою стало не такъ холодно, а лѣтомъ не такъ жарко, и что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, при замѣтномъ уменьшеніи суровости зимъ, климатъ менѣе тепелъ лѣтомъ, какъ въ старыя годы.

Когда Императоръ Пробъ позволилъ Испанцамъ и Галламъ садить виноградъ, онъ даровалъ ту же милость жителямъ Англіи. Конечно виноградъ росъ хорошо и созрѣвалъ тогда и въ Галліи, и на этомъ островѣ: иначе это была бы не милость, а насмѣшка надъ здравымъ смысломъ. Да и лѣтописи удостовѣряютъ, что въ большей части Англіи процвѣтало винодѣліе, когда теперь едва можно этому вѣрить. Во Франціи еще весьма недавно, не болѣе двухъ или трехъ столѣтій тому назадъ, многіе округи славилась превосходствомъ своихъ винъ: нынѣ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, жители не знаютъ, что такое спѣлая грозда.

Что причиною такой перемѣны не солнце, это уже доказано постоянствомъ температуры въ Палестинѣ. Открытіе цѣлаго ящика старинныхъ термометровъ, уцѣлѣвшихъ въ одномъ Италіанскомъ монастырѣ отъ сожженія, опредѣленнаго имъ мудростью Св. Инквизиціи, пекшейся объ искорененіи чернокнижія, доставило намъ средство повѣрить термометрическія наблюденія, дѣланныя вскорѣ по изобрѣтеніи средства измѣрять теплоту, и мы убѣдились, что средняя температура Сѣверной Италіи, гдѣ однако жалуются на охлажденіе климата, не претерпѣла ни какой видимой перемѣны въ общемъ годичномъ итогѣ, и солнце

ни въ чемъ ей не измѣнило. Движеніе полярныхъ льдовъ — происшествіе случайное, преходящее, и можетъ причинить холодъ только на одно лѣто, — много на два или на три. Слѣдственно люди, а не силы вселенной, виновны въ томъ, что времена года стали ровнѣе дѣлиться теплотворомъ, отпускаемымъ ихъ планетъ на круглый періодъ обращенія ея около Солнца. Истребленіе множества лѣсовъ, разръженіе оставшихся на корнѣ большими просѣками, обсушка болотъ, обработка пространныхъ равнинъ, — вотъ главные измѣненія, которымъ подверглись Франція и Англія въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, и они-то имѣли неоспоримое вліяніе на ихъ климатъ. Чтобъ постигнуть общій характеръ этого вліянія, взглянемъ на страны, которыя въ наше время подвергаются тѣмъ же перемѣнамъ. На всемъ пространствѣ Сѣверной Америки господствуетъ убѣжденіе, что обработка земель измѣнила климатъ, и что перемѣна становится день ото дня очевиднѣе: *зимы стали не такъ холодны, за то лѣта не такъ жарки, какъ прежде*, то есть, другими словами, крайности температуръ, замѣчаемыхъ въ Январѣ и въ Іюль, годъ отъ году сближаются. То же самое стремленіе временъ года къ большому и большому равновѣсію относительныхъ температуръ ихъ имѣетъ мѣсто и въ Петербургѣ. На берегахъ Невы, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ и толстыми болотами, зимы нѣкогда были долги и свирѣпы, лѣта мгновенны и знойны: съ каждою значительною перемѣною въ наружномъ состояніи почвы, стужа теряетъ свое здѣсь напряженіе, но отнятый у зимникъ мѣсяцевъ холодъ разливается на остальные части года, и хорошія лѣта становятся рѣже. Хотя встарину жары въ Петербургѣ могли быть сильнѣе, но средняя температура года никогда не превосходила + 3° Реомюра.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

=

Ямбургъ. Нарва. Гдовъ. Псковъ. Изборскъ.
Печоры. Псковская Губернія. Рига. Ливонія.

=

..... Въ сукъ, еще не разсѣявшейся, проѣхалъ я Стрѣльну, пустынную Кипень, ничѣмъ не примѣчательныя Касково и Чирковицы. Все пространство отъ Чирковиць до Ополя довольно пріятно по мѣстоположенію и видамъ; но отъ Ополя до Ямбурга все хуже и хуже, чѣмъ ближе къ послѣднему; окрестности Ямбурга наводятъ уныніе на душу: болота, кустарникъ и грунтъ неплодный — вотъ что представляется взорамъ проѣзжающаго.

Ямбургъ, древняя руина, напоминающая удалство вольницы Новгородской, борьбу Новгородцевъ съ разными чужеземцами на землѣ этого города, но болѣе памятенъ именемъ знаменитаго любимца Петрова, великаго въ несчастіяхъ, болѣе нежели на верху своего могущества, исполина и въ самыхъ преступныхъ порывахъ. Ямбургъ, вмѣстѣ съ Копорьемъ, отдавъ былъ Свѣтлѣйшему въ отчину Царемъ, умѣвшимъ карать его за противозаконности, но еще болѣе умѣвшимъ цѣнить и возвеличивать его заслуги. Главная примѣчательность сего города въ настоящее время есть мостъ чрезъ крутоберегую Лугу, сооруженіе корпуса путей сообщенія; посрединѣ рѣки стоитъ красивый паромъ съ Императорскимъ флагомъ для переправы Государя Императора чрезъ рѣку въ полую воду.

Сильный зной томилъ насъ во время переѣзда изъ Ямбурга въ Нарву, куда прибыли мы въ два часа по-

полудни. Гостинница, опрятная и красиво построенная, дала намъ объѣдъ, послѣ котораго отправились мы обозрѣвать городъ, или лучше сказать, два особенные города: каждый изъ нихъ имѣетъ свою особую физиономію и носитъ печать того времени, въ которое былъ воздвигнутъ.

На утесистомъ берегу Наровы Великій Іоаннъ III, препиравшійся съ славнымъ Плеттенбергомъ, соорудилъ дѣтинець, или крѣпость, Иванъ-городокъ, высокую, огражденную подзорными башнями и бойницами, поддерживаемую въ разныхъ мѣстахъ котръфорсами, и владычествующую надъ излучистымъ теченіемъ стремительно-лыющейя рѣки.

Противъ Иванъ-городка, на другой столькоже круто-берегой сторонѣ, высится рыцарскій зубчатый замокъ, отъ котораго протянуть высокій валъ вокругъ всего города Ругодива, или Нарвы, служившаго сильнымъ оплотомъ Ливоніи противъ могущества Новгородцевъ и Великихъ Князей Россіи.

Объ сіи части города, нѣкогда раздѣленные и враждебныя, нынѣ соединены, и удобно сообщаются между собою величественнымъ мостомъ, на гранитныхъ быкахъ утвержденнымъ и сооруженнымъ въ царствованіе Императора Николая, въ 1850 году. Такъ называемыя «водныя ворота,» похожія на главныя ворота Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, ведутъ во внутренность Нарвы. Каменные высокіе дома, замкнутые узкими улицами, освѣщаемые широкими окнами, украшенные вѣчно движущимися флюгерами и балконами въ видѣ небольшихъ башень, свидѣтельствуютъ о давности города и о Германскомъ его происхожденіи. Въ главной улицѣ къ примѣчательнымъ зданіямъ принадлежитъ древняя церковь, неизвѣстно когда построенная, и въ 1736 году *reparirt*, какъ сказано въ надписи надъ входомъ; но на площади внутри города поражаютъ путешествен-

ника два готическія сооруженія: одно обращено нынѣ въ городской Нѣмецкій театръ, а другое сохраняетъ доселѣ прежнее свое назначеніе, — это Rathhaus, памятный Русскимъ по славнымъ воспоминаніямъ о безсмертномъ преобразователѣ Россіи. Обширная четверугольная зала занимаетъ средину дома; плафонъ съ эмблематическими изображеніями ее украшаетъ; всѣ изображенія намѣкаютъ о подвигахъ Великаго. На одномъ концѣ плафона эмблема приличная съ надписью *Vivens moriens*, на другомъ — *Semper ubique*, на третьемъ — *Victoria*, а на четвертомъ — *Loco et tempore*. По обѣ стороны залы входы въ горницы, занимаемыя разными присутственными мѣстами, — магистратомъ, коммерческимъ судомъ, акцизнымъ, совѣстнымъ и другими. Въ магистратъ, украшенномъ портретами Россійскихъ Государей, начиная отъ Петра I до Николая I, находятся древнія кресла, покрытыя краснымъ сукномъ и поставленныя въ видѣ полукружія надъ возвышеніемъ, гдѣ стоитъ зеркало. Въ сей залѣ Петръ Великій произнесъ приговоръ спасенія и пощады городу Нарвѣ въ 1704 году, представъ Горну и высшимъ сановникамъ крѣпости съ мечемъ въ рукѣ, обогренномъ кровію его собственныхъ воиновъ, дерзнувшихъ, вопреки воли Монарха, расхищать городъ и губить безпомощныхъ обитателей, которые уже признали надъ собою право побѣдителя. Утѣшительно видѣть въ героѣ побѣдителя ангела хранителя побѣжденных!

Императорскій дворецъ, сооруженный во время Петра I, есть двухъ-этажное зданіе съ небольшимъ подъездомъ, или крыльцомъ, надъ которымъ поставленъ вооруженный рыцарь. Комнаты, просто меблированныя, хранятъ, какъ драгоценность, нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Великому: кровать, конторку, кресла, зеркала. Въ первой отъ лѣстницы комнатѣ расписанный плафонъ, на углахъ котораго нахо-

дятся научическія и военныя изображенія; на одноѣмъ углу представленъ купидонъ на орлѣ съ надписью внизу: — *Высокі ищеть*; на другомъ готическая двуэтажная башня — *Непостоянство мнѣ порочно*; на третьемъ якорь о двухъ лапахъ — *Ничто сего не страшитъ*; въ четвертомъ пила, на одномъ концѣ которой виситъ мечъ, а на другомъ медаль; внизу надпись — *Что сіе не можетъ* въ пятомъ горящая бомба — *Горе, кому достанется*, а въ шестомъ руль — *Надъ водами власть имлетъ*. Изъ дворца прекрасный видъ на Нарову и на городскія окрестности; вдаль видна богатая мыза Штакельберговъ, пожалованная этой фамиліи еще Петромъ. Изъ залы дворца выходитъ балконъ со стеклянными окнами и деревяннымъ переходомъ, на коемъ устроенъ опускной мостъ для сходу изъ дворца на земляной валъ, простирающійся круто надъ рѣкою, по ея теченію.

Обошедши городъ и обозрѣвъ всѣ главныя примѣчательности, отправился я на водопадъ, Ювала: я любопытствовалъ видѣть его тѣмъ болѣе, что мнѣ хотѣлось сравнить водопадъ Наровскій съ водопадомъ Кивачемъ на рѣкѣ Сунѣ въ Олонецкой губерніи, прославленнымъ лирою нашего великаго барда, Державина. Кивачъ видѣлъ я за двадцать лѣтъ передъ симъ, въ 1812 году; но впечатлѣніе, имъ на меня произведенное, осталось неизгладимымъ доселѣ.

Дорога къ Ювалѣ лежитъ по пространной равнинѣ, на которой совершилось столько дѣлъ знаменитыхъ въ вѣки минувшіе, и гдѣ Русскіе такъ дорого купили у Шведовъ первый урокъ въ военномъ искусствѣ. Шумъ отъ паденія водъ раздается далеко. Близъ водопада лежитъ людная деревня Г. Крамера, населенная крестьянами, благоденствующими не отъ хлѣбопашества, а отъ промышленной дѣятельности. Приблизившись къ рѣкѣ, изумленъ я былъ зрѣлищемъ величественнымъ: широкая рѣка, спокойно несшая до

сель свои воды, встрѣтивъ сопротивленіе отъ огромныхъ камней, дивною силою Природы набросанныхъ поперегъ ея, и образующихъ цѣлые утесы, силится разрушить преграды, и съ клокотаніемъ низвергается въ пропасть, къ подошвѣ утесовъ; въ стремленіи своемъ она дѣлаетъ боковыя движенія, прокладываетъ новыя русла, и представляетъ цѣлый рядъ водопадовъ, одинъ другаго выше, одинъ другаго грознѣе. На разныхъ рукавахъ водопада человѣческая промышленность устроила многія заведенія: здѣсь находятся мукомольная и лѣсопильная мельницы и суконная фабрика, вновь учреждаемая: сила воды замѣняетъ тутъ дѣйствіе паровыхъ машинъ. Удаляясь отъ Ювалы, я далъ ему мысленно предпочтеніе предъ Кивачемъ, и по большому обилію водъ, и по большей выгоды его положенія: Кивачъ льется въ безлюдной пустотѣ среди лѣсовъ, рѣдко къмъ посѣщаемыхъ.

Въ семь часовъ вечера выѣхали мы изъ Нарвы по тракту на Гдовъ. На разстояніи семи верствъ отъ Нарвы мы оставались въ счастливомъ очарованіи, что кромѣ наслажденій ничего намъ въ пути не встрѣтится: и дорога была равно прекрасна, и виды пріятны; тихая, спокойная Нарва опоясывала своимъ теченіемъ, какъ лентою, зеленые луга, стелющіеся по обоимъ берегамъ ея на довольноую даль. На самой границѣ Ямбургскаго уѣзда поставленъ на этой рѣкѣ весьма красивый плувчій мостъ, — новая, праведная благодарность управленію путей сообщенія! Шагъ за мостъ, и очарованіе наше мгновенно исчезло; какъ-будто дѣйствіемъ волшебнаго прута, все измѣняется: Природа дичаетъ, предъ глазами болота и лѣса, дорога чуть-чуть сносна; недолго еще повеселила насъ Нарва своимъ разнообразнымъ теченіемъ — и ее потеряли мы наконецъ изъ виду. Съ потерей ея, казалось, потеряли мы и свѣтъ Божій; ночь своими мрачными покрывалами подернула все насъ окружавшее,

и мы, одѣянные мракомъ, невольно стихли, бывъ дотолъ постоянно говорливы. Удивительную силу имѣеть Природа надъ человѣкомъ: богатая и разнообразная, она возвышаетъ душу; дикая и унылая, напротивъ, погружаетъ насъ въ грустныя думы и усыпляетъ всю нашу дѣятельность.

Сонные проѣхали мы станцію Низы, и прибыли въ деревню Полю. Дремучій мѣсь, осѣненный темнотою ночи, былъ предъ нами, за нами и вокругъ насъ. Въ деревнѣ рѣшили мы дожидаться разсвѣта: ночлега имѣть было невозможно въ грязныхъ, бѣдныхъ избахъ. Коляска служила намъ спальнею. Съ разсвѣтомъ мчали насъ безпробудныхъ до Купкова; отсюда до Гдова переѣздъ пріятнѣе: зеленѣющіеся луга и поля, холмы и горы въ отдаленіи, нѣсколько селеній близъ дороги, и богатая усадьба Князя Дондукова-Корсакова, развлекали по временамъ наше вниманіе. Около полудня вѣхали мы во Гдовъ.

Гдовъ, ничтожный городъ и населеніемъ и промышленностью, лежитъ на возвышеніи при берегахъ грязной Гдовки, недалеко отъ восточнаго края Чудскаго Озера, или Пейпуса. Сколько воспоминаній рождается невольно при взглядѣ на Гдовъ, замѣчательный своею древностію! Земля его освящена стопами героя Невскаго, умѣвшаго и во дни ужасныхъ бѣдствій отечества сдѣлать имя свое грознымъ для горделивыхъ Ливонскихъ рыцарей. Сколько разъ поражалъ онъ ихъ съ любимыми своими Новгородцами! Озеро Чудское было нерѣдко театромъ славныхъ дѣлъ его, а Гдовъ свидѣтелемъ, можетъ-быть и участникомъ. Отсюда сторожилъ Александръ свободу Новгорода, и спѣшилъ на спасеніе Пскова отъ враговъ чужеземныхъ, и отъ непріятеля, еще болѣе опаснаго, — отъ властолюбиваго Твердилы. Прошли вѣки, и Гдову остались только древнее имя и разсыпающіяся развалины глубокой старины, — валъ съ укрѣплені-

ями каменными и два храма съ колокольнею, оба уже позднѣйшаго происхожденія. Церкви и колокольни построениемъ своимъ принадлежатъ, вѣроятно, къ времени Царя Грознаго, или не много прежде. Ничто впрочемъ не можетъ вразумить археолога положительно о древности сихъ зданій: нѣтъ ни рукописей, ни преданій. Увлекаемые любознаниемъ, мы взобрались на колокольню: колоколъ, вылитый въ первые годы правленія Царя Іоанна Васильевича, и украшенный разными изображеніями и надписями, наградила насъ за подъятый трудъ. Сія колокольня примыкала къ двумъ церквамъ, изъ которыхъ одна въ недавніе годы скрыта за ветхостію до основанія, а другая, скудная видомъ, низенькая, одноглавая, заперта тяжелою желѣзною цѣпью и желѣзною дверью, примѣтно разрушающеюся отъ ржавчины; только известъ и щебень наполняютъ внутренность храма. Главная градская церковь составляетъ также памятникъ древности: внутри ничего нѣтъ новаго, изящнаго, нѣтъ и старины примѣчательной, кромѣ серебрянаго позлащеннаго креста, распадающагося отъ ветхости, и Евангелія 1685 года; есть много вкладовъ, припесенныхъ церкви фамиліею Коновницыныхъ, здѣшнихъ вотчинниковъ, но и вклады бѣдны. Вокругъ церковной главы, пзвнѣ, сдѣлана какая-то надпись, никѣмъ еще не разобранныя, и никто изъ здѣшнихъ жителей не пытался даже разгадать ея смыслъ. «Губернаторъ Храповицкій, говорилъ мнѣ тамошній священникъ, присылалъ сюда недавно чиновника скопировать и, если можно, разобрать ее: успѣлъ ли онъ въ томъ, не знаю.»

Пустившись въ дальнѣйшій путь по направленію ко Пскову, мы не могли вообразить себѣ скуки, насъ здѣсь ожидавшей. Дремучіе, вѣковые лѣса, покрываютъ почти все пространство; дорога идетъ по сыпучему, глубокому песку, и тяжела до такой степени,

что шесть лошадей, тащивших нашу коляску, едва въ четыре съ половиною часа могли пробѣжать, или лучше, пройти разстояніе двадцати версть. Отъ станціи Желчи до Толбицы простирается такъ называемый Сороковой боръ; мракъ глубокой царствуетъ въ немъ и посреди бѣлаго дня; ничего не видно, кромѣ хвойныхъ деревьевъ, засыпавшихъ своими иглами земляной грунтъ, и страшныхъ обрывовъ горныхъ, образующихъ бездонныя пропасти, которыхъ обнаженные бока выказываютъ песчаное ихъ основаніе. Мертвая тишина бора прерываема была въ проѣздъ нашъ шумными голосами безчисленныхъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ Пскова: пестрая толпа женъ, стариковъ, дѣтей и молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ веселили насъ своимъ разговоромъ. Ежегодно приходитъ во Псковъ Печорская явленная Божія Матерь въ Воскресенье предъ Троицынымъ днемъ, и привлекаетъ молящихся изъ всѣхъ странъ окрестныхъ, и даже дальнихъ. Стеченіе народа во Псковъ бываетъ въ это время чрезвычайное: насчитываютъ ипогда до 50,000 набожныхъ пришельцевъ.

Большая дорога, по которой мы ѣхали, лежитъ по заозерью, и лѣса, покрывающіе пространство между Гдовомъ и Псковомъ, идутъ отъ береговъ Пейпуса во внутренность слишкомъ на сто версть съ небольшими перерывами. Жители заозерья и вообще всей окрестной страны считаютъ главнымъ своимъ занятіемъ рыбную ловлю: одни занимаются производствомъ ловли, а другіе перекупкою рыбы и развозкою ея для продажи; многіе крестьяне наживаютъ знатныя капиталы и благоденствуютъ. Главныя роды рыбъ — лососи, лохи, щуки, лещи, судаки, а на южномъ концѣ Пейпуса, при слияніи съ озеромъ Псковскимъ, и въ семь послѣднемъ, ловится великое множество слятковъ, развозимыхъ повсюду. Важнѣйшій ловъ производится въ зимнее время. Цѣлыя тысячи крестьянъ, парти-

ями, болѣе или менѣе людными, отправляются на промыселъ, располагаются по срединѣ озера въ разныхъ дистанціяхъ, и укрѣпляютъ на льду для житья своего берестяные домики, или палатки. Въ сихъ берестянкахъ помѣщается обыкновенно двѣнадцать человѣкъ, а иногда даже около тридцати. Съ Понедѣльника до Субботы все населеніе окрестныхъ деревень и со стороны Гдова, и отъ Пскова и Ливоніи, сосредоточивается на льдистой корѣ озера: въ Субботу возвращаются крестьяне къ своимъ семействамъ съ недѣльною добычею. Иногда уловъ бываетъ такъ счастливъ, что одною тонею, или неводомъ, вытаскивается рыбъ на триста и болѣе рублей. Всякій дѣятельный рыболовъ можетъ въ одну зиму выработать до трехъ сотъ рублей. По добродушному сознанію самихъ крестьянъ, Пейпусъ есть кормилецъ всего заозерья.

Къ утру, 24 Мая, 1832, простились мы и съ Пейпусомъ, и съ боромъ.

Лучи восходящаго солнца ослѣпительнымъ блескомъ пріятно золотили обширный горизонтъ равнинъ и полей, стелющихся вокругъ города Пскова. Вдалекъ увидѣлъ я блестящіе верхи Св. Троицы, — палладиума Псковитянъ: сей Соборный храмъ высится, какъ исполинъ, надъ всѣмъ его окружающимъ. Забывъ претерпѣнную въ бору скуку, съ радостнымъ нетерпѣніемъ летѣлъ я во срѣтеніе приближающемуся къ намъ Пскову, и воображеніе умчало меня въ недосягаемую даль вѣковъ протекшихъ. Съ благоговѣйнымъ восторгомъ видѣлъ я предъ собою тѣни великихъ, или рожденныхъ или дѣйствовавшихъ на землѣ Псковской: Святая Ольга, начинавшая здѣсь благодѣтельную жизнь свою, Всеволодъ Гавріиль, первый Князь Псковскій, Александръ Невскій, побѣдитель Ливонцевъ на Пейпусѣ, поражающій во Псковѣ крамольные замыслы изверга Твердилы, Довмонтъ, создатель стѣнъ Псковскихъ, подъ эгидою Св. Троицы

торжествовавшей победы надъ Магистрами Ливонскими и надъ Литвою, Димитрій Александровичъ, сынъ отца безсмертнаго, отверженный неблагодарными Псковитянами, Александръ Михайловичъ Тверскій, обрѣтающій здѣсь защиту отъ гоненій честолюбиваго Калиты, и доблественный Князь Шуйскій, спаситель Пскова отъ ударовъ Баторія, — сколько лицъ знаменитыхъ, раздѣленныхъ промежуткомъ многихъ вѣковъ, но невольно соединившихся въ одной рамѣ моего воображенія! Входя заранѣе въ самую внутренность города, мысленно представлялъ я себѣ отголоски рѣчей посадниковъ, шумъ вѣчеваго колокола, волненіе народа на площадяхъ, транспорты ганзеатическіе, заботливые переговоры торговцевъ Германскихъ съ гражданами Пскова: однимъ словомъ, воображалъ себѣ всю неугомонную дѣятельность меньшаго брата Новагорода; но близъ воротъ нынѣшняго Пскова мгновенно остановленъ былъ въ моихъ мечтаніяхъ. Какъ безконечно различенъ міръ дѣйствительный отъ міра идеальнаго, созданнаго фантазіею! Въмѣсто шума и волненія, пораженъ я былъ тишиною и мертвымъ безмолвіемъ; вмѣсто многочисленныхъ транспортовъ едва увидѣлъ нѣсколько бѣдныхъ телѣгъ крестьянскихъ, въѣзжавшихъ въ отжившей свою годину Псковъ, или выѣзжавшихъ оттуда.

Мы пріѣхали во Псковъ въ самый торжественный моментъ и для города, и для цѣлой губерніи: все здѣшнее дворянство съѣхалось за мѣсяць предъ тѣмъ въ губернскій городъ для выборовъ по новому объ нихъ положенію, утвержденному въ 1831-мъ году. Выборы Псковскіе были уже кончены, и, по общимъ отзывамъ, пали на достойныхъ, лучшихъ членовъ дворянскаго сословія.

Обозрѣвая городъ, видѣли мы вездѣ скудость строеній, бѣдные остатки древности, худо сохраненные, славную стѣну знаменитаго Довмонта, отъсюду осы-

пающуюся и грозящую падениемъ, безпланіе въ расположеніи городскихъ зданій, и цѣлыя облака меловой пыли, носящейся надъ городомъ и посреди города.

Изъ частныхъ зданій во Псковѣ со вниманіемъ смотрѣлъ я на домъ купца Трубинскаго, примѣчательный своею особливою архитектурою и древностію, но болѣе тѣмъ, что Петръ Великій не рѣдко счастливилъ его своимъ посѣщеніемъ по любви къ владѣльцу, предку нынѣшняго: заздоровные кубки, изъ которыхъ Монархъ пилъ заздоровье хозяина и за благоденствіе своего народа, хранятся и доселѣ, какъ святыня. Сидя на балконѣ, хитро и узорчато сдѣланномъ, Петръ бесѣдовалъ съ торговцомъ о минувшей торговой славѣ Пскова и о возникающемъ богатствѣ юной его столицы. Въ саду есть деревья, насажденные рукою безсмертнаго Зиждителя.

Можно ли, бывши во Псковѣ, не поклониться гробу Святаго Довмонта? При жизни своей Довмонтъ былъ хранителемъ Пскова и страхомъ его врагамъ; по смерти, Церковь праведно причла его къ лику Святыхъ за благочестивые, Христіанскіе подвиги; а потомство будетъ благоговѣть къ дѣламъ его болѣе благотворнымъ, чѣмъ громкимъ. Гробъ Довмонта находится въ Троицкомъ соборѣ: и гдѣ приличнѣе было поставить его, какъ не въ томъ храмѣ, который онъ такъ часто отстаивалъ отъ ударовъ вражескихъ, и въ окружности тѣхъ стѣнъ, которыя имъ воздвигнуты съ цѣлію обороны, и доселѣ еще величаются великимъ его именемъ?

Троицкій соборъ, въ разные періоды времени перестроенный, отличается своею скромностію и необыкновенною, въ тридцать три сажени, высотой. Впрочемъ нѣтъ въ немъ ни изящества въ отдыкѣ, ни благолѣшія убранствъ, — живописныхъ иконъ, серебряныхъ дорогихъ окладовъ или важныхъ приношеній. Главную примѣчательность собора составляютъ гробы

Св. Князя Довмонта и Св. Князя Всеволода Гавриила : оба они стоятъ въ придѣлѣ на правой сторонѣ. Надъ гробомъ послѣдняго виситъ длинный мечъ съ известною надписью: *Nonorem meum nemini dabo* (чести моей никому не отдамъ). И Довмонтовъ мечъ хранится также при его гробѣ: онъ гораздо меньше Всеволодова, — но какъ грозенъ онъ былъ непріятелямъ! Не скрою истины: въ мечъ Всеволодовомъ занимала меня только его многознаменательная надпись, а въ мечъ Довмонта важнѣйшее, — самый мечъ.

Въ шесть часовъ 26 Мая утра оставили мы Псковъ. Погода была прекрасная. Часто озирался я назадъ, но городъ скоро скрылся отъ глазъ: только высокій куполь Св. Троицы — довольно долго еще видѣлся вдалекѣ, наконецъ и онъ исчезъ. Со страхомъ воображалъ я себѣ, что скоро обниметъ насъ такой же дремучій лѣсъ, какимъ мы проѣзжали ко Пскову; но чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ мѣста открытѣе, виды разнообразнѣе и пріятнѣе. Поперемѣнно открывались зеленѣющія поля, холмы и пригорки, и небольшія красивыя лѣсныя рощи, по опушкѣ которыхъ вездѣ деревни и села: вообще, все пространство отъ Пскова до Изборска, почти сорокъ верстъ, есть истинное наслажденіе для путешественника, проѣхавшаго Сороковой боръ.

Приближаясь къ Изборску, я видѣлъ точно, что мы уже навсегда выбрались изъ бору: не отъ того ли и имя Изборска? но было ли это такъ за восемь вѣковъ? Могло ли быть такъ? Сколько поколѣній людей смѣнилось, являлось и исчезало, оставляя по себѣ слѣды, едва видимыя потомками! Сколько превращеній и измѣненій потерпѣла сама физическая натура, часто дряхляющая и всегда поновляемая по манію создавшаго ее, и по указанію человеческой дѣятельности? Имя Изборска пробуждаетъ въ душѣ особенное чувство: ни какихъ великихъ воспоминаній съ нимъ не

сопригается, но тѣмъ не менѣе это имя имѣетъ свое очарованіе, радуеть точно такъ, какъ всякое припоминаніе о лѣтахъ младенчества или дѣтства нашего веселить насъ, — а Изборскъ современенъ самому дѣтству Русскаго народа. Въ Изборскъ сидѣлъ Труворъ, и сторожилъ полудикихъ Славянъ отъ набѣговъ дикой безъ-исторической Чуди. Изборскъ былъ вѣроятно первую Февдою. Со времени единодержавія Рюрика бытіе Изборска покрывается завѣсою безвѣстности. И все вокругъ него было такъ же темно: одна только свѣтлая точка видна была на историческомъ горизонтѣ Сѣвера, — это Новгородъ, исключительно занимавшій собою вниманіе окрестныхъ и дальнихъ странъ и народовъ. Изборскъ первоначальный, или Труворовъ, исчезъ, вѣроятно, такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно возникъ.

Нынѣшній Изборскъ, или руина, теперь видимая и знаемая подъ его именемъ, принадлежитъ своимъ происхожденіемъ къ XIII вѣку. Во времена, когда грозныя рои наносились на Русь со всѣхъ сторонъ, нужны были огражденія отъ непріятелей: такимъ былъ Изборскъ противъ Ливонскихъ рыцарей. Вѣроятно, онъ построенъ близъ прежняго, или даже на его развалинахъ. Во всякомъ случаѣ, земля Изборская внушаетъ невольное къ себѣ уваженіе, и я ступилъ на нее съ благоговѣйнымъ удовольствіемъ.

Подъѣзжая къ Изборску, на противулежащей ему горѣ, я велѣлъ извозчику остановиться, и пошелъ пѣшкомъ. Подъ горою обширная разстиается долина, сомкнутая возвышенностями; посреди долины струится небольшая рѣчка, или ручеекъ, образующій какъ-бы ленту сребристую на зеленобархатной муравѣ; возвышенности, почти перпендикулярно висящія надъ долиною, составляютъ прелестный ландшафтъ.

Перешедши долину и ручей по мосту, я помчался

быстро на скалу, на склонъ которой виситъ замокъ, или крѣпость Изборская. Во внутренности ея, на площадкѣ стоитъ убогая церковь, безъ украшеній новыхъ и безъ остатковъ старины: она сама только есть старина примѣчательная. Вокругъ нее находятся столько же убогіе дома священниковъ и ихъ неопрятные огороды. Крѣпостныя стѣны сохранились все: только на сѣверной сторонѣ сдѣланъ проломъ не непріятелями, а вѣроятно временемъ или невѣжественными жителями прилежащей деревни. По угламъ стѣнъ находится шесть высокихъ башенъ: въ одной устроена теперь колокольня. Я входилъ на нее не для наблюденій археологическихъ, — ибо тамъ нечего видѣть, — а для взгляда на прелестныя окрестности.

Вышедъ изъ крѣпости сквозь проломъ, я спустился внизъ со скалы, и увидѣлъ себя въ низкой лоцинѣ, гдѣ находится естественный запасъ воды, или резервуаръ: отсюда въ разныя стороны льются родники; нѣкоторые изъ нихъ представляются текущими, вопреки законамъ Природы, снизу вверхъ съ большою быстротою; протекши на довольное разстояніе, они бросаютъ свои воды въ долину, и соединяютъ ихъ съ ручьемъ, тамъ бѣгущимъ.

При выѣздѣ изъ Изборска къ Печорамъ, по обѣ стороны дороги находится кладбище, по преданію весьма древнее: на многихъ могилахъ лежатъ гранитныя изъ дикаго камня плиты съ неистолкуемыми или по крайней-мѣрѣ досель еще неистолкованными надписями, которыя однако жъ несомнѣнно доказываютъ глубокую ихъ древность и не простое происхожденіе почіющихъ подъ ними. Не гробы ли это какихъ либо именитыхъ воиновъ, погибавшихъ въ частыхъ браняхъ Русскихъ съ Ливонцами?

Въ двадцати верстахъ отъ Изборска, велѣлъ я снова остановиться, чтобы видѣть Печоры, самую крайнюю на сѣверозападъ Россіи обитель, или послѣдній

православный монастырь — мѣсто, отмѣнно примѣчательное своею природою, и иѣкогда сильное высокими стѣнами и укрѣпленными башнями. Между сихъ стѣнъ, построенныхъ на возвышеніяхъ, находится въ узкой долинѣ цѣлый рядъ монастырскихъ строеній, — церквей, келій и отдѣльныхъ домиковъ; по склону горы, довольно обширный фруктовый Святогорскій садъ, изъ котораго просторный коридоръ, или лѣсница, ведетъ въ главную церковь монастыря, расположенную также по горѣ, подъ церковь, во внутренности горы, извивистыя пещеры съ гробами и съ небольшою церковію Успенія, въ которой зимою отправляется служеніе, и гдѣ иконостасъ весь желѣзный. Въ лѣтнее время долго ходить по симъ пещерамъ невозможно отъ сырости и пронизающаго до костей холода.

Вышедши изъ Святогорскаго сада и изъ пещеръ, надобно восходить на другую крутизну, по уступамъ, нарочно устроеннымъ. На ней недавно сооружена новая, изящной архитектуры церковь, которая служить какъ-бы монументомъ Графу Витгенштейну и его сподвижникамъ, храбро ратовавшимъ въ незабвенную годину спасенія отечества отъ нашествія Французовъ.

При выходѣ изъ монастыря, поклонились мы Печерской Божіей Матери, только-что возвращавшейся изъ Пскова, и сопровождаемой безчисленнымъ множествомъ народа, сбѣжавшагося отъсюду къ ней на встрѣченіе.

Вечеръло уже, когда выѣхали мы изъ Печоръ; съ концомъ дня кончилось и наше путешествіе по Псковской губерніи; ночью прибыли мы въ Нейгаузенъ, первую станцію въ предѣлахъ Лифляндіи, гдѣ новый бытъ и новая жизнь и въ Природѣ и въ людяхъ. Новое нашла мы даже и въ самыхъ развалинахъ Нейгаузенскаго замка, совершенно отличныхъ своимъ ха-

ракторомъ отъ развалинь Гдовскихъ, Псковскихъ и Изборскихъ.

Псковская губернія принадлежитъ къ числу посредственно населенныхъ, не такъ бѣдна жителями, какъ Архангельская или Астраханская, но далеко не такъ богата населеніемъ, какъ внутреннія околосковныя губерніи : здѣсь, на пространствѣ 768 квадратныхъ миль, находится около 650,000 (647,640) жителей: слѣдственно по 843 человека на одну квадратную милю.

Губернія эта не можетъ принадлежать и къ числу хлѣбородныхъ: изъ 4,011,459 десятинъ всего пространства менѣ половины (1,292,092 д.) считается пахатной земли. Здѣсь болѣе болотъ, нежели луговъ и сѣнокосныхъ пастбищъ: болота и рѣки занимаютъ 264,142 десятины, а подъ лугами только 195,145 десятицъ: слѣдственно и скотоводство процвѣтаетъ здѣсь также не можетъ.

Главнѣйшее богатство сего края составляютъ лѣса: большая ихъ часть — собственность казны; нѣкоторые отдѣлены и неприкосновенны подѣ именемъ заказныхъ рощей, въ которыхъ находится 84,037 десятинъ; а другіе, раздѣленные на 235 лѣсосѣковъ, приписаны къ казеннымъ волостямъ.

По хлѣбопашеству лучшіе уѣзды въ Псковской губерніи — Псковской и Великолуцкій, а худшіе — Торопецкій и Порховскій: вообще же урожай по губерніи не болѣе, какъ съ небольшимъ третье зерно. На случай неурожаевъ устроены запасные хлѣбные магазины, въ которыхъ хранится хлѣба на лицо 17,708 четвертей ржи и 4,100 четвертей овса: это, въ случаѣ надобности, раздается казеннымъ крестьянамъ, ибо продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ возлагается на попеченіе самихъ помѣщиковъ. Не смотря на естественную бѣдность страны, съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я общую зажиточность и

Благоденствіе поселянъ, какъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ, такъ и казенныхъ. Нельзя не сказать здѣсь, что повалъ мѣра управленія казенными крестьянами, принятая для опыта Министерствомъ Финансовъ, уже оказываетъ здѣсь благотѣльные послѣдствія: быть казенныхъ крестьянъ видимо и очень быстро измѣняется къ лучшему.

Бѣдная продуктамъ земледѣльческими, она также мало замѣчательна и по успѣхамъ мануфактурной промышленности. Изъ фабрикъ въ Псковской губерніи только одна полотняная и нѣсколько заводовъ; коженые и винокурные самые многочисленныя, но всѣ вообще заводы неважны.

Торговля губерніи незначительна: близость къ столицѣ и Ригѣ отнимаетъ всякую возможность къ распространенію сей промышленности. Хотя купечеству ющаго класса считается здѣсь свыше 2000 человекъ, — но что это за купцы! Люди съ сотнею тысячъ рублей считаются здѣсь уже за большихъ капиталистовъ. Самыми важнѣйшими пунктами для торговли и промышленности должны считаться города Псковъ, Торopezъ и Порховъ. Въ бытность мою во Псковъ я слышалъ отъ многихъ жалобы на то, что торговля Риги и вообще Остзейскихъ провинцій подавила всю торговую дѣятельность Псковитянъ. Этѣ жалобы были главнѣйшею причиною перемѣны пути моего и рѣшимости моею взглянуть на Ливонію, и повѣрить, сколько возможно, ихъ справедливость или неосновательность.

Учебныхъ заведеній, считая въ томъ числѣ приходскія училища, находится здѣсь 22, и въ нихъ 790 человекъ учащихся: слѣдственно среднею пропорціею приходится только 35 человекъ учащихся на каждое училище, и изъ 820 человекъ всего народонаселенія одинъ учащійся.

Въ нравственномъ отношеніи губернія предста-

вляеть болѣе утѣшительнаго: преступленія здѣсь рѣдки; безопасность жителей довольно ограждена; въ 1831 году производилось въ Псковской Уголовной Палатѣ 398 дѣлъ, по которымъ подвергнуто было суду 720 человекъ; изъ нихъ 307 человекъ содержалось подъ стражею, 406 приговорено къ наказанію, а 313 оправдано. Изъ всего числа 398 уголовныхъ преступленій приходилось 239 дѣлъ по корчемству, за которое судилось 384 человека, содержалось 170 и 188 приговорено. Послѣ корчемства, самыя частыя и болѣе обыкновенныя преступленія — воровство, драки въ пьянствѣ и бродяжничество. За смертоубійства было только 9 человекъ приговоренныхъ.

Самое большее число преступниковъ въ сравненіи съ общимъ числомъ душъ, къ каждому сословію принадлежащихъ, оказывается въ сословіи разночинцевъ и духовныхъ, а самое меньшее въ классѣ крестьянъ удѣльныхъ: между казенными крестьянами вообще менѣ нравственности, какъ видно, нежели между удѣльными и помѣщичьими.

Осмотръ Нейгаузенскихъ развалинъ, 27 Мая, воскресилъ въ моей памяти воспоминанія о Ливонскомъ Рыцарствѣ, о борьбѣ его съ Новгородскою вольницей, о подвигахъ великаго Плеттенберга, о смѣлыхъ, грабительственныхъ набѣгахъ Князей Щени Оболенскаго и Пенка Ярославскаго, и объ убійственныхъ сценахъ, полчищами Царя Грознаго, здѣсь совершавшихся. Новгородокъ Ливонскій, или Нейгаузенъ, былъ отчасти метою нападеній, отчасти воротами ко входу въ самое сердце Ливоніи, земли, издавна классической въ военномъ, политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ.

Долго любовался я прелестнымъ положеніемъ Нейгаузена, тщательно рассмотрѣлъ давно уже обрушившіяся стѣны замка съ полуразвалившимися зубчаты-

ми его башнями: все брошено, и все спокойно теперь въ мѣстѣ нѣкогда шумномъ.

Ночью проѣхали мы городъ Верро, и очень темное сохранилъ я объ немъ понятіе: городокъ, сколько видно было, чистый, опрятно содержимый, безъ древностей, безъ богатыхъ зданій. Дорога отсюда, съ небольшими перерывами, несносно дурная и утомительная по причинѣ глубокихъ сыпучихъ песковъ. Города Валкъ и Волмаръ, находящіеся на большомъ Петербургскомъ трактѣ, мало развлекли наше вниманіе. Остатки замка, высокой стѣны, башень, вала и рва и доселѣ еще видны въ Волмарѣ, — а сколько прстерпѣлъ нападеній и опустошеній этотъ городъ, знаемый прежде въ Россіи подъ именемъ Володимірецъ Ливонскій! Теперь не имѣетъ онъ ни городской промышленности, ни капиталовъ: только красивая Аа даетъ ему преимущество предъ Валкомъ и Верро. Проѣхавши Волмаръ, погружались мы болѣе и болѣе въ пески.

Отъ станціи Энгельгардсгофа до Риги не болѣе сорока верстъ, но цѣлое море песковъ лежитъ между ними: плыть по этому морю нужно удивительное, стоическое терпѣніе. Въ одиннадцати верстахъ отъ Риги лежитъ Нейермиленъ, бѣдное созданіе Епископа Алберта, нѣкогда укрѣпленный замокъ, а нынѣ простая почтовая станція. Никогда не забуду ея: цѣлые три часа ѣхали мы — эти безконечныя одиннадцать верстъ.

Въ шесть часовъ вечера, 28 Мая, въѣхали мы въ Ригу: красивые, большею частію деревянные дома, широкія улицы, ихъ людность, отличный вкусъ въ построеніи и расположеніи зданій поразили меня при первомъ въѣздѣ въ городъ: но это не городъ, сказали мнѣ, а только предмѣстіе, форштатъ Петербургскій, совершенно обновленный послѣ великаго пожара въ 1812 году, истребившаго его почти до основанія, равно какъ и соединяющійся съ нимъ форштатъ Мо-

сковскій, не столько красивый и богатый, но болѣе протяженный, такъ же правильно построенный и столь же удобный и помѣстительный для житья. Оба сѣн форштата съ трехъ сторонъ замыкають городъ, который только западную свою стороную облакачивается, можно сказать, на пологій, ровный берегъ Двины; за рѣкою на лѣвомъ ея берегу, находится третій форштатъ, Митавскій, несравненно бѣднѣйшій двухъ первыхъ.

Между Петербургскимъ форштатомъ и городомъ лежитъ обширная площадь, съ коею вправо прекрасный видъ на цитадель и рѣку, а съ лѣвой на недавно раскинутый садъ, *Wöhrmansgarten*, обычное мѣсто общественнаго гулянья въ праздники; на южномъ концѣ площади г. глубокой водяной ровъ, окружающій все пространство собственно такъ называемаго города; надъ ровомъ возвышается крѣпкій валъ, обложенный тесаннымъ камнемъ, имѣющій десять бастіоновъ и четыре рavelина съ покрытымъ путемъ и гласисомъ: сей валъ образуетъ неодолимую стѣну, въ которой съ сухаго пути устроены трое воротъ, а со стороны Двины пять.

Собственно, городъ Рига какъ-будто слить изъ огромной каменной массы, крѣпко и узко сплоченной: при въѣздѣ чувствуешь стѣсненіе, духоту, тяжесть на душѣ. Улицы необыкновенно узкія и неправильныя; высокіе, странной архитектуры дома почти безъ дворовъ, испещренные всякаго рода вывѣсками, Нѣмецкими, Французскими, Еврейскими и изрѣдка Русскими; на каждомъ шагу лавки подъ домами, мелочныя и щепетильныя рядомъ съ богатыми магазинами; длинныя узкія улицы, *Gassen*, пересѣкаются безчисленнымъ множествомъ коротенькихъ и еще болѣе узкихъ переулковъ, *Nebengassen*, въ которыхъ новопріѣзжіе не найдеть ни начала, ни конца. Это настоящій лабиринтъ, гдѣ только пребываніе продолжительное и на-

выкъ могутъ дать Ариадницу нить для прогулки по немъ безъ бѣдъ и безъ приключеній. И несмотря на эту тѣсноту, на эту безобразность построеній, невольнo поражаетесь повсемѣстною чистотою и опрятностію какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ: нѣтъ излишняго убранства, нѣтъ пустой роскоши, но вездѣ и во всемъ порядокъ, точность, неизмѣнимая ничѣмъ правдливость въ жизни.

Городъ съ крѣпостію, безъ форштатовъ, имѣетъ четыре версты въ окружности, двѣ въ длину и 450 сажень въ ширину. Прошедши весь городъ насквозь, мы очутились на берегу величественной Двины, чрезъ которую наведенъ плывучій мостъ, соединяющій городъ съ форштатомъ Митавскимъ. Видъ съ этого моста очаровательный: внизъ по Двинѣ взоръ достигаетъ неизмѣримаго моря, которое какъ-будто угрожается быть заваленнымъ страшными громадами песковъ, надъ нимъ нависшихъ; вправо выказывается древній замокъ Ливонскихъ Магистровъ, славный пребывавшемъ въ немъ доблественнаго Вальтеръ-фонъ-Плеттенберга, и высокіе шпицы готическихъ храмовъ и зданій — Domkirche, Schwarzhäupter и Rathhaus; подлѣ моста, по обѣ стороны представляется цѣлый лѣсъ изъ мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ торгующихъ народовъ Европы; большіе корабли, разставленные рядомъ отъ одного берега до другаго, вѣнчаютъ мостъ и образуютъ на влажной стихіи чудную улицу съ огромными плывучими домами, вмѣщающими въ себѣ несмѣтныя сокровища изъ разныхъ концовъ вселенной.

Рано утромъ, 29 Мая, по благосклонному приглашенію Г. Борха, управляющаго Рижскою таможенною, снарядились мы на пріятную прогулку водою изъ Риги до Болдераа и Динамида. Въ девять часовъ отправились мы внизъ по Двинѣ на двѣнадцати-весельномъ таможенномъ катерѣ, при сильномъ противномъ

втрѣ съ моря. Три часа вхали мы разстояніе пятнадцати верстѣ : по лѣвому берегу рѣки въ разныхъ мѣстахъ устроены небольшія пристани и раскиданно лежатъ немногочисленныя селенія ; на правомъ берегу, въ глубинѣ насажденныхъ рощей, видѣются дачи богатыхъ гражданъ Риги, въ праздничное время полныя народомъ, гостями хозяевъ и досужими весельчаками; на томъ же берегу разставлены маяки, въ известномъ одинъ отъ другаго разстояніи ; чѣмъ ближе подъѣжаешь къ заливу морскому, тѣмъ чаще и болѣе видны обнаженные песчанья горы, вокругъ коихъ совершенная пустота.

При самомъ широкомъ устьѣ Двины на лѣвой ея сторонѣ находятся Болдераа и Динаминдъ. Болдераа есть собраніе нѣсколькихъ небольшихъ домиковъ для таможенныхъ надзирателей и служителей и лоцмановъ ; здѣсь останавливаются всѣ приходящіе корабли, бывають осматриваемы и предъявляютъ свои коносаменты и накладныя, или роспись всего груза или своихъ товаровъ ; здѣсь же хозяева кораблей, въ случаѣ надобности, берутъ лоцмановъ, опытныхъ и искусныхъ въ провожаніи судовъ чрезъ опасныя мѣста.

При сліяніи рѣки Болдераа съ Двиною, насупротивъ Болдераской таможни, лежитъ крѣпость, или шанецъ Златокрыль, или Динаминде, современная основанію Риги, и первоначально построенная въ видѣ Католическаго монастыря. Песчанья окрестности мѣста со стороны сухопутной и близлежащія опасныя мели со стороны моря были достаточнымъ огражденіемъ отъ нападений непріятельскихъ въ то время, когда воинское искусство еще было въ колыбели. И теперь Динаминдъ стоитъ въ числѣ крѣпостей, имѣетъ коменданта, гарнизонъ и артиллерійскіе снаряды для обороны; но безъ сомнѣнія, эта крѣпость въ стратегическомъ смыслѣ не можетъ считаться важнымъ

пунктомъ. Съ крѣпостнаго вала и особенно съ высокой колокольни внутри крѣпости прелестный видъ въ морскую даль, недостижимую для взора. За Динаминдомъ, при самомъ входѣ въ открытое море, построена брандвахта, крайній обитаемый предѣлъ Рижскій.

Отсюда быстро помчались мы въ обратный путь къ Ригѣ, противъ теченія воды, но при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, съ тремя поднятыми парусами — эта прогулка была истиннымъ наслажденіемъ. На возвратномъ пути, сидя лицомъ къ Ригѣ, говорили мы о предіетѣ, который даетъ жизнь и душу сему городу, даетъ ему и славу, и богатство, и ставитъ его на чреду первыхъ городовъ Имперіи: бесѣдовали о торговлѣ.

Ежегодно къ порту Рижскому приходитъ отъ 1,200 до 1,500 кораблей изъ всѣхъ странъ коммерческихъ со всѣми издѣліями, какія только позволены по нашимъ тарифамъ: ввозъ простирается на сумму свыше 10,000,000 рублей, а вывозъ около 40,000,000; продукты, отпускаемые отсюда за границу, состоятъ большею частію въ естественныхъ произведеніяхъ Русскаго царства: хлѣбъ, льнъ, пенькъ, лѣсъ, и проч. Сіи произведенія свозятся сюда изъ разныхъ странъ внутренней Россіи: слѣдственно огромные торговые обороты Рижскіе разливаютъ богатство и благоденствіе и въ самые дальніе края отечества. Но это благодѣтельное вліяніе торговли Рижской на Россію было бы несомнѣнно еще важнѣе и оцутительнѣе, ежели бы въ старинныхъ постановленіяхъ города не заключались многія правила, полезныя Ригѣ въ частности, но вредныя для преуспѣянія общей торговли государственной, и стѣснительныя для народа. По симъ правиламъ, и доселѣ имѣющимъ силу закона, опредѣлены исключительнымъ привилегіи гражданъ Рижскихъ во всѣхъ ихъ торговыхъ сдѣлкахъ

какъ съ иноземными торговцами, такъ и съ Русскими. Замѣчу здѣсь примѣчательнѣйшія изъ нихъ.

1. Никто изъ неприннадлежащихъ къ гражданству или братству Рижскому, Brüderschaft, не можетъ вести въ Ригѣ иностранной торговли.

2. Никто изъ торговыхъ иностранцевъ ничего не можетъ здѣсь купить ни отъ кого иначе, какъ только отъ Рижскаго купца.

3. Всѣ товары, провождаемые въ Ригу изъ-за границы, должны быть адресованы непременно на имя какого-нибудь Рижскаго торговаго дома.

4. Всѣ приходящіе въ Ригу корабли иностранныя платятъ разнымъ чинамъ города извѣстный, закономъ опредѣленный гонорарій: такъ напримѣръ, генералъ-губернаторъ получаетъ съ каждаго корабля по червонцу, управляющій таможеню по талеру, и т. д.

Какія слѣдствія подобныхъ постановленій, носящихъ на себѣ печать нелѣпой меркантильности? Слѣдствія всегда одинаковыя и всегда гибельныя: во-первыхъ, не можетъ вполне развиваться благородное совмѣстничество между торговцами, а совмѣстничество есть душа всякой промышленности и торговли; во-вторыхъ, Рижскій портъ и торжище никогда не въ состояніи сдѣлаться столько обширными, какъ они могли бы быть по естественному положенію города; въ-третьихъ, Рижскіе купцы суть монополисты, они одни исключительно владѣютъ рынкомъ, и отъ того цѣны товарамъ никогда не соответствуютъ истинной цѣнности вещей, и нѣтъ такого большаго требованія на товары, какое бы непременно было при свободной торговлѣ.

Опредѣленный закономъ гонорарій есть прямое беззаконіе по смыслу чистаго разума и по началамъ политики: богатыя немногія лица, онъ бѣднитъ, можетъ быть, цѣлые милліоны, ибо иноземный торговецъ, заплативши пошлину въ казнохранилище госу-

дарственное и положивши гонорарій въ карманы правителей, долженъ необходимо продать свои товары дороже, нежели какъ-бы онъ продалъ безъ подобныхъ постановлений: слѣдственно частные туземные, отечественные покупщики вознаграждаютъ убытки, понесенные иноземцемъ.

Кромѣ сихъ привилегій, вредящихъ торговлѣ иностранной, Рижскимъ гражданамъ предоставлены другія, еще болѣе пагубныя, ибо онѣ вредятъ прямо торговлѣ отечественной, внутренней. Назову нѣсколько такихъ.

При ввозѣ всякаго товара на Рижскій рынокъ берется съ продавца на заставѣ акцизъ въ пользу города.

Товаръ, ввезенный въ черту города Риги, непременно долженъ быть проданъ тутъ по установленной цѣнѣ на биржѣ; вывезти его обратно изъ города уже не возможно.

Нечего объяснять притѣснительности такихъ мѣръ: она очевидна. Не въ правѣ ли послѣ сего Псковитяне, и съ ними торговцы всѣхъ другихъ странъ и городовъ, жаловаться на Рижскую торговлю?

Предположивъ скорый отъѣздъ изъ Риги, я спѣшилъ все осмотрѣть, все видѣть примѣчательное въ семъ необыкновенно примѣчательномъ городѣ; блуждалъ по его улицамъ, обгаль форштаты, съ изумленіемъ и любопытствомъ разглядывалъ чудовищный памятникъ—ростральную колонну, сооруженную надъ могилою какого-то зажигателя Gabriel Franck, законнаго тутъ живымъ; смотрѣлъ на обширный гостиный дворъ, построенный безъ пользы, совсѣмъ пустой и никогда не открываемый; любовался превосходнымъ устройствомъ водовмѣстилища, изъ котораго проведена вода по всѣмъ домамъ города; смотрѣлъ на зданіа древнія, но и теперь составляющія главнѣйшую красу Риги, какъ то: Ritterschaftshaus.

Rathhaus, Schwarzhaupterhaus, цитадель, устроенную и укрепленную по системѣ Вобана, Императорскій дворецъ, и Старый Замокъ, построенный Плеттенбергомъ, и обитаемый некогда Графомъ Дальбергомъ, дерзнувшимъ оскорбить Петра Великаго.

Согласимся, что безъ Ливоніи, безъ Петербурга и Риги, Россія никогда не сдѣлалась бы тѣмъ, чѣмъ она теперь, — націею, истинно Европейскою. Ливонія и Рига были и остаются доселѣ проводниками Европейской образованности въ глубину Россіи. Многому научились Русскіе отъ Ливонцевъ, многое могутъ перенять отъ нихъ и теперь: это благоустройство общественное, эту расчетливость въ дѣлахъ домашнихъ, это благонравіе въ семействахъ, эту смышленость въ трудовыхъ стяжаніяхъ, эту дѣятельность неутомимую, и это умѣнье веселиться тихимъ веселіемъ и удовольствіями не шумными.

Въ одиннадцать часовъ утра 31 Мая оставили мы Ригу, и пустились по Московскому тракту. Путешественникъ, провзжающій изъ Петербурга чрезъ Ригу и Митаву за границу, или вдушій изъ за границы въ Петербургъ, получить самое невыгодное понятіе о Лифляндіи. Глубокіе пески, каменистая почва, тощія нивы, рѣдкое населеніе, бѣдныя села, и на извѣстномъ разстояніи города, не представляющіе ни изящества въ построеніи, ни богатства въ промышленной дѣятельности, должны необходимо произвести на него самое непріятное впечатлѣніе. Такъ было и со мною въ проѣздъ нашъ отъ Пскова до Риги.

Совсѣмъ другія соображенія родились во мнѣ во время проѣзда нашего по полуденному краю Лифляндіи, при взглядѣ на При-Двинскія земли. Искренно чту память Мейнгарда и Алберта, умѣвшихъ указать мѣсто для основанія Риги, и избравшихъ берега Двины мѣстами своихъ благочестивыхъ и воинственныхъ дѣйствованій. Западная Двина можетъ по справедлив-

вості считаются историческою рѣкою, и страны, къ ней прилежащія, классическими землями Россійско-Германскаго рыцарства; а Природа сихъ странъ истинно романтическая, живописная по множеству прелестныхъ видовъ, разкиданныхъ вдоль теченія Двины, начиная отъ Риги до Крейцбурга. По берегамъ Двины стоятъ доселѣ уцѣлѣвшіе остатки рыцарскихъ замковъ, видны доселѣ слѣды прошедшей мощности и славы феодаловъ, Ливонскихъ шварцгейптеровъ, швердттрегаровъ, державшихъ въ одной рукѣ мечъ для пораженія здѣшнихъ аборигеновъ, въ другой крестъ для водруженія его въ землѣ неверныхъ, тогда еще неюзаренныхъ ученіемъ Христовымъ.

Ливонскіе рыцари, одушевленные желаніемъ корыстей и стяжаній мірскихъ и чаяніемъ наградъ небесныхъ, лили потоки крови безпомощныхъ обитателей и были имъ столько же ненавистны, какъ феодалы западной Европы своимъ рабамъ; но кровь, пролитая Ливонцами, поглощена землею и смыта теченіемъ въковъ, а сѣмена добра, ими посѣянные на увлажненной кровію нивѣ, принесли плодъ. Къ отрадѣ человечества, добро долговѣчнѣе зла. Ливонія, пережившая времена бѣдствій, давно уже благоденствуетъ въ слѣдствіе подвиговъ, совершенныхъ рыцарями, и новой жизни, ими сюда внесенной. Слѣды сихъ подвиговъ и сей жизни видны по всему При-Двинью, или на пути отъ Риги къ Динабургу.

Въ 10 верстахъ отъ Риги лежитъ селеніе, примѣчательное нынѣ однимъ славнымъ своимъ именемъ, Иккуль, важное въ исторіи Ливоніи тѣмъ, что здѣсь создана была первая Христіанская церковь въ сей странѣ: ни малѣйшихъ остатковъ и слѣдовъ ея даже нѣтъ, но отъ нее, вѣроятно, получила свое названіе первая отъ Риги станція, Кирхгольмъ, послѣдняя скучная по глубокимъ пескамъ; здѣсь оканчивающимся.

Отъ Кирхгольма дорога перемѣняется разительно: горы, во многихъ мѣстахъ отвѣсно стоящія, холмы, покрытые кустарниками и лиственными деревьями, поля съ зеленѣющими нивами, привольные луга, крутоберегая, особенно со стороны Курляндской Двина, плавно катящая свои воды, по временамъ терпящаяся изъ вида, и скоро снова выказывающаяся на необозримую даль, множество красивыхъ мызь по берегамъ, даютъ необыкновенное разнообразіе дотолю унылой Природѣ, и представляютъ очаровательную картину взорамъ путешественниковъ. Долго и съ величайшимъ наслажденіемъ покоились и глаза и вниманіе наши на одномъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстоположеній: мы смотрѣли и не могли насмотрѣться на видъ Двинскаго утесистаго берега, противулежащаго Фридрихштадту, городку ничтожному по составу своему. Постоянно отличная дорога, и живописные виды продолжаютъ отъ Кирхгольма чрезъ станціи Огеръ, Юнгфернгофъ и Ремерсгофъ: послѣдняя сопредѣльна съ одной стороны богатой мызь Барона Шульца, а съ другой примыкаетъ къ древней руинѣ какого-то замка. Отсюда Двина пропадаетъ для глазъ проѣзжающаго по большой дорогѣ на цѣлыя пятнадцать верстъ; и виды отъ того скуднѣе, и природа единообразнѣе и пустыннѣе. За четыре версты до Кокенгузена она является опять — и опять Природа становится по прежнему прекрасна, болѣе прежняго величественна, дивна въ своихъ явленіяхъ.

Въ Кокенгузенѣ прибыли мы въ одиннадцать часовъ ночи. И среди темноты можно было, хотя и не ясно, различить что-то необыкновенное въ положеніи сего исторически славнаго мѣста.....

АРСЕНЬЕВЪ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О ГРОМОВЫХЪ И ГРАДОВЫХЪ ОТВОДАХЪ.

=

Благотѣльное дѣйствиѣ громовыхъ отводовъ извѣстно каждому, но, къ сожалѣнію, доселѣ вооружаются ими только немногія публичныя зданія: еще рѣже видимъ ихъ на домахъ, принадлежащихъ частнымъ людямъ изъ образованнѣйшаго и богатѣйшаго класса. Этимъ ограничивается польза Франклинова изобрѣтенія. Для общей безопасности слѣдовало бы испременино каждое отдѣльное живое строеніе, амбаръ, закрокъ, сарай, скотный дворъ, мельницу, и проч. защитить отъ молніи, и тѣмъ обезпечить имущество и жизнь каждаго бѣднѣйшаго поселянина. Правда, что до нашихъ временъ устройство громовыхъ отводовъ требовало большихъ издержекъ, возможныхъ только людямъ достаточнымъ. Чувствуя всю важность этого неудобства, многіе друзья человечества пытались усовершенствовать Франклиновы громоотводы, или, буде возможно, замѣнить ихъ другими, устройство которыхъ было бы сопряжено съ меньшими издержками. Наконецъ труды ихъ увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, и теперь каждый крестьянинъ можетъ, безъ отягощенія себя, наставить повсюду столько громоотводовъ, сколько ему заблагоразсудится. Прежде, нежели мы приступимъ къ описанію сего столь важнаго въ хозяйствѣ изобрѣтенія, бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе электричества въ атмосферѣ и теорію громоотводовъ вообще.

Опыты Франклина въ 1752 году и вскорѣ за тѣмъ изслѣдованія Рихмана, Ломоносова и другихъ совершенно доказали, что громъ и молнія обязаны своимъ происхожденіемъ электричеству. Эта невѣсомая жидкость накапливается въ атмосферѣ неизвѣстнымъ еще доселѣ образомъ; впрочемъ, очень вѣроятно, что главною причиною сего накопленія есть паро-

образование. Электричество, заключающееся въ воздухѣ и облакахъ, находясь на большой высотѣ, не можетъ дѣйствовать на землю; но коль скоро слои наэлектризованныхъ облаковъ опустятся ниже, тогда равновѣсіе электрической жидкости Земнаго Шара нарушится, и предметы, находящіеся на поверхности земли, преимущественно возвышенныя, наэлектризуются соразмѣрно собственной ихъ къ тому способности и степени накопленія электричества въ облакахъ. Тогда слой воздуха, находящійся между облакомъ и предметомъ, разрывается наконецъ усиліями обонхъ электричествъ, стремящихся соединиться, и ослѣпительная искра, или пламенная полоса — молнія — означаетъ мгновенное соединеніе электричествъ облака и предмета. Предположимъ, что этотъ возвышенный предметъ состоитъ изъ хорошаго проводника электричества, т. е., изъ такого тѣла, по которому оно можетъ стекать очень быстро, почти мгновенно, — тогда ближайшіе къ нему другіе предметы ни сколько не пострадаютъ отъ разрушительнаго дѣйствія небеснаго огня. И такъ есть возможность доставить атмосферному электричеству свободный и быстрый истокъ въ землю, безъ вреда окружающимъ предметамъ, или, говоря другими словами: можно обезоружить громоносную тучу посредствомъ всякаго хорошаго проводника. Еще при самыхъ первыхъ опытахъ съ атмосфернымъ электричествомъ Франклинъ доказалъ, что остроконечія сильно привлекаютъ, или, такъ сказать, всасываютъ въ себя электричество изъ атмосферы и служатъ ему какъ бы сточною трубою. Это-то свойство остроконечій и отличная способность металловъ свободно проводить электричество суть два начала, на которыхъ основывается устройство громовыхъ отводовъ.

Берется толстый желѣзный пруть, длиною отъ 20 до 25 футовъ, и утверждается на самой возвышенной части зданія; верхній конецъ этого прута заостряется и покрывается слоемъ какого нибудь трудно окисляемаго металла, какъ то золота или платины, дабы острее со временемъ не притупилось отъ ржавчины. Къ основанію этого прута прикрѣпляется желѣзная цѣпь или, чаще, другой такой же пруть, нижній конецъ котораго опускается на нѣсколько футовъ въ землю. Англичане устроятъ громоотводы нѣ-

сколько иначе: они укрепляют на здании, вдоль конька, легкій желѣзный пруть, припаявая къ нему вертикальныя острия въ 3 или 4 фута длиною; потомъ тотъ же горизонтальный пруть сообщаютъ съ землею посредствомъ особаго прута, который и служитъ проводникомъ электричества цѣлому прибору. Очевидно, что 3 или 4 прутика, не толще четырехъ линий, стоятъ гораздо дешевле, нежели одинъ большой, двадцатипятифутовый пруть въ два дюйма толщиною. Такимъ образомъ издержки на устроение громоотводовъ значительно сокращаются, однако жъ все еще далеко превосходятъ средства бѣдныхъ людей, и особливо крестьянъ, которымъ, большею частію, всякая желѣзная вещь обходится въ три-дорога.

Аміенскій Физикъ Лапостоль, желая найти дешовое вещество, которое бы проводило электричество такъ же хорошо какъ желѣзо, производилъ множество опытовъ, и наконецъ, послѣ тщательныхъ изысканій, открылъ почти случайно, что обыкновенная солома соединяетъ въ себѣ всѣ желаемыя свойства. Убѣдясь въ справедливости сего многократно повторенными опытами, и чувствуя всю важность сдѣланнаго имъ открытія, онъ уже въ 1820 году издалъ разсужденіе о громовыхъ отводахъ (*Lapostolle, traité des parafoudres et des paragrées en cordes de paille, précédé d'une météorologie électrique*), въ которомъ, къ сожалѣнію, не избѣжалъ ошибки, общей почти всемъ изобрѣтателямъ, т. е. увлекшись своимъ предметомъ, слишкомъ распространилъ его и не въ мѣру преувеличилъ слѣдствія сего открытія. Признавая, что деревья утолщаются зимою болѣе нежели во все остальное время года, съ чѣмъ согласны и нѣкоторые другіе, онъ приписалъ это явленіе дѣйствию электричества, и вопреки господствовавшему тогда мнѣнію, къ той же причинѣ отнесъ происхожденіе дождя, образованіе рѣкъ и ручьевъ, прозябаніе растений и возрастаніе животныхъ. Онъ представилъ свое сочиненіе министру внутреннихъ дѣлъ, который и препроводилъ его на разсмотрѣніе Академіи. Должно думать, что наряженная для сего особая Коммиссія, съ перваго взгляда усмотрѣла недостатки этого сочиненія, и потому, считая излишнимъ входить въ подробное изслѣдованіе представленныхъ въ немъ фактовъ,

изложенных притомъ довольно безпорядочно, донесла Академіи, что все сочиненіе не заслуживаетъ ни какого вниманія. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ усилія изобрѣтателя распространить свое открытіе, оно было осуждено на вѣчное забвеніе.

Лапостоль долго состязался съ однимъ изъ членовъ Академіи, и хотя одержалъ надъ нимъ побѣду, однако жъ ничего этимъ не выигралъ; ему и досель не отдана еще должная справедливость. Между тѣмъ, несмотря на невыгодный приговоръ Академіи, многіе частные люди убѣдились въ дѣйствительной пользѣ изобрѣтенія Г. Лапостоля, и опыты съ его громоотводами мало-по-малу производились во многихъ мѣстахъ Франціи, Италіи и, какъ ниже увидимъ, у насъ въ Россіи весьма успешно.

Въ такомъ положеніи находилось это дѣло до 1828 года, пока возраженіе Лапостоля на мнѣніе Академіи случайно не попало въ руки Г. Винцена, извѣстнаго по многимъ полезнымъ своимъ трудамъ. Факты, изложенные въ этой книжкѣ, показали ему такъ ясны и убѣдительны, что онъ вознамѣрился непременно прочесть и самое отвергнутое сочиненіе; потомъ, убѣдясь изъ онаго, что сочинитель не ошибся по крайней мѣрѣ въ томъ, что солома наилучшимъ образомъ проводить электричество, рѣшился повѣрить его опыты, и сдѣлать нѣсколько новыхъ. Онъ исполнилъ это въ присутствіи знающихъ людей, и произведенные имъ опыты не оставляютъ ни какого сомнѣнія, что солома есть отличный проводникъ электрической матеріи.

Опыты сія отчасти были уже повторены въ кабинетѣ Физико-Механика Роспизи покойнымъ Профессоромъ Аванасіемъ Ивановичемъ Стойковичемъ; пунъ же я вновь повторялъ ихъ въ кабинетѣ здѣшняго Университета вмѣстѣ съ Адъюнктъ-Профессоромъ Алексѣемъ Никитичемъ Андреевскимъ. Изъ нижеслѣдующаго описанія сихъ опытовъ читатели могутъ сами судить, имѣетъ ли солома приписанное ей свойство, и въ какой степени.

Первый опытъ. По приведеніи электрической машины въ движеніе, электрометръ немедленно показалъ, что кондукторъ сильно наэлектризованъ, въ чемъ мы также удостоверились, извлекая изъ него сильныя искры. За снмъ какъ

дый изъ насъ бралъ въ руку по небольшому пучку соломы, и попеременно прикасаясь имъ къ кондуктору, не чувствовалъ ни малѣйшаго сотрясенія, хотя отъ сего кондукторъ очень скоро разряжался. Когда же, во время дѣйствія машины, мы прикасались къ ней соломенными пучками, тогда невозможно было скопить на кондукторъ ни сколько электричества; оно постепенно проходило по нашему тѣлу и изливалось въ землю. Но едва удаляли отъ него солому, онъ тотчасъ же заряжался, и снова лишался всего электричества отъ прикосновенія соломы, и всегда безъ искры и звука.

Второй опытъ. Большая Лейденская банка, будучи нѣсколько разъ заряжаема и разряжаема разрядникомъ, издавала сильный звукъ и ослѣпительную искру, которая удобно пробивала насквозь толстую тетрадь грубой бумаги. Наконецъ мы зарядили ту же банку еще сильнѣе, такъ, что если бъ кому нибудь вздумалось разрядить ее просто руками, тотъ вѣрно не рѣшился бы въ другой разъ на подобный опытъ; между тѣмъ я, имѣя въ правой рѣкѣ небольшой пучекъ соломы въ $2\frac{1}{2}$ дюйма длиною, разрядилъ ее очень спокойно, не почувствовавъ въ тѣлѣ ни малѣйшаго сотрясенія. Г. Андреевскій повторилъ то же самое, и получилъ то же слѣдствіе. Въ первый разъ банка была заряжена 75, а во второй 100 поворотами электрической машины, дѣйствовавшей столь сильно, что разряжая просто руками маленькую банку, заряженную только тремя поворотами машины, мы едва могли удерживать ее въ рукахъ, отъ сильнаго сотрясенія въ тѣлѣ.

Третій опытъ. Положивъ руку на кондукторъ, я сталъ на изолированную скамейку; тѣло мое сдѣлалось резервуаромъ электричества, волосы на головѣ поднялись дыбомъ, и прикосновеніемъ металла извлекаемы были изъ меня сильныя искры; когда же прикасались ко мнѣ связкою соломы, всѣ признаки электричества въ тѣлѣ моемъ мгновенно исчезали, безъ всякаго видимаго перехода онаго въ солому.

Четвертый опытъ. Сложивъ вмѣстѣ небольшой пучекъ соломы съ равнымъ ему по объему металлическимъ цилиндромъ, мы подносили ихъ къ сильно наэлектризованному кондуктору, причемъ электричество изливалось постепенно

въ солому, а не въ металл; ибо сей послѣдній не извлекалъ изъ кондуктора искры, тогда какъ будучи поднесенъ къ нему одинъ, безъ соломы, обнаруживалъ это явленіе каждый разъ.

Пятый опытъ. Взявъ въ одну руку небольшой пучекъ соломы, а въ другую желѣзный ключъ, я сталъ на изолированную скамейку подлѣ стола, на которомъ были поставлены двѣ Лейденскія банки, одна большая, а другая гораздо меньшей величины. Зарядивъ первую изъ сихъ банокъ какъ можно сильнѣе, я прикоснулся къ пруту ея пучкомъ соломы, а ключемъ къ пруту маленькой незаряженной банки; тогда все электричество изъ первой банки перешло по соломе, по тѣлу моему и по ключу во вторую банку; но какъ сія послѣдняя была относительно слишкомъ мала и не могла вмѣщать въ себѣ всего количества этой матеріи, то переполнилась она разряжалась сама собою нѣсколько разъ и электричество изливалось изъ нее въ землю.

Шестой опытъ. Привязавъ къ деревянной палкѣ фута въ три длиною, почти такой же величины соломенную веревку, пустивъ конецъ оной нѣсколько длиннѣе, я сдѣлалъ на этой веревкѣ нѣсколько разрывовъ, вырѣзавъ изъ нее ножомъ чрезъ каждые три дюйма по кусочку, величиною отъ двухъ до трехъ линій каждый. Потомъ, когда я прикасался эгичъ приборомъ къ сильно заряженной Лейденской банкѣ, сначала сообщая его съ наружною металлическою оболочкою банки, а потомъ и безъ того, то каждый разъ электричество быстро переходило въ землю, но безъ малѣйшей искры и треска въ разрывахъ. Между тѣмъ пзвѣстно, что въ подобныхъ перерывахъ на металлическомъ прутѣ, электричество оказываетъ свое присутствіе очень ясно и ощутительно: простые и самые обыкновенные физическіе опыты съ разрушающимися домиками и башнями, съ электрическими егерлями, иллюминаціями и тому подобныя, основываются даже на разрывахъ между металлическими пластинками.

Мы повторяли сіи опыты, равно какъ и описанные ниже, нѣсколько разъ и въ разныхъ видахъ; но дабы не утомлять нашихъ читателей изложеніемъ всѣхъ подробностей, скажемъ только, что всѣ они дали одинъ и тотъ же результатъ, и

неоспоримо доказали, что солома есть едва ли не лучший или по крайней мѣрѣ столь же хорошій проводникъ электричества, какъ и желѣзо.

Г. Винценъ, убѣжденный въ дѣйствительности явленій, открытыхъ Лапостолемъ, рѣшился употребить все силы къ опроверженію приговора Академіи. Однако жъ и ему трудно было состязаться съ нею: никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ Академія могла ошибиться и отвергнуть изобрѣтеніе, польза котораго такъ очевидна. Но это не лишило его бодрости; онъ написалъ разсужденіе о новомъ свойствѣ соломы и помѣстилъ его во 11 томѣ *Journal du génie civil des sciences et des arts*. За это одинъ старый Профессоръ Математики, котораго онъ просилъ повторить его опыты и опровергнуть ихъ другими, противными, только разбранилъ его, не отвѣчавъ и доселѣ на вызовъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, по случаю взрыва пороховаго завода въ Байоннѣ, послѣдовавшаго отъ молніи, несмотря, на то что онъ былъ снабженъ металлическимъ громоотводомъ, военный министръ просилъ Академію изъяснить ему причину этого явленія, и указать средства для предупрежденія впредь подобныхъ случаевъ. Г. Винценъ, доставивъ ему требуемое объясненіе, предложилъ съ тѣмъ вмѣстѣ испытать и соломенные громоотводы. Письмо его было отослано въ Артиллерійскій Комитетъ, который, признавъ его достойнымъ особаго вниманія, отослалъ на разсмотрѣніе къ одному изъ академикомъ состоявшему при Комитетѣ. Случилось, что этотъ Академикъ былъ именно одинъ изъ членомъ Комиссія, осудившей сочиненіе Лапостоля; и такъ очень естественно, что онъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, о чемъ и отнесся въ Комитетъ.

Наконецъ Общество поощренія народной промышленности во Франціи, убѣждаясь неоднократно просьбами Г. Винцена о назначеніи особой Комиссія для произведенія съ нимъ опытовъ надъ соломою, поручило произвести ихъ Г. Пулье, Профессору Консерваторіи Искусствъ и ремеслъ. Хотя Пулье, сомнѣваясь въ справедливости фактовъ, представленныхъ Винценомъ, всячески старался доказать ему, что солома не можетъ быть хорошимъ проводникомъ электричества, а дѣйствуетъ на него такъ же какъ человѣкъ

ское тѣло, пеньковая веревка, шерсть и проч., однако жъ они приступили къ повѣркѣ сихъ опытовъ, каждый въ твердомъ убѣжденіи доказать своему товарищу противное его мнѣнію. Опыты были производимы въ кабинетъ Консерваторіи, на машинѣ съ кругомъ въ четыре съ половиною фута въ діаметрѣ. Вотъ слѣдствія ихъ изысканій:

Первый опытъ. Въ то самое время, когда Пулье извлекалъ изъ машины посредствомъ разрядника сильныя электрическія искры, Винченъ коснулся кондуктора пучкомъ соломы, въ два фута длиною и въ полтора дюйма въ окружности; при первомъ прикосновеніи машина разрядилась и перестала давать съ разрядникомъ искры. Пулье приказалъ вращать машину какъ можно скорѣе, однако жъ и при вторичномъ прикосновеніи къ ней соломою получался тотъ же результатъ. Это не только изумило Профессора, но даже привело его въ замѣшательство. Тщетно прикасался онъ къ кондуктору попеременно то рукою, то разрядникомъ, онъ не могъ извлечь ни одной искры, и наконецъ принужденъ былъ сознаться, что машина совершенно разряжена.

Второй опытъ. Употребленный при семъ опытѣ пучекъ соломы имѣлъ въ длину 5 футовъ, а въ окружности 2 дюйма. Профессоръ Пулье замѣтилъ, что одной способности проводить электричество, оказывающейся въ соломе во время прикосновенія ея къ кондуктору, еще недостаточно, а надобно, чтобъ она привлекала электричество на известномъ разстояніи, дабы могла съ пользою служить для устройства громоотводовъ, потому что громовыя тучи носятся обыкновенно на значительной высотѣ и до отводовъ далеко не касаются. Въ доказательство, что солома имѣетъ и это свойство, Винченъ сильно наэлектризовалъ кондукторъ, и поднесъ къ нему соломенную веревку на разстояніе шести дюймовъ, отъ чего онъ также разрядился, съ тою только разностию, что на немъ осталось еще небольшое количество электрической матеріи. Съ удаленіемъ веревки на 1, 2, 3 фута отъ кондуктора, дѣйствіе соломы постепенно ослабвало. Изъ сего нельзя однако жъ выводить заключенія невыгоднаго для соломы, потому что однимъ только остроконечіямъ свойственно привлекать электричество издали, а если взять 40 или 50 тонкихъ металлическихъ пластинокъ

равной длины, и сдѣлать изъ нихъ связку, то эта связка также не разрядитъ машины на разстояніи нѣсколькихъ футовъ. Г. Пулье, чувствуя справедливость этого замѣчанія, позволилъ Винцену насадить на конецъ соломенной веревки металлическое острее; тогда эта веревка сдѣлалась совершеннымъ громовымъ отводомъ, и извлекала электричество на значительномъ разстояніи, подобно обыкновеннымъ металлическимъ громоотводамъ, съ тою только разностию, что ее безвредно можно было держать рукою, не чувствуя въ тѣлѣ ни малѣйшаго сотрясенія, тогда какъ желѣзный приборъ, поставленный точно въ тѣхъ же обстоятельствахъ, необходимо было сообщить съ землею потому, что рукою удержать его было невозможно, при дѣйствіи на него двухъ сильныхъ машинъ, освобождавшихъ большое количество электрической матеріи.

Третій опытъ. Они разряжали Лейдинскую банку безостаточно однимъ только прикосновеніемъ соломенной веревки; между тѣмъ какъ металлическимъ разрядникомъ можно сего достигнуть не иначе, какъ многократнымъ прикосновеніемъ онаго къ банкѣ.

Четвертый опытъ. Чтобы сблизиться сколько возможно съ явленіями природы, они взяли желѣзную цѣпь въ 5 футовъ длиною и съ остреемъ на концѣ, уединили ее на нѣкоторомъ отъ машины разстояніи, уединили точно такимъ же образомъ соломенную веревку съ металлическимъ же на концѣ остреемъ, и, обратя оба острей прямо на кондукторъ, привели машину въ движеніе. При семъ обѣ цѣпи равноаэлектризовались такъ, что можно было извлекать изъ нихъ искры одинаковаго напряженія. Этотъ опытъ ясно доказалъ Г-ну Пулье, что солома имѣетъ такую же способность проводить электричество, какъ и металлы; въ чемъ хотя онъ и убѣдился совершенно, однако жъ пожелалъ произвести еще одинъ опытъ съ настоящими громовыми отводами.

Пятый опытъ. Въ заключеніе они приказали изготovitъ

* При повтореніи мною сего опыта въ университетскомъ кабинетѣ, онъ оказался еще разительнѣе въ пользу соломы: я не могъ извлечь изъ нее ни одной искры, а чувствовалъ только, приближая къ ней руку или разрядникъ, слабый вѣтерокъ, служащій явнымъ доказательствомъ, что электричество стекало съ соломы издали и постепенно, какъ съ металлическаго острей.

соломенную веревку въ 25 футовъ длиною и въ $4\frac{1}{2}$ дюйма въ окружности, и когда стали сравнивать ея дѣйствіе съ дѣйствіемъ желѣзной цѣпи такой же длины, то нѣсколько разъ получали одни и тѣ же результаты, съ тою только разницею, что соломенный громоотводъ могли держать въ рукахъ, тогда какъ этого нельзя было сдѣлать съ желѣзнымъ.

И такъ, послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ опытовъ, не остается, кажется, никакого сомнѣнія, что при устройствѣ громоновыхъ отводовъ солома не только съ выгодною можетъ замѣнять желѣзо, но даже, преимущественно предъ всеми металлами, должна быть употребляема въ это дѣло, не одними недостаточными, но и самыми богатыми людьми. Причина очевидна: соломенные громоотводы, кромѣ дешевизны и удобства и легкости устройства, о которыхъ излишнимъ считаю распространяться, имѣютъ ту неоцѣненную выгоду, что не боятся разрывовъ, и въ самую сильную грозу не даютъ изъ себя искры; слѣдовательно какаѣ нибудь ошибка и неправильность въ сооруженіи сихъ отводовъ, или неосторожность въ обхожденіи съ ними, не ведутъ за собою тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія нерѣдко случались отъ металлическихъ громоотводовъ — вспомнимъ только смерть Рихмана!

Здѣсь не лишнимъ считаю замѣтить, что хотя молнія и бьетъ иногда въ соломенные крыши и стоги съ хлѣбомъ, однако жъ это ни мало не противурѣчитъ сказанному выше; ибо, однимъ только остроконечіямъ свойственно привлекать электричество издали и постепенно, а потому соломенная плоскость, такъ же какъ металлическая или всякая другая, можетъ быть раздроблена молніею; сверхъ того надъ соломенными крышами и стогами всегда торчатъ концы деревянныхъ шестовъ, идущихъ до земли, которые, будучи худыми проводниками электричества, легко могутъ быть поражены молніею, загорѣтся и сообщитъ пожаръ соломѣ.

Далѣе, Лапостоль, основываясь на открытомъ имъ новомъ свойствѣ соломы, весьма справедливо замѣчаетъ, что она можетъ доставить людямъ вѣрное, удобное и дешевое средство для предохраненія ихъ имущества не только отъ пожара, но даже и отъ разоренія, нерѣдко причиняемаго гра-

домъ; ибо громовые отводы должно почитать также и градовыми. Впрочемъ, это послѣднее положеніе постараемся доказать нѣсколько подробнѣе.

Многіе почитаютъ градъ одного происхожденія со снѣгомъ, т. е. полагаютъ, что онъ, образовавшись изъ замерзшихъ дождевыхъ капель, увеличивается на пути своемъ къ землѣ другими пристающими къ нему водяными частицами; но это, повидному, очень простое и естественное объясненіе вовсе не удовлетворяетъ многимъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ образованіе и паденіе града. Въ самомъ дѣлѣ, градъ падаетъ всегда лѣтомъ, и большею частію въ жары, когда воздухъ, особливо въ нижнихъ слояхъ атмосферы, бываетъ сильно нагрѣтъ; и когда градовая туча ходятъ очень не высоко. Какимъ же образомъ замерзшая въ облакѣ капля можетъ еще болѣе обмерзнуть въ тепломъ воздухѣ, и откуда ей взять столько паровъ, чтобъ увеличиться въ голубиное лицо и болѣе? Напротивъ, естественнѣе было бы, кажется, предположить, что она на пути своемъ таетъ и слѣдовательно въ объемѣ уменьшается, частію отъ теплоты нижнихъ слоевъ атмосферы, частію же отъ значительнаго количества теплорода, выжимаемаго, такъ сказать, изъ воздуха градомъ при его паденіи; ибо извѣстно, что всякое, особливо быстрое, давленіе на эту жидкость освобождаетъ изъ нее огромное количество теплорода, на чемъ основано даже устройство особаго рода огня, извѣстнаго подъ названіемъ воздушнаго. И такъ должно думать, что градъ увеличивается въ объемѣ вовсе не на пути паденія къ землѣ, но въ тѣхъ же самыхъ тучахъ, въ которыхъ образуется, и что слѣдовательно градины не тотчасъ падаютъ на землю, но нѣкоторое время удерживаются въ облакахъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что почти передъ каждымъ паденіемъ града бываетъ слышенъ въ облакахъ нѣкоторый шумъ, подобный стуку множества сухихъ горошинъ, ударяющихся одна о другую. Этотъ шумъ ясно показываетъ, что зерна града въ облакахъ образовались, движутся и, встрѣчаясь между собою, ударяются другъ о друга. Знаменитый Вольтъ объясняетъ это явленіе весьма удовлетворительно, очень остроумною и правдоподобною теоріею. Сущность ея состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ.

Издавна замѣчено, что гроза, которая есть чисто электрическое явленіе, нерѣдко сопровождается градомъ; известно также, что при паденіи града даже и безъ грозы, примѣчается въ воздухѣ необыкновенное скопленіе электричества. Это подало Вольтъ счастливую мысль, что та же электрическая матерія, можетъ быть, есть главная причина, способствующая образованію и особливо увеличиванію града; а забавный опытъ, который мы дѣлали доселѣ болѣе для увеселенія, а именно: пляска шариковъ и куколокъ изъ бузинной сердцевины между двумя различно-наэлектризованными металлическими тарелками, послужилъ основаніемъ къ изъясненію того вліянія, которое электричество можетъ имѣть на происхожденіе града. Онъ предполагаетъ два смежныя, различно наэлектризованныя облака, одно надъ другимъ, изъ которыхъ въ верхнемъ находятся сначала малѣйшія ледяныя зерна, происшедшія отъ внезапнаго охлажденія въ немъ водяныхъ паровъ. Этотъ мелкій градъ падаетъ по собственной тяжести, приближается къ нижнему облаку, и, разбѣившись съ нимъ электричествомъ, отталкивается назадъ; верхнее облако притягиваетъ его, и по той же причинѣ опять отталкиваетъ и т. д.; такимъ образомъ градины, попеременно переходя отъ одного облака къ другому, безпрестанно въ объемъ своемъ увеличиваются отъ примерзающихъ къ нимъ водяныхъ частицъ, и постепенно покрываются концентрическими слоями льда до тѣхъ поръ, пока дѣйствіемъ пріобрѣтеннаго ими вѣса принуждены будутъ упасть на землю, стремясь къ ней по діагонали двухъ силъ: одной, равнодѣйствующей силамъ двухъ облаковъ, и другой, силы тяготѣнія; или, говоря другими словами, — падая подъ косымъ угломъ, — что и дѣйствительно примѣчается независимо отъ вѣтра. Очевидно, что чѣмъ сильнѣе разнородныя электричества двухъ облаковъ, тѣмъ большее число переходовъ совершаютъ градины и слѣдовательно, тѣмъ большую получаютъ величину, обмерзая на каждомъ переходѣ новыми водяными частицами. Между-тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ совершаются сіи переходы, электричества двухъ облаковъ постепенно ослабѣваютъ отъ взаимнаго соединенія, и наконецъ сила притяженія и отталкиванія ихъ преодолевается дѣйствіемъ тяжести града.

Таково нынѣ общее мнѣніе большей части физиковъ о происхожденіи града. Но какъ бы то ни было, градъ падаетъ всегда изъ громовыхъ тучъ, и это явленіе постоянно; оно ведетъ слѣдовательно къ заключенію, что если электричество и не есть единственная причина происхожденія града, то, по крайней мѣрѣ, имѣетъ важное на него вліяніе. Основываясь на этомъ, всегда возможно разсматривать громовую тучу какъ воздушный наэлектризованный шаръ; слѣдовательно разрядивъ его совершенно, посредствомъ достаточнаго числа громоотводовъ, можно отбратить или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить образованіе града, а въ этомъ-то и состоитъ разрушеніе одной изъ важнѣйшихъ физико-экономическихъ задачъ, на которое мы стараемся обратить вниманіе нашихъ читателей.

Сочиненіе Лапостоля подало поводъ къ нѣкоторымъ опытамъ, такъ напр: Г. Толларъ, профессоръ физическихъ наукъ въ Тарбѣ, вмѣстѣ съ тамошнимъ меромъ Г-мъ Гисомъ и съ совѣтникомъ Префектуры, въ Мартѣ 1821 года открыли громовыми отводами пространство земли въ 3000 гектаровъ (2746 десятинъ), принадлежащее нѣсколькимъ околоткамъ, которое въ теченіе десяти лѣтъ было семь разъ опустошаемо градомъ. Огромныя тучи проходили надъ сими отводами, но градъ не падалъ, между тѣмъ какъ поля сосѣдняго селенія, отказавшагося поставить отводы, были совершенно опустошены онымъ, за первую же линію поставленныхъ градоотводовъ упало только нѣсколько градинъ. Замѣчено сверхъ того, что облака, проходя надъ пространствомъ, вооруженнымъ отводами, замедлялись въ своемъ движеніи и перемѣняли направленіе онаго. Послѣ сего Г. Толларъ распространилъ свои опыты, вооруживъ отводами земли 18 смежныхъ околотковъ; въ 1822 году шесть бурь опустошили большую часть Департамента (Верхне-Пиренейскаго), не тронувъ ни одного изъ силъ вооруженныхъ градоотводами селеній, хотя они и лежали на пути прохожденія облаковъ. Помнится, что Г. Толларъ и его товарищи вели

Говорятъ, будто хлѣбъ никогда не побивается ни градомъ, ни молніею въ то время, когда онъ начинаетъ совершенно созрѣвать. Если это точно справедливо, то вѣлья ли приписать сего множеству тонкихъ остзей, торчащихъ на каждомъ колосѣ, и составляющихъ какъ бы столько же градоотводовъ?

въ 1825 году подробный журналъ своимъ наблюденіямъ, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ сихъ любопытныхъ записокъ, и потому не можемъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ, а представляемъ только нѣкоторые факты, почерпнутые изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Въ Журналъ Превій (Journal des Débats) 19-го Августа 1833 напечатано:

«Мюпхенскій Магистратъ объявляетъ, что въ истекшемъ Іюнѣ мѣсяцѣ сильный градъ причинилъ въ окрестностяхъ «сихъ города большой вредъ, пощадивъ только владѣнія одного частнаго лица, по имени Легингера (Leguinger), защищенные поставленными на его поляхъ соломенными градоотводами новаго изобрѣтенія.»

Въ Ліонскомъ Коммерческомъ Журналѣ (Journal du Commerce de Lyon) 3 Августа того же года содержится слѣдующее описаніе подобнаго же случая.

«Во время сильнаго паденія града на нивы и луга, лежащія внѣ линіи градоотводовъ, поставленныхъ въ виноградики, на сей послѣдній падали только снѣжные хлопья. «Спустя часъ проходила надъ тѣмъ же виноградникомъ юная туча и произвела то же явленіе.»

Въ Бернѣ получено 1 Іюля того же года официальное донесеніе, о дѣйствіи градоотводовъ, слѣдующаго содержания:

«Въ концѣ Мая мѣсяца Дуанскій и Глорезскій приходы «вооружили свои виноградники градовыми отводами; Невильскому же приходу, лежащему между двумя первыми, «и занимающему пространство около четверти мили въ «ширину, разныя обстоятельства воспрепятствовали послѣдовать сему примѣру. Втораго Іюля, около двухъ часовъ «по полудни небо покрылось громоносными тучами, и во «многихъ мѣстахъ выпалъ сильный градъ, причинившій значительный вредъ виноградникамъ, незащищеннымъ отводами, побивъ въ нихъ, круглымъ числомъ, отъ 10 до 15 «ягодъ на каждую кисть; наиболѣе же пострадала середина «Невильскихъ виноградниковъ, между-тѣмъ какъ къ краямъ «оныхъ, смежнымъ съ обѣими линіями градоотводовъ, поставленныхъ сосѣдними приходами, убытокъ былъ гораздо «меньше.»

«13-го числа началась съ сѣверной стороны Дуанскаго «прихода сильная гроза, и на сосѣдную дубраву выпало «множество града, который однако жъ совершенно прекра- «тился у первой линіи градоотводовъ; на виноградники же «пролился только обильный дождь. Многіе очевидцы этого «явленія показали, что тучи, выступившія изъ-за горъ въ «черныхъ густыхъ массахъ, по приближеніи къ виноград- «никамъ, видимо пріостановились и мало-по-малу разсѣлись, «пролившись сильнымъ дождемъ.

Еще въ Январь 1825 года Профессоръ Шабане, читая, въ засѣданіи Ваадтскаго общества испытателей природы записку о градоотводахъ, вводимыхъ въ Миланъ и Болонь, упомянулъ между прочимъ о письмѣ Барона Крюди, (извѣ- стнаго переводчика основаній Тээроваго рациональнаго хо- зяйства), въ которомъ онъ пишетъ, что онъ самъ и мно- гіе крестьяне его были очевидными свидѣтелями, какъ громовыя тучи, приблизясь къ градоотводамъ, раздѣлялись и проходили мимо оныхъ.

Докторъ Астольси писалъ къ профессору Ориоли письмо слѣдующаго содержанія:

«19 Іюня поднялась въ Болонь сильная гроза съ круп- «нымъ градомъ; на пути встрѣтилось ей пространство зем- «ли, вооруженное 50-ю градоотводами, и, къ крайнему изум- «ленію жителей тѣхъ мѣстъ, градъ выпалъ только между «первою и второю линіями означенныхъ отводовъ, и то въ «небольшомъ количествѣ, между второю же и третьею ли- «ніями, вмѣсто града пошелъ снѣгъ. Потомъ ту же тучу «нанесло на владѣнія Графа Шенефа, занимающія около 500 «позовъ ($123\frac{1}{2}$ десятины) и также защищенныя градоотво- «дами; тогда эта туча почти мгновенно разсѣлась.

«24 числа того же мѣсяца сдѣлалась опять почти столь «же сильная гроза, и когда ее нанесло на градоотводы, «поставленные на пространствѣ 10,000 чупановъ (около $4,67\frac{1}{4}$ «десятины), то градъ прекратился, а пошелъ вмѣсто него «снѣгъ; наконецъ, когда туча стала совершенно посреди «пространства, вооруженнаго отводами, то вопервыхъ при- «мѣтили въ ней сильное движеніе, а потомъ пролился изъ «нее дождь, и она разсѣлась.

«На другой день собрались надъ нѣкоторыми помѣстьями

«огромныя тучи длиною полоссю; казалось, что онѣ были «привлекаемы множествомъ градоотводовъ, которыми воору- «жена вся тамошняя сторона, и тучи сіи такъ скоро раз- «рядились, что всѣ, даже простые поселяне, примѣтили «это: видно было, какъ облака сгущались, частію пониж- «ались, и мало-по-малу теряя тотъ цвѣтъ, который обыкно- «венно примѣчается въ градоносныхъ тучахъ, становились «блѣде; потомъ пошелъ изъ нихъ сначала снѣгъ, продол- «жавшійся минуты двѣ, а наконецъ проливной дождь, шед- «шій около четырехъ минутъ. — Такимъ образомъ четыр- «надцать приходоу Болоньи, удостоверясь въ пользу градо- «отводовъ, немедленно рѣшились снабдить ими огромное «пространство, что съ общаго согласія и исполнили.»

Общество естествоиспытателей Ваадтскаго кантона тогда же приняло надлежащія мѣры для повсемѣстнаго распро- страненія новозобрѣтеннаго прибора.

Полагая, что приведенныхъ здѣсь опытоу и наблюденій достаточно для убѣжденія нашихъ читателей въ пользу со- ломенныхъ громоотводовъ, служащихъ также и для отвр- щенія града, я счелъ позволеннымъ ограничиться ими, у- молчавъ о нѣкоторыхъ другихъ, не менѣе, однако жъ, убѣ- дительныхъ. Впрочемъ, я счелъ излишнимъ упоминать здѣсь о пропущенныхъ мною опытахъ и фактахъ еще и потому, что нѣкоторые изъ нихъ частію помѣщены уже въ извле- ченія изъ Лапостолева разсужденія, сдѣланномъ покойнымъ Профессоромъ А. И. Стойковичемъ, и напечатанномъ въ 1826 году подъ заглавіемъ: *О соломенныхъ и разныхъ дру- гихъ отводахъ молніи и града, съ двумя чертежами. С. П. Б. въ тип. А. Смирдина.*

Г. Стойковичъ первый изъ Русскихъ * убѣдился въ поль- зѣ изобрѣтенія Лапостоля, и повѣривъ его опыты въ ка- бинетѣ физико-механика Роспни, сначала довелъ это от- крытіе до свѣдѣнія Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, съ одобренія котораго, занявшись подробнѣе сямъ предметомъ, напечаталъ потомъ вышеупомянутое со- чиненіе. Между тѣмъ Вольное Экономическое Общество и

* Исключая покойнаго профессора Н. П. Щеглова, который еще за нѣсколько мѣсяцевъ до Г. Стойковича, упоминалъ о введеніи соломен- ныхъ градоотводовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи и Франціи.

Общество Сельскаго Хозяйства въ Москвѣ, стремясь распространить въ отечествѣ нашемъ это полезное изобрѣтеніе, поставили образцовые градоотводы, первое, на принадлежащемъ ему въ С. - Петербургѣ Петровскомъ острову, а последнее на дворѣ опытнаго своего хутора, на Бутыркахъ. Съ тѣхъ поръ мало-по-малу начали и у насъ входить въ употребленіе соломенные градоотводы; нѣсколько изъ нихъ было поставлено въ некоторыхъ мѣстахъ Гдовскаго и Порховскаго уѣздовъ, а можетъ быть кое-гдѣ и еще; но какъ наши Гг. помѣщики болѣею частью не охотники писать о своихъ дѣйствіяхъ, то и не извѣстно заподлинно, гдѣ именно есть таковыя отводы, были ли дѣланы надъ ними какія либо наблюденія, и что при томъ оказалось. Это обстоятельство побудило меня возобновить рѣчь о градоотводахъ, полагая, и, кажется, не безъ основанія, что одни изъ сихъ сельскихъ хозяевъ забыли объ нихъ, а другіе и вовсе еще имъ не вѣрятъ. И такъ, не смотря на то, что Г. Стойковичъ уже писалъ объ этомъ предметѣ, я счелъ полезнымъ, напомнивъ его книжку, и сколько возможно не повторяя сказаннаго прежде меня, присовокупить нѣсколько словъ о томъ, что было упущено, а мнѣ казалось существенно важнымъ и нужнымъ для убѣжденія невѣрующихъ въ соломенные громоотводы. Что же касается до превосходства ихъ въ экономическомъ отношеніи, то я сказалъ уже выше, что считаю излишнимъ входить въ какія либо о семъ подробности и убѣждать читателей въ томъ, что каждый изъ нихъ можетъ самъ видѣть очень ясно.

Устройство соломенныхъ градоотводовъ. — Этотъ приборъ состоитъ изъ деревяннаго, выструганнаго шеста отъ 15 до 20 и болѣе футовъ вышиною, на верхнемъ концѣ котораго вколачивается тонкій желѣзный или лучше мѣдный, хорошо съ обоихъ концовъ заостренный гвоздь, длиною отъ 7 до 8 дюймовъ. Къ гвоздю прикрѣпляется довольно толстая соломенная веревка, которая по всей длинѣ своей привязывается къ шесту проволочными петлями. Здѣсь главное вниманіе должно обращать на прикрѣпленіе соломенной веревки, ибо ее надобно привязывать къ шесту какъ можно чаще и плотнѣе, чтобы она повсюду къ нему прилегла.

Лапостоль полагаетъ, что одного такого отвода достаточно для охраненія 30 гектаровъ ($27\frac{1}{2}$ десятины), если только отводы разставлены на пространствѣ отъ 2 до 3 тысячъ гектаровъ (отъ 1830 до 2756 десят.); въ противномъ же случаѣ надобно ихъ ставить гораздо чаще, дабы они были въ силахъ скоро разрядить облако, и тѣмъ воспрепятствовать образованію града. Я полагаю, что для большей безопасности можно и даже должно увеличивать число снѣговыхъ отводовъ, что и весьма возможно по причинѣ ихъ дешевизны. Чѣмъ число отводовъ на данномъ пространствѣ будетъ больше, тѣмъ скорѣе разрядится облако, подобно какъ и всякій сосудъ съ какою нибудь другою жидкостію, напр. съ водою, воздухомъ и проч. опорожнится тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше будетъ имѣть трубъ для стока содержащейся въ немъ жидкости. Это мнѣніе противурѣчитъ мнѣнію многихъ, полагающихъ, что дѣйствіе отвода распространяется на 60 футовъ во всѣ стороны, и что сближая сверхъ означеннаго разстоянія, дѣйствіе ихъ можно ослабить; къ счастью, однако жъ, это послѣднее предположеніе не подтверждается опытами, и Англичане безвредно отступаютъ отъ него: они сближаютъ отводы съ намѣреніемъ увеличить ихъ силу, подобно тому, когда, желая скорѣе опорожнить сосудъ, придвигаютъ къ нему большее число крановъ. Изъ выше приведенныхъ опытовъ (VI и далѣе II, IV и V) очевидно, что соломенные громоотводы можно ставить прямо на строеніе, не сообщая нижняго его конца непосредственно съ землею, и не розобщая его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, какъ то дѣлаютъ съ металлическими громоотводами. Желаящіе узнать разныя мелочныя подробности, наблюдаемыя при устроеніи соломенныхъ громовыхъ и градовыхъ отводовъ, также измѣненія, которые въ нихъ допускаются, и проч. могутъ удовлетворить своему любопытству, прочитавъ вышеозначенное сочиненіе Г. Стойковича.

Сказавъ въ пользу соломенныхъ громоотводовъ почти все, что можно, въ заключеніе я обязанъ присовокупить еще одно обстоятельство, на которое доселѣ никто изъ писавшихъ о семъ предметѣ, не обращалъ должнаго вниманія, между тѣмъ какъ оно имѣетъ существенную важность.

Мысль, что соломенный громоотводъ, хотя и не скоро, но

может намокнуть отъ дожда или тумана, подала мнѣ поводъ испытать мокрую солому, повторивъ съ нею нѣкоторыя изъ предъидущихъ опытовъ; къ сожалѣнію, опыты сіи показали, что мокрая солома проводитъ электричество гораздо хуже сухой, и ничѣмъ не лучше металловъ, не взирая, что вода сама по себѣ есть хорошій проводникъ электричества. Мокрая солома, будучи наэлектризована, подобно металлу, даетъ изъ себя искру; она извлекаетъ такую же искру изъ другихъ наэлектризованныхъ тѣлъ, причѣмъ даже чувствуется въ пальцахъ слабое сотрясеніе, почти такое же, какъ и при извлеченіи искры металломъ. Лейденская банка разряжается также съ маленькою искрою, сообщая тѣлу сильное сотрясеніе, хотя и слабѣе того, которое чувствуется при разрядѣ банки металломъ; на мокрой соломенной веревкѣ съ разрывами оказывается присутствіе электричества, такъ же какъ и на металлическомъ стержнѣ съ перерывомъ, довольно явственно; однимъ словомъ намоченная солома производитъ съ электричествомъ всѣ тѣ же явленія, какія даютъ и металлы, поставленные въ одинакихъ съ нею обстоятельствахъ, только нѣсколько слабѣйшія.

И такъ очевидно, что при устроеніи соломенныхъ громотводовъ должно, для безопасности, соблюдать всѣ тѣ же предосторожности, какія наблюдаются и при устроеніи металлическихъ громовыхъ отводовъ, т. е. по возможности уединять ихъ и сообщать нижній конецъ съ землею посредствомъ непрерывной соломенной же веревки. Впрочемъ можно достигнуть той же цѣли, т. е. обезопасить зданіе и окружающіе предметы, обмазавъ хорошенько весь отводъ смолою, которая не допуская его намокнуть отъ дожда или тумана, послужитъ еще сверхъ того и уединяющимъ средствомъ, ибо извѣстно, что смола есть одинъ изъ самыхъ худшихъ проводниковъ электричества. *Н. Ф.*

СОСТАВЪ ДЛЯ ИСТРЕВЛЕНІЯ ТАРАКАНОВЪ.

=

Тараканы, и въ особенности прусаки, такъ размножились въ нашемъ климатѣ, что во многихъ жилищахъ, особливо въ

твсныхъ, сырыхъ и низменныхъ, такъ же въ кухняхъ, пекарняхъ и мельницахъ, они, такъ сказать, не даютъ проходу и все и повсюду гадаютъ. Многие увѣряютъ, что слѣдующимъ составомъ можно ихъ истребить и скоро и вѣрно. Не смѣемъ ручаться, чтобы это средство было надежнѣе блага мышьяка, который, какъ извѣстно, будучи смѣшанъ съ пшеничною мукою и разсыпанъ вездѣ, гдѣ эти насекомые водятся и ползаютъ, совершенно ихъ истребляетъ — однако жъ увѣрены, что оно несравненно безопаснѣе*, и, по трудности доставать бѣлый мышьякъ, вольная продажа котораго у насъ строжайше запрещена, гораздо удобнѣе для каждаго имѣющаго въ немъ надобность. Вотъ его составъ:

Возьми четверть фунта крепкой водки, (селитряная кислота), шесть унцій негашеной извести (кипѣлки), одну унцію перечищенной яри мѣдianки, четверть фунта ворвани (китовый жиръ, или иначе, ворванное сало) и цѣлую бычачью желчь. Истерши въ мелкій порошокъ и смѣшавъ вмѣстѣ известъ и ярь, вылей на нихъ крепкую водку; потомъ размѣшавъ хорошенъко эту смѣсь, прибавь въ нее ворванъ и желчь, и опять все вмѣстѣ перемѣшай такъ, чтобы получилась однородная густая жидкость. Если этимъ составомъ намазать всѣ щели и трещины, гдѣ водятся тараканы, то вскорѣ они всѣ передохнутъ. Можно также прибавлять этотъ составъ въ известку, употребляемую для отбѣлки комнаты; симъ средствомъ нечистота предупредится, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на долгое время. *Н. Ф.*

* Бѣлый мышьякъ есть одинъ изъ жесточайшихъ ядовъ, и потому его надобно употреблять съ величайшею осторожностію. Были примѣры, что отъ неосмотрительности употреблявшихъ это средство погибали цѣлыя семейства. Жилище, очищаемое отъ таракановъ посредствомъ мышьяка, должно быть дня на три вовсе оставлено живущими въ немъ; по истребленіи же насекомыхъ должно вездѣ, гдѣ посыпанъ мышьякъ и лежатъ мертвые тараканы, обмести мокрою щеткою, дабы пыль отнюдь не поднималась къверху, и потомъ всю комнату чисто начисто вымыть водою, а выметенный соръ выбросить въ такое мѣсто, куда бы не могло зайти ни одно домашнее животное.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПОРОДЪ ДОМАШНЯГО СКОТА.

=

При настоящемъ состояніи науки земледѣлія въ образованныхъ государствахъ, преимущество плодоперемѣнной системы предъ обыкновеннымъ трехъ-польнымъ хозяйствомъ не подлежитъ уже болѣе ни какому сомнѣнію; она водворена и процвѣтаетъ въ цѣлой Европѣ; опытнѣйшіе земледѣльцы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣряются въ ея превосходствѣ и, пожиная со скудныхъ земель своихъ богатая жатва, ежедневно представляютъ новыя доказательства выгодъ этой системы. Между тѣмъ въ отечествѣ нашемъ есть еще не одна сотня помѣщиковъ, которые и доселѣ спорятъ о преимуществахъ трехъ-польнаго хозяйства. Одни, ссылаясь на обширность своихъ владѣній, считаютъ плодоперемѣнную систему бесполезною для Россіи, и предпочитаютъ ей разработку новинъ; другіе, не будучи еще твердо увѣрены въ превосходствѣ этой системы и, такъ сказать, колеблясь между страхомъ и надеждою, опасаются измѣнить прежнее свое хозяйство, къ которому издавна привыкли, тѣмъ болѣе, что переходъ отъ одной системы къ другой всегда сопряженъ съ нѣкоторыми издержками. Можно бы сюда же причислить еще и третій разрядъ, а именно, закоренѣвшихъ въ старинныхъ предразсудкахъ, людей, которые вовсе не хотятъ и слышать о какихъ либо нововведеніяхъ, и не внимая ни какому доказательству, упорствуютъ въ прежнемъ мнѣніи единственно потому, что оно старое и, какъ они говорятъ, освящено уже вѣками; но о такихъ людяхъ пѣчего и говорить: ихъ исправить одна могла.

Предоставляя первымъ ихъ образъ мыслей, мы спорить съ ними не будемъ, и готовы даже согласиться, что въ многоземельныхъ странахъ не только *паровая система*, но даже и *кочелое земледѣліе* * можетъ быть выгоднѣе плодоперемѣннаго хозяйства. Но желали бы только, чтобы эти

* Когда мѣсто посѣва хлѣбныхъ растеній ежегодно переизменяютъ, возвращаясь на прежнее спустя долгое время, какъ то дѣлать черезъ пятнадцать или двадцать.

Гг. съ математическою точностію изложили выводы, на которыхъ они основываютъ свои заключенія и, поставивъ въ параллель сравнительные опыты обвѣхъ системъ, доказали напр., что истребленіе лѣсовъ и постепенное удаленіе пахатныхъ полей отъ жилья, каковыя послѣдствія неразлучно сопряжены съ непрерывною распашкою новинъ, — доставляютъ имъ существенныя выгоды. Засимъ остается намъ поговорить только съ тѣми, которые почему либо еще не вполне увѣрены въ дѣйствительной пользѣ плодотворной системы. И такъ прежде, нежели приступимъ къ изложенію избраннаго нами на сей разъ предмета, т. е. улучшенія скотоводства — постараемся предварительно, хотя вкратцѣ, доказать основную истину, безъ полного удостовѣренія въ которой и лучшее скотоводство не принесетъ вполне желаемой прибыли, неразлучной съ плодотворнымъ земледѣліемъ, которое, наоборотъ, не существуетъ безъ скотоводства.

Вся теорія сѣвооборотовъ основывается на неизмѣнномъ законѣ Природы, по которому ни одно растеніе не прозябаетъ хорошо въ грунтѣ, производившемъ уже однажды или то же самое или другое однородное растеніе, особливо въ недавнемъ времени; между тѣмъ, какъ нѣкоторыя растенія видимо улучшаютъ почву для другихъ извѣстныхъ растеній, прозябающихъ съ ними вмѣстѣ или тотчасъ послѣ нихъ въ томъ же грунтѣ. Это примѣчательное явленіе объясняютъ нѣкоторые такимъ образомъ, что растенія каждой породы питаются соками, имъ только свойственными, не поглощая тѣхъ, которые могутъ быть питательны для растеній другихъ породъ, и слѣдовательно истощаютъ почву только для однородныхъ съ собою растеній, ни сколько не мѣшая прозябанію прочихъ; однако жъ это объясненіе вовсе несправедливо, ибо извѣстно, что всѣ растенія болѣе или менѣе поглощаютъ изъ почвы безъ разбора одни и тѣ же соки, напр. воду со всеми распушенными въ ней и часто даже вредными имъ веществами; нѣкоторыя изъ нихъ, приспособляясь къ сей пищѣ, растутъ, приобретая особенныя свойства, а другія гибнутъ. Это различіе всего примѣчается на солончакахъ. Другіе полагаютъ, что различное углубленіе корней разныхъ растеній даетъ имъ воз-

возможность извлекать пищу из разных слоев почвы; иные же думают, что остатки растений, какъ-то корни, опавшие листья и т. п., перегнивая, достаточно удобряют землю для послѣдующихъ за ними растений. Хотя объ эти причины дѣйствительно могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе на почву, однако жъ, онѣ не суть главныя, ибо вовсе не объясняютъ множества явленій, перечисленіе которыхъ было бы здѣсь бесполезно. И такъ надобно искать другой, болѣе основательной причины вышесказаннаго явленія.

Извѣстно, что ни одно животное не можетъ питаться собственнымъ своимъ изверженіемъ, между тѣмъ какъ оно имѣетъ въ себѣ еще много питательности для животныхъ другаго рода, такъ напр. лошадиный и коровій пометы служатъ любимѣйшею пищею жукамъ, разные черви питаются тѣмъ же, и т. д. Поелику же многими достовѣрными опытами и наблюденіями уже доказано, что корни большій части растений постоянно извергаютъ изъ себя особаго рода вещество, то естественное всего предположить, что растенія, подобно животнымъ, такъ же не могутъ питаться ни собственными своими изверженіями, ни изверженіями однородныхъ съ ними растений, и что эти изверженія, вредныя для однихъ и полезныя для другихъ растений, могутъ, смотря по свойству сихъ послѣднихъ, портить и улучшать почву. Принявъ эту истину за основаніе, легко уже понять возможность и пользу послѣдовательныхъ и современныхъ сѣвсборотовъ. Остается только избрать тотъ изъ нихъ, который наиболѣе приличенъ извѣстной почвѣ, климату, мѣстнымъ потребностямъ и другимъ обстоятельствамъ каждаго хозяина. Истинные мастера этого дѣла, Ростовскіе огородники, разнесшіе свое искусство по цѣлой Россіи, наилучшимъ образомъ постигли всѣ правила плодотворенія и удобренія земли, и дошли въ этомъ до такого совершенства, что и самая утонченная теорія едва ли не должна заимствовать у нихъ практическія правила. И такъ, если уже эти люди, не получившіе ни какого образованія, и не имѣющіе ни малѣйшихъ теоретическихъ свѣдѣній, убѣдились въ пользѣ и преимуществахъ плодотворенной системы; то почему жъ бы, кажется, и намъ не послѣдовать ихъ примѣру?

Такъ какъ для плодотворнаго земледѣлія необходимо скотоводство, то каждый хозяинъ, слѣдующій правиламъ этой системы, по неволѣ долженъ пеѣщись о возможномъ улучшеніи скотоводства, дабы съ усовершенствованіемъ произведеній этой отрасли сельскаго хозяйства, явить выгоднѣйшій и вѣрнѣйшій имъ сбытъ. Имѣя это въ виду, сообщаемъ нашимъ читателямъ нѣкоторыя замѣчанія и правила касательно улучшенія породъ домашняго скота, извлеченныя нами изъ лучшихъ по сей часъ иностранныхъ писателей.

Въ правильномъ скотоводствѣ должно обращать главное вниманіе на распложеніе домашняго скота, ибо если оно не будетъ основано на здоровой методѣ, то лучшія породы вскорѣ начнутъ переражаться и мало-по-малу теряютъ драгоценнѣйшія свои качества. Многіе опытные скотоводы полагаютъ, что самецъ и самка имѣютъ одинакое, или во крайней мѣрѣ, почти одинакое вліаніе на свой плодъ; доказательствомъ чему служатъ дѣти разныхъ непохожихъ другъ на друга животныхъ; чѣмъ разительнѣе это несходство, тѣмъ явственнѣе оказывается въ дѣтяхъ равное смѣшеніе отцовскихъ и материнскихъ свойствъ. Бываютъ, однако жъ, такія неправильности, которыя, не будучи еще хорошо изслѣдованы, приписываются многими случайнымъ причинамъ. Кажется, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ вліаніе отца и матери оказывается въ дѣтяхъ самымъ тѣснымъ соединеніемъ ихъ свойствъ; иногда животное въ некоторомъ отношеніи походитъ на отца, а въ другомъ на мать; случается такъ же, что въ однѣхъ частяхъ или даже въ цѣломъ животномъ замѣчаются преимущественно свойства отца или матери, что, по мнѣнію Тэера, зависитъ отъ того, кто изъ нихъ съ большимъ жаромъ содѣйствовалъ зачатію. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что и самецъ и самка одинаково могутъ передавать дѣтямъ преимущественно свои свойства, въ нѣкоторыхъ же парахъ вліаніе свойствъ отца и матери на дѣтей иногда съ каждымъ годомъ измѣняется: въ первомъ случаѣ можно предположить, что одно изъ сихъ животныхъ обладаетъ большею вторродною силою, нежели другое; во второмъ же, что одно изъ нихъ содѣйствовало зачатію съ большимъ жаромъ.

Тэеръ замѣтилъ, что ежели дѣти не похожи на отца и мать, то сходство сіе возобновляется въ третьемъ колѣнѣ, во внучатахъ, хотя бѣ даже они родились отъ пары, имѣющей однихъ родителей, вовсе на нее не похожихъ. То же самое замѣчено и между людьми, а еще чаще между овцами. Отъ случки простыхъ овецъ съ мериносовыми баранами рождаются ягнята, кои часто бываютъ чрезвычайно похожи на мериносовъ; но если случить между собою сихъ ублюдковъ, даже самыхъ совершеннѣйшихъ, то отъ нихъ получатся ягнята, ничѣмъ не лучше ихъ бабки, простой овцы; и такое измѣненіе видовъ будетъ продолжаться чрезъ нѣсколько поколѣній, если не сдѣлается вновь помѣси съ чистою породою, и потомъ уже получится средняя порода.

Эльснеръ и Пильгеръ подтверждаютъ замѣчаніе Тэера; Шмальцъ же, напротивъ того, говоритъ, что для приплода никакъ не должно употреблять барановъ, родившихся отъ сихъ ублюдковъ, ибо иначе порода опять испортится. Часто случается, что баранъ ублюдокъ ничѣмъ не уступаетъ настоящему мериносу, но дѣти его не стоятъ и своей бабки; или же случается, что дѣти его бываютъ такъ же хороши, а внучата вовсе негодны и даже хуже ихъ прабабки. Многими замѣчено, что всѣ животныя въ третьемъ колѣнѣ опять перераждаются. Что же касается до того, какимъ образомъ обнаруживается въ дѣтяхъ вліяніе ихъ родителей, то Штурмъ и Бергманъ утверждаютъ, что отецъ имѣетъ больше вліянія на переднюю, а мать, на заднюю часть животнаго. Вельтманъ же полагаетъ, что отъ отца зависитъ болѣе видъ животнаго, а отъ матери ростъ его.

Подъ словомъ «порода» разумѣются однородныя животныя, имѣющія одинъ общій характеръ, но въ частности отличающіеся разительными свойствами, или совершенно постоянными, или сохраняющимися только до тѣхъ поръ, пока дѣйствуютъ произведшія ихъ причины, какъ то: климатъ, почва, пища и даже образъ жизни. Отличительныя признаки породы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, явнѣе всего обнаруживаются въ передней части животнаго, и преимущественно въ головѣ. Хорошія же породы скота отличаются еще особенною силою и долговѣчностію, зависящими отъ

согласнаго и постояннаго его тѣлосложенія. Полагаютъ, что тогда только можно утвердительно сказать, что порода установилась, когда семейство распложалось само собою чрезъ нѣсколько поколѣній, когда отличительныя свойства онаго утвердились въ организмѣ происшедшихъ отъ него животныхъ такъ, что необходимо уже распространяется на все ихъ потомство, и наконецъ, когда, не взирая на неблагоприятныя внѣшнія причины, качества сія сохраняются долго и портятся медленно.

Улучшеніе породы самой по себѣ, т. е. безъ помѣси съ другими, по мнѣнію многихъ опытныхъ скотоводовъ, главнѣйше зависитъ отъ выбора употребляемыхъ для приплода животныхъ. Во всякой породѣ, вновь ли произведенной помѣсью, или старинной и утвердившейся уже, всегда находятся животныя болѣе или менѣе различныхъ свойствъ: и такъ предположивъ себѣ опредѣленную цѣль, и выбирая для случки только тѣхъ животныхъ, въ коихъ желаемыя свойства обнаруживаются сильнѣе, можно утвердить сія качества въ разводимой породѣ, между тѣмъ какъ всѣ прочія отличія мало-по-малу исчезнутъ; такимъ образомъ заводчикъ всегда ближе и скорѣе достигнетъ желаемой цѣли. Англійскія скаковыя лошади служатъ явнымъ тому доказательствомъ: эта порода усиленно, употреблявши для полученія быстрыхъ скакуновъ, весьма много удалась отъ первоначальной Арабской, хотя, по словамъ Вельтгейма, въ ней никогда не было помѣси.

Касательно случки единокровныхъ всѣ известнѣйшіе оцеводы согласны въ слѣдующемъ: 1-е что въ хорошей породѣ случка единокровныхъ есть единственное средство къ отвращенію порчи оной и передачѣ потомству въ цѣлости всѣхъ хорошихъ ея свойствъ; 2-е что въ стадахъ, требующихъ улучшенія, должно всячески избѣгать случки животныхъ, имѣющихъ въ равной степени одинакія свойства, полученныя отъ природы или сообщенныя искусствомъ; ибо отъ того не получается ни какой выгоды: ходъ улучшенія не только замедлится на будущее время, но и облегчится потому, что приобретенныя до того хорошія свойства не установились еще, и слѣдовательно постоянно не передаются потомству. Отсюда-то часто происходитъ, что

послѣ нѣсколькихъ поколѣній стадо приходитъ въ совершенный упадокъ.

Штурмъ говоритъ, что положительныхъ для сего правль дать нельзя, а непременно должно для улучшенія стада выбирать изъ него къ припуску самыхъ лучшихъ животныхъ. Въ выборѣ же руководствоваться цѣлю, къ которой стремится улучшеніе; онъ долженъ быть различенъ, смотря по тому, какія качества въ скотѣ получить желаютъ: красоту или ростъ, изобиліе ли въ молокѣ или способность скоро жирѣть и т. д. Постояннымъ вниманіемъ и строгимъ выборомъ можно со временемъ достигнуть до высочайшей степени усовершенствованія стада. Кажется, что сего рода улучшенія легче достигнуть припускомъ самцовъ хорошей породы, т. е. произведеніемъ ублюдковъ, нежели разпосаженіемъ собственныхъ породъ; ибо у ублюдковъ тѣло бываетъ, такъ сказать *гибче*, нежели у животныхъ, родившихся отъ постоянной породы.

Шмальцъ полагаетъ, что свойства или качества родоначальника рѣдко переходятъ въ потомство во всей ихъ чистотѣ отъ того, что доселѣ, а особливо въ послѣднее время, самые родоначальники сѣи бываютъ слишкомъ смѣшанной породы, напр. длинношерстныхъ овецъ часто припускали къ короткошерстымъ, или отборныхъ барановъ къ простымъ овцамъ. Большею частію должно довольствоваться увѣренностію, что такое-то семейство, напр. мериносовъ, вообще прочно, и что въ немъ никогда еще не раждались ягнята первоначальной простой породы; но естественно, что баранъ, предки коего давали, подобно ему, тонкую шерсть, къ какой бы породѣ онъ ни принадлежали, имѣетъ большія достоинства, и очень пригоденъ на племя, ибо порода его тѣмъ прочнѣе. По сей-то причинѣ, Шмальцъ давно уже отмѣчаетъ въ своихъ стадахъ тѣ семейства, порода коихъ не только не измѣняется, но еще улучшается, и изъ нихъ-то онъ выбираетъ барановъ для приплода. Такъ какъ случка производится между членами сѣихъ семействъ, то отличія каждаго изъ нихъ, и такъ уже довольно близкія между собою, сдѣлаются тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ближе родство случаевыхъ животныхъ. Поелику же онъ выбираетъ для приплода лучшихъ, происшедшихъ отъ самыхъ чистыхъ матокъ, то улучшеніе скота,

часть отъ часу становится мѣстивнѣе, и руно его лучше. Съ тѣмъ вмѣстѣ и самая порода необходимо дѣлается постояннѣе, ибо улучшение поддерживается не помѣсью разныхъ породъ, но случкою единокротныхъ.

Помѣсь породъ, говоритъ Тэеръ, имѣеть двоякую цѣль: или разведеніе какой либо извѣстной породы посредствомъ постояннаго припуска самцовъ, принадлежащихъ къ оной; или произведеніе совершенно новой, средней между двумя или тремя породами, съ тѣмъ, чтобы въ одной и той же соединить качества многихъ. Первой изъ сихъ цѣлей достигнуть довольно удобно, что доказано уже улучшеніемъ овчарныхъ заводовъ Испанскими баранами; но для совершеннаго успѣха должно остерегаться прекращать рано припускъ породистыхъ барановъ, и дѣлать строжайшій выборъ матокъ. Соблюдая въ точности сѣмъ условія, можно, по мнѣнію нѣкоторыхъ, считать чистою породою 12-е, а по словамъ другихъ, 16-е поколѣніе. Съ сей только поры бараны и жеребцы новой породы могутъ служить для распложенія оной.

Опытами дознано, что посредствомъ барановъ чистой породы стада улучшаются гораздо вѣрнѣе, нежели посредствомъ барановъ ублюдковъ. Штурмъ также, основываясь на собственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, утверждаетъ, что если овчарня доведена до извѣстной степени совершенства такъ, что отличія самца сдѣлались уже въ ней господствующими, а свойства матки совершенно исчезли (чему однако жъ онъ не назначаетъ опредѣленнаго срока), то улучшение можетъ быть поддерживаемо впредь собственными ея баранами такъ же успѣшно, какъ и посредствомъ барановъ чистой породы. Онъ присовокупляетъ, что видалъ барановъ патаго и шестаго поколѣнія, которыхъ можно было употреблять для приплода, безъ опасенія въ неудачѣ.

Мнѣніе, будто для улучшенія овчарни непремѣнно должно употреблять самцовъ только чистой породы, распространяется людьми, выдающими своихъ барановъ за самыхъ чистыхъ. Одна корысть заставляетъ ихъ утверждать это; да и кто можетъ поручиться, что порода мериносовъ не есть помѣсь различныхъ породъ, и что Саксонскіе мериносы удержали доселѣ всю чистоту своей породы? За досто-

вѣрное извѣстно, что въ некоторыхъ овчарняхъ она были смѣшиваемы, а при всемъ томъ мы знаемъ, какъ дорого цѣнить шерсть ихъ въ Европѣ. Во Франціи также осталось очень немного совершенно чистыхъ породъ, а следовательно и тамъ большая часть такъ называемыхъ мериносовъ суть не что иное, какъ ублюдки. Что такое Англійскія лошади, если не помѣсь Арабской породы, и почему бы цѣлая Европа покупала ихъ такою дорогою цвнѣю, если бы онѣ въ самомъ дѣлѣ не годились на племя? Конечно, нельзя спорить, что если бы предложили на выборъ барана совершенно чистой породы и равнаго ему по достоинству ублюдка, то должно отдать преимущество первому; но тамъ не мѣнье можетъ быть съ успѣхомъ употребленъ для приплода и послѣдній.

Вельтеймъ, напротивъ того, полагаетъ, что если ублюдка, родившагося отъ породистаго жеребца и простой кобылы, снова случить съ жеребцомъ чистой породы, и такъ поступать далѣе, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, то отпечатокъ туземной матки никогда не нагладится, и рано ли, поздно ли иностранная порода вырождается. Впрочемъ, самъ же онъ приводитъ примѣры, подтверждающіе, что благоразумнымъ выборомъ животныхъ, назначаемыхъ на племя, приличнымъ содержаніемъ ихъ, защитою отъ нечистоты и проч. можно, не взирая на суровость климата, сохранить въ смѣшанной породѣ качества иностранной.

Для прочнаго улучшенія стадъ обыкновенныхъ овецъ, Андре считаетъ необходимымъ условіемъ выборъ барановъ чистой породы, которые по видности и постоянству телосложенія передаютъ потомству отличія своей породы гораздо вѣрнѣе, нежели животныя также хорошей, но не чистой породы.

Далѣе онъ говоритъ, что стадо, разведенное отъ хорошей породы, стараніями и постояннымъ вниманіемъ можно, по прошествіи извѣстнаго времени, сравнять съ чистою породою, если прекратить случку съ посторонними баранами, и благоразумнымъ выборомъ матокъ и припускаемыхъ къ нимъ собственныхъ самцовъ усвоить ему извѣстныя отличія, какъ-то: видъ, шерсть и проч., которыя должны быть передаваемы потомству въ той же степени совершенства.

Такимъ образомъ можно получить нѣчто самобытное и постоянное, нѣчто неизмѣнное въ организмѣ животныхъ, однимъ словомъ, нѣчто служащее отличительною чертою всему потомству, расплодившемуся единственно отъ единокровныхъ. Избравъ удачно отличительныя свойства, и удостоверяясь опытами и наблюденіями въ ихъ твердости и неизмѣнной передачѣ потомству, можно уже такое стадо называть породистымъ.

Наконецъ Андре согласенъ, что хотя улучшение посредствомъ барановъ чистой породы и утверждается окончательно пятымъ поколѣніемъ, но для большей увѣренности въ совершенномъ успѣхѣ, надобно употреблять таковыхъ барановъ для случки еще въ двухъ или трехъ поколѣніяхъ.

Эльснеръ, согласно съ Андре, утверждаетъ, что порода усовершенствуется скорѣе баранами чистой породы, нежели ублюдками; однако жъ онъ не требуетъ строгаго соблюденія сего правила, зная, какъ трудно имѣть совершенно чистыхъ барановъ. Притомъ въ Германіи, а особливо въ Саксоніи находится множество стадъ, въ которыхъ, отъ постоянной случки овецъ съ единокровными баранами, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, образовалась постоянная порода, шерсть конхъ превосходнѣе шерсти овецъ Испанскихъ. Нѣкоторые овцеводы не безъ основанія утверждаютъ, что во всякомъ случаѣ должно предпочитать того барана, который статьями лучше, не разбирая его происхожденія; но такое правило, по мнѣнію Эльснера, весьма ошибочно, ибо баранъ наилучшихъ статей часто даетъ самый дурной приплодъ, и обратно, что зависитъ отъ его происхожденія. Столь несправедливое мнѣніе, вѣроятно, произошло отъ того, что многія овчарни, въ которыхъ выбирали для случки барановъ единственно по ихъ породѣ, чаще упадали, нежели усовершенствовались, когда напротивъ тѣ овчарни, въ которыхъ не строго сего держались, въ короткое время доведены до большаго совершенства; отъ сего-то и произошло различіе мнѣній и дѣйствій. Если бы въ обоихъ случаяхъ поступали одинакимъ образомъ, то конечно породистые бараны получили бы преимущество предъ ублюдками; но излишняя надѣянность нѣкоторыхъ хозяевъ на чистоту имѣвшихся у нихъ породъ вовлекла ихъ въ ошибочную увѣренность,

что породы сии не могут испортиться; между тѣмъ какъ разводившіе ублюдковъ сравнили ихъ въ достоинствѣ съ чистою породою, единственно благоразумнымъ выборомъ животныхъ для приплода.

Шмальцъ говоритъ о семъ предметѣ слѣдующее: «Вообще ягнята походятъ болѣе на того изъ своихъ родителей, чья порода постояннѣе, такъ напр. при улучшеніи стада туземныхъ овецъ, составляющихъ особую породу, въ первомъ приплодѣ едва ли обнаружится половина отцовскихъ свойствъ, если отецъ принадлежитъ къ постоянной породѣ; если же порода его не такъ постоянна, какъ порода матки, то въ такомъ случаѣ дѣти будутъ очень мало на него похожи. Если баранъ чистой породы передаетъ своему приплоду только вполовину свои качества, то въ ягнятахъ, происшедшихъ отъ сего послѣдняго приплода, улучшеніе будетъ едва замѣтно. Нерѣдко случается даже, что на тѣхъ животныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, кои отличаются отъ другихъ своею шерстью, тонкое руно бываетъ перемѣшано съ грубымъ, и такая смѣсь шерстей остается навсегда; но отъ случки такихъ овецъ съ хорошимъ мериносовымъ бараномъ, ягнята будутъ уже гораздо болѣе походить на отца; если же къ получаемымъ ублюдкамъ постоянно припускать породистыхъ барановъ, то стадо начнетъ быстро усовершенствоваться, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ чище порода барановъ. Впрочемъ, невозможно объяснить, почему порча разводимой породы, или обращеніе оной въ первоначальную простую всего чаще случается въ третьемъ колѣнѣ, между тѣмъ какъ въ четвертомъ улучшеніе бываетъ несравненно ощутительнѣе, особливо въ томъ случаѣ, когда употреблялись исключительно бараны чистой и постоянной породы. Это обстоятельство требуетъ еще изслѣдованія.»

Тотъ же авторъ, говоря о вышеупомянутомъ, второмъ способѣ улучшенія скота, т. е. о произведеніи средней породы между двумя или тремя существующими породами, посредствомъ ихъ помѣси, утверждаетъ, что, получивъ въ ублюдкахъ всѣ желаемыя качества въ надлежащей степени, должно потомъ ограничиться случкою единокровныхъ, стараясь притомъ случать лучшихъ самцовъ и самокъ, сколько возможно близкихъ по родству. Въ началѣ всегда получит-

ся нѣсколько животныхъ, имѣющихъ преимущественно отцовскія или материнскія свойства; такихъ, для достиженія желаемой цѣли, должно непременно холостить, дабы воспрепятствовать имъ распложаться. Соблюдая въ точности сія условія, можно наконецъ установить среднюю породу. Многія разведенныя такимъ образомъ породы домашняго скота, а особливо Англійскіе скакуны, называемые лошадьми *знатной крови* (high blood) доказываютъ возможность образованія совершенно новыхъ и постоянныхъ породъ. Англійскія лошади, какъ извѣстно изъ Исторіи тамошнихъ конскихъ заводовъ, произошли отъ помеси Африканскихъ и Арабскихъ жеребцовъ съ туземными особаго рода кобылами. Послѣ долгаго колебанія порода сія наконецъ совершенно установилась, и превзошла первоначальную Арабскую такъ, что теперъ Англійскіе конно-заводчики, предпочитая свою породу лошадей, ни за что не согласялись бы снова смѣшивать ее даже съ чистѣйшею Арабскою; если же въ наше время Англичане и покупаютъ время отъ времени Арабскихъ жеребцовъ, то вовсе не для поповненія своей породы, какъ-то многіе полагаютъ, но для разведенія совершенно новой породы посредствомъ припуска свихъ жеребцовъ къ простымъ кобыламъ. Шмальцъ увѣряетъ еще, что отъ случки слишкомъ рослыхъ самцовъ съ самками несоразмѣрно малаго роста часто получаются безобразныя дѣти, и роды бываютъ весьма трудны, и обратно, замѣчено ужь, особенно между лошадьми, что отъ жеребца, который мѣтѣе случаемой съ нимъ кобылы, всегда получаются очень статныя жеребята; поему-то коннозаводчики приняли за правило не случать никогда самцовъ и самокъ несоразмѣрнаго роста.

Въ разсужденіи помеси породъ рогатаго скота Штурмъ говоритъ, что при измѣненіи какой нибудь породы посредствомъ помеси, нельзя поступать совершенно произвольно, а должно напередъ, по правиламъ Физиологій, удостовѣриться, имѣютъ ли смѣшиваемыя породы надлежащее сходство тѣлосложенія. Основываясь на собственныхъ опытахъ, онъ поставилъ себѣ за правило: при помеси горной породы съ породою низменныхъ странъ, такъ напр. Швейцарскаго рогатаго скота съ Голландскимъ, никакъ не припускать

Швейцарскаго быка къ Голландской коровѣ, но наоборотъ случать Голландскаго быка съ Швейцарскою коровою; ибо вообще у рогатаго скота низменныхъ странъ гораздо складнѣе передняя часть, а у Швейцарскаго задняя; но при помѣси породъ самецъ имѣеть болѣе вліянія на переднюю часть приплода, а самка на заднюю; съ другой же стороны улучшение начинается съ благороднѣйшихъ частей тѣла, именно съ мозгу, и идетъ далѣе по мозжечку, находящемуся въ позвонокахъ; слѣдовательно при второмъ способѣ телата будутъ гораздо статнѣе, ибо противоположныя отличія отца и матери сливаются въ нихъ согласнѣе.

Слѣдуя вышеприведенному, на опытахъ основанному правилу, т. е. что самецъ имѣеть болѣе вліянія на переднюю часть тѣла, можно сдѣлать заключеніе, которое вполне оправдывается опытами, что Голландская корова послѣ случки съ Швейцарскимъ быкомъ будетъ телиться гораздо труднѣе, нежели при обратномъ соединеніи сихъ породъ: и въ самомъ дѣлѣ, вообще тазъ Голландской коровы гораздо уже таза Швейцарской коровы; поелику же голова теленка, сходно съ головою Швейцарскаго быка, имѣеть очень широкій лобъ, то она выходитъ изъ таза гораздо труднѣе, нежели въ такомъ случаѣ, когда тазъ матки шире, какъ напр. у Швейцарской коровы, а голова теленка, подобно головѣ Голландскаго быка, хотя и длиннѣе, но за то уже. Штурмъ говорить, что онъ имѣлъ случай довольно часто наблюдать сіе въ фермахъ Великаго Герцога Веймарскаго, гдѣ дѣлали всѣхъ родовъ помѣсь, и потому замѣчанія его не должны казаться странными. Далѣе, однако жъ, онъ говоритъ, что при смѣшеніи двухъ разнородныхъ породъ, никакъ не должно выпускать изъ виду предполагаемой цѣли: желая развести породу, дающую много молока, кажется, выгоднѣе употребить для приплода Голландскую корову и Швейцарскаго быка; напротивъ же того, желая имѣть полный и жирный скоть, предпочтительнѣе случать Голландскаго быка съ Швейцарскою коровою.

Очевидно, что наилучшія изъ среднихъ породъ должны произойти отъ смѣшенія горной породы съ породою низменныхъ странъ; если же дѣло идетъ объ улучшеніи простаго скота, то къ рѣшительнымъ мѣрамъ должно приступить

только въ томъ случаѣ, когда найдется по сосѣдству пригодная для сей цѣли порода. Улучшеніе роста мелкаго туземнаго скота, посредствомъ помѣси онаго съ большими быками, можетъ быть удачно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ибо часто коровы телятся отъ того очень трудно.

Пильгеръ же съ этимъ не согласенъ. Швейцарскіе и Голландскіе быки, говоритъ онъ, наиболее способны для улучшенія рогатаго скота; возраженіе же, будто они слишкомъ велики для обыкновенныхъ коровъ и производятъ столь большихъ телятъ, что коровы не могутъ теляться, вовсе не основательно: величина теленка соразмѣряется пространству, которое онъ занимаетъ въ маткѣ, и сопротивленію, которое представляетъ сей органъ развитію зачатка, всегда зависящаго отъ состояніи здоровья матери. Если же корова очень молода, мала или слаба, то должно остерегаться, чтобы такой быкъ не переломилъ ей спины.

Попадались ублюдки отъ помѣси иностранной породы, также очень пригодные для припуска къ туземнымъ коровамъ. Только время отъ времени должно помѣсь возобновлять, т. е. вновь случать туземный скотъ съ иностраннымъ, особливо же это нужно для быковъ, ибо порода оныхъ со временемъ портится и удаляется отъ первоначальной. Дурныя качества стада, никогда не смѣшивавшагося съ другими породами, часъ отъ часу усиливаются; ибо стадо, составляя, такъ сказать, одно семейство, и имѣя наследственные недостатки, необходимо будетъ передавать ихъ своему потомству.

Изложивъ мнѣнія извѣстнѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей и наблюденія ихъ въ Германіи, считаемъ небезполезнымъ присовокупить сюда же и замѣчанія одного Французскаго агронома, напечатавшаго въ журналѣ Propagateur Aveyronnaise, превосходное разсужденіе объ усовершеніи сельскаго хозяйства. «Отъ впуска въ стадо хорошихъ барановъ, говоритъ онъ, приплоды немедленно улучшаются, и вскорѣ все стадо дѣлается сравнительно гораздо лучше прежняго, но присемъ черѣдко случается, что чрезъ нѣсколько поколѣній стадо опять владѣетъ въ первобытное и даже еще въ худшее состояніе. Заводчикъ, видя такой упадокъ породы, которую онъ считалъ уже укоренившеюся въ его овчарнѣ, при-

писываетъ обыкновенно всю неудачу вліянію климата, и конечно, иногда бываетъ правъ; но ближайшая и самая обыкновенная причина порчи породъ, какъ уже выше сказано, большею частію заключается въ недостаточномъ присмотрѣ за оными. . . Напримѣръ, если бѣ кто вздумалъ стадо овецъ, привыкшихъ къ сочнымъ и душистымъ пажитямъ, разводить на мѣстахъ, поросшихъ грубыми, малопитательными травами, то такая порода конечно должна выродиться, если естественные луга не будутъ замѣнены хорошими искусственными лугами.

«Но если, при всѣхъ возможныхъ стараніяхъ и превосходной пищѣ, замѣчено будетъ, что порода мало-по-малу теряетъ свои отличія, составляющія главное ея достоинство, то надобно искать другой причины таковой порчи.

«Умные и опытные заводчики изъ тщательныхъ наблюдений вывели заключеніе, что отъ случки единокровнаго руноноснаго скота и въ особенности близкихъ родственниковъ, рождаются дѣти слабѣе и меньше своихъ родителей такъ, что при размноженіи скота постоянно домашними самцами и матками, получится наконецъ порода недоростковъ, хилыхъ, слабыхъ, которые вовсе теряютъ способность размножаться. И такъ овцеводы, имѣя у себя столь превосходныхъ барановъ, что лучше оныхъ нельзя и получить, непремѣнно должны, для предупрежденія порчи, время отъ времени припускать постороннихъ барановъ той же породы, но изъ другаго семейства; ибо, по словамъ знаменитаго Англійскаго заводчика, Генриха Клина, имѣть столь превосходнаго животнаго, которое не имѣло бы какихъ нибудь явныхъ, или скрытыхъ недостатковъ, которые, при распложеніи посредствомъ случки единокровныхъ, переходя потомственно, постоянно усиливаются. Основываясь на этомъ, онъ неоднократно бралъ въ свое стадо для случки Беквальскихъ барановъ, хотя всѣ другіе заводчики, напротивъ того, вслѣдствіи старались имѣть его собственныхъ барановъ, платя ему очень дорого за припускъ оныхъ.

«Запимаясь самъ улучшеніемъ тонкорунныхъ овецъ посредствомъ случки съ мериносовыми баранами, продолжаетъ тотъ же Французскій агрономъ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что первая поколѣнія во всѣхъ частяхъ были лучше

своихъ родителей; но въ послѣдствіи дѣти рождались постоянно хуже и хуже, если не шерстью, то по крайней мѣрѣ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Сначала крѣпкое тѣлосложеніе приплодовъ мало-по-малу совершенно ослабѣло. Зався кстати замѣтить, что всѣ его мериньсы происходили отъ четырехъ овецъ и одного барана; это обстоятельство изъясняетъ, по правиламъ Клина, почему стадо такъ скорѣе вырождается, ибо постоянная случка единокровныхъ была неизбежна.

«И такъ желательно, чтобы владѣльцы хорошихъ породъ взаимно условились въ обмѣнъ своихъ барановъ, и попеременно ссужали бы ими другъ друга.

«Тотъ очень заблуждается, кто, употребивъ съ совершеннымъ успѣхомъ свое стараніе, труды или издержки на улучшеніе своего скота, полагаетъ, что заснѣ можно успокоиться, или, какъ говорится, опочить на лаврахъ. Напротивъ того, сбереженіе породъ требуетъ безпрерывнаго вниманія и почти такого же искусства, какъ и самое разведеніе оныхъ, при малѣйшемъ небреженіи стадо быстро клонится къ упадку.

«Выборъ самцовъ весьма важенъ; но выборъ самокъ требуетъ едва ли не большаго размышленія: между ними послѣдними часто попадаются такіа, кои, при наилучшихъ по-видимому качествахъ, даютъ самый дурной приплодъ; въ надобно тотчасъ замѣнять другими. Я требую отъ самки порядочнаго роста и крѣпкаго сложенія, но съ тѣмъ взятъ, чтобы ея тѣлосложеніе, движенія, словомъ, вся паружность имѣли нѣчто женское. Самка, похожая видомъ на самца навѣрное будетъ дурною матерью или худой, тошею кормилицею.

Самецъ вообще долженъ быть рослѣе или по крайней мѣрѣ крѣпче, осанистѣе самки; однако же при случкѣ надобно, какъ уже выше сказано, избѣгать слишкомъ большой несообразности въ ихъ ростѣ. Большая самка, случаемъ съ небольшимъ, но крѣпкаго сложенія самцемъ, обыкновенно приноситъ хорошій плодъ, что рѣдко получается отъ огромнаго самца и маленькой самки. Съ этимъ согласны всѣ лучшіе Англійскіе заводчики, а Англичане заслуживаютъ въ этомъ случаѣ полную довѣренность.

« Впрочемъ, отсюда нельзя вывести ни какого общаго, положительнаго правила; напротивъ симъ обстоятельствомъ очевидно можно воспользоваться для измененія породы, согласно предположенной цѣли. Такъ напр. при разведеніи породы лошадей нельзя не руководствоваться тою же цѣлью, которую имѣютъ въ виду при размноженіи рогатаго скота или овецъ. Сверхъ того, я самъ неоднократно видалъ такіе случаи, которые заставляютъ подозревать, что эта несоразмѣрность въ ростѣ не во всехъ животныхъ даетъ одинакія послѣдствія: если напр. къ малорослой горной коровѣ, криваго и здороваго сложенія, припустить Швейцарскаго быка, то получится теленокъ подобный матери, на короткихъ ногахъ, но толстый и дюжій какъ отецъ. Скоть, имѣющій такое тѣлосложеніе, очень приличенъ горнымъ странамъ, гдѣ животное, употребляемое для возки тяжестей, должно съ усиленіемъ, медленно взбираться на крутизны; въ долинахъ же, напротивъ того, гдѣ требуется широкій шагъ, должно предпочитать длинное, на высокихъ ногахъ животное. Однако жъ вообще достоинство быка составляетъ большое туловище, соразмѣрное длинѣ его ногъ.

« Для разведенія же породы хорошихъ лошадей должно поступать совершенно наоборотъ, и если бъ кому нибудь вздумалось помѣстить большое, круглое лошадиное туловище на коротенькихъ четырехъ ножкахъ, тотъ сдѣлалъ бы самую грубую ошибку. Кроме того, мнѣ кажется непомѣжающимъ ни какому сомнѣнію, что между лошадьми самка во первыхъ имѣетъ гораздо болѣе вліянія на приплодъ, а во вторыхъ, что проистекающія отъ того слѣдствія бывають очень различны. И этимъ-то можно отчасти объяснить, почему на Французскихъ Корслевскихъ конскихъ заводахъ не получали того успѣха, котораго вправдѣ были надѣяться. Всѣ кричали, что припускиныя жеребцы были не довольно велики. Напротивъ, случаемыя съ ними кобылы были слишкомъ малы, а отъ того и жеребята чаще выходили либо слишкомъ малы, либо нескладны. Славная порода Англійскихъ лошадей, извѣстная во Франціи подъ названіемъ чистой породы*, заведена первоначально отъ помѣси огром-

* Это слово чистая порода (sang pur) шло въ злбужденіе большую часть Французскихъ коннозаводчиковъ. Порода же Англійскихъ

ныхъ Нормандскихъ и Нидерландскихъ кобылъ съ Арабскими, Африканскими и Турецкими жеребцами.

«Если бы во Франціи въ началъ учрежденія конскихъ заводовъ, употребили на покупку кровныхъ и большихъ кобылъ часть той суммы, которая истрачена на выписку жеребцовъ, то вѣроятно успѣли бы возстановить породу тамошнихъ лошадей. Сверхъ того надлежало бы запретить вывозъ кобылъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, и постановить, подобно тому какъ въ Англии, чтобы въ кавалерію и артиллерію поставлять единственно жеребцовъ и мериновъ: отъ сего получила бы двоякая польза: лучшія кобылы оставались бы на племя, и возвысилась бы цѣна жеребцовъ.

«Но Французы поступали совершенно на оборотъ: когда они, Богъ знаетъ, откуда выписывали себѣ жеребцовъ и часто негодныхъ, въ то самое время лучшихъ кобылъ ихъ вывозили за границу. Такимъ-то образомъ перевелись у нихъ старинныя породы лошадей, которыхъ Бюффонъ считалъ если не самыми лучшими, то по крайней мѣрѣ изъ числа лучшихъ въ цѣломъ свѣтѣ.»

Короче сказать, во всякомъ скотѣ при выборѣ припускныхъ самцовъ не надобно слишкомъ гоняться за ростомъ, но болѣе обращать вниманіе на стройность, здоровье и въ особенности на силу. Животное безсильное всегда принесетъ слабый плодъ. Оставляя же на племя самца, имѣющаго всѣ признаки силы и бодрости, мы содѣйствуемъ предначертаніямъ природы; ибо имѣемъ осповательныя причины думать, что она съ намѣреніемъ вложила въ сердце самца чувство ревности, стремящееся удалить соперниковъ съ тѣмъ, дабы произрожденіе производилось болѣе сильнѣйшими изъ самцовъ.

Н. Филиповъ.

СКОРОЕ СРЕДСТВО ОТКАРМИВАТЬ ЛОШАДЕЙ.

Всыпавъ въ большой котелъ пшеничныхъ отрубей, палей ихъ водою и, уваривъ хорошенъко, отваръ процѣди, лошадей, какъ мы уже видѣли выше, очень далека отъ чистой, и происходятъ отъ помеси нѣсколькихъ породъ.

прибавь въ него ложку или двѣ меду и, остудивъ, давай лошади пить каждое утро на тощакъ, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ она съестъ свою дачу овса и сѣна. Въ кормъ же, даваемый лошади, какъ то, въ овесъ или пшеничныя отруби, добавляй каждый разъ пригоршню слѣдующаго порошка:

Восми . Тмину	} по 8 золотниковъ.
Солонища	
Льнянаго сѣмени	
Сѣрыхъ цвѣтовъ	
Калгану	} по 16 золотниковъ.
Солодковаго корня	
Аниса	
Укропа сушенаго	
Пихвовника	} по 8 золотниковъ.
Ягодъ лавровыхъ	
Крапивы	

Нестолюшки хорошеняко и просвявъ содержи, въ заткнутой стеклянной бутылкѣ.

Сверхъ того, каждый разъ, когда лошадь съестъ свой кормъ и выпьетъ пойло, давай ей пригоршни по двѣ пшеницы, разваренной въ водѣ до того, пока перелопатится.

Такое содержаніе лошади должно продолжать дней восемь или десять, и во все это время проваживать ее понемногу раза два въ сутки. *Н. Ф.*

СОСТАВЪ ДЛЯ СЪДѢЛАНІЯ

СТЕКЛА, ФАРФОРА И ФАЙНСА.

=

Взявъ полфунта свѣжаго творогу, сдѣланнаго изъ снятаго молока, перемывай его въ нѣсколькихъ водахъ до тѣхъ поръ пока помовъ получатся совершенно чистыя и прозрачныя; выжавъ творогъ досуха и смѣшавъ его съ шестью яичными бѣлками, влей туда чесночный сокъ, выжатый изъ 15 чесночныхъ луковиць; потомъ, стеревъ всю эту смѣсь какъ можно лучше въ стеклянной или иной ступкѣ, прибавляй въ нее, безпрестанно стирая пестомъ, понемногу самаго мелкаго порошка чистой негашеной извести до тѣхъ поръ, пока сдѣлается изъ того сухое, совершенно однородное тѣсто.

Можно также смѣсь творага съ яичными бѣлками и чесночнымъ сокомъ сначала высушить, а потомъ, истоложивъ, смѣшать ее съ равнымъ по вѣсу количествомъ негашеной извести, и хранить въ плотно закупоренныхъ банкахъ. Англичане обыкновенно развозятъ эту мастику по Европѣ въ такомъ видѣ, и продаютъ ее подъ именемъ Ванкуверова цемента (Vancouver's cement).

Когда понадобится склеить какую нибудь разбитую стеклянную, фарфоровую или фаянсовую посуду или другую вещь, то, взявъ нѣсколько сей мастики на стеклячную или каменную плиту, и смочивъ ее немного теплою водою, разотри хорошенько курантомъ; потомъ, намазавъ этою мастикою края склеиваемыхъ черепковъ, тщательно сложи ихъ вмѣстѣ и, связавъ сколько возможно крѣпче, дай хорошенько просохнуть въ тѣни. Если эта мастика хорошо высохнетъ, то склеенная ею посуда не боится ни кипятку, ни огня, и бываетъ точно такъ же крѣпка, какъ и цѣлая. Англійскіе мастеровые употребляютъ этотъ составъ для наклеиванія напр. дерева на металлъ, къ которому ни какой другой клей не пристаётъ. *Н. Ф.*

СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ ЯЙЦА ДОЛГОЕ ВРЕМЯ.

Г. Каде предлагаетъ для продолжительнаго сохраненія яицъ опускать ихъ въ чанъ съ густымъ известковымъ молокомъ (вода разболтанная съ известью). Комиссія, наряженная Мюнхенскимъ Политехническимъ Обществомъ, испытывала это средство, и въ полной мѣрѣ его одобрила: яйца хранившіяся такимъ образомъ безъ малаго цѣлый годъ, трудно было отличить отъ свѣжихъ; только одно изъ нихъ, лежавшее на верху, получило слабый вкусъ мыла. Комиссія полагаетъ, что было бы еще лучше яйца, назначенныя для сохраненія впрокъ, обмакивать только въ нѣсколько приемовъ въ известковое молоко, каждый разъ просушивая ихъ на особыхъ полкахъ, отъ чего известь образуетъ около яйца непроницаемую для воздуха пленку, которая предохранитъ его отъ порчи. *Н. Ф.*

V.

КРИТИКА.

=

Душевные болѣзни, изложенныя сообразно началомъ нынѣшняго ученія Психіатріи въ общемъ и частномъ теоретическомъ и практическомъ содержаніи Докторомъ Медицины Петромъ Бутковскимъ. Въ двухъ частяхъ Санктпетербургъ, 1834.

Самая занимательная часть Врачебной Науки, медицинская Метафизика, доставила сочинителю богатый предметъ для книги, которую съ равнымъ удовольствіемъ и пользою могутъ читать люди, посвятившіе себя Искусству, и простые любители всего относящагося къ человѣку. Умъ нашъ подверженъ столькимъ же неправильностямъ, недугамъ, болѣзнямъ, какъ и тѣло; но это заколдованное царство невещественности, населенное привидѣніямъ и мрачными и блистательными, фантастическими образами, думами и желаніями уродливыми, этотъ свѣтъ безъ логики, эта анархія умственныхъ отправления въ тѣлахъ, большею частию здоровыхъ, представляютъ рядъ явленій гораздо важнѣе для философа, нежели тѣлесныя наши страданія, и всякой мыслящей человѣкъ тѣмъ охотнѣе предается ихъ созерцанію, что они, открывая ему прискорбныя истины нашей природы, не отвращаютъ его по крайней мѣрѣ неопытною подробностей физической болѣзни.

Древніе съ большимъ вниманіемъ наблюдали болѣзненныя состоянія духа въ нашемъ тѣлѣ, и заключали ихъ подъ двумя общими названіями, — меланхоліи и бѣшенства. Асклепиадъ, жившій въ концѣ II вѣка до Р. Х., Цельсъ въ I-мъ и Александръ Тралес-

скій въ VI-мъ столѣтіяхъ нашей эры, довели уже эту отрасль медицины до того теоретическаго совершенства, къ которому усилія и разысканія новѣйшихъ временъ прибавили весьма немного новаго. Странное обстоятельство сообщаетъ намъ исторія Психіатріи: люди, кажется, оставили нѣкоторые старинные способы сходить съ ума, и предпочли имъ новѣйшіе, — изобрѣтеніе и успѣхъ не чужды и сумасшествію! Древніе врачи упоминаютъ положительно объ одной душевной болѣзни, нынѣ вышедшей изъ употребленія, которую называютъ они ликантропіею, или волко-человѣчьемъ: больные были какъ волки, лаяли и скитались ночью по полямъ и по кладбищамъ. Но самый забавный примѣръ древней меланхоліи сохраненъ Геродотомъ, который повѣствуетъ, что Скиѣы, во время похода своего въ Палестину, испытали на себѣ нѣкоторый родъ умственной эпидеміи, помѣшавшись на той идеѣ, что они женщины и красавицы: можно себѣ представить, что происходило, когда плчища дикихъ и грязныхъ бородачей стали кокетничать съ классическими Греками на поляхъ Малой Азіи!

Г. Бутковскій предпринялъ изложить, согласно нынѣшнему ученію, Науку о душевныхъ болѣзняхъ, о которой много писали въ послѣднее время. Онъ не говоритъ о ликантропіи подобно Маркеллу, но за то разсуждаетъ о жизни и душѣ по теоріи, которая во многихъ отношеніяхъ не уступаетъ волкочеловѣчю. Прошлое столѣтіе объясняло все кабалистическимъ словомъ «природа»; нынѣшніе энциклопедисты, которые даже не пишутъ Энциклопедій, толкуютъ все помощію таинственнаго слова — «сила». Да не погнѣваются Гг. Окенъ и Бутковскій, а мы, люди смертные, одаренные смертнымъ умомъ, не можемъ понять силы иначе, какъ только въ видѣ слѣдствія матеріи, во взаимномъ соотношеніи двухъ данныхъ ве-

щество. Вся мудрость гипотезы о существовании силы независимо от материи состоитъ въ простомъ перенесеніи смысла одного слова на другое, такъ, чтобъ послѣднее получило два значенія, а первое осталось пустымъ звукомъ. Да что жъ такое сила, которая существуетъ вѣчно, никогда не измѣняется и содержитъ все въ преднамѣренномъ порядкѣ, если не Богъ? Мы всегда это называли Богомъ, и очень хорошо понимали другъ друга. Въ гипотезѣ динамистовъ, слово «сила» которое конечно гораздо опредѣлительнѣе и яснѣе слова «природа», сосредоточиваетъ въ себѣ значенія Бога, или духа, и физическаго дѣйствія однихъ тѣлъ на другія, то есть настоящаго понятія силы. Какую же ясность пріобрѣтаетъ разсужденіе отъ этого страннаго сліянія двухъ столь разнородныхъ идей, отъ противологическаго соединенія въ одинъ звукъ причины и слѣдствія? Ровно ни какой. Такимъ точно образомъ Философія прошлаго столѣтія сбивала въ любимое свое слово «природа» причину и слѣдствіе, и мы знаемъ, сколько успѣла она объяснить имъ начала бытія. Если сила и Богъ одно и то же, какъ то, кажется, думаетъ «новѣйшее» ученіе Психіатріи, совсѣмъ напрасно мѣшающееся въ эти дѣла, то мы скоро возвратимся къ политеизму, и должны будемъ признавать бога тяжести, бога центробѣжности, бога химическаго сродства и т. д., и по крайней мѣрѣ предположить, что всякая солнечная система вселенной управляется особымъ богомъ, ибо наблюденія надъ двойными звѣздами заставляютъ уже нѣкоторыхъ астрономовъ вѣрить, что законы тяготѣнія нашей системы не примѣняются къ этимъ отдаленнымъ мірамъ, и что они повинуются силамъ совершенно различнаго свойства. Несообразность подобнаго обоготворенія или удуховенія силы слишкомъ ощутительна, и мы по-истинѣ удивляемся, какъ можно въ нашемъ вѣкѣ опираться на немъ какую-нибудь

теорію. Сколько умъ человѣческой въ состояніи постигнуть отвлеченно силу, она должна быть лишь выраженіе извѣстной воли единаго всемогущаго и премудраго Творца, осуществленной матеріею, которая получила отъ Него повелѣніе ее обнаруживать. Слѣдственно, сила — феноменъ матеріи и ся конечный результатъ; не будь матерія, нельзя быть и силъ, и если бы силу пришлось считать вѣчною, то же самое свойство слѣдовало бы приписать и матеріи. Разсматриваемая нами книга отнюдь не этого мнѣнія, и за всѣмъ тѣмъ она безъ дальняго разбора беретъ несбыточную повесть динамистовъ о самобытности силъ за основаніе своей Психологіи. Новѣйшее ученіе Психіатріи, въ ней излагаемое, безпрестанно смѣшиваетъ духъ съ силою, даже принимаетъ эти два слова за однозначія: здѣсь все, отъ минерала до человѣка, оживлено духомъ; тамъ все, отъ человѣка до минерала, одушевлено динамическимъ (силообразнымъ) началомъ, силою. Мы замѣтимъ новѣйшему ученію только, что какъ въ числѣ понятій человѣческихъ духъ есть существо безусловно противоположное матеріи, то онъ логически не можетъ имѣть ни какихъ общихъ съ нею формъ существованія. Духа нельзя дѣлить на части, потому что въ такомъ случаѣ онъ былъ бы вещество, а не духъ. Онъ также не можетъ быть ни совершеннѣе, ни грубѣе, потому что онъ всегда одинъ и тотъ же, существо абсолютное. Между-тѣмъ, по предлагаемой намъ теоріи, въ однихъ тѣлахъ динамическаго начала, или духа, бываетъ болѣе, въ другихъ менѣе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ духъ обладаетъ высшею степенію совершенства, въ иныхъ низшею. Эта темнота понятій о свойствахъ духа, о происхожденіи силы, объ условіяхъ матеріи, бросаетъ тѣнь ужасной сбивчивости на первыя сорокъ страницъ «ученія», и авторъ тщетно силится выпутаться изъ мрака помощію обманчиваго свѣта длин-

ныхъ словъ безъ значенія, созданныхъ по образцу Нѣмецкихъ туманно-философскихъ терминовъ: безчисленныя противорѣчія отъсюду преграждаютъ ему выходъ и недопускаютъ читателя проникнуть съ нимъ въ нѣдра предмета. Мы весьма сожалѣемъ, что пристрастіе къ мечтательству извѣстной школы ввергло эту занимательную книгу въ столько погрѣшностей противъ строгой логики, безъ которой нѣтъ хорошей книги: подлѣ истинъ, удачно выраженныхъ, подлѣ выводовъ, остроумныхъ или правдоподобныхъ, стоятъ умозаключенія и доказательства, которыя своею безсвязностью, своимъ недостаткомъ послѣдовательности въ мысляхъ, хотѣть, кажется, уничтожить, поглотить все предъидущее.

Мы не станемъ сближать мѣстъ, въ которыхъ говорится, что душа соединена съ тѣломъ самымъ тѣснымъ, динамическимъ образомъ, что жизнь ихъ одна и та же, съ тѣмъ, гдѣ, для большей убѣдительности, теорія вынуждена утверждать противное, и полагать, что «душа однакожь не приходитъ въ непосредственное прикосновеніе» съ тѣломъ; не будемъ даже разбирать ея мнѣній о «силѣ самосвѣдѣнія и свободы», составляющей какъ-бы особую душу въ душѣ; но чтобъ оправдать наше обвиненіе въ разительномъ недостаткѣ послѣдовательности въ ея сужденіяхъ, предложимъ на судъ читателей начало шестнадцатаго параграфа. Узнавъ, что «свободная, самосвѣдующая сила, въ здоровомъ чловѣкѣ, управляетъ всѣми дѣйствіями души», вы тотчасъ находите, что «болѣзнь душевная есть то состояніе, въ которомъ эта сила *теряетъ свое владычество надъ всѣми или надъ нѣкоторыми только отправлениями* духовной жизни». Следственно, присовокупите вы, чловѣкъ ума лишенный, потому не пользуется правильнымъ самоопредѣленіемъ, что свободная, самосвѣдующая сила *потеряла*

свое владычество надъ нѣкоторыми отпирвленіями души? Отнюдь не то! Онъ не пользуется потому, что «лишенъ свободы, обрѣтающей въ разумъ и самосвѣдѣніи.» Какъ свобода попала здѣсь въ самосвѣдѣніе, когда она прежде составляла совокупно съ нимъ одну силу и дѣйствовала параллельно; кто лишилъ чловѣка свободы,—мы этого не знаемъ; но теперь свобода сидитъ уже въ самосвѣдѣніи и въ разумѣ, и вы ожидаете, что вамъ скажутъ: «Въ сей-то потерь свободы, обрѣтающей въ самосвѣдѣніи и въ разумѣ, заключается истинное свойство душевныхъ страданій.» Нѣтъ! По новѣйшему ученію вамъ говорятъ напротивъ: «Въ сей то потерь свободы и самосвѣдѣніа заключается истинное свойство, и проч.» Свѣдѣніе тоже пропало безъ вѣсти! Нѣтъ чловѣческаго вниманія, которое бы не растряслось въ пухъ, когда его повезутъ сорокъ страницъ по такимъ выбоамъ логики.

Когда дѣло идетъ о теоріи, не довольно выписать ея положенія изъ книги, принятой болѣе или менѣе правильно въ руководство: надобно еще сродниться съ нею, надобно проникнуть во всѣ ея излучины, сообразить всѣ ея подробности. Тогда только можно или убѣдить ея читателя, или самому увидѣть ея неосновательность и отвергнуть ученіе, сначала насъ прельстившее. Если бѣ авторъ придерживался этого правила, онъ бы конечно освободилъ насъ отъ многихъ частей этой теоріи, и между прочимъ отъ цѣлой главы «О безсмертіи души чловѣческой». Доказательства «новѣйшаго» ученія Психіатріи въ пользу великой истины единственны! «Идея безсмертіа, говоритъ оно, начертана уже въ физической Природѣ, ибо всѣ силы оной, несмотря на измѣненіе формъ, постоянно пребываютъ». Откуда же пріобрѣтаемъ эту достовѣрность? Неужели четыре или пять тысячъ лѣтъ Исторіи нашего рода, не составляющихъ одной

десѣтилііонной части мгновенія въ сравненіи съ вѣчно-
стью, даютъ намъ право заключать, что видимыя си-
лы нашей солнечной системы безсмертны? Но вотъ
главный силлогизмъ повѣйшаго ученія: «душа есть
сила; а какъ въ Природѣ даже физическія силы не
разрушаются, слѣдственно, душа должна постоянно
оставаться.» Душа, по здоровой Философіи, есть духъ,
или ясіе и чтобъ избѣгнуть употребленія затрудни-
тельнаго слова «духъ», которое такъ часто было смѣ-
шиваемо съ матеріальными дѣятелями, — душа есть
мысль Творца, отраженная въ тѣлѣ совершеннѣйша-
го созданія; связывающая это созданіе съ совершен-
нѣйшимъ, абсолютнымъ существомъ, или Богомъ;
устанавливающая нашу зависимость во всемъ отъ Бо-
га, образуя постоянный невещественный проводникъ
воли и благодати между нимъ и человѣкомъ; безсмерт-
ная потому, что она мысль, а не сила, которая раз-
страивается вмѣстѣ съ матеріею; управляющая на-
шимъ существованіемъ, и слѣдственно обязана отче-
томъ въ своемъ управленіи пому же Верховному Раз-
уму, изъ котораго сама происходитъ. Эта мысль мы-
слитъ въ насъ: она носится надъ нашимъ умомъ, во-
ображеніемъ, разумомъ; одушевляетъ ихъ своимъ
присутствіемъ, и употребляетъ какъ орудіа для до-
стиженія высшихъ, нравственныхъ, небесныхъ цѣлей.
По этой мысли, по этой таинственной нити, соединяю-
щей два совершеннѣйшія существа двухъ противу-
положныхъ природъ, стекаетъ наконецъ въ насъ
Слово Божіе, Откровеніе, и мы поставляемся въ по-
ложительномъ сообщеніи съ Небомъ. Орудія этой мы-
сли, — умъ, воображеніе, разумъ, — могутъ прійти въ за-
мѣшательство отъ случайнаго разстройства физиче-
скихъ пружинъ и элементовъ, на игрѣ которыхъ оснс-
вана ихъ дѣятельность: тогда она перестаетъ управлять
ими, но сама не измѣняется въ своемъ высшемъ, от-
влеченномъ существѣ. Орудія ея бываютъ больны;

душа, духъ, мысль божества, поселенная въ наше мѣтль, всегда здорова. Слѣдственно, болѣзни, о которыхъ разсуждаетъ Психіатрія, умственны, а не душевны, и ей нечего начинать свое ученіе со странной теоріи о душѣ, восклицалъ: «Кто можетъ оспорить, что душа не одарена свѣту-подобнымъ началомъ, дѣйствующимъ съ безконечною скоростью, неприимтымъ для глаза, но содержащимся въ атмосферѣ?» Здравая логика можетъ оспорить это: мы не въ состояніи постигнуть насыщенія духа свѣтотворомъ, потому что духомъ называемъ бытіе противоположное матеріи.

Дѣло идетъ объ орудіяхъ души невещественной, объ умѣ, воображеніи, памяти, разумѣ и т. д.; и какъ эти орудія суть еще отвлеченія, то собственно патологическій вопросъ относится къ орудіямъ орудій, къ мозгу и нервной системѣ. Съ этой точки начинается такъ называемая Психіатрія, или душелеченіе, которое по-настоящему долженствовало бы именоваться Нооатріей, умолеченіемъ; и авторъ лучше бы сдѣлалъ, если бъ, въ изложеніи новѣйшаго ея ученія, оставивъ душу въ покоѣ, приступилъ прямо къ численію умственныхъ способностей, къ описанію ихъ органовъ и къ раздѣленію по нимъ болѣзней, которыя, какъ самъ онъ сознается, неправильно прозваны душевными. Съ этой точки и въ его книгѣ все свѣтло, опредѣлительно, любопытно: мы надѣемся, что и врачи будутъ столько же довольны этою частью сочиненія, сколько она доставила намъ удовольствія при обыкновенномъ литературномъ чтеніи, особенно послѣ рогатыхъ ипотезъ и противорѣчій первыхъ восемнадцати параграфовъ.

Мы не говоримъ однако жъ, чтобы и въ этихъ параграфахъ не заключалось мѣсть, достойныхъ вни-

манія, и счастливыхъ выраженій, и приведемъ въ примѣръ слѣдующія строки: «Душа представляетъ идеальное единство всѣхъ дѣйствій тѣлеснаго организма, котораго частныя отправленія суть какъ-бы переломленія душевныхъ силъ, подобно тому, какъ простой лучъ свѣта, посредствомъ стеклянной призмы, раздѣляется на множество цвѣтовъ. Тѣло человѣческое въ семъ отношеніи можетъ уподобиться стеклянной призмѣ, сквозь которую одинъ нераздѣльный лучъ души переломляется и обнаруживается множествомъ явленій.» Это сравненіе весьма удачно, если только авторъ говоритъ здѣсь объ умственныхъ дѣйствіяхъ тѣлеснаго организма и объ умственныхъ явленіяхъ.

Ученіе, излагаемое авторомъ, признаетъ мозгъ и нервы непосредственными органами души. Это скорѣе органы органовъ ся, потому что первыми исполнителями распоряженій души кажутся умственныя наши способности, а мозгъ и нервы суть уже органы тѣхъ способностей: человекъ сходить съ ума, лишается памяти, воображенія, разума, и проч., однако жъ душа ни сколько въ немъ отъ этого не измѣняется. Но послушаемъ автора.

«И такъ, если мозгъ и нервы составляютъ органы души, то какое бы было собственно дѣйствующее начало въ оныхъ? Подъ ножомъ анатомика мозгъ представляется токмо мягкою студенеобразною массою, которая, кромѣ различныхъ возвышеній, впадинъ и фигуръ, ничего особеннаго въ себѣ не заключаетъ; а результаты химическихъ изслѣдованій показываютъ, что мозгъ состоитъ изъ животной воды 80, 00; бѣлаго жирнаго вещества 4, 53; жирной красноватой массы 0, 75; озмазона 1, 12; бѣлка 7, 00; фосфора, соединеннаго съ жирною бѣлаго и краснаго цвѣта матеріею 1, 50; и разныхъ солей 5, 15=100. Становая жила и продолговатый мозгъ заключаютъ въ себѣ тѣ же самыя составныя части, но отличаются

отъ мозга гораздо большимъ количествомъ жирной массы и меньшимъ бѣлка, озмазана и воды. Нервы, напротивъ того, разнствуютъ отъ мозга большимъ количествомъ бѣлка, и меньшимъ количествомъ жиру. Изъ сего можно видѣть, что мозгъ и нервы не заключаютъ въ себѣ ни какихъ особенныхъ частей, изъ коихъ надлежало бы предполагать ближайшую зависимость нервныхъ дѣйствій. Несмотря на то, органы таковыя въ психиатрическомъ отношеніи чрезвычайно важны. Подлинно, если всякой, созерцаемый нами предметъ, со всеми его оттѣнками и цвѣтами, проходя чрезъ органы глаза, силою воображенія начертывается въ душѣ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ; если тоны цѣлаго оркестра, слова рѣчи, сообщенныя общему чувству слышательныя нервы, при всѣхъ многоразличныхъ измѣненіяхъ, слѣдующихъ одна за другими съ чрезвычайною скоростію, не только въ точности ощущаются ею, но слышится даже малѣйшее разногласіе между ними, — то сколь велика должна быть образовательная сила (*Bildsamkeit, vis fingendi*), которая въ состояніи всѣ эти впечатлѣнія воспринимать и проводить неизмѣнно?

«Изъ сего явствуетъ, что органическая сила, которую называютъ обыкновенно *нервнымъ началомъ, нервнымъ эфиромъ, жизненнымъ духомъ* и проч., совершенно превосходить всѣ и физическія и химическія силы.

Изслѣдывая внимательно дѣйствія мозга, намъ покажутся они еще важнѣйшими. Всѣ впечатлѣнія, дѣйствующія на насъ посредствомъ чувствъ, всѣ идеи, раждающіяся въ насъ, оставляютъ слѣды свои въ памяти, которая имѣетъ очень тѣсную связь съ органическимъ существомъ мозга. Изъ наблюденій известно, что отъ сострясанія мозга все знаніе языковъ, мѣсть, именъ, чиселъ и проч. совершенно выходило изъ памяти, и человекъ принужденъ былъ почти снова учиться всѣмъ прежнимъ познаніямъ.»

Сердечно-душевныя способности, *animus, Gemüth*, и вся сила чувствованія, страсти, возбужденія, и проч., по мнѣнію автора, имѣютъ свое пребываніе въ нервныхъ узлахъ сердцевой полости, или гангліяхъ.

«Что сила чувствованія имѣетъ ближайшее отношеніе свое къ груднымъ внутренностямъ, могутъ удостовѣрить слѣдующіе, на опытъ основанные доводы :

«1. Всѣ страсти, зависящія отъ силы чувствованія, сопровождаются всегда нѣкоторымъ ощущеніемъ въ груди. При радости и надеждѣ біеніе сердца бываетъ скорое, а при печали и горестныхъ удрученіяхъ слабое съ медленнымъ и стѣсненнымъ дыханіемъ; въ страхѣ и изумленіи пульсъ дѣлается неправильнымъ; тоска сопровождается стѣсненіемъ дыханія и дрожащимъ пульсомъ; въ гнѣвѣ бьется сердце сильно и скоро, а дыханіе совершается съ энергіею.

«2. Страсти, дѣйствующія сильно и скоро, производятъ обморокъ, коего первоначальная причина обрѣтается въ сердцѣ, или причиняютъ скоропостижную смерть чрезъ разрывъ сердца, либо подають поводъ къ неизлечимымъ болѣзнямъ сердца. Угнетающія страсти, к. т. печаль, тоска и горестъ, оставляютъ послѣ долгаго вліянія своего болѣзни сердца, легочныя чахотки и проч.

«3. Болѣзни грудныхъ органовъ обнаруживаются большею частію разстройствомъ, либо чрезмѣрнымъ возбужденіемъ силы чувствованія. Болѣзни сердца сопровождаются угрюмостью, тоскою, печалью, робкостію, уныlostію даже до пренебреженія жизни.

4. Послѣ предшествовавшихъ душевныхъ болѣзней съ преимущественнымъ страданіемъ силы чувствованія, открываются весьма часто въ трупахъ болѣзненныя измѣненія сердца и легкихъ. У самоубійцъ находимы были значительные пороки въ органахъ груди, особливо въ сердцѣ. У людей, кои при жизни своей замѣчены были въ безчувственности къ человѣческому страданіямъ и въ жестокихъ безчеловѣчныхъ поступкахъ, оказывались не рѣдко по вскрытіи тѣлъ физическія неправильности въ сердцѣ.

«5. Лекарства, дѣйствующія преимущественно на сердце, какъ наперсточная трава, табакъ, и проч., дѣлають жилюбіеніе медленнымъ и перемежающимся, и причиняютъ тоску и уныніе.»

«Результаты, уполномочивающіе насъ принять, что *сила вождельная* имѣетъ ближайшее отношеніе свое къ нервной системѣ брюха, суть слѣдующіе:

1. Жизненные побужденія низшей степени, какъ то, голодъ, жажда, любовное побужденіе сопровождаются всегда нѣкоторымъ ощущеніемъ въ брюхѣ.

2. Продолжительныя страсти и вождельныя производятъ преимущественно брюшныя болѣзни, и страдающіе оными весьма склонны къ страстямъ, особливо къ желанію и отвращенію. Беременныя женщины оказываютъ многоразличныя побужденія и пожеланія. Сумасшедшій, имѣющій непреодолимое стремленіе къ убійству, чувствуетъ предъ припадкомъ сильное жженіе въ брюхѣ около желудка.

3. У сумасшедшихъ, подверженныхъ какой-либо сильной страсти, какъ то, гордости, высокомерію и пр., находятся всегда значительныя пороки въ брюхѣ.»

Собравивъ всѣ эти наблюденія, отнюдь нельзя сомнѣваться, что отправления сердечно-душевной способности (*Gemüth*), хотя подчинены мозгу, какъ центральному органу душевныхъ способностей, но ближайшее отношеніе имѣютъ къ умогатовой нервной системѣ груди и брюха.»

Перейдемъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ душевныхъ болѣзней.

По наблюденію Эскироля самая большая часть сумасшедшихъ имѣютъ умѣренную дородность и силу, большой ростъ, темные глаза и русые волосы. Изъ 265 изслѣдованныхъ Гаслемомъ больныхъ, только 60 не подошли подъ это правило: онъ примѣтилъ у нихъ еще удивительное ослабленіе покрововъ черепа, такъ что при осязаніи рукою можно было удобно стягивать ихъ въ рубцы и морщины. Почти всѣ безумные нечувствительны къ боли, и нерѣдко причиняютъ себѣ ужасныя мученія, просверливаютъ кожу, вырываютъ волосы, ни сколько не жалуясь. Они иногда не чувствуютъ и холода, и при 16 градусахъ мороза не

могут терять суконнаго одъяла. Большая ихъ часть прожорливы, хотя нѣе морятъ себя голодомъ изъ особенныхъ причудъ. Мышечная ихъ сила увеличивается до невѣроятной степени, и они рвутъ крѣпкія связи съ удивительною легкостью. Но самыя странныя явленія превратнаго дѣйствія органовъ представляютъ ихъ чувства.

« Обманы чувствъ , hallucinationes, случаются почти во всѣхъ формахъ психическихъ болѣзней , и простираются либо на всѣ чувства вмѣстѣ , либо на одно какое-нибудь. *Обманы зрѣнія* случаются весьма часто, и показываютъ страждущимъ субъектамъ предметы, кои или вовсе не существуютъ , или находятся внѣ сферы ихъ зрѣнія , или представляются имъ въ презрательномъ видѣ. Сумасшедшіе часто не узнаютъ ни родственниковъ , ни друзей , даже почитаютъ ихъ посторонними или непріятелями , и , напротивъ , въ незнакомыхъ находятъ родителей , друзей или пріятелей. Многіе не могутъ читать , послѣдныя литеры представляются имъ стоящими одна на другой , такъ что они не въ состояніи ни совокупить ихъ , ни образовать слога и слова. *Обманы слуха* суть также частѣйшія явленія въ сихъ болѣзняхъ. По мнѣнію Спурцгейма , ухо сумасшедшихъ страдаетъ болѣе всѣхъ чувственныхъ органовъ , и между ними точно болѣе глухихъ , нежели слѣпыхъ. Больные часто слышатъ голоса , собственно къ нимъ относящіеся , и по онымъ ведутъ переговоры. Они приписываютъ тонъ сихъ голосовъ своимъ родственникамъ , друзьямъ , сосѣдямъ или непріятелямъ , разговариваютъ съ ними съ веселостію , нѣжностію , съ содроганіемъ или съ состраданіемъ , и слышатъ таковыя голоса съ высоты , сквозь стѣну , подъ поломъ , преслѣдуютъ ихъ , утомляются и мучатъ себя день и ночь. *Обманы вкуса и запаха* хотя и рѣже , но поражаютъ сумасшедшихъ. Нѣкоторые ощущаютъ совсѣмъ другой вкусъ пищи , нежели онъ дѣйствительно бываетъ , или слышатъ запахъ такихъ вещей , кои вовсе не существуютъ ; другіе думаютъ , что они растираютъ ядъ между зубами , или жуютъ сырое мясо , или употребляютъ нектаръ и амброзію. Обманы ощущенія бываютъ такого рода , что больные въ тѣхъ тѣлахъ , къ коимъ прикасаются , находятъ совсѣмъ другія свойства , какъ то ,

круглыя тѣла кажутся имъ угловатыми, а твердыя и шероховатыя мягкими и гладкими.

«Неправильности общаго чувствованія, столь обыкновенныя въ душевныхъ болѣзняхъ, подають поводъ къ ложному понятію касательно собственнаго ихъ тѣла. Они почитаютъ себя больными въ то время, когда они здоровы, и, напротивъ, здоровыми при явныхъ признакахъ болѣзни; или предполагають перемѣну въ количествѣ и качествѣ ихъ частей, и бывають увѣрены, что у нихъ стекляныя ноги, длинные носы; или думаютъ, что содержать въ своемъ животѣ необыкновенныя вещи, лягушки, ящерицы, и т. п.»

Психіатрія сдѣлала примѣчательное наблюденіе касательно религіозныхъ чувствъ этихъ несчастныхъ: тогда какъ всѣ ихъ прежнія склонности и понятія получаютъ противоположное или превратное направленіе, Вѣра неотступно остается при нихъ въ качествѣ утѣшительницы. «Правила религіи, говоритъ Г. Бутковскій, рѣдко оставляють сумасшедшихъ и въ то время, когда прочія познанія съ потерей разсудка кажутся погашенными.» Это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли, изложенной выше, что наши умственныя способности суть не силы души, но первыя ея орудія, или подчиненныя органы. Религія, клеймо божественнаго ея происхожденія, одна не покидаетъ ея и тогда, какъ всѣ прочія умственныя силы испытали судьбу, постигшую организмъ, служащій къ ихъ выраженію. Религія есть эта мысль Творца, отраженная въ нашемъ тѣлѣ, которую мы называемъ душою. Она настоящая наружная форма духа, или души: всѣ прочія мнимыя ея формы суть слѣдствія организма, только совокупающіяся въ ней, какъ въ общемъ центрѣ.

Съ той минуты, какъ душа престаеетъ предводительствовать отправленіями разстроенной махины ума, человекъ становится настоящимъ животнымъ, и об-

наруживають склонности и свойства, приличныя разнымъ породамъ четвероногихъ и пернатыхъ. Онѣ ощущаютъ въ себѣ непреодолимое влеченіе къ воровству, къ плутовству, къ ссорѣ и дракѣ, чувство стыда, знаніе родителей и родныхъ, обыкновенно въ немъ исчезаютъ. Хитрость и мстительность въ высочайшей степени отличаютъ сумасшедшихъ. Они чрезвычайно любятъ повторять одно и то же дѣйствіе: робость, тоскливость и склонность къ гнѣву составляютъ также ихъ характеристическій признакъ. Притворство столь же могущественно господствуетъ въ домѣ сумасшедшихъ, какъ и въ большомъ свѣтѣ: они вообще недоувѣрчивы и скрытны, какъ почти всѣ животныя. И хорошія ихъ качества тѣ же, которыя обыкновенно примѣчаются у послѣднихъ: они помнятъ наказанія, боятся ихъ, благодарны къ своимъ попечителямъ, и имѣютъ познанія права и неправа въ отношеніи къ нимъ самимъ; музыка производитъ на нихъ большое вліяніе. Къ нѣкоторымъ лицамъ они чувствуютъ сильное отвращеніе, хотя видятъ ихъ впервые; напротивъ, при видѣ другихъ радуются безъ всякой причины, стараются быть привѣтливыми и заводятъ разговоры съ ними. Но какъ человекъ собственно принадлежитъ къ классу хищныхъ звѣрей, то склонности, свойственныя ихъ природѣ, пріобрѣтаютъ въ безумныхъ полное и весьма опасное развитіе. Безпримѣрная свирѣпость и готовность къ убійству какъ другихъ, такъ и самого себя, часто встрѣчаются между ними: жажда крови бываетъ столь сильна, что лишенный ума, до наступленія припадка находится въ безпрестанной внутренней борьбѣ съ ужаснымъ побужденіемъ убійства, и страхомъ или отвращеніемъ, которые оно имъ внушаетъ.

Большое отвращеніе къ горизонтальному положенію происходитъ у нихъ изъ причинъ чисто патологическихъ Но —

«Разстройство умственных силъ у сумасшедшихъ не всегда бываетъ равно. Иногда больной пользуется болѣе или менѣе свободнымъ употребленіемъ душевныхъ своихъ способностей. Во многихъ случаяхъ онъ психически разстроенъ бываетъ въ одномъ какомъ-нибудь отношеніи, а во всѣхъ прочихъ душевныя отправления его совершаются столь правильно, что всякой не знающій постоянной идеи его помѣшательства, можетъ почитать его совершенно здравомыслящимъ. Есть очень много примѣровъ, что люди, будучи помѣшаны на какой-либо одной идее, въ состояніи даже были выполнять въ точности обязанности службы. Известно также, что во время пароксизмовъ душевныхъ болѣзней, оказывается чрезвычайная острота ума; больные представляютъ явно доказательства блистательныхъ, весьма умныхъ мыслей, и приводятъ очень удачныя сравненія. Люди, кои въ здоровомъ состояніи имѣли непреодолимое препятствіе въ рѣчи, объясняются во время припадковъ сумасшествія совершенно свободно. Другіе готовы всегда къ остроумнымъ отвѣтамъ и логическимъ умозаключеніямъ.»

Мы не можемъ слѣдовать далѣе за авторомъ во врачебной части предмета, которая однако жъ чрезвычайно занимательна, и ни сколько не отзывается технической сухостью, по множеству любопытныхъ фактовъ и по умному ихъ изложенію. Важность и необыкновенная польза его труда еще скорѣе будутъ оцѣнены всѣми, когда мы скажемъ, что авторъ между прочимъ преподастъ вѣрныя и самыя новѣйшія средства,—какъ лечить людей отъ глупости. И не только глупыхъ, онъ лечитъ и дураковъ! Мы увѣрены, что наши читатели сейчасъ приобретутъ его книгу покупкою, чтобъ испытать предлагаемыя имъ средства на своихъ знакомцахъ.

1. РЕГЕНТСТВО БИРОНА, *Повѣсть. Сочиненіе Константина Масальскаго. Санктпетербургъ, 1834, двѣ части.*

2. БРМАКЪ, или *Покореніе Сибири, Историческій Романъ. Сочиненіе Павла Свищяна. Санктпетербургъ, 1834, четыре части.*

3. ЛУНАТИКЪ, *Случай. Сочиненіе А. Вельтмана Москва, 1834, двѣ части.*

Въ восьми томахъ изящной прозы, какъ не найти средствъ къ наслажденію, поводовъ къ восторгу, прекраснаго, живаго, остроумнаго, занимательнаго? Какую живописную грудю образуютъ они на моемъ столѣ! Этотъ волшебный островокъ воображенія, раздѣленный на восемь уѣздовъ въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, лиловыхъ, — этотъ островокъ долженъ, конечно, заключать въ себѣ цѣлое народонаселеніе прелестныхъ мечтаній съ бѣлою грудью и розовою улыбкой, цѣлые города памятниковъ изобрѣтательной мысли, быть-можетъ новый Римъ или новый Петербургъ великолѣпнаго вымысла. Онъ такъ красивъ, такъ привлекателенъ издали! Поплывемъ къ нему, читатели; причалимъ къ его роскошному берегу, пестряющему цвѣтами сѣрыми, зелеными, лиловыми; выскочимъ скорѣе на землю, — тамъ ожидаетъ насъ удовольствіе, тамъ будемъ мы дышать воздухомъ Поэзіи.

«Регентство Бирона» не обмануло нашихъ ожиданій. Это участокъ острова, исполненный прекрасныхъ видовъ разнообразности въ предметахъ и ощущеніяхъ, признаковъ руки искусной; разрисованный со вкусомъ, очень хорошо воздѣланный. Это-твореніе К. М. Масальскаго, который умѣетъ разливать занимательность во всемя, что ни творитъ. А нынѣшняя его *Повѣсть*, безспорно, занимательнѣе прежнихъ его твореній, которыя часто грѣшили длиннотами и нѣкоторою

сухостью подробностей. Она идетъ быстро, очень быстро, увлекаетъ васъ за собой съ непреодолимою силою, блеститъ и оканчивается какъ молнія. Мало читаль я сочиненій, которыя бы читались легче и пріятнѣе.

Это, если вамъ угодно, Историческій Романъ, — что, по-моему, еще не много значить въ отношеніи къ Искусству. Но должно отдать справедливость, — это едва ли не первое сочиненіе въ нашей Словесности, въ которомъ теорія Исторической Повѣсти не искажена преувеличеніями, не изуродована смѣшными притязаніями на какую-то критическую и ученую важность, и приближается къ идеалу рода, созданнаго Вальтеромъ-Скоттомъ. Англійскій романистъ чувствовалъ художество и еще почиталь Исторію: его подражатели забыли и о художествѣ и объ Исторіи. Онъ только объяснялъ вымысломъ историческіе характеры и старинные нравы; они вздумали сказками толковать великія событія и политику. Онъ производилъ уродливое прекрасное для Словесности; они надѣлали чудовищъ для Исторіи. Г. Масальскій прекрасно поступилъ, что на этотъ разъ не послѣдовалъ отчаянному ученію энтузіастовъ, которые утверждаютъ, будто Историческій Романъ можетъ быть «истиннѣе самой Исторіи» или берутся представлять намъ «вѣрныя картины» временъ и происшествій помощію прильпленныхъ къ тексту лѣтописи выдумокъ и натяжекъ своего воображенія. Должно чувствительно благодарить его за это добровольное возвращеніе къ чистымъ, разсудительнымъ началамъ рода отъ распреувеличеній теоріи, которой, кажется; самъ онъ повиновался въ прежнихъ своихъ Историческихъ Романахъ или Повѣстяхъ. Увидѣвъ заглавіе—«Регентство Бирона», я уже боялся, что вся Исторія трехъ черныхъ недѣль будетъ здѣсь выведена на сцену;

что авторъ придумаетъ намъ новыя тайныя пружины для важныхъ происшествій; что онъ поведетъ насъ въ спальни главныхъ историческихъ лицъ того времени; что мы выслушаемъ всѣ ихъ разговоры съ супругами и любовницами, увидимъ, какъ они разрѣшали съ своими секретарями историческія загадки, будемъ присутствовать при всей операціи коверканья ими того, что они хорошо или дурно сдѣлали однажды, и что мы однажды хорошо или дурно объ нихъ узнали. По счастью, опасеніе мое оказалось неосновательнымъ. Авторъ оставилъ въ покоѣ важныя событія, и невинною, замысловатою повѣстью, удачно помѣщенною въ предѣлахъ частной жизни, высказалъ намъ все, что думаетъ о общемъ характерѣ эпохи и о личныхъ качествахъ особъ, въ ней дѣйствовавшихъ. Такимъ образомъ Исторія осталась въ цѣлости, мы не принуждены, ради «вѣрной картины» романиста, измѣнять положительныя свѣдѣнія наши о свойствахъ происшествій, и Русская Словесность получила одну изъ прелестнѣйшихъ Повѣстей въ семъ многоповѣствующемъ 1834 году. Герой Г. Масальскаго честный и добрый малый: я люблю его чрезвычайно. Онъ простой поручикъ гвардіи, и довольствуется своимъ званіемъ; онъ не хочетъ итти въ главныя пружины великихъ событий, не взводитъ небывальщинъ на знаменитыхъ современниковъ, и считаетъ неучтивымъ передѣлывать Исторію, въ его чинъ; онъ просто ея зритель, свидѣтель и жертва, — что отнюдь не мѣшаетъ ему ни трогать сердце читателя своею судьбою, ни быть порядочно влюбленнымъ въ дочь рыбнаго поставщика, который читаетъ «Совѣты Премудрости» и ведетъ переписку съ друзьями по точному содержанию «Прикладовъ тому, како пишутся компліменты». Когда онъ ѣсорится и вызываетъ на дуэль, то старается имѣть дѣло не съ первымъ историческимъ лицомъ своего времени, Герцогомъ Бирономъ, но съ первымъ современнымъ

негодяемъ, роднымъ его братомъ, которому смѣло можетъ онъ обрубить носъ и уши, не изувѣчивъ ни одного политическаго происшествія. Словомъ, поручикъ Г. Масальскаго истинный герой Историческаго Романа, и превосходно понимаетъ роль свою. Тогда какъ происшествія, нравы и обычаи эпохи быстро текутъ или живописно толпятся около поручика, онъ обладаетъ всѣмъ нашимъ участіемъ, наполняетъ собою все вниманіе; мы съ любопытствомъ проникаемъ въ его вѣкъ и общество, чтобъ соображать его положеніе и рассчитывать его судьбу; для насъ интересны и эта пустынная Фонтанка, по которой онъ плыветъ въ лодкѣ, уходя черезъ садокъ отъ клеветовъ Регента, и секретарь грознаго Правителя, Гееръ, который располагаетъ его жизнію, и вся эта стая шпионовъ, разсыпанная по тогдашнимъ правамъ, и въ которой отыскался Маусъ, лазутчикъ съ добрымъ сердцемъ и готовою измѣною. Валеріянъ Аргамаковъ, — такъ звали этого отличнаго поручика, — находится въ тюрьмѣ, въ подземельѣ: онъ приговоренъ къ смерти Бирономъ, и въ ту же ночь долженъ погибнуть отъ руки палача вмѣстѣ съ прочими заговорщиками; гнусный Гееръ уже побѣждалъ дѣлать приготовленія къ ихъ казни; между-тѣмъ онъ успѣваетъ еще преклонить Мауса, и тотъ приводитъ къ нему, въ казематъ, друга его, капитана Ханькова, для послѣдняго съ нимъ прощанія. Эта сцена превосходна.

«— Не обвиняй же себя, Валеріянъ, въ гибели твоего родителя, говоритъ ему Ханьковъ. Ты видишь, что надежда спасти его влекла тебя сильнѣе, чѣмъ любовь къ Ольгѣ.

— Ахъ, другъ мой! Теперешнія чувства мои, на краю могилы, не тѣ, которыя обладали моимъ сердцемъ, когда я воображалъ еще предъ собою длинный путь жизни, когда меня обольщала еще надежда, что бѣдствія и горести

минуются, а вдали ждуть меня счастье и радость. По теперешнимъ чувствамъ моимъ нельзя судить прежнихъ.

— Безпокойство твоего сердца, основанное на одномъ неразрешимомъ для совѣсти твоей сомнѣніи, показываетъ, какъ оно чисто и возвышенно. Согласенъ, что сердце наше измѣнчиво отъ времени, отъ обстоятельствъ; если бъ ты даже могъ себя упрекать, не ошибаясь въ томъ, что, увлеченный другимъ чувствомъ, не отвратилъ ты гибели отца твоего; то вспомни, что одна минута истиннаго раскаянія можетъ загладить предъ безконечнымъ милосердіемъ Божиимъ цѣлую жизнь, исполненную преступленій.

«Эти слова глубоко тронули Валеріана и пролили въ душу его сладостное спокойствіе. Растроганный, онъ не могъ говорить, схватилъ крѣпко руку друга, и навернувшіяся на глазахъ слезы свидѣтельствовали о его благодарности за слова утѣшенія.

«Маусъ, неподвижно стоявшій близъ двери въ продолженіе этого разговора, подошелъ къ столу и, взявъ свой потаенный фонарь, сказалъ: — Мнѣ не хотѣлось бы, Г. капитанъ, помѣшать послѣдней бесѣдѣ вашей съ другомъ; но я опасаюсь, чтобы Г. Гейеръ невзначай не возвратился. Благоволите проститься съ вашимъ пріятелемъ и удалиться до бѣды.

«Сердце Ханькова сжалось. Нензобразимая грусть объяла его. Онъ всталъ и, скрывая волненіе души своей, подалъ руку Валеріану.

— Ты ужъ идешь, другъ? сказалъ Валеріанъ такимъ голосомъ, который растерзалъ бы душу самую нечувствительную. Неужели я смотрю на тебя въ послѣдній разъ? О!.. это ужасно! Да!!... Я ужъ тебя никогда, никогда не увижу!

«Слезы оросили его блѣдныя щеки. Не отирая ихъ, онъ держалъ руки друга въ своихъ и нѣжно глядѣлъ ему въ лице, какъ бы желая насмотрѣться на человека, столько ему любезнаго. Ханьковъ не плакалъ, съ усміемъ подавляя скорбь, его терзавшую; онъ не хотѣлъ ее обнаружить, зная,

что этимъ усиливъ бы мученія друга, съ нимъ и съ жизнью прощавшагося.

«Маусъ накрылъ между тѣмъ крышкою свой фонарь, и по тюръмѣ мгновенно разлился непроницаемый мракъ.

— Пойдемъ - те, Г. капитанъ! Долже медлить не смѣю.

— Я ужъ не вижу тебя, другъ! продолжалъ Валеріанъ. Такъ будетъ темно въ моей могилѣ. Теперь ужъ кончено! Мы никогда не увидимъ другъ друга!... По крайней мѣрѣ я еще держу твои руки. Скажи мнѣ что нибудь! Мнѣ хочется въ послѣдній разъ услышать голосъ твой. Что это? Ты, кажется, плачешь?

— Нѣтъ! отвѣчалъ трепещущимъ голосомъ Ханыковъ, задыхаясь отъ удерживаемыхъ слезъ. Не унывай, Валеріанъ! Мракъ, насъ окружающій, не мѣшаетъ намъ мыслить, чувствовать и любить другъ друга. Такъ и мракъ могилы не поглотитъ въ тебѣ того, что мыслить, чувствуетъ и любить. Неужели духъ нашъ, этотъ лучъ Вѣчнаго Солнца, для того только свѣтитъ, чтобы наконецъ погаснуть, исчезнуть въ землѣ, посреди червей и тлвнїа!

— Вы себя погубите, Г. капитанъ, и меня вмѣстѣ съ собою. Ради Бога, пойдемъ-те! Мнѣ послышался шумъ!

Маусъ схватилъ Ханыкова за руку, и началъ тащить его къ двери.

— Прощай! сказалъ отчаяннымъ голосомъ узникъ, опустивъ руки друга. Благодарю тебя! Дружба твоя уладила послѣднія, горькія минуты моей жизни. Прощай навсегда!

— Не предавайся унынію, Валеріанъ! Призови на помощь твое мужество и иди смѣло на встрѣчу смерти. Не прощаюсь съ тобой навсегда! Мы увидимся въ мірѣ лучшемъ.

«Ключъ щелкнулъ два раза, шумъ шаговъ, раздавшійся по коридору, постепенно затихъ, и гробовая тишина настала въ тюръмѣ Валеріана. Онъ бросился на полъ почти въ безпамятствѣ. Отчаяніе задушило его въ своихъ холодныхъ объятїяхъ. Только по временамъ казалось ему, что вдали онъ слышитъ

еще голосъ друга и послѣднія слова его: мы увидимся въ мѣрѣ лучшемъ!»

Свиданіе и разговоръ Ханькова съ Елисаветою Петровною обрисованы очень удачно и могутъ служить новымъ доказательствомъ таланта, излитаго Г. Масальскимъ въ этомъ сочиненіи. Здѣсь прекрасно развитъ характеръ будущей Императрицы въ случаѣ совершенно частномъ, не имѣющемъ ни какой связи съ Исторіею: Ханьковъ, ища повсюду покровителей для друга, погибающаго отъ тиранства Регента, прибѣгаетъ къ ней, какъ своей благодѣтельницѣ.

«Онъ вошелъ въ залу. Фрейлина доложила о немъ Цесаревнѣ Елисаветѣ.

«Хотя Елисавета въ то время достигла уже тридцатаго года жизни; но и восемнадцатилѣтняя красавица могла бы втайнѣ позавидовать Цесаревнѣ, смотря на ея лилейную ѳлизну лица и рукъ, на пѣжный румянецъ, игравшій на щекахъ, на пурпуровыя уста, которыя украшались постоянною улыбкою, выражавшею кротость и добродушіе, на темнокаріе, полныя жизни глаза, на черныя, прелестныя брови. Сверхъ того отличали Елисавету высокій ростъ, тонкій и стройный станъ, величавая походка, ясный изоръ, который выражалъ проницательность и живость ума и въ тоже время спокойствіе, безмятежность добродѣтельнаго сердца.

— Здравствуй, капитанъ! сказала Цесаревна приветливо; выйдя изъ внутреннихъ покоевъ въ залу въ сопровожденіи ея фрейлины.

«Ханьковъ поклонился и почтительно поцѣловалъ руку, которую подала ему Цесаревна съ такимъ доброжелательствомъ во взоръ, что незамѣтно въ ней было и тѣни важно-холоднаго соблюденія дворскихъ обычаевъ; напротивъ того казалось, что любимый сынъ цѣлуетъ руку у доброй матери.

— Я слышала, ты пострадалъ, Ханьковъ, за то, что не

хотѣла забыть тѣхъ незначительныхъ пособій, которыя я для собственнаго удовольствія оказывала покойному отцу твоему. Я сердечно о тебѣ пожалѣла.

— Мнѣ бы слѣдовало благодарить Ваше Высочество, но простите солдата! Чѣмъ сильнѣе онъ чувствуетъ, тѣмъ труднѣе для него выразить свои чувствованія.

— Странно, что Герцогъ и меня вздумалъ подозрѣвать въ замыслахъ противъ него! Это меня удивило. Его обращеніе со мною съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался Правителемъ, стало гораздо лучше, чѣмъ прежде. Онъ, кажется, искренно расположенъ ко мнѣ. Ему не пришло бы въ голову назначить мнѣ по пятидесяти тысячъ въ годъ пенсіона, еслибъ онъ питалъ ко мнѣ непріязненные чувствованія и считалъ меня для себя опасною.

— А я смѣю думать иначе, Ваше Высочество! Это именно и доказываетъ, что Герцогъ васъ опасается. Вы действительно для него опасны.

— Я? Я для него опасна? Чѣмъ?

— Преданностію и любовію къ вамъ всѣхъ Русскихъ.

— Если это и справедливо, то я ни сколько не виновата предъ Герцогомъ.

— Злой человекъ всегда считаетъ всѣхъ добродѣтельныхъ своими врагами. Они противъ воли ихъ служатъ укоромъ всѣхъ его проступковъ. Ахъ, Ваше Высочество! долго ли отечество будетъ страдать подъ желѣзнымъ игомъ этого иноземца? Дождется ли когда нибудь Русскіе времянь лучшихъ?

«Цесаревна вздохнула и, взглянувъ на фрейлину, стоявшую въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, сдѣлала ей знакъ рукою, чтобъ она удалилась.

— Если бы Провидѣніе вложило въ сердце Вашего Высочества намѣреніе потребовать исполненія неоспоримыхъ правъ вашихъ на Престолъ; то Биронъ...

— Не говори мнѣ этого, Ханьковъ! Я знаю права свои,

но не хочу ими пользоваться. Мнѣ ли, слабой женщиной, управлять обширнѣйшимъ въ свѣтъ царствомъ, когда тяжесть этого бремени чувствовалъ даже покойный родитель мой! Достанетъ ли у меня силъ принять на себя предъ Богомъ ответственность за счастье миллионовъ? Последний подданный, по моему небреженію или невѣднію несправедливо обвиненный и погибшій въ напрасномъ ожиданіи моей защиты, потребовалъ бы меня на страшномъ судѣ къ Престолу Царя Царей, и обвинилъ бы меня предъ Нимъ.

— Ваше Высочество! скажу вамъ прямо, что мышлю и чувствую. Если предъ Царя Царей потребуютъ васъ всѣ погибшіе отъ злобы Бирона, если всѣ Русскіе, страдавшіе и страдающіе подъ игомъ этого злобнаго чловѣка, скажутъ: Елисавета могла спасти васъ, и не спасла! Что вы скажете въ оправданіе?

«Слова сія произвели глубокое впечатлѣніе на Цесаревну. Съ приметнымъ волненіемъ она подошла къ окну и въ задумчивости устремила взоры на покрытое тучами небо.

— Не проходитъ дня, чтобы кровь новой жертвы не обгарила сѣкиры палача! продолжалъ съ жаромъ Ханыковъ. Воздвигаются костры и стоны сожигаемыхъ возносятся къ Небу. Нестерпимыя мученія пытки исторгаютъ признаніе у невинныхъ въ небывалыхъ преступленіяхъ, и невинные гибнутъ жертвами гнусныхъ доносовъ, тайной вражды!

— О если бы я имѣла власть, я истребила бы навсегда всѣ эти ужасы въ памяти Русскихъ. Но власть въ рукахъ Герцога. Ее твердо охраняютъ его лазутчики и тѣлохранители.

— Одна любовь народная можетъ назваться неизмѣннымъ и надежнымъ тѣлохранителемъ властителя. Одинъ этотъ стражъ лучше тысячи доносчиковъ. Толпа ихъ окружаетъ и оберегаетъ Бирона; но какая въ томъ для него польза? Онъ каждый день удостовѣряется только въ томъ, что его всѣ ненавидятъ. Каждый день онъ мститъ, мститъ ужасно своимъ врагамъ и недоброжелателямъ. Но истребляетъ ли онъ этимъ вражду и ненависть? Нѣтъ! Онъ только возжи-

гаетъ ихъ. Властитель добродѣтельный и справедливый можетъ также имѣть враговъ, но онъ выше чувства мщенія; тайные навѣты не смѣютъ и не могутъ очерпнуть передъ нимъ невинности; всѣхъ злыхъ караетъ онъ силою закона величественно и грозно, какъ Божія молнія, слетающая съ неба. Такъ дѣйствовалъ великій родитель вашъ, Цесаревна!... Въ васъ течетъ кровь его! Воскресите для отечества славный и счастливый вѣкъ Петра Великаго.

«У Елисаветы навернулись на глазахъ слезы.

— Еслибъ я была увѣрена, сказала она съ чувствомъ, что у меня достанетъ силъ для этого подвига, то я рѣшилась бы теперь же дѣйствовать. Я бы съ радостію пожертвовала спокойствіемъ жизни для блага отечества; но я должна прежде испытать себя.... Теперь стану молиться о счастіи Русскихъ. Небо покажетъ мнѣ: должна ли я буду дѣйствовать. Ханыковъ! ты заставилъ меня сказать болѣе, нежели слѣдовало; но я полагаюсь на твою преданность ко мнѣ. Кончимъ разговоръ! Ни слова болѣе объ этомъ!

— Ваше Высочество! осмѣлюсь ли я просить у васъ новой милости, новаго благодѣянія?

— Все готова сдѣлать, что отъ меня зависитъ.

Ханыковъ разсказалъ все случившееся съ его другомъ. Съ необыкновеннымъ волненіемъ и участіемъ слушала Елисавета разсказъ его.

— Спасите несчастнаго, Ваше Высочество! продолжалъ Ханыковъ. Ходатайство ваше за него безъ сомнѣнія подѣйствуетъ на Герцога.

— Оно будетъ бесполезно! возразила Елисавета съ тяжелымъ вздохомъ. Герцогъ тѣмъ ужаснѣе мститъ, чѣмъ болѣе встрѣчаетъ препятствій въ своемъ мщеніи.

— И такъ другъ мой долженъ погибнуть. Боже мой! какъ перенесетъ этотъ ударъ престарѣлый отецъ его? Лишиться единственнаго сына и такъ лишиться.... о! это ужасно!

«Ханыковъ не зналъ еще объ участи, готовившейся отцу Валеріана. Елисавета заплакала и, снявъ съ руки драгоценный перстень, сказала тихо Ханыкову: — Отдай бѣдному

отцу отъ меня это! Пусть этотъ перстень будетъ для него знакомъ искренняго моего состраданія. Утѣшай несчастнаго старика, Ханыковъ! Не оставляй въ дни его скорби. О если бъ отъ меня зависѣло спасти его сына!...»

Характеры рыбнаго поставщика, Мурашева, и стараго Федосѣевского раскольника, изображенные съ большимъ искусствомъ и непринужденною веселостью, доставили автору множество счастливыхъ, рѣзкихъ чертъ нравовъ блаженной старины. Въ цѣлой Повѣсти, подобно какъ и въ прежнихъ его твореніяхъ, замѣтно много изобрѣтательности. Исторія селезня, безыменнаго доноса и ночнаго визита Дарьи Власьевны къ премьерь-маіору Тулупову, весьма насъ забавила. Слѣдуетъ еще изъяснить признательность автору и за то, что онъ ни разу не поподчивалъ насъ, своихъ читателей, мужичьимъ нарѣчіемъ. Признаюсь откровенно, я понимаю изящности этой кабачной Литературы, на которую наши Вальтеры-Скотты такъ расточительны. И какъ мы заговорили объ этомъ предметѣ, то угодно ли послушать автора «Лу-
«натика;»

«— Э, э! что ты тутъ хозяйничашь!

— Воду, братъ, грвю.

— Добре! Засыпь, братъ, и на мою долю крупки.

— Изволь, давай.

— Кабы запустить салыца, знаешь, джкъ оно бы твою!

— И, въдомо. Смотрико-сь, нѣтъ ли на поставцѣ.»

Это называется изящною Словесностью! Намъ очень прискорбно, что Г. Вельтманъ, у котораго нѣтъ недостатка ни въ образованности, ни талантѣ, прибѣгаетъ къ такому засаленному средству остроумія. Нѣтъ сомнѣнія, что можно иногда вводить въ повѣсть и просторѣчіе; но всему мѣрою должны быть разборчивый вкусъ и вѣрное чувство изящнаго: а въ этомъ грубомъ, сырымъ каляканѣ я не вижу даже искусства. Но возвратимся къ «Регентству Бирона,» о которомъ сказа-

ли мы столько хорошаго. Не все однако жъ въ равной степени заслуживаетъ въ немъ одобреніе. Характеръ Дарьи Власьевны кажется намъ слишкомъ шутовскимъ : нѣсколько болѣе естественности не лишило бы его свойственной ему карикатурной физиономіи. Авторъ имѣлъ еще въ рукахъ одно прекрасное драматическое положеніе, котораго не развернулъ, и даже не отмѣтилъ : это — неизбежное объясненіе между Ольгою и ея похитителемъ, въ его же домѣ. Сцена эта была необходима, и могла бы быть трогательная, раздирающая: безъ нея характеръ Ольги остался двусмысленнымъ, блѣднымъ. Вообще, мы бы желали разсказу Г. Масальскаго болѣе силы выраженія, нѣсколько болѣе яркаго отлива.

«Ермакъ» намъ не нравится, но не справедливо было бы сказать, что это сочиненіе лишено всякой занимательности, или смѣшивать его съ толпою тѣхъ злополучныхъ Романовъ, которыхъ каждый мѣсяцъ выписываемъ мы заглавія въ «Литературной Лѣтописи», въ глубокомъ молчаніи, — мы едва не сказали въ подражаніе одному изъ нашихъ стихотворцевъ, который пишетъ только для потомства, — «въ краснорѣчивомъ молчаніи.» «Ермакъ» соединяетъ въ себѣ всѣ тѣ начала, которыхъ отсутствіе дѣлаетъ сочиненіе Г. Масальскаго отличною Историческою Повѣстью. Это — полное и разительное осуществленіе того полу-понятія, того недоумѣнія о свойствахъ и цѣли Историческаго Романа, которое утвердилось у насъ при ложномъ свѣтѣ взрывовъ необдуманнаго энтузіазма статьи-критиковъ, никогда не разсуждавшихъ съ Логикою о художествѣ. Г. Масальскій написалъ свою повѣсть точно такъ, какъ слѣдуетъ писать Историческіе Романы, — если только слѣдуетъ писать ихъ послѣ Вальтера-Скотта; Г. Свиньинъ, наоборотъ, написалъ такъ, какъ никогда писать ихъ не слѣдуетъ. Мнимый его Историческій Романъ впрямъ хочетъ представлять

«вѣрныя» картины подвиговъ, рѣшать историческія задачи, возстановлять факты и характеры, дополнять и объяснять лѣтописи: вы найдете въ немъ даже какіе-то «взгляды» на какіе-то города и эпохи, археологическія разсужденія, статистическія выкладки, цѣлыя страницы чистой Исторіи, — словомъ все, кромѣ Историческаго Романа и изящнаго. Къ странностямъ этого произведенія должно еще причислить непреодолимую слабость автора — *говорить правду*. Аника Федоровичъ Строгановъ убилъ на гнѣздѣ страшнаго орла, который похитилъ-было ребенка, и въ память этого удивительнаго выстрѣла соорудилъ церковь, первое ядро славнаго въ послѣдствіи времени Орла-городка: «*правду сказать*», присовокупляетъ авторъ, выстрѣлъ былъ изъ ружья, а ружья въ то время сами по себѣ были удивительны. Въ Орлѣ-городкѣ каждая клетка, то есть, башня, была снабжена двумя затинными самопалами, или фузеями, «которыя, грозно выставляя свои заржавленныя жала изъ бойницъ, приводили въ трепетъ цѣлые народы»: «*правду сказать*», присовокупляетъ авторъ, эти самопалы били въ разстояніи двадцати верстѣ, по-крайней-мѣрѣ по мнѣнію того вѣка. И эта риторическая фигура, такъ слилась со слогомъ автора Ермака, что вы встрѣчаете ее поминутно. Сохрани, Господи, чтобъ мы укоряли его за это; но, *правду сказать*, при всякомъ другомъ случаѣ онъ могъ бы употребить правду гораздо полезнѣе. Надобно жъ было избрать именно Романъ мѣстомъ къ убѣжденію насъ въ своей страсти говорить правду!

Все это — слѣдствіе ошибочнаго понятія о существѣ Историческаго Романа, которому велятъ непременно быть правдивымъ, какъ самая Исторія, тогда какъ онъ долженъ прежде всего отличаться умною и изящною неправдою. У автора «Ермака» оно можетъ происходить еще и отъ другой причины: онъ вѣролт-

но потому такъ часто сбивается съ Романа на Исторію, и Исторіи на Романъ, что, по званію своему, онъ собственно историкъ, — и еще, какъ видно изъ того же Романа, «историкъ Петра Великаго». *Правду сказать*, мы ничего объ этомъ не знали. Но это несомнѣнно. Вотъ, что самъ онъ говоритъ, на страницъ 156 первой части Ермака, послѣ длиннаго философическаго взгляда на прелести Башкиріи и на торговый путь въ Индію: «Боже мой! куда увлекло тебя вообращеніе, скажутъ мои читатели. — Не прикажете выпустить, уничтожить *sic* разглагольствіе, вылившееся невольно изъ-подъ пера историка Петра Великаго? — Такъ и быть, оставь! говорятъ нѣкоторые великодушные читатели.» Кто жъ это говоритъ? Покорнѣйше просимъ отмѣтить, хоть въ выноску, что мы ничего не говорили. Но это вопросъ посторонній: дѣло въ томъ, что авторъ «Ермака», по званію своему, «историкъ Петра Великаго». Извѣстіе — для насъ совсѣмъ неожиданное. Не будь оно напечатано въ Романъ, который созданъ для правды, мы бы никогда этому не повѣрили.

Что касается до художественнаго выполненія «Ермака», то оно такъ дивно, что мы и опредѣлить его не умѣемъ. Всѣ роды погрѣшностей и ошибокъ, какія только самые изобрѣтательные профессора Риторики, Логики и Исторіи въ состояніи придумать совокупно, для представленія ихъ въ примѣръ своимъ слушателямъ, можно отыскать безъ труда въ этихъ четырехъ маленькихъ частяхъ въ сѣромъ кафтанѣ, — примѣры ужаснаго слога, примѣры удивительной неловкости выраженія, дурнаго литературнаго тона, безвкусія, неточности общихъ свѣдѣній, сбивчивости разсказа, противорѣчій; примѣры длинноты, сухости и томнаго подражательства; примѣры худаго созданія повѣсти, неудачнаго изобрѣтенія обстоятельствъ, несвязности пружинъ, и прочая, и прочая, — и не смот-

ря на всѣ эти безобразности, на всѣ эти недостатки, Романъ довольно, примѣчательнѣе, даже занимательнѣе. Мы ужъ право не знаемъ, чему приписать это! Развѣ чрезвычайной любознательности самаго предмета.

Нѣтъ ничего уродливѣе изобретенія самой повѣсти. Настоящій герой ея — Гроза, котораго авторъ выдаетъ за молодаго Князя Сицкаго, бѣжавшаго къ казакамъ отъ опалы. Если бѣ Сицкій остался въ Москвѣ, подъ гнѣвною рукою Грознаго, онъ бы и тамъ не потерпѣлъ столько, сколько ему пришлось вынести отъ воображенія историка Петра Великаго. Бѣдный Сицкій! его лишаютъ невѣсты въ шутку, его бьютъ въ правду, его зарываютъ въ землю живаго, его лечатъ, ласкаютъ, и опять бьютъ, — и все это безъ малѣйшей пользы для главной цѣли повѣсти. Главная пружина событій — подслушываніе: всѣ говорятъ, всѣ шепчутся, и всѣ подслушиваютъ. Чуть кто-нибудь произнесъ слово, во снѣ или на яву, другой тотчасъ его подслушалъ, и пошла бѣда. Наконецъ, читателю самому становится страшно въ этомъ мѣрѣ ушей, разставленныхъ на всѣхъ перепутьяхъ: читаешь и невольно оглядываешься, не подслушиваютъ ли тебя гдѣ-нибудь въ книгѣ или за книгою. Главная пермпетія — безпрестанныя измѣны Мещеряка, который упражняется въ нихъ только какъ любитель, и въшаается на осинѣ увидѣвъ, что Романъ приближается къ концу, и что болѣе измѣнять не для чего. Но, *сказать правду*, этотъ хаосъ натяжекъ и несообразностей имѣетъ особенную прелесть: своею нестройностью, своею дикостью, онъ сильно напоминаетъ ходъ дѣлъ и физиономію общества того времени; быть-можетъ, пособляетъ даже занимательности самой книги. Пораженный одною странностью, читатель любознательствуетъ узнать, будетъ ли еще что-нибудь страннѣе, и *сказать правду*, рѣдко остзется въ накладъ за свое любознательство. Лучше этого я, по совѣсти, не умѣю объяснить великой тайны

автора «Ермака» — сделать безсвязный Романъ любопытнымъ и занимательнымъ.

Я не охотникъ подчивать своихъ друзей безвкусными блюдами, потому что съ нихъ же долженъ класть и себя на тарелку: не стану выписывать изъ сочиненія, о которомъ идетъ дѣло, примѣровъ всему дурному и неловкому; напротивъ, отыщу въ немъ что-нибудь хорошее, и приведу съ удовольствіемъ. Должно знать, что и въ «Ермакъ» есть многія хорошія мѣста. Вотъ, на примѣръ, хоть-бы картина пещеры, въ которой укрывался Ермакъ съ своими казаками, послѣ разоренія Раздоровъ ратью Царя Іоанна.

«Если бь *недовѣрчивый* читатель.....

Какъ, *недовѣрчивый*? Отъ кого авторъ безпрестанно защищается? противъ кого принимаетъ онъ всѣ эти предосторожности? Мы очень *довѣрчивы*!

«Если бь *недовѣрчивый* читатель не имѣлъ возможности повѣрить слѣдующее описаніе на самомъ мѣстѣ, если бь еще доселѣ не существовали живописныя сталактитовыя пещеры по крутымъ берегамъ Волги, близъ впаденія въ нее Камы, и по горамъ, идущимъ вверхъ сей последней рѣки; то можно бы подумать, что мы хотимъ представить баснословныя чертоги волшебниковъ и волшебницъ, упоминаемыхъ въ сказкахъ того вѣка, или по крайней мѣрѣ описать золотую палату Кремлевскаго дворца Царскихъ временъ при посольскихъ аудіенціяхъ; но какъ ни великолѣпна была сія послѣдняя, какъ ни горѣли тогда разными огнями вѣнцы и ризы чудотворныхъ иконъ и Царскаго престола, какъ ни блестяли золотыя кружева, по стѣнамъ натянутыя, какъ ни ярко отражалось зарево тысячи свѣчъ на золотой и серебряной посудѣ, возвышавшейся пирамидою у середняго столба; но все это не могло бы дать полной картины огромной храминны, по серединѣ коей, вокругъ пылающаго костра, лежало нѣсколько человекъ. Яркія радуги играли попеременно перламутромъ и опаломъ на гладкихъ стѣнахъ и

полукругломъ ея сводѣ. Высокія колонны готической архитектуры, составленныя изъ драгоценныхъ аметистовъ, аквамариновъ и изумрудовъ, поддерживали его средину, а въ углубленіяхъ примѣтны были ниши, отдѣлявшіяся отъ центра мраморными, какъ снѣгъ бѣлыми, пилястрами, низъ которыхъ, казалось, обтянутъ былъ зеленымъ бархатомъ. Къ умноженію очарованія, въ одной изъ сихъ впадинъ вспыхивалъ по временамъ яркій свѣтъ и открывалъ длинный рядъ такихъ же ротондъ, а напрогивъ его подобное отверзтіе, изсвѣченное на половинѣ воздушнаго свода, освѣщалась также по временамъ, представляло столь очаровательное зрѣлище, что нельзя было ни къ чему болѣе примѣнить его, какъ къ раскрытымъ вратамъ самаго неба! Уже не одинъ драгоценности природы обнажалъ яркій лучъ, исходящій изъ онаго, нѣтъ! онъ, казалось, выносилъ съ собою радость и веселіе изъ обители боговъ.

«Такова была пещера, находящаяся близъ Тетюшь, въ горѣ, гладкой какъ стѣна. Къ сожалѣнію, она весьма пострадала въ послѣднія времена сколько отъ стихій, а болѣе того отъ людей, обломавшихъ ея капельники; со всемъ тѣмъ при свѣтѣ факеловъ взоръ путешественника бываетъ приведенъ въ восхищеніе, особенно если зажечь нефть, которая плаваетъ по поверхности небольшого озера, находящагося въ верхней пещерѣ, откуда проведена арка въ самомъ потолкѣ, какъ будто изсвѣченная рукою человѣка. О высотѣ второй пещеры можно судить изъ того, что къ ней ведутъ не менѣе ста ступеней, выдолбленныхъ по шероховатой корѣ капельниковъ. У окрестныхъ поселянъ до сей поры существуетъ преданіе, что въ этой пещерѣ живетъ мѣдный змѣй, коего шипѣніе слышится каждый день при восходѣ солнца, когда онъ поднимается съ своего логовища. Суевѣріе сіе объясняется тѣмъ, что первые солнечные лучи прямо ударяютъ въ отверзтіе пещеры, усвѣнное капельниками и издали точно представляютъ страшлище, покрытое светлою чешуею. Ревъ же, свистъ и шипѣніе, происходя отъ быстрого движенія воздуха, соответствуютъ голосу, издававшемуся Мемновыми статуями.

«Но что это за люди, забравшіеся въ сей неприступный вертепъ, окруженный со всѣхъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ

и купами безобразных камней, между конми пролетаетъ къ нему самая узкая лазейка? Судя по вопиющему виду по множеству доспѣховъ, конми каждый изъ нихъ снабженъ, по тишинѣ и благочинію, которое между ими царствуетъ, можно бы подумать, что это сторожевой отрядъ стройной рати Московской. Но кого стеречь ему на уединенныхъ берегахъ отдаленной Камы? Но зачѣмъ укрываться ему отъ Божьяго свѣта, заходить, какъ робкимъ татамъ, въ подземелье, гдѣ среди бѣла дня такъ мрачно, какъ въ осеннюю полночь? Ужъ это не шайка ли тѣхъ недобрыхъ людей, которые наводятъ ужасъ на пловцовъ Волжскихъ, которые залегаютъ въ осоку, камышъ, за подводные камни, чтобъ ястребомъ налетѣть на стругъ или лодку; которые не даютъ пощады ни другу, ни недругу, и дѣлаютъ плаваніе по Волгѣ опаснѣе самаго моря Хвалынскаго? Да и одежда ихъ обрызгана кровью, и на мечехъ ихъ запеклась она словно ржа темничная! Но шайки удальцовъ приволжскихъ не бываютъ такъ многочисленны; много, много состоятъ изъ двухъ, трехъ десятковъ, а здѣсь ихъ болѣе четырехъ сотенъ: самый отдыхъ удальцовъ тѣхъ бываетъ шуменъ и неспокоенъ.

«Долго бы пришлось донскиваться, если бъ, неожиданная тревога не помогла отгадать тайну.

«Резкій свистъ раздался на поверхности подземелья. Свистъ повторился, и мужчина среднихъ лѣтъ, по видимому, начальникъ дружины, махнулъ рукою. Это было повелѣніемъ челоуѣкамъ пяти кинуться въ ту сторону, откуда свистъ вторился еще подъ сводами. И снова воцарилась тишина.

— Что за дьяволыцина, сказалъ лежавшій подлѣ Атаманна челоуѣкъ въ черной буркѣ, молодцы наши давно побѣжали, а еще не возвращались.

— Нѣтъ ничего диковиннаго: съ попыховъ побѣжали прытко, а вскорѣ ноги отказались служить.

— *Правду сказать*, Ермакъ Тимофеевичъ, послуживши оиъ намъ эти деньки вѣроу и правдоу.

— Да, братъ Кольцо, насилу ушли отъ Москалей и до-

брались до безопаснаго мѣстечка, гдѣ можемъ отдохнуть и образумиться.

— Воля твоя, Ермакъ Тимоѣенъ, а мнѣ сдается, что Воевода Мурашкинъ не сталь бы и не счумъль бы такъ теснить насъ, если бъ не указали слѣдовъ нашихъ.

— Неужели ты думаешь на Луковку?

— Нѣтъ, на другаго, у котораго болѣе смысла, да менѣе чести.

— Ну, право я не отгадаю.

— Сказаль бы и доказаль бы, да ты не любишь слышать, чтобъ его уличали.

— Понимаю, ты хочешь сказать объ Атаманѣ Мещерякѣ; по этому быть нельзя. У насъ нѣтъ между собою болѣе ни какой досады и онъ мнѣ доказаль свою дружбу.

— Ты, Атаманъ, судишь всѣхъ по себѣ. Конечно, ты забль всъ его противу тебя козня; да онъ-то не таковъ. Въ его Татарскомъ сердцѣ и совѣсть басурманская, которал во всю жизнь не прощаетъ обиды.»

Словомъ, это очень хорошее мѣсто, и такъ называемый Историческій Романъ, «Ермакъ», принадлежить еще къ нашимъ хорошимъ Романамъ, хотя намъ онъ не нравится. Это не весьма лестно для нашихъ хорошихъ Романовъ, но дѣлать нечего.

Кстати: авторъ упомянулъ въ этомъ отрывкѣ о Мемноновыхъ *статуяхъ*, которыя издавали звуки при восхожденіи солнца..... *Правду сказать*, ихъ было всего — одна статуя.

«Лунатикъ» Г. Вельмана не Повѣсть, и не Романъ: это просто «Случай». Скромное названіе книги, придуманное самимъ авторомъ, ставить ее внѣ всѣхъ литературныхъ теорій: Критика не должна придирается ни къ какому случаю, потому что она имѣетъ въ предметъ только общія формы Искусства.

По этому случаю вышелъ однако жъ прекуріозный случай: насъ вздумали увѣрять, что Г. Вельманъ богатъ преимущественно мыслями, — мыслями, а не парадоксами, и еще новыми мыслями, и что въ то же самое время онъ не разсуждаетъ! Это ужъ было бы изъятіе изъ законовъ Природы, удивительнѣе самыхъ зубовъ въ желудкѣ, открытыхъ Г. Журданомъ. По счастью для насъ, для Г. Вельмана и для Руской Логикѣ, этотъ дивный критическій афоризмъ должно понимать въ обратномъ смыслѣ: Г. Вельманъ не думаетъ о новыхъ мысляхъ, у него ихъ нѣтъ и не бывало; но онъ очень умно и мило разсуждаетъ старыми мыслями, которыя подъ его перомъ часто принимаютъ видъ весьма живописный. Мы говоримъ — часто, потому когда луну уподобляетъ онъ красной рожѣ пьяницы, это отнюдь не живописно: это безвкусно, такъ же какъ и остроуміе, основанное на пошлостяхъ просторѣчія и на коверканьѣ словъ для лучшаго представленія невѣжества или не-Рускаго происхожденія дѣйствующаго лица. И если случайно поднимается онъ на новыя мысли, то изъ нихъ всегда выходятъ старые парадоксы. Мы помнимъ, что одинъ изъ своихъ Романовъ началъ онъ этою новою мыслию: «Человѣкъ еще не думалъ невозможнаго въ природѣ,» — и что весь Романъ былъ такъ же удаченъ, какъ эта мысль. Съ тѣхъ поръ, онъ, кажется, оставилъ притязаніе на новыя мысли, убѣдясь, что, даже для разсужденія объ нихъ, надобно сперва узнать всѣ старыя, — и онъ прекрасно сдѣлалъ.

Г. Вельманъ обладаетъ весьма примѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ, которому обязаны мы уже одною пріятною книгою, по имени «Кошей безсмертный»: это безспорно лучшее его твореніе папогей его славы. Судя по началамъ его дарованія, мы увѣрены, что онъ могъ бы подарить нашу Словесность сочиненіемъ гораздо совершеннѣйшимъ, если бъ не произ-

водилъ такъ много. Между-тѣмъ его Романы заставляютъ насъ думать, что это дарованіе страждетъ преимущественно недостаткомъ творческой силы: вообще, воображеніе дѣйствуетъ въ нихъ слабо и бесплодно, и самыя большія его усилія поражаютъ только что-то тяжелое, неловкое, безобразное. Авторъ кажется, самъ чувствуетъ это, и старается разсказомъ, уловками слога, даже типографскими фокусами, вознаграждать скудность своего созданія.

Все здѣсь сказанное о родѣ таланта автора «Кощея», примѣняется, въ цѣломъ и въ подробностяхъ, и къ настоящему «Случаю», который однакожь лучше многихъ другихъ его произведеній, въ особенности гораздо лучше его помянутого Романа. Это милая блеска, — довольно скучная въ первой части, очень занимательная во второй. Повесть весьма проста и безъ всякой господствующей идеи, и, по обыкновенію, не совсѣмъ строго соображена въ разныхъ частяхъ своихъ. Самое дурное мѣсто въ ней, это родъ картины Парижа, — отрывокъ ниже здраваго вкуса и всякой Критики; самое лучшее — описаніе дома и семейства Блюеельскихъ. Въ послѣднемъ, много истиннаго юмора, веселости, живости, колорита. Какъ рѣдко встрѣчаемъ мы подобныя мѣста въ нашей Словесности! Хотя предѣлы книжки повелѣваютъ намъ тѣсниться, но мы не можемъ не удовлетворить законнаго любопытства нашихъ читателей на счетъ этой, прелестной своей легкостью, статьи «Лунатика». Дѣйствіе происходитъ въ 1812 году, въ военное время.

«На правомъ берегу Оки, за Серпуховымъ было, вѣроятно и теперь есть, селеніе, котораго названіе позволить мнѣ читатель скрыть. Господскій дворъ этого селенія составляли слѣдующія особы: самъ помѣщикъ, человекъ богатый и большой; жена его, добрая, радушная женщина; дочь ихъ, милая, огненная, Евгенія, дѣвушка пятнадцати лѣтъ; братъ хозяйки, чистая душа; подслѣповатая Анюса Гурьевна — не-

порочное сердце, сосѣдка, вѣчная гостья; и только, — за исключеніемъ большой дворни, старыхъ мамушекъ, бывшихъ нянюшекъ, горничныхъ дѣвушекъ, трехъ-аршинныхъ, малыхъ, лѣнивыхъ слугъ, грубіяновъ холоповъ, сонныхъ лакеевъ, Гришекъ, Федекъ, Ванекъ, Васекъ и проч. и проч.

«Извѣстіе о приближеніи Франгузовъ къ Серпухову успокоило всѣхъ, все было на сторожѣ, на готовѣ къ выѣзду; но поворотъ непріятеля отъ Малоярославца успокоилъ всѣхъ, и все приняло прежнее положеніе. Вещи были разставлены снова по своимъ мѣстамъ, платье развѣшано по крючечкамъ, бѣлье уложено по комодамъ, посуда устлана по шкафамъ, Китайскія чашки по столамъ въ гостиныхъ. Помѣщикъ, снявъ съ головы шапку, а съ ногъ медвѣжьи сапоги, снова помѣстился въ подушки; добрая барыня сѣла на свое мѣсто передъ столикомъ у окошка, вязать теплую фуфайку; Анфиса Гурьевна подлѣ нее начала опять тасовать обитую колоду картъ, пересказывать бывшее, гадать про Франгуза и про всѣхъ знакомыхъ: живы ли здоровы ли, когда пріѣдутъ въ домъ, когда имъ будетъ дорога, скоро ли женятся или выйдутъ замужъ и т. д. Братъ хозяйки, отставной закоренѣлый холостякъ, запалилъ трубку и по обыкновенію сталъ думать и разсуждать со встрѣчнымъ и поперечнымъ о доходахъ, которые можно имѣть отъ мельницъ. А Евгенія, едва только вышедшая изъ пансіона, и пользовавшаяся еще правомъ свободы какъ гостья, по прежнему, не посидя на мѣстѣ, стала носиться мотылькомъ по комнатамъ, прыгать, хохотать, пѣть, играть на фортепианъ, помогать маменькѣ вязать фуфайку, мѣшать разложенныя карты Анфисѣ Гурьевнѣ, потихоньку выдергивать у старой няньки вязальную иголку изъ чулка, уносить у ключницы очки, безъ которыхъ она не могла найти мѣсто ключа въ замкѣ, радиться въ дядюшкинъ кафтанъ и шапку, и сердить подслѣповатую Анфису Гурьевну, которая, принимая ее за Савелья Ивановича, заводила разговоръ о женитьбѣ и, раскладывая карты, говорила, что одна достойная особа давно уже постоянно его любитъ и составила бы его счастье.

«Евгенія была невзвѣжное, доброе, веселое, беззаботное,

простодушное, счастливое созданіе, какихъ рѣдко встрѣчаютъ на Земномъ Шарѣ. Однажды все семейство чинно сѣдло въ залѣ и внимательно слушало гаданье Анфисы Гурьевны про сына хозяевъ, служившаго въ военной службѣ.

— Вотъ, сударыня моя, смотрите... разъ, два, три,... разъ, два, три.... девять, тринадцать.... Дорога въ домъ еще не скоро.

— Не скоро? вскричала хозяйка:

— Разъ, два... пять... девять, тринадцать... Царская милость!... десять, одиннадцать... тринадцать.... Въ какой-то большой компаніи!...

— Въ компаніи! да, на войнѣ все въ компаніи, Анфиса Гурьевна! возразилъ Савелій Ивановичъ.

— Совсѣмъ не то, Савелій Ивановичъ. Вотъ, изволите видѣть: тутъ все дамская компанія, вотъ червоная, вотъ и трѣфовая — марьяжъ, батюшка!....

— Будетъ вамъ гадать о братцѣ! вскричала Евгенія, вскочивъ съ мѣста, и смѣшавъ разложенныя карты. Я сердита на васъ: вы сказали, что братецъ не скоро пріѣдетъ изъ похода! Этого я не хочу! Анфиса Гурьевна, лучше погадайте мнѣ, скоро ли я выйду за-мужъ!

— Охъ, Евгенія Павловна, это ужъ и негодится! Мѣшать карты! Онѣ иногда говорятъ правду.

— Миленькая Анфиса Гурьевна! погадайте мнѣ.

— Пора бы однако жъ получить письмо отъ Поля.

— Помилуй, матушка, до письма ли походному человѣку!

— Лишь бы служилъ съ честью и славой, да былъ здоровъ, а то по мнѣ хоть совсѣмъ не пиши.

— Вы всѣ отцы таковы, а материнское сердце болитъ.

— Знаете, маменька, я видѣла сего дня братца во снѣ; что будто передъ нимъ стоятъ кто-то и машетъ крыльями..

— Что такое? мельница? прервалъ Евгенію дядя ея.

— Нѣтъ, дядюшка, привидѣніе..... страшное! Я испугалась и проснулась.

— Какое привидѣніе, душа моя: ужъ коли рыцарь Доль-Кишотъ на яву принялъ мельницу за великановъ, такъ тебѣ во снѣ и подавно мельница могла показаться за привидѣніе.

— Дядюшка, дядюшка, да я съ роду и не видывала мельницъ: въ Москвѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ; — знаю только, что насъ учили: по-французски мельница moulin; да инспекторша называла нѣкоторыхъ изъ насъ мельницами.

— И ты большая мельница, душа моя!

— Вы, дядюшка, говорили, что у мельницы крылья.

— Какова мельница, другъ мой; у иной нѣтъ крыльезъ; напримѣръ у водяной мельницы: въ составъ ея входятъ колеса, шестерня, жерновъ, кулачное колесо... Кажется, я при тебѣ не разъ говорилъ, что я намѣренъ построить мельницу о шести поставкахъ; шестерня будетъ состоять изъ 40 пѣвокъ. Это будетъ чудо въ нашей сторонѣ! Вообразите, Анѳиса Гурьевна...

— Что прикажете, Савелій Ивановичъ.

— Я уже выписалъ и жернова, да на моей землѣ воды нѣтъ.

Вы мнѣ про это ничего не говорили, дядюшка. Ахъ, да! помню! вы говорили, что вы построите о шести поставкахъ кофейную мельницу...

— Не то, душа моя! въ родъ кофейной; но такъ, чтобы ручку двигала вода; разница будетъ только въ кулачномъ колесѣ, въ валахъ, да въ воронкѣ. Воронка будетъ цилиндрическая, какъ самоварная труба; жернова будутъ чугунные и стоять вертикально, а лопаты, совки, веретены.....

«Савелій Ивановичъ не успѣлъ еще кончить своей рѣчи, вдругъ раздался на дворѣ звонъ почтоваго колокольчика. Всѣ замолкли, прислушиваясь къ звуку.»

Многія мѣста «Лунатика,» довольно близко подходят къ этому отрывку, хотя иногда замѣтны въ нихъ вычурность и притязаніе. Однимъ словомъ, Лунатикъ очень милое маленькое твореніе, и вторая часть его особенно увлекательна.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

І Ю Л Ъ , 1 8 3 4 .

=

Сочиненія въ прозѣ и стихахъ Константина Батюшкова. Изданіе второе. С П.-буревъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. 340 — 273.

Новое изданіе твореній умнаго и столь справедливо любимаго писателя, отлично красивое и достойное имени автора. Оно сверхъ-того умножено его Антологіею, которая нѣкогда была напечатана для друзей, въ числѣ только пятидесяти экземпляровъ.

Смыслъный, Русская Повесть, сочиненіе Павла Иноземцова. Харьковъ, въ Университетской тип., 1833 (1834), въ-8, стр. 69.

Эта Повесть — Поэма. Г. Иноземцевъ почерпаетъ свои вдохновенія въ землѣ наказанія, Сибири. Нерчинскій хребетъ — его Геликонъ. Нельзя не похвалить выбора предмета: онъ совершенно модный и въ хорошемъ тонѣ. Муза Г. Виктора Гюгò круглый годъ сидитъ въ тюрьмѣ; Муза Г. Иноземцова носить сѣрый армякъ, съ чернымъ на спинѣ квадратомъ, и работаетъ въ подземельяхъ: вотъ сходство двухъ поэтовъ, Харьковскаго и Парижскаго. Когда Г. Гюгò говоритъ о восьмидесяти каторжныхъ, то называетъ ихъ не иначе какъ *восьмидесятью праведными*; когда Г. Иноземцевъ говоритъ о тѣхъ же честныхъ господахъ, то, еще въ духъ старой школы, величаетъ ихъ злодѣями: вотъ разница. Г. Гюгò новѣе, но преимущество здраваго смысла на этотъ разъ остается на сторонѣ Украинскаго его соперника. Повесть слаба созданіемъ и растянута; стихи могли бы быть лучше; но многія мѣста не чужды картинной

красоты. Напримѣръ, слѣдующее описаніе шествія конвои ссыльныхъ въ Сибири:

«..... тамъ, Природа
 Мрачна, какъ падшая свобода;
 Тамъ и весною небеса
 Грозятъ морозами, сязгами;
 Какъ и при вась, тамъ надъ брегами
 Червютъ темные лѣса;
 Однообразный и угрюмый,
 Ихъ говоръ путника страшить,
 Зловѣщія рождая думы;
 Срываясь съ горъ, потокъ шумить,
 Сверкаетъ въ дымномъ отдаленьѣ;
 Онъ, то мелькнувъ на возвышенъѣ,
 И ударяясь объ утесъ,
 Бросаетъ пѣву до небесъ;
 То вдругъ изъ бездны возникаетъ
 Гремить, гремитъ и затихаетъ,
 Сливаясь съ рокотомъ цѣпей,
 Влекомыхъ ссыльныхъ вдоль степей.

По симъ мѣстамъ, тропой пустынной,
 Проходить ссыльныхъ конвой;
 Они идутъ и цѣпью длинной
 Гремятъ, сплетая рука съ рукой;
 Они идутъ, и вслѣдъ за ними
 Ихъ приговоръ летитъ туда,
 Гдѣ съ ожиданьями своими
 Имъ не встрѣчаться никогда.
 Пришли въ этапъ, — ночлетъ въ острогъ;
 Свѣтло дня едва блеснетъ,
 Конвой конвою ихъ сдаетъ, —
 И вотъ опять они въ дорогъ.
 Какъ много дней еще пройдетъ,
 Пока дойти они успѣютъ!
 Еще бѣды напечатлѣютъ
 Въ ожесточенномъ сердцѣ ихъ
 Всѣ ужасы слѣдовъ своихъ;
 Еще встревожить злую совѣсть
 Убийствъ неслыханная повѣсть.
 Смотрите! тамъ, у старика
 Съ мольбой подѣмлется рука —
 Онъ подавляя жадно просить;
 Смотрите! юноша возноситъ

Свою окованную дань....
 Но нѣтъ! отвергнуты моленья:
 Одна сынамъ порока дань —
 Дань равнодушнаго презрѣнья;
 Не состраданіе — укоръ
 Встрѣчаетъ въ путникѣ ихъ взоръ.
 Конѣцъ пути. Они вступають
 Въ страну изгнанья, и потомъ
 Суровой жизнью, трудомъ,
 Свои злодѣяства выкупають:
 И чуждъ для всѣхъ ихъ скорбный стонъ:
 Таковъ карающій законъ.

Изъ низкихъ тучъ едва мелькал
 По отдаленнымъ высотамъ,
 Играетъ солнце, догорая,
 И уклоняется къ водамъ.
 Ужъ надъ Нерчинскомъ вечеръ бродить,
 Смигнувъ собою лѣтній день;
 И на верхи домовъ наводитъ
 Свою задумчивую тѣнь.
 Гудитъ вечерень звонъ унылый, и проч.

1. Дворянскіе выборы, *характеристическая картина въ четырехъ главахъ*. Сочиненіе А... Ч... Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8, стр. 27.

2. Двѣ гробовыя жертвы. *Разсказъ Касьяна Русскаго*. Стр. 44.

Двѣ эти Повѣсти составляютъ одну книжку, и тоже въ стихахъ. Г-пъ А. Ч. большой шалунъ! Вы можете судить по второму заглавію второй его Поэмы, потому что онъ не довольствуется ни однимъ заглавіемъ, ни однимъ эпиграфомъ. Вотъ они :

ДВѢ ГРОБОВЫЯ ЖЕРТВЫ,

«Историко-нравственно описательный разсказъ ужаснѣйшаго происшествія XIV столѣтія, найденный случайно чувствительными послѣдниками покойнаго Магистра Философіи и Словесныхъ Наукъ Анемподиста Елесеверевича *Немогузнайко*, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщавшими недавно въ видѣомостяхъ о кончинѣ его, и съ неутомимою дѣятельностію отыскивавшими тщетно въ бумагахъ его банковыхъ билетовъ, исправленный, дополненный, совершенно *по новѣйшему вкусу* передѣланный, начиная съ самаго заглавія, съ прибавленіемъ боль-

ше, или даже приличных эпиграфовъ, кромѣ общаго, къ каждой изъ XVI главъ разсказа особаго на отечественномъ и другихъ разныхъ языкахъ иностранныхъ съ переводомъ на Русскій языкъ, больше или меньше точнымъ по вышешему обыкновенію для недоразумѣвающихъ съ соблюденіемъ всевозможнаго романтическаго беспорядка въ повествованіи отъ размѣщенія эпизодовъ, изданный въ свѣтъ по завѣщанію покойнаго стихотворца и понеотступной просьбѣ юныхъ друзей литераторовъ

Кассьяномъ Русскимъ.

И это, быть-можетъ, лучшая страница въ цѣлой книгѣ, потому что она не въ стихахъ. «Дворянскіе выборы» твореніе оригинальное, въ обоихъ значеніяхъ этого слова, которое однако жъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, не значитъ — очень занимательное: не всякому дается шутить на бумагѣ долго и пріятно. Предметъ второй повѣсти заимствованъ изъ Боккаччіо, и она была бы гораздо лучше первой, если бъ авторъ не испестрилъ ее своими прибаутками, которыя, право, безвкусны. Онъ сознается самъ:

Я вру: да нынче кто жъ не вретъ!

Это еще не оправданіе. Въ произведеніяхъ воображенія и вкуса не прилично врать безъ мѣры: другое дѣло, если бъ авторъ писалъ Исторію или разсужденіе по части Политической Экономіи! За всѣмъ тѣмъ у Г-на А. Ч. виднѣнъ талантъ, — только не стихотворный. Само собою разумѣется, что дѣло не обошлось безъ грозной выходки противъ Критики и критиковъ: наши храбрые сочинители приняли себѣ правиломъ заранее «отдѣлывать» своихъ рецензентовъ, въ предисловіяхъ или въ послѣсловіяхъ. Это не совсѣмъ согласно съ нравами и обычаями образованной Литературы, но дѣлать нечего: это нашъ обычай. Г-нъ А. Ч. предисловіемъ не пишетъ: «въ свѣдѣствіе сего» онъ учредилъ на послѣдней страницѣ лобное мѣсто для своихъ будущихъ критиковъ. Взявъ эпиграфъ изъ Кантемира — *Чтите убо безъ гнѣва сіи стихи наши*, — онъ такъ вѣщаетъ свой эпиграфъ, который мы приводимъ, не понимая его остроты.

«Довольно! кончанъ мой разсказъ,
Безмысленный и безтолковой.
За то, съ какой-нибудь обновой!
Теперь просторный нашъ Парнасъ.
За то, въ статьяхъ Библіографіи,

У журналистовъ нашихъ онъ
 Разбудить критикъ ѣдкихъ звонъ :
 Какой-нибудь творецъ ратаей ,
 Патриотическихъ рвчей ,
 Исторій, Русскихъ повстей ,
 Иль старый, приторный вздыхатель ,
 У музъ наемный тенористъ ,
 Иль грозный критикъ-журналистъ ,
 Или наперсникъ и пріятель ,
 Наставникъ Русскаго Жуи ,
 Иль кто другой въ ихъ шумномъ хоръ ,
 И о моемъ невѣнномъ вздоръ
 Распустятъ мѣтніа свои ,
 И за мучительную сказку ,
 Въ примѣръ разскащикамъ другимъ ,
 Мвгнутъ пріятелямъ своимъ
 Задать мнѣ славу ю остратку .»

Г-нъ А. Ч. слишкомъ самолюбивъ! Мы боимся, что ты, отъ которыхъ ожидаетъ онъ остратки, не сочтутъ его книги достойною даже и этой чести. Эпилогъ Г-на А. Ч. одна изъ самыхъ несчастныхъ его прибаутокъ.

К л а м в у р ь. *Стихотвореніе Изряднаго. Москва, въ тип. Покомарева, 1854, въ-12. стр 35.*

Р у с с к і я П ѣ с н и И. Цыганова. *Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854, въ-12., стр. 68.*

Въ этой книжкѣ тридцать девять пѣсень. Если у автора такой же голосъ, каковы большею частію слова, то мы никогда не будемъ въ его концертъ. Лучшая, по нашему мнѣнію, пѣсня Г. Цыганова есть слѣдующая:

«Ахъ, не звездочка сіяетъ
 Въ поднебесной вышинѣ:
 Красна дѣвица вдыхаеть,
 Лежа грудью на окнѣ.
 Вдоль по улицъ широкой
 Не сизой орелъ летитъ.
 Чернобровой, черноокой
 Къ ней дружокъ ея спѣшитъ:—

«Ахъ, прости, мой другъ сердечный,
 Онъ, вдохнувши, ей сказалъ:

« Часъ разлуки, можетъ вѣчной —
 « Неожиданно настала.
 « На войну, — карать злодѣевъ, —
 « Объявили намъ походъ.
 « Лишь молитвою твоею
 « Въ брани Богъ меня спасетъ !

Заливаючись слезами,
 Вопить дѣвица въ отвѣтъ :
 « О, хранимый небесами,
 Не покинь меня, мой свѣтъ !
 Если жь небо присудило,
 Пули грудь твою пробьютъ,
 Пусть въ одну темну могилу
 И меня съ тобой кладутъ !...»

Въ первой битвѣ, — доля слезна, —
 Добрый молодецъ убить !
 Съ первой вѣстью объ любезномъ,
 Въ гробъ дѣвица лежитъ !

1. *Украинскія народныя пѣсни, издавныя Михаиломъ Максимовичемъ. Часть первая. Москва, въ Университетской типографіи, 1834, въ-8, стр. IХ и 178.*

2. *Голоса Украинскихъ пѣсень, издавныя Михаиломъ Максимовичемъ. Тетрадь первая. Москва, въ Университетской типографіи 1834, въ-8., стр. 16 и листовъ 28.*

Должно отдать справедливость дѣятельности, съ которою Малороссіяне спасаютъ памятники своей провинціальной народности. Въ поэтическихъ обломкахъ Гетманщины, издавнныхъ Г. Максимовичемъ, поэзіи очень мало, и языкъ ихъ не показываетъ большой древности; но они любопытны по своей оригинальности и были достойны сохраненія.

С а т и р ы. I. Безъ денегъ худо жить. II. О мудрости Соломоновой. Александра Орлова. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-18, стр. 31.

О стихахъ Г. Орлова ни слова; но его предисловіе такъ любопытно, что мы не можемъ лишить нашихъ читателей удовольствія прочитать нѣсколько строкъ его.

«По словамъ журналистовъ, не знаю я стихосложенія: видѣ выходятъ два мужскіе, а видѣ два женскіе стиха. Уважая въ журналистахъ высокую мудрость, я не могу помѣщать въ ихъ изданіяхъ своихъ слабоумныхъ сочиненій. Я не собираю подписокъ, не отвѣтствовалъ на ругательства. Почтенная публика видитъ и видѣла, что я отъзывами журналистовъ дорожу только потому, что собираю тернины ругательства, въ журналахъ имѣющихся, дабы, собравши, послѣ сличить, —какой Журналистъ болѣе отличился фразами злословія, а тѣмъ самымъ показать, каковы тѣ души, которыя отличаются злорѣчіемъ. Однако, кто журналистамъ далъ право осыпать злорѣчіями людей безвинныхъ? Кто имъ далъ право цѣнить труды другихъ? Это задача, вѣроятно и для самой Цензуры еще не разрешимая. Мои мелкія изданія критиковали; слѣдственно и я буду имѣть право разобрать изданія журналистовъ и показать публикѣ, что откуда взято, въ вѣчное посрамленіе, въ укоризну вѣка, въ укоризну подписчиковъ, которыхъ журналисты почитаютъ невѣждами, незнающими, откуда они, журналисты, все выписываютъ, и непостигающими цѣли, что они, журналисты, ведутъ свои журналы не для пользы отечества, а изъ корыстолюбія. Подвергаю сіе мое сочиненіе не ихъ корыстолюбивому суду, а подвергаю критикѣ достопочтенной публики, которая умѣетъ взвѣсить и оцѣнить истинное дарованіе

«А. Орлова.»

Тяжба купцовъ Продувалы и Облизалы, или *Стрѣлкій Труболетъ*, сочиненіе Александра Орлова. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-12, стр. 36.

Русскіе повѣсти и разказы. А. М — го. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-8., Три части. стр. 148 —147—110.

Забавные анекдоты Полиньяка Финдиоро, придворнаго шута Короля Сигизмунда. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-12., стр. 23.

Лидинъ, или жертвы предразсудка, *Повѣсть*, сочиненіе Н. С. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-8 стр. 350.

Московскіе Рыболовы, или *Зъваки на Каменномъ Мосту*, *Повѣсть въ разказѣ*. Сочиненіе Федота Кузмичева. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-12., стр. 24.

Лакейскіе обманы, или *Сатирическіе Разказы въ передней комнатѣ*. Сочиненіе Федота Кузмичева. Москва, въ тип. Пономарева, 1854, въ-12 стр. 30.

ВѢДЬМА, или Страшныя ночи за Днѣпромъ, Русскій Романъ, взятый изъ народнаго преданія. Сочиненіе А. Чуровскаго. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8. Три части, стр. 170—157—150.

Демоны Черной Горы въ день полнолунія, или Три просителя, аеторъ, красавица и рогатый мужъ. Прозаическая романтико-карикатурная картина, сочиненіе Александра Чуровскаго. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8., стр. 34.

Черной Кощей, или Заднѣпровскій хуторъ у лунной Горы, Русскій Романъ изъ времени Петра Великаго. Сочиненіе А. Чуровскаго. Часть II и III. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-12., стр. 68 и 51.

Одна и двѣ, или Любовь поэта. Романъ изъ частной жизни. Сочиненіе В. Соколовскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-8. Четыре части, стр. 258—241—241.

Япанча, Татарскій наездникъ, или завоеваніе Казаки Царемъ Иоанномъ Грознымъ. Романъ XVI столѣтія. Сочиненіе Алекс. Москвичина. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-8. Три части, стр. 148—147—167.

Художникъ. Т.м.ф.а. СП.-бургъ, въ тип. Гишце, 1834, въ-12. Три части, стр. 114—71—106.

Наконецъ мы можемъ прервать молчаніе! Объ этомъ небольшомъ твореніи будемъ говорить охотно, потому что объ немъ можно сказать что-нибудь хорошее. Оно умно и занимательно. Предметъ — одно изъ тѣхъ происшествій, которыя называются истинными, и былъ уже однажды испорченъ знаменитымъ Раупахомъ. Это еще не значитъ, чтобы Г. Тимоѣевъ испортилъ его во второй разъ. Г. Тимоѣевъ обнаруживаетъ рѣшительное литературное дарованіе, которое успѣшно развертывается и общается нашей Словесности весьма хорошаго писателя. Разсказъ его быстръ, вѣзливъ, исполненъ теплоты, движенія; въ его сочиненіяхъ есть по крайней мѣрѣ идеи, есть планъ, есть Искусство. Повѣсти его «Художникъ» можно было

бы сдѣлать нѣкоторые упреки, но мы ихъ не сдѣлаемъ: мы должны быть благодарны Г. Тимоѣеву за удовольствіе, которое онъ намъ доставилъ и, за то, что, изъ двадцати доселѣ выписанныхъ и, по-несчастію, прочитанныхъ, новыхъ, изящныхъ произведеній, можемъ наконецъ предложить двадцатое вниманію любителей изящнаго.

1. РЕГЕНТСТВО БИРОНА, *Повѣсть. Сочиненіе* Константина Массальскаго. *СП.-буръ въ тѣл. Вингебера, 1834, въ-12. Дѣль части, стр. 169 — 163.*

2. ЛУНАТИКЪ, *Слугай. Сочиненіе* А. Вельтмана. *Москва, въ тѣл. Степанова, 1834, въ-12. стр. 167 — 180.*

3. ВСТРѢЧА У ЦЫГАНЪ. *Сочиненіе* В. П. *СП.-буръ въ тѣл. Грета, 1834, въ-8., стр. 72.*

Книга Г. Тимоѣева принесла намъ счастье: лиха беда начать, а тамъ ужъ пойдетъ Вотъ еще три новыя, свѣжія, мокрыя сочиненія, которыя дѣлають честь умственной производительности прошлаго мѣсяца. «Регентство Бирона», твореніе одного изъ пріятнѣйшихъ нашихъ писателей, сколько можно судить по первому бѣглому обзору, мы ставимъ гораздо выше «Лунатика», который тоже читается съ пріятностію; но Лунатикъ и Биронъ, вмѣстѣ, принесуть читающей публикѣ превосходное препровожденіе времени въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Мы предоставляемъ себѣ право поразсказать объ нихъ обширнѣе впоследствии, когда прочитаемъ того и другаго съ полнымъ вниманіемъ и съ критическимъ колпакомъ на головѣ. Между-тѣмъ, кто желаетъ хорошо провести Августъ мѣсяцъ, тотъ не долженъ забывать и о прекрасной, презанимательной Повѣсти «Встрѣча у Цыганъ». Мы уже прежде отличили ее въ Сынѣ Отечества, и теперь съ новымъ удовольствіемъ прочли вторично въ особой книжкѣ. Сынъ Отечества, которому отъ роду уже лѣтъ за двадцать, въ нынѣшнемъ году отданъ въ чужія руки на воспитаніе, и новые его наставники разсказываютъ ему очень милыя, очень любопытныя вещи; сверхъ-того они выучили его великой добродѣтели, — исправности, и теперь любо имѣть дѣло съ Сыномъ Отечества: всякую Субботу регулярно явлется онъ къ вамъ поутру съ чѣмъ-нибудь умнымъ, хороше

написаннымъ, и съ самыми новыми политическими вѣстями. Въ числѣ умнаго и хорошо написаннаго, «Встрѣча у Цыганъ» занимаетъ весьма почетное мѣсто.

Исторія о храбрѣмъ рыцарѣ, Францѣ Венціанѣ, и о прекрасной Королеви Ренцвентъ. Печатано съ изданія 1829 года безъ исправленія. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-8., стр. 172.

ЖАРЬ-ПТИЦА и сильный могучій богатырь Иванъ Царевичъ, побѣдитель Змья-Горынича и братьевъ его, Русская Сказка. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-12, стр. 35.

1. ЗАБАВНАЯ ПОВѢСТЬ о Госпожѣ Кикебушѣ и ея собакѣ Азоркѣ, съ 16-ю раскрашенными картинками и портретомъ Г-жи Кикебушъ. На Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-24, стр. 49.

2. ОБЕЗЬЯНА-ПРОКАЗНИЦА, Повѣсть для прилежныхъ дѣтей съ 16 картинками иллюминированными. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-24, стр. 32.

Объ эти шутки не дурны, и непременно будутъ имѣть большой литературный успѣхъ въ дѣтскихъ.

Новѣйшая краткая Россійская Грамматика, съ вопросахъ и отвѣтахъ состоящая, изданная по руководству учителя Меморскаго и другихъ учителей, Г. К., съ приобщеніемъ правилъ поэзіи. Москва, въ Университетской типографіи, 1834, въ-8., стр. 130.

Ежели всѣ тѣ, которые будутъ учиться по этой Грамматикѣ, должны писать по-Русски такъ правильно, какъ самъ Г-нъ Т. К., то лучше имъ никогда не знать грамоты.

Россійская Грамматика, изданная В. К. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-8., стр. 93.

NEUES ABC UND LESE-BUCH FÜR KINDER. Новая Нѣмецкая Азбука для дѣтей, содержащая въ себѣ алфавиты, таблицы для складовъ, нравоучительные рассказы, съ присовокупленіемъ практическаго употребленія вспомогательныхъ и дѣйствительныхъ глаголовъ. Д. Ф. Москва, въ Университетской типографіи, 1834, въ-12, стр. 40.

Новѣйшая Латинская Азбука, составленная Александромъ Орловымъ, Москва, въ Университетской типографіи, 1834, въ-8., стр. 14.

Г. Александръ Орловъ человекъ всеобщій, подобно Г. Александру Гумбольдту. Прусскій камергеръ знаетъ все, что только люди знаютъ въ его время; Московскій авторъ пишетъ все, что только можетъ быть написано чернилами: онъ пишетъ Романы, пишетъ Исторіи, пишетъ Сатиры, пишетъ предисловія и Латинскія азбуки. Его Русскіе стихи неподражаемы; его Латинскія *Ца, це, ци, цо, цу* и *Нра, нре, при, про, прю* безпримѣрны! *Prohibenda est maxima iuga in rupiendo*, говоритъ онъ юношамъ, и, несмотря на ошибку противъ латыни, вперяетъ имъ превосходное нравственное правило — *Должно особливо удерживать гнѣвъ при наказаніи*. И весьма основательно: изъ чего жъ извлекать пользу, если не изъ ошибокъ!

1. Новѣйшая Латинская Азбука, составленная Павломъ Шварцомъ. Москва, въ Университетской типографіи, 1834, въ-12., стр. 48.

2. LIBER ELEMENTARIUS LINGUAE LATINAE, etc. Учебная Книга Латинскаго языка по методу Гаммильтоновой, содержащая пригготовительныя упражненія и избранныя мѣста изъ Цицерона, Юлія Цезаря, Курція, Руфа, Тита Ливія, Саллустія и Тацита, съ буквальныймъ междустрочнымъ переводомъ, составленная Карломъ Зедергольмомъ, Евангелическимъ пасторомъ, Д. Ф., учителемъ при М.-Х. Академіи и проч. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., стр. XV и 290.

Двѣ весьма полезныя книги, и тщательно составленныя. Учащіеся и преподающіе найдутъ въ нихъ большое облегченіе въ трудномъ занятіи классическимъ языкомъ, котораго знаніе такъ необходимо для всякаго истинно образованнаго человека.

1. Метода всеобщаго обученія Жакото. Изложеніе основныхъ правилъ методы всеобщаго обученія. Москва, 1834 въ-8., стр. XII и 259.

2. Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ. Издавъ Егоръ Гугель, Инспекторъ К. въ И. Воспитательномъ Домѣ въ Гатчинѣ. Часть первая. Чтеніе — Письмо — Отечественный языкъ. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-8., стр. VIII и 118.

Методы понамарская и Ланкастерская начинаютъ обученіе съ буквъ; потомъ переходятъ къ складамъ; наконецъ къ чтенію. Метода Жакото состоитъ въ томъ, чтобы напередъ читать, потомъ уже различать склады, и въ заключеніе курса узнавать буквы, если достанетъ времени. А чтобы дѣло воспитанія шло скорѣе, всего лучше взять прямо Энциклопедію, которую незнающій грамоты станетъ читать съ перваго взгляда и безъ всякаго приуготовленія, повторяя слова за учителемъ, обязаннымъ также толковать ему значеніе всякаго слова и объяснять смыслъ каждой фразы, — и въ семь уроковъ онъ будетъ знать не только всѣ Науки, но даже и буквы. Это называется «метода всеобщаго обученія», въ которой однакожь есть много хорошаго, несмотря на то, что она называется всеобщей и единственною.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Юля 5, 1834 года. Москва, 1834, въ-4., стр. 96.

Рѣчь М. П. Погодина, «Объ ученomъ сословіи и историческомъ его значеніи», замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, хотя его виды не всѣ примѣняются къ Россіи.

Въ истекшемъ учебномъ году, въ Московскомъ Университетѣ было 505 слушателей, подвергавшихся испытанію.

Христіанская милостыня въ годъ глада. Сп.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1834, въ-8., стр. 230.

Исторія Русскаго Народа. Сочиненіе Николая Полеваго. Томъ пятый. Москва, въ тип. Семена, 1833 (1834), въ-8., стр. 666 и XXIV.

Можно быть несогласнымъ во многомъ съ Г. Полевымъ, и вразсужденія его историческихъ теорій, и на счетъ правильности точекъ, съ которыхъ смотреть онъ на разныя эпохи и отдѣльныя событія отечественной Исторіи: тѣмъ

не менѣе Исторія Русскаго Народа — твореніе весьма замѣчательное, и наша Литература должна поставить ее въ первомъ ряду своихъ важныхъ произведеній. По-несчастью, или лучше — по-счастью, вся человѣческая Исторія можетъ быть не что иное какъ оптической обманъ, въ существенности котораго мы только стараемся увѣрить себя всеми силами и разными средствами: то вѣрно, что догматизмъ проявляется въ ней всегда въ прямомъ содержаніи невѣжества разсуждающихъ, потому что нѣтъ въ мірѣ предмета, окруженнаго большимъ мракомъ неопредѣлительности и сомнѣній, нежели какъ теорія общества. О всякомъ ея положеніи милліоны людей готовы выдавать за несомнѣнныя истины мнѣнія, самыя противоположныя, и противорѣчіе провозгласить слѣдствіемъ отсутствія Философіи или совершеннымъ сумасшествіемъ. Основательное изученіе Исторіи — лучший способъ убѣжденія въ необходимости примѣнять ко всему человѣческому терпимость и снисхожденіе. Въ такомъ случаѣ всѣ историческія теоріи были бы равно хороши; въ такомъ случаѣ отдавать преимущество одной изъ нихъ передъ прочими значило бы предпочитать одинъ цвѣтъ радуги другому, — когда они всѣ такъ красивы! Положимъ, что всѣ теоріи равно хороши, то есть, въ равной степени далеки отъ истины: множество бесполезныхъ споровъ вдругъ уничтожится этимъ началомъ исторической терпимости, которая, не преслѣдуя ни какого критическаго вѣрованія, въ правѣ вооружиться упрекомъ тогда только, когда оно впадаетъ въ фанатизмъ. Г. Полевой, можетъ-статься, иногда доходитъ до этого фанатизма, слишкомъ далеко простираетъ слѣдствія своей теоріи, не довольно старается укрощать пылкость своихъ наведеній, часто даже принимаетъ силлогизмъ, форму своего убѣжденія, за истину. Такъ на примѣрѣ, говоря въ этомъ томѣ о достойной состраданія судьбѣ Князей Тверскихъ, Суздальскихъ и Шемяки, онъ провозноситъ торжественно — *но страсть удѣлъ поэта, а не историка*: здѣсь конечно онъ забываетъ, что неумолимая строгость та же страсть, только противоположная состраданію. Человѣка нельзя себя представить безъ страсти, будь онъ поэтъ, судья или историкъ; и когда ему кажется, что онъ внѣ всякаго посторонняго пристрастія, тогда увлекается онъ пристрастіемъ къ своему уму и образу мыслей. Каковъ бы ни

быль ея родъ и духъ, Исторія всегда была и будетъ произведеніемъ которой-нибудь изъ нашихъ страстей, какъ все прочее, производимое человѣкомъ. Поэтому, мы не ставимъ въ непростительную вину Г. Полевому даже и тѣхъ заблужденій, въ которыя его вводитъ особенный и преимущественно ему свойственный родъ пристрастія, называемый въ просторѣчій «безпристрастіемъ», и такъ легко переходящій въ излишнюю строгость. Мы умѣемъ цѣнить то искреннее убѣжденіе въ чистотѣ началъ принятой теоріи, ту совѣстливость исполненія согласно съ принятою теоріей, которыя постоянно руководствуютъ его въ огромномъ, многосложномъ, трудномъ предпріятіи; мы всегда различали въ немъ умнаго писателя отъ страстнаго теоретика, легко увлекающагося въ пользу усноваемыхъ имъ чужихъ идей; часто даже, среди оужденія того, что намъ кажется ложнымъ, неосновательнымъ или безвкуснымъ, мы принуждены были удивляться мѣткости и свѣтлости другихъ его взглядовъ, удачности разныхъ его выводовъ и замѣчаній. Послѣ столь откровеннаго признанія въ настоящемъ мнѣніи напемъ о Г. Полевомъ какъ историкъ, никто не можетъ ожидать отъ насъ, подъ именемъ разбора, ни сатиры, ни панегирика. Мы всегда готовы говорить въ духъ этого мнѣнія, и по выходѣ объявленныхъ на текущій годъ томовъ «Исторіи Русскаго Народа», представимъ нашимъ читателямъ подробный отчетъ въ этой части сочиненія, вполне уважаемаго нами, несмотря на важные его недостатки. Этотъ пятый томъ оъемлетъ періодъ шестидесятичетырехъ лѣтъ, со смерти Іоанна Калиты, до кончины Іоанна III.

Исторія Монголовъ, отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана. Переводъ съ Персидскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Края, 1834, въ-8., стр. XII и 159.

Этимъ новымъ и полезнымъ приращеніемъ Русской исторической Литературы обязаны мы молодому ориенталисту, Г. Григорьеву, котораго дарованія, трудолюбіе и усердіе къ Наукамъ обѣщаютъ доставить въ немъ искуснаго сотрудника нашему ученому свѣту. Всѣ занимающіеся у насъ отечественною и всеобщею Исторіею, съ благодарностью примутъ этотъ хорошій переводъ части сочиненія знаменитаго Персидскаго писателя, Хондмира, относящейся къ Монголамъ.

Общій тарифъ для всѣхъ портовыхъ и пограничныхъ таможенъ по Европейской торговлѣ, со внесеніемъ всѣхъ перемѣнъ, кои послѣдовали послѣ первыхъ двухъ изданій онаго въ 1822 и 1826 годахъ. Сп.-бургъ, 1834, въ-4., стр. 215.

Государственная внѣшняя торговля 1833 года въ разныхъ ея видахъ. Сп.-бургъ, въ тип. Д. Вышней Торговли, 1834, въ-4., стр. IV и 126.

О судопроизводствѣ Гражданскомъ. Составилъ изъ существующихъ нынѣ узаконеній Т. С. Николай Руровскій. Москва, въ тип. Степанова, 1834, въ-8., стр. 156.

Вступительная лекція Высшей Тактики, читанной Николаемъ Навроцкимъ, содержащая въ себѣ введеніе въ теорію Военнаго Искусства, важность изученія оной и общій обзоръ военныхъ знаній. Москва въ тип. Степанова, 1833 (1834), въ-8. Брошюра въ 31 страницу.

Портфель для Хозяевъ, составленный и изданный гвардіи полковникомъ Мухановымъ. Москва, въ тип. Семена, 1834. Три тома, листовъ XL, страницъ IX и 213 — 155.

Г. Мухановъ издаетъ книги не только полезныя, но и прелестной наружности. Въ прошломъ мѣсяцѣ имѣли мы удовольствіе говорить объ его «Историческихъ Памятникахъ»; нынѣ появился прекрасный «Портфель для Хозяевъ», заключающій въ себѣ цѣлый атласъ чертежей загородныхъ всякаго рода зданій, и двѣ части текста обо всѣхъ частяхъ сельской экономической и украсительной архитектуры. Это второе твореніе Г. Муханова конечно обратитъ на себя то же лестное участіе въ его трудахъ со стороны хозяевъ со вкусомъ и расчетомъ, какое возбудилъ онъ первымъ въ любителяхъ отечественной Исторіи. Самъ Цинциннатъ, не могъ бы лучше употребить своего времени, если бѣ жилъ въ нашемъ вѣкѣ.

Теоретическое и практическое Акушерство Іоанна Филиппа Горна, Д. Х. и А., П. О. Профессора при И. К. Университетѣ въ Вѣнѣ. Съ Нѣмецкаго языка пе-

ревелъ Федоръ Сухомлиновъ. *СП.-бургъ, въ тип. Вишебра, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. XXI и 385—390, съ рисунками.*

Сочиненіе Профессора Горна объ Акушерствѣ пользуется Европейскою славою и переведено на многіе языки. По нашему мнѣнію, всѣ добрые и умные мужья должны непременно читать эту книгу, чтобъ познаться короче съ великою тайною Природы, съ ея условіями относительно къ здоровью и жизни ихъ супруговъ, и съ собственными ихъ обязанностями въ извѣстныхъ случаяхъ.

Дополнительные вопросы изъ *Наукъ, преподаваемыхъ Докторомъ М. и Х., О. Профессоромъ и проч., Евремомъ Мухинымъ. Москва, въ Университетской типографіи, 1834. въ-8. Брошюра въ 22 страницы.*

Медико-топографическія свѣдѣнія о С.-Петербургѣ. *СП.-бургъ, въ тип. Края, 1834, въ-8., стр. VI и 125.*

Множество замѣчаній и подробностей объ условіяхъ публичнаго здоровья въ нашей столицѣ дѣлаютъ для насъ, Петербургскихъ жителей, чтеніе этой не большой книги столько же важнымъ, сколько занимательнымъ. Содержащіяся въ ней свѣдѣнія, конечно, весьма не полны, но и этотъ первый опытъ медицинской топографіи нашего города, опытъ правильный и основанный на достовѣрныхъ фактахъ, заслуживаетъ полное вниманіе и признательность. Мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ Б. для Ч. любопытными показаніями скромнаго сочинителя, подписывающагося буквами С. Г., а здѣсь коснемся только нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

По его исчисленію, въ Петербургѣ умираютъ каждый годъ среднимъ числомъ 10,000 человекъ; по свѣдѣніямъ автора «Панорамы С.-Петербурга», 15,500. Мы бы желали чтобъ который-нибудь изъ двухъ почтенныхъ сочинителей объяснилъ намъ эту разительную разницу.

Въ Петербургскія тюрьмы ежегодно поступаетъ 4,000 преступниковъ: эта пропорція была бы ужасна, если бы приложенная авторомъ таблица о родѣ ихъ преступленій не возстановляла хорошаго мнѣнія о нравственности нашего города, которую въ самомъ дѣлѣ можно поставить въ при-

мвръ въсьмъ просвѣщеннымъ столицамъ. Во-первыхъ, въ этомъ числѣ заключается 700 пересылочныхъ арестантовъ, совершенно чуждыхъ мѣстному народонаселенію, — что вдругъ уменьшаетъ общее количество преступленій до 3,300. Во-вторыхъ, 2,400 человекъ содержатся за вины, подлежащія исправительной полиціи: одни побѣги, бродяжничество и неправильность паспортовъ простираются до 2000. За тѣмъ настоящихъ уголовныхъ преступленій остается не болѣе 900, именно: 200 противъ лицъ, и 700 противъ собственности, или 1 преступленіе на 5000 жителей.

Въ Петербургѣ ежегодно създають 98,500 быковъ, 12,500 коровъ и около 28,000 барановъ. Можно полагать слишкомъ по 100 фунтовъ мяса на человекъ, — плотоядность почти невѣроятная, особенно когда примемъ въ соображеніе, что посты занимають у насъ около трети года! Въ Парижѣ одинъ человекъ потребляетъ въ годъ не болѣе 5 фунтовъ.

Копорскій чай, извѣстный подъ именемъ иванчая, которому приписываютъ такое опасное вліяніе на здоровье, дѣлается, какъ дознано точнымъ изслѣдованіемъ, изъ самыхъ невинныхъ растений, — разныхъ видовъ *epilobium hieracium*, то есть, кипрея или еравника, сокольника и т. д. Потребленіе его, говоритъ авторъ, не вредно; но въ коммерческомъ отношеніи онъ составляетъ обманъ: сверхъ того, вмѣсто этихъ растений, производители его, по незнанію, могутъ брать другія вредныя травы.

Смертность въ большей части Петербургскихъ госпиталей чрезвычайно мала: какъ 1 до 16, или 7 человекъ на 100. Въ этомъ удостовѣряють офиціальныя вѣдомости, и дѣло не подлежитъ сомнѣнію. Но намъ кажется, что авторъ крѣпко польстилъ Петербургскимъ жителямъ, сказавъ будто они почти совершенно отвыкли отъ пуншу: одна лишь Нева знаетъ, какія пучины водъ разливуются ежедневно въ пуншевыя стаканы.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Авторъ Фантазій «Торквато Тассо» издаетъ новое въ этомъ родѣ твореніе, которое, какъ слышно, надняхъ выйдетъ изъ печати.

— Мы узнаем съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и съ такимъ же сообщаемъ любителямъ хорошихъ книгъ, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ рѣшился предпринять переводъ на Русскій языкъ новаго Романа Миссъ Эджвортъ, Helen, о которомъ уже нѣсколько разъ говорили мы въ этомъ Журналѣ. Смѣло можемъ сказать, что столь превосходнаго, настоящаго Романа мы уже лѣтъ десять какъ не читали, и вѣроятно еще лѣтъ десять не будемъ читать, — развѣ знаменитая сочинительница, которую Вальтеръ-Скоттъ и Гёте признали первымъ романистомъ нашего вѣка, подарить насъ скоро еще такимъ же твореніемъ. Одна она въ Европѣ пишетъ подобныя книги. Не знаемъ, имѣла ли она эту цѣль въ виду, но ея Helen, «Елена» — лучшее и полнѣйшее, какое только можно себя представить, опроверженіе нелѣпаго ученія новой Французской школы, столь удобнаго для бездарныхъ писакъ, будто необходимо нужно прибѣгать къ ужасамъ, къ мерзостямъ, къ неистовымъ картинамъ, чтобъ производить въ читателяхъ сильныя ощущенія, которыхъ, по словамъ ея, вѣкъ нашъ требуетъ. Въ «Еленѣ» Г-жи Эджвортъ нѣтъ ни крови, ни убійствъ, ни злодѣяній, ни воровъ, ни труповъ; она изображаетъ обыкновенную частную жизнь, какую всѣ мы ведемъ въ городѣ и за городомъ, и между-тѣмъ драма ея такъ сильна, повѣсть глубоко раздражаетъ душу, что дамы не могутъ читать ея безъ остановки: онѣ часто принуждены бросить книгу, чтобъ успокоить грудь, приведенную въ страшное волненіе, и имъ надобенъ долгій отдыхъ, чтобы прийти въ себя и собраться съ силами для дальнѣйшаго чтенія. Мы видимъ примѣры этому на молодыхъ особахъ, которыя въ нынѣшнее лѣто читали «Елену» по-Англійски. Сильнѣйшихъ ощущеній и предполагать не возможно въ Словесности. И все это совершается самыми простыми средствами, безъ пособія физическаго ужаса, единственно силою таланта, истинною, вѣрностью наблюденія, неподражаемымъ искусствомъ развертывать страсти и преслѣдовать ихъ по всѣмъ даже сокровеннѣйшимъ изгибамъ души и сердца! Вотъ какъ должно писать Романы!

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ, волшебная Сказка-Водевилъ представленная 27 Іюня.

Кто изъ васъ, читатели, не помнить — я даже увѣренъ, что дѣдушки и бабушки ваши не запомнили еще того сказочника, который гѣшилъ ихъ, въ юности, разсказами о красной шапочкѣ, синей бородѣ, о красавицѣ спящей въ лѣсу, о сандрильонѣ. Я говорю о Перольтѣ. Всѣ эти сказки доставили Европѣ прекрасныя Оперы и Балеты. А его *Riquet à la houppe*, являсь въ Водевилъ, давнымъ-давно забавляетъ и Парижъ и Петербургъ. Князь А. А. Шаховской заимствовалъ изъ этого Водевила, или, вѣрнѣе выразится, изъ сказки Перольта, своего «Алепскаго горбуна». Пѣса эта, поживъ вмалъ, кончила свое сценическое бытіе. Г. Кони изъ *Riquet* сдѣлалъ «Принца съ хохломъ». Въ этомъ Водевилѣ нѣсколько куплетовъ удостоились одобренія, а два или три изъ нихъ, повторенія. Передѣлатель, вѣроятно чтобъ увеличить безобразіе принца-урода, привилъ къ нему стихи такого разбора :

Папникъ, папникъ
Вотъ ему моя рука!

или, —

Въ пять день
Будетъ онъ
Намъ вѣрно отомщенъ.

или, —

Хи, хи, хи, хи, хи!
Ахъ за какіе за грѣхи
Меня всѣ бьютъ напрасно!

Кто жъ васъ бьетъ, мой ангелокъ?
Кто же такъ жестокъ?

Но довольно! окончимъ эту выписку стихомъ:

Что за плохіе, за стихи!
Хи, хи, хи, хи, хи!

Но я говорю о содержаніи такъ слегка, какъ-будто Перольтовъ *Riquet* или заимствованный изъ него Водевилъ были всѣмъ навѣстны. Между безчисленными читателями Библіотеки для Чтенія найдутся конечно и такіе, которые не знаютъ ни того,

ни другаго: по обязанности рецензента я расскажу имъ, однимъ только имъ, содержаніе «Принца съ хохломъ, бѣльмою и горбомъ.»

У одной Королевы родился сынъ, не только съ бѣльмою и горбомъ, но даже и съ хохломъ. Въ то время, — это было очень давно, — въ то время хохоль почитался совершенствомъ безобразія. Этотъ сынъ съ бѣльмою, горбомъ и хохломъ, такъ былъ страшенъ, что несмотря на то, что онъ былъ королевскій, не могли сыскать ему крестной матери: по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю, — иначе не пригласили бы колдуньи окрестить его. Колдунья, или въжливѣе, волшебница, изъ признательности за сдѣланную ей, хотя по необходимости, честь, одарила крестника умомъ. съ правомъ подвѣяться имъ съ тою, кого онъ полюбитъ. И это было очень давно. Все старинные обычаи!

Вотъ, онъ влюбился въ идеалъ глупости и вмѣстѣ красоты, — въ губернаторскую, по сказкѣ въ королевскую дочку, Абрикотину. Поцѣлуй его сдѣлалъ ее умницею, да такую, что ни перомъ описать, ни въ сказкѣ рассказать. Въ награду, хохлатый Принцъ проситъ Абрикотину полюбить его. Куда! Абрикотина и слышать не хочетъ. Любить уроду! «Вы, сударыня моя, знайте, говоритъ ей Принцъ, что та же волшебница, которая дала мнѣ при моемъ рожденіи силу сдѣлать умною ту, кто мнѣ понравится, дала и вамъ возможность сдѣлать того прекраснымъ, кого вы полюбите, и кому вы благосклонность свою оказать соизволите.» — Какъ? неужели? быть не можетъ! — Абрикотина попыталась полюбить уроду изъ любопытства. Разъ, два, три! она его любитъ. Разъ, два, три! у него хохоль, горбъ и бѣлмо исчезли. Разъ, два, три! Принцъ Рике женился на Принцессѣ Абрикотинѣ. Тутъ конецъ сказкѣ, тамъ конецъ Водяблю, а тамъ далѣе конецъ рецензіи. М. Я.

АВГУСТЪ, 1834.

=

ХII Пѣснь. *Отдѣленіе третье.* Т-м-ф-ва. С П.-бургъ,
въ тип. Грета, 1834 г.-8., стр. 32.

Г. Тимофеевъ поетъ очень умно, даже и тогда, когда ему скучно. Вотъ какую пѣсню запѣлъ онъ своему демону, когда разъ нашла на него хандра.

«Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни-ко какъ нибудь!
Я родился человѣкомъ:
Страхъ охотникъ до грѣховъ!

Вотъ вино! — Вина не надо!
Карты, деньги! — Не хочу!
Вотъ красавица-дѣвица
Съ гордымъ, царственнымъ челомъ,
Съ взглядомъ огненнымъ Ваханки,
Съ жгучимъ пламенемъ въ крови!
Грудь волнуется желаньемъ;
Поцѣлуй кипить въ устахъ:
Перси — чудо, пухъ дебрижй!
Ножки... хочешь? Не хочу!

Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни-ко какъ нибудь!
Разбуди во мнѣ желанья,
Разгуляй мою хандру!

Вы всѣ любите чужое;
Зависть — ваше божество!
Вотъ смерть недруга!.... Не надо!
Вотъ сосѣда твоего
Неприступная супруга,
Холодна, какъ зимній день!....
Вотъ ихъ гордая служанка;
Вотъ надменный ихъ осель!

Выбрай себя! — Не надо!
 Пожелай хоть! — Не хочу!

Искуси меня, мой демонъ!
 Соблазни-ко какъ нибудь!
 Все такъ скучно! Отъ бездѣлья
 Ужь хоть въ омутъ бы готовъ!

Вотъ книжкѣ, отравѣ, пестя....
 Выбрай любое! — Нѣтъ! —
 Размозжи себя-ниъ черепъ,
 Книжься въ воду! — Не хочу! —
 Такъ-наъ будь слугой усерднншь
 Добродѣтели святой!
 Скуй желаніе обѣтомъ,
 Страсть молитвой и постомъ,
 Гордый умъ смиренномуадремъ.
 Вотъ и все тутъ!... Хочешь? — Нѣтъ!

Безъ грѣховъ на свѣтъ скучно.
 Что за счастье быть — — —
 Искуси меня, мой демонъ!
 Соблазни хоть какъ-нибудь!»

Признаюсь, плохое ремесло быть чортомъ у Г. Тимофеева, ежели изъ всего этого ничѣмъ нельзя соблазнить его! Я бы сейчасъ, въ концѣ первой же строфы, отвѣчалъ моему чорту: Хочу!

СОВРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ Ивана Козлова. *Изданіе второе. Сп.-бургъ, въ тип. Инспекторскаго Департамента В. М., 1854, въ-8., Двѣ части. стр. 268.*

РУССКІЕ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. *Москва, въ тип. Лазаревскихъ, 1854, въ-8. Три части, стр. 307 — 327 — 358.*

Эти три книги носятъ въ самихъ себѣ свою похвалу и свою славу: въ нихъ заключаются — Фрегатъ Надежда, Романъ и Ольга, Измѣнникъ, Два вечера на бивуакъ, Вечеръ на Кавказскихъ водахъ, Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у Горцевъ, Побѣдка въ Ревель, Письма изъ Дагестана, и прочая, и прочая. Кто изъ нашихъ читателей, въ

приведенныхъ заглавіяхъ, не узнаеть прелестныхъ произведе-
ній Марлинскаго? Это шестая, седьмая и осьмая части собранія
«Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ», которыхъ первая пять
частей давно уже всеми прочитаны, перечитаны и изо-
рваны.

Изгнанникъ, *Историческій Романъ изъ смутныхъ вре-
мемъ Богеміи въ продолженіе тридцати-лѣтней войны. Со-
чиненіе Богемуса. Перевелъ съ Нѣмецкаго В....ъ. Сп.-бургъ,
въ тип. Плюшера, 1834, въ-8. Три части, стр. VII и 239
— 220 — 251.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Повѣсть Богемуса, Der Ver-
wiesene, сдѣлала въ Германіи большое впечатлѣніе: въ са-
момъ дѣлѣ, она изобилуетъ высокими красотами, и даже въ
цѣломъ чрезвычайно занимательна. Русскій ея переводъ,
большою частью, читается удобно.

Бѣда на островъ любви, *переведена съ Французскаго
на Русскойъ чрезъ Студента Василія Тредіаковскаго, и при-
писана Ею Сіятельству Князю Александрю Борисовичу Ку-
ришину. Печатаема съ изданія 1730 года. Москва, въ тип.
Селина, 1834, въ-12, стр. 255.*

Мы не понимаемъ цѣли этого новаго изданія «Бѣды на
Островъ Любви». Вѣроятно, это шутка.

Женихъ-Мертвецъ, или Дунасъ солгать, а сказаль
правду. *Водевиль въ одно изъ дѣйствій. Сп.-бургъ, въ тип.
Гайковой, 1834, въ-12., стр. 62.*

Развращенный Поселянинъ, или Пагуба отъ дру-
жества съ злодѣемъ. *Драма (1) въ трехъ дѣйствіяхъ, взятая
съ Французскаго Романа «Развращенный поселянинъ». Со-
чиненіе Ретифъ-ла-Бретона. Передѣланная Н. Б. Москва,
въ Университетской тип., 1854, въ-8., стр. 78.*

Утренняя звезда. *Собраніе статей въ стихахъ и про-
зѣ. Книжка I. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1854,
въ-8., стр. 170.*

Утренняя звезда — родъ Харьковскаго альманаха. Мы съ удовольствіемъ нашли въ ней двѣ повѣсти покойнаго нашего Сомова, и онѣ составляютъ главное ея украшеніе. Есть еще біографія Григорія Сковороды, перваго «Украинскаго философа»: издатели весьма искусно защищаютъ его отъ обиднаго навѣта, будто онъ, первый Украинскій философъ, былъ пьяница. Есть также отрывокъ изъ большой Восточной Поэмы Г. Инземцова, въ которой часто встрѣчаются хорошія мѣста.

РАДУГА. *СП.-буржъ, въ тип. Иверсена, 1834, въ-12. стр. 14.*

ПРОГУЛКА ВЪ КАРЕТѢ. *СП.-буржъ, въ тип. Иверсена, 1834, въ-12., стр. 12.*

ПРАВИЛА СЕМЕЙНЫЯ. *Изданіе второе. СП.-буржъ. въ тип. Иверсена, 1834, въ-12, стр. 11.*

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ, посвященная молодымъ любителямъ рисованія, съ описаніемъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Москва. въ тип. Степанова, 1834, стр. 91,

УСТАВЪ Московскаго Общества Охотниковъ конскаго бѣга. *Стр. 28.*

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ВАДИМА. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-8., стр. 180.

То, что мы поняли въ этой книгѣ, очень скучно; то, чего не поняли, можетъ быть и весьма занимательно. Мы говоримъ только о первомъ. По-видимому, почтенный Г. Вадимъ ведетъ свои путевыя записки, лежа на софѣ въ своемъ кабинетѣ. Онѣ состоятъ изъ разсужденій, думъ и «Мечтаній», и много толкуютъ объ удѣлизмѣ, организмѣ Имперіи, первныхъ узлахъ Россійской Исторіи, внутренней жизни Украйны, и т. п. Нѣкоторыя новыя подробности о Малороссіи однѣ вознаградили насъ за скуку, наведенную формою этого страннаго сочиненія, его тономъ и его претензіями на ученость языка.

Взглядъ на суевѣріе и предрасудки. Полякарпа Пузыны. *СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1834, въ-8., стр. VI и 536.*

Мы предоставляемъ себѣ представить въ скоромъ времени разборъ этой книги.

Записки Г. Бурьена, и прот. IV часть Записокъ о Наполеонѣ, переведенныхъ и издаваемыхъ Г. де-Шаплегемъ. Стр. 598.

Король изгнанникъ, или жизнь и анекдоты сына Герцога Феррійскаго Генриха-Карла-Фердинанда, *Marie-Dieudonné d'Artois*, Герцога Бордосскаго, отъ рожденія его до сихъ поръ. Памятныя Записки 1820 — 1835 годовъ въ Парижѣ, Сенъ-Клу, Багатели, Шербурѣ, Люльвортѣ и Голлирудѣ въ Шотландіи. С. Шатобріана; съ присовокупленіемъ въ примѣчаніяхъ подробностей о Парижской революціи, известной подъ именемъ Юльской и послѣдствій оной. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1854, въ-12. Двѣ части, стр. 112 — 68.

Прописанное со всею точностью заглавіе можетъ дать понятіе о достоинствѣ перевода цѣлой книги, состоящей изъ мелкихъ, большею частью незанимательныхъ анекдотовъ. Изъ этого заглавія мы даже не поняли, въ какомъ соотношеніи съ нею находится имя Г. Шатобріана, здѣсь выставленное: въ предисловіи сказано положительно, что авторъ ея, неучаствовавшій въ Юльской революціи, остается безыменнымъ, и въ самомъ сочиненіи упоминается о Г. Шатобріанѣ, какъ о постороннемъ лицѣ и съ большою похвалою. Ни слогъ, ни содержаніе книги, не показываютъ, чтобы она была твореніе этого знаменитаго писателя. Что дѣлаетъ здѣсь имя Г. Шатобріана? Переводчикъ утверждаетъ, что Герцогъ Бордосскій переводитъ Цесаря *à livre ouverte* (фунтами).

Краткое изложеніе го.исопатическаго способа леченія для не-врачей. Сочиненіе Доктора Гартлауба. Переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, въ тип. Унверситетской, 1834, въ-12, стр. 80.

Опытъ Зоономіи, для молодыхъ ветеринарныхъ врачей. Иеронимъ Вальдингера, Д. М. и Х., профессора при И. К. Ветеринарномъ Институтѣ въ Вьль. Съ Нѣмецкаго языка перевелъ Николай Вальдгардтъ, студентъ И. С. П. Медико-Хирургической Академіи. С. П.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-8., стр. VI и 179.

О Бѣлой горячкѣ, или Мозговой горячкѣ отъ палкства. Сигизмундъ Христіанъ Виттъ, старшій докторъ Придворнаго Госпиталля, и проч. С. П.-бургъ, въ-тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-8., стр VI и 82.

Рекомендуемъ чтеніе этого небольшого сочиненія всѣмъ любителямъ пѣпника и рому, сожалья съ нашей стороны, что авторъ не далъ своему ученому труду болѣе популярной формы. Возбужденіе любопытства ясностью и заманчивостью изложенія необходимо въ книгахъ этого рода, и тѣсно связано съ пользою, общаемою ими обществу. Какъ быстро подвигалось бы впередъ просвѣщеніе нашего отечества, если бъ у насъ писали о важныхъ ученыхъ вопросахъ такъ мило, живописно и вразумительно для всѣхъ понятій, какъ пишутъ Араго, Вевель или Джонъ Ренни! Попробуйте. Русскіе Ученые: это не увидятъ вашихъ познаній, а благодарность публики и слава щедро вознаградятъ васъ за синхожденіе.

Атласъ, или Собраніе картъ всего Земнаго Шара, изданный для юношества, разительнѣйше свѣреннй съ Географіями Г. Арсеньева и другихъ, А. Максимовичемъ. С. П.-бургъ, 1834, картъ 35.

=

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

=

Ламермурская невеста, героическая Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, была представлена. у насъ 23 Іюля.

Семейства Аштона и Равенсвуда пылали взаимною враждою. Потомокъ Равенсвудовъ, Эдгардъ, поклялся умертвить лорда-канцлера, Аштона, лишившаго его послѣдняго достоянія предковъ. Канцлеръ былъ на охотѣ съ дочерью своею, Люціею: дикій волъ бросился на нее. Эдгардъ, который, (по щучьему веленью, по авторскому хотѣнью), явился передъ канцлерскою дочкою, какъ листъ передъ травой, застрѣлилъ вола, и тѣмъ спасъ ее. Минуть черезъ десять, дождь и гроза заставили Аштона и Люцію искать убѣжища въ замокъ Эдгарда. Тутъ онъ имѣлъ случай спасти жизнь Аштона. Во время оно, когда сынъ несчастной Маріи Стюартъ искалъ престола Англіи, вельможи Шотландскіе раздѣлились на партіи. Партія Маркиза Атоля ворвалась въ замокъ Равенсвуда, чтобъ умертвить тамъ Аштона, но рѣшимость Эдгарда отвратила его погибель. И такъ въ одномъ актѣ Эдгардъ сдѣлался двойнымъ спасителемъ и дочери и отца ея. Двойное спасеніе! Казалось, есть откуда заpastись интересомъ на два акта любой новѣйшей, неистовой мелодрамы. Не тутъ-то было: Дюканжъ, — не тѣмъ будь помянуть! — не умѣлъ или, по-крайней-мѣрѣ, не хотѣлъ воспользоваться этимъ интересомъ, и вотъ какъ смастерилъ онъ два остальные акта «Ламермурской невесты.»

Актъ II. Калебъ, дряхлый служитель Равенсвудовъ, ахаетъ и охаетъ о прошломъ богатствѣ своего владѣтеля. Калебъ забнеть.. Эдгардъ просить у него въ этомъ извиненія. Приходитъ Люція. Служанка ея и Калебъ, какъ люди лишніе, уходятъ въ лѣсъ. Начинаются, на просторѣ, объясненія въ любви Эдгарда и Люціи. Угодно вамъ послушать этого объясненія? Угодно вамъ полюбоваться грамотностью Русскаго переводчика?

ЭДГАРДЪ.

«Ахъ, Миссъ Люція! не трепещите при видѣ изгнанника. Какъ я счастливъ, что вы рѣшились притти!

ЛЮЦІЯ.

«Я поступила неблагоразумно! Вы писали ко мнѣ, что вы уважаете отсюда..... будете по всюду искать смерти, и это осмѣливались писать ко мнѣ, которой вы спасли жизнь?»

ЭДГАРДЪ.

Безъ этого (какого?) воспоминанія, я можетъ быть еще сегодня рѣшилъ бы мою участь.

Какое-то чувство побѣдило въ Эдгардѣ жажду мщенія. Онъ заклинаетъ Люцію не подавать ему надежды, которая стоила бы ему жизни. Не тутъ-то было! Люція говоритъ ему, и напрямки, что она его любитъ. Эдгардъ, вмѣсто отчаянія, вивъ себя отъ радости. И отъ этой радости называетъ Люцію ты и вы. Любовники обручились по формѣ, то есть, помѣнялись кольцами. Въ замокъ Ламермурскій привѣзжаетъ мачиха Люціи, злая, вздорная, упрямая женщина, идеаль большая часть мачихъ, даже нашего времени. Леди Аштонъ привозитъ мужу своему дипломъ на званіе правителя Ламермурскаго, и «важныя» приказанія отъ Совѣта. Между-тѣмъ, для препровожденія времени, она порядкомъ журитъ его за то, что онъ задумалъ выдать дочь свою за Эдгарда. Бѣдный Лордъ Кикулери! горемычный правитель Ламермурскій! Онъ пока въ рукахъ жены своей. Онъ не знаетъ за что взяться. Къ довершенію несчастія его, входитъ, по его приглашенію, Эдгардъ. По наущенію Леди Аштонъ, хотятъ его обезоружить. Но правитель Ламермурскій собрался съ духомъ, и объявилъ, что онъ этого не позволить: что онъ помнитъ гостепріимство Эдгарда, и «пока живъ, онъ будетъ свободенъ!» Эдгардъ, предоставивъ совѣсти и небу отомстить за себя, «стремительно» уходитъ. Конечно ему извѣстна была Русская поговорка—бѣгъ не красивъ, да здоровъ. Въ это время Калебъ сжегъ Эдгардовъ замокъ. Для чего? вы спросите. Для того, что тамъ хранился прахъ отца Эдгарда, которымъ хотѣли завладѣть враги его.

Актъ III. Крестьяне поздравляютъ Леди Аштонъ съ приездомъ, поютъ ей стихи. Стихи эти, не мѣшаятъ, потѣхъ ради, повторить.

• Мы въ хижинахъ смиренныхъ
Согласно всѣ живемъ.
И счастье дней блаженныхъ
Съ любовію поемъ!
Цвѣтами увѣчайтесь,
Любовь ихъ разговоръ;
Любовью наслаждайтесь
Пастушки здѣшнихъ горъ!

Люція узнаетъ, что Леди Аштонъ назначила ее въ супруги Лорду Сеймуру. Лордъ Аштонъ, дѣйствующій по вѣтру, требуетъ отъ дочери, чтобъ она согласилась на этотъ бракъ. Люція съ отчаянія беретъ за руку служанку свою, и, вскрикнувъ — Пойдемъ, Анна! меня хотять принести въ жертву, — уходитъ. Приходитъ Калебъ съ словеснымъ объявленіемъ о потерѣ имъ мужества и съ просьбою къ велемудрому правителю Ламермурскому, объ освобожденіи Эдгарда, захваченнаго по приказанію Леди. Леди соглашается исполнить просьбу Калеба, съ тѣмъ только, чтобъ Эдгардъ освободилъ Люцію отъ данной ему клятвы. Люція, дѣвушка себѣ на умъ, успѣла уже прежде написать объ этомъ къ Равенсвуду, и даже получила отъ него письменный отвѣтъ, который опрометью принесла къ папенькѣ и маменькѣ. Эдгардъ (упрамецъ! грубіянь, невѣжа, пенемьющій понятія о приличіяхъ большаго свѣта!) ни за что не соглашается разрѣшить отъ клятвы Люцію. Люція *оказываетъ признаки сумасшестіа*. Леди Аштонъ, пользуясь этимъ случаемъ, т. е., сумасбродствомъ падчерицы, уговорила ее выйти за Сеймура. Вотъ Люція и давай покрикивать: Я не знаю Эдгарда! я никогда не любила его..... вотъ рука моя! я выхожу за Сеймура. — Покричавъ вдоволь, Люція падаетъ въ обморокъ. Эдгардъ вбѣгаетъ съ обнаженною шпагою, шумить, кричитъ до того, что Люція приходитъ въ себя. Размѣнявшись съ нею кольцами, несчастный любовникъ вскидывается сперва на Леди Аштонъ, потомъ на достойнаго ея брата, Лорда Дугласа, вызываетъ его на поединокъ.

на берегу моря и потомъ убѣгаетъ. Люція, узнавъ, что Эдгардъ побѣжалъ на берегъ моря, пускается вслѣдъ за нимъ на берегъ моря. Вотъ они пришли на берегъ моря. Вотъ море вышло изъ береговъ. Вотъ подмочило ноги нѣжныхъ любовниковъ. Вотъ они уже плаваютъ. Вотъ пошли ко дну. Вотъ съ ними вмѣстѣ пошла на дно и Драма. Ловите Драмy! Ловите хоть переводъ Драмy! Онъ былъ такой милой!...

Потонули. Вѣчная память! Насилу досказалъ.... Не будь пожара и наводненія, едва ли бы вы смыслили пьесу холодне и суше этой Невѣсты.

М. Я.

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

КОРОЛЕВСКИЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Астрономическое разысканіе о Хронологіи Египтянъ.* Г. Біо представилъ любопытную записку — «О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ древней Астрономіи, изучаемой сравнительно у Египтянъ, Халдеянъ и Китайцевъ.» Въ этомъ небольшомъ твореніи, знаменитый авторъ весьма искусно приспособляетъ Астрономію къ рѣшенію самыхъ темныхъ историческихъ задачъ. Мы можемъ сдѣлать изъ него только краткую выписку.

«Астрономическія формулы, оставленныя намъ великими геометрами минувшихъ вѣковъ, позволяютъ углубиться во времена отдаленныя, возсоздать тогдашнее состояніе небесъ, и, сравнивъ его съ наблюденіями и преданіями народовъ, опредѣлить точныя ихъ свѣдѣнія, и такимъ образомъ доставить новый элементъ Сравнительной Исторіи человѣческаго ума. Приложивъ эту методу къ документамъ, которые мы имѣемъ о Египтѣ, я убѣдился, что Египтяне уже опредѣлили истинное положеніе на небѣ весенняго равноденствія, лѣтняго солнцестоянія и осенняго равноденствія, еще за 3285 Юліанскихъ годовъ до Р. Х.; что сверхъ того, черезъ 1505 лѣтъ послѣ того, они замѣтили, что эти первоначальные пункты значительно измѣнили мѣста свои, и Египтяне изобразили оба эти состоянія неба на своихъ памятникахъ.

«Шамполльонъ доказалъ, что Египетскій годъ съ самыхъ древнихъ временъ изображаемъ былъ знаками, разделявшими его на три времени года, и соответствовавшими эпохамъ, опредѣляемымъ для воздѣлыванія земли періодическимъ разлитіемъ Нила. Сверхъ того, каждому мѣсяцу принадлежало какое-нибудь особое божество, и въ числѣ ихъ Шамполльонъ нашелъ знаки солнцестоянія и весенняго равноденствія. Я показалъ, что распределеніе этихъ эмблемъ между двѣнадцатью олице-

творенными мѣсяцами весьма точно соответствуетъ измѣненіямъ истиннаго солнечнаго года въ тридцать или сорокъ столѣтій, предшествовавшихъ нашей эрѣ. Если подобныя наименованія прилагаются частямъ не солнечнаго года, но ряду условныхъ періодовъ, состоящихъ изъ 365 дней, каковы были гражданскіе годы Египтянъ, то разность, существующая между истинными солнечными годами и подобными періодами, должна размучать постепенно части тѣхъ и другихъ, которыя прежде сходились вмѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока отклоненіе однихъ отъ другихъ составитъ ровно солнечный годъ, и соотвѣтственность между ними возстановится, а потомъ снова уничтожится. Я опредѣлялъ эпохи, въ которыя Египетскій гражданскій годъ въ точности соотвѣтствовалъ истинному солнечному году: это было въ 3285, 1780 и 275 Юліанскихъ пролептическихъ годахъ до нашего лѣтосчисленія.

«Приложивъ эти періоды къ астрономической таблицѣ, открытой Шампольономъ въ Оивскомъ Рамессеумѣ, и составленной по-крайней-мѣрѣ за пятнадцать вѣковъ до нашей эры, я замѣтилъ, что два изъ олицетворенныхъ мѣсяцевъ, въ ней означенныхъ, переименованы въ другой таблицѣ, составленной тринадцатю вѣками позже, и замѣнены двумя другими символами, которые, по Греческому іероглифическому смыслу, означаютъ созвѣздіе Гіадъ. Я догадывался, что это сдѣлано для означенія какого-либо астрономическаго соотношенія между этою группою звѣздъ и частями Египетскаго года. Я исчислилъ положеніе прекраснѣйшей изъ Гіадъ, Альдебарана, за 275, 1580 и 3285 годовъ, и нашелъ, что, въ 3285 году до Христіанскаго лѣтосчисленія, весеннее равноденствіе приходилось въ Гіадахъ на челъ Вола нашихъ картъ; почему лѣтнее солнцестояніе должно было быть въ звѣздахъ Льва, а осеннее равноденствіе въ звѣздахъ Скорпіона. Въ ту минуту, когда это равноденствіе заходило на западномъ горизонтѣ Оивъ, эклиптика была перпендикулярна къ этому горизонту. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что вся эта сцена помещена въ таблицѣ Рамассеума въ особой рамкѣ. Самая таблица, или картина, сдѣланная за пятнадцать вѣковъ до Р. Х., составлена такъ, что выражаетъ другое, позднѣйшее положеніе равноденствій: мѣсяцы изобрѣ-

жены такъ, какъ они были въ послѣдующее соотвѣтствіе Египетскаго гражданскаго года съ солнечнымъ, бывшее въ 1380 году, и прежнее равноденствіе 5285 года находится уже на восточномъ горизонтѣ.

«Разобравъ смыслъ астрономической сцены, находящейся въ особой рамкѣ въ Оивскомъ Рамассеумѣ, не можемъ не удивляться тождеству ея съ Азіатскими картинами, известными подъ названіемъ Митріаческихъ, по имени бога солнца, или Митры. Въ этихъ картинахъ божество изображено поражающимъ Вола, который лежитъ у западнаго горизонта, между-тѣмъ какъ Скорпіонъ выходитъ изъ подъ восточнаго горизонта. Не возможно сомнѣваться въ ихъ астрономическомъ значеніи, потому что востокъ и западъ всегда изображаются двумя несомнѣнными фигурами, напимврѣ двумя лицами съ факеломъ въ рукѣ, изъ которыхъ у одного онъ обращенъ къ верху, у другаго къ низу. Гдѣ источникъ этой аллегоріи? Это вопросъ Исторической Критики, который еще надобно рѣшить. Митріаческіе памятники, дошедшіе до насъ, не могутъ объяснить этого, потому что они твореніе Римлянъ..... Если 1900 лѣтъ Халдейскихъ наблюденій, присланныхъ Каллисѣеномъ Аристотелю, не подложны, то они доводятъ насъ до времени, столь близкаго къ первому соотвѣтствію Египетскаго гражданскаго года съ солнечнымъ, что остаешься въ недоумѣніи, который изъ двухъ народовъ первоначально наблюдалъ астрономическія явленія, бывшія во время этого соотвѣтствія.

«Я искалъ, нѣтъ ли слѣдовъ подобныхъ сообщеній между Египтянами и Китайцами. Миссіонеры доставили намъ драгоценные документы по части Китайской Астрономіи. Китайцы уже слишкомъ четыре тысячи лѣтъ составляютъ народъ, и всегда обращали особенное вниманіе на небесныя явленія: между-тѣмъ они не сдѣлали въ Астрономіи ни какихъ успѣховъ. Подобное ограниченіе ихъ познаній въ Астрономіи есть нравственное явленіе, котораго причина находится въ постоянномъ обыкновеніи Китайцевъ относить движеніе солнца, луны и планетъ къ экватору по прямому восхожденію, вмѣсто того, чтобы относить его къ эклиптикѣ, какъ дѣлали Египтяне, а за ними и Греки. Экваторъ безпрерывно перемѣняетъ свое положеніе въ небѣ, и потому

измѣненія его, смѣшиваясь съ собственными движеніями планетъ, дѣлають ихъ болѣе сложными. Притомъ Китайцы построили зодіакъ свой по прямому восхожденію, и раздѣлили окружность солнечныхъ круговъ на двадцать восемь созвздій, расположенныхъ въ неравныхъ разстояніяхъ.....

«Разсмотрѣвъ опредѣленіе обоихъ равноденствій и обоихъ солнцестояній, приводимое въ древнѣйшей Китайской книгѣ Шу - дзинъ (Shou-king), и найдя въ Китайской Хронологіи эпоху Императора Яо, начало царствованія котораго приходится, и по затмѣніямъ, и по цикламъ, за 2357 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, я могъ исчислить положеніе экватора, эклиптики, солнцестояній и равноденствій, соответствующихъ этому времени. Возсоздавъ такимъ образомъ небо Императора Яо, я нашелъ солнцестояніе и равноденствіе именно въ тѣхъ созвздіяхъ, въ которыхъ помѣщены они въ книгѣ Шу-дзинъ.....

«Такимъ образомъ древнѣйшія Китайскія наблюденія сдѣланы девятью вѣками позже солнцестояній и равноденствій, означенныхъ въ картинахъ Египтянъ. Китайская метода раздѣленія неба по прямымъ восхожденіямъ и выборъ ихъ созвздій не имѣють ни какого соотношенія съ Египетскими. Поэтому ничто не показываетъ, чтобы Египетскія методы или преданія перешли къ Китайцамъ. Если мы и замѣчаемъ нѣкоторыя аналогіи между этими двумя народами, какъ напримѣръ поклоненіе небу, предкамъ, употребленіе раздражательныхъ знаковъ въ первоначальномъ письмѣ, то надобно полагать, что оба приведены были къ этимъ обычаямъ единственно направленіемъ ума человѣческаго, и что если они и почерпнули ихъ въ общемъ происхожденіи или въ общей отчизнѣ, то сношенія ихъ между собою должны были предшествовать астрономическимъ наблюденіямъ Египтянъ, которыя послужили основаніемъ ихъ лѣтосчисленію, то есть, что эти сношенія происходили болѣе нежели за 3285 лѣтъ до Христіанской эры.

2. *Открытіе зубовъ въ желудкѣ.* Г. Журданъ удивилъ всѣхъ членовъ Французской Академіи Наукъ своимъ «Описаніемъ зубныхъ приборовъ, сопряженныхъ съ позвоночною костью.» Авторъ, посвятившій труды свои наблюденію яровъ разныхъ животныхъ въ связи съ устройствомъ же-

лудка, изучалъ между прочимъ анатомическое образованіе змѣи, названной Линнеемъ *coluber scaber*, а однимъ Англійскимъ натуралистомъ *apodon*, то есть, *беззубою*, потому что во рту ея не открыто ни какого слѣда зубовъ: она питается яйцами, и глотаетъ ихъ цѣликомъ, не ломая скорлупы. Г. Журданъ, при тщательнѣйшемъ изслѣдованіи, удостоверился, что и у этой змѣи есть зубы; только они чрезвычайно малы, почти непримѣтны, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ фактъ, безпримѣрный въ Анатоміи. Въ первой части пищеварительнаго канала находится родъ зубнаго прибора, состоящій изъ тридцати косточекъ, утвержденныхъ въ позвоночной кости, вышиною отъ двухъ до четырехъ линій, и большею частью похожихъ на человѣческіе зубы: они даже покрыты настоящею эмалью, и очевидно исправляютъ въ желудкѣ должность зубовъ, въ которыхъ Природа отказала рту этого пресмыкающагося. Заключение Г. Журдана подало поводъ къ многимъ возраженіямъ: конечно, представленная имъ записка не рѣшаетъ всѣхъ вопросовъ о точномъ сходствѣ внутренней массы этихъ косточекъ съ массою, изъ которой сдѣланы зубы, и замѣченная имъ эмаль можетъ быть оболочка совсѣмъ другаго рода, но во всякомъ случаѣ открытіе его необыкновенно, неожиданно и крайне занимательно.

3. Угольная кислота въ капельномъ видѣ. Извѣстно, что въ Англіи дѣланы были попытки заключить углекислый газъ въ резервуары паровыхъ машинъ, и обратить его такимъ образомъ въ двигателя сильнаго и недорогога; по химическое дѣйствіе газа, обращеннаго въ капельное состояніе, на металлическіе сосуды, содержащіе его въ себѣ, сдѣлало эти попытки тщетными. Поэтому мы почитаемъ весьма важными для промышленности, и особенно для Науки, новые опыты, изложенные Г-мъ Тилорье въ письмѣ его къ Парижской Академіи Наукъ: этотъ Ученый нашелъ способъ добывать въ нѣсколько минутъ химическимъ процессомъ два фунта жидкой угольной кислоты, посредствомъ особаго прибора, о которомъ онъ сообщилъ Академіи. Мы приводимъ почти вполнѣ письмо Г. Тилорье.

«Я старался узнать главныя свойства жидкой угольной кислоты, которая доселѣ еще не была изучаема, и хотя тѣло

это въ некоторыхъ образомъ не поддается опытамъ химика, ибо существуетъ не иначе какъ въ тщательно закупоренныхъ сосудахъ, могущихъ выдерживать сильное давленіе, но мнѣ удалось опредѣлить съ такою же точностію, какъ въ алкоголь и эфиръ, относительный вѣсъ его, термометрическое расширеніе, давленіе и, что здѣсь совсѣмъ иначе нежели въ другихъ тѣлахъ, плотность его пара.

При обращеніи въ капельную жидкость, газы перестаютъ дѣйствовать по закону Мариоттову, и давленіе ихъ, при различныхъ степеняхъ температуры, совсѣмъ не соответствуетъ плотности. Такимъ образомъ, при 30 градусахъ стоградуснаго термометра, истинное давленіе, показываемое манометромъ, бываетъ въ 79 атмосферъ, между тѣмъ какъ теорическое давленіе, исчисляемое по объему, то есть, по плотности, должно бы быть во 130 атмосферъ. При 5° оба давленія, истинное и теорическое, одинаковы; но ниже этой точки (я повѣрялъ это до 20° холода), теорическое давленіе, напротивъ того, менѣе давленія, показываемаго манометромъ. Это явленіе покажется не столь страннымъ, когда мы вспомнимъ увеличеніе объема, происходящее во многихъ жидкостяхъ при обращеніи ихъ въ твердое состояніе. Нельзя ли допустить, что то же самое происходитъ при обращеніи воздухообразныхъ жидкостей въ капельныя?

«Изъ всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ, жидкая угольная кислота наиболѣе сжимается или расширяется подъ вліяніемъ различныхъ степеней температуры. Хотя малѣйшій жаръ достаточенъ для того, чтобы произвести въ ней кипѣніе, по оно не происходитъ, если по мѣрѣ нагрѣванія жидкость достаточно увеличиваетъ свое давленіе. Такимъ образомъ я изучалъ давленіе ея отъ 20° холода до 30° тепла по стоградусному термометру. Отъ 0 до 30° полоска жидкости становится въ половину длиннѣе; столбъ жидкости, занимающій при 0 пространство въ 40 миллиметровъ, при 30° занимаетъ уже 60 миллиметровъ.

«Это чрезвычайно сильное расширеніе можетъ, по моему мнѣнію, послужить со-временемъ къ образованію двигателя несравненно сильнѣе и дешевле всѣхъ тѣхъ, которые доселѣ основаны на испареніи жидкостей. Угольная кислота, какъ и всѣ другія жидкости, почти не можетъ быть сжата ма-

ханическаго давленіемъ. Поэтому ясно, что клапанъ, который бы приводился въ движеніе расширеніемъ этой кислоты, имѣлъ бы силу неодолимую. Вообразите, силъ сколькихъ лошадей равнялась бы сила металлическаго прута въ квадратный дециметръ, который расширялся бы на одинъ метръ въ секунду. Это — динамическое дѣйствіе, которое производили бы шестьдесятъ фунтовъ газа, обращеннаго въ капельное состояніе, съ употребленіемъ количества теплотвора въ срокъ разъ меньше того, какое нужно для испаренія двухъ фунтовъ воды.

«Угольная кислота, при мгновенномъ испареніи, производитъ пониженіе температуры болѣе, чѣмъ вся другія жидкости того же рода. Я направилъ на шарикъ спиртоваго термометра струю жидкой кислоты, и, хотя эта струя прикасалась только къ одному пункту резервуара термометра, хотя наружная температура была въ 20°, стоградусный термометръ однако упалъ въ нѣсколько минутъ до 75° ниже 0. Самое сильное пониженіе, какое только было производимо донынѣ, составляло 68°: я не сомнѣваюсь, что, погрузивъ термометръ въ самую кислоту и окруживъ весь приборъ охлаждающею смѣсью, можно дойти ниже 150° холода.»

4. Корпія Г. Ганналя. Г. Мажанди читалъ въ Академіи донесеніе о корпіи, дѣлаемой Г. Ганналемъ. Эта корпія, называемая *дѣлственною*, не что иное, какъ пенька, вымоченная, вымѣнная хлоромъ и болѣе или менѣе чесанная, смотря по нужной степени тонкости. Главное достоинство ея состоитъ въ томъ, что она не проникнута, какъ часто случается со старымъ бѣльемъ въ госпиталяхъ, веществами, подверженными гніенію, а иногда и заразительными. Наконецъ эту корпію можно получать въ короткое время большими количествами и недорогою цѣною, чего нельзя сказать объ обыкновенной корпіи, по причинѣ непрерывно возрастающаго употребленія хлопчатобумажныхъ тканей. Старое бѣлье пеньковое и льняное становится столь рѣдкимъ, что въ случаѣ довольно продолжительной войны невозможно было бы добывать его и надлежало бы прибѣгать къ другимъ средствамъ. Между-тѣмъ эта корпія, въ нынѣшнемъ образѣ приготовленія ея, представляетъ два неудобства: она съ трудомъ впитываетъ въ себя жидкости, образующіяся въ ранахъ

и сильно пристаётъ къ краямъ ихъ ; при выниманіи , надобно отдирать ее , что всегда болѣзненно , а иногда и вредно .

ЦВѢТА ВЪ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. Известно , что черные и темные цвѣта вообще больше поглощаютъ и меньше отражаютъ теплоты и свѣта , и что , наоборотъ , бѣлые и свѣтлые цвѣта больше отражаютъ , и меньше поглощаютъ . Это общій законъ теплоты и свѣта , къ которому чудно примѣнено распределеніе цвѣтовъ на Земномъ Шарѣ . Въ тропическихъ климатахъ находимъ всякіе густые и темные оттѣнки , а бѣлый цвѣтъ тамъ сравнительно рѣже ; напротивъ того , въ полярныхъ странахъ онъ вездѣ преобладаетъ , являясь даже на бѣльшей части животныхъ . Но будь это распределеніе наоборотъ : пусть бѣлый цвѣтъ господствуетъ между тропиками , а черный у полюсовъ , — что бъ тогда было ?

Выписываемъ отвѣтъ изъ новѣйшаго сочиненія Доктора Праута , которое написано имъ въ силу известнаго читателямъ завѣщанія Герцога Бриджеватера .

«Такъ какъ вообще принято , что теплота и свѣтъ , въ отношеніи къ поглощенію , лучезарности и отраженію , повинуются почти одинаковымъ законамъ , то слѣдуетъ , что , если бъ бѣлый цвѣтъ преобладалъ въ тропическихъ климатахъ , солнечные свѣтъ и теплота вмѣсто того , чтобы поглощаться , были бъ почти все отражаемы . Отъ-этого , скопленіе теплоты и ослабительность свѣта въ нижнихъ слояхъ атмосферы , у поверхности земли , были бъ нестерпимы , и сдѣлали бъ этотъ край необитаемымъ по крайней мѣрѣ для плыньшей породы существъ . Самая поверхность земли , хотя бъ и медленно нагрѣвалась , однако жъ со временемъ , при своей слабой лучезарности , раскалилась бы до такой степени , что жару нельзя было бъ выносить ; теперь же теплота и свѣтъ скоро поглощаются и такъ же скоро освобождаются посредствомъ лучезарности , а быть-можетъ и теплота разлагается подобно свѣту . Такимъ образомъ все удерживается въ умѣренномъ , равновѣсномъ состояніи , отъ котораго зависитъ обитаемость самыхъ жаркихъ странъ Земнаго Шара .

«Съ другой стороны взглянемъ , каковы были бъ слѣд-

ствія черноты снѣга, или другими словами, преобладанія чернаго цвѣта въ странахъ полярныхъ. Въ этомъ случаѣ, все небольшое количество снѣга и теплоты, которые до нихъ доходятъ, были бы поглощаемы, и онѣ покрылись бы всегдашней темнотою. Отъ быстрого таянья снѣговъ, при легчайшемъ прикосновеніи къ нимъ теплоты и снѣга, мы подверглись бы безпрестаннымъ наводненіямъ. Такимъ образомъ всѣ полярныя страны были бы темною, страшною пустынею, недоступною для органической жизни. Всѣ эти слѣдствія устранены настоящимъ распредѣленіемъ цвѣта. Бѣлый снѣгъ поглощаетъ известное количество снѣга и теплоты, и, — замѣтьте дивную предусмотрительность! — поглощаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше уголь ихъ паденія, то есть, чѣмъ это дальше отъ полюсовъ: снѣга отражаетъ онъ столько, сколько нужно, не болѣе. Такъ припоровленіе цвѣта тѣмъ ко всему ихъ окружающему представляетъ новое, чудесное доказательство Высшаго преднамѣренія, обнаруживающагося въ дѣйствіи теплоты и снѣга.»

ПИРМОНТСКАЯ ПЕЩЕРА. Эта пещера около 800 футовъ отъ известнаго минеральнаго ключа того жъ имени. Она не произведеніе Природы, а изсѣчена и отдѣлана въ 1740 году докторомъ Зейпомъ, котораго вниманіе привлечено было сюда множествомъ удушающихъ паровъ, выходявшихъ изъ разсыпннѣ каменистаго утеса. Газъ струится и изъ другихъ мѣстъ по близости пещеры и около самыхъ минеральныхъ водъ, которымъ придаетъ искрометность и шипучесть. По геологическимъ свойствамъ, здѣшній грунтъ принадлежитъ къ разнородному пещаниковому образованію, и состоитъ изъ рухляка и желѣзистаго пещаника. Газъ безпрестанно выходитъ, но не всегда въ одинаковомъ количествѣ, такъ что слой его на поверхности земли бываетъ отъ одного до восьми и даже до двѣнадцати футовъ въ толщину. Онъ обыкновенно гораздо толще вскорѣ послѣ солнечнаго восхода и заката въ ясную, теплую погоду или передъ грозю; также зимой во время инея: тутъ атмосфера паровъ стояла иногда такъ высоко надъ минеральными ключами, что дѣти и даже взрослые, приходившіе за водою, падали безъ чувствъ. Газъ кисель на вкусъ и имѣетъ удушающій

запахъ; относительныя количества углекислоты и обыкновеннаго воздуха различны, смотря по тому, на какой высотѣ отъ поверхности земли его захватишь: снизу онъ состоитъ изъ 48 углекислоты и 52 воздуха; въ трехъ футахъ отъ земли, содержаніе первой равняется $56\frac{1}{2}$. Тутъ нѣтъ ни какой примѣси сѣрнистаго газа. Касательно дѣйствій его на животную жизнь, можно сказать, что это вообще очень возбуждательное, мгновенно-раздражительное, разгорячающее и противугниlostное средство: кака-то пріятная теплота идетъ отъ него по всему тѣлу; наклонившись, тотчасъ чувствуешь кислый вкусъ и покалыванье въ глазахъ и въ носу, потомъ тягость и головокруженіе; дышать становится трудно, пульсъ сильно ускоряется, и всѣ эти признаки постепенно усиливаются до тѣхъ поръ, пока человекъ падеть наконецъ замертво. Однако жъ зловредное дѣйствіе паровъ въ Пирмонтской пещерѣ гораздо слабѣе, чѣмъ въ Grotta del Cane, близъ Неаполя, или въ Ядовитой Долинѣ на островѣ Явъ: разрушительный дѣятель всюду одинъ и тотъ же, но есть разница въ его количественномъ содержаніи. Когда углекислый газъ почти совершенно чистъ, или гораздо превосходить въ объемъ соединенный съ нимъ атмосферическій воздухъ, тогда, если вдохнуть его въ себя, онъ производитъ судорогу въ гортанномъ отверстіи, отчего входъ чистому воздуху преграждается, и скоро должна послѣдовать смерть. Такіе случаи бывали въ Grotta del Cane и въ Ядовитой Долинѣ, но въ Пирмонтской пещерѣ, пары могутъ быть пагубны только для небольшихъ животныхъ. Такъ, кроликъ оставался въ ней двѣ минуты, а кошка четыре, — и еще пришли въ чувство, когда ихъ оттуда вынесли. Последняя издохла, пробывъ въ пещерѣ четверть-часа. Двугодовая собака оставалась въ ней полчаса и упала замертво; однако жъ, при нѣкоторыхъ пособіяхъ, ожила. Большая дворовая собака, шести лѣтъ, только часа черезъ три лишилась всѣхъ признаковъ жизни.

Смерть отъ вдыханія углекислаго газа, кажется, не мучительна; за кратковременнымъ возбужденіемъ тотчасъ слѣдуетъ оцѣпенѣніе. Добровольно подвергавшіеся на нѣскольکو минутъ дѣйствію паровъ сказываютъ, что, если бъ ихъ

не скоро вывели изъ усыпительной атмосферы, они умерли бѣ себя такъ преспокойно.

ТЯЖЕЛОВѢСНЫЙ ЧАЙ. По словамъ одной Французской газеты, недавно открылось, что Китайцы, для увеличенія вѣса, начали мѣшать желѣзные опилки въ чай, назначаемый ими къ вывозу. Не случается ли того же самаго и въ Кяхтѣ? Во Франціи придуманъ слѣдующій любопытный способъ для обнаруженія этихъ плутней: въ ящикъ подозрительнаго чаю опускается сильный магнитъ, и, если тутъ есть металлическія частицы, онѣ тотчасъ пристають къ нему.

РУССКІЕ ПОДЪЯЧІЕ XVII ВѢКА. Самую комическую часть нашей недавней старины, безъ-сомнѣній, составляютъ подьячіе. Что за люди! что за нравы! какія понятія!!..... Мы всегда сожалѣли и удивлялись, почему наши водевилисты, — если они есть? — не пользуются такою карикатурною, такою богатою смѣхомъ чертою нашего роднаго комизма, и ищутъ безвкусныхъ Французскихъ Криспиновъ и Станарелей, тогда какъ у насъ были оригиналы несравненно забавнѣе.

Извѣстный Патрикъ Гордонъ, вступившій въ Русскую службу при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, велъ записки о своемъ пребываніи въ Россіи, которыя, какъ говоритъ М. П. Погодинъ, «хоронятся» теперь въ Московскомъ Архивѣ. Онѣ писаны на Англійскомъ языкѣ. Знаменитый Стриттъ перевелъ ихъ по-Нѣмецки, и рукопись его досталась Г. Погодину, подъ надзоромъ котораго студенты Московскаго Университета переводятъ ее теперь на Русскій языкъ. Отрывокъ, который тотъ же Ученый благоволилъ сообщить намъ изъ приготовляемаго будущими литераторами перевода, даетъ право думать, что въ сочиненіи Гордона заключается весьма много любопытныхъ подробностей о нравахъ той эпохи (1661 — 1698), особенно военныхъ. Мы нашли въ немъ нѣсколько занимательныхъ чертъ изъ нравовъ приказнаго народа, и охотно даемъ имъ здѣсь мѣсто, сожалѣя, что неважность остальной части отрывка, и въ особенности слогъ перевода, не позволяютъ намъ представить обширнѣйшій образецъ этого новаго приобрѣтенія нашей Исторической Литературы.

«9 числа, въ Понедѣльникъ, данъ былъ приказъ о принятіи въ службу Патрика Гордона майоромъ, Павла Менецеса капитаномъ, Вилліама Ге поручикомъ, въ пѣхотный полкъ полковника Данила Крафурда. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначены имъ за прибытіе въ Россію подарки: Гордону 25 рублей деньгами и на столько же соболей, 4 аршина полотна и 8 аршинъ камки; прочимъ же по чинамъ. Мѣсячное ихъ жалованье было такое же, какое получали прочіе офицеры равныхъ съ ними чиновъ.

Между-тѣмъ выдача назначенныхъ имъ подарковъ со дня на день была откладываема дьякомъ, который ожидалъ отъ нихъ прежде взятки, потому что взятки не только были въ обыкновеніи, но даже считались обязанностью — (обязанностью брать, или давать?). Гордонъ, не зная этого, раза три ссорился съ дьякомъ, и, не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, пожаловался боярину, который сдѣлалъ дьяку небольшой выговоръ и вторично приказалъ исполнить предписаніе. Это только больше раздражило дьяка, и онъ пуще прежняго сталъ удерживать подарки. Гордонъ жаловался боярину въ другой разъ, потомъ въ третій, и сказалъ наконецъ прямо, что не знаетъ, кто изъ нихъ, онъ или дьякъ, имѣетъ большую власть, потому что дьякъ не исполняетъ приказаній боярина. Бояринъ обидѣлся этими словами, и отложилъ поездку на свою дачу, куда собирался-было отправиться. Призвавъ дьяка и ухвативъ его за бороду, онъ трясъ раза три или четыре, и сказалъ; что велитъ высѣчь его кнутомъ, если Гордонъ еще разъ на него пожалуется. По отъѣздѣ боярина, дьякъ явился къ Гордону, и началъ его бранить. Гордонъ отплатилъ ему тою же монетою, присокупивъ, что онъ мало заботится о томъ, выдадутъ ли ему подарки или нѣтъ, лишь бы ему дали позволеніе выехать изъ Россіи. Съ этимъ намѣреніемъ возвратился онъ въ слободу, и въ самомъ дѣлѣ сталъ думать о томъ, какъ бы оставить землю, гдѣ такъ мало сбылись его ожиданія. Скудное жалованье, выдаваемое сверхъ того худою мѣдною монетою, которой четыре копейки принимались за одну серебряную, не было даже достаточно для содержанія себя, не то, чтобъ думать о сбереженіи, какъ его однако-жъ уверялъ въ Польшѣ Русскій посланникъ.

«Узнавши, что Бояринъ пробудеть въ деревнѣ одну недѣлю, Гордонъ рѣшился до его возвращенія не ходить въ Приказъ и, по его прибытіи, просить отставки. Побудительною причиною хотѣлъ онъ привести договоръ свой съ Русскимъ посланникомъ въ Польшѣ, Замятею, Ѳедоромъ Леонтиевымъ, который обещалъ выдачу жалованья серебромъ или другою равноцѣнною монетою; второю, поставить климатъ. Дьякъ между-тѣмъ, узнавши объ его намѣреніи и боясь гнѣва боярина, успѣлъ уговорить полковника Крафурда, зазвать Гордона въ городъ. Однажды утромъ, Гордонъ пришелъ къ полковнику, и онъ сталъ приглашать его съ собою въ городъ. Гордонъ послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ согласился. Въ то время, какъ они вмѣстѣ ходили по рынку, подошелъ къ Гордону подьячій въ сопровожденіи нѣсколькихъ приказныхъ служителей, и потребовалъ, чтобы онъ шелъ за нимъ въ Приказъ. На отговорки Гордона было отвѣтомъ, что онъ имѣетъ приказаніе, въ случаѣ неповиновенія, привести его силою. Гордонъ отправился въ Приказъ. Главный дьякъ, Тихонъ Ѳедоровичъ Мотякинъ, принялъ его весьма ласково и просилъ садиться. Послѣ весьма дружескаго разговора, онъ хотѣлъ дать предписанія разнымъ Приказамъ о выдачѣ ему и его спутникамъ денегъ, соболей, камки и полотна; Гордонъ отказывался принять ихъ и говорилъ, что ожидаетъ только возвращенія боярина, чтобы получить отъ него свою отставку. Дьякъ былъ человѣкъ весьма хитрый, сталъ разговаривать съ Гордономъ очень ласково, и старался разными убѣжденіями отклонить его отъ этого намѣренія; а между-тѣмъ послалъ за полковникомъ. Полковникъ, пришедши, сталъ вмѣстѣ съ нимъ уговаривать Гордона, который, послѣ многихъ отговорокъ, согласился наконецъ взять предписаніе о выдачѣ назначенныхъ ему подарковъ.....

«Въ Декабрѣ, Гордонъ, по распоряженію начальства, былъ переведенъ въ Земляной городъ на другую сторону рѣки Яузы, въ Гончарскую Слободу, въ Таганкъ. Здѣсь стоялъ онъ въ домѣ богатаго купца, который очень старался освободиться отъ постоя, и съ этою цѣлію выхлопоталъ два предписанія Надворнаго Приказа. Гордону не хотѣлось оставить хорошую квартиру. Несмотря на предписанія, онъ продол-

жалъ жить и отговаривался тѣмъ, что не можетъ оставить квартиры безъ предписанія Иноземскаго Приказа.....

«19 числа пришелъ къ Гордону, вслѣдствіе постоянныхъ стараній хозяина, очень хорошо одѣтый подьячій изъ Надворнаго Приказа съ двадцатью челоуками, которыхъ называли Трубниками, catchpoles. Гордонъ только-что съелъ обѣдать, какъ они вошли къ нему, и подьячій, держа въ рукѣ письменное приказаніе о перемѣщеніи его на другую квартиру, довольно грубо велѣлъ ему очистить комнату. Когда Гордонъ сказалъ, что не выйдетъ изъ квартиры по ему извѣстнымъ причинамъ, подьячій велѣлъ приказнымъ служителямъ, вошедшимъ съ нимъ въ комнату, выносить вещи Гордона, и съ этою цѣлю взялъ-было одно изъ полковыхъ знаменъ. Гордонъ, раздраженный невѣжливымъ поступкомъ подьячаго, пришелъ въ ярость. Онъ выскочилъ изъ за стола и съ помощію двухъ офицеровъ, съ ними обѣдавшихъ, и своихъ слугъ, вытолкалъ его съ помощниками изъ комнаты и прогналъ ихъ съ лѣстницы. Здѣсь присоединились къ приказнымъ служителямъ оставшіеся внизу товарищи, и всѣ они вмѣстѣ стали избираться на лѣстницу силою; но, не имѣя ни какого оружія кромѣ палокъ, были прогнаны назадъ Гордономъ и его сподвижниками, которые колотили ихъ знаменными дѣвками. На шумъ сбѣжалось нѣсколько солдатъ: тѣ, не ожидая повелѣнія, бросились на подьячаго и его сообщниковъ, и принялись ихъ бить кулаками и палками такъ, что сутяги были ради спастись бѣгствомъ. Несмотря на ихъ бѣгство, солдаты провожали ихъ побоями до Яузскаго Моста, и отняли у нихъ шапки. При этой дракѣ лишился и самъ подьячій своей обложенной жемчугомъ шапки и жемчужнаго ожерелья, всего цѣною на шестьдесятъ рублей, какъ было показано въ жалобѣ. Это происшествіе стояло бы Гордону большихъ хлопотъ, если бы ему не помогла въ то самое время ссора между Федоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ, начальникомъ Надворнаго Приказа, и бояриномъ Ильсю Даниловичемъ Милославскимъ, по милости которой дѣло, послѣ нѣсколькихъ приказныхъ обрядовъ, было прекращено полюбовною сдѣлкой. Между тѣмъ Гордонъ, по убѣжденію нѣкоторыхъ офицеровъ, переехалъ на другую квартиру.»

О ТОМЪ, КАКЪ АНГЛИЧАНЕ УЧИЛИ АФРИКАНСКІЙ НАРОДЪ ВУЛЛАМОВЪ БРАТЬ ВЪЯТКИ. Мы знали и здѣсь, въ Россіи, этого знаменитаго Г Гольмана, добраго джонъ-будла, честнаго слѣпца, который питался только распросами, грѣшилъ только скукою, хотѣлъ умереть послѣ утраты зрѣнія на двадцать-пятомъ году своего возраста, и рѣшился жить на свѣтъ еще двадцать пять лѣтъ пзъ любопытства. Пока хорошо видѣлъ, онъ сидѣлъ дома, въ Англіи, и ни на что не смотрѣлъ: когда ослѣпъ, онъ пожелалъ видѣть все достойное видѣнія и еще оказать услугу человечеству, обнаруживъ шарлатанство тѣхъ, которые торгуютъ своимъ зрѣніемъ: онъ пустился путешествовать безъ глазъ въ чужіе края съ цѣлію дѣлать наблюденія надъ правами, обычаями, законами и Природою, и потомъ издать свои наблюденія, какъ издають другіе. Эта мысль слѣпца есть жесточайшая эпиграмма, какую только мы знаемъ, на зрячихъ. Его — *A Voyage round the world*, «Путешествіе вокругъ свѣта,» вышедшее въ нынѣшнемъ году, право ничѣмъ не хуже другихъ Путешествій вокругъ того же свѣта, вышедшихъ до нынѣшняго года, и самымъ блистательнымъ образомъ доказываетъ ту истину, что люди, странствующие по чужимъ землямъ для представленія ихъ картины своимъ соотечественникамъ, просто надуваютъ рѣченныхъ соотечественниковъ, ссылаясь на свидѣтельство собственныхъ глазъ, — потому что въ путешествіяхъ всѣ любопытнѣйшія наблюденія дѣлаются замуривъ глаза. Г. Гольманъ человекъ удивительный: онъ такъ твердъ въ томъ, что глаза изобрѣтены только для обмана себя и другихъ, что его никакъ не проведешь; и когда разъ стали морочить его, — не помню, въ Тобольскѣ или въ Петербургѣ, — разказами о какихъ-то чудесахъ промышленности, опираясь на какія-то «Наблюденія», онъ вскричалъ съ гнѣвомъ: — Что, развѣ вы меня принимаете за зрячаго?...

Онъ плылъ въ 1827 году съ известнымъ Капитаномъ Овеномъ въ Фернандо-По, и въ Сентябрь бросили они якорь у Сиерра-Леоне. Всѣ, хвастающіе хорошими глазами, путешественники говорятъ о нездоровомъ климатѣ этой колоніи, гдѣ вновь прибывающіе Европейцы умираютъ какъ мухи; но, какъ мы имѣемъ столько доказательствъ, что гла-

за обманываютъ, то намъ никогда не хотѣлось вѣрить этому въ полной мѣрѣ. Теперь это обстоятельство подтверждено слѣпымъ человѣкомъ, и оно уже не будетъ подлежать спору. Слѣпецъ даже открылъ его причину, чего не умѣлъ сдѣлать никто изъ зрячихъ.

«Я пробылъ слишкомъ мѣсяцъ въ Сьерра-Леоне, говорить Г. Гольманъ: все это время не было дня, чтобы дождь не шелъ хотя одинъ разъ въ сутки, а иногда лилъ цѣлый день и ночью. Однако дождливое время было уже при концѣ. До моего прїѣзда, проливные дожди продолжались по три недѣли безъ остановки. Эта непрерывная сырость, соединенная съ испареніями большаго пространства низменной, болотистой земли, передъ самымъ городомъ, и густой мѣсь на пригоркѣ, опоясывающій его сзади и останавливающій свободное обращеніе воздуха, въ полной мѣрѣ объясняютъ, отъ чего происходятъ тѣ смертоносные мїазмы, которые сдѣлали изъ этой колоніи могилу столь многихъ Европейцевъ.»

Г. Гольманъ сдѣлалъ на путешествіи своемъ вокругъ свѣта весьма важное и совсѣмъ новое наблюденіе: онъ открылъ, что кругомъ цѣлаго свѣта берутъ взятки, существованіе которыхъ люди, считающіе себя одаренными лучшимъ зрѣніемъ и вѣрнѣйшимъ взглядомъ, всегда оспаривали. Онъ даже лично видѣлъ, то есть, нащупалъ, многихъ взяточниковъ: намъ, признаться, никогда не случалось ихъ видѣть, — и если бъ Г. Гольманъ не былъ слѣпой, мы бы сказали, что это былъ глазной обманъ. Однако, странствуя долго по міру, странствуя бесконечно и во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, онъ нашелъ одинъ народъ, по имени Булламъ, который не имѣлъ понятія о взяткахъ. Дивный народъ! странный народъ! Вы увидите, какъ онъ былъ невиненъ, простъ, чуждъ всякой образованности, пока его не просвѣтили соотечественники Г. Гольмана.

«Эта болотистая земля, примыкающая къ Сьерра-Леоне, говорить онъ, вмѣстѣ съ довольно обширнымъ владѣніемъ внутри материка, принадлежитъ Булламамъ, добрымъ союзникамъ Англіи: они, въ 1804 году, спасли колонію отъ нападенія соединенныхъ силъ другихъ туземныхъ народовъ. За эти заслуги, Король ихъ былъ приглашенъ въ Фри-тоунъ, главный городъ Сьерры-Леоне, гдѣ его торжественно

но короновали, подъ Европейскимъ именемъ Короля Георга, и надарили ему такое множество мѣдныхъ пуговокъ, желѣзныхъ обручей, бисеру и стеклянцу, что навсегда привязали его къ своей сторонѣ. По его смерти, колонія всеми средствами старалась утвердить доброе согласіе съ Буллами, и для того послала Поручика Меклина, въ качествѣ своегопредставителя, быть при избраніи новаго Короля, и стараться, чтобы выборъ палъ на негра, извѣстнаго подъ Англійскимъ именемъ Меколи-Вильсона, въ совершенной преданности котораго къ ея выгодамъ она была увѣрена. Г. Меклинъ имѣлъ удобный случай видѣть ихъ обычаи и обряды при избраніи повелителя.

Покойный Георгъ былъ первый Король Булламовъ, которому позволили они умереть своею смертію, — единственно изъ уваженія къ Англичанамъ, — только потому что у Англичанъ въ большой модѣ умирать такой смертію. До того времени Булламы, почитая этотъ родъ кончины бабьимъ, всегда умерщвляли своего властелина, когда видѣли его при смерти, и убивали двухъ человекъ въ жертву его духу. Меколи-Вильсонъ не былъ сынъ Георга, а только воспитанникъ; но покойный Король любилъ его какъ сына.

Поручикъ Меклинъ тотчасъ вступилъ въ сношенія съ регентомъ, назначеннымъ на время междуцарствія до избранія наследника престола. Регентъ довольно былъ склоненъ къ желанію Англичанъ, но чистосердечно объявилъ послу, что не отвѣчаетъ ни за себя, ни за другихъ старѣйшинъ, потому что у каждаго изъ нихъ есть голова и свое мнѣніе, и что когда они соберутся и стануть разсуждать, то Богъ вѣсть какъ еще посудать. Г. Меклинъ, не одобряя этого порядка, предложилъ ему произвести выборъ по Англійскому обычаю, то есть, помощію взятокъ. Регентъ не понималъ этого. Поручикъ далъ ему подарокъ, приказалъ спрятать въ кармакъ, и попробовать, можетъ ли онъ теперь подать голосъ въ пользу Англійскаго кандидата. Опытъ увѣнчался успѣхомъ, и онъ просилъ задобреннаго регента тайно собрать старѣйшинъ и важнѣйшихъ жителей. Всѣ приглашенные пришли въ назначенное мѣсто. Г. Меклинъ показалъ имъ разныя блестящія бездѣлицы, и спросилъ, хотятъ ли они получить ихъ даромъ, безъ труда. Отвѣтъ былъ

утвердительный, но когда онъ потребовалъ за то ихъ согласія на выборъ Меколи-Вильсона, негры добродушно сказали, что они согласны, и что непременно провозгласятъ его Королемъ, если въ собраніи не придумають ни кого достойнѣе его. Поручикъ имъ замѣтилъ, что они не понимаютъ дѣла: когда взятка получена и спрятана, такъ ужъ достойнѣйшій тотъ, на кого эта взятка указываетъ; иначе она принесетъ несчастье. Булламамъ показалось удивительнымъ, чтобы взятка имѣла свойство указывать на достойнѣйшаго, не спрашивая у головы избирателя, и посолъ колоніи, раздавъ имъ часть игрушекъ, долженъ былъ сдѣлать съ ними пробу предстоящаго выбора: онъ удостоверялъ старейшинъ, что если они и въ собраніи будутъ все говорить по этимъ взяткамъ, то всякая изъ нихъ принесетъ имъ еще другую.

Несмотря на эти мѣры, Г. Меклинъ весьма сомнѣвался въ успѣхъ, потому что Булламы, не имѣя понятія о чести, не чувствуютъ важности взятокъ и отвѣтственности, которую онъ влекутъ за собою: въ общемъ мнѣніи, если обиженный взяткодатель расскажетъ всемъ тайну, по ихъ образу мыслей подарокъ ни къ чему не обязываетъ!

«Пиршество началось при закатѣ солнца, и продолжалось всю ночь. У жилища поручика поставленъ былъ почетный караулъ, для предупрежденія непріятныхъ посѣщеній въ ночное время, чего, однако жъ, не возможно было отвратить совершенно, потому что, пока продолжаются избраніе и коронованіе Короля, законы *сплтъ*, то есть, ни какое преступленіе, даже убійство, не наказывается въ это время. Этотъ сонъ законовъ длится обыкновенно четырнадцать или шестнадцать дней, и люди самые праздные и негодные изъ сосѣднихъ народовъ толпою собираются туда, гдѣ могутъ производить все злодѣянія ненаказанно. Множество Африканцевъ, особенно стихотворцевъ-музыкантовъ, переходятъ болѣе шести сотъ верстъ изъ внутреннихъ странъ, чтобы присутствовать при избраніи, происходящемъ въ Югру.

«Городъ Югру содержитъ не болѣе 500 или 600 жителей; но при этихъ празднествахъ присутствовало, по крайней мѣрѣ, пять или шесть тысячъ человекъ.

«Самыя странныя фигуры, какихъ только можно себя вообразить, это «крикуньи», то есть, плакальщицы о покойномъ Королѣ: ихъ числомъ шестнадцать. Верхняя часть ихъ лицъ намазана бѣлою краскою, что составляетъ самую безобразную противоположность съ чернымъ цвѣтомъ ихъ кожи. Крикуней опредѣляютъ къ должности тотчасъ по смерти Короля, и онѣ непрерывно упражняются въ «крикъ», то есть, въ трауръ, до самаго избранія новаго властелина, сколько бы времени это ни продолжалось. Вообще назначаютъ для этого дѣвочекъ отъ десяти до четырнадцати лѣтъ, и во все время, пока онѣ въ крикуньяхъ, ихъ почитаютъ священными и неприкосновенными.

«Въ день, назначенный для окончательнаго избранія преемника престола, всѣ вожди и старшины собрались въ полдень въ «домъ подарковъ». Регентъ произнесъ имъ довольно длинную рѣчь, въ которой, согласно указанію взятки, предложилъ Джона Меколи-Вильсона въ будущіе Короли Буламовъ. Передъ тѣмъ, къ поручику прислана была дежурная, спрашивавшая его присутствія. Онъ немедленно явился, въ полномъ парадѣ, вмѣстѣ съ Г-мъ С^м. Вотъ рѣчь регента, буквально пересказанная его переводчикомъ, и потомъ тотчасъ имъ написанная:

«Мы собрались здѣсь, старшины и братія, для исполненія великой обязанности, для совершенія великаго дѣла. Нашъ долгъ избрать преемника опустѣвшему престолу «страны нашей, потому что «крикъ» уже при концѣ. У насъ нѣтъ Короля: если заглянемъ въ его жилище, никого нѣтъ тамъ; если станемъ призывать его по имени, никто не дастъ намъ отвѣта. Мы какъ дѣти безъ отца, какъ «семейство безъ главы. Кого же выберемъ, чтобъ возсѣлъ «на сѣдалище повелителя, по которомъ мы кричимъ? Кто «пойдетъ по слѣдамъ того, чьи слова были изреченія мудрости, изъ чьихъ устъ всегда истекало правосудіе? Кого избрать, какъ не собственнаго его сына, который слушалъ его рѣчи при жизни, и не забудетъ его по смерти! «Вы давно знаете этого мужа; вы знаете, что онъ не посрамитъ вашего выбора, что онъ будетъ поступать во «всемъ, какъ должно Королю; что онъ не попуститъ злобнымъ, поощритъ праведныхъ, будетъ справедливъ ко всемъ»

«своимъ подданнымъ. Я предлагаю, чтобы Джонъ Меколи-Вильсонъ былъ избранъ Королемъ Булламовъ.»

Послѣ столь убедительной рѣчи, съ помощію новой рѣдчи взятокъ по точному образцу и со всѣми затѣями просвѣщенныхъ Англійскихъ выборовъ, выгода Великобританіи взяла верхъ въ этотъ день, и Мандинги, противники Англичанъ по причинѣ убытковъ, претерпѣваемыхъ ими отъ воспрещенія торговаго невольниками, принуждены были уступить. Начальники произвели нѣкоторый родъ совѣщанія между собою, и потомъ объявили Г. Меклину, «что Джонъ Меколи-Вильсонъ избранъ Королемъ Булламовъ; что теперь онъ держитъ Булламскую страну на своей ладони, и что всѣмъ правосудію висятъ на его пальцѣ.»

Торжественное посвященіе въ королевскій санъ произошло на другой день; но при большей его части Г. Меклинъ не присутствовалъ, потому, что оно состояло изъ нѣкоторыхъ таинственныхъ обрядовъ, происходившихъ въ оградѣ храма.

«Въ полдень они выступили изъ ограды, нѣмля при себѣ новаго Короля, на котораго уже взирали, какъ на совершенно чужаго челоуѣка, посланнаго къ нимъ съ неба для управленія ими.

«Тогда новая депутація пригласила поручика опять въ «домъ подарковъ», куда они вели тогда Короля. Около него, вдоль по улицамъ, вожди и народъ плясали самымъ страннымъ образомъ. По прибытіи посла въ собраніе, бывшій регентъ произнесъ, на Булламскомъ языкѣ, весьма длинную рѣчь, которую слово въ слово повторяли за нимъ на Мандингскомъ и Англійскомъ переводчики обоихъ народовъ. Въ этой рѣчи, Наншъ-Банна перечелъ всѣ обычаи Булламовъ, съ незапамятныхъ временъ, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, и объявилъ потомъ, что всѣ обряды и таинства, относящіеся къ этому событію, исполнены въ точности. Послѣ того, онъ произнесъ похвалу добродѣтелямъ покойнаго Короля, и заключилъ изъявленіемъ преданности своей новому Государю, а послу-поручику, за обученіе ихъ правильно производить выборы по взяткамъ, сказалъ высочайшее привѣтствіе, какое только извѣстно у Булламовъ: «Да возможешь не умереть своею смертію!»

«Тутъ, онъ просилъ позволенія представлять собранію *«ужестраица*, котораго они, впоследствии, будутъ чрезвычайно почитать, именно Короля, Бей Шербро: таково было новое названіе Джона Меколи - Вильсона; послѣ чего Бей Шербро сталъ принимать почтительныя привѣтствія своихъ подданныхъ. Между-тѣмъ, стихотворцы-музыканты играли на разныхъ инструментахъ, въ числѣ которыхъ иные были очень замысловаты и музыкальны. Въ особенности, прившедшіе изъ дальнихъ странъ, наигрывали, съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ, прекрасныя арін, пріятнѣйшіе изъ всехъ національныхъ звуковъ, какіе только поручику случилось слышать. Они сопровождали игру свою импровизированными речитативами въ похвалу известнѣйшихъ вождей народа. Само собою разумется, что и имя поручика было помѣщено между знаменитыми героями Африки, потому что пѣвцы надвѣялись на щедрую награду. Каждый музыкантъ, познаменитѣ другихъ, имѣлъ при себѣ шута: многіе изъ нихъ прекрасно выдерживали свои роли, и сильно напоминали послѣ Лондонскихъ паяцовъ.» А. С.

ТОРГОВЛЯ ВЪ СІЕРРА-ЛЕОНЕ. Когда Г. Гольманъ безъ глазъ такъ хорошо видитъ вещи, то мы приведемъ изъ его книги еще одно весьма занимательное мѣсто.

«Торговля съ народами внутри страны, говоритъ онъ, почти вся ограничивается сношеніями съ Фулахами и Мандингами, которые приносятъ небольшія количества золота, и вымѣниваютъ на него разные Европейскія бездѣлки, на показъ дома. Образъ путешествія ихъ въ колонію чрезвычайно любопытенъ. Сперва они назначаютъ между собою начальника, къ которому относятся во всякомъ случаѣ, и который отвѣчаетъ за всехъ. Они вообще страстную толпами, отъ шести до тридцати человекъ вмѣстѣ, а иногда и болѣе. Каждый изъ нихъ несетъ на головѣ родъ корзинки, сплетенной изъ ратаевого тростника, въ которой лежитъ его рубашка, кувшинъ изъ тыквы и мѣшечекъ изъ овечьей шкуры, содержащій въ себѣ Коралъ, немного риса, хлѣба, ножикъ, ножницы и тому подобные предметы; далѣе, небольшая сумка, въ которой приносятъ они свое золото, всѣмъ около пяти фунтовъ стерлинговъ на чело-

звѣка. Для безопасности сумки, они скрѣпляютъ вместе края корзины, и обвязываютъ ее кругомъ бичевкой, скрученною изъ травы; на самомъ верху корзины, привязываютъ слегка лукъ и колчанъ со стрѣлами, такъ, чтобъ можно было выхватить ихъ сейчасъ, въ случаѣ нападенія дикихъ звѣрей въ лѣсу, или племень, чрезъ селенія которыхъ они должны проходить.

«Они не станутъ торговать ни въ первый, ни во второй день, но обходятъ городъ кругомъ, разсматриваютъ разные товары въ лавкахъ, и справляются о цѣнахъ. Въ этомъ предуготовительномъ дѣйствиіи помогаютъ имъ тѣ изъ ихъ соотечественниковъ, которые давно поселились въ колоніи и знаютъ Англійскій языкъ. Эти полмачи тѣмъ только и живутъ, что всевозможнымъ образомъ обманываютъ и Англійскаго купца, и бѣднаго Африканскаго путешественника.

«Когда начнется торгъ, весь первый день проходитъ въ томъ, что предводитель ихъ толпы сдаетъ въ руки избранному имъ Англійскому купцу золото, принадлежащее его товарищамъ, которымъ далъ онъ отъ себя особыя расписки; послѣ чего, все они собираются для выбора товаровъ на сумму, какая кому приходится. Это продолжается три или четыре дня. Устроивъ дѣла свои, они не считаютъ за нужное тотчасъ оставлять колонію, но остаются въ ней и послѣ того, шатаясь праздно по улицамъ. За два или за три дня до отплытія своего въ челнокъ къ Порто-Лого, вся толпа приходитъ къ купцу, и объявляетъ о своемъ отъездѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ изготовилъ для нихъ подарковъ. Они повторяютъ посвѣщеніе свое на слѣдующій день, и если не получаютъ отъ васъ подарка, такъ обращаются къ вамъ съ самыми нѣжкими словами: «Другъ, такой-то! видишь ли руки мои? «Не видишь ли, что онъ пусты? Когда я ворочусь въ свой край, мои земляки спросятъ меня: видѣлъ ли ты великаго купца? Тутъ они и станутъ сомнѣваться, потому что спросятъ: гдѣ твои подарки? А если мнѣ нечего показать имъ, такъ они назовутъ меня лжецомъ; скажутъ, что великій купецъ никогда не допускалъ видѣвшихъ его удалиться съ «пустыми руками! Я пришелъ изъ своей земли нарочно, чтобъ тебя видѣть. Правда, теперь я принесъ мало това-

«ру, но когда вернусь домой и скажу, что видѣлъ великаго «кунца, да покажу подарочекъ, тогда они все захотятъ сю-«да, и нанесутъ тебѣ пропасть товаровъ.» Разумѣется, что эта рѣчь всегда производитъ желанное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что иначе и нельзя раздвѣлаться съ алчнымъ мелочнымъ торговцемъ, прибывшимъ изъ глубины Африки.» А. С.

АНГЛІЙСКАЯ ВОСТОЧНАЯ ИНДІЯ. Тогда какъ Англійская Индійская Имперія собирается измѣнить основное начало своего политическаго быта, любопытно обозрѣть главнѣйшія выкладки ея Статистики. До-сихъ-поръ эта часть Великобританской Державы была на откупѣ у торговой компаніи, которая соединяла коммерческую, колоніальную и административную монополіи съ правомъ войны и мира. Англичане, не принадлежащіе къ составу компаніи, не могли даже селиться въ Индію, ни покупать тамъ помѣстій, и самая компанія представляла неизъяснимый феноменъ въ политическомъ мірѣ, — деспотической республики въ полномъ смыслѣ обоихъ этихъ словъ; республики, живущей подъ конституціоннымъ правленіемъ, и вмѣстѣ независимой, хотя платящей дань тому же правленію, и получающей отъ него своихъ правителей. Она раздѣляла съ прочими самостоятельными республиками общій нравственный ихъ недостатокъ, — честолюбіе, или страсть къ завоеваніямъ. Но должно отдать справедливость если не скромности, по крайней мѣрѣ особенному устройству прежней Ост-Индской Компаніи: коммерческое начало, которое въ немъ господствовало, сильно умѣряло эту страсть, и компанія нерѣдко отказывалась отъ новыхъ пріобрѣтеній, чтобъ сохранить или укрѣпить свои торговыя сношенія съ сосѣдями, и чтобъ не разстроивать текущихъ спекуляцій частыми разрывами. Съ 1836 года она явится свѣту въ новомъ видѣ: это будетъ республика съ хартіей, но безъ Короля; она лишается своего коммерческаго характера, поступаетъ подъ общія права Англій, дѣлается ея провинціею; каждый Англичанинъ имѣетъ право селиться и торговать тамъ, какъ во всякой другой области Соединенныхъ Королевствъ; монополіи, дѣлавшія изъ нея родъ отдѣльнаго государства, уничтожены, — и между тѣмъ она будетъ независима, съ

правомъ войны и мира. Это будетъ откупъ чисто административный, или, лучше сказать, чисто политическій, потому что, вмѣстѣ съ внутреннимъ управленіемъ Индіи, отдаются компаніи на сороко-лѣтнюю аренду и всѣ относителныя къ мѣсту преимущества короны: она можетъ управлять послѣвъ къ Азіятскимъ вѣстелинамъ, заключать съ ними договоры наступательныя и оборонительныя, ссориться на свой страхъ, и поработать ихъ, сколько угодно, лишь бы не причиняла ни какихъ издержекъ Англіи и платила ей опредѣленную дань. Намъ кажется, что эта чрезвычайно важная перемѣна въ свойствахъ и духѣ Компаніи еще не оценена, какъ слѣдуетъ, политическими писателями твердой земли, которые Богъ-вѣсть изъ-за чего радуются отменею торговой монополіи въ Индіи, и не примѣчаютъ, что тамъ воздвигается новая не столько Англійская, сколько Европейская Держава, съ новымъ направленіемъ и новыми видами, — а эти виды едва ли для постороннихъ государствъ будутъ удобнѣе прежнихъ. Торговыя выгоды теперь уже не станутъ стѣснять и обуздывать честолюбія этой совершенно политической республики откупщиковъ; прибыль отъ исключительной торговли вычеркнута изъ ихъ дивиденда; чтобъ умножить свои государственныя доходы, которыхъ излишекъ долженъ раздѣляться между акціонерами, они на будущее время не имѣютъ другаго средства кромѣ оружія и победы, столь легко приобретаемой въ той части Азии, и едва ли нынѣ Остъ-Индская Компанія устоитъ противъ безпрерывныхъ подущеній своихъ генераловъ и губернаторовъ, которые, какъ обыкновенно водится, дышатъ только войною и желаніемъ отличиться. Будетъ ли она и впередъ имѣть ту же твердость, чтобъ отвергать ихъ оболъстительныя предложенія, ихъ блестящіе и доходные планы покоренія цѣлыхъ государствъ десятію тысячами войска? Духъ завоеваній, мы думаемъ, сдѣлается главною пружиною и характернѣею новаго образа Англо-Индійскаго правленія, и Восточная Азія скоро увидитъ контрибуціи съ своихъ Султановъ, Раджъ и Императоровъ въ годичномъ балансѣ прихода и расхода почтенной *Компаніи*. Если мы не ошибаемся, эти виды уже и теперь разбираются безъ большой тайны важнѣйшими голосами въ Остъ-Индскихъ дѣ-

лахъ. Лгать черезъ двадцать статистика Англійскихъ владѣній въ томъ краю будетъ любопытна. Нынѣ, по своей скромности, компанія имѣетъ подданныхъ только — 156,500,000! Это число равняется населенію всей Европы, кроме Англии и Турціи. Вотъ новѣйшія свѣдѣнія объ этихъ обширныхъ областяхъ, заимствованныя у Г. Монгомери-Мартина. Вся Остъ-Индская Держава раздѣляется на девять управленій: Бенгалъ, Агру, Индію по ту сторону Ганга, Мадрасъ, Бомбей, Цейланъ, Пенангъ, Малакку и Сингапуръ, которые содержать около 522,000 Англійскихъ квадратныхъ миль, а жителей 66,500 бѣлыхъ и 96 милліоновъ цвѣтныхъ. Бенгалъ, Мадрасъ, Агра и Бомбей самыя обширныя и населенныя области. Доходы правительства простираются до 48,450,000 фунтовъ стерлинговъ (461 $\frac{1}{4}$ милліонъ рублей); расходы до 17,310,000 (432 $\frac{3}{4}$ милліона рублей), изъ которыхъ 10,700,000 фунтовъ идетъ на сухопутное войско и на флотъ. Ежегодный привозъ полагается въ 6,200,000 фунтовъ (155 милліоновъ рублей), а отпускъ въ 7 милліоновъ (175 милліоновъ рублей). Вся собственность жителей оценена въ 1,933,000,000 фунтовъ или 48,325 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 25 тысячъ милліоновъ рублей приходится на одну Бенгалскую область. Общественный доходъ полагаютъ въ 305,700,000 фунтовъ (7,642 $\frac{1}{2}$ милліона рублей). Число Англійскихъ войскъ простирается до 38,500, а туземныхъ до 196,000 человекъ. Флотъ, исключительно принадлежащій Бомбейскому президентству, состоитъ изъ 1 фрегата, 6 бриговъ, 6 корветъ, 2 пароходовъ и многихъ мелкихъ судовъ. Онъ оказалъ компаніи большія услуги въ разныхъ войнахъ; въ мирное время онъ всегда занятъ преслѣдованіемъ морскихъ разбойниковъ, которыхъ много въ Индѣйскомъ Морѣ и у береговъ Китая.

АФРИКАНСКІЕ ПОСЕЛЕНЦЫ. Былъ въ Англии пекто Г. Принглъ, которому такъ надобно жить въ разлуку съ родными, что онъ рѣшился соединить все отрасли своего семейства хоть подъ Африканскимъ небомъ, если ужъ счастье не везетъ въ Европу, и судьба безпрестанно втираетъ почтовые дистанціи въ удовольствія кровныхъ связей. Онъ прикинулъ къ пятидесятичному отряду поселенцевъ, ко-

торый правительство отправляло на Мысь Доброй Надежды, для запятія пустопорожныхъ земель по Каорской границѣ. Послѣ продолжительнаго и труднаго морскаго путешествія, эмигранты пришли въ заливъ Альгоа. Нѣтъ ничего въ мірѣ живописнѣе и занимательнѣе картины трудностей, хлопотъ, опасностей и боренія съ нуждою среди самой великолѣпной и богатой, но совершенно дикой Природы, когда принимаетъ она на свое лоно огромную толпу искателей счастья, людей привыкшихъ къ удобствамъ образованной жизни и вдругъ переброшенныхъ въ страшныя, хотя и красивыя пустыни, гдѣ пыльное ихъ воображеніе заранѣе строило себѣ воздушныя храмы довольства, наслажденія и лучшаго быта, которые исчезаютъ по прибытіи на мѣсто. Послушайте Г. Прингля. Онъ недавно издалъ описаніе своего переселенія; и для него ревъ львовъ то же, что для насъ лай собакъ; о толпахъ дикихъ слоновъ говоритъ онъ такъ свободно, какъ мы о стадѣ барановъ: но пусть онъ напередъ расскажетъ вамъ высадку своего отряда на берегъ.

«Перевозка съ транспортовъ шла очень живо. Толпы за толпами, несмотря на прибой, безопасно и быстро подходили на ботахъ почти къ самому берегу, а тамъ солдаты переносили ихъ на сушу. Берегъ кипѣлъ говоромъ, суетою, надеждами и шумнымъ весельемъ множества людей, которые, послѣ труднаго плаванья, въ первый разъ ощутили удовольствіе стать на твердой землѣ твердой ногою. Рои мужчинъ и женщинъ ходятъ взадъ и впередъ, говорятъ, смѣются; дѣти прыгаютъ вокругъ нихъ, и при каждомъ новомъ для себя предметѣ взвизгиваютъ отъ радости или отъ удивленія. Другіе группы глядятъ спокойно, какъ съ ботовъ переносятъ ихъ пожитки и сваливаютъ кучами на песокъ, или заботливо помогаютъ укладывать вещи на телеги, для перевозки въ станъ. Повсюду жизнь, движеніе, разнообразіе, — пестрый, шумный и очаровательный хаосъ. Матрозы и солдаты перекинулись между собою. Высокіе Голландо-Африканскіе мужики, въ бѣлыхъ шляпахъ съ широкими полями, съ огромными трубками во рту, оралъ на своемъ неуклюжемъ языкѣ; бичи хлопали, быки мычали, телеги скрипѣли, а полунагіе Готентоты, которые правили

быками, бѣжали подлѣ нихъ съ крикомъ, и размазывали своими длинными черными ручищами, какъ сумасшедшіе дerviши.

«Тропувшись съ мѣста, мы прошли мимо нѣсколькихъ песчаныхъ холмовъ, одѣтыхъ прекраснѣйшими кустами, какіе можно видѣть только за рѣдкостью въ Европейскихъ парникахъ: алой съ его пышными цвѣтами и другія чудныя, драгоценныя растенія топтали здѣсь подлѣ ногами, какъ репейникъ. Далѣе; увидѣлъ я множество припасовъ, заготовленныхъ для новопришельцевъ, и довольно плохо укрытыхъ отъ погоды, хотя, отъ нападений дикихъ непріятелей, защищали ихъ рогатки изъ сохъ и боронъ, валы изъ ящикоуъ и жернововъ, и уродливые бастионы изъ сковородъ, котловъ, кастрюль и самоваровъ.

«Я пошелъ вдоль по берегу, чтобъ ближе рассмотреть станъ поселенцевъ, опередившихъ насъ прибытіемъ въ обитованную землю, — станъ, который казался такъ живописенъ съ моря. Двѣ или три палатки стояли отдѣльно среди вѣчнозеленыхъ кустовъ, разсѣянныхъ между песчаными холмами. Онѣ были жилищемъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ выходцевъ, и доказывали вкусъ своихъ обитателей какъ выборомъ прелестнаго мѣстоположенія, такъ и порядкомъ, чистотою, изяществомъ, которыми онѣ окружались. Дамы и мужчины, очень хорошо одѣтые, сидѣли кое-гдѣ съ книгами въ рукахъ; другіе бродили по кустарнику и по возвышеніямъ, глядя съ нихъ на шумный берегъ залива. Двѣ или три хорошенькія кареты стояли на открытомъ воздухѣ, обличая аристократическое достоинство или притязаніе своихъ владѣтелей, которые не могутъ жить безъ щегольскихъ экипажей даже въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни какихъ дорогъ. По всему было видно, что многіе изъ переселяющихся привыкли въ Англіи къ роскошнымъ удобствамъ утонченной образованности. Они отважили состояніе и счастье своихъ семействъ въ предпріятіе, котораго романтическая занимательность не дозволила имъ расчесть сопряженныя съ нимъ невыгоды, и пустились съ толпами бродягъ заселять пустыни Южной Африки.»

Но вотъ Готентотская деревня.

«Я увидѣлъ ее издали, говоритъ авторъ, въ то самое вре-

ма, когда садилось солнце. Твни пагихъ холмовъ, поднимавшихся съ запада, лѣнливо тянулись по равнинѣ. Въ чистомъ вечернемъ воздухѣ спокойно изливался дымъ отъ огоньковъ, разможенныхъ для приготовления ужина паотухамъ, которые шли ужъ съ поля. Блеяніе овецъ, бѣгущихъ по домамъ, мычаніе коровъ, подающихъ голосъ своимъ телатамъ, и другіе сельскіе звуки живо напомнили мнѣ па-стущескія картины Шотландіи, и растворили пріятностью первое впечатлѣніе, произведенное во мнѣ этою деревней. Но когда вошелъ я въ нее, всѣ облаженія съ Европейскими сценами исчезли разомъ. Группы шерстволоосыхъ, черныхъ туземцевъ, изъ которыхъ многіе все-еще носятъ старыя овечьи епанчи, или *каро*; рои пагихъ или полунагихъ ребятишекъ; мерзкія лачужки изъ земли или тростнику; низенькая, крытая соломой церковь, постройки стараго Фацдеркемпа; длинноногій скоть съ ужасными рогами; широкохвостыя Африканскія овцы, съ щетипою вместо шерсти; странный звукъ вечерняго Голландскаго привѣтствія *Goeden avond*, которое надо было выслушать отъ стараго и отъ малаго; отвратительное кудахтанье Готентотскаго языка, на которомъ иные поселеніе говорятъ здѣсь между собою, — все это, и тысячи другихъ чертъ дикаго, совершенно чуждаго намъ характера, убѣдили меня, что я далеко отъ долинъ Чевіотскихъ, далеко отъ поэтическихъ видовъ Шотландской мнзы, — что я просто въ землѣ Готентотовъ.»

Мѣстомъ пребыванія для странниковъ назначили берега рѣки Бавіана, въ двухъ стахъпятидесяти верстахъ отъ залива Альгоа. Они отправились туда на телъгахъ.

«Первая ночевка наша дорогою показалась намъ, съ непривычки, зрѣлищемъ очень страннымъ. Нѣкоторые семьи раскинули палатки, и постлали тюфяки паземъ; другія, больше напуганныя змѣями, скорпіонами, тарантулами и другими вредными тварями Африканскаго климата, о которыхъ они слышали или читали, рѣшились спать такъ, какъ жили, — въ телъгахъ на вьюкѣ. Между-тѣмъ, туземные наши спутники брали нужныя мѣры предосторожности противъ лѣсной вольницы пострашнѣе. Слоновъ и львовъ въ этомъ краю было прежде множество, да и теперь они вободаютъ»

ся довольно часто. На страхъ незваннымъ гостямъ развели два или три большіе огня, а быковъ привязали, на всякой случай, за рога къ колесамъ телегъ. Мужики вытаскали свои огромныя ружья, или, какъ они называютъ, госты, «пищали»; приставили ихъ къ великолѣпному кусту, и расположились тутъ передъ огнемъ на отдыхъ. Каждый развязалъ свою кожаную сумку и вынулъ изъ нея припасы для ужина, — сушеную говядину, приправляемую чаркой колониальной водки изъ огромнаго рога, который у каждого привязанъ въ телегъ рядомъ съ порохомъ. Черные невольники и Готентоты, усѣвшись отдѣльно около одного изъ сторожевыхъ огней, убирали скудный ужинъ безъ водки, но гораздо веселѣе своихъ флегматическихъ повелителей. Между-тѣмъ, сковороды и чайники были у насъ на всемъ ходу; и пахучимъ напиткомъ, «который веселить не охмѣляя», мы посблизились съ обоими разрядами нашихъ провожатыхъ, особенно съ чернымъ, которому «чайная вода» показалась рѣдкою и драгоценною роскошью.

«Послѣ ужина, когда я, сидя на телегѣ, вписывалъ свои замѣчанія въ памятную книжку, любопытно было видѣть, какими характеристическими группами пестрѣлъ нашъ стангъ. Голландо-Африканскіе поселане, люди большею частію испанскаго роста, сидѣли особо въ надменной исключительности, и покуривали изъ огромныхъ трубокъ съ полнымъ самодовольствіемъ. Нѣсколько эмигрантовъ, которые были постепеннѣе, усѣлись на пни сгнивашаго дерева, и толковали на грубомъ Шотландскомъ нарѣчій о предметахъ, относящихся до нашего поселенія, и о сравнительныхъ достоинствахъ длиннорогаго и короткорогаго скота, — здѣшніе быки, замѣтныя мимоходомъ, съ предлинными рогами; кто былъ помоложе и поживѣе, тѣ стояли вокругъ Готентотовъ, глѣдыми на ихъ забавныя продѣлки, учили ихъ говорить по-свѣдому, и сами перенимали ихъ слова, — и неловкіе опыты чуждаго произношенія были съ обвѣхъ сторонъ постояннымъ источникомъ смѣха. Разговоръ шелъ очень живо, хотя никто изъ говорящихъ не понималъ своего собесѣдника, а между-тѣмъ плутяга орангъ-утангъ, сидя сзади, прерусердно передразнивалъ всѣхъ насъ наподрядъ. Эти группы, съ разительнымъ разнообразіемъ лицъ, положеній и харак-

теровъ, то чуть видныя, то ярко освѣщаемыя вспышками сторожевыхъ огней; это необычайное зрѣлище цѣмыль стѣнъ алоя и молочайника, возникающихъ изъ-за мелкаго кустарника и, въ блѣдномъ сіяніи мѣсяца, мечтавшихся разгоряченному воображенію толпами Кафрскихъ воиновъ съ перьями и дротиками, — все это, вмѣстѣ съ чуднымъ говоромъ Готентотовъ и Бушменовъ, и громкими раскатами ихъ дикаго смѣха, производило странное, изумительное дѣйствіе, и заставило насъ почувствовать сильнѣе прежняго, что мы ужъ настоящіе палъгрымы степей дикой Аѳрики.

«Скучно было бы разсказывать обо всѣхъ затрудненіяхъ, опасностяхъ и приключеніяхъ, которыя постигли насъ въ утомительное пятидневное странствованіе по Аѳриканской долинѣ; описывать, какъ мы возились съ топорами и ломами; какъ нещадно стегали бѣдныхъ воловъ, понуждая ихъ идти по такимъ дорогамъ, о которыхъ читатель не можетъ составить себѣ ни какого понятія. Въ верхней части долины цѣлыя двое сутокъ прорѣзывались мы сквозь непроходимую тѣснину, тянувшуюся верстъ на пять. Наконецъ, измучившись отъ постоянныхъ усилій, бросивъ двѣ телеги на дорогу и поломавъ отчасти всѣ другія, мы прошли въ послѣднія ворота (poort) долины, и очутились на возвышеніи, съ котораго видна была ея оконечность. «Ну, *shup heer!* сказалъ Голландо-Аѳриканскій предводитель нашего конвоя: *daar leg woe veld!* вотъ ваше поле!» Посмотрѣвъ въ ту сторону, куда онъ намъ показывалъ, мы увидѣли прелестную долину, простиравшуюся къ сѣверу верстъ на девять или на десять въ длину, и отъ одной до двухъ въ ширину. Она казалась зеленыющимъ бассейномъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ уступами крутыхъ, бесплодныхъ горъ, которыя поднимались вдали острыми конусами на весьма значительную высоту: снѣгъ покрывалъ въ то время верхи ихъ, которые, по соображенію нашему, были отъ 4000 до 5000 футовъ надъ поверхностью моря. По низшимъ ихъ покостямъ пробивались мѣстами трава и кустарникъ. Но углубленіе долины, по которому змѣилась маленькая рѣчка, было такъ свѣжо, такъ пріятно, такъ уединенно: все зеленая лужайки, освѣщенные и украшенные рощицами мимозовыхъ деревъ, а между ихъ мелькали издали стада дикихъ жи-

вотныхъ, сайегъ и кваггъ, которыя бродили еще въ ненарушаемомъ спокойствіи.

«Такъ вотъ намъ гдѣ жить? сказалъ одинъ Шотландскій земледѣлецъ. Что жъ, вѣдь ужъ какъ пришелъ сюда, такъ оно и здѣсь не дурно; только бы хлѣбъ-то родился, а то мы все уладимъ на Христіанскую статью.»

«Слушившись въ глубину долины, мы отпрягли лошадей, и раскинули палатки на берегу рѣки, въ мимозовой роцъ; а на другой день, нашъ вооруженный конвой пустился въ обратный путь съ обозомъ хилыхъ телъгъ, предоставляя насъ въ этой глуши собственнымъ нашимъ силамъ и мужеству.

«За ясной погодою, которою мы наслаждались во всю дорогу, послѣдовалъ 3 Іюля холодный и сырой вечеръ. Ночь была чрезвычайно темна, и дождь лилъ такъ сильно, что несмотря на множество сухаго лѣсу, которымъ мы очень кстати запаслись, едва можно было развести одинъ сторожевой огонь. Поставивъ ночную стражу, — эту должность отправляли поочередно все взрослые мужчины безъ различія, — мы улеглись, и, кромѣ часовыхъ, все заснули крепкимъ сномъ, какъ вдругъ около полуночи насъ разбудилъ ревъ льва у самыхъ палатокъ. Онъ былъ такъ ужасенъ, что сначала, я думалъ, громовая туча разразилась надъ нами. Но особенное выраженіе звука, голосъ ярости и могущества, тотчасъ меня разувѣрили, и, схвативъ ружье по невольному побужденію, я выскочилъ изъ палатки, воображая, что дикій звѣрь тутъ ужъ стоитъ. Другіе также, все почти, вооружились и спѣшили къ сторожевому огню. По кругомъ царствовала совершенная темень, и чуть-ли нашлось изъ насъ двое, которые бы согласно говорили, откуда слышался голосъ. Угадать это было тѣмъ труднѣе, что въ подобныхъ случаяхъ левъ обыкновенно примыкаетъ пасть къ землѣ, чтобъ придать реву болѣе грубости и заставить его разстилаться по землѣ, во все стороны одинаково. Надо было кому-нибудь со стороны полюбоваться на насъ въ эту минуту: что за смѣшная вереница длинныхъ, блѣдныхъ испуганныхъ лицъ представилась бы его взорамъ! Читатель, который слышалъ рыканіе льва въ звѣринцахъ, имѣетъ только слабое понятіе о голосѣ этого животнаго, когда оно на

воле. Разумѣется, новость удвоила для насъ его дѣйствіе: тутъ въ первый разъ мы услышали льва въ самой пустынь. Однако жъ мы рѣшились задать ему жаркую встрѣчу: сдѣлавъ по нѣскольку выстрѣловъ во всѣ стороны, мы развели изъ потухавшаго огня страшное пламя, и потомъ набросали горящихъ головней между окрестными деревьями и кустами. Такія необыкновенныя расвораженія вѣроятно поуспокоили буйнаго гостя, потому что онъ насъ больше не тревожилъ.»

Со-временемъ поселенцы совершенно привыкли къ подобнымъ посещеніямъ, и даже никто изъ нихъ не обращалъ вниманія, когда левъ съѣсть его мимоходомъ. Приведемъ еще повѣдку автора въ окрестности новой колоніи, чтобъ познакомить читателя съ другимъ родомъ ея сосѣдей.

«Чѣмъ далѣе мы подавались впередъ, тѣмъ горы становились передъ нами выше и бесплоднѣе, а неровная дорога, пробиваемая только кваггами да сайгами, дѣлалась все излучистѣй и непроходимѣе. Часто мы должны были слѣзть съ лошадей и вести ихъ подъ уздцы или гнать перелѣ собою по горнымъ тѣсннамъ и по краямъ крутыхъ скатовъ. Спустившись внизъ ущельемъ каменстаго обрага, мы очутились какъ-будто въ сердцѣ горы, и шлѣ извилинами узкой, но зелѣющей ложбины, украшенной кое-гдѣ паростникомъ и деревьями, и оживленной журчащимъ ручейкомъ. Наконецъ, этотъ ручеекъ течетъ въ такое дикое ущелье между скалъ, что ни человекъ, ни звѣрь не можетъ за нимъ слѣдовать, и намъ должно было опять подняться на гору. Товарищъ мой сказалъ мнѣ, что здѣсь ожидаетъ насъ необыкновенный видъ; но какими я ни воображалъ себѣ это мѣсто, дѣйствительность превзошла все мои чаянья. Влѣво, страшный хаосъ обнаженныхъ горъ, скалъ, пропастей, будто стромозженный какииъ-то необычайнымъ сотрясеніемъ Природы, изумлялъ, ужасалъ воображеніе. Кажлось, груды исполинскихъ утесовъ, или лучше первообразныя горы, распавшись въ основаніяхъ, рухнули и повалились другъ на дружку въ тысячахъ фантастическихъ обломковъ, а по нижнимъ ихъ покатосямъ и глубокимъ впадинамъ черный, дремучій боръ тянулся косматою опушкою, и при-

давалъ этой картинѣ еще болѣе дикой, пустынной выпренности.»

«Наконецъ добрался мы до селенія Гернгутеровъ. Хозяйка того дому, гдѣ мы остановились, жаловалась намъ, что слоны крѣпко надоедаютъ ей своими ночными посѣщеніями. «Никакъ ты съ ними не справишь!» говорила она. И въ самомъ дѣлѣ, злодѣи выйдутъ ночью изъ лѣсу, приотпчутъ все ея маленькое поле, съѣдятъ у ней цѣлую мѣрку Турецкаго пшена, выдергаютъ плодовые деревья, и даже раскидаютъ, какъ на зло, всѣ тѣ вещи, которыхъ не смогутъ истребить. Еще за нѣсколько дней, мужъ ея ѣхалъ домой поздно вечеромъ, да насилу отбѣгался отъ одного такого пріятеля: слонъ попался ему на дорогѣ, и давай гонять его вокругъ телѣги. Впрочемъ, хозяйка говорила, что они теперь все не такъ опасны, какъ были въ то время, когда они съ мужемъ поселились въ этой дикой, прекрасной долинѣ, и показывая на каменистый утесъ, который былъ неподалеку, она прибавила, что не за много лѣтъ, мужъ ея, спрятавшись на вершинѣ его въ кустарникъ, стрѣливалъ слоновъ, когда они среди дня проходили мимо цѣлыми стадами.»

Прервемъ здѣсь повѣсть Г. Прингля, чтобъ объяснить это поведеніе слоновъ. Со стороны животныхъ то было не иначе, какъ мщеніе за какую-нибудь обиду: слоны чрезвычайно взыскательны за неуваженіе, хотя часто обнаруживаютъ удивительное благородство въ поступкахъ съ слабыми противниками. Касательно перваго, мы помнимъ, что Г. Кемпбелль приводитъ въ своихъ путешествіяхъ по Африкѣ разительный примѣръ цѣлой Голландской деревни, истребленной слонами въ отомщеніе одному изъ ея жителей. Слонъ пришелъ глотать деревья подлѣ хлѣба одного поселнина. Хозяинъ, боясь, чтобъ онъ не взомель на его пашни, выстрѣлилъ въ него изъ-за угла. Звѣрь ушелъ, но на другой день онъ явился съ отрядомъ двадцати огромныхъ слоновъ, и они начали правильную войну съ Голландцами, опустошили всѣ ихъ пашни, вырвали и переломали всѣ деревья, перебили множество людей и разорили ихъ жилища. Въ разсужденіи великодушія, Англійскія газеты недавно сообщали письмо одного путешественника съ остро-

ва Суматры : въ Январѣ нынѣшняго года, восемь человекъ Европейцевъ пошли охотиться за слонами; они устроили себѣ площадку на одномъ деревѣ, и ожидали ихъ выхода изъ лѣса; вдругъ явился слонъ необыкновенной величины, — они въ него выстрѣлили и ранили. Разъяренное животное бросилось къ дереву, и въ одно мгновеніе сломало какъ тросточку. Охотники попадали на землю, гдѣ слонъ могъ потоптать всѣхъ ихъ; они считали себя погибшими, но звѣрь удовольствовался тѣмъ, что переломалъ ихъ ружья, повернулъ каждаго хоботомъ по нѣсколько разъ, иныхъ взвѣсилъ и опять положилъ на землю, — послѣ чего прехладнокровно ушелъ въ лѣсъ.

«Утромъ мы видѣли, говорить Г. Прингль, нѣсколько стадъ кваггъ и сайгъ разныхъ породъ, а послѣ обѣда нашан на свѣжій слѣдъ множества слоновъ. Огромныя ступни ихъ вездѣ были видны, и на болотистыхъ мѣстахъ рѣчнаго берега легко было замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ любили роскошно поваливаться въ илу и въ тѣнѣ. Но самыя разительныя доказательства своего недавняго пребыванія и особенныхъ привычекъ оставили они въ рощахъ и въ кустарникѣ. Во многихъ мѣстахъ ими протоптаны были дороги сквозь такія чащи, которыя безъ этого оставались бы непроходимыми. Казалось, они проложили ихъ съ большою смышленостью, всегда выбирая лучший и кратчайшій путь къ какой-нибудь саваннѣ или къ рѣкѣ; по этому труды ихъ были для насъ чрезвычайно полезны въ такой глуши, гдѣ никогда еще не катывались колеса, а во многихъ мѣстахъ даже трудно было вѣхать верлюдъ. Старшій въ семействѣ слонъ идетъ всегда впереди, продираясь сквозь чащу, какъ быкъ сквозь поле хмѣлю, притаптывая кустарникъ и ломая хоботомъ большіе сучья, перенимающіе дорогу, а самки и самцы помоложе только слѣдуютъ за своимъ вожатымъ.

«Между мимозами, разсыянными по лугамъ и низменностямъ, слѣды ихъ дѣятельности были не менѣ очевидны. Множество этихъ деревьевъ вырвали они изъ земли и поставили комлемъ вверхъ, чтобъ имъ ловчѣе было жевать ихъ сочные корни, до которыхъ они большіе охотники. Я не разъ замѣчалъ, что когда деревья велики, то слонъ дѣй-

ствуешь клыкомъ точно какъ ломомъ , всаживая его подь самыя корни, чтобъ напередъ ослабить связь ихъ съ землею , а потомъ ужъ вырываетъ дерево хоботомъ. Многія большія мимозы устояли противъ всѣхъ ихъ усилій: только послѣ проливныхъ дождей , когда почва отсырѣетъ и размякнетъ , могутъ они надѣяться на совершенный успѣхъ.

«Удивляясь этимъ доказательствамъ силы и ума слоновъ , мы вдругъ очутились среди многочисленнаго стада этихъ животныхъ. Однако жъ ни одного не было очень близко къ намъ: они занимали въ разсыпную всю долину, версты на четыре или на пять въ длину; одни жевали сочные вѣтви шпекбума, одѣвавшего съ обѣихъ сторонъ покатоности холмовъ; другіе трудились надъ молодыми мимозами , разсыянными по лужайкамъ. Осторожно подаваясь впередъ , мы еще яснѣе увидѣли ближайшія къ намъ группы, которыя, большею частью , состояли какъ-бы изъ отдѣльных семей, — самки , самца и дѣтей разнаго возраста: исполнская величина главныхъ предводителей болѣе и болѣе насъ поражала. Равнодушное и важное спокойствіе ихъ осанки было также очень замѣчательно. Хотя насъ съ Готентотамп было человекъ двѣнадцать верхомъ , однако жъ они или не замѣчали, какъ мы пробирались по ихъ долинамъ , или ни сколько этимъ не тревожились.»

СРАЖЕНИЕ ТИГРА СЪ КРОКОДИЛОМЪ. Въ вышедшемъ недавно въ Лондонѣ сочиненіи — *The Miscellany of Natural History, by Sir Thomas Dick Lauder, vol. II,* — помѣщено описаніе страннаго случая, котораго одинъ миссіонеръ , Г. Лакруа, былъ очнымъ свидѣтелемъ.

«Около одиннадцати часовъ утра , бросили мы якорь въ бухтѣ Берчура-Нуди , имѣя необозримый лѣсъ справа и слева, какъ вдругъ, во стѣ шагахъ отъ насъ, вышелъ изъ рѣки крокодилъ-алигаторъ, чтобъ насладиться полуденнымъ сномъ на солнечномъ жарѣ. Менѣе чѣмъ черезъ полчаса, въ то время, какъ рѣчное чудовище казалось погруженнымъ въ глубокой сонъ, мы примѣтили огромнаго тигра, вышедшаго изъ-за изгороди и направляющагося къ мѣсту, гдѣ лежалъ алигаторъ. Ростомъ тигръ превосходилъ величайшихъ этого рода звѣрей, какихъ только видали мы до того

времени, и его круглое, обращенное къ намъ рыло, испещренное бѣлыми полосами; его дикіе глаза, при удивительной, очевидной силѣ членовъ, произвели въ самыхъ безстрашныхъ на нашемъ борту невольный трепеть отъ одной мысли встрѣтиться съ столь ужаснымъ непріателемъ. Невыразимо осторожнымъ шагомъ тигръ подошелъ къ аллигатору; приподнятая его лапа каждый разъ оставалась по нѣскольку секундъ на воздухѣ, прежде чѣмъ онъ опускалъ ее на землю; онъ подвигался впередъ такимъ образомъ, пока не достигъ мѣста, съ котораго могъ уже сдвѣлать свой убійственный прыжокъ; тогда, онъ употребилъ все свое усиліе, взвился на воздухъ, и, обрушившись прямо на спину аллигатора, схватилъ его за горло. Житель пучины, пробужденный отъ дремоты, раскрылъ бездонный свой зѣвъ и замахалъ страшнымъ хвостомъ. Завязалась жаркая борьба между разбойниками земнымъ и воднымъ; въ продолженіе ея, каждый изъ сражавшихся употреблялъ всѣ силы для подавленія противника. Однако, преимущество безпрестанно оставалось на сторонѣ тигра, который такъ ловко завладѣлъ затылкомъ аллигатора, что не давалъ ему средства оборотить головы назадъ, чтобъ схватить врага зубами; и хотя на тигра сыпались жестокіе удары пилообразнаго хвоста крокодила, но величественный царь лѣсовъ, казалось, не страдалъ отъ нихъ ни мало, и когда кончился бой, онъ только стряхнулъ свой мощный хвостъ, и какъ будто не чувствуя ни какой боли. Одолѣвъ аллигатора, онъ встацилъ его подальше на берегъ, и съѣлъ надъ нимъ совершенно въ такомъ положеніи, какъ кошка надъ мертвою мышью; потомъ, взявъ свою жертву въ ротъ, легко и ловко понесъ ее въ кусты изгороди. Минуть десять спустя, мы увидѣли тигра, выходящаго изъ лѣса; пристально посматрѣвъ на насъ нѣсколько времени, и можетъ быть, подумавъ, что мы слишкомъ отдалены отъ берега, чтобъ прибавить насъ къ числу кровавыхъ его трофеевъ, онъ медленно продолжалъ свой путь въ противную сторону отъ оставленной имъ добычи, и мы болѣе его не видали. Не прошло часа, какъ аллигаторъ, оглушенный, но не убитый, выползъ изъ кустовъ, и хотя былъ сильно избитъ, однако, съ нѣкоторымъ трудомъ, достигъ рѣки. Слишкомъ израненный, чтобъ долго оставаться въ водѣ, онъ

скоро возвратился опять на землю; но уже взявъ предосторожность выставить только часть своего тѣла, обратясь лицомъ къ берегу. Онъ оставался въ этомъ положеніи весьма недолго, и снова нырнулъ въ глубь, повторяя свои посвященія на берегъ почти каждые четверть часа, пока мы тутъ оставались. Зрѣлище ужасное и великолѣпное, — зрѣлище, какого, я думаю, рѣдко кому либо случалось быть свидѣтелемъ!» *А. С.*

НОВЫЙ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЪ. Другое новое сочиненіе объ Естественной Исторіи, о которомъ пріятно будетъ узнать любителямъ этой части, — *Naturalist's Library, by Sir William Jardine, vol. II,* — въ числѣ множества любопытныхъ фактовъ, содержитъ слѣдующій ужасный анекдотъ: онъ собственно заимствованъ изъ Путешествій професора Лихтенштейна.

«Мы проѣзжали близъ Райетской плотины, и тогда какъ волы наши паслись на лугу, фанъ-Вайкъ, колонистъ изъ Голландцевъ, рассказалъ намъ занимательное происшествіе. «Тому назадъ болѣе двухъ лѣтъ, говоритъ онъ, какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, мнѣ удалось сдѣлать самый отважный выстрѣлъ, о какомъ только слыхано въ мірѣ. Жена моя сидѣла внутри дома близъ дверей, дѣти играли вокругъ нея, а я былъ недалеко, работая что-то около повозки, какъ вдругъ, хотя тогда былъ полдень, является огромный левъ: пришелъ, и преспокойно легъ въ тѣни, у самага порога. Я ничего не зналъ объ этомъ, и продолжалъ работать. Жена, окаменѣлая ли отъ испуга, или страшась подвергнуться еще большей опасности, обративъ на себя вниманіе звѣря малѣйшимъ движеніемъ, осталась какъ вкопанная на своемъ мѣстѣ, между-тѣмъ какъ дѣти искали спасенія въ ея колыняхъ. Крикъ дѣтей поразилъ меня, и я поспѣшилъ къ дверямъ. Можно себя представить мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что входъ въ нихъ загражденъ такимъ непріателемъ! Хотя животное меня еще не примѣтило, но я былъ безъ ружья, и спасеніе казалось невозможнымъ. Не зная самъ, что дѣлаю, я проскользнулъ осторожно за уголъ, съ боку дома, къ окну моей комнаты, гдѣ зналъ, что стояло заряженное ружье. Къ несказанному

счастію, я нашелъ его въ углу у самаго окна, такъ что могъ достать рукою; потому что, какъ видите, отверзтіе слѣпкомъ мало, и мнѣ не возможно было туда влѣзть. Еще къ большему благополучію, дверь комнаты была отворена: я могъ видѣть вскр опасность, въ которой находилось мое семейство. Левъ начиналъ шевелиться, можетъ-быть съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать прыжокъ. Время было дорого; не оставалось ни минуты на размышленіе: я въ полголоса закричалъ женѣ, чтобъ она не пугалась, и, призывавъ на помощь имя Господне, выстрѣлилъ. Пуля пролетѣла вправо надъ головою моего сына, и застѣла прямо во лбу у льва, надъ самыми глазами, которые засверкали дикимъ огнемъ. Онъ растянулся на землѣ, и ужъ болѣе не вставалъ.»

«Мы всѣ вздрогнули, присовокупляеть профессоръ Лигтенштейнъ, слушая этотъ рассказъ. Точно никогда не было выстрѣла смѣлье! Дай онъ промахъ, мать и дѣти погибли бы неизбежно; пошевелись дѣтя, оно было бы застрѣлено; малѣйше сдвинься левъ, и выстрѣлъ не былъ бы смертеленъ. Напасть на него снаружи было невозможно: тѣнь приближающагося челоуѣка измѣнила бы ему непременно. Для довершенія всего, и голова звѣря была нѣкоторымъ образомъ защищена двернымъ столбомъ. Однако, ни что не помѣшало!» *А. С.*

ОХОТА ЗА ГІЕНОЮ. Новое путешествіе поручика Артура Конолли, изъ Индіи въ Кабуль, Мешгедъ, Герать и проч., заслуживаетъ въ полной мѣрѣ вниманіе не только любителей этого рода чтенія, но и Ученыхъ, особенно оріенталистовъ. Г. Конолли посѣтилъ города внутренней Азій, очень мало извѣстные, и хотѣлъ пробраться въ Европу самыми опасными путями. Мы уже извѣстали въ Б. для Ч. о выходѣ въ свѣтъ этой любопытной книги, — *Joshney to the north of India*, — и теперь удѣляемъ изъ нея отрывокъ. Мы избрали описаніе охоты за гіеною, потому что уже расписались о страшныхъ звѣряхъ, и притомъ сами большіе любители охоты этого рода: да и не понимаемъ, какъ можно терять порохъ и время на зайцевъ и на тетеревовъ! Ужъ если охотиться, такъ по крайней мѣрѣ за словами, за тиграми, львами, крокодилами, гіенами или барсами.

Хорошіе охотники даже на гіенъ жалуютъ заряда, и берутъ ихъ руками какъ перепелокъ.

«Въ одномъ изъ Аѳганскихъ улусовъ, говоритъ авторъ, устроена была охота на гіену, для забавы гостей: она ясно показываетъ духъ той дикой смѣлости, которая составляетъ столь разительную противоположность между Аѳганцами и лживыми ихъ сосѣдами, Персіянами.

«Мы выехали рано передъ восходомъ солнца; съ дюжину изъ насъ верхами, а еще большее число пѣшкомъ, и вся молодежь изъ улуса, съ нѣсколькими борзыми и овчарными собаками. Сендъ-Даудъ отыскалъ свѣжіе слѣды гіены около трупъ осли, и въ сопровожденіи двухъ или трехъ другихъ опытныхъ людей, охотниковъ, слѣдилъ звѣря на разстояніи шести верстъ, до какихъ-то глубокихъ овраговъ. Здѣсь они потеряли знаки слѣдовъ, которые были перекрещены многими другими, и припомъ земля была тутъ такъ тверда, что могла сохранить только самое слабое впечатлѣніе ноги; послѣ долгаго исканія, съ помощію остраго своего зрѣнія и знанія разныхъ ямъ и пещеръ между оврагами, Сендъ-Даудъ замѣтилъ слѣдъ, ведущій къ ямъ, съ боку одного пригорка, и рѣшилъ, что животное, навѣвшись до-сыта, вѣроятно принялось отдыхать въ этомъ мѣстѣ.

«Охотники составили полукружіе около входа въ пещеру; двое или трое изъ нихъ, вооруженные саблями, выпули ихъ изъ ноженъ, а мальчики безстрашно вмѣшались между нихъ, съ камнями и палками въ рукахъ, или удерживали сзади воющихъ собакъ. Сендъ-Даудъ велѣлъ намъ держаться какъ-можно тише, а самъ хотѣлъ войти въ пещеру и связать звѣря; но гіена, испуганная лаемъ собакъ, выбѣжала на насъ неожиданно, и кинулась на одного изъ охотниковъ, столышаго съ саблею, на часахъ, у входа. Мальчики, безъ малѣйшихъ признаковъ страха, стали кричать на гіену изо всей силы, бросая въ нее палками и камнями, которые сыпались, какъ градъ, на ея спину, а охотники, имѣвшіе сабли, рубили ее по кожѣ; и всѣ вмѣстѣ такъ избивали и смѣшали звѣря, что, пробѣжавъ взадъ и впередъ по цѣлому нашему ряду, и не нападъ ни на кого изъ насъ, онъ вдругъ бросился назадъ, вскарабкался

на пригорокъ, скатился внизъ по другую сторону, и пошелъ бѣгомъ черезъ поле, которое тутъ случилось. Прошло нѣсколько времени, прежде нежели мы могли собрать нашихъ лошадей, такъ, что гіена была далеко передъ нами: она заставила насъ проскакать пять верстъ, и хотя борзые наши собаки бѣжали почти рядомъ съ нею, но никакъ не могли остановить ее, а между-тѣмъ она, по-временамъ, металась то вправо, то влево, всѣмъ неповоротливымъ своимъ тѣломъ, чтобъ схватить которую-нибудь изъ нихъ зубами; наконецъ достигла изрытаго рытвинами оврага, и мы потеряли ее изъ виду. Сеидъ-Даудъ сказалъ намъ, что гіена, вѣроятно, не остановится, пока не добѣжитъ до какого-то мѣста, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ разстояніемъ, и что въ этотъ день мы никакъ ея не догонимъ. Какъ слова его были въ этихъ дѣлахъ закономъ, то мы и возвратились домой.

«Я упомянулъ, что сперва предположено было связать гіену въ ея логовищѣ. Это кажется ужасно и неправдоподобно; но, по ихъ рассказамъ, оно весьма возможно сильному и хладнокровному человеку, потому что гіена, хотя и свирѣпа, однако сама легко пугается; и мнѣ сказывали, что Сеидъ-Даудъ повалилъ и связалъ такимъ образомъ трехъ гіенъ въ одинъ день. Не менѣе того, это отчаянное предпріятіе можетъ сдѣлаться гибельнымъ для тѣхъ, кто не въ состояніи сохранить совершеннаго присутствія духа, — что и подтвердили мнѣ примѣромъ одного охотника, за годъ или за два передъ тѣмъ умершаго отъ укушенія гіены при неловкомъ на нее нападеніи.

«Сеидъ-Даудъ слѣдующимъ образомъ описывалъ мнѣ средство вязать гіенъ въ логовищѣ. «Прослѣдивъ звѣря до его пещеры, сказалъ онъ, возьмите въ правую руку веревку, съ двумя живыми на ней петлями, а лѣвою рукою держите передъ собою войлочную шинель, или бурку, и смѣло, но тихо, идите впередъ. Животное, не зная, какого рода опасность ему угрожаетъ, отступить въ самую глубину пещеры; но вы всегда можете угадать, гдѣ его голова, по блеску, издаваемому глазами. Подвигайтесь тихо, на колѣнкахъ, и когда подойдете довольно близко, бросьте вашу бурку звѣрю на голову, и старайтесь, чтобъ онъ не могъ

отъ нее освободиться: онъ такъ этого испугается, что присядетъ на заднія ноги, и хотя онъ легко можетъ кусать войлокъ, но не въ состояніи оборотить шеи и сдѣлать вамъ вреда. Такъ, вы спокойно ощупайте обѣ его переднія ноги, надѣньте на нихъ петли веревки, тутъ вдругъ сильно притяните ихъ къ его затылку, и плотно привяжите. Тогда звѣрь вашъ, и вы можете дѣлать съ нимъ, что угодно. Мы обыкновенно беремъ пойманныхъ гіенъ домой, въ свой улусть, и охотимся надъ ними въ полѣ, надѣвая имъ узды въ ротъ, съ тѣмъ, чтобъ наши собаки учились не бояться дикихъ звѣрей, когда встрѣчаютъ ихъ на свободѣ.» *А. С.*

КУЛАЧНЫЕ ВОИ ВЪ АНГЛІИ. Нынче и они не то, что прежде. Это ужъ не столько варварское народное увеселеніе, сколько спекуляція: тощая или пѣтъ, увидимъ послѣ, — а между-тѣмъ, какъ не отдать справедливости промышленному вѣку: отъ поэмы и до кулачнаго боя, все спекуляція! Но послѣдній — спекуляція цѣлаго класса людей, который съ неимовѣрною наглостію промышленяетъ любопытствомъ зрителей и ротозѣевъ, и откровенно устроилъ себѣ огромную фабрику преступленія передъ глазами закона и народной нравственности.

То, что слыветъ теперь въ Англіи кулачнымъ боемъ, затѣваются тремя сословіями, — плутовъ, мошенниковъ и содержателей питейныхъ и тому подобныхъ домовъ. Всѣ они одна торговая компанія. Эти содержатели по большей части отставные бойцы, сирѣчь, экс-боксеры. У каждаго изъ трехъ почтенныхъ сословій своя особенная цѣль. Плуты во-первыхъ надуваютъ простаковъ, и притомъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ; во-вторыхъ, надуваютъ другъ друга, конечно по мѣрѣ возможности, но и тутъ не легко назначить предѣлы. Мошенники просто опоражниваютъ карманы, доходя въ потребномъ случаѣ до разбоя и грабежа. Содержатель питейнаго дома, разумѣется, со всѣхъ ихъ собираетъ жатву. Онъ начало и конецъ всѣхъ затѣй, и въ бою чья ни возьми, а ему всегда будетъ пожива, особенно, если дерутся у него въ комнатахъ, въ избѣжаніе *непріятностей* съ полиціею. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣсколь-

ко плутовъ играютъ роль усердныхъ противниковъ, боксируютъ, и даже вправду ломаютъ себѣ ребра для поддержанія любопытства присутствующихъ; десятокъ мастеровъ того же цеха между-тѣмъ исполняютъ должность заовощниковъ, распорядителей и чичероновъ, тогда какъ нѣсколько дюжинъ мошенниковъ ловко очищаютъ поствительскіе карманы, разбойники бродятъ кругомъ, чтобъ завести съ кѣмъ-нибудь ссору, драку, и силою обобрать пріятеля; хозяинъ же — законный хранитель всей благопріобрѣтенной добычи.

Когда истощены всѣ средства надуть «почтеннѣйшую» публику въ харчевняхъ, тогда назначаютъ мѣсто для боя подъ открытымъ небомъ, и тутъ ужъ полиція не показывайся, — развѣ изъ любопытства, — такъ, — посмотреть на драку! Въ этомъ случаѣ ей оказываютъ величайшее почтеніе, даже возвращаютъ платки и табакерки, выгащенные у полицейскихъ въ пылу производства по ошибкамъ или незнанію, что это «Ихъ Милости».

Если шайка не находитъ даромъ удобнаго мѣста, члены ея нанимаютъ поле у какого-нибудь мызника, за которое почти никогда не платятъ, а еще избобуютъ его при малѣйшемъ намекѣ о деньгахъ. Такъ же точно промышляютъ они множество телѣгъ, которыми обставляютъ мѣсто боя, куда пускаютъ зрителей за деньги, чтобъ тѣмъ, кто стоитъ даромъ за телѣгами, ничего не было видно. Любопытные платятъ отъ 2 до 10 шиллинговъ за мѣсто.

На всѣхъ бояхъ въ открытомъ мѣстѣ разбойники ходятъ цѣлыми отрядами, опорожняютъ карманы, и бьютъ народъ наповаль, отикудъ не закрываясь. Вступись кто-нибудь за свою собственность, кулакъ, дубинка или ножъ сейчасъ заставятъ молчать неугомоннаго. Разъ цѣлая толпа вооруженныхъ крестьянъ, которые собрались наказать негодяевъ, была ими разбита въ пухъ, и грабежъ дошелъ до невѣроятности.

Чтобъ имѣть понятіе о кругѣ дѣятельности этихъ промышленниковъ, довольно припомнить, что на одномъ бою въ Шропширѣ было до восьмидесяти тысячъ зрителей. Какова жъ была потѣха, когда разбойники нарочно прорвали цѣпь телѣгъ, чтобъ произвестъ сумятицу, и тысячъ два-

цать чернаго народа, стоявшаго за цѣпью, хлынуло вдругъ на зрителей! Давка, грабежъ, насиліе, убійство — чего тутъ не было; и никто не донесъ правительству, потому что не нашлось охотника расплатиться за это жизнью.

Но грабежи на мѣств боя все-еще не главное зло. Наканунѣ и въ послѣдующую ночь, разбойники грабятъ по всей дорогѣ и въ окрестностяхъ, врываются даже въ города, и, высмотрѣвъ мѣста, завязавъ вездѣ сношенія, учреждаютъ на эти сутки правильную систему мошенничества по цѣлой провинціи. Тогда какъ хозяева и работники любятъся на ловкость боксеровъ, дома ихъ бываютъ очищены въ одну ночь сообщниками тѣхъ, которые доставляютъ имъ это пошлое наслажденіе.

Вообразите, что у бойцовъ своя газета, въ которой они за нѣсколько мѣсяцевъ объявляютъ о предстоящемъ бовъ, такъ что правительство, если бъ хотѣло предупредить безпорядокъ, могло бы заранѣе взять мѣры предосторожности. Ни чуть не бывало! Англичане дивятся, что у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. Мы еще должны съ прошлаго мѣсяца нашимъ читателямъ одинъ отрывокъ изъ Tutti Frutti, «Всякой всячины» Князя Пюклеръ-Мускау, — отрывокъ именно подъ этимъ заглавіемъ. Желая дать всѣмъ отечественнымъ должникамъ примѣръ блестящей точности, мы уплачиваемъ долгъ нашъ безъ отлагательства и отговорокъ.

«Я только-что оправился послѣ тяжелой болѣзни, говорить сіятельный авторъ, когда Г. Рейхардъ пріѣхалъ въ Берлинъ: онъ посетилъ и меня, чтобъ распространить кругъ своего знакомства.

«Г. Рейхардъ человекъ образованный, и рассказы его возбуждали во мнѣ сильную охоту поосмотрѣться когда-нибудь въ области ормовъ.

«Мы скоро сошлись: его шаръ, мои издержки, — и, мимоходомъ сказать, издержки вышли немаловажныя, потому что одни приготовленія стоили шестьсотъ рейхсталеровъ. Впрочемъ, я не дорого заплатилъ за предстоявшее мнѣ удовольствіе.

«Выбранный нами день былъ прекраснѣйшій: на небѣ ни облачка. Польша-Берлина собралось на площадяхъ и на улицахъ, и, когда я свѣлъ въ лодку, привѣщенную къ швару, медленно поднялись мы изъ среды пестрой толпы на воздухъ. Лодка была не больше колыбели, но охватывавшая ее сѣть предохраняла отъ головокруженія; по крайней мѣрѣ не могу сказать, чтобъ я почувствовалъ хотя малѣйшее непріятное ощущеніе, несмотря на слабость послѣ недавней отчаянной болѣзни.

«Мы поднимались такъ медленно, что я успѣлъ, не торопясь, раскланяться съ вышины многимъ знакомымъ дамамъ и господамъ. Нельзя вообразить себѣ ничего прекраснѣе того вида, когда бездна людей, улицы, дома, и наконецъ самыя высокія башни, становились для насъ все меньше и меньше; когда прежній шумъ перешелъ сперва въ тихій шепотъ, потомъ въ мертвое молчаніе; когда наконецъ вся земная поверхность разостлалась подъ нами мелкимъ барельефомъ: прекрасныя Берлинскія липы уподобились зеленой бороздѣ, рѣка Шпре тонкой голубой нити, а тополи Потсдамской аллеи представили видъ исполинской тѣни, брошенной тѣмъ-то на нѣсколько миль въ длину.

«Такъ мы неслись нѣсколько часовъ, и пролетѣли многія тысячи футовъ, когда развернулось не подъ, а передъ нами, новое, гораздо величественнѣйшее зрѣлище. Со всѣхъ сторонъ на горизонтѣ поднимались другъ за другомъ грозныя облака, и какъ здѣсь не то, что на землѣ, какъ они видны были не снизу, а съ боку и во всю вышину, то они гораздо меньше походили на облака, чѣмъ на огромныя фантастическія хребты снѣжныхъ горъ, которыя, казалось, хотѣли на насъ обрушиться.

«Тѣсня другъ друга, эти мрачныя исполины надвигали на насъ со всѣхъ сторонъ. Мы все-еще поднимались, и были уже высоко надъ ними, когда они сомкнулись, и, волнуясь какъ бурей всколыханное море, скоро закрыли отъ насъ землю. Только иногда проглядывала кое-гдѣ бездна, ярко освѣщенная солнцемъ, будто жерло огнедышащей горы, и опять задвигалась другими массами, которыя, въ вѣчномъ броженіи, то сіяли близкою, то чернѣлись какъ ночь,

громоздясь высоко другъ на друга, или образуя безконечныя разсыяныя и пропасти.

«Никогда не видывалъ я на горахъ ничего подобнаго. Тамъ ужъ объемъ самой горы для васъ помѣла, и если вы хотите что-нибудь видѣть, то должны стать въ отдаленіи или съ одной стороны; здѣсь же изъ всей величественной картины неба ничто не ускользаетъ отъ взора.

«Странно еще до чрезвычайности чувство совершеннаго уединенія въ этихъ, какъ-бы отрѣшенныхъ отъ всего земнаго, предѣлахъ. Почти можно воображать себя душою, летящею въ безвѣстный край. Природа здѣсь вовсе беззвучна, даже не замѣтно вѣтра, потому что повинуешься ему безъ упорства, и летишь по волѣ самаго легкаго дуновенія. Только около самой себя кружилась иногда наша колыбелька вмѣстѣ съ огромнымъ шаромъ, зыблясь какъ птица въ голубомъ, безпредѣльномъ эфирѣ.

«Въ восхищеніи вскочилъ я на ноги, чтобъ еще лучше посмотреть внизъ. Тутъ Г. Рейхардъ замѣтилъ мнѣ младнокровно, чтобъ я этого не дѣлалъ, потому что, въ торопяхъ, дно у гондолы только приклеили, и что оно легко можетъ отстать, если станемъ прыгать по немъ неосторожно.

«Можно себѣ представить, что послѣ этого я ужъ сидѣлъ какъ пельзя смирнѣе. Видно, при наполненіи шара и при укладкѣ балласта тоже поторопились, потому что мы ужъ начали падать, и должны были нѣсколько разъ выкидывать оскудѣвающую балластъ, чтобъ опять подняться.

«На обратномъ пути на планету, нами оставленную, почти непримѣтно погрузились мы въ облачное море, обвинившее насъ со всѣхъ сторонъ частой пеленою, сквозь которую солнце светило какъ мѣсяцъ — какое-то чудное Осіановское освѣщеніе, длившееся довольно долго. Наконецъ облака раздѣлились и блуждали одиноко по разяснившемуся лазуревому небу. Точно какъ для того, чтобъ наше счастливое путешествіе ознаменовалось даже и самыми рѣдкими случаями, вдругъ замѣтили мы съ удивленіемъ на поверхности одной изъ величайшихъ облачныхъ горъ вѣрное, какъ въ зеркалѣ, изображеніе себя самихъ и съ шаромъ, но въ самыхъ исполинскихъ размѣрахъ и въ пестрыхъ радужныхъ цвѣтахъ. Съ полчаса летѣлъ призракъ съ нами

рядомъ, и каждая нить окружающаго насъ сѣти казалась въ немъ корабельнымъ канатомъ, а мы — какъ два пензатри-
мые великана на облачной колесницѣ.

«Къ вечеру, въ вышинѣ стало опять пасмурно. Балласть у насъ весь истратился, и мы падали съ опасною быстротою, что Г. Рейхардъ замѣтилъ по барометру, потому что намъ самимъ это вовсе было нечувствительно.

«Густой туманъ объялъ насъ на дорогѣ, и когда мы, черезъ нѣсколько минутъ, сквозь него пролетѣли, вдругъ явилась подъ нами земля въ самомъ яркомъ солнечномъ сіяніи, и Потсдамскія башни, которыя мы ужъ ясно могли видѣть, привѣтствовали насъ своимъ звучнымъ колокольнымъ боемъ.

«Однако жъ положеніе наше вовсе не соответствовало этому торжественному приему. Уже мы оба, для облегченія себя, выбросили свои шинели, потомъ жаренаго фазана и двѣ бутылки Шампанскаго, которыя было приготовили къ ужину, и смѣялись отъ души, воображая удивленіе добрыхъ людей при видѣ этихъ метеоровъ, если кому-нибудь изъ спящихъ въ полѣ жареный фазанъ попадетъ прямо въ ротъ или вино бухнетъ въ желудокъ, а можетъ и въ голову, — только ужъ не пьнящейся рюмочкой, а страшной громовой стрѣлою.

«Мы и сами падали словно фазанъ съ бутылками, не вида подъ собою ничего, кромѣ воды рукавовъ и озеръ Гавеля, съ рѣдкими клячьами лѣса, къ которому мы всѣми силами старались править. Лѣсъ казался мнѣ съ высоты низкой чащцею, и къ ней-то приближались мы съ величайшею быстротою. Скоро мы повисли въ вѣтвяхъ одного изъ этихъ кустовъ. Я ужъ хотѣлъ-было выскочить, но Г. Рейхардъ вскрикнулъ: «Бога ради, не трогайтесь! Мы вѣдь на огромной ели!» До такой степени утратилъ я въ короткое время глазомѣръ, что прошло нѣсколько секундъ, пока я могъ убѣдиться, что онъ говоритъ правду.

«Между-тѣмъ, мы преспокойно висѣли въ вѣтвяхъ раскидистаго дерева, только отнюдь не могли придумать, какъ намъ оттуда слѣзть. Долго звали мы къ себѣ на помощь безъ всякой пользы; наконецъ въ сумерки ближнюю дорожку подъѣхалъ верхомъ офицеръ. Сперва почелъ онъ зовъ нашъ за какую-нибудь насмѣшку, и не пожалѣлъ въ отвѣтъ

намъ лучшихъ Нѣмецкихъ ругательствъ. Наконецъ онъ насъ увидѣлъ, остановилъ лошадь съ величайшимъ изумленіемъ, подѣхалъ ближе, и все еще какъ-будто не вѣрилъ глазамъ своимъ, не понимая, какъ это мудреное гнѣздо нашло на старую ель. Намъ пришлось произнести съ своей высокой каедрой довольно длинную рѣчь, чтобъ убедить его воротиться въ городъ за людьми, лѣстницей и извозникомъ. Тутъ ужъ все пошло на лады, но въ Потсдамъ вѣхали мы поздней ночью, таща съ собою въ каретѣ слегка поврежденный шаръ и неизмѣнную лодку. Въ гостиницѣ, которая была не изъ лучшихъ, имѣли мы достаточную причину почтить горестнымъ воспоминаніемъ утрату нашего путевого ужина, потому что единственною приправою здѣшняго былъ для насъ голодь.

«Черезъ недѣлю одинъ крестьянинъ принесъ мою шинель, которая и теперь цѣла, а лѣтъ черезъ пятнадцать, когда я разъ повздорилъ съ однимъ Прусскимъ почтмейстеромъ, за то, что мнѣ долго не давали лошадей, онъ вдругъ взглянулъ на меня какъ-нельзя дружелюбнѣе, и вскричалъ: «Боже мой! да вы тотъ самый, котораго я спасъ изъ воздушнаго шара: теперь узнаю васъ и по лицу, и по голосу. Тогда вы еще долѣе ждали лошадей!» прибавилъ онъ, усмѣхался: «такъ теперь будьте покойны.» Что дѣлаетъ такое напоминаніе! Этотъ человекъ, служившій и въ послѣднюю отечественную войну вмѣстѣ со мною, по-казался мнѣ послѣ этого открытія распрелюбезнымъ, и, слово за словомъ, договорились мы до того, что лошади давно ужъ меня ожидали и нетерпѣливый рожокъ почталіона нѣсколько разъ принимался дѣлать мнѣ увѣщанія, пока, сжавъ руку прямодушному ветерану, я распрощался съ нимъ, вѣроятно въ послѣдній разъ.»

ГЕРМАНСКІЕ СТУДЕНТЫ. На улицахъ Нѣмецкаго города, гдѣ есть университетъ, вамъ странно бросятся въ глаза многочисленныя группы молодыхъ людей, полу-ремесленнической, полу-франтовской наружности. Въ общемъ большинство замѣтно преобладаніе первой: ихъ хотъ сей-часъ въ ученики къ какому-нибудь мастеру, если бъ отпечатокъ лѣтнихъ и испокорности не лежалъ на всѣхъ и на каждомъ. У

иныхъ однако жъ видна благородная кровь, и по лицу, и по обхожденію, особенно по платью, начиная съ бархатной куртки на шелковомъ подбѣ, до щеголеватого бальнаго фрака, тогда какъ другіе ходятъ въ самое грубое и неуклюжее одѣяніе.

Впрочемъ, ничего нѣтъ безвкуснѣе и гаже ихъ нарядъ, какъ ни стараются его прикрасить. Часто мѣдныя шпюры торчатъ на изорванныхъ, грязныхъ сапожишкахъ; около ногъ мотаются толстыя, неподтянутыя панталоны; сверху яркій, казистый жилетъ, и наконецъ куртка, хоть и подбитая шелковою тканью, хоть и обшита бахрамою и кисточками, а еще убѣдительнѣе доказывающая варварство вкуса надеждъ «юной Германіи»: это выраженіе въ большой модѣ между ними. Маленькія разноцвѣтныя шапочки яскрасивы и пасквильны; а вѣчная, неизбежная трубка въ два аршина, которая или дымится во рту или виситъ изъ кармана, напоминаетъ Порсонова чорта, —

Whose coat was black, and whose breeches were blue,
With a hole behind for his tail to come through —

На немъ черныи кафтанъ, голубые штаны,
Съ дырой назадъ для хвоста, —

и заставляетъ думать, даже иногда несправедливо, что туманная пошлость дымовой трубы и копченый на манеръ окорока умъ должны быть отличительными чертами ученаго мужа многотабачной Германіи. Большая часть этихъ господъ съ усами, многіе отпускаютъ бородку, а у иныхъ все лице въ волосахъ: все они безъ галстуховъ, и носятъ откидные воротнички à-la-Vandyk.

Изъ двухъ или трехъ, которые вамъ попадутся, вѣрно хоть у одного на лицѣ рубецъ, если не два и болѣе. Тутъ вы имѣете случай наблюдать царапины во всѣхъ ихъ фазатахъ: одна самая свѣжая, горячій слѣдъ; другая только начинаетъ подживать, а эта ужъ почти совсѣмъ затянута. Словно побѣдносная Веллингтонова армія на другой день послѣ Ватерлоскаго сраженія. Разъ я видѣлъ у одного изъ нихъ кончикъ носа тщательно завернутый и подвязанный веревочкой къ картузу. Вѣдь этого не придумать бы безъ Нѣмецкой философіи!

Объ паружности довольно.

Всѣ ихъ привычки довольно грубы и низки. Табачный дымъ и пиво ихъ атмосфера и океанъ. За маловажнѣйшими ссорами слѣдуетъ царапанье, величаемое именемъ дуэли, но лучше выражаемое особеннымъ прозвищемъ, Raukerei. Никогда эти глупыя драки не оканчиваются примиреніемъ; характеръ ихъ совершенно противоположенъ рыцарскому. Мужеству стыдно, а образованности тошно смотреть на нихъ.

Однако жъ, кто, путешествуя, обращаетъ вниманіе на нравы и обычаи, тому надо видѣть и Raukerei. По крайней мѣрѣ, я на это рѣшился. Въ Гейдельбергѣ былъ у меня одинъ знакомый студентъ, который, — вообразите вы себя! — не опивался пивомъ и не царапался съ товарищами. Поэтому мы и отправились съ нимъ въ питейный домъ, за четверть мили отъ города, гдѣ обыкновенно происходятъ эти сшибки. Вдругъ видимъ, вся команда бѣжитъ опрометью въ разныя стороны. Полиція провѣдала о дуэли, и преслѣдуетъ виновныхъ: только, кажется, не слишкомъ усердно, потому что не поймала никого, хотя за cadaго пленнаго обещано было по три гульдена. Можетъ-быть, студенты дали ей по три съ четвертью. Но какъ бы то ни было, а, поздравляя себя заранѣе съ удовольствіемъ присутствовать на студенческой дуэли, въ дуракахъ остался я одинъ.

За то въ другой разъ мнѣ лучше посчастливилось. Мы подоспѣли на мѣсто въ одно время съ поединщиками и съ докторомъ. Тутъ я увидѣлъ человѣка, съ длинной рапирою въ рукахъ, надъ точиломъ, которое вертѣлъ крошечный мальчикъ: другая рапира, ужъ опущенная, лежала подлѣ. Молодая женщина пронесла мимо насъ тазикъ съ водою и съ губкой, а за ней ковыляла старуха съ паркою толстыхъ полотенцевъ.

Все это такъ пахло поединкомъ и хирургіею, что трудно описать непріятное чувство, возбуждаемое хладнокровными приготовленіями этихъ господъ и госпожъ, которые, отъ мала до велика, смотрѣли на дѣло смерти съ такимъ же деревяннымъ равнодушіемъ, какъ столбы висѣлицы или гильотины.

Но поединщики облачили въ какія-то шутовскія подобія брони, шлемовъ и наручниковъ. Такъ, читатель мо-

жетъ быть увѣренъ, что имъ бояться нечего, только бы не досталось по носу. Но и носъ въ молодыхъ лѣта великое дѣло. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю: будь мой носъ длиннѣе этой статьи, а все жаль, какъ отрезать кусочекъ.

Въ этихъ благочестивыхъ размышленіяхъ, я и забылъ, что пѣтухи мои дерутся не на смерть, и глядѣлъ на нихъ съ такимъ усерднымъ вниманіемъ, что сказать нельзя. Они дрались, — дрались въ шлемахъ и панцыряхъ. Такъ дрался Донъ-Кихоть съ вѣтряными мельницами. Черезъ пять минутъ, секунданы велики имъ отдохнуть, а тамъ опять пошла потѣха. Такимъ образомъ пять разъ переставали они пугать другъ друга рапирами, и снова принимались за работу. Ужъ я, грѣшный человекъ, готовъ былъ не пожалѣть Нѣмецкой крови, чтобъ только это кончилось: неизвѣстность, какъ знаменитый соусъ въ *Almanach des gougmands*, застаивать «съѣсть отца роднаго». Ждать, право, не стало мочи. Къ счастью, у одного изъ поединщиковъ показалась кровь: тотчасъ рапиры къ чорту, шлемы долой; маленькій докторъ въ небесноглубомъ фракѣ и въ панковыхъ штанишкахъ прыгнулъ съ лавки, на которой дремалъ онъ ужъ съ полчаса; откуда ни взялась старуха съ тазикомъ и съ губкой; мальчишки пустились подбирать оружіе, зрители стали расходиться; побѣдитель выступалъ гордо, какъ Полифемъ, а побѣжденный, опираясь на руку одного пріятеля, упомъ такимъ червякомъ, что усилилъ на сто процентовъ мое къ нему нерасположеніе.

Такъ кспичилась Paukegei; — жалкая вещь, выкидышь не-благородной, неблаговоспитанной храбрости, зачатый въ пивоварнѣ, рожденный въ грязномъ кофейномъ домѣ, не окрещенный ни однимъ высокимъ чувствомъ, не отличающийся ни одной чертою великодушія или гордости. Въ рыцарскихъ поединкахъ видно было варварское мужество, а въ этихъ сцѣпкахъ молодыхъ людей, образующихъ свой умъ въ святилищахъ Философін, ничего нѣтъ кромѣ низости.

Я не говорю, чтобъ въ Германскихъ юношахъ не было истиннаго мужества: напротивъ, сожалею, что Природа часто, и конечно по ошибкѣ, отпускаетъ имъ эту добродѣтель до окончанія курса. По-несчастію, ихъ поединки не всегда оканчиваются такъ благополучно.

Въ одну темную Январскую ночь сидѣлъ я за своимъ письменнымъ столикомъ: вдругъ порывы вѣтра, бушевавшаго въ Некарской долинь, принесли мнѣ тоны печальной мелодіи. По главной Гейдельбергской улицѣ тянулись похороны. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ надъ снѣжными крышками домовъ какое-то угрюмое зарево, которое бросало на нихъ красный отблескъ. Волнистое облако густаго дыма означало черту шествія, и скоро предводители его показали на поворотъ узкой улицы.

Ихъ было шестеро въ черныхъ мантияхъ; за ними шли рога и другіе инструменты, которыхъ упылые звуки дико ревели въ воздухъ. Тутъ показался молодой человекъ почти исполинскаго роста, и весь въ черномъ; на немъ были ботфорты со шпорами, огромная треугольная шляпа съ бѣлыми перьями, цвѣтная перевязь черезъ плечо, бѣлыя кавалерійскія перчатки по-локоть, а въ рукъ несъ онъ рапиру на-голо. Онъ управлялъ порядкомъ всего шествія, и движеніямъ его повиновались длинныя ряды провожатыхъ, тянувшіеся черезъ всю улицу.

Шедшіе по бокамъ, несли факелы, и размахивая ими или наклоняя ихъ въ снѣгъ, производили какое-то чудное, торжественное смѣшеніе дыма съ огнемъ, мглы съ сіяніемъ. Все молчало; ни единого звука не слышно было на улицахъ, кромѣ жалобной ноты погребальнаго марша, медленнаго топота нѣсколькихъ сотъ ногъ, и гула церковнаго колокола, когда шествіе приблизилось къ кладбищу.

Вдругъ раздалось громкое пѣніе. Густая гармонія сотни мужскихъ голосовъ возгласила геуіет, и совершенно открыла инструменты. Она была неизяснимо печальна и торжественна. Ни одинъ женскій звукъ не озарялъ ея мрачной глубины. Никогда скорбь не находила себѣ вѣрнѣйшаго выраженія.

Такъ погребали студенты товарища, убитаго на поединкѣ. На другой день Ш^{***}, которому разбили опи лице грязью за какое-то неуваженіе къ ихъ сословію, длинно доказывалъ мнѣ необходимость предоставить имъ полную свободу поведенія, чтобъ возвышенныя чувства и свѣтъ Наукъ могли раскрываться въ нихъ въ полной силѣ. И не одинъ Г. Ш^{***} этого мнѣнія: Германскіе профессо-

ры, сами вышедшіе всѣ изъ тѣхъ же студенческихъ ордъ, обыкновенно защищаютъ эти дикіе нравы, какъ святыню своего поколѣнія.

КНИГОДѢЛІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ. Съ 1814 по 1833 годъ вышло въ Германіи 90,126 книгъ! И изъ нихъ только десятая доля переводовъ и переизданій. Если считать по сочинителю на каждыя три книги, то выйдетъ, что въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ образовалась армія авторовъ въ 30000 человекъ. Тридцать тысячъ писателей! Замѣтьте еще, что писатели плодятся тамъ годъ отъ году: въ 1814 году вышло 2525 книгъ, а въ 1832 уже 6275! Такое размноженіе тѣмъ удивительнѣе, что рукописи покупаются книгопродавцами за безцѣнокъ. Издатель литературнаго журнала платитъ сотрудникамъ по 20, 30, 40 рублей съ листа; лучшіе писатели получаютъ рублей двѣсти, ужъ никакъ не болѣе. А переводчики — бѣдные переводчики! — ихъ участь право достойна сожалѣнія: представьте, они берутъ по 7, по 10, много что по 20 рублей за листъ. При всемъ томъ, благодаря изобрѣтательности человеческой, многіе изъ этихъ господъ живутъ, даже дѣлаютъ себѣ состояніе своими трудами. Въ Германіи есть фабрики для переводовъ, такъ сказать, *переводни*, гдѣ хозяйнѣ раздѣляетъ работу между двадцатью работниками, просматриваетъ ее, поправляетъ и пускаетъ въ ходъ. Не нужно говорить, что работникамъ платить онъ по Ганнемановой системѣ, — я вотъ новое доказательство ея дѣйствительности: къ концу года хозяйнѣ переводни почти всегда съ чистымъ барышкомъ. А работники? ну, они со временемъ будутъ дѣлать то же!

Кромѣ дешевизны, тутъ еще та выгода, что переводы дѣлаются съ неимоверною быстротою. Одинъ Лейпцигскій книгопродавецъ только-что получилъ Le Esorcheurs d' Арленкура, два тома въ осьмушку. Онъ преспокойно приноситъ ихъ къ знакомому переводному фабриканту, и говоритъ: «Нынче у насъ Вторникъ: нельзя ли, почтеннѣйшій, въ Четвертокъ къ вечеру?» — И въ Четвертокъ къ вечеру книга была переведена.

Лейпцигъ — средоточіе книжной торговли и промышленности. Въ одномъ этомъ городѣ издано въ теченіе прош-

лаго года 886 книгъ, въ Берлинѣ 553, въ Вѣнѣ 207, въ Штутгартѣ 292, въ Мюнхенѣ 141, во Франкфуртѣ 144, въ Дрезденѣ 100, въ Гамбургѣ 118. Стало-быть въ Лейпцигѣ, гдѣ не больше сорока тысячъ жителей, издается вчетверо противъ Вѣны, гдѣ ихъ триста пятьдесятъ тысячъ, и въ семь разъ противъ Мюнхена, гдѣ шестьдесятъ тысячъ душъ.

Въ 1833 году, маленькое Саксонское Королевство, съ полуторымъ миллиономъ жителей, произвело..... 1110 книгъ.

Австрія собственно, съ 10 миллионами жителей.....	290
Пруссія.....	1758
Баварія.....	778
Виртембергъ.....	415
Городъ Франкфуртъ.....	144
Бадень.....	190

Каждые полгода выходитъ въ Лейпцигѣ каталогъ новыхъ книгъ, изумляющій самыхъ отважныхъ библиофиловъ. Истекшее полугодіе (1834 года) заключаетъ въ себя напрямъръ болѣе 3000 нумеровъ! Не знаю, какъ у нихъ, а по нашему, — въ полгода не прочтешь однихъ заглавій.

ТОРВАЛЬДСЕНЪ. Этотъ знаменитый скульпторъ, первый нынѣ во всемъ мірѣ, живетъ въ Римѣ. Видъ его въ южномъ краю какъ-то поразителенъ и страненъ. Его высокій ростъ и тяжелая поступь среди народа живаго и легкаго, его крѣпкіе члены, его осанка и тѣлодвиженія, почти грубыя, все обличаетъ въ немъ сѣвернаго человека. Онъ родился въ Копенгагенѣ; отецъ его Исландецъ. Двадцатисемилѣтнее пребываніе въ Италіи отнюдь не измѣнило его первобытной, величественной природы. Лобъ у него широкъ, возвышенъ, изображенъ слѣдами великихъ и смѣлыхъ мыслей; глаза, хотя небольшіе и, какъ у Гунновъ и Готтовъ, дикаго голубаго цвѣта, однако жъ блестятъ воображеніемъ; а чрезвычайная кротость его нрава, его чисто Нѣмецкая доброта и простодушіе изображаются въ искренней, непринужденной улыбкѣ. Въ общеніи Торвальдсенъ кротокъ и прямъ. Естественная откровенность и радушіе, которыми отличается онъ отъ своихъ согражданъ, придаетъ еще болѣе цѣны его ласкамъ, и съ нимъ нельзя

разстаться, не унося въ сердцѣ убѣжденія, что характеръ чловѣка озаряетъ новымъ блескомъ превосходный умъ художника. Торвальдсенъ сразу выражаетъ всю мысль свою, и работаетъ только изъ глины. Геній его скоро соскучивается; медленные и тягостные успѣхи рѣзца для него утомительны и несносны: онъ никогда не прилагаетъ мелочныхъ стараній объ отдѣлкѣ, которыя одни ведутъ къ совершенству. Въ его статуяхъ вообще недостаетъ послѣдней руки; есть что-то терпкое и грубое въ исполненіи, и вотъ чѣмъ съ перваго взгляда отличаетъ онъ отъ Кановиныхъ; по эту погрѣшность, если можно такъ назвать ее, выкупаетъ онъ превосходствомъ сочиненія. Геній Торвальдсена существенно творческій, и хотя не образовалъ школы, однако жъ тѣмъ не менѣе онъ поэтъ, и, послѣ Микель-Анджело, самый оригинальный изъ новѣйшихъ ваятелей. Нѣтъ ничего простѣе, можно сказать даже скареднѣе, внутренности Торвальдсенова жилища: мебели нѣтъ вовсе; нѣсколько изорванныхъ ковровъ; сквозь нихъ вездѣ проглядываетъ полъ, который они будто покрываютъ; постель такая, что ея не достало бъ и мальчику; гардеробъ какъ у поэта, и наконецъ комнаты, которыя всѣ превращены въ рабочія. Нѣсколько барельефовъ, Этрусскія вазы и немного картинъ, писанныхъ съверными художниками, — вотъ единственныя украшенія его залы.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Le secret de famille*, Семейная тайна, Водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ, Гг. Ансело и Камберусса. Семейная тайна — твореніе съ большими претензіями, ужасно длинное, въ четырехъ дѣйствіяхъ, вытягивающееся и съ пѣніемъ поднимающееся на ходули, чтобы какъ-нибудь походить на Комедію нравовъ. Это самая страпная, самая несносная Комедія, какую вы когда-либо видали. Она продолженіе Мазеровой Комедіи «Мать и дочь.» Вы помните, что тамъ оскорбленный мужъ, Г. Дюлитель, разрываетъ предположенный бракъ между его дочерью и любовникомъ его жены. Видя это, Г. Ансело задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: но если бы въ самомъ дѣлѣ любовникъ матери сдѣлался мужемъ дочери, что бы изъ этого вышло? Сказано, сдѣлано; и, не вдаваясь въ даль-

нiя разсужденiя, онъ принялся за работу. Изъ этого вышла «Семейная тайна», совсѣмъ не нужное продолженiе и дополненiе Комедiи Г. Мазера и Анпи.

Г. Ансело занялъ у Г. Мазера не только сюжетъ его Комедiи, но и его мызника, который считаетъ жену свою преступною, и потомъ просить у нея прощенiя. Мазеровъ мызникъ составляетъ прекрасную противоположность съ несчастнымъ мужемъ, Г-мъ Дюлителемъ, и даетъ ему превосходный урокъ въ умѣренности и благоразумiи. На мѣсто Мазерова мызника, Г. Ансело придумалъ слугу Бриоле. Этотъ Бриоле сначала влюбленъ въ дочь Г-жи Катерины, а потомъ, одумавшись, влюбляется въ самую Г-жу Катерину. — *Съ вами я буду счастливѣе чѣмъ съ вашею дочерью*, говоритъ онъ, и въ цѣлыхъ трехъ дѣйствiяхъ развиваетъ совершенно новое ученiе свое о бракѣ. Слѣдуя суровому ученiю Г-на Ансело, надобно было бы оставить въ сторонѣ дочерей, и жениться на матеряхъ.

Но къ чему воевать далѣе противъ Комедiи, которая въ самой себѣ носитъ свое противоядiе? Это противоядiе — скука. Мы бы вовсе не говорили о «Семейной Тайнѣ», если бъ она не была произведенiемъ Г. Анжело, который однако жъ не безъ дарованiя, и если бъ Парижскiе драматурги произвели что-нибудь лучше въ истекшемъ мѣсяцѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Съ тѣхъ поръ, какъ *Revue de Paris* перешла въ руки молодыхъ людей, которые, въ ожиданiи республики, занимаются дурною политикою и неприличнымъ, нелитературнымъ болтовствомъ, нѣтъ почти возможности узнать о настоящемъ положенiи Словесности въ Парижѣ. *Revue de Paris* теперь исповѣдуетъ одни и тѣ же мнѣнiя съ прежней своею соперницею, *Revue des deux mondes*, поклоняется тѣмъ же идоламъ, несетъ тотъ же вздоръ. Г. Септь-Бѣвъ сдѣлался для нея удивительнымъ писателемъ. «Романъ его, *Volupté*, говоритъ она, ожидаемый съ такимъ нетерпѣнiемъ, вышелъ во второй половинѣ Юля.» Слѣдственно, есть вкусы, которые съ нетерпѣнiемъ ожидаютъ сочиненiй Г. Септь-Бѣва! Теперь, какъ книга вышла, мы советуемъ имъ вооружиться наоборотъ терпѣнiемъ, чтобъ вѣрнѣе наслаждаться ею. Но у Г. Густава

Планша, который пишетъ Критика для *Revue des deux mondes*, кажется, совсѣмъ нѣтъ терпѣнія, потому что еще до выхода въ свѣтъ Романа, онъ уже напечаталъ предлинный его разборъ. За то у него много дружеской услужливости.

— И не только Г. Сентъ-Бѣвъ, даже Г. Альфредъ Мюссѣ пошелъ вверхъ при этомъ злополучномъ переворотѣ во Французскомъ литературномъ журнализмѣ. «Онъ скоро утѣшитъ насъ двумя прелестными томами *Драмъ и Комедій* въ прозѣ.»

— Баронъ Мортмаръ-Буассѣ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ *Le Touriste*, къ которому Г. Евгений Сю присовокупилъ свое предисловіе. Это воспоминанія любви, войны, молодости, путешествій, страсти къ Изящнымъ Искусствамъ, и проч. рассказанныя, говорятъ, пріятнымъ и хорошимъ слогомъ.

— *Le Siège de Toulon*, историческій Романъ Г. Масса, изображающій достопамятную кровавую эпоху 1795 года, очень нравится новымъ пріятелямъ аббата Деламене: въ немъ выведены на сцену молодой начальникъ артиллеріи, Бонапарте, и сумасбродныя чувства того времени, до сихъ поръ неоставляющія значительную часть Французскаго народа, несмотря на горькій урокъ Исторіи.

— Поль-де-Кока смастерилъ тоже новый Романъ — *La ruelle de Belleville*: надобно послушать, какъ Гюго-поклонники, восхищающіеся чистыми красотами Лукреціи Борджіи и Маріи Тюдоръ, какъ обожатели Антони, Анжелы и Романовъ Жоржъ-Занда возопили на безнравственность Поль-де-Кока! На бѣднаго Поль-де-Кока, который всегда былъ только неблагопріестоннъ, но никогда безнравственъ!

— Извѣстный молодой поэтъ, Ипполитъ Реналь, приговоренный при Карлѣ X къ десятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ за воровство, до котораго онъ былъ доведенъ нищетою, издалъ томъ стиховъ и прозы подъ названіемъ *Malheur et Poésie*. По обыкновенію «юной Словесности», въ стихахъ онъ воспѣваетъ тюрьму, въ прозѣ разорлетъ въ прахъ общество, которое смѣетъ карать людей съ дарованіемъ, если они неправильно прибираютъ себѣ чужую собственность, и не даютъ денегъ празднымъ гениямъ, позволяя дуракамъ исключительно пользоваться богатствомъ, наслѣдован-

нымъ отъ родителей или приобретеннымъ ихъ трудами. Въ этомъ-то и состоитъ главная вина общества въ отноше-
ніи къ «юной Словесности» и къ юнымъ обожателямъ Робеспьеровыхъ идей, и они рѣшились писать до тѣхъ поръ, пока не передѣлаютъ его на свой ладъ помощію дур-
ной прозы. Вопли несчастнаго Ренала простительны моло-
дому человѣку, униженному преступленіемъ въ собствен-
ныхъ глазахъ своихъ и въ глазахъ общества, и ищущему
извиненія въ софизмѣ: но что сказать о Г. Викторѣ Гюгѣ,
который, забывая высокое призваніе поэта, выступаетъ на
поприще съ такою статьею, какова Claude Gueux? Если бъ
насъ не удерживало уваженіе къ первоначальнымъ плодамъ
его, носящимъ безспорный отпечатокъ генія, мы сказали бы
безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, что Г. Викторъ Гюгѣ рѣ-
шительно помѣшался. Уже наглое и въ высочайшей степени
надменное предисловіе къ *Le Roi s'amuse* обнаружило свѣту
смѣшное его притязаніе повелѣвать обществомъ, которое
почитаетъ онъ за низшее себя и рожденное быть вассаломъ
его таланта; но въ новой статьѣ, напечатанной имъ въ *Re-
vue de Paris*, простеръ онъ эту несчастную причуду своего
самолюбія до послѣдней точки нелѣпости. Здѣсь говорить
уже не раздраженный поэтъ, мстящій за личную обиду, а
хладнокровный восточный деспотъ, которому пришло въ
голову, для своей потѣхи, издать приказаніе, чтобы всѣ
добропорядочные люди его государства поклонялись во-
рамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Нѣтъ сумасбродства, кото-
раго не сказалъ онъ при этомъ случаѣ. Вора и убійцу
онъ изображаетъ великимъ человѣкомъ, Сократомъ, героемъ
и мученикомъ истины; честнаго человѣка, исполняющаго
долгъ свой, существомъ презрѣннымъ и достойнымъ поги-
бели. Онъ обоготворяетъ мошенниковъ, удивляется ихъ
великодушному характеру, вѣрности въ дружбѣ, твердости,
безкорыстію; не находитъ достойной похвалы ихъ добро-
дѣтелямъ, не придумаетъ довольно презрительныхъ выра-
женій для тѣхъ, которые не имѣютъ чести быть ворами.
За Г. Викторомъ Гюгѣ всегда водился грѣхъ непослуша-
нія законамъ строгой логики, но онъ никогда еще не яв-
лялъ примѣра блестящѣйшаго ея отсутствія. Самое про-
стое и естественное заключеніе, которое должно-бы выве-

сти изъ этого, очевидно состоитъ въ томъ, что воровъ не слѣдуетъ сажать въ тюрьму, что одни они въ миръ мужи честные и добродѣтельные, истинные Римляне древнихъ вѣковъ, и что, желая вкушать сладости дружбы, всего лучше взять себѣ въ пріятели опытнаго вора. Не тутъ-то было! Г. Гюгò, извѣстными ему логическими путями, вывелъ изъ этого, что должно учиться грамотѣ.

Мы говоримъ здѣсь о статьѣ Г. Виктора Гюгò, перевозимой съ исполинскими похвалами въ разныхъ Парижскихъ журналахъ, единственно по поводу сочиненія Ренала, и чтобъ показать, чѣмъ занимается «юная Словесность». Мы знаемъ, что отзывъ нашъ покажется весьма непочтительнымъ нѣкоторой части нашихъ читателей, привыкшей жить и думать подѣ вліяніемъ Французской журналистики, и не видимъ другаго средства къ оправданію себя передъ нею, какъ высказать до конца наше мнѣніе о великомъ поэтѣ Г. Викторѣ Гюго давно уже пересталъ для насъ быть Викторомъ Гюго и гениемъ, — и именно съ того времени, какъ пустился сочинять дурныя и безкусныя книги. Въ Г. Викторѣ Гюго совершилось явленіе, замѣченное на огромномъ большинствѣ современныхъ писателей: у него было гевія только на одну книгу, то есть, на первую. Оды, которыми началъ онъ свое поприще, возбудили справедливое удивленіе Европы: съ тѣхъ поръ онъ живетъ на счетъ первой жатвы своей славы. Онъ принимался писать Романы и Драмы, и произвелъ только творенія, въ которыхъ виднѣтъ еще талаптъ, но уже не гевій; принимался философствовать, разсуждать объ Исторіи, и доказалъ только ограниченность своихъ свѣдѣній; хотѣлъ объяснить собою Шекспира, и объяснилъ то, что не понимаетъ ни его, ни себя, бросился наконецъ въ политику, и пишетъ статьи въ родѣ Claude Gueux. Упадокъ Г. Виктора Гюго начался съ того времени, какъ онъ выдумалъ себѣ странную школу и особое нарѣчіе, весьма удачно названное во Франціи — *dialecte Hugo*. Изліяніе всѣхъ умственныхъ силъ, всего вдохновенія на первый трудъ замѣтно у него не только въ лирической поэзіи, но и по другимъ частямъ: между его Драмами, лучшее, то есть, менѣе слабое произведеніе — Герпани; изъ числа вымысловъ въ повѣствовательномъ родѣ, самое обиль-

ное дарованіемъ — «Послѣдній день подсудимаго», то же одно изъ первыхъ по времени. Мы станемъ изыскивать причинъ этого явленія, и удовольствуемся простымъ его наблюденіемъ.

— И какъ мы говоримъ о статьяхъ, то должны также упомянуть и о новой Повѣсти Г. Бальзака, который всееще мучить женщину. Г. Бальзакъ, какъ извѣстно, философъ по женской части, и Повѣсть его называется «философическій опытъ». Если еще, и послѣ него, женщина будетъ для людей загадкою, то ужъ не виноватъ онъ въ этомъ, — онъ написалъ объ ней четырнадцать томовъ, и, чтобъ сдѣлать предметъ яснымъ для всѣхъ понятій, выворотилъ бѣдную свою идею четырнадцать тысячъ триста четырнадцать разъ. Полагали, что здѣсь уже и конецъ, какъ вдругъ знаменитый философъ лентъ, блондъ и шиньоновъ нашелъ средство показать новую, совсѣмъ неожиданную штуку съ своей идеей. Онъ взялъ женщину, — ту самую женщину, которую нѣкогда придумалъ, которую всѣ вы у него видели, однимъ словомъ, женщину по-Бальзакову, — и нарекъ ее *Серафита*; когда въ нее влюбились, эта женщина превращается въ мужчину, и изъ *Серафита* вышелъ *Серафитюсъ*, а изъ *Серафитюса* вышла *Серафита*, изъ которой снова явился *Серафитюсъ*, и такъ далѣе. Мы имѣли удовольствіе читать только первую часть этой славной Повѣсти, *Серафитюсъ-Серафита*; и, поздравляя автора съ изобрѣтеніемъ, смѣемъ сказать ему безъ лести, что Г. *Бальзакюсъ-Бальзакъ* достоинъ получить отъ своихъ современниковъ имя *Мадмуазель-Скюдериюсъ-Скюдера* XIX вѣка. Потомство непременно признастъ ему это имя, увидѣвъ такое разительное сходство манерности и ложнаго вкуса между нимъ и безсмертною его предшественницею. Вторая часть еще не вышла, и авторъ объявляетъ въ *Revue de Paris* причину замедленія: «онъ принужденъ предпринять разныя философскія изслѣдованія по избранному имъ предмету!»

— *Le Roman d'Arabelle*, о которомъ мы уже возвестили, сочиненіе Г. Сенъ-Феликса, по отнюдь не Романъ. Это драматическая поэма. Мы считаемъ нужнымъ предувѣдомить о томъ оптовыхъ покупателей всѣхъ Французскихъ Романовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Благодаря многочисленнымъ критическимъ журналамъ, которыми изобилуетъ эта Словесность, и пространнымъ ихъ выпискамъ изъ разбираемыхъ твореній, мы можемъ судить о новыхъ книгахъ того края гораздо большею достовѣрностью, и довольно смѣло рекомендовать изъ нихъ любителямъ Англійской Литературы слѣдующія:

— *A Selection of Irish Melodies*, Томаса Мура. Это дополненіе къ извѣстнымъ его Мелодіямъ, которыя лѣтъ тому пятнадцать читаны были съ такою жадностью въ цѣлой Европѣ. Знаменитый поэтъ ни сколько не потерялъ до сихъ поръ той прелести стиха и воображенія, которая дѣлала его столь примѣчательнымъ даже во время Байрона и подлѣ самого Байрона.

— Д'Израэли-Младшій издалъ книги II и III своего *The revolutionary Epick*: мы читали прекрасные отрывки изъ этой аллегорической Поэмы, которой важнѣйшее несчастье въ томъ, что она аллегорія. Никакой талантъ не въ состояніи совершенно искупить ложности рода.

— *Italy, with Sketches of Spain and Portugal*, Г. Бекфорда, сочиненіе, исполненное разнообразія, поэзіи и занимательности. Г. Бекфордъ авторъ извѣстнаго Романа, «Ватекъ». Новое его твореніе отнюдь не Путешествіе: это собраніе живописныхъ и умныхъ очерковъ Италіи, Испаніи и Португаліи. Другая книга почти въ томъ же родѣ, *Visits and Sketches at home and abroad*, въ которой заключаются статьи и Повѣсти Г-жи Джемсонъ, напечатанныя особо и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и ея *Diary of an Ennuyé*, обвѣщаетъ то же весьма пріятное чтеніе.

— *Memoirs of Ichtyosauri and Plesiosauri*, «Записки Иктиосауровъ и Плезіосауровъ, погибшихъ чудовищъ древней земли», своимъ заглавіемъ заставляютъ многихъ подумать, что это разсужденіе объ Естественной Исторіи: это напротивъ остроумная сатира, которая приводитъ въ восхищеніе критиковъ всѣхъ партій. «Ни одна извѣстная намъ книга, говоритъ Атеней, не можетъ сравниться съ нею въ разсужденіи оригинальности вымысла и рѣдкаго юмора: твореніе Г. Гакинса заслуживаетъ имя огромной шутки.» Оно украшено великолѣпными гравюрами.

— *Legends and Stories of Ireland*. Первая часть этого сочиненія давно уже известна любителямъ веселаго и оригинальнаго ума Г. Самуила Ловера, который такъ живо, такъ забавно изображаетъ хитрый и причудливый характеръ своихъ соотчичей, Ирландцевъ. Вторая часть снискиваетъ также большія похвалы въ журналахъ.

— Изъ новыхъ Романовъ, мы находимъ только одинъ, именно — *Dasce, Графини Морли*, который называютъ «преlestнымъ» и «чрезвычайно занимательнымъ», хотя очень простаго содержанія. Это Романъ въ модномъ Англійскомъ родѣ, противъ котораго лучшія «Обозрѣнія» жестоко встаютъ съ нѣкотораго времени. Романъ Купера, *The heads man*, получаетъ очень умѣренные похвалы.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

NOTIONS élémentaires de linguistique, ou Histoire abrégée de la parole et de l'écriture, par *Charles Nodier*. 1 vol.

LITTÉRATURE DES VOYAGES, par *J. J. Ampère*. 1 vol.

PHYSIOLOGIE et hygiène des hommes livrés aux travaux d'esprit, par *Reveillè-Perise*, docteur en médecine, membre de l'Académie. 2 vol.

TRAITÉ D'HYDRAULIQUE, a l'usage des ingénieurs, par *M. Daubuisson des Voisins*. 1 vol.

CATHÉRINE HOWARD, drame en cinq actes par *M. Alexandre Dumas*. 1 vol.

MALHEUR ET POÉSIE, par Hippolite Raynal. 1 vol.

LE TOURISTE, le baron de *Martemart-Boisse*. 1 vol.

MARIE DE MÉDICIS, histoire du règne de Louis XIII, d'après les manuscrits inédits du cardinal Richelieu et d'un bénédictin, (roman) par *Lottin de Laval*. 2 vol.

LE MARÉCHAL DE RAIZ, roman historique, par *H. Bonnelier*. 2 vol.

- LA SIEGE DE TOULON**, roman historique, par M. Masse. 2 vol.
LA TOUR DE LA BELLE ALLEMANDE, roman historique. par M. Joseph Bard. 2 vol.
VOLUPTÉ, roman, par M. de Saint-Beuve. 2 vol.
-

Англійскія.

- UNIVERSAL HISTORY**. By *Alexander Fraser Tytler*. 6 vol.
ANIMAL AND VEGETABLE PHYSIOLOGY, considered with reference to Natural Theology. Bridgwater Treatise. By *P. Mark Rogct*. 2 vols.
EUROPEAN COLONIES, viewed in their social, moral and physical condition. By *John Howison*. 1 vol.
TRAVELS INTO BOKKARA, being an Account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia, and of voyage on the Indus, By Lieut. *A. Bourns*. 3 vols.
TWO YEARS AT SEA, being a narrative of a voyage to the Swan-River and Van Diemen's Land. By Mrs Jane Roberts. 1 vol.
ITALY, will Sketches of Spain and Portugal, in a series of letters written during a residence in that country. By *William Bacford*. 2 vols.
VISITS AND SKETCHES at home and abroad; with Tales and miscellanies, now first collected, and et Diary of an et Eanuyé. Hy Mrs *Jameson*. 3 vols.
-

- THE REVOLUTIONARY EPICK**. The work of *D'Israeli the younger*. Book II and III.
A SELECTION of Irish melodies. Words by *Thomas Moore*, Symphonies *H. R. Bishop*. No 10. to conclude the work.
PHILIP VAN ARTEVELDE, a dramatic romance. By *Henry Taylor*. 1 vol.
LIFE OF Mrs SIDDONS. By *Thomas Campbell*. 2 vols.
MEMOIRS of *Ichtiosauri* and *Plesiosauri*, extinct monsters of ancient carth. With 28 plates. By *Thomas Hawkins Folio*.
LEGENDS AND STORIES of Ireland. Second series. By *S. Lover*. 1 vol.
DACRE, a novel. Edited by Countess of Morley. 3 vols.
THE DIS INHERITED, and *The Eusnared*. By the authoress of *Flirtation*. 3 vols.
-

М О Д Ы.

Парижъ. Июль.

Мы не знаемъ, какъ и извиниться передъ нашими прекрасными и любопытными читательницами въ томъ, что почти нечего сказать о Парижскихъ модахъ. Весь Июль мѣсяцъ въ Парижѣ было такъ жарко, что дамы ходили въ пеньюарахъ, лежали на диванахъ, и не думали о нарядахъ. Модные журналы, которые повторяютъ все одинъ и тотъ же фасонъ платьевъ и шляпокъ съ самыми незначительными перемѣнами въ бантахъ или рюшахъ, и которые съ незапамятныхъ временъ никогда еще не были такъ пусты какъ теперь, не зная, что говорить о дневномъ нарядѣ, стали описывать, какъ Парижскія щеголихи лежатъ себѣ въ пеньюарахъ, и какъ онѣ одѣваются ночью, когда ложатся въ постель. Мы не смѣемъ пересказывать этого изъ опасенія ошибиться.

— Тѣ, которыя еще показывались свѣту несмотря на ужасный жаръ, носили только самыя легкія и прозрачныя ткани, кисей, органди, и проч. Богатыя матеріи и пестрые рисунки совсѣмъ исчезли. Между-тѣмъ замѣчательно, что платья со дня на день становятся длиннѣе: въ половинѣ Іюля юбки уже касались пола. Рукава *à la folle*, или, какъ прежде называли, *à l'imbecile*, вошли въ общее употребленіе: потомство не повѣритъ, что въ 1834 году премилыя существа вмѣсто рукавовъ носили страшныя юбки, — это однако жъ справедливо! Ширина нынѣшнихъ рукавовъ доходитъ до фанатизма. Платья предлинныя и огромныя рукава! Всѣ дамы въ отчаяніи отъ этой безобразной и неудобной моды, и, несмотря на то, всѣ ей слѣдуютъ. Для случаевъ, требующихъ *богатаго* наряда, *une toilette riche*, на платья употребляется бѣлый гроденапль, разрисованный или сшитый разноцвѣтнымъ шелкомъ.

— Пеньюары изъ Шотландскаго батиста съ узенькою выпивкою повыше складки (*ourlet*). и вокругъ пелеринокъ. Съ этими пеньюарами носятъ завязанный поясъ, изъ батиста, вышитаго по обѣимъ сторонамъ.

— Подъ гарнировкой нѣкоторыхъ чепчиковъ кладутъ узенькій рюшъ изъ ленты блѣднорозоваго цвѣта, который поддерживаетъ оборку и придаетъ ей красивый оттѣнокъ.

— Дѣлаютъ также небольшіе чепчики безъ верха; гарнировка пришивается къ лентѣ, обвивающейся вокругъ головы, а другая лента, лежащая выше, спускается и образуетъ завязки.

— Самые модные платки изъ весьма тонкаго батиста, безъ вышивокъ (за исключеніемъ только вензеля), обшитыя двойнымъ рядомъ собраннаго кружева по обѣимъ сторонамъ складки, *ourlet*.

— Маленькіе карманы на платьяхъ все еще въ модѣ.

— Полуперчатки носятся изъ Шотландскихъ нитокъ, тонкія какъ кружево.

— Пелеринокъ изъ свѣтлаго органди съ широкою складкою, *ourlet* и подбитыхъ цвѣтною тафтою, очень много. Цвѣтъ подкладки долженъ соответствовать главному цвѣту платья. Край складки часто бываетъ обшитъ кружевомъ, узенькимъ и весьма тонкимъ. Эти пелеринки чрезвычайно тонки и красивы. Но на пелеринкахъ болѣе нарядныхъ такое множество вышивокъ *ажуръ*, что почти не видно тѣни: за одно шитье платать 150 франковъ.

— Мантильи, *mantelet*, изъ вышитой кисеи или органди, еще не отвергнуты хорошимъ вкусомъ, хотя ихъ начали употреблять въ прошломъ году. Есть мантильи, которыя годятся со всякимъ нарядомъ: напримѣръ, изъ органди, окруженныя только складкою въ палецъ шириною и обшитыя узенькимъ кружевомъ. Что касается до тѣхъ, которыя дѣлаются изъ вышитой кисеи, то онѣ могутъ достигать всѣхъ степеней изящности, смотря по работѣ и кружеву, ихъ украшающему. Покрой тотъ же какъ и прежде: длинныя концы, спереди, очень узкіе у кушака, чтобы не портить талии. Сзади онѣ бываютъ круглыя, а иногда съ угломъ, скрывающимся подъ кушакомъ, на плечахъ спускаются очень низко.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Разысканіе о древности компаса.* Г. Клапротъ представилъ изданныя имъ изысканія объ изобрѣтеніи компаса. Эти изысканія, плодъ необыкновенной учености и знанія почти всѣхъ Азіятскихъ языковъ, предприняты по просьбѣ Г. Гумбольдта, который спрашивалъ автора о времени, когда Китайцы стали знать полярность магнита и употреблять компасъ. Мы можемъ сообщить только главные результаты, изложенные въ этомъ твореніи, которое любители Исторіи и Наукъ, безъ-сомнѣнія, поспѣшатъ прочесть.

Древніе не знали противоположныхъ свойствъ двухъ полюсовъ магнита; только въ сочиненіяхъ Марцелла Эмпірика, жившаго въ царствованіе Θεодосія, есть нѣсколько неясныхъ намѣковъ на то, что магнитъ одною стороною притягиваетъ, а другою отталкиваетъ намагниченное желѣзо. Названіе магнита, на всѣхъ почти языкахъ, имѣетъ некоторое отношеніе къ дѣйствию его на желѣзо: по Китайски онъ называется *Джу-ши*, что значитъ «камень любящій» и также *Съ-ти-ши*, то есть, камень, соединяющійся съ желѣзомъ.

Древнѣйшее изъ извѣстныхъ названій компаса въ Европѣ есть, какъ кажется, *amalgème*, которое встрѣчается въ стихотворной Сатирѣ Гюю-де-Провена подъ заглавіемъ «Библия», написанной въ 1190 году. Нѣкоторые Ученые, ошибочно читали это слово — *maginette*. Г. Клапротъ не думаетъ, чтобы нынѣшнее Французское названіе компаса, *la boussole*, заимствовано было отъ Италіянцевъ или отъ Англичанъ, и производитъ его изъ языка Арабскаго, отъ слова *мусалла*, значащаго, по его увѣренію, «дротикъ»; но Г. Клапротъ лучше бы сдѣлалъ, если бы никогда не говорилъ объ Арабскомъ языкѣ. Въ Китаѣ общее названіе компаса *Чи-нань*, что значитъ «указатель юга».

Первыя свѣдѣнія объ употребленіи компаса въ Европѣ не восходятъ далѣе конца двѣнадцатаго вѣка. Самое древнее положительное извѣстіе объ этомъ предметѣ находится, какъ мы уже говорили, въ Сатирѣ Гюю-де-Провена; впрочемъ, онъ говоритъ о компасѣ, какъ объ изобрѣтеніи уже очень извѣстномъ. Изъ разбора разныхъ свидѣтельствъ, по-

чти современныхъ, авторъ заключаетъ, что познаніе компаса приобрѣтено Европейцами отъ Арабовъ во время Крестовыхъ Походовъ. Оно, конечно, сообщено имъ было мореплавателями Индійскаго Океана, которые сами получили его отъ Китайцевъ. Васко-де-Гама, проникнувъ въ первый разъ въ восточныя моря, нашелъ тамъ лопмановъ, которые весьма искусно пользовались намагниченною стрѣлкою.

Въ Китаѣ, самое раннее свѣдѣніе о способѣ намагниченія желѣза, содержитсяъ въ словарѣ *Шуэ-вынь*, который относится къ 121 году по Р. Х.; въ царствованіе династіи Дзинь, заключающей въ себѣ годы 265 — 419, известно было свойство намагниченной стрѣлки направляться отъ юга къ северу, и тогда строили колесницы, показывающія югъ. Но самое древнее описаніе компаса, собственно такъ называемаго, принадлежитъ къ годамъ 1111 — 1117 по Р. Х. Этотъ компасъ состоялъ изъ стрѣлки, поддерживаемой на водѣ какимъ нибудь легкимъ тѣломъ; онъ совершенно походилъ на тотъ, который Баллакъ видѣлъ въ 1242 году въ рукахъ одного Сирійскаго лопмана, и который Брунетто-Делла Порта нашелъ у монаха Бакона на путешествіи своемъ въ Англію въ 1260 году. Такимъ образомъ компасъ былъ въ употребленіи въ Китаѣ за 80 лѣтъ до изданія Сатиры Гюю-де-Провена.

Уклоненіе магнитной стрѣлки, приписываемое въ Европѣ Христофору Колумбу, известно было въ Китаѣ въ то же время, какъ и компасъ. Во «Врачебной Естественной Исторіи» известнаго Кеу-Дзунъ-Ши находится замѣчаніе о томъ, что магнитная стрѣлка уклоняется нѣсколько къ востоку. Объ электрическихъ свойствахъ желтаго литаря говорится въ одной книгѣ, вышедшей въ 324 году.

2. *Постепенность усиленія внутренней температуры Земнаго Шара.* Гг. Марсѣ и Деларивъ сообщили Академіи наблюденія свои надъ температурою Земли въ разныхъ глубинахъ. Доселѣ, чтобы узнать температуру слоевъ, въ которые человекъ могъ проникнуть, обыкновенно погружали термометръ въ источники, выходящіе изъ рудоконья, или въ воздухъ, въ нихъ содержащійся. Въ этой методѣ было множество причинъ къ погрѣшностямъ. Между-тѣмъ изъ всѣхъ наблюдений видно, что температура разныхъ сло-

евъ увеличивается соразмѣрно ихъ глубинѣ; но степени возвышенія температуры по разнымъ наблюденіямъ не одинаковы. Артезіанскій колодезь, выкопанный близь Женевы, на 682 фута ниже поверхности земли, и на 400 ниже поверхности озера, доставилъ Гг. Марсѣ и Делариву возможность разрѣшить этотъ вопросъ опытами, которые кажутся довольно точными. Колодезь почти совершенно наполненъ водою или, лучше сказать, жидкою грязью, которая должна съ точностію показывать температуру слоевъ, содержащихъ ее въ себѣ. Сверхъ того, термометры, которые они употребляли, были прикрыты мѣдною оболочкою, которая находилась въ соприкосновеніи со стѣнками канала. Изъ этихъ опытовъ видно, что начиная съ глубины во 100 футовъ ниже поверхности земли, точки, на которой термометръ показываетъ $8^{\circ} 7$ Реомюра, возвышеніе температуры до 680 футовъ слѣдуетъ одинаковой прогрессіи, составляющей $0^{\circ},87$ на каждые 100 футовъ.

3. *Новое открытіе въ электричествѣ.* Послѣдніе опыты знаменитаго Англійскаго химика, Фаредѣ, уже весьма близили близость съ электричествомъ. Гумбольдтъ предсказалъ, и Норвежскій профессоръ Ганстенъ обнаружилъ, что причина сильнаго холода полярныхъ странъ тѣсно связана съ магнитностію, а вотъ новое наблюденіе, открывающее ту же самую причину въ электричествѣ. Г. Нельте сообщилъ Академіи нѣкоторыя подробности о сдѣланномъ имъ опытѣ, весьма важномъ для теоріи послѣдняго: электрическая струя, проходя чрезъ сплоченные между собою бруски сурьмы и висмута, производитъ холодъ. Этотъ результатъ, неожиданный въ нынѣшнемъ состояніи теоріи электричества, заставлялъ Ученыхъ, предъ которыми былъ повторенъ опытъ, показывающій это явленіе, разсматривать его съ величайшею строгостію. Между парюю проводниковъ и термоскопическимъ столбомъ поставлены были экраны, и они не измѣнили чувствительно теплотворнаго вліянія: почему Ученые, и въ числѣ ихъ Г. Беккерель, полагаютъ, что движеніе гальванометрическаго указателя можетъ быть здѣсь объяснено новаго рода теченіемъ, такъ же какъ и измѣненіемъ температуры. Для уничтоженія сомнѣній, авторъ, оставивъ металлическій термоскопъ, погрузилъ бруски

сурьмы и висмута въ шарикъ воздушнаго термометра. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ онъ вполне доказалъ ходомъ указателя пониженіе и возвышеніе температуры, смотря по направленію теченія. Ему остается изслѣдовать, какіе экраны передаютъ и какіе перенимаютъ теплотворъ, происходящій изъ этого новаго источника. Доселѣ онъ дозналъ только, что порядокъ ихъ удобопроницаемости не тотъ, который зависитъ отъ теплотворныхъ источниковъ, употребленныхъ Г-мъ Меллони въ прекрасныхъ его опытахъ.

4. *Новое разложеніе мозга.* Г. Куэрбъ хочетъ, кажется, доказать, что нашъ умъ есть не что иное, какъ фосфоръ, и что у кого болѣе фосфора въ мозгу, тотъ и умнѣе. Поэтому, количество ума можно было бы опредѣлять фунтами и золотниками, и вся иллюзія исчезла бы. Коммиссія, назначенная для разбора его записки о мозгѣ, разсматриваемаго въ отношеніяхъ химическомъ и физиологическомъ, представила свой отчетъ. Химическая часть этого труда обратила на себя вниманіе комиссаровъ, и она одна только представляетъ новые результаты. Г. Куэрбъ нашелъ въ мозгѣ, кромѣ холестерина, четыре жирныя вещества, которыя, какъ и другія жирныя тѣла, содержатъ въ себѣ углеродъ, кислородъ и водородъ, и сверхъ того азотъ, сѣру и фосфоръ. По мнѣнію автора, фосфоръ въ этихъ веществахъ—элементъ весьма важный, потому что опредѣленная пропорція фосфора необходима для свободнаго дѣйствія умственныхъ способностей. Въ мозгу помѣшаннаго находится болѣе фосфора, а въ мозгу полоумнаго менѣе; чѣмъ въ мозгу человѣка со здравымъ умомъ. Уже Г. Джонъ утверждалъ, что мозгъ животныхъ не содержитъ въ себѣ замѣтнаго количества фосфора: вотъ причина, почему они глупы. Коммиссія, полагаетъ, что этотъ результатъ не трудно было бы повѣрить; но что опытовъ Г. Куэрба не достаточно для доказательства, что количество фосфора въ мозгу человѣка со здравымъ умомъ не можетъ быть то же самое, какое, по его мнѣнію, опредѣляетъ помѣшательство или полоуміе. Въ одномъ изъ этихъ жирныхъ тѣлъ, которое авторъ называетъ церебротомъ, мозговникомъ, онъ нашелъ $2\frac{1}{10}$ на 100 фосфора, когда оно происходитъ изъ мозга человѣка со здравымъ умомъ, и отъ 3 до $4\frac{1}{2}$, если оно изъ мозга человѣка помѣшаннаго.

Мозговякъ, замѣченный уже и Г. Кюномъ, есть вещество неплавкое, рыхлое, нерастворяемое въ эфиръ, растворимое въ кипящемъ алкоголѣ, не мылящееся. Цефалоть, или головникъ, вещество темнаго цвѣта, твердое, нерастворявшее въ алкоголѣ, растворяемое въ эфирѣ, мылящееся. Элеопцефаль, замѣченный и Вокленомъ, вещество жидкое и красное. Два послѣднія тѣла имѣютъ одинаковый составъ и едва различаются разложеніемъ отъ cerebrota. Наконецъ есть четвертое вещество темножелтаго цвѣта, неплавкое, нерастворяемое ни въ эфирѣ, ни въ алкоголѣ. Жаль, что опыты автора не показываютъ состоянія фосфора въ этихъ четырехъ веществахъ.

РАЗЛИЧНОЕ ДѢЙСТВІЕ ГОРЪ НА ЛЕГКІЯ. Замѣчено многими, хотя никто не объяснилъ правдоподобно этого страннаго явленія, что путешественники, всходя на горы южнаго полушарія, ощущаютъ совсѣмъ не тѣ дѣйствія, какія производтъ въ нихъ подъемъ на горы противо-лежащей части Шара.

На значительныхъ высотахъ сѣвернаго полушарія, напримеръ, на вершинѣ Монъ - Блана, дѣлается сильный приливъ крови къ головѣ, обличающійся отекившимъ и посинѣлымъ лицомъ, тяжкой дремотою и кровотеченіемъ изо рту, изъ носу, изъ глазъ и изъ поздрей; между-тѣмъ какъ на одинакихъ почти возвышеніяхъ южнаго полушарія дѣлается сильный приливъ въ другомъ направленіи, и сопровождается блѣдностью и изнеможеніемъ въ лицѣ, безсонницею, дурнотами, замираніями и рвотою. На первыхъ постоянно проявляются апоплексическіе признаки, а на вторыхъ признаки уничтоженія или утраты чувствъ. Средства, къ которымъ прибѣгаютъ въ этихъ двухъ случаяхъ, также весьма различны: кромѣ горизонтальнаго положенія, полезнаго въ обоихъ, употребленіе возбуждательныхъ напитковъ и раздражительныхъ наружныхъ средствъ на разныхъ частяхъ тѣла, какъ то, на устахъ, на носу, на ушахъ, которое такъ спасительно на горахъ южныхъ, очень вредно на сѣверныхъ. Путешественникъ, бывшій на Альпахъ, чувствуетъ, что спиртовые напитки, которые онъ всегда беретъ съ собою изъ предосторожности, вмѣсто того, чтобъ возвращать ему оставляющія

его силы, только увеличиваютъ въ немъ склонность къ апоплексіи. Эти явленія, которыя такъ ощутительны на всѣхъ горахъ сѣвернаго полушарія, приписываютъ сильному разрѣженію воздуха, расширяющему мягкія части тѣла человеческого уменьшеніемъ давленія на нихъ атмосферы. Но какъ на Юго - Американскихъ Андахъ замѣчаются совсѣмъ противоположныя дѣйствія, то слѣдуетъ отыскать имъ причину, не зависящую отъ разрѣженія воздуха.

Въ Южной Америкѣ извѣстны два различныя болезненныя состоянія, которыя подвергаются тамъ люди, не привыкшіе всходить на высоты. Во-первыхъ, одышка, принимаемая разрѣженіемъ воздуха и чувствуемая на всѣхъ горахъ вообще. Во-вторыхъ то, о которомъ мы сейчасъ говорили, и которое гораздо опаснѣе: генераль Миллеръ въ Запискахъ своихъ говоритъ, что оно было губельно для Боливаровой арміи при переходѣ ея черезъ Анды. Первое извѣстно Перувианцамъ подъ именемъ *пунни*, а второе подъ именемъ *сороча*, потому что они приписываютъ его сирокко, или весьма сильному вѣтру. Но это народное мнѣніе не имѣетъ ни какого положительнаго основанія; искусный Англійскій инженеръ, Г. Скоттъ, управляющій работами большаго Токскаго водопровода въ Перу, приписываетъ эти случаи дѣйствію электричества: мнѣніе его основано на слѣданномъ имъ замѣчаніи, что на многихъ точкахъ Кордильеровъ они гораздо сильнѣе, чѣмъ на другихъ, и что на этихъ точкахъ, которыя не всегда самыя возвышенныя, электрометръ значительно понижается.

Различныя дѣйствія, производимыя одинакою по-видимому причиною, легко объяснить тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что электрическіе полюсы занимаютъ разныя точки нашего тѣла въ двухъ полушаріяхъ. На этотъ фактъ указалъ лейтенантъ Леканю (*Lecanot*), бывшій по службѣ на Островѣ Вознесенія во время заточенія Наполеонова на островѣ Св. Елены. Такъ какъ въ сѣверномъ полушаріи электричество занимаетъ верхнюю часть тѣла, а въ южномъ нижнюю, то въ первомъ кровь притягивается къ головѣ, а въ последнемъ къ ногамъ, производя тамъ — признаки апоплексіи, здѣсь — обморока. Тогда легко объяснить себѣ, какинъ образомъ горизонтальное положеніе почти тотчасъ прекра-

щаетъ эти различныя признаки, уравновѣшенная электричество въ разныхъ частяхъ тѣла. Это мнѣніе подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: путешественники, проѣзжая черезъ Анды, не подвергаются почти ни какому болезненному ощущенію до тѣхъ поръ, пока остаются на лошади, потому что тутъ они разобщены съ электричествомъ земнаго шара бараньей шкурою, которую въ Перу обыкновенно стелютъ подъ сѣдло, в которая, какъ всякому извѣстно, весьма дурной проводникъ электричества.

Докторъ Коннингамъ пишетъ, что когда въ Іюль 1833 года отправился онъ съ капитаномъ Гопомъ и многими другими особами къ водопроводу, который копали въ Шиншилайской Долинѣ, около тысячи четырехъ-сотъ футовъ надъ поверхностью моря, то ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ дурноты до тѣхъ поръ, пока, достигнувъ непрѣзжихъ мѣстъ, они не были вынуждены слѣзть съ лошадей; но тутъ всѣ вдругъ, кромѣ одного, почувствовали *сорочъ*. «Въ ту самую минуту, говоритъ онъ, какъ ноги мои коснулись земли, у меня стала кружиться голова, потемнѣло въ глазахъ и сдѣлалась тошнота, потомъ дрожь во всемъ тѣлѣ; я такъ ослабѣлъ, что не могъ держаться на ногахъ, взлѣзъ опять на своего мула, и только, наклонивъ голову, могъ дохватъ до того мѣста, гдѣ намъ надо было обѣдать.»

Животныя наравнѣ съ человекомъ подвержены *сорочу*. Мулы ощущаютъ прежде всего сильную дрожь, за которою слѣдуетъ задышка, а потомъ расположеніе къ недвижимости. Если ихъ оставить въ такомъ положеніи, они скоро падаютъ, да иногда ужъ не встаютъ. Какъ скоро всадникъ замѣтитъ первые признаки немочи, онъ опускаетъ поводья, такъ, чтобъ животное могло наклонить голову и отдохнуть. Мулы такъ хорошо знаютъ спасительное дѣйствіе этого положенія, что нѣкоторые изъ нихъ, при первыхъ признакахъ, сами становятся такимъ образомъ, чтобъ голова была какъ можно ниже. Средства, помогающія въ обморокъ, лучше всего и отъ *сорочы*, то есть, горизонтальное положеніе, употребленіе водки съ водою, спрыскиваніе холодною водою лица, душистыя соли, и проч. Перувианцы сравниваютъ *сорочъ* съ морской болезнью, съ которою онъ въ самомъ дѣ-

лѣ имѣеть нѣкоторое сходство, такъ же какъ и съ состояніемъ того человека, у котораго вышло много крови. Лишеніе чувствъ, ослабленіе пульса, раздражительность желудка, блѣдность и холодный потъ — общія имѣ принадлежности. Какъ несходны описанные нами признаки съ тѣми, которые проявляются на Монъ-Бланъ и другихъ сѣверныхъ горахъ! Такая замѣчательная разница прямо ведетъ къ заключенію, что въ каждомъ полушаріи существуетъ особенная причина, обнаруживающаяся совершенно противоположными дѣйствіями.

КРОВООБРАЩЕНІЕ ВЪ ПОЛИПАХЪ. Г. Листеръ сообщилъ недавно Королевскому Обществу Ученыхъ въ Лондонѣ результатъ изслѣдованій, дѣланныхъ имъ прошедшимъ лѣтомъ надъ организациею нѣкоторыхъ полипоносныхъ животно-растений и нѣкоторыхъ аскадій, живущихъ на южномъ берегу Англій. Для этихъ наблюденій, онъ ставилъ каждый предметъ въ стекляномъ сосудѣ съ параллельными боками передъ своимъ большимъ ахроматическимъ микроскопомъ, расположеннымъ горизонтально. Онъ часто перемѣнялъ морскую воду посредствомъ двухъ насосцевъ, изъ которыхъ одинъ доставлялъ свѣжую воду, а другой выкачивалъ ту, въ которой животное пробыло нѣсколько времени; такимъ образомъ, онъ сохранялъ предметы своихъ наблюденій въ полной силѣ и въ совершенно здоровомъ состояніи.

Въ одномъ животномъ изъ породы *tubularia indivisa*, усмотрѣлъ онъ, при стократномъ увеличеніи, потокъ частицъ во внутренности трубки, однообразіемъ и сплошностью совершенно похожій на сокообращеніе, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ растеніяхъ и особенно въ *cheга*; направленіе этого потока было параллельно съ маленькими винтообразными линіями, видимыми на трубчкѣ. Каждый потокъ занималъ около половины окружности трубки, выходя изъ полипа съ одной стороны и входя съ другой. Частицы, изъ которыхъ состоялъ потокъ, были разной величины; нѣкоторыя очень мелки, другія покрупнѣе; но всѣ онѣ казались образованными изъ частицъ, менѣе разившихся: весьма немногія были шароподобны, и всѣ вообще неправильнаго вида. Въ по-

токъ замѣчались маленькіе круговороты въ тѣхъ точкахъ, гдѣ трубка была сжата, а на оконечностяхъ ея они переходили съ одной стороны на другую. Пространство желудка и рта представляло также странныя колебанія: когда одинъ расширятся, другой сжимался, и наоборотъ, какъ будто бы переходъ жидкости изъ одного въ другой растягивалъ ихъ попеременно. Этотъ родъ прилива и отлива повторялся правильно черезъ восемьдесятъ секундъ.

Во всѣхъ семействахъ породы *sectulagia*, которыя авторъ успѣлъ разсмотрѣть, онъ замѣчалъ въ мякоти, наполняющей кость стебля и вѣтвей, потоки, проникавшіе въ самое вещество полиповъ и даже въ ихъ желудокъ. У этихъ животныхъ, не такъ какъ у предъидущей породы, потокъ не всегда слѣдуетъ одному направленію: протекши минуту или двѣ въ одну сторону съ чрезвычайной быстротою, онъ пріостанавливается, или по крайней мѣрѣ какъ бы колеблется на одномъ мѣстѣ, а потомъ идетъ опять съ прежнею скоростью, но въ противоположномъ направленіи, точно какъ приливъ и отливъ въ морѣ. Если нарочно остановишь потокъ въ какой нибудь точкѣ стебля, то потоки въ вѣтвяхъ все-таки движутся непрерывно. Г. Листеръ говоритъ, что онъ замѣтилъ подобныя явленія во многихъ другихъ животно-растеніяхъ, особенно въ породахъ *sartrapulagia* и *platulagia*. Онъ входитъ въ чрезвычайно любопытныя подробности объ яичникахъ животно-растеній и о движеніяхъ жидкостей, которыя содержатся въ ихъ яичахъ до отдѣленія ихъ отъ яичника.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, молодой полипъ, нѣсколько развившійся, хотя и не совсѣмъ еще отдѣленный, разлагается; вещество его поглощается веществомъ того полипа, на которомъ произрасло, и онъ совершенно исчезаетъ: такія перемены часто случаются. Нерѣдко видишь, что въ какой-нибудь группѣ одинъ полипъ постепенно исчезаетъ, а зато другіе быстро разрастаются. Жидкости, обращающіяся въ тѣлѣ этихъ животныхъ, считаетъ авторъ главнымъ дѣятелемъ поглощенія и питанія ихъ частей. Частицы, содержащіяся въ этихъ жидкостяхъ, близко подходят къ тѣмъ, которыя замѣчаемъ въ крови животныхъ высшаго разряда и въ соку растений: нѣкоторыя изъ

нихъ, по-видимому, не зависятъ отъ пищи, другія же кажутся произведеніемъ пищеваренія. Автору никогда не случилось видѣть у этихъ животныхъ ни малѣйшаго подобія ребръ, ни тѣхъ потоковъ, которые такъ часто замѣчаются въ другихъ породахъ животно-растений.

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВЪ ВЪЛАГО МЫШЬЯКА. Доктора Бауценъ и Бертольдъ, послѣ многихъ опытовъ надъ животными, удостовѣрились, что водистый окиселъ желѣза есть истинное противоядіе мышьяка. Такъ какъ доселѣ еще не было найдено лекарства противъ разрушительныхъ дѣйствій этого ужаснаго яда, и какъ водистый окиселъ желѣза ни сколько не вреденъ тѣлу, ни здоровью человека, то, для пользы человечества, мы долгомъ почитаемъ обратить вниманіе врачей, естественныхъ испытателей и хозяевъ, на сочиненіе о водистомъ окислѣ желѣза, изданное докторами Бауценемъ и Бертольдомъ въ Геттингенѣ.

СМЕРТНОСТЬ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ. Въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. говоря о вышедшемъ недавно сочиненіи — «Медико-топографическія свѣдѣнія о С. Петербургѣ», мы сказали, что по исчисленію сочинителя, въ С.-Петербургѣ умираетъ каждый годъ среднимъ числомъ 10,000 человекъ, а по свѣдѣніямъ автора Панорамы С. Петербурга, 15,900. Мы изъявили желаніе, чтобы который-нибудь изъ двухъ сочинителей объяснилъ намъ эту разительную разницу.

Почтенный авторъ Панорамы съ свойственною ему безжизненною отвѣчалъ на нашъ вызовъ, и мы спѣшимъ удѣлить его замѣчанія объ этомъ важномъ предметѣ. «Въ свѣдѣніяхъ о смертности, помѣщенныхъ мною во второй части Панорамы, говорить онъ, я вовсе не привожу *средняго* числа умирающихъ. По мнѣнію моему, для вѣрнѣйшихъ выводовъ подобнаго рода, если только вѣрны самые источники, должно обращаться къ сравнительному содержанію числа умирающихъ къ числу живущихъ. Не думаю, чтобы арифметически выраженное среднее число умирающихъ могло быть когда-либо вѣрно. Число умирающихъ и живущихъ измѣнялось и измѣняется въ столицѣ ежегодно, и нередко чрезвычайно чувствительнымъ образомъ, тогда какъ содержаніе

умирающихъ къ живущимъ при этихъ перемѣнахъ оставались весьма часто неизмѣнными.

«Краткъ полагалъ среднее число жителей въ Петербургѣ между 1764 и 1780 годами 164,000 человекъ. По словамъ Шторха, Георги и другихъ, число жителей въ столицѣ было:

Съ 1775 по 1780 среднее	174,778.
Въ 1784	192,846.
1789	217,948.
1792	225,000.

«Эти свѣдѣнія мало разнствуютъ съ другими, бывшими въ моихъ рукахъ. По мнѣнію сихъ писателей, изъ 55 — 58 жившихъ тогда въ Петербургѣ, умиралъ одинъ, — стало быть:

Съ 1775 по 1780, среднимъ числомъ, около . .	5060 чел.
Въ 1784	5368
1789	6054
1792	6250

«Здѣсь числа населенія и смертности измѣняются ежегодно, но пропорція въ соотношеніи ихъ остается неизмѣнною.

«Съ царствованія Императора Александра I, содержаніе числа умирающихъ къ живущимъ начало видимо слабѣть; съ 1800 по 1810 годъ померло въ Петербургѣ всего 106,454 человека, кругомъ по 10,645 въ годъ; относительно же къ числу жившихъ, по-годно, одинъ изъ 38 — 40. Чѣмъ далѣе, тѣмъ чувствительнѣе становилось уменьшеніе смертности: по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣднія девять лѣтъ схоронено на всехъ Петербургскихъ кладбищахъ:

Въ 1823	9,695 чслов.
1824	10,042.
1825	12,763.
1826	11,586.
1827	12,154.
1828	10,667.
1829	15,324.
1830	12,688.
1831	14,360.

«Всего, въ 9 лѣтъ, 107.279 человекъ, кругомъ по 12,000 въ годъ: въ первое десятилѣтіе было по 10,645 человекъ,

между тѣмъ народонаселеніе съ тѣхъ поръ возросло до 448,000.

«Сображая свѣдѣнія церковныя съ полицейскими, найдеными въ архивныхъ актахъ, или почерпнутыми изъ наблюдений собственныхъ и сообщенныхъ мнѣ, я достовернѣйшимъ нашелъ отношеніе умирающихъ къ живущимъ, помѣщенное мною на страницѣ 77 второй части Панорамы: *число умирающихъ къ числу жителей содержится какъ 1 къ 44 — 49*; т. е., я убѣдился, что погодно, за прошлое время, чаще всего умиралъ въ столицѣ одинъ изъ 44 жителей, рѣдко болѣе, иногда менѣе, и никогда менѣе одного изъ 49. Число 15,917, выставленное въ примѣчаніи на страницѣ 74, означаетъ, какъ тамъ сказано, умершихъ только въ одномъ 1832 году, невключенномъ въ мой расчетъ.

«Изъ этого слѣдуетъ, что если почтенный сочинитель «Медико-топографическихъ свѣдѣній» помѣстилъ число 10,000 человекъ, какъ пропорціональное умиравшихъ къ настоящему населенію столицы, — что составляетъ 1 изъ 44 — 45, то мы съ нимъ согласны; если, напротивъ, должно принять это число опредѣлительно среднимъ, я не могу согласовать съ нимъ вѣрныхъ свѣдѣній, бывшихъ у меня въ рукахъ. Не говоря о прошедшемъ вѣкѣ, въ первое десятилѣтіе текущаго, умирало, какъ показано выше, среднимъ числомъ (если среднее число нужно) по 10,645, человекъ въ годъ, въ послѣднее десятилѣтіе по 12,000; рассматривая же въ немъ число смертей по-годно, одинъ только разъ менѣе 10,000. Въ послѣдніе два года, 1852 и 1855, по отчетамъ С.-Петербургскаго Оберъ-полицеймейстера померли въ столицѣ 33,002 человека, — стало-быть по 16,501 человекъ въ годъ.»

УМЪ НОРВЕЖСКИХЪ ОРЛОВЪ. Жители Норвегіи и сѣверныхъ острововъ рассказываютъ много удивительнаго объ орлахъ, въ изобиліи водящихся на утесистыхъ берегахъ этихъ странъ. Между прочимъ, фонъ-Бухъ, посѣщавшій острова Гебридскіе выдаетъ слѣдующее повѣствованіе за совершенно истинное. «Мы съ удивленіемъ услышали, говорить онъ, что орлы, обитающіе на здѣшнихъ островахъ нерѣдко наводятъ страхъ даже на самыхъ жителей. Перна-

тыя эти такъ велики и сильны, что не довольствуясь овцами и другою мелкою добычею, нападаютъ на быковъ, и убиваютъ ихъ. Способъ, употребляемый ими для побѣжденія своихъ огромныхъ противниковъ, такъ хитеръ, что мы повѣрили бъ разсказамъ; если бъ единоголасное свидѣтельство жителей разныхъ мѣстъ не устранило всякаго сомнѣнія. Орелъ, готовясь напасть на быка, пыряетъ въ воду, и смочивъ хорошенько перья, валяется до тѣхъ поръ на песокъ пока крылья его совершенно имъ не покроются. Потомъ онъ подымается на воздухъ, и летаетъ вокругъ своей жертвы. Опускаясь къ ней болѣе и болѣе, онъ вдругъ страхиваетъ съ себя весь песокъ съ мелкимъ камнемъ въ глаза быку, садится на его спинь, и оглушаетъ его сильными ударами крыль. Успрашенный и ослѣпленный быкъ, приходитъ въ бѣшенство и бѣгаетъ до того, что лишась чувствъ падаетъ замертво; или, помчавшись съ какою нибудь стремнины, разбивается объ утесы. Тогда орелъ спокойно наслаждается плодомъ побѣды, и пожираетъ свою добычу. Еще въ недавнемъ времени на одномъ изъ соседственныхъ острововъ острова Скея, огромный быкъ погибъ такимъ образомъ.» *В. М.*

СМЫЩЛЕННОСТЬ УСТРИЦЪ. Докторъ Роджертъ, Авторъ Бриджватерскаго трактата о животной и растительной Физиологiи, замѣчаетъ въ нашихъ двучеренныхъ прiятельницахъ такой инстинктъ и такую споровку, что нельзя не предполагать въ нихъ нѣкоторой способности къ образованiю, къ усовершенствованiю опытомъ.

«Простыя дѣйствiя открытiя и закрытiя раковинъ, говорятъ онъ, могутъ служить имъ средствомъ къ избѣжанiю опасностей и къ перемѣнѣ неудобнаго мѣста, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда раковины несовершенню прильнули къ скалѣ или другому твердому тѣлу. Дикмаръ давно уже замѣтилъ, что устрицы имѣютъ нѣкоторую способность двигаться съ мѣста: внезапно затворяя свои раковины, онѣ выгоняютъ тѣмъ содержащуюся въ нихъ воду съ такою силою, что, черезъ противодѣйствiе жидкости въ другую сторону, получаютъ отъ нея чувствительный толчекъ. Онъ же говоритъ, что устрицы, прильнувшiя къ скаламъ, съ которыхъ вода сбывла вне-

зачно при отливѣ, всегда удерживаютъ въ раковинахъ столько воды, сколько имъ нужно для дышанія, и отнюдь не растворяютъ ихъ до самаго прилива; напротивъ того устрицы, взятая изъ большой глубины, и слѣдственно привыкшія быть всегда въ водѣ, какъ скоро перенесешь ихъ на такое мѣсто, гдѣ онѣ подвержены необыкновеннымъ для нихъ перепадамъ, скоро издыхаютъ оттого, что, оставшись на сушѣ, не берегаютъ въ раковинахъ необходимаго запаса воды, подобно прибрежнымъ устрицамъ, пріобрѣтшимъ опытность отъ безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ.»

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕРИСТОКЪ И УЛИТКОКЪ. Такъ какъ дѣло дошло до устрицъ, то кстати упомянуть о достопримѣчательностяхъ двухъ другихъ семействъ того же класса существъ.

«Не берегахъ бурныхъ морей, говоритъ Докторъ Роджертъ въ новомъ своемъ сочиненіи, перистка, или морское перо, риппа, обладаетъ весьма страннымъ снарядомъ для сопротивленія ярости волнъ и въ защиту отъ столкновений, которыя легко могли бъ разрушить хрупкую ея оболочку. Назначеніе этого снаряда состоитъ въ приготовленіи множества нитей, которыя животное прикрѣпляетъ къ окружнымъ скаламъ, и потомъ туго натягиваетъ, стоя такимъ образомъ какъ корабль, привязанный канатами въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершенно безопасенъ отъ валовъ. Ножка у нея цилиндрическая и соединяется въ самомъ верху съ круглою сухою жилою, почти одинаковой съ нею длины: эта жила крѣпко удерживаетъ нити и сосредоточиваетъ силу ихъ въ одной точкѣ. Самыя нити состоятъ изъ клейкаго вещества, приготовляемаго особымъ органомъ. Онѣ не вытягиваются изъ внутренности, какъ у шелкового червя или паука, но выливаются въ форму, гдѣ онѣ твердѣютъ и пріобрѣтаютъ нѣкоторую прочность, до употребленія ихъ въ дѣло. Эта форма любопытно устроена: въ ногѣ, отъ самаго корня сухой жилы до другой ея оконечности есть глубокая ложбинка, которой края приложены такъ, чтобъ, смыкаясь надъ нею, образовать каналецъ. Клейкость, отдающаяся въ этотъ каналецъ, засыхаетъ въ немъ крѣпкою нитью, и когда она пріобрѣтеть необходимую прочность, ножка высо-

вывається и тщательно прикрѣпляетъ содержащуюся въ ней нить къ чему-нибудь твердому. Каналець растворяется потомъ во всю длину свою, и нить, держащаяся другимъ концемъ за сухую жилу у вершины, освобождается. Послѣ этого, ножка опять прячется и начинаетъ то же производство.

Такимъ образомъ выходитъ нить за нитью, и всѣ натягиваются около раковины въ разныхъ направленіяхъ. Иногда трудъ пропадаетъ отъ какого-нибудь недостатка въ пити, но животное, какъ будто зная, какъ важно для него удостовѣриться въ ея прочности, прикрѣпивъ нить, всегда ее испытываетъ, именно, порывается на ней во всѣ стороны, такъ что вытягиваетъ ее во всю возможную длину. Привязавшись нитями, оно ужь, по-видимому, не въ состояніи разорвать ихъ. Жидкое вещество, изъ котораго онъ образуются такъ клейко, что прилипаетъ къ самымъ гладкимъ тѣламъ. Оно производится весьма медленно, потому что, кажется, перистка не успѣваетъ дѣлать болѣе четырехъ или пяти нитей въ сутки. Нити, дѣлаемая наскоро, когда животному что-нибудь мѣшаетъ, обыкновенно слабѣе тѣхъ, которыя выпускаются имъ надосугъ. Реомюръ, которому обьяны мы этими любопытными наблюденіями, утверждаетъ, что перистки обладаютъ искусствомъ ниткодѣлія съ самыхъ раннихъ поръ своего существованія; онъ видѣлъ ихъ за работою, когда раковины, служившія имъ оболочкою, были не больше просянаго зерна. Въ Сициліи и другихъ краяхъ Средиземнаго Моря изъ нитей перистокъ дѣлаютъ перчатки и другія вещи, наподобіе шелковыхъ.»

Другой удивительный примѣръ простаго и вмѣстѣ чрезвычайно полезнаго снаряда представляетъ эпифрагма, или заслоночка обыкновенной земляной улитки.

«Эпифрагма, говоритъ тотъ же авторъ, есть перепончатая или известковатая перегородка, назначенная только для временнаго употребленія. Ею затворяется отверзтіе раковины порами, какъ на примѣръ зимою и въ продолжительную засуху.

Замѣчательно, въ какое короткое время земляная улитка устраиваетъ эту крышку, если обстоятельства потребуютъ спѣшнаго окончанія. Съ приближеніемъ зимы, она готовитъ

ся проводить это время года въ состояніи оныѣвости, и во-первыхъ принскиваетъ себя безопасное убѣжище, а во-вторыхъ совершенно прячется въ раковину и затворяется эпифрагмою. Устроивъ одну заслоночку, животное дѣлаетъ другую, перепончатую, которая находится подалѣе во внутренность отъ первой. Если и во всякое другое время года, для опыта, окружить улитку чѣмъ-нибудь мерзлымъ, она тотчасъ примется за работу для укрытія себя отъ холода, и трудится съ такимъ прилежаніемъ, что въ часъ или въ два непременно сдѣлаетъ эпифрагму. Когда животворная теплота возвращающейся весны проникнетъ въ жилище къ улиткѣ, она готовится къ выходу изъ своего заточенія, отдѣляя немножко липкой влаги, которою ослабляетъ связь между эпифрагмой и краями отвертія, а наконецъ, давлениемъ своей ножки, и совсѣмъ отдѣляетъ эпифрагму, въ случаѣ же надобности устроиваетъ новую, причеиъ опять повторяется все описанное нами производство.»

ПОТРЕБЛЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ТОВАРОВЪ ВЪ РОССИИ.

Изданныя Департаментомъ Внѣшней Торговли таблицы о движеніи ея въ 1853 году составлены очень искусно: онѣ совершенно приспособлены по всемъ потребностямъ Науки и къ ея соображеніямъ, и представляютъ, среди множества подробностей, весьма любопытныя данныя о главныхъ статьяхъ потребленія у насъ колоніальныхъ товаровъ. Такъ, въ прошломъ году получили мы изъ-за границы:

Кофе.....	пуд.	127,050,	цѣною на	4,055,524 р.
Чаю.....		166,097,		7,141,112.
Табаку.....		85,807.....		3,501,404.
Фруктовъ.....				6,093,986.
Соли.....				5,762,767.

Коренья и аптекарскіе матеріалы составляютъ также важную статью этой части потребленія, простираясь цѣною на 3,000,000 рублей. Устрицы намъ стоятъ только 98,600 рублей: ихъ привозится 2800 бочекъ; сыръ обходится въ 470,000 рублей.

Признаемся, что насъ очень удивила статья: сахаръ, котораго въ привозъ показано только 35,816 пудовъ, цѣною на 812,000 рублей. Въ Петербургъ, въ Архан-

гельскъ, даже въ Ригу, Ревель и другія Балтійскія гавани не привезено ни одного фунта. Это не довольно ясно. Можно было бы заключить, что у насъ противъ 10 фунтовъ чаю и кофе потребляется только 1 фунтъ сахара. Жаль, что сочинители таблицъ не вошли въ нѣкоторыя объясненія приводимыхъ ими итоговъ, особенно тѣхъ, которые поражаютъ своею несоответственностью самому простому правдоподобію. Вероятно, есть какая-нибудь необыкновенная причина такому уменьшенію привозной пропорціи сахара.

Статья напитковъ простирается слишкомъ на 14 милліоновъ рублей.

Винъ привезено 55,552 оксофта и 115,874 бутылки: всего (считая оксофтъ въ 270 бутылокъ) 15,137,000 бутылокъ, цѣною на 10,434,000 рублей, или по 65 коп. за бутылку.

Въ этотъ счетъ не входитъ шампанское, котораго выпито въ теченіе прошлаго года въ Россіи 572,052 бутылки, и которое оценено въ этихъ таблицахъ въ 2,851,262 рубль, или по 6 рублей за бутылку.

Водка и ромъ образуютъ сумму.....873,000 р.

Портеръ и пиво.....548,000 р.

Главная наша торговля — съ Англіею: изъ числа 4402 кораблей отшедшихъ изъ разныхъ портовъ Россіи, однихъ судовъ подъ Великобританскимъ флагомъ было 1510, не считая тѣхъ, которыя находились въ службѣ Англійскихъ купцовъ подъ чужими флагами. Шведскихъ судовъ показано 303: изъ иностранныхъ флаговъ, это самый значительный итогъ движенія нашихъ гаваней, послѣ Англійскаго флага. Голландскихъ судовъ отправилось только 125.

ВЫВОЗНАЯ ТОРГОВЛЯ АНГЛІИ. Вотъ сравнительная таблица вывоза главныхъ произведеній земледѣльческой и мануфактурной промышленности Великобританніи и Ирландіи съ 1832 по 1833, и съ 1833 по 1834 годы, составленная по офиціальнымъ документамъ.

	1833.	1834.
	Фунт. стерл.	Фунт. стерл.
Уголь въ древесныхъ и каменныхъ.	228,647	229,924
Бумажныхъ тканей.....	42,675,619	14,909,462

Т. V. — Отд. VII.

Бумажной пряжи.....	4,722,759	4,750,210
Глиняной посуды.....	490,787	487,515
Стекла и хрусталу.....	402,716	451,388
Сѣдельнаго и ножеваго товару....	1,434,431	1,408,453
Льняныхъ тканей.....	1,783,432	2,199,441
Желѣза и стали.....	1,190,748	1,425,723
Мѣди и бронзы.....	916,563	851,383
Свинцу.....	144,653	119,617
Олова въ свинкахъ.....	111,797	86,698
Олова въ листахъ.....	231,663	267,430
Соли.....	149,678	184,470
Шелковыхъ тканей.....	529,990	740,294
Сахару рафинаду.....	1,038,790	563,092
Шерсти въ кипахъ.....	219,650	334,678
Шерстяныхъ тканей.....	5,479,866	6,511,770

И того 31,751,792 35,521,558

(793,794,800 р.) (888,038,950 р.)

ТОРГОВЫЕ БАЛАНСЫ. Какой чудный годъ — 1853 годъ отъ Рождества Христова! Земной Шаръ заработалъ, по официальнымъ отчетамъ и самымъ вѣрнымъ торговымъ балансамъ разныхъ его странъ, слишкомъ 320,000,000 рублей. То есть, вывозъ всей Земли простирался въ прошломъ году на.....2,938,000,000.
— привозъ на.....2,618,000,000.

Слѣдственно съ земли вывезено товару,
болѣе чѣмъ привезено, на сумму.....320,000,000 р.

Слѣдственно наша планета выиграла въ прошломъ году на своей заграничной торговлѣ 320,000,000! У кого она выиграла? кого такъ славно надула, Марса, Веперу или свою спутницу, Луну? какая планета или комета потеряла эту огромную сумму на своей торговлѣ съ нею? — этого ужъ я не знаю; но что балансъ привоза и вывоза рѣшительно въ пользу Земли, что въ 1853 году приобрѣла она огромныя сокровища отъ заграничной торговли и что вслѣдствіе этого неминуемо какое-нибудь небесное тѣло должно было обанкрутиться въ солнечной системѣ, то вѣрно какъ дважды два четыре, — потому что Земля заработала: ни одно ея государство не потеряло! Извольте разсудить сами:

Франція, по своему балансу выиграла.....	40,000,000.
Германія.....	32,000,000.
Швеція и Данія.....	22,000,000.
Австрія.....	33,000,000.
Италія, Испанія и Португалія.....	18,000,000.
Голландія.....	8,000,000.
Россія.....	57,000,000.
Англія.....	80,000,000.
Америка.....	14,000,000.
Азія.....	50,000,000.
Разные извѣстные и неизвѣстные народы Африки	10,000,000.

итого: 320,000,000.

И не одинъ прошлый годъ былъ такой прибыльный. Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю грамотъ, какъ читаю газеты, отчеты, виды и разсужденія по части Политической Экономіи, во всѣхъ государствахъ каждый Божій годъ произведеній вывозится болѣе нежели привозится, каждый годъ всѣ государства въ явномъ барышѣ. Это ведется уже лѣтъ сорокъ. Гдѣ же, въ какомъ мірѣ лежитъ та несчастная страна, которая постоянно тердѣтъ? Кто-нибудь долженъ же проигрывать, когда всѣ другіе выигрываютъ.

Полно-те, Гг. политическіе экономисты! Признайтесь, что вы почитаете насъ за дураковъ, которыхъ во всемъ можно увѣрить для своей забавы, или не понимаете дѣла. Право, пора перестать морочить свѣтъ торговыми балансами, да небывалыми барышами отъ мнимыхъ разницъ въ привозъ и вывозъ. Вотъ я вамъ, добрые читатели, коротко и ясно раскажу весь секретъ балансовъ.

Въ концѣ всякаго года два торгующіе съ собою, то есть мѣняющіеся своимъ имуществомъ народа ничего не должны другъ другу: они переслали себѣ извѣстное количество товаровъ и суммъ, разошлись и поквитались. Слѣдственно ни одинъ изъ нихъ не остается въ барышѣ. Если бы который-нибудь далъ товарищу менѣе, а взялъ съ него болѣе, то тотъ не сталъ бы на другой годъ вести съ нимъ ни какихъ дѣлъ, и объявилъ бы его плутомъ. Слѣдственно, барышъ въ балансѣ иностранной торговли есть вещь невозможная, потому что эта торговля основывается на совершенномъ равенствѣ цѣны массъ, размѣняемыхъ двумя народами. Такъ что жъ вы называете здѣсь прибылью? Вотъ что называютъ ею:

Народъ А послалъ народу Б товаровъ, примерно, на.....250,000,000

Народъ Б послалъ народу А товаровъ тоже на..... 250,000,000.

Но въ этомъ числѣ народъ Б послалъ народу А драгоценныхъ металловъ въ слиткахъ и монетахъ на 50,000,000, а прочихъ товаровъ на.....200,000,000

Слѣдственно, говорятъ вамъ сочинители балансовъ, народъ А получилъ барыши...50,000,000.

Удивительная логика! По этому дорогіе металлы не товаръ? Что жъ они такое?... Они тотъ же, простой товаръ, и притомъ товаръ только мнимаго достоинства. Поэтому, если бѣ народъ А за свои 250 милліоновъ посылаемыхъ товаровъ ежегодно получалъ всю цѣну въ дорогихъ металлахъ, онъ бы, по нашему, зарабатывалъ каждый годъ по 250,000,000? Прекрасно! Да съ такимъ заработкомъ лѣтъ черезъ двадцать онъ бы истощилъ все соки и силы своего отечества, и умиралъ бы съ голоду и холоду на кучѣ бесполезнаго золота. Нѣтъ! Присутствіе въ торговыхъ балансахъ большихъ массъ дорогихъ металловъ означаетъ не прибыль, а смутное состояніе иностранной торговли. Въмѣсто 50,000,000 золота и серебра ввезите скорѣе жѣлѣза на 50,000,000: тогда я скажу, что торговля была выгодна, потому что одна переработка этой массы жѣлѣза приведетъ въ движеніе миліоны рукъ, умножитъ дѣятельность, разольетъ довольство въ огромной части народа. Не дорогіе металлы рѣшаютъ въ балансахъ выгоду или невыгоду иностранной торговли, но огромность итоговъ.

Если какой-нибудь народъ, при 2½ милліонахъ населенія, вывозитъ и привозитъ въ годъ на 900,000,000, я говорю, что его торговля для него прибыльна и должна упражнять и продовольствовать огромную часть его.

Если другой народъ, при 48 милліонахъ населенія привозитъ и вывозитъ въ годъ на 300 милліоновъ, заключите, что торговля его слаба, въ 6 разъ слабѣе первой и слѣдственно въ 12 разъ менѣе приноситъ занятія и выгоды этому народу.

Таблицы привоза и вывоза товаровъ собственно, ни какого другаго результата представить вамъ не въ состояніи.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ ОВЪ ИГОРНЫХЪ КАРТАХЪ. Но торговые балансы—бездѣлица: вотъ статья капитальная! Никогда еще Библиотека для Чтенія не разсуждала о важнѣйшемъ предметѣ, никогда Историческая Критика не принимала разысканія общепользѣйшаго и болѣе для всѣхъ насъ любопытнаго. Исторія игорныхъ картъ!..... Если послѣ этой статьи число нашихъ подписчиковъ не умножится лициными десятью тысячами, такъ мы ужъ не понимаемъ, чѣмъ и угодить нашимъ соотечественникамъ!

Представьте себѣ только всю пользу, все преимущество—играть въ вистъ, зная Исторію козырей! Такъ играютъ люди просвѣщенные.

Приводимое здѣсь изслѣдованіе великаго вопроса, принадлежитъ не намъ, но глубоко-ученому Библиофилу Жакобу.

«Происхожденіе картъ, говоритъ онъ, одна изъ труднѣйшихъ археологическихъ задачъ, хотя неоднократно была разсматривасма Учеными. Пенью послѣдній обратилъ на нее вниманіе, но удовольствовался сводомъ различныхъ взглядовъ безъ всякаго самостоятельнаго результата, который можно вывести только изъ вѣрнаго сравненія источниковъ. Я сообшу здѣсь мои собственныя изслѣдванія, основанныя на сличеніи старинныхъ картъ, которыми играли многіе историческіе мужи.

«Аббатъ Лежандръ повторилъ извѣстіе, будто карты выдуманы Лидійцами во время голода, о которомъ они перестали и думать за игрою. Быть-можетъ, Лидійцамъ извѣстна была игра въ расписанные листочки, *tabulae sigillatae*, какъ напримѣръ въ гуся; но вистовыхъ картъ вѣрно они не знали. Карты съ шахматами пришли къ намъ съ Востока. Происхожденіе это, кажется, неоспоримо, хотя изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ честь изобрѣтенія картъ принадлежала Египтянамъ, какъ утверждаетъ Куръ-де-Жебленъ, почитая ихъ іероглифами. Между шахматной и карточной игрою есть такія сходства, которыхъ нельзя приписать одной случайности. Есть причины думать, что первоначально карты расположены были совершенно по образцу шахматной игры. Чтобъ дать сколько-нибудь мѣста произволу случая и чтобъ лучше уравновѣсить всѣ возможные обороты игры въ первыхъ картахъ, представлявшихъ двойной шахъ

мать, вѣрно были ужь слоны, коня и ладья. Быть-можетъ, играли вчетверомъ, и у каждаго была своя масть и, такъ сказать, свои дѣйствующіе отряды. Эти аналогіи приобрятають почти полную достовѣрность чрезъ сравненіе тароковыхъ картъ пятнадцатаго вѣка, въ которыхъ есть слонъ и ладья, ипаче, скороходъ и башня, — послѣдняя подъ именемъ *saïson de Dieu*. Аллегорическій смыслъ въ обѣихъ играхъ одинъ и тотъ же; обѣ изображаютъ войну: на одной изъ тароковыхъ картъ представленъ даже результатъ шахматной игры, — смерть на бѣломъ конѣ Апокалипсиса.

Первоначально, картъ было не больше шахматныхъ фигуръ; онѣ раздѣлялись на двѣ группы, красную и черную. Увеличеніе числа картъ привело вскорѣ къ новымъ соображеніямъ, и постепенно обѣ игры удалились отъ первобытнаго ихъ сходства.

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣній, что карты были въ употребленіи задолго до 1392 года, и что изобрѣтеніе ихъ несправедливо относятъ къ этому времени. Еще въ 1240 году Соборъ Ворчестерскій запретилъ духовенству неприличныя игры и, между прочимъ, игру въ «короля и кралю»; одна Итальянская рукопись 1297 года говоритъ о картахъ, именуемыхъ *paibi*; монастырскіе уставы 1357 года запрещаютъ карты подъ именемъ *raginae*; наконецъ эдиктъ Короля Кастильскаго, 1387 года, упоминаетъ ихъ въ числѣ запрещенныхъ игръ.

«Долго и напрасно спорили о томъ, какого карты происхожденія, Нѣмецкаго, Французскаго, Испанскаго или Итальянскаго. Мнѣ кажется достовѣрно, что не Французскаго. Масти въ разныхъ странахъ не одинаковы: у Французовъ — пики, дятловка (*treffe*, *трефы*); четырехугольнички (*saigeau*, бубны) и сердца (*coeur*, черви), у Испанцевъ — мечи, палки, денарія и чаши; у Нѣмцевъ — зелень, желуди, бубны и красень; у Поляковъ и Чеховъ — вино, желуди, звонки и червень, названіе, отъ котораго происходитъ Русское *черви*; но эти масти появились ужь вмѣстѣ съ пикетомъ, выдуманымъ при Карлѣ VII, а до тѣхъ поръ въ Европѣ знали одиъ такъ называемыя тарокъ, *tarots*, расписанныя странными фигурами, по образцу знаменитой «пляски смерти». Тутъ были и папа, и императоръ, и пустынный, и шуты, и

оруженосцы, и побѣдители въ триумфъ, и влюбленные, и мѣсяць съ астрологами, и солнце съ парками, правосудіе, счастье, умеренность, храбрость, наконецъ смерть, страшный судъ и церковь. Времени Карла VII принадлежитъ изобрѣтеніе Французскихъ картъ и пикета, который быть-можетъ не что иное, какъ подражаніе Нѣмецкой игрѣ въ ландскнехты. Исчезли наконецъ чудныя фигуры «пляски смерти», неизмѣнно повторявшіяся на поляхъ молитвенниковъ, на шпажныхъ ефесахъ, въ церквахъ и во дворцахъ, воспѣваемые стихотворцами, разыгрываемыя каждымъ гудочникомъ, и омрачавшія каждое удовольствіе тѣнью печальныхъ напоминаній. Конечно, смерть не совсмѣ исчезла изъ картежной игры, которая, по прежнему, сдѣлалась изображеніемъ войны.

«Карль VI, въ 1391 году, запретилъ подъ штрафомъ 10 су всѣ игры, отвлекавшія его подданныхъ отъ воинскихъ упражненій. Чтобъ миновать это запрещеніе, храбрый Лагирь, или скорѣе оруженосецъ, изобразившій себя въ видѣ трефоваго валега, предпринялъ въ карточной игрѣ такую перемену, чрезъ которую она могла бѣ входить въ разрядъ воинскихъ упражненій: трефы представляли у него шпажный ефесъ, бубны четырехугольный накопечникъ стрѣлы, пики конецъ бердыша, а черви средину мишени; тузъ, ас, названіе древней монеты, означалъ жалованье; четыре короля представляли четыре монархіи, Іудейскую, Греческую, Римскую и Французскую, потому что Карль VII, какъ преемникъ Карла Великаго, могъ имѣть притязаніе на Западную Имперію; Царь Давидъ, Александръ и Цезарь также облечены были въ горностаевыя мантіи, и держали обвитые лиліями скипетры; четырехъ тароковыхъ дамъ составляли храбрость въ образѣ Іудеи, справедливость въ видѣ Паллады, счастье въ лицѣ Рахили, и умеренность въ видѣ Аргины. Эта Аргина, анаграмма изъ *regina*, была вѣроятно Марія Анжу, супруга Карла VII, отличавшаяся набожностью и кротостью; четыре валега, *valets* или *varlets*, — слово *valet*, значащее нынѣ «лакей» значило тогда «воинъ» (*warlike*), — представляли знатное Французское дворянство отъ героическихъ до рыцарскихъ временъ: Гроанскій Гекторъ, отецъ того миѳическаго Франкуса, который слыветъ первымъ Французскимъ Королемъ; Огиръ Датскій, одинъ изъ витязей Карла Великаго; нако-

нецъ Лагиръ, храбрѣйшій полководецъ Карла VII, вѣнчавшійся въ этотъ славный кругъ въ качествѣ изобрѣтателя или преобразователя картежной игры. Такъ какъ искусство рѣзбы на деревѣ было изобрѣтено не прежде 1423 года, то сначала карты разрисовывали точно такъ же, какъ рукописи, и потому онѣ были чрезвычайно дороги: въ 1450 году, Миланскій Герцогъ, Висконти, заплатилъ какому-то Французскому живописцу 1500 червонцевъ за одну колоду. Но когда гравированіе доставило возможность размножать ить по произволѣнію, Пѣмецкіе художники наводнили своими картами всю Европу, и цѣна ихъ значительно упала. Городъ Ульмъ производилъ ими такую значительную торговлю, что цѣлыми кипами отправлялись онѣ въ Италію и Испанію, для обмѣна на москотильные и другіе товары. Карточные живописцы назывались письмописцами, Briefmaler. Вопреки многократнымъ полицейскимъ и церковнымъ запрещеніямъ, картежная игра удержалась въ числѣ первенствующихъ ивъствъ съ шахматною и шашечною. Ландскнехтъ, пикетъ, триумфъ, примъ, флюсъ, тридцать одинъ, кондеманъ, марьяжъ и бездна другіхъ игоръ занимали и трактирное и высшее общества. Лудовикъ XII, какъ говоритъ Губертъ Томасъ въ жизни Императора Фридриха II, игралъ во флюсъ въ лагерь, при всѣхъ солдатахъ; по словамъ Рабеле, Пантагруэль засталъ на берегу матросовъ, игравшихъ въ люэть. Кажется, будто и карты покорены закону душепреселенія, — столько переменъ въ именахъ и нарядахъ должны были вытерпеть короли, крали и валеты! Царствованіе Карла IX ввело въ нихъ егерей, дворянскихъ и придворныхъ слугъ, составившихъ свиту Августа, Константина, Саломона, и Хлодвига, съ государынями Клотильдой, Елисаветой, Палеосилесей и Дидоною. Царствованіе Лудовика XIV, давшее картамъ девизъ — *J'aime l'amour et la soug: vive la geine! vive le roi!* не удовольствовалося этими знаменитостями, и вывело на сцену Цезаря, Нина, Александра и Кира старпанаго; Помпаю, Семирамиду, Роксану и Елену; Ромера и Ринальда съ Романдомъ. Гербъ карточника изображалъ должность тресоваго валета. Можно было бы написать цѣлую книгу о революціяхъ, постигшихъ карты до времени Французской республики, «едной и нераздельной», когда

мѣсто четырехъ дамъ заступили четыре республиканскія добродѣтели, а четыре сверженные короля замѣнены были четырьмя филосогами, Вольтеромъ, Руссо, Лафонтеномъ и Мольеромъ.»

ЭКСПЕДИЦІЯ КАПИТАНА РОССА. Донесеніе, представленное недавно Англійскому Парламенту комисією, наряженною для разсмотрѣнія результатовъ послѣдняго плаванія Капитана Росса къ северному полюсу, столь любопытно, что описаніе нѣкоторыхъ подробностей этой экспедиціи конечно будетъ занимательно для нашихъ читателей. Одно изъ отличительныхъ ея качествъ, независимо отъ ученыхъ результатовъ, есть превосходное состояніе здоровья экипажа, въ продолженіе сего плаванія. Изъ двадцати трехъ человѣкъ, составлявшихъ этотъ сбродъ, проводившихъ четыре года въ работахъ самыхъ трудныхъ, терпѣвшихъ лишенія почти безпримѣрныя, во все это время умерли только трое: двое-обыкновенною смертію; третій сдѣлался жертвою суроваго климата.

Экспедиція, отправившись изъ Англій въ Мавъ 1829, пошла въ бухту Принца-Регента, какъ можно было прямо. Она достигла пролива въ Августѣ, и скоро вошла въ пространства, еще неизслѣдованныя. Читатели наши, конечно, помнятъ, что Капитанъ Парри принужденъ былъ остановиться въ путешествіи своемъ 1824 и 1825 годовъ, потому что лишился одного изъ судовъ своихъ, *Фурія*, на северномъ берегу бухты, принявшей это имя. Мы не последуемъ за Капитаномъ Россомъ въ заливъ Боттійскій, не станемъ описывать материка, перешейка и множества острововъ рѣчныхъ и озерныхъ, имъ открытыхъ; поговоримъ только о нѣкоторыхъ самыхъ замѣчательныхъ подробностяхъ, ознаменовавшихъ эту экспедицію.

Первая зима, проведенная въ Портѣ Счастливымъ, была еще довольно пріятна въ сравненіи съ двумя другими зимами, которыя плаватели наши провели въ портахъ Шерфа и Викторіи, гдѣ они принуждены были терять самую жестоки лишенія и бороться съ самою суровою стужею. Въ Январѣ 1831 года стоградусный термометръ нѣсколько разъ спускался до 60 $\frac{1}{2}$ ° ниже нуля, а Фаренгейтовъ не разъ

показывалъ 92° ниже точки замерзанія. Зима 1830 — 1831 была такъ сурова, что Фаренгейтовъ термометръ часто стоялъ на 80 или даже 84° ниже нуля.

Мореплаватели наши принуждены были покинуть корабль свой въ послѣднемъ изъ означенныхъ мѣстъ стоянія, и должны были прибѣгнуть къ послѣднему средству проести еще годъ въ этихъ странахъ; они рѣшились идти отыскивать мѣсто, гдѣ погибла Фурія, между 70° и 74° широты, и прошли двѣсти миль по льду или по смерзшемуся снѣгу. Между тѣмъ, благодаря самой строгой бережливости и самымъ предусмотрительнымъ предосторожностямъ, они вовремя достигли предмета своихъ поисковъ. Образъ ихъ стоянія биваками на этой ледяной равнинѣ стоитъ описанія. Экипажъ, состоявшій тогда изъ двадцати одного человека, шелъ тремя отрядами, по семи человекъ въ каждомъ, подъ командою офицера. Всякой вечеръ выкапывали они въ снѣгу три ямы довольно большія для того, чтобы въ каждой могло помѣститься по семи человекъ. У всякаго изъ нихъ было по двойному шерстяному одѣялу. Вечеромъ они завертывались въ эти нѣкотораго рода плащи и, ложились рядомъ въ яму; хотя они лежали на смерзшемся снѣгу, но поддерживаемые теплотою, заимствуемою отъ соседей, наслаждались нѣсколькими часами сна въ положеніи довольно спосномъ. Одѣяла были расположены такимъ образомъ, чтобы ни какой членъ не могъ высунуться изъ подъ нихъ ночью; а на лице надѣвали они меховую маску. Въ тотъ день, какъ прибыли въ бухту *Фурія*, они, не смотря на всю свою бережливость, раздѣлили уже послѣдніе свои припасы. Можно вообразить, какъ ужасно было бы ихъ положеніе, если бъ, послѣ столь тягостнаго и продолжительнаго похода, они не нашли провизій, за которыми пришли, и въ которыхъ имѣли такую крайнюю нужду.

Спасеніемъ своимъ въ этомъ случаѣ экипажъ обязанъ мужеству и рѣшительному характеру Капитана Росса. Взявъ съ собою двухъ самыхъ здоровыхъ людей, онъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ, какъ они предполагали, должны были находиться запасы, оставленные Капитаномъ Парри. «Я пошелъ впередъ, говоритъ самъ онъ въ своемъ донесеніи, чтобы посмотреть, тутъ ли эти запасы или нѣтъ пото-

му что если бы весь экипаж пришел вдругъ, то ничего не нашелъ бы; большая часть изъ нихъ, или вѣрнѣе, все они, были обречены на неизбѣжную смерть.» Невозможно не признать, что успѣхъ послѣдней экспедиціи надобно приписывать его неутомимому мужеству и опытности. Не думаемъ, чтобы былъ другой человекъ, который бы приобрѣлъ столь точныя свѣдѣнія о моряхъ арктическихъ и полярныхъ. Онъ совершилъ уже шесть путешествій въ свѣрныя и северо-восточныя страны, и провелъ въ этихъ негостепріимныхъ странахъ четырнадцать лѣтъ и восемь зимъ.

Достигнувъ бухты Фурія, Капитанъ Россъ и товарищи его вознамѣрились отправиться въ проливъ Ланкастера, надеясь встрѣтить тамъ какое нибудь китоловное судно, которое бы могло извлечь ихъ изъ опаснаго положенія; но попытка ихъ осталась тщетною: ледъ во все это лѣто не разламывался, и имъ не оставалось другаго средства спасенія, какъ расположиться сколь возможно удобнѣе на зиму. Исторія этой зимовки безпримѣрна въ лѣтописяхъ мореплаванія, потому что все тѣ, которые находились въ подобныхъ обстоятельствахъ, по разбитіи ихъ кораблей, несчастнымъ образомъ погибли. Известна судьба Сира Гюгд Виллугби и его экипажа, и Русскихъ, застигнутыхъ зимою на Шпицбергенъ; они все пали жертвою суровости климата.

Въ числѣ средствъ, употребленныхъ Капитаномъ Россомъ и его товарищами для защиты отъ всякихъ случаевъ, которыхъ они могли опасаться, надобно поставить въ первой линіи то, что они устроили провѣтриваніе своего убѣжища, и прикрыли его толстымъ слоемъ снѣга. Жилище, которое они построили себѣ изъ обломковъ Фурія, было защищено снаружи снѣговою стѣною отъ четырехъ до семи футовъ въ толщину, которая, будучи поливаема водою при 15° морозе, тотчасъ припла плотность льда. «Такимъ образомъ, говорятъ Капитанъ Россъ, мы провели одну изъ самыхъ суровыхъ зимъ, какую люди когда-либо переносили, подъ настоящею ледяною горою.» Не возможно не признать важности въ подобныхъ обстоятельствахъ хорошей системы провѣтриванія; этимъ избѣгали они скопленія теплоты и сырости, которыя были бы очень пагубны посреди такой

холодной атмосферы. Следующее мѣсто изъ описанія третьяго путешествія Капитана Парри не позволяетъ въ этомъ сомнѣваться. «Недостатокъ теплоты постоянной, говорятъ этотъ знаменитый мореплаватель, производитъ внезапное сгущеніе всей сырости, порождаемой дыханіемъ и вареніемъ пищи, сырости, которая скопляется на ближайшихъ самыхъ холодныхъ предметахъ. Температура еще низшая превращаетъ ее въ ледъ; когда же теплота усиливается, этотъ ледъ превращается въ воду, потомъ снова испаряется и такимъ образомъ наполняетъ атмосферу весьма вредною сыростию.» Другое весьма важное предохранительное средство, есть воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ и всякаго горячительнаго питья. Матросы принуждены были наблюдать эту воздержность въ послѣдніе пятнадцать мѣсяцевъ и Капитанъ Россъ, не безъ причины приписываетъ отчасти этой невольной діетѣ сохраненіе здоровья своего экипажа.

Одиннадцать мѣсяцевъ боролись они въ бухтѣ Фурин съ столь тягостнымъ существованіемъ; наконецъ, въ Іюнь 1833, отправились оттуда, неся съ собою троихъ больныхъ, которые не въ состояніи уже были идти. Черезъ недѣлю они добрались до своей лодки; но не могли пройти пролива Принца-Регента прежде половины слѣдующаго мѣсяца. Наконецъ, слѣдовавъ долгое время вдоль береговъ бухты и проливовъ нѣкоторыя другія, они встрѣтили «Изабеллу», и были приняты на это судно. Въ это время они находились уже въ величайшей крайности, и ихъ трое больныхъ не прожили бы еще и двухъ недѣль, если бы китоловы не оказали имъ помощи почти неожиданной, потому что весь экипажъ былъ истощенъ голодомъ и усталостию.

ХИТРОСТИ КОНТРАБАНДИСТОВЪ. Главный директоръ таможенъ во Франціи сообщилъ своему правительству слѣдующія любопытныя извѣстія.

«Контрабандою преимущественно занимаются вынѣ собаки. Тайный провозъ товаровъ на собакахъ сдѣлался всеобщимъ съ 1825 года, когда перестали употреблять для этого лошадей. Нововведеніе скоро распространилось по всей границѣ, отъ Дюнкирхена до Безансона.

«Въ 1823 году ввезено такимъ образомъ только 100,000 килограммовъ (250,000 фунтовъ) товару; въ 1825 году, 187,315 килограммовъ, а въ 1826, уже 2,100,000 килограммовъ (5,250,000 фунтовъ). Вычислено, что, среднимъ числомъ, каждая собака вноситъ по шести фунтовъ въ вояжъ, но иногда несетъ она фунтовъ двадцать пять и тридцать. Это вычисленіе основано на количествѣ товара, найденнаго на собакахъ, убитыхъ объездчиками, и на томъ обстоятельстве, что этихъ животныхъ убиваютъ десятую, а иидь только двадцатую часть; по подобныя показанія, разумется, весьма неопредѣленны. Нѣкоторые таможенные офицеры полагаютъ, что убивается не болѣе $\frac{1}{78}$ доли, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе получено извѣстіе о скоромъ ихъ появленіи.

«Болѣе всего провозятъ такимъ образомъ табакъ и колоніяльныхъ товаровъ, бумажныхъ тканей и пряжи. Попадались собаки, несшія на 600, 800 и 1200 франковъ товару; иногда ввозятъ на нихъ сочиненія, писанныя противъ правительства.

«Вообще приучаютъ къ этому собакъ крупной породы. Ихъ вывозятъ за границу въ кипахъ, держатъ тамъ нѣсколько часовъ безъ корму, потомъ навьючиваютъ запрещеннымъ товаромъ, обвивая его около ихъ туловища, и тщательно обвертывая собачьей шкурою; а вечеромъ, поколотивъ ихъ добрымъ порядкомъ, выпускаютъ на волю. Подстрекаемыя голодомъ, онѣ почти всегда бѣгутъ прямо къ своимъ хозяевамъ, живущимъ въ двухъ или трехъ миляхъ отъ границы: онѣ ужъ навѣрно знаютъ, что тамъ ожидаетъ ихъ хорошій пріемъ.»

Вотъ еще другой замѣчательный примѣръ контрабанды и вмѣстѣ той попечительности, какую имѣетъ Англійское купечество о скоромъ и своевременномъ разореніи вслѣдъ иностранной промышленности, которая начинаетъ быть опасною Великобританской торговлѣ.

Одна Американская компанія начала разработывать свинцовый рудникъ. Англичане испугались соперничества въ торговѣ этимъ металломъ, и чтобъ подорвать Американцевъ, отправили въ Соединенные Штаты значительное количество свинцу, и продали его съ большимъ убыткомъ. Вашингтонское правительство почувствовало грозящій ему ударъ,

и обложило тяжкою пошлиной ввозъ свинцу въ Америку. Къ несчастію, постановленіе было такъ написано, что на-
паясь возможность, воспользоваться его неопредѣленностью:
запрещая свинецъ, республиканскіе законодатели разре-
нили ввозъ пуль и ядеръ. Тотчасъ набрали въ Лондонѣ
цѣлую армію маленькихъ дѣтей: стоя день и ночь на колѣ-
няхъ передъ жаркимъ огнемъ, на которомъ кипѣли котлы
съ металломъ, ребяташки выливали пули, выдѣлывали яд-
ра, и за этотъ изнурительный, опасный и несоответственный
ихъ слабому возрасту трудъ, получали плату самую ничтожную.

Человѣчество вопіетъ противъ такихъ продѣлокъ, Поли-
тическая Экономія не признаетъ ихъ пользы; но личныя
выгоды и корысть сильней всѣхъ умозрѣній. Разработка
Американскихъ свинцовыхъ рудниковъ оставлена обанкру-
тившимися спекулянтами: Англичане только того и хотѣли.

ВЕРХОВАЯ ЯЗДА НА ПТИЦАХЪ. «Мы отправились вер-
хомъ изъ Александріи, рассказываетъ одинъ путешествен-
никъ, въ Сиву, оазисъ, лежащій въ пустынь къ западу отъ
Египта. Насъ было двое, я, да мой проводникъ, Аравитя-
нинъ Абуль-Азра. Запасшись водою и съѣстнымъ на неде-
лю, мы смѣло пустились въ песчаная и безплодная равни-
ны Ливійской степи. Солнце палило, зной былъ несносенъ.
Надо жъ было намъ заблудиться. Нѣсколько времени шли
мы на удачу; наконецъ увидѣли небольшой станъ Арабскихъ
мужиковъ изъ Сивы, которые занимались ловлею страусовъ.
Цѣлыя сутки были они безъ воды и умирали отъ жажды.
Я уступилъ имъ часть своего запаса. Одинъ изъ охотниковъ
тотчасъ привелъ пять молодыхъ и почти ручныхъ страусовъ,
неотступно упрашивая меня взять любыхъ въ знакъ благо-
дарности за оказанное мною благодѣяніе.

Я выбралъ прекраснѣйшаго самца и прекраснѣйшую сам-
ку: они тотчасъ съѣли часть зерноваго хлѣба, приготоовлен-
наго для нашихъ лошадей, а потомъ съ удивительною жад-
ностью проглотили нѣсколько голышей, которые валялись
около нихъ. Я привязалъ имъ по нѣскольку веревокъ къ
шеѣ и къ ногамъ, въ тѣхъ мысляхъ, что они непремѣн-
но уйдутъ отъ насъ при первой нашей оплошности. Позвъ
финиковъ, мы простились съ бѣдными охотниками, благодаря

ихъ за подарокъ, который насъ очень затруднялъ. Однако жъ, по первому знаку страусы, пустились съ нами вмѣстѣ, и ни сколько насъ не озабочивали, идучи однимъ шагомъ съ лошадьми, и во всемъ соображаясь съ порядкомъ нашего шествія. Это не перемѣнило во мнѣ желанія отпустить ихъ на волю, когда мы отъедемъ подальше, но Абуль-Азра такъ краснорѣчиво говорилъ въ пользу страусовъ, что я согласился оставить ихъ при себѣ.

Между-тѣмъ оляги у насъ опоражнивались, и лошадямъ не доставало того корму, который мы имъ задавали. Они примѣтно исхудали и по-видимому очень немогли.

На третій день по встрѣчѣ съ охотниками, мы остановились, и повѣвши, я спокойно уснулъ на рогожкѣ, какъ вдругъ пронзительный крикъ разбудилъ меня навскачъ.

— Что это, Абуль-Азра? вскрикнулъ я, перепугавшись.

— Бѣда съ нами, милордъ: одна лошадь сейчасъ издохла, другая ногъ не волочить.

Какъ громъ поразила меня эта новость, потому что я чувствовалъ всю мѣру своего несчастія и необходимость вырваться уже изъ этихъ степей, которымъ Природа отказываетъ въ послѣднемъ подаваніи. Тысячи мыслей печалили и волновали меня попеременно; я то былъ мраченъ и задумчивъ, то приходилъ въ отчаяніе. «Такъ пойдемъ же вопреки судьбѣ, сказалъ я своему проводнику: по словамъ охотниковъ, отсюда до Муселлема должно быть только три дня ходьбы; возьмемъ съ собой одно самонужнѣйшее, и пустимся въ дорогу.»

Такъ говорилъ я въ крайнемъ раздраженіи, а въ самомъ дѣлѣ продолжительное и тягостное путешествіе уже до того истощило во мнѣ силы, что я бы никакъ не дошелъ до Муселлема, деревни, прилежащей къ Сивъ. Притомъ, мы не могли обойтись безъ воды, а у насъ не было подъ нее другихъ сосудовъ, кромѣ олягъ, которыя обременили бъ насъ до чрезвычайности. Поневолю прибѣгнули къ помощи страусовъ: они были исполинскаго роста, тѣломъ толсты, съ предлинными и прекрѣпкими ногами, мышцеватыми лядвеями, широкими и жилистыми ступнями; мы уложили къ нимъ на спину необходимыя для насъ вещи, такъ, чтобъ онѣ не мѣшали ихъ движенію, съли верхомъ

каждый на своего страуса, и повернувъ ихъ къ Сибѣ, дали имъ полную волю. Они быстро понеслись впередъ, руководимые только палкою, которая направляла ихъ головы въ ту сторону, куда намъ надо было влѣтъ. Скоро они встрепенули крыльями, и начали шагать съ удивительною быстротою, чуть касаясь земли. Право, любопытно было бы видѣть со стороны, какъ мы оба, сидя верхомъ у страусовъ на шеѣ, и уцѣпившись руками за свои пожитки, чуть сохраняли равновѣсіе, благодаря быстротѣ этихъ чудныхъ бегуновъ: мы едва переводили дыханіе, волосы становились у насъ дыбомъ, и платье развѣвалось по ветру. Не раздумалъ я объ оригинальности этого путешествія, и право далъ бы сто гиней, чтобъ какой-нибудь Европеецъ видѣлъ меня въ этомъ положеніи, торчащего, задыхающагося и пролетающаго въ одинъ мигъ огромныя разстоянія. Я потерялъ шляпу, съ проводника моего сорвало чалму; но не было возможности остановиться, чтобъ поднять ихъ. Скакуны наши пожирали пространство съ неизмѣнимою скоростью; притомъ мы боялись и испугать ихъ. Къ полуночи мы увидѣли нѣсколько деревьевъ и худо выстроенныхъ домовъ, и по этому заключили, что мы ужъ на мѣсть. Въ двѣнадцать часовъ проехали мы разстояніе, требующее трехсуточной прилежной ѣзды на лошадяхъ: никогда не ощущалъ я такого истиннаго, такого живаго удовольствія. Наконецъ страусы остановились, но мы не прежде могли удержать ихъ стремленіе, какъ спрыгнувъ съ нихъ, и то съ величайшимъ трудомъ.»

НОВАЯ ЯСНОВИДЯЩАЯ. Американскіе журналы и газеты наполнены рѣчами и описаніями чудесныхъ дѣйствій одной ясновидящей, которая занимаетъ въ ихъ столбцахъ столько же мѣста, какъ ссора Банка, Сената и Президента Джаксона. Эта ясновидящая — дѣвушка девятнадцати лѣтъ, прекрасная собою. До своей она болѣзни была чрезвычайно глуха; съ тѣхъ поръ, какъ начала страдать мозговыми припадками, умственные ея способности разомъ приобрѣли необыкновенное развитіе. Особенно зрѣніе ея чрезвычайно остро во время сна. Люди, достойные ввротія, свидѣтельствуютъ, что она весьма свободно читаетъ, разрѣшаетъ алгебраическія

задачи или играетъ въ трикъ-тракъ, хотя очевидно спитъ и глаза ея покрыты кисеею, въ семь разъ сложенною. Въ Америкѣ такихъ чудесъ еще не бывало. Но одинъ ученый врачъ, который ее пользуетъ, увѣряетъ, что онъ вылечитъ ее непременно, и что въ скоромъ времени, съ помощію Божіею, она опять будетъ совершенно глупа. Между-тѣмъ, пока несчастная дѣвушка не выздоровѣетъ отъ своего ума, удивительныя ея качества дѣлаютъ ее предметомъ всеобщаго любопытства.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛѢДОВАНИЕ СНОВЪ. Теорія сповидній съ давняго времени утомляетъ проникательность философовъ сбивчивостью своихъ фактовъ. Въ Германіи, физиологи школы Океновой обыкновенно относятъ сны къ особенному міру, открытому ими въ нижней части нашего тѣла, за желудкомъ, близъ сердцевой полости, — коротко сказать, къ какимъ-то умственнымъ способностямъ нервныхъ узловъ, или ганглій, которымъ приписываютъ она родъ особой памяти, особое воображеніе, или фантазію, или точнѣе, силу облекать понятія внутри насъ самими наружными формами и цвѣтами предметовъ. Если принять за основаніе, что во время сна мозгъ и всѣ умственныя отправленія, въ немъ совершающіяся, находятся въ совершенномъ бездѣйствіи, въ оцѣпѣннѣи, и что однѣ гангліи бодрствуютъ въ то самое время, то ученіе ихъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ въ себѣ нечто правдоподобное; но съ другой стороны самыя сповиднія и ихъ подробности сильно противорѣчатъ этой физиологической гипотезѣ. Женевскій профессоръ Прево предлагаетъ другое, чисто-психологическое объясненіе сновъ, которое очень замысловато, ясно, и не основано на предположеніяхъ, недоказанныхъ и немогущихъ быть доказанными.

Феномены сна, говорятъ Г. Прево, частію принадлежатъ Физиологіи или Медицинѣ, частію Психологіи или Философіи. Разсмотримъ ихъ въ послѣднемъ отношеніи, но прежде замѣтимъ, что раздѣленіе это не новость: еще Аристотель начинаетъ свое разсужденіе «О снѣ и бдѣніи» вопросомъ, въ какой степени оба эти состоянія зависятъ отъ тѣла или отъ души. Говоря о мороченьяхъ сна, онъ сравниваетъ ихъ съ

Т. V. — Отд. V II.

оптическими обманами, и какъ-бы основывается на этомъ новую теорію, къ которой мы скоро возвратимся.

Шотландскому философу Дюгалдъ-Стьюарту обязаны мы собственными, остроумно и увлекательно развитыми взглядами на феномены сна. Какъ мы хотимъ воспользоваться отчасти и его началами, то должны сперва повторить ихъ вкратцѣ.

«Одной только способности, говоритъ онъ, нѣтъ у насъ во снѣ, — владычества воли. Самая воля есть; часто хотимъ мы бѣжать, схватить, достать, — хотимъ, и не можемъ. Воля утратила силу свою надъ тѣломъ.

«То же самое и съ властію духа. На яву, или въ полной дѣятельности, духъ обращаетъ мысли свои, на что захочетъ; рассматриваетъ предметъ произвольно выбранный; останавливается на одномъ и томъ же изслѣдованіи или переходитъ къ другому, даже просто къ разсѣянности. Это духовное господство воли во снѣ почиваетъ. Воля хочетъ еще повѣлывать, но напрасно.

«Что жъ это за владычество воли? Дѣйствіе ея на мысль трудно вообразить себѣ непосредственнымъ. Хочешь, жальешь предмета, избираешь его только тогда, когда онъ предъ мыслию. Какъ можно духу въ то самое время, когда занимаетъ его одинъ предметъ, переходить къ другому, для него отсутствующему? Но весьма легко понять такой переходъ, такое предпочтеніе, если вообразить его посредствомъ инымъ и основывающимся на свойствахъ мыслесцепленія.

«Ни одна идея не остается одна; всѣ въ связи между собою. Списокъ напоминаетъ образецъ, — образецъ чловѣка; чловѣкъ — его родину; голосъ приводитъ на мысль наружность, дѣйствіе причину, и такъ далѣе. Эти сцепленія размножаются до безконечности и дѣйствуютъ независимо отъ воли. Но духъ властенъ прерывать ихъ теченіе, выходя въ одну изъ идей, и на ней останавливаясь. Такъ напримѣръ, имя «Ньютона» пробуждаетъ многія семейства мыслей. Каждый пропускаетъ тѣ идеи, которыя не имѣютъ ни какой связи съ предметомъ его занятій, и прилипается къ той, которая общаетъ ему выводы. Для хронолога, въ имени Ньютона, главное — вѣкъ или жизнь знаменитаго му-

жа; для физика — притяженіе; для одного дифференціалы и интегралы; для другаго Апокалипсисъ, и такъ дагье.

«Мыслесцѣвленіе, способность вовсе не произвольная, никогда не почиваетъ. Она безпрестанно представляетъ духу рядъ образовъ, проявленій, дѣлая его какъ бы простымъ зрителемъ. Но для того, чтобъ этимъ проявленіямъ сдѣлаться снами, характеръ ихъ долженъ измѣниться. Тогда они ужь не проявленія: вѣришь ихъ дѣйствительности, точно какъ бы то было на яву.

«Довольно смѣлая, но весьма осповательная ипотеза объясняетъ этотъ феноменъ. Когда передъ духомъ нашимъ носится образъ отсутствующаго предмета, духъ всегда воображаетъ въ немъ самый предметъ передъ собою; онъ убѣжденъ въ его существованіи, — убѣжденіе мгновенное, но однородное и равносильное съ тѣмъ, которое основывается на свидѣтельствѣ чувствъ. Если при наименованіи близкаго къ сердцу челоуѣка возникаетъ во мнѣ идея или образъ его наружности, его голоса, его жестовъ, и я вскрикиваю — Вижу, слышу его! — то слова мои должно принять въ собственномъ смыслѣ: они говорятъ то, что сказали бы, если бъ онъ стоялъ живой передо мною. Въ это невыразимо короткое мгновеніе я подлинно его видѣлъ. Но тотчасъ послѣ, другія, живѣйшія впечатлѣнія мѣшаютъ мнѣ долѣе предаваться мечтѣ, и размышленіе, разсудокъ быстро заставляютъ меня признать ее за то, что она есть дѣйствительно, — за воспоминаніе. Размышленія такого рода предполагаютъ дѣйствіе вниманія, основанное на превозмогающей силѣ воли. Если теперь допустимъ, что, во время сна, воля теряетъ власть свою надъ размышленіемъ, разсудкомъ, умомъ, то легко будетъ объяснить, почему мы становимся игрушкою своихъ воспоминаній, и вѣримъ мечтамъ точно такъ же, какъ дѣйствительности. Разсудокъ не прибѣгаетъ разузвритъ насъ тотчасъ въ существенности представляющихся образовъ, и обманъ продолжается.

«Отчего, однако, пробудившись, мы иногда забываемъ сонъ, иногда помнимъ? Память тѣсно связана со вниманіемъ. Чѣмъ дѣятельнѣе было оно при наблюденіи, тѣмъ глубже врезалось наблюденное. Дѣйствіе вниманія предполагаетъ бодрое состояніе, пробужденіе. Но положимъ,

что рядъ образовъ отчего-нибудь перервался, въ такомъ случаѣ, и безъ пробужденія, или по-крайней-мѣрѣ въ просонь, оставляетъ онъ слѣды въ памяти. Вѣроятно, воспоминаніе происходитъ тутъ отъ несовершеннаго сна.»

Эти начала и порожденные ими думы уже съ давнихъ поръ побудили меня, продолжаетъ Г. Прево, къ собранію опытовъ, и именно моихъ собственныхъ опытовъ. Каждый сонъ, въ его болѣе или менѣе чудной формѣ, въ болѣе или менѣе сложной его цѣлости, списывалъ я вѣрно, и читателю не трудно будетъ примѣнить мои наблюденія къ самому себѣ.

Вліяніе первыхъ впечатлѣній. Аристотель замѣчаетъ, что дѣтямъ, въ первые годы жизни, ничего не снится, и что сны начинаются только на четвертомъ или на пятомъ году: просимъ припомнить, что это въ климатѣ Греціи, и что дѣло идетъ о связанныхъ сновидѣніяхъ. Въ «это время, говоритъ онъ далѣе, имъ очень живо грезится.» Такое замѣчаніе можно объяснить тѣмъ, что въ первые годы дѣтямъ трудно различать состояніе сна отъ бдѣнія; всѣ образы для нихъ равно дѣйствительны, потому что они лишены тѣхъ способовъ къ различенію, которые почерпаются изъ обстоятельствъ и размышленія. Имъ подлежатъ еще два шага: во-первыхъ, какое-то неопредѣленное, неполное различеніе; во-вторыхъ, известное сцѣпленіе воспоминаній, дѣйствующее уже такъ сильно, чтобъ, пробудившись, можно было составить себѣ нѣчто цѣлое. Этотъ послѣдній шагъ требуетъ нѣкотораго вниманія и навыка.

Примѣры: Я былъ немного старѣе того возраста, который Аристотель полагаетъ предѣломъ сновидѣнію, когда мнѣ приснилось что-то странное и печальное объ одномъ мальчикѣ, лучшемъ моемъ другѣ. Этотъ сонъ занималъ меня до такой степени, что я описалъ его, — доказательство живости тѣхъ впечатлѣній, которыя производятся съ нами въ раннихъ лѣтахъ.

Гюберъ, знаменитый наблюдатель пчелъ, еще на восемнадцатомъ году потерявшій зрѣніе, сказывалъ мнѣ, когда ему было 66 лѣтъ, что онъ никогда не видалъ во снѣ происшествій, случившихся въ теченіе продолжительнаго слѣпотства его. Грезы всегда переносили его къ тому време-

ни, когда онъ еще видѣлъ. Семейство, которое онъ такъ любилъ, въ позднѣйшихъ снахъ никогда ему не грезилось.

Вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ. Вообще замѣчаютъ, что вещи, ощущаемыя нами во снѣ, мѣшаются въ наши грезы.

Примѣры: За нѣсколько лѣтъ снилось мнѣ, что я купаюсь въ рѣкѣ, и что вода очень холодна. Несмотря на то, чувствовалъ я самую пріятную температуру. Безъ сомнѣнія, дѣйствовало во мнѣ ощущеніе постельной теплоты.

Въ другой разъ держалъ я во снѣ кошку, и къ великому моему удивленію, это животное, подражая своимъ голосомъ человѣческой рѣчи, отвѣчало на вопросъ, который я сдѣлалъ ему въ шутку, лаская его. Пробудившись, слышу мяуканье, которое очевидно причинило мой сонъ.

Въ Октябрѣ 1811 года, слышалъ я во снѣ, что одна женщина подражаетъ притворному голосу мужчины, говорящаго, изъ жеманства, по-реблячи. Безпрестанно повторяла она одинъ и тотъ же слогъ однимъ и тѣмъ же тономъ. Наконецъ я вышелъ изъ терпѣнія, и старался, но тщетно, перервать однозвучную пѣсню. Я умолялъ ее перестать; спрятавшись въ отдаленную комнату; но старуха, гнуся какъ за азыкъ повѣшенная, всюду меня преслѣдовала. При последнемъ усилии избавиться отъ этой музыки, я проснулся, и услышалъ короткіе, однозвучно повторяющіеся удары молотка жестяника, жившаго въ моемъ сосѣдствѣ, и имъ-то я вѣроятно обязанъ былъ своимъ сномъ.

Слѣдующій примѣръ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Одному человеку выжигали во время сна на ногѣ затвердѣлость, и эта операція не только не оставила въ немъ ни малѣйшаго воспоминанія, но даже не помѣшала пріятнымъ его грезамъ, хотя, въ продолженіе ея, нога болѣзненно содрогалась. Кажется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по-крайней-мѣрѣ во снѣ, душа можетъ отвлекаться до такой степени, что остается совершенно чуждою видимыхъ тѣлесныхъ ощущеній. Въ такомъ случаѣ, эти ощущенія — чисто механическія.

Памятные сны. Память, сохраняетъ ли она или производитъ воспоминаніе, основывается на двухъ способностяхъ, — мыслесцепленія и внимательности. Есть воспоминанія не

вольныя, зависящія отъ безсознательнаго сцѣпленія идей. Произвольное воспоминаніе иногда легко, иногда трудно, а иногда вовсе невозможно. Если не существуетъ во снѣ способности, которую мы назвали владычествомъ воли, то въ немъ не должно быть и намѣреннаго воспоминанія, безъ намѣреннаго же дѣйствуетъ свободно. Часто, не-думая, свитса длинная цѣпь воспоминаній. Слѣдующіе примѣры однако относятся къ произвольному воспоминанію.

Во снѣ не могъ я припомнить слова, выражающаго понятіе «мародеръ». Я искалъ его съ усердіемъ, и точно такъ, какъ бы на яву. Но все напрасно. Наконецъ, послѣ сильнаго напряженія, нашелъ я это слово, — и проснулся. Здѣсь воля хотя и обнаружила по-видимому нѣкоторую силу, но въ то же время прервала мой сонъ.

Въ другой разъ говорилъ я во снѣ съ двумя знакомыми. Одинъ изъ нихъ перевернулся и оборотилъ ко мнѣ со всѣмъ чужое лице, такъ что я не захотѣлъ съ нимъ говорить, чувствуя къ нему какое-то отвращеніе, и эта борьба чувствъ разбудила меня.

Вероятно въ душѣ моей проходилъ тогда цѣлый рядъ образовъ, и я не могъ остановиться на томъ, который занималъ меня.

Грезы въ просонь. Въ просонь, можно иногда сомнѣваться въ дѣйствительности своихъ сновидѣній, даже можно быть увѣрену, что въ самомъ дѣлѣ это только грезится.

Такъ чудилось мнѣ однажды, что я сижу за большимъ столомъ подлѣ незнакомаго мнѣ чловѣка. Послѣ нѣсколькихъ незначащихъ фразъ, я сказалъ ему въ полголоса что-то дружелюбное. Онъ наклонился ко мнѣ, какъ-будто для того, чтобъ я повторилъ сказанное. Я за это осердился и сказалъ ему: «Зачѣмъ мнѣ повторять тебѣ одно и то же? Вѣдь ты созданіе моего сна.» — И сна какъ не бывало.

Вліяніе непосредственно предшествовавшихъ умственныхъ занятій. Ноября 26, 1831, вечеромъ, читалъ я нѣсколько часовъ дѣтскія сочиненія малютки, которая мнѣ дорога. Сонъ, виданный мною утромъ, имѣлъ связь съ этими занятіемъ. Вотъ онъ. Многіе мои товарищи собрались для того, чтобъ писать разсужденія на заданную тему. Долны

и до меня очередь. Тема мнѣ понравилась, я занялся ею, и проснувшись, очень хорошо помнилъ свой планъ. Во снѣ я чрезвычайно заботился о почеркѣ, и писалъ какъ-можно четче.

Въ Февралѣ 1831 года, читалъ я Тасса и Мильтона, и въ то же время занимался нѣкоторыми космогическими явленіями. Послѣ этого, видѣлъ я сонъ поэтической, смѣшанный съ космогонією. Въ немъ явился мнѣ рядъ прекрасныхъ образовъ первобытнаго міра, подъ эмблемою фигуръ взящныхъ.

Собесѣдники во снѣ. Часто во снѣ чему-нибудь дивишься. Сначала кажется, трудно постичь, какъ можетъ душа удивляться мыслямъ или противоположностямъ, ею же самою созданнымъ. Но если точнѣе разсмотрѣть способность мыслесцвпленія, которою онѣ сближаются, тогда понятно, что такъ какъ эта способность не подвержена во снѣ владычеству воли, то она можетъ цвплять одну идею съ другой совсѣмъ не такъ, какъ мы, при свободномъ ея употребленіи. Не знаю, до какой степени это примѣняется къ отвѣтамъ собесѣдника. Здѣсь конечно надо будетъ различать, легко ли предвидѣть такой отвѣтъ, и не заключается ли онъ въ ряду мыслей сновидца. Въ послѣднемъ случаѣ, собесѣдникъ, кажется, долженъ оставаться безгласнымъ.

Примѣры: Въ Октябрѣ 1831, снилось мнѣ, что я сижу въ маленькомъ обществѣ, гдѣ читаютъ рукопись, раздѣленную на главы. Надъ первою главою была надпись — «Религія», надъ второю — «Земледѣліе». Въ началѣ послѣдней чтець остановился. Я взялъ тетрадь, и сказалъ обществу, что первая глава оканчивается примѣчаніемъ, которое чтець пропустилъ. Оборотившись къ нему, я спросилъ его: Зачѣмъ пропустили вы это примѣчаніе? Отвѣта не было. Я повторилъ вопросъ свой громче. И то напрасно. Я назвалъ его глухимъ, — и проснулся.

Въ другой разъ, заставилъ я во снѣ одного ученика переводить съ Латинскаго. Вдругъ онъ останавливается и не хочетъ повторить слова, которое я ему только-что объяснилъ. Зная его способности и прилежаніе, я этому крайне удивился. Напрасно я его уговаривалъ; онъ упорствовалъ въ молчаніи.

Казалось, мнѣ должно было бы предвидѣть отвѣтъ, и подсказать его ученику. Быть-можетъ, воля моей не доставало силы остановиться на ожидаемомъ отъ него словѣ, и отъ того она увлеклась другимъ рядомъ мыслей.

Вліяніе суевѣрія. Причины нашихъ заблужденій тѣмъ болѣе заслуживаютъ быть изслѣдованы, что познаніе ихъ почти во всякой душевной болѣзни указываетъ на лжкарство.

Народное суевѣріе въ разсужденіи сновъ, подобно вѣсьмъ суевѣрнымъ понятіямъ, обязано происхожденіемъ своимъ слабости нашихъ умственныхъ способностей и недостатку въ просвѣщеніи, потребномъ для полной дѣятельности нашихъ силъ душевныхъ. Эти общія причины въ каждомъ человѣкѣ принимаютъ форму, соответственную особенной природѣ.

Случайное согласіе сна съ позднѣйшимъ событіемъ, — вотъ что преимущественно побуждаетъ сновидца почитать сонъ свой сверхъ-естественнымъ. Страсть къ чудесному охотно дополняетъ это согласіе удостоверительными обстоятельствами. Вѣроятно, такъ было и съ извѣстнымъ сномъ Лотихіуса, предсказавшаго очень подробно осаду Магдебурга Карломъ V. Этотъ поэтический сонъ слылъ тогда неоспоримымъ предсказаніемъ, хота сочинитель вѣрно удосужился описать сонъ своей обстоятельнѣе уже *post eventum*, по окончаніи осады.

Согласіе какого-нибудь дѣйствительнаго случая съ предшествовавшимъ сномъ можетъ быть таково, что въ немъ нѣтъ ничего чудеснаго: тутъ ужъ какое-нибудь особенное обстоятельство должно породить въ сновидцѣ мысль о вліяніи высшаго могущества. Хуанъ Мальдонадо, Испанскій Ученый XVI вѣка, ревностно трудился надъ комментариемъ къ Св. Евангелію, и боялся не дожить до окончанія. Онъ увидѣлъ во снѣ человека, который ободрялъ его и предсказывалъ, что онъ успеетъ совершить предпринятый трудъ, но что вскорѣ потомъ умретъ. Такъ и случилось. Мальдонадо кончилъ свой комментарий, и потомъ самъ скончался отъ внезапной болѣзни. Величайшему чудовищу могло казаться естественнымъ, что писатель занимался во снѣ сочиненіемъ, которое на яву всегда было у него передъ гла-

зани, что онъ надѣялся дожить до его окончанія, и что усугубленное напряженіе не дало ему долго пережить счастливую эпоху. Одно обстоятельство, дополнивъ чудо, съ тѣмъ вмѣстѣ прославило и сонъ: Мальдонадо умеръ отъ какой-то болѣзни во внутренностяхъ, — вотъ и стали говорить о таинственномъ тѣлодвиженіи явившагося ему пророка, которое, при надлежащемъ толкованіи, ясно предвѣщало болѣзнь — по смерти больнаго.

РЕНДЖИТЬ-СИНЬ , ЦАРЬ ЛАГОРСКІЙ И КАШМИРСКІЙ.

Ренджить-Синь съ давняго времени обращалъ на себя вниманіе Европейскихъ политиковъ, помышлявшихъ о способахъ отнять Остъ-Индію у Англичанъ. Сколько разъ представленъ онъ былъ героемъ и могущественнѣйшимъ властелиномъ Востока! сколько чудесъ написали объ его военной силѣ, добродѣтеляхъ и сокровищахъ! какъ часто уже всю Индію предавали въ руки этого храбраго обладателя Сейковъ, — одного изъ всѣхъ Индѣйскихъ народовъ, еще сохранившаго свою самобытность! Свидѣтельство покойнаго Виктора Жакмона, который долго жилъ въ владѣніяхъ Ренджить-Сина и находился у него въ милости, можетъ дать вѣрнѣйшее объ немъ понятіе.

Онъ завладѣлъ всѣмъ Лагоромъ и наконецъ недавно Кашмиромъ. Армія у него образована по-Европейски и почти всегда занята внутреннею борьбою съ полудикими и воинственными поколѣніями, которыя безпрестанно свергають съ себя тяжкое его иго.

Ренджить-Синь, къ счастью своему, царь чрезвычайно бодрственный: его дѣятельность, его предприимчивый гений, воинскія дарованія, нѣсколькихъ Французскихъ офицеровъ, обучавшихъ его солдатъ Европейскимъ эволюціямъ, совершенно необходимы для того, чтобы держать въ порядкѣ столько разнородныхъ племень, и придать нѣкоторое единство этой смѣси. Не знаю, почему одинъ знаменитый географъ, Г. Адріанъ Бальби, увѣряетъ, будто Ренджить-Синь умеръ въ 1827 году: Ренджить-Синь не умеръ; онъ былъ живъ во время путешествія Г. Жакмона, въ 1851 году, и все заставляетъ думать, что онъ живъ еще и понынѣ. Нельзя сказать, чтобы Ренджить-Синь

былъ государь очень законный: онъ просто счастливый солдатъ. Сдѣлавшись изъ простыхъ помѣщиковъ предводителемъ нѣсколькихъ шаекъ, а потомъ изъ генераловъ царемъ милостію 20,000 неустрашимыхъ грабителей, онъ покорилъ подъ власть свою весь союзъ Князей Сейкскихъ, которые были некогда ему равными, и значительную часть древняго царства Кабульскаго. Тѣ, которыхъ онъ еще не покорилъ, весьма исправно платятъ ему дань изъ денегъ, отнимаемыхъ у путешественниковъ.

Ренджитъ-Синъ, даже и въ Европѣ, былъ бы человекомъ необыкновеннымъ; но среди своего народа онъ человекъ великій. Въ глазахъ Виктора Жакмона онъ просто оригиналъ. Ренджитъ-Синъ пятьдесятъ одинъ годъ; онъ средняго роста и носитъ длинную седую бороду. Онъ слабъ здоровьемъ, но одаренъ необыкновенною живостію ума. Всякой годъ онъ приводитъ въ порядокъ совѣстныхъ дѣла свои, отправляясь на богомолье въ святой храмъ Гурру-Говиндъ-Синскій, въ Умбритсаръ; но для него набожность только маска, которой онъ, впрочемъ, во зло не употребляетъ. Ренджитъ-Синъ храбръ, хитеръ, прожорливъ и чрезвычайно любопытенъ, — что составляетъ совершенную противоположность съ безпечностію и беззаботностію Индійскаго характера. Онъ большой охотникъ до лекарствъ; заказываетъ ихъ сотнями, и для забавы заставляетъ своихъ пріятелей и слугъ принимать ихъ. У него истинно бѣшеная страсть къ лошадямъ: онъ не разъ велъ кровопролитныя войны для того, чтобы отнять лошадь, которой ему не хотѣли дать добровольно. Женъ у него цѣлый полкъ: онъ живутъ въ гаремѣ какъ въ казармѣ, обучены ѣздить на лошадяхъ и маневрируютъ на солнцѣ, сидя просто верхомъ, какъ наши кавалеристы. Вотъ Ренджитъ-Синъ. Въ Пенджабѣ онъ человекъ счастливый, государь неограниченный, военачальникъ искусный, грабитель немилосердный; у него армія въ 40,000 ч., бюджетъ въ 50 милліоновъ рублей, поваръ превосходный и самые развратные во всемъ свѣтѣ правы.

Два обстоятельства доставили Жакмону хорошій у него пріемъ. Во-первыхъ, онъ былъ Французъ, а Ренджитъ-Синъ страстно любитъ Французовъ. Арміями его коман-

дуетъ Французскій офицеръ, Алларъ. Г. Алларъ сверхъ того, превосходный сборщикъ податей. Судите сами: «Мать «цѣмой стан мелкиѣ горныѣ раджей (князьковѣ) недавно умерла, пишетъ Г. Жакмонъ, оставивъ послѣ себя двѣнадцать лаковъ рупій (2,250,000), и двѣ дерутся за это «наслѣдство. Ренджитъ-Синъ отправилъ Г. Аллара на «мѣсто, чтобы отнять у нихъ всю прищину къ ссорѣ, «то есть, всѣ эти двѣнадцать лаковъ рупій.» Соотечественникъ столь искуснаго министра финансовъ могъ быть увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ при дворѣ царя Лагорскаго; но онъ имѣлъ и другое право на его уваженіе: Ренджитъ-Синъ вообразилъ, что Викторъ Жакмонъ тайно подослалъ къ нему Англію. А надобно вамъ знать, о чемъ думаетъ Ренджитъ-Синъ, когда не курить кальяна въ носъ доброму своему народу, сидя на слонѣ съ прелестницею, или не рыщеть по полямъ, ища приключеній: Ренджитъ-Синъ думаетъ только о томъ, что, рано или поздно, Остъ-Индская компанія поглотитъ его царство. И Ренджитъ-Синъ правъ: царство его такъ и должно кончиться. Пусть только компанія подождетъ, пока онъ умретъ; но я не советую ей полагаться на это: «Ренджитъ-Синъ негодяй и плутъ большой руки,» говоритъ гдѣ-то Викторъ Жакмонъ.

Вся политика Ренджитъ-Сина заключается единственно въ изысканіи средствъ избавиться отъ нашествія Англичанъ. Но царь Лагорскій содержится къ генераль-губернатору Индіи, а Пенджабъ къ Англійскимъ владѣніямъ, какъ три милліона фунтовъ стерлинговъ къ двадцати пяти милліонамъ. По-этому бюджетъ царя Лагорскаго покорившейся слуга огромнаго бюджета Сиръ Вилльяма Бентинка; поэтому онъ и принужденъ ласкать Сиръ Вилльяма, льстить Сиръ Вилльяму, пока не удастся измѣнить ему. Поэтому, наконецъ, и бѣднаго натуралиста, Виктора Жакмона, принималъ онъ такъ хорошо, что почиталъ его шпиономъ Индѣйскаго генераль-губернатора. Чтобы довершить свое гостеприимство къ мнимому лазутчику, при отъѣздѣ Жакмона изъ Пенджаба, наслѣдникъ Пора не-шутя предложилъ ему мѣсто Кашмирскаго вице-роя. Жакмонъ, увидѣвъ, что другъ его Ренджитъ-Синъ имѣетъ противъ него такіа злыя намѣренія, разомъ собрался въ походъ, и 9 Ноября 1831 года со всѣ-

ми своими сокровищами Естественной Исторіи переправлялся черезъ Сутледжъ.

НАПОЛЕОНЪ И АНГЛИНСКАЯ КАПИТАНИША. Blackwod's Magazine сообщаетъ простыя, но очень милыя воспоминанія одной дамы, которая жила два года въ Лонгвудѣ, и часто имѣла случай видѣть экс-Императора: мужъ ея былъ капитаномъ въ полку, который стоялъ въ то время на островѣ Св. Елены.

«Въ первый разъ, говорятъ эта, разумеется, милая дама, я представлена была Наполеону въ Декабрѣ 1815 года, недѣль шесть спустя по прибытіи его на островъ. Это случилось совсѣмъ неожиданнымъ образомъ, черезъ двухъ любимыхъ Англичаночекъ, дочерей хозяйки дачи Брайрса, куда мы приглашены были обѣдать. Наполеонъ жилъ тамъ нѣсколько времени, пока отдѣлывали для него домъ въ Лонгвудѣ. Я гуляла по саду съ моею маленькой восьмилетнею дочерью и двумя дѣвушками, о которыхъ уже говорила: вдругъ выходитъ онъ изъ палатки съ своимъ секретаремъ, Графомъ Ла-Казомъ.

«Наполеонъ былъ какъ известно, малъ ростомъ, дюжъ и полонъ, лицомъ очень смуглъ, черты у него были прекрасныя, глаза голубовато-сѣраго цвѣта, видъ разсыпанный и тяжелый, когда онъ не говорилъ или не оживлялся. Но если его что-нибудь занимало, выраженіе лица его становилось прекрасно, и никогда не видала я улыбки приветнѣе. Онъ особенно гордился маленькой, пригожей рукой и хорошенькою вожкой, — гордился почти столько же, сколько побѣдами надъ полъ-вселенной. Въ женщинахъ считалъ онъ красоту рукъ важной статьею, и часто спрашивалъ меня объ ручкахъ тѣхъ дамъ, которыхъ ему не случалось видѣть самому.

«Наполеонъ былъ тогда въ зеленомъ мундирѣ, шелковыя чулкахъ, маленькихъ башмакахъ, съ большими золотыми пряжками, и въ треугольной шляпѣ: сквозь петлю его мундира виднѣлась лента какого-то ордена.

«Молоденькія мои спутницы были очень коротки съ экс-Императоромъ; онъ бросился къ нему, таща меня за руки, и сказалъ: ему Вотъ маменька той маленькой дѣвочки, которая, помните, поправилась вамъ своими Итальянскими пѣсенками.

«Онъ мнѣ поклонился; я присѣла ему низко и почтительно, немножко смѣшавшись отъ такого внезапнаго и безоличнаго представленія.

«У васъ, сударыня, премиленькая дочка, сказалъ онъ: гдѣ выучилась она пѣть по-Итальянски?»

Когда я отвѣчала, что сама ее этому выучила, онъ произнесъ — Вои! Потомъ спрашивалъ меня, откуда я родомъ, гдѣ воспитывалась, въ какомъ полку мой мужъ, и тому подобное, — все это очень скоро и по-Итальянски, такъ что я рѣшилась наконецъ просить его, чтобъ онъ продолжалъ разговоръ на Французскомъ языкѣ, который былъ мнѣ знакомъ. Все это время молодыя дѣвушки и дочь моя бѣгали около насъ и болтали съ героемъ, которому, кажется, очень нравилось ихъ вольное, непритворное обращеніе. Погулявъ въ саду, Наполеонъ просилъ меня войти въ комнату, гдѣ было фортепіано, и спѣть нѣсколько Итальянскихъ арій. Мы всѣ вошли: дочь моя, замѣтивъ по моему волненію и трепету, что я боюсь пѣть передъ знаменитымъ слушателемъ, шепнула мнѣ на ухо: — Чего ты испугалась, маменька? Это не правда, что онъ встѣ дѣтей. Видишь, всѣ цѣлы!

«Посмотрѣли бѣ вы, какъ я, бѣдная капитанша, сидѣла за фортепіано, когда великій Императоръ, герой, страшный завоеватель, стоялъ у меня за стуломъ! Нельзя ни опредѣлить, ни выразить этого чувства. Отъ изумленія я забыла страхъ, и довольно порядочно спѣла арію — Ah, che nel petto. «Bien! сказалъ Наполеонъ: c'est de Paësiello» — такъ онъ былъ знакомъ съ манерою композиторовъ. «Ахъ! продолжалъ онъ: въ молодости я тоже умѣлъ немножко играть на фортепіано.» Тутъ онъ пробѣжалъ довольно бѣзрядно по клавишамъ, въ доказательство, что не притѣстнулъ.

«Итальянцы, говорилъ онъ, всѣхъ способнѣе къ музыкѣ и композиціи; за ними Нѣмцы, тамъ Португальцы и Испанцы, тамъ Фрунцузы, а тамъ ужъ Англичане: только право не знаю, кто изъ двухъ послѣднихъ ниже въ этомъ отношеніи. Позвольте! я чуть не забылъ Шотландцевъ. Да! у нихъ есть прекрасныя пѣсни.» Все это говорилъ онъ по-Французски съ обычною своею скоростью. «Вы, сударыня, вѣрно любите играть и пѣть?» Я поклонилась въ знакъ подтвержденія. «Въ этомъ я не сомнѣвался, примолвилъ

онъ: всѣ мы любимъ дѣлать то, что хорошо дѣлаемъ.» Съ этимъ лестнымъ словомъ, онъ поклонился и ушелъ.

Однажды утромъ я пошла навѣстить жену одного изъ нашихъ офицеровъ, который былъ нездоровъ: они жили въ избушкѣ у самага Лонгвуда.

Только я вошла къ нимъ, вижу, Наполеонъ съ Ла-Казомъ тоже подходятъ къ двери. Экс-Императоръ претщательно обчистилъ салоги о скобу, чтобъ не нагоптать въ комнату, потому что ковровъ ни у кого изъ насъ не было. Онъ сѣлъ отдохнуть, и взявъ со стола книгу, началъ разбирать ее вслухъ: надо знать, что онъ учился тогда по-Английски у Ла-Каза, который пѣсколько лѣтъ жилъ въ Англии. Наполеонъ выговаривалъ на Итальянскую стать, произнося конечныя гласныя: это было такъ странно, что послушавъ его немного, мы всѣ засмѣялись. «Ага! сказалъ онъ, вы вѣрно думаете, что я очень плохо читаю, а мнѣ такъ кажется, очень хорошо: я понимаю, — съ меня этого будетъ,» примолвилъ онъ, смѣючись.

Тутъ онъ всталъ съ кресель, и началъ разсматривать картины, висѣвшія по стѣнамъ: это была исторія Сандрильоны, что онъ тотчасъ замѣтилъ, хотя тутъ и не было надписей. «Да! сказалъ онъ, подходя къ той картинѣ, гдѣ Сандрильона примѣриваетъ стеклянный башмачекъ: мало теперь женщинъ съ такими маленькими ножками.»

Потомъ онъ вошелъ въ другую комнату, гдѣ нѣсколько бутылокъ пива настаивалось пихтою. Думая, что это вино, Наполеонъ вскрикнулъ: «Помилуйте, сударь, какъ можно оберъ-офицеру имѣть столько вина!»

АИШЕ, КАРССКАЯ ДѢВИЦА. Читателямъ Б. для Ч. уже извѣстно, что это названіе новаго Романа остроумнаго и веселаго Морьера. Аише—настоящій Романъ, которому всевластная любовь служить темою, котораго сцена на Востокъ, котораго характеры живутъ у васъ передъ глазами, дѣйствуя не какъ видѣнія, а какъ слѣдуетъ дѣльнымъ мужчинамъ и хорошимъ женщинамъ. Герой — юный, прекрасный собою, великодушный Английскій лордъ: онъ путешествуетъ *rouge son plaisir*, для потѣхи, и влюбляется въ Карсскую красавицу, по примѣру тѣхъ молодцевъ Тысячи

Одной Ночи, которые вдругъ сходятъ съ ума по бѣленькой ручкѣ, убирающей цвѣты на балконъ, или по какимъ-нибудь звѣздоподобнымъ глазкамъ, успѣвшимъ сверкнуть изъ-подъ покрывала въ то самое время, когда хозяйка ихъ набожно шла на молитву. Препятствія въ взаимной любви молодаго Франка съ прелестной мусульманкою, странныя приключенія въ плѣну у Курдовъ Іезиди, поклонниковъ Сатаны, козни злобнаго Кара-бея съ Забитою, матерью Аишѣ, и ихъ слѣдствія, — вотъ въ чемъ заключается сущность повѣсти, отъ начала перваго до конца третьяго и послѣдняго тома преумной и презанимательной. Мы обвѣщали дать пару отрывковъ изъ этого Романа.

1. *Аудіенція Европейскаго путешественника у Азіятскаго пашы.* Лордъ Осмондъ является съ почтениемъ къ правителю Карса.

«Въ отдаленномъ углу дивана, окружавшаго комнату, увидѣлъ онъ гору шалей, мѣховъ и, между ними, дремучій лѣсъ волосъ, сквозь который проглядывало что-то подобное парѣ глазъ и носу. Онъ врядъ ли бы догадался, что это такое, если бѣ гора не пошевелилась: тутъ онъ смѣкнулъ, что въ ней заключается человѣкъ, — человѣкъ-то еще паша. Противъ него сидѣлъ Турокъ, почтенной и прекрасной наружности, о которомъ путешественникъ послѣ узналъ, что то былъ Сулейманъ-ага, мнимый отецъ Аишѣ; а пониже гнѣздился маленькій кислотицый человѣчекъ, въ платьѣ духовнаго, — имамъ сосѣдней мечети. На концѣ комнаты толпились чубукчу, или трубочники, туфленосцы, платьеносцы и другіе прислужники: между ними стояли Мустафа и Стассо.

«Только что Осмондъ успѣлъ свѣсть на показанное ему мѣсто, паша сказалъ: *Хошь гельдинъ!* добро пожаловать!

— *Хошь буддукъ,* добро застать! отвѣчалъ Осмондъ, ни мало не смѣшавшись.

«Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго Сулейманъ-ага не взглянулъ ни вправо ни влѣво, а имамъ бросилъ испытующій взглядъ на Осмонда, паша опять отворилъ уста и сказалъ: *Кейфинизъ эйи-ми!* каковъ вашъ кейфъ, ваше расположеніе?

— Хорошъ! отвѣчалъ Осмондъ съ строгой важностью.

«Послѣ вторичнаго, долгаго промежутка, папа снова произнесъ *Хошъ гельдингъ*, а Осмондъ отвѣчалъ — Къ вашимъ услугамъ.

«Когда подали кофе, въ табачномъ дымѣ послышался голосъ имама, спрашивавшій пашу — *Кимъ ъу?* кто это? Разумѣется, объ Осмондѣ.

— Это другъ нашъ, сказалъ папа равнодушнымъ голосомъ: это Англійскій *Бейзаде*, сынъ Англійскаго бея. Въдѣ такъ? примолвилъ онъ, оборачиваясь къ Мустафѣ.

— Такъ, о эфенди! отвѣчалъ Мустафа.

— Кто ты? спросилъ имамъ, оборачиваясь къ Мустафѣ.

— Татарскій ага, отвѣчалъ Мустафа.

— *Гай, гай!* произнесъ имамъ съ глубокимъ вздохомъ; потомъ опутивъ голову, пробормоталъ символъ своей вѣры, и заключилъ его восклицаніемъ — *Шукюръ Аллахъ!* Слава Аллаху! — какъ-будто желая сказать: Слава Богу, что я не кто другой, а имамъ!

«Послѣ долгаго молчанія, папа оборотился къ Осмонду, и спросилъ: — Есть въ вашей сторонѣ трубки? Есть у васъ табакъ?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ Осмондъ: такихъ, какъ здѣшніе нѣтъ: да мы не всѣ и куримъ.

«Папа медленно оборотился къ Сулейманъ-агѣ, и съ жалостнымъ, презрительнымъ видомъ примолвилъ въполголоса: *Хайванъ дѣръ!* — скоты!

«Сулейманъ, съ такимъ же видомъ, покачалъ головою и сказалъ: — *Не япалымъ*, что жъ дѣлать!

«Черезъ нѣсколько минутъ, папа опять спросилъ: — Есть у васъ лошади?»

— Есть, отвѣчалъ Осмондъ.

— *Пекъ эйи!* очень хорошо! молвилъ папа.

«*Мирахоръ*, шталмейстеръ, стоявшій съ прислужниками и прекрасно одѣтый, сказалъ униженно: — Да здравствуетъ папа многія лѣта! у нихъ есть лошади, да только все холощенные и съ рублеными хвостами. Это вѣрно, какъ Аллахъ великъ!

— Право? сказалъ папа безъ малѣйшаго чувства, хотя приносилъ потихоньку отъ удивленія — *Аллахъ! Аллахъ!*

«Сулейманъ-ага съ имамомъ тоже повторили: — Аллахъ! Аллахъ!»

«Паша опять поглядѣлъ на Сулейманъ-агу, и сказалъ: — *Дели диръ!* — сумасшедшіе!»

— *Не япалымъ!* что жъ дѣлать! отвѣчалъ Сулейманъ-ага съ выраженіемъ покорности.

2. *Сраженіе верблюдовъ.* «Эти во всякое другое время смирныя твари способны приходять въ ярость въ известную пору раздражительности. Тогда стоятъ свести двухъ самцовъ, и всѣ пагубныя верблюжьи страсти въ нихъ пробуждаются; дайте имъ волю, они сейчасъ кинутся другъ на друга съ равнымъ бѣшенствомъ. По приказанію пашы, вывели изъ конюшень славнаго верблюда: морда у него была вся въ пѣнь; языкомъ дѣлалъ онъ чудныя эволюціи, и кричалъ такъ, что слышать страшно. Двое насилу его держали. На немъ было сѣдло изъ кармазиннаго, зеленого и желтаго сукна, узда съ блестящими бляхами и шерстяными кисточками, а на верхней части погъ были у него подвязки также украшенныя бляхами. Въ наружности этого прекраснаго звѣря уже не виднѣ было того спокойствія и послушанія, которое свойственно его породѣ; характеръ его какъ-будто совсѣмъ измѣнился; шея и голова были у него подняты, глаза горѣли, и когда онъ увидѣлъ, что противникъ его приближается съ другой стороны, почти не стало возможности его удерживать.

Паша крикнулъ — *Гидинъ!* Тотчасъ пустыня поводья, и оба верблюда бросились другъ на друга съ неимоверною быстротою. Они схватились точно какъ борцы, и искушались бы ужаснымъ образомъ, если бъ не было на нихъ намордковъ. Съ чрезвычайною ловкостью дѣйствовали они шеями и ногами, стараясь повалить другъ друга, крутятся и изворачиваясь, отступая и наступая съ самыми странными кривляньями, которыя, несмотря на ихъ неуклюжесть, были довольно живописны. Туркамъ, по-видимому, очень хотѣлось знать, чѣмъ кончится бой: они едва могли курить отъ неизвѣстности; ихъ смирная, верблюжья, природа разшевелилась; они держали заклады, и въ толпѣ слышалось больше словъ, чѣмъ въ цѣлый годъ произносится въ Карскомъ пашалыкѣ. Наконецъ дѣло рѣшилось въ пользу того верблюда, ко-

торый принадлежалъ панѣ: какимъ то искусно соображеннымъ дѣйствиємъ ногъ и шеи, ему удалось пригвоздить своего протидника къ землѣ, и тотъ лежалъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока его оттащили въ сторону при всеобщихъ восклицаніяхъ — *Машаллахъ и Эй-виллахъ!*

ЗНАМЕНЫТЫЯ ЖИВОПИСИЦЫ. Вотъ коротенькій отрывокъ изъ новаго, прелестнаго сочиненія Г-жи Джемисонъ, *Visits and sketches at and ab good*, о которомъ уже было сказано нѣсколько словъ въ одной изъ предыдущихъ книжекъ Б. для Ч. Многія Англійскія писательницы отличаются острою наблюдательностью, теплотою чувства, свѣжестью воображенія, но, можетъ-быть, нѣтъ ни одной, которая обладала бы вмѣстѣ такою силою сужденія и слога, какъ Г-жа Джемисонъ. Являясь могущественнымъ критикомъ въ области Художества, съ особеннымъ, но легко постижимымъ энтузіазмомъ, говоритъ она объ Художествахъ:

«Умѣнье поддержать себя во всякомъ случаѣ, навыкъ къ постоянному вниманію и къ руководящимъ, направленіе избытка чувствительности и воображенія къ какой-нибудь очевидной дѣли, — все это вмѣстѣ неразъ производило прекрасные женскіе характеры. Дочь Тинторетта приглашала къ Дворамъ Максимилиана и Филиппа II, но она отказалась, чтобъ не покинуть отца. Флорентинка Віоланте Сиріесъ явила такой же примѣръ дѣтской любви, и когда Великій Герцогъ заказалъ ей собственный ея портретъ для Флорентинской галереи, гдѣ онъ и теперь, она написала съ собою отца, потому что онъ былъ первымъ ея наставникомъ въ рисованіи. Когда Петръ Великій и Фридрихъ I приглашали, каждый къ своему Двору, славную Голландскую портретщицу, Генріетту Вальтерсъ, дѣлая ей самыя лестныя предложенія, она упорно отъ нихъ отказывалась: наконецъ Петръ, не знавшій что такое уступать препятствію, особенно когда оно являлось въ образѣ женщины, просилъ ее объяснить по крайней мѣрѣ причину такой несговорчивости: Генріетта отвѣчала, что она довольна своимъ жребіемъ, и что не можетъ задумать о томъ, какъ ей жить не въ своей родинѣ.

«У Маріи фанъ-Остервикъ, превосходно рисовавшей цѣ-

ты, былъ женихъ, къ которому она чувствовала склонность; но лѣность и разсыянность его ее очень огорчали. Наконецъ она обѣщала ему свою руку съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ теченіе года онъ работалъ по десяти часовъ въ сутки непрерывно, замѣтивъ притомъ, что она и сама дѣлала такъ съ ранняго возраста. Онъ согласился, и нанялъ домъ насупротивъ ея, чтобы она видѣла трудъ его; но привычка была въ немъ слишкомъ сильна, любовь или рѣшимость ему измѣнила, и договоръ былъ имъ нарушенъ. Марія отреклась быть его женою, и послѣ ни какія просьбы не могли перемѣнить твердаго ея намѣренія никогда не выйти за человека, показавшаго такъ мало характерности и истинной любви. Она была женщина умная и, какъ обнаружилось впоследствии, не безсердая. Окруженная женихами, она умерла въ дѣвцахъ.

«У Софонисбы Ангушіолы были двѣ сестры, Луція и Европа, почти такъ же одаренныя отъ Природы, хоть и не такъ знаменитыя, какъ она сама: эти три добродѣтельныя дѣвцы, какъ называютъ ихъ Васари, жили вмѣстѣ душа въ душу. Одна изъ лучшихъ картинъ Софонисбы представляетъ сестеръ ея играющихъ въ шахматы, подъ надзоромъ старой мамы, не отходившей отъ нихъ ни на шагъ. Когда въ 1560 году Софонисбу пригласили къ Испанскому Двору, она взяла ихъ съ собою; словомъ, онѣ были неразлучны. «Мы слышали, говорить Папа въ привѣтственномъ письмѣ къ Софонисбѣ, по случаю окончанія ею одной картины, что этотъ великій талантъ — малѣйшій изъ дарованныхъ тебѣ небомъ.» Васари почитаетъ это письмо достаточнымъ доказательствомъ гениа Софонисбы, точно какъ бы непогрѣшительность Св. Отца простиралась и на живопись! Къ счастью, болѣе убѣдительныя доказательства остались намъ въ ея собственныхъ прелестныхъ созданіяхъ, пышавшихъ жизнью какъ Тиціановы, и въ свидѣльствѣ фанъ-Дайка, который сказалъ объ пей въ ея поздніе годы, что у одной слѣпой старухи въ Италіи научился онъ болѣе чѣмъ у всѣхъ мастеровъ своего Искусства.»

Мы сожалѣемъ, что на этотъ разъ мѣсто не позволяетъ намъ дѣлать обширнѣйшаго извлеченія изъ книги Г-жи Дженисонъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Neugense com-
me une Princesse, *Счастлива какъ царица*, Комедія въ двухъ
дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Гг. Ансело и Анатоля Лабори. —
Это заглавіе не что иное, какъ анти-фраза, противу-истина, или
по-крайней мѣрѣ противу-истина этой Комедіи, которой
цѣль доказать, что царица не можетъ быть счастлива.
Эта вещь признанная въ известнаго рода Философіи, кото-
рая всегда представляетъ намъ скипетръ тяготящимъ руку,
имъ украшенную, корону, обвитую терніемъ, и дворецъ
жалкимъ жилищемъ страха и скуки. Какими бы риториче-
скими цвѣтами ни украшали этихъ положеній, но я всегда
буду думать, что богатство, блескъ, знатность, могущество,
ни сколько не помѣха счастью. Конечно бываютъ и принцес-
сы несчастливѣе пастушекъ, но въ такомъ случаѣ вина при-
цессъ.

Гг. Ансело и Лабори знаютъ, что на театрѣ, философское
правило, какъ бы истинно, какъ бы прекрасно оно ни было, не-
премѣнно должно быть подкрѣплено дѣйствиємъ вѣшнимъ.
Они придумали лице, совершенно чуждое смыслу силлогиз-
му, который сами провозглашаютъ. Это лице — молодой про-
вищіяльный дворянинъ, накануне только прибывшій ко дво-
ру Лудовика XIV, но уже мастеръ въ интригахъ, въ хит-
ростяхъ, въ притворствѣ. Скрывая умъ самый тонкій и
честолюбивый подъ личиною добродушія, даже простоты,
онъ нападаетъ на своихъ соперниковъ, сражается съ ними,
побѣждаетъ ихъ однимъ только, но замысловатымъ спосо-
бомъ, — онъ противопоставляетъ ихъ одного другому. Это
средство, правда, на театрѣ не ново: Г. Скрибъ употре-
билъ его въ одномъ изъ своихъ первыхъ и самыхъ остро-
умныхъ Водевильей. Я знаю, впрочемъ, что онъ не исто-
щилъ этого предмета, и что его, и послѣ Г. Скриба, еще
достанетъ на сто Водевильей. Притомъ здѣсь объемъ этого сю-
жета расширенъ важностію цѣли и дѣйствующихъ лицъ. Егер-
скіе подпоручики уступили мѣсту графамъ Нанжи и Мо-
леврье; скромный трактиръ Мелѣнскій сдѣлался блестя-
щимъ дворцомъ Фонтенблоскимъ. Наконецъ, дѣло не въ
томъ, кто долженъ жениться на Богъ-вѣсть какой дѣвочкѣ,
дочери Богъ-вѣсть, какого полковника, но въ томъ, кто

сохранить благорасположеніе Герцогини Бургонской, а можетъ - быть и больше чѣмъ ея благорасположеніе.

Герцогиня Бургонская и есть несчастная принцесса этой Комедіи; дѣйствительно несчастная: она видѣла такъ близко подлѣ себя Французскую корону и дотронулась до нея руками тогда уже, когда смерть леденила ея пальцы Сень-Симонъ, знавшій ее хорошо, оставилъ намъ прелестное изображеніе этой принцессы, которое и нынѣ еще заставляетъ сожалѣть о кончинѣ столь жестокой и преждевременной.

Герцогиня Бургонская, которую Гг. Ансело и Лабори вывели на сцену, совсемъ не та обворожительная женщина, которую представляетъ намъ Сень-Симонъ, но принцесса очень простая, очень обыкновенная, немножко жалобливая, не множко пасторальная, даже нѣсколько романтическая. Она очень много говоритъ о свѣтлыхъ ручейкахъ и бархатной муравѣ, даже слишкомъ много, хотя и гармоническимъ слогомъ. Между-тѣмъ она скучаетъ, а какъ женщина, всякая женщина, принцесса или не принцесса, сдѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы только не скучать, то она обращается къ любви. Сердце герцогини колеблется между графомъ Нанжи и графомъ Молеврье. Въ пользу Г. Нанжи говорятъ его имя, его блестящая храбрость, его страсть пламенная, по крайней мѣрѣ по паружности, потому что въ самомъ-то дѣлѣ онъ въ тѣсной дружбѣ съ Г-жсю Лаврильеръ, штатсъ-дамою герцогини. Права Г-на Молеврье важнѣе этихъ: по-крайней-мѣрѣ кажется, что онъ имѣетъ права пріобрѣтенныя. Конечно, авторы могли безъ зазрѣнія совѣсти придать герцогинѣ Бургонской двухъ обожателей, или даже двухъ любовниковъ; но ужъ слѣдовало поставить ихъ въ противоположность, по характерамъ, или хотя по привычкамъ. Они и этого не сдѣлали: Г. Нанжи и Г. Молеврье фигуры одинаково безцвѣтныя. Г. Молеврье отличается отъ Г-на Нанжи въ одномъ только отношеніи и то не въ счастливомъ: онъ притворяется, будто страдаетъ грудью для того, чтобы никто не удивлялся, что онъ говоритъ съ герцогинею шопотомъ.

Въ эту партію втроемъ, между Герцогинею Бургонскою, Графомъ Нанжи и Графомъ Молеврье, вмѣшивается вдругъ

четвертое лице, — хитрый провинціалъ, о которомъ я уже говорилъ. — Его зовутъ Кавалеромъ Баньё. Тетка его, Г-жа Баньё въ этотъ же день представляетъ его герцогинѣ, и онъ тотчасъ является уже во внутреннихъ апартаментѣхъ, вмѣшиваясь во всѣ интриги. Авторы забыли строгость этикета того времени. Провинціальному дворянину надобно было послужить побольше и пожить при Дворѣ подолбе, чтобы попасть въ *ближніе*. Если бѣ этотъ дворянинъ былъ даже благороденъ какъ Сенъ-Симонъ по собственному его мнѣнію, то и тогда не могъ бы онъ попасть прямо съ Пиренейскихъ Горъ въ гостиную Дофини.

Г. Баньё въ одну минуту, съ одного взгляда, угадываетъ и одинаковую страсть и противоположныя выгоды Гг. Нанжи и Молеврье, которые притворяются друзьями, а между-тѣмъ отъ души ненавидятъ другъ друга. Добрый и чувствительный Г. Баньё говоритъ графу Нанжи, какъ ему жаль видѣть, что здоровье Г. Молеврье такъ разстроено; спрашиваетъ, не можетъ ли помочь ему теплый климатъ, совѣтуетъ подать министру просьбу о томъ, чтобы Г-на Молеврье назначили посланникомъ въ Модену, и обѣщаетъ похлопотать объ этомъ у дяди своего, министра Шамильяра. Г. Нанжи съ радостію принимаетъ это предложеніе. Г. Баньё также хорошо расположенъ и къ Г-ну Нанжи: онъ говоритъ Графу Молеврье, что заслуги его друга не получаютъ ни какой награды, что не худо было бы подать въ пользу его просьбу министру, и что онъ, Г. Баньё, будетъ просить объ этомъ дядю своего, Г. Шамильяра. Г. Молеврье съ радостію принимаетъ это предложеніе: онъ такъ любитъ своего друга! Странно только, что Гг. Нанжи и Молеврье, живущіе при Дворѣ Людовика XIV, не удивляются, отъ чего Г. Баньё имѣетъ такую силу, что можетъ назначать людей въ посланники и производить въ генералы.

Между-тѣмъ какъ Г. Баньё принимаетъ всѣ эти предосторожности на будущее время, въ настоящемъ ему угрожаетъ большая опасность. Герцогиня Бургонская хочетъ, и хочетъ какъ герцогиня, поговорить втайнѣ хоть-бы только десять минутъ съ Г-мъ Нанжи. Но какъ это сдѣлать? Г.

Нанжи едва только говорилъ ей о любви своей, а Г. Молеврь, который отъ ревности сдѣлался еще неотступнѣе, еще неспособнѣе обвиняющаго, не отходить отъ нея ни на мигу. Написать? Но какъ ей, Герцогинѣ Бургонской, Дофинѣ, будущей Королевѣ, *дѣлать авансы* простому дворянину, своему подданному? Я думалъ, что авторы постараются развить тутъ странное положеніе принцессы, которая любить и любима; двойную страсть; которая погибаетъ между справедливою почтительностію подданнаго и столь же справедливою гордостію женщины. Это главная идея лучшаго изъ Романовъ Г-жи Жанласъ, единственнаго ея творенія, котораго, вмѣстѣ съ *Воспоминаніями Фелицинъ*, сохранить свое мѣсто въ числѣ хорошихъ книгъ: я говорю о *Двищѣ Клермонъ*. Но здѣсь эта идея только означена, а ее стоило бы развить: ее одной стало бы на маленькую Комедію.

Вотъ какимъ образомъ Герцогиня Бургонская ухитрилась назначить свиданіе Г-ну Нанжи. Ей попадается въ руки письмо его къ Г-жѣ Баньё, въ которомъ онъ проситъ аудіенціи у герцогини. Пользуясь этимъ случаемъ, она, передъ всѣмъ Дворомъ своимъ, притворяется разгнѣвannoю; говорить, что одинокій дворянинъ вздумалъ написать къ ея штатсъ-дамѣ письмо, въ которомъ назначаетъ ей свиданіе въ лѣсу, въ Бѣломъ Домѣ, въ такомъ-то часу; что это дурно, очень дурно, и что если онъ сдѣластъ это въ другой разъ, то можетъ раскаться въ своей дерзости. Г. Нанжи понялъ хитрость Герцогини и вознамѣрился быть въ Бѣломъ Домѣ; но, къ несчастію, догадался не одинъ онъ, а и Г. Баньё тоже, и какъ Фигаро онъ поклялся разстроить это свиданіе.

За то, во второмъ дѣйствіи, благодаря стараніямъ Г-на Баньё, Бѣлый Домъ, дворець, кажется настоящею гостиницей: сначала является онъ, Г. Баньё, и прячется въ кабинетъ, когда пріѣзжаетъ герцогиня; потомъ Королевскій врачъ, Фагонъ, потому что Фагонъ играетъ въ этой пьесѣ роль эпизодическую, даже пенужную, если бы нѣсколько остроумныхъ словъ не выкупали его ничтожности. Потомъ является Г-жа Лаврильверъ, которая ловитъ Г-на Нанжи, Г. Нанжи, который ловитъ герцогиню; наконецъ Г. Молеврь,

который ловить всѣхъ. Всѣ эти входы и выходы, въ дверь, въ окно, даже въ каминъ, вся эта игра въ прятки—очень однообразны. Вообще первая половина втораго дѣйствія какъ-то коротка, слишкомъ сжата.

Потомъ начинается сцена между Г. Баньё и герцогинею. Г. Баньё, выскочивъ въ окно, приходитъ въ дверь, и провожаетъ весь этотъ народъ, увѣряя, что герцогиня ждетъ ихъ на террасѣ завтракать. Когда они удаляются, герцогиня, думая, что осталась одна, выходитъ изъ кабинета, въ которомъ прежде спряталась. Тутъ Г. Баньё начинаетъ съ нею разговоръ, вполовину о дѣлахъ, вполовину о любви,—любви, правда довольно скромной, но за то и слишкомъ скорой: онъ говоритъ ей о томъ днѣ, въ который увидѣлъ ее въ первый разъ, когда она только что приѣхала во Францію; онъ говоритъ ей о путешествіи по Пиренеямъ, когда видѣлъ ее снова и во второй разъ поклялся посвятить ей всю жизнь свою. Онъ говоритъ ей, что всѣ ее окружающіе, подъ предлогомъ дружбы или страсти, только стараются обмануть ее. Г. Баньё очень краснорѣчивъ, но онъ былъ бы еще краснорѣчивѣе, если бы не повторялъ такъ часто одного и того же въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; если бы онъ не слишкомъ часто употреблялъ слова *юная дѣвушка*, *юное сердце*, *юная мысль*, которыя въ послѣдніе два года ужасно устарѣли.

Разговоръ оканчивается, и за нимъ слѣдуетъ развязка: Г. Напжи, Г. Молеврье, Г-жа Лаврильеръ, не найдя на террасѣ ни завтрака, ни герцогини, возвращаются въ Бѣлый Домъ. Съ ними приходитъ и Г-жа Баньё. Она отдаетъ племяннику двѣ бумаги отъ министра Шамильяра. Г. Баньё вручаетъ Г-ну Напжи бумагу, которою Г. Молеврье назначается посланникомъ въ Модену, а Г-ну Молеврье бумагу, которою Г. Напжи назначается командиромъ полка, расположеннаго въ Германіи. Вы можете вообразить, какъ оба друга удивляются, и какъ они благодарны одинъ другому за пріятельскія услуги. Что касается до Г-ца Баньё, то герцогиня назначаетъ его своимъ конюшимъ на мѣсто Г-па Молеврье.

Вообще эта Комедія довольно занимательна, довольно хорошо ведена, и потому имѣла успѣхъ неоспоримый.

2. Un sargise de femme, *Женская прихоть*, Комическая Опера въ одномъ дѣйствіи, слова Легильона, музыка Пера.

Г-жа Сюрвилль, жена банкира, богатаго какъ всѣ банкиры на Французскомъ Театрѣ; прекраснаго, молодаго и храбраго, какъ Скрибовы полковники. Г-жа Сюрвилль счастлива какъ жена настоящаго банкира и любовница настоящаго полковника. Г-жа Сюрвилль горюетъ только объ одномъ: мужъ ея совсѣмъ не ревнивъ, а ревность была бы такъ къ лицу человѣку, столь богатому, столь молодому, столь прекрасному! Какъ же ей сдѣлать, чтобы Г. Сюрвилль началъ ревновать?

Подумавъ объ этомъ хорошенько, Г-жа Сюрвилль рѣшается позволить одному молодому франту, Г. Вальбрюну, пропѣть ей любовное объясненіе. Г. Вальбрюнъ очень радъ сдѣлать Г-на Сюрвилля ревнивцемъ. Возбуждать ревность въ мужьяхъ неревнивыхъ — ремесло Вальбрюна и ему подобныхъ. Именно для этого они и носятъ такія желтыя перчатки и такую длинную модную бороду. Вы можете вообразить, что какъ скоро Г. Вальбрюнъ пропѣлъ свою любовь, Г. Сюрвилль начинаетъ пѣть свою ревность. Эта ревность заходитъ такъ далеко, что Г. Вальбрюнъ и Г. Сюрвилль идутъ въ садъ стрѣлять въ соломеннаго мужичка. Г-жа Сюрвилль дрожитъ между тѣмъ какъ листъ, и клянется никогда уже не возбуждать пустой ревности въ добромъ своемъ мужѣ, который прощаетъ и обнимаетъ ее. Г. Вальбрюнъ и Г. Сюрвилль, оба отдѣляются однимъ страхомъ.

Эта легкая Комическая Опера, несмотря на всю свою невинность, принята съ одобреніемъ. Главную цѣну придадо ей то, что она явилась подъ именемъ музыканта, пользующагося давнишнею и вполне заслуженною славою. Г. Перъ написалъ первое свое твореніе въ 1784 году. Съ тѣхъ поръ, сколько идей онъ истратилъ! сколько нашелъ мелодій! сколько имѣлъ успѣховъ, обошедшихъ вокругъ всего свѣта! Г. Перъ артистъ великій и скромный. Онъ хотѣлъ показать, что талантъ его еще не умеръ, и удовольствовался для этого опереткою въ одномъ дѣйствіи, и сдѣлалъ изъ этого пьесу весьма милое и занимательное. Увертюра — собственно не что иное, какъ цѣлый родъ вариаций, въ кото-

рыхъ флейга, кларнетъ, валторна, стараются перещеголять другъ друга умомъ, легкостію, прелестію, — къ большому торжеству валторны. Интродукція — весьма оригинальный романсъ съ хоромъ; за тѣмъ слѣдуютъ дуэтъ и прелестные куплеты. Много также апплодировали чрезвычайно оригинальному *duetto buffo* и хору приглашенныхъ на балъ, возбуждившему веселость и въ слушателяхъ.

3. *La capitaine de vaisseau*, *Корабельный капитанъ*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Мельвиля, Антье и Конберусса.

Это все тотъ-же корабельный капитанъ, Маркизь Лонжуръ, бывший табачникъ. Онъ былъ такъ забавенъ въ Романъ Евгенія Сю, что не могъ не попасть въ руки драматурговъ: за то изъ него ужъ дѣлаютъ второй Водевиль. Первый былъ лучше,

4. *Les sept péchés capitaux*, *Семь смертныхъ грѣховъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г-ня Лери.

Есть пословица — «дурень какъ смертный грѣхъ». Театръ *des Variétés* вздумалъ доказать, что мудрость народовъ говорить вздоръ. Для этого онъ выбралъ семь самыхъ хорошенькихъ актрисъ, одѣлъ ихъ какъ нельзя лучше, украсилъ каждую какимъ-нибудь грѣхомъ. Одной далъ гордость, другой гнѣвливость; Аглая любить покушать; Кларисса лѣнива, Антуанетта мечтаетъ о любви подъ сѣнію цвѣтущихъ деревьевъ и при нѣжномъ ворнованіи горлицъ. Театръ *des Variétés* не осмѣлился представить только двухъ грѣховъ, единственныхъ грѣховъ, которые не прощаются никому ни на землѣ ни на небѣ, — скупости, которая едва ли и порокъ въ мужчинѣ, и зависти, порока лакеевъ. Всѣ эти грѣхи тутъ; всѣ въ зрѣломъ возрастѣ и всѣ рады и готовы произвести многочисленное потомство честныхъ людей: только этимъ господамъ надобны мужья.

Является молодой и честный квакеръ Андерсонъ: дѣйствіе происходитъ въ Америкѣ. Андерсонъ видитъ у пріятеля своего, тоже квакера, семерыхъ дочерей, и хочетъ выбрать одну изъ нихъ себѣ. Вы догадываетесь, какъ удивляется онъ, шюдя въ нихъ все грѣхи, болѣе или менѣе смертные. Онъ не хочетъ взять той, которая все спитъ, ни той, которая все ѣсть, ни

той, которая всебысть его по щекѣ, ни той, которая все копить деньги, ни той, которая все злословить. Одна изъ нихъ читаетъ письма Элонзы и Абелара, и на поляхъ книги пишутъ замѣчанія, какія обыкновенно пишутъ дѣвушки семнадцати лѣтъ на любовныхъ письмахъ: разборчивый Андерсонъ готовъ отказаться и отъ седьмой и послѣдней пьесты. Къ счастію онъ вспоминаетъ вовремя, что бралъ ее ночью за ручку въ Нью-Йоркскомъ дилижансѣ, а въ слѣдствіе того на ней женится. Вотъ и все.

5. *Prêtez - moi cinq francs, Дайте мнѣ взаймы пять франковъ*, Мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ Гг. Альберта и Лабрусса.

Одна бѣдная дѣвушка, внѣ себя, въ отчаяніи прибѣгаетъ къ дверямъ кофейнаго дома, и трепещущимъ голосомъ говоритъ первому встрѣтившемуся ей молодому человѣку: *Дайте мнѣ взаймы пять франковъ!* Молодой человѣкъ, Г. Анатоль, даетъ пять франковъ взаймы дѣвицѣ Адели Бремонъ, которая бѣжитъ въ аптеку, купить для больного отца лекарства. Тутъ нѣтъ еще ничего дурнаго; дурно то, что изъ этихъ пяти франковъ авторы надѣлали кучу самоубійствъ, непристойныхъ сценъ и предлинную слезливую Мелодраму. Въ ней нѣтъ ничего естественнаго, ни въ мысляхъ, ни въ дѣйствіи, ни въ слогѣ, ни въ характерахъ, ни въ развязкѣ; ничто не занимаетъ зрителей, никто не возбуждаетъ въ нихъ участія, и зрители скучаютъ, какъ только можно скучать при Мелодрамѣ. Между-тѣмъ нашлись люди, которые при представленіи этой Мелодрамы аплодировали. Дайте же имъ за то пять франковъ! Нашлись другіе, которые плакали отъ чистаго сердца. Дайте же имъ десять франковъ!

6. *Le Juif errant, Неумирающій Жидъ*, фантастическая Драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, слова Гг. Мельвиля и Мѣльяна, музыка Г. Пари.

Мелодрама начинается въ тотъ день, когда Спаситель, Иисусъ-Христосъ, несетъ крестъ свой и, всходя на Голгоѳу, останавливается отдохнуть у лавки ремесленника Агасверуса: Каковъ театръ, который выставляетъ на сцену страницы Евангелія, и каковы зрители, которые это терпятъ! Вы

знаете книгу Г-на Кише, «Агасверусъ»? Изъ нея сдѣлана эта Мелодрама. Только Мелодрама ученѣе книги: она читала Вольтера и забавляется религіозною оппозиціею. Во второмъ дѣйствіи Императоръ Клавдій пресѣдуетъ Христіанъ; даже въ Катакомбахъ; въ третьемъ Христіане сами уже пресѣдуютъ, и зажигаютъ костры. Несумирающаго Жида кидаютъ сначала въ море, но море выкидываетъ его на берегъ, его бросаютъ въ пламя, но пламя отъ него удаляется. И онъ продолжаетъ путь свой, и не хуже Вольтера толкуетъ о войнѣ Папы съ Альбигойцами.

Эта Драма безобразна, несвязна, безтолкова; въ ней нѣтъ ни какой мысли; но между тѣмъ она шевелитъ сердца зрителей. Нескончаемое злополучіе бѣднаго Жида, который не можетъ умереть, невольнo приковываетъ вниманіе. Удаленіе Жида изъ своего дома, пребываніе его въ Катакомбахъ, казнь водою и огнемъ, оргія у Людовика XV, сходъ въ адъ и потомъ восхожденіе на небо, всѣ эти картины, столь разнообразныя, столь неожиданныя, столь странныя, произвели большой эффектъ. Чтобы еще болѣе объяснить успѣхъ этой безпорядочной смѣси, надобно сказать, что декорации прекрасны, костюмы чрезвычайно богаты, и что для успѣха ничего не жалѣли, ни гробовъ, ни ангеловъ, ни дѣволовъ, ни бархату, ни сѣрнаго дождя, ни ударовъ меча, ни раскатовъ грома.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Есть ли теперь какая Словесность во Франціи? Юная пожилая, старая, классическая, романтическая, кроткая или неистовая? Вы можете отвѣчать смѣло: Нѣтъ ни какой! Поднявъ мятежъ противъ собственной своей славы, разбивъ статуи своихъ гениевъ, разорвавъ свои прославленные образцы, превратившаяся въ родъ волкана, литературная Франція нѣсколько лѣтъ извергала на Европу грязь, кровь, безчестіе, похвалы пороку, хулу добродѣтели, безобразные слитки таланта, сумасшествія и глуности, чудовища всѣхъ родовъ и видовъ; извергала вмѣстѣ съ искрами золу и сажу человѣческаго сердца; извергала свое безстыдство; извергла наконецъ страшное; черное облако Повѣстей и Сказокъ, — и закрылась. «Юная Словесность» кончилась. Теперь она всѣмъ надѣла, и ее пазы-

вають скучною, песпосною; лѣтъ черезъ нѣсколько она уже будетъ называться смѣшною. Въ эту минуту нѣтъ ни школы, ни Словесности: все истощилось, исписалось, исчиталось, устало, умерло. Это часъ тиши послѣ бури, переходъ къ чему-то новому, неизвѣстному, отдыхъ или недостатокъ запятія. Въ течение всего мѣсяца журналы толковали о Романѣ Сентъ-Бѣва, *La Volupté*, «Сладострастіе», и послѣ всѣхъ этихъ толковъ мы еще менѣе прежняго знаемъ, стоитъ ли онъ чтенія, или нѣтъ. Г. Анперъ, литераторъ съ умомъ и большими познаніями, помѣстивъ разборъ его въ *Revue de Paris*, въ которой самъ Г. Сентъ-Бѣвъ сотрудникъ: въ этой статьѣ есть что-то непонятно-дружеское, внушающее довольно дурныя мысли о предметѣ разсужденія. Г. Жирарденъ сказалъ въ какомъ-то мѣстѣ — «Романъ Сентъ-Бѣва или Исторія Мишлѣ:» у Г-на Жирардена по-временамъ вырываются чудныя сблженія! Хорошо; посмотримъ, что это за Романъ, который стоитъ ученой и прекрасной Исторіи. Если, по полученіи его въ Петербургъ, найдется въ немъ что-нибудь достойное свѣдѣнія нашихъ читателей, мы не преминемъ сдѣлать изъ него извлеченіе. Между-тѣмъ, довольно знать, что цель Романа — обнаруженіе суеты и ничтожности всего, называемаго «сладострастіемъ» въ обширномъ смыслѣ, то есть, наслажденія тѣлеснаго и умственнаго.

Кромѣ стараго уже Романа Сентъ-Бѣва, въ Изящной Словесности нѣтъ ничего новаго. Въ послѣднихъ числахъ Августа вышелъ небольшой Романъ Евгенія Сю, «Цецилія», о которомъ журналы еще не говорятъ.

— За то высшая Словесность, — Исторія, обнаруживаетъ нѣкоторую дѣятельность. Г. Поль Лакруа (Библиофилъ Жакобъ) пересталъ писать плохіе Романы и неблагопрістойныя Сказки, и объявилъ два важныя сочиненія — *Histoire de France au XVI siècle*, въ двѣнадцати томахъ, и собраніе доселѣ неизданныхъ лѣтописей, записокъ и актовъ, подъ заглавіемъ — *Chroniques, mémoires et documens de l'histoire de France*. Г. Академикъ Мишлѣ вмѣстѣ съ Г. Пужолà предприняли изданіе новаго собранія записокъ, — *Nouvelle collection complète des Mémoires*, — въ двадцати томахъ. Г. Капфигъ издалъ томы V и VI (третій выпускъ) своей «Исторіи»

Реформація, Лиги и царствованія Генриха IV. в Г. Капюнгъ, котораго ума и дарованія оснаживать не возможно, по котораго историческія теоріи не имѣютъ ни какого права быть основательнѣе или истиннѣе другихъ историческихъ теорій, хочеть, кажется, доказать, что всѣ событія трехъ послѣднихъ вѣковъ суть неизбѣжныя слѣдствія реформаціи. Это было уже доказываемо Иезуитами. Конечно, Французскую революцію, Имперію Наполеона, Висскій Конгрессъ и ленту а-ла-Трокадеро, восходя съ причины на причину, можно вывести прямо изъ честолюбія Лютера: это будетъ очень хорошая теорія, но очень дурная человѣческая истина. Реформація сама была только неизбѣжное слѣдствіе, одинъ изъ естественныхъ феноменовъ нравственной силы, издревле поселенной и съ тѣхъ поръ всегда живущей въ западныхъ обществахъ, одинъ изъ взрывовъ той мины безпокойнаго, мечтательнаго, злокачественнаго ума, которую подпадаетъ подъ Западъ старая Греческая Философія. Доколѣ Западъ будетъ существовать, онъ все будетъ обнаруживать одинаковые судорожные припадки, причиняемые тайною хроническою болѣзнію, которой никогда въ немъ не истребишь, — развѣ вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Но это вопросъ слишкомъ отвлеченный и скучный.

— Обратимся скорѣе къ новѣйшимъ и болѣе забавнымъ явленіямъ этой нравственной силы, сообщающимъ такой разительный характеръ нынѣшней эпохѣ Исторіи Французскаго общества. Мать Сусанна, директориса журнала *La tribune des femmes*, по порученію отца Анфантена, издала сочиненія покойной сестры Клары Демаръ, съ своимъ предисловіемъ и объясненіями: это — *La loi d'avenir* и *Appel d'une femme au peuple*. Мать Сусанна и сестра Клара объявляютъ, что онѣ «скинули съ себя покрывало стыда,» чтобъ изъясниться удобопонятнѣе: да притомъ, безъ покрывала, гораздо легче возраждать общество, а онѣ и ихъ пріятельницы о томъ только и хлопочуть, вмѣстѣ съ Г. Мартеномъ. Во-первыхъ, сестра Клара сильно возстаетъ противъ варварскаго, феодальнаго учрежденія, обдзывающего женщину *быть альною и послушною своему мужу*. Она говоритъ откровенно, что это вещь невозможная. Во-вторыхъ, война, источникъ дракъ, кровопролитій и несчастій, — война пропасть, безпрерыв-

но поглощающая сыновей, братцевъ и смазливыхъ музеновъ,—война, которая исторгаетъ мужей и любовниковъ изъ самыхъ вѣжныхъ объятій, — чрезвычайно не правится прекраснымъ сочинительницамъ и издательницамъ. Она вызываются возродить родъ человѣческій посредствомъ женщинъ, если только родъ человѣческій согласится принять и исполнять уставъ, который онъ для него написали. Уставъ этотъ состоитъ изъ тридцати девяти параграфовъ:

«§ 1. Война, изобрѣтеніе раздора и кровожадности, отъпляется навсегда на всемъ лицѣ Земнаго Шара.»

«§ 2. На томъ же основаніи какъ война, отъпляется и супружество.»

Мы не считаемъ нужнымъ приводить дальнѣйшіе пункты положенія «женъ мстительницъ - спасительницъ,» которыя совѣтуютъ мужчинамъ полупокориться доброму волею, — не то «слово женщинъ спасительницъ явится *безпредельно отврагательнымъ*. «Гдѣ, въ какомъ народѣ разсуждаютъ такимъ образомъ вѣвъ рѣшетки дома сумасшедшихъ? Умственное состояніе Франція — явленіе необычайное, и вѣствъ ужасное.

Французская Академія каждый годъ празднуетъ торжественное собраніе, въ которомъ провозглашаются присужденныя ею преміи Монтионовскія за самыя полезныя для нравовъ сочиненія и за самыя блестящія подвиги добродѣтели, засвидѣтельствованныя надлежащимъ образомъ мѣстною полиціею. Шарлатанство господствуетъ теперь повсюду: театры набиваютъ свои афиши безконечнымъ спискомъ пьесъ, чтобъ заставить думать, что представленіе будетъ очень длинное; ученые общества, торжествующія свои засѣданія рѣчами, обѣщаютъ напротивъ оканчивать ихъ въ полчаса, — все чтобъ приманить побольше публики! Но и эта уловка уже не удается ученымъ обществамъ: публику столько разъ и такъ безбожно обманывали! Въ последнемъ публичномъ засѣданіи Французской Академіи почти ни кого не было, хотя въ продолженіе одного часа прочитали три рѣчи, наградили шесть нравоучительныхъ книгъ, и выдали деньги двѣнадцать добродѣлительнѣйшимъ особамъ. Нравоучительныя книги все были написаны въ Парижѣ; добродѣтели все пришли изъ провинціи.

— Самоубійство, особенно между литераторами, болѣе болѣе усиливается во Франціи. Никогда не являлось оно такъ страшно въ Парижѣ, какъ въ концѣ Іюля и въ началѣ Августа сего года: это была настоящая эпидемическая болѣзнь. «Врачебная Газета,» утверждала, что она даже заразительна. Въ теченіе двухъ недѣль насчитали въ Парижѣ двѣнадцать самоубійствъ: въ томъ числѣ, погибли два молодые поэта, огорченные невниманіемъ журналистовъ или публики къ первымъ ихъ опытамъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. «Филиппъ ванъ-Артефельде», драматическій Романъ въ стихахъ производитъ большое впечатлѣніе въ Лондонѣ: литературные журналы самыхъ противоположныхъ мнѣній согласны въ томъ, что это плодъ гения, и что въ Англійской Словесности давно уже не выходило подобной поэмы. Авторъ ея — Г. Тельръ (Taylor).

— Letters and Essays, въ стихахъ и прозѣ, приписываемые извѣстному Шарпу, и «Автобіографія» Сиръ Иджертоу-Бриджза, автора «Маріи Клиффордъ» и другихъ Романовъ, издателя множества собраній историческихъ актовъ и изслѣдованій, творца безчисленныхъ брошюръ и пасквилей, некогда одного изъ богатѣйшихъ и умнѣйшихъ людей въ Англіи, теперь бѣднаго и смирнаго старца, ищущаго разсѣять на Женевскихъ бульварахъ скуку и огорченія, испытавша въ бурной политической и литературной жизни, расшевелили Критику предметами, слишкомъ раздражительными для критиковъ. Г. Бриджзъ (Lord Chandos) страннымъ своимъ поведеніемъ и мнѣніемъ некогда возбуждалъ ненависть и любовь Лондонскихъ литераторовъ. Описание жизни такого человека, имъ самимъ начертанное, должно непременно быть умно, резко, крайне любопытно, но изданіемъ его въ свѣтъ авторъ не могъ не возжечь прежнихъ страстей: въ самомъ дѣлѣ почти всѣ журналы заговорили объ немъ съ пылкостью возобновленной дружбы или горечью старой вражды. Quarterly Review посвятилъ ему обширную статью, которую мы назвали бы превосходною, если бы она не была написана подѣ влияніемъ какой-то злобной личности. Однако въ будущей книжкѣ Б. для Ч.

мы, можетъ-быть, возвратимся къ этой статьѣ и къ нѣкоторымъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ автобіографіи Свръ Иджертона.

— «Аншѣ, Карская красавица», Моріера, приводитъ въ восхищеніе читателей и критиковъ. Дѣйствительно, это сочиненіе своею сильною, пылкою острою напоминаетъ лучшія мѣста «Хаджи-Бабы въ Лондонъ». Мы намѣрены сообщить еще одно прекрасное мѣсто изъ «Аншѣ».

— Путешествіе поручика Борнса во внутренность Азіи заслуживаетъ полное вниманіе просвѣщенной публики и всего ученаго свѣта. Эта книга чрезвычайно важна для Географіи, Этнографіи и Политики. Какъ предметъ легкаго чтенія, она также соединяетъ въ себѣ всѣ условія «полезнаго съ пріятнымъ». Мы представимъ въ нашемъ изданіи обширныя и весьма любопытныя изъ нея извлеченія. Любители страннаго ума Г-жи Троллопъ между тѣмъ наслаждаются въ Лондонѣ новымъ ея путешествіемъ въ Бельгію и Германію.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

Французскія.

- HISTOIRE** de France, par M. *Emile de Bonnechose*. 2 vol.
HISTOIRE de Paris, par M. *Touchard-la-Fosse*. 5 vol. avec 80 ou 144 gravures.
HISTOIRE des environs de Paris, par le même. 4 vol. avec 64 gravures.
TRAITÉ DE LA PROPRIÉTÉ, par *Charles Comte*, député. 2 vol.
ÉCONOMIE INDUSTRIELLE, par M. *Bergery*, professeur à l'école d'art, et aux cours industriels de Metz. 1 vol.
TABLEAU de la dégénération de la France, des moyens de sa grandeur et d'une réforme fondamentale dans la littérature, la philosophie, les lois et le gouvernement, par *A. M. Madrolle* 1 vol.
THÉORIE mathématique de la chaleur, par M. *Poison*. Nouvelle théorie de l'action capillaire, par le même. Traité de mécanique, par le même, édit. augmentée de 500 pages.
TRAITÉ élémentaire complet de Géographie astronomique, physique, politique et statistique par M. *Mac Carthy*. 1 vol.
MANUEL d'Actionologie et de Zoophytologie, avec un atlas de 100 planches, par M. *Ducrotay-Deblainville*. 1 vol.

T. V. — Огд. VII.

- TRAITÉ DES MALADIES** des organes de la voix, par M. Colombat de l'Isère, médecin. 1 vol.
- COURS** de Pathologie et de Thérapeutique générales, professés à la faculté de Paris, par J. V. Broussais. Années 1832 et 1833, 4 vol
- ATLAS** géographique, astronomique et historique, par M. Heck 62 cartes lithogr. par Engelmann.

- SCHILLER.** Traduction de M. de Barante. 10 vol.
- DICTIONNAIRE** général et grammaticale des dictionnaires français, par N. Landais. 2 vol.
- CHANTS POPULAIRES** des Serviens, traduits, sur le recueil de Wuk Stefanovitch, par Mine E. Voiart. 2 vol.
- LIONEL D'ARQUENAY.** roman, dar Jules le Fèvre, 2 vol.
- NEUF JOURS D'HYMEN,** ou la cour en 1610, roman historique, par l'auteur de *l'Aide-de-camp*. 2 vol.
- LE JUSTICIER DU ROI,** roman, par M. V. P. de la Madeleine. 2 vos.
- LE PROTÉE,** journal de mode, artistique et fashionable. 10 francs par an.
- HENRI FAVEL,** roman alsacien, par Louis Lavater 2 vol.
- CELUI QU'ON AIME,** roman par Auguste Ricard. 4 vol.
- LA FILLE D'UN OUVRIER,** roman de moeurs, par Eugène de Masy. 2 vol.
- CESAR BORGIA,** ou la Romagne en 1502, roman par Hippolyte Auger. 2 vol.
- CECILE,** roman, par M. Eugène Sue. 1 vol.

Английскія.

- UNIVERSAL HISTORY.** By A. F. Tytler, Lord Woodhouslee. Vols V and VI.
- THE NATURALIST'S LIBRARY.** By Sir William Jardine. 6 vols. already published.
- ILLUSTRATIONS** of the Botany and other branches of the Natural History of the Himalyan Mountains and of the Flora of Cashmere By J. F. Royle. Folio.
- THE TRAVELS OF MACARIUS,** patriarch of Antioch, written in Arabic by his attendant, Archdeacon Paul of Aleppo. Translated by F. C. Belfour. Oriental Committee.
- BELGIUM** and Western Germany in 1833, in cluding visits to Baden-Baden, Wiesbaden, Cassel, Hanover, the Hartz Mountainsetc. by Mrs Trollope. 2 vols.
- DISCOVERIES** in Asia Minor. By the Rev. V. T. Arundell. 2 vols.
- MEMOIR** of the Rev. Gordon Hall, on of the first Missionaries to Bombay. By Horatio Bardwell. New-York. 1 vol.

.

JUN 2 - 1937

